

В. ХЕНРИКСЕН

Святой Олав

Святой Олав

VERA HENRIKSEN

JAERTEGN 1962

HELGEKONGEN 1963

Святой Олав

ВЕРА ХЕНРИКСЕН

Знамение Святой конунг

МОСКВА
♦TERRA♦—♦TERRA♦
1997

УДК 82/89
ББК 84 (4 Нр)
С24

Редколлегия серии
Наталья Будур
Любовь Горлина
Сергей Кондратов
Ирина Шурыгина

Художник
Нонна Алешина

Перевод с норвежского
Ольги Дуровой
Бориса Злобина

Серия «Викинги»
подготовлена Издательским центром «ТЕРРА»
совместно с Центром скандинавской культуры «НОРД»

ISBN 5-300-01043-X

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

7

Знамение

перевод с норвежского
О. Дуровой и Б. Злобина

11

Святой конунг

перевод с норвежского
О. Дуровой

262

Карты

533

К ЧИТАТЕЛЮ

Конунг Олав, святой Олав, Олав сын Харальда...

Пусть не удивит читателя, что все это — один человек, король Норвегии, один из самых известных людей в истории Севера, прошедший путь от жестокого викинга до национального героя, канонизированного после смерти и превратившегося в святого, которого почитают не только в самой Скандинавии, но и в Европе. Изображение его есть в Риме и Иерусалиме...

Ему принадлежит честь христианизации языческой Норвегии и объединения ее в единое государство.

И именно он ввел в стране новые законы, принятые на тинге в Мостере в 1024 году и запрещающие жертвоприношения, идолопоклонничество и приготовление жертвенного конского мяса.

Именно он запретил «выносить» младенцев на съедение диким зверям. И именно он заставил людей жить по заветам Христа, хотя сам и не всегда придерживался их...

Удивительная жизнь Олава сына Харальда не раз привлекала внимание замечательных писателей, в том числе Сигрид Унсет и Бьёрнстjerne Бьёрнсона, лауреатов Нобелевской премии в области литературы.

В очередной том нашей серии вошли вторая и третья часть трилогии Веры Хенриксен о святом конунге...

Напоминаем, что первая часть вошла в состав тома под названием «Девы битв».

Счастливого плавания на викингских драккарах!

Знамение

Род в Трондхейме был неурожайным. День за днем над горами висели тяжелые серые тучи; день за днем лил дождь, день за днем воздух наполнялся изморосью. Холодная пронизывающая влажность вползала в дома, в лари в амбарах, проникала повсюду, сырой холодной плесенью впивалась не только в одежду, но и в кожу.

Сено в основном удалось заготовить; в период сенокоса выпало несколько хороших дней. Зерна же много погнило на корню, а высушить созревшее оказалось почти невозможным.

Настоящего голода не было: по старой привычке люди всегда припасали столько зерна, чтобы его хватило на три года. Но серое ненастье приводило всех в уныние.

Пять зим Олав Харальдссон сидел на норвежском троне, подобно своему предшественнику Олаву Трюгвассону, ревностно насаждая христианство.

Он разъезжал по стране; в церквях, воздвигнутых Олавом Трюгвассоном, молился о покаяниях, назначал своих священников во время этих поездок и заставлял возводить церкви там, где их не было. Для распространения нового учения он использовал и власть, и силу. Даже в Исландии и на островах Западного моря он заставлял людей почувствовать мощь и стремление к Белому Христу.

Этим летом он поплыл на север вдоль Халогаландского побережья и повсюду принуждал народ принимать крещение. Если кто-либо противился ему, он отнимал у того усадьбу и землю, пытал или убивал.

Для противников конунга настало трудное время, многие из них потеряли имущество или жизнь. В Уппланде он захватил в плен сразу четырех ярлов из рода Харольда Прекрасноволосого. Сначала они поддерживали его, но сейчас до Олава дошли слухи о том, что они решили выступить против. Одного из них, Ререка, он ослепил и возил с собой по стране; пусть народ видит, что будет с теми, кто идет против Олава Харальдссона.

Но для всех, кто склонил перед ним головы, наступили хорошие времена. В стране воцарился мир.

Даже со свейским конунгом он заключил мир, хотя Олав Шведский сильно был разгневан, когда его зятя, ярла Свейна, изгнали из страны. И мягче он не стал, когда Олав Харальдссон взял без согласия отца в королевы его дочь Астрид. Невероятно, что в тот раз дело не дошло до войны; в народе говорили, что королю повезло: ярл Свейн скончался из-за тяжелой болезни вскоре после отъезда из страны.

Народ начал считать, что, может быть, Белый Христос не плохой господин, ибо оказал содействие успеху короля.

Первые годы после восшествия на престол Олав не осмеливался посещать Внутренний Трондхейм.

Но после того как пришло сообщение о смерти ярла, многие жители Внутреннего Трондхейма начали приезжать в Нидарос. Другие же направляли ему послания, клянясь в верности.

Итак Олав въехал в Мэрин осенью второго года своего царствования. Там он предстал перед тингом, и его избрали конунгом всех фюльке*.

Но, несмотря на усилия короля, большинство людей после крещения стали христианами только называться.

Они, разумеется, перестали приносить жертвы в капищах, но рог для вина и забой скота посвящались богам асам, когда наступило время

* Область в Норвегии. (Здесь и далее примеч. редколлегии).

жертвоприношения. И хозяева крупных усадеб по своему обыкновению приезжали в Мэрин; на этот раз их приехало двенадцать.

Против новых обычаев выступали даже те, кто принял христианство еще во времена ярла Свейна.

В Стейнкьяре умер священник, а новый еще не пришел. И даже если небольшое количество прихожан и посещало церковь, то год за годом их становилось все меньше и меньше.

Когда Эльвир Грьеттардссон этой осенью вернулся домой в Эгга, настроение его было не очень радостным.

— Там снова, как и в былые времена, стали приносить жертвы, — рассказывал он Сигрид, когда они укладывались спать.

— Ты присутствовал при этом? — спросила она.

— Нет, — ответил он, — мало верю в это. Но они напуганы; их гонит страх.

— Думаю, они не совершают жертвоприношения открыто, страшась короля.

— Это зависит от того, чего они боятся больше всего в данный момент, Сигрид. В последние годы ужас перед королем превышал страх перед богами. А сейчас они уверены, что боги наслали на них неурожайный год, ибо крещенные этим летом были слепы. И сейчас, когда больше всего стали бояться богов, они приносят им жертвы.

— Я не знала, что в Мэрине снова появились статуи богов, — сказала Сигрид. — Мне казалось, король Олав всех их уничтожил, когда был там.

— Не знаю, чем они пользовались, но кое-что у них было. Могли из сундуков достать старое барахло, — Эльвир набросил свой пояс на крюк. — Кстати, — добавил он, — я слышал, что твой брат Турир стал ярлом Олава.

— Ты и ожидал этого, — сказала Сигрид. В душе ее снова открылась старая рана. Она не виделась с Туриром Собакой с тех пор, как он, рассорившись с Эльвиром, участвовал в сражении под Несьяром на стороне Олава.

— Да, — горько улыбнулся Эльвир, — иногда я сам удивлялся, не я ли сошел с ума. И я мог стать ярлом и другом короля, если бы немного легче гнулись мои колени и если бы умел я говорить не то, что думаю.

— Ты тогда заключил мир с Олавом, — заметила Сигрид. Эльвир снова улыбнулся.

— Только благодаря тому, что он хотел дружбы с крестьянами. Поэтому он и поверил клятвам в верности, с которыми я выступил в Мэрине. Тогда его стремление приобрести друзей было столь сильным, что он даже не старался с такой жестокостью внедрять христианство, с какой он обычно это делает.

— Поскольку даже Эрлинг Скъяльгссон поклялся королю в верности, — сказала Сигрид, — я не могу понять, почему ты упрямишься.

— Как сказал сам Эрлинг своим родичам, в разговоре с конунгом он заявил: «Я лучше буду служить королю, если буду делать это добровольно. И самое малое, что я ему обещал, я намерен выполнить».

Спустя некоторое время от короля пришло послание с требованием некоторым бондам прибыть в Нидарос. В послании было указано, что он намерен поговорить с ними, и Эльвир был одним из приглашенных.

С тяжелым сердцем Сигрид смотрела во след отплывавшему мужу. И когда она с детьми возвращалась домой, ее взял за руку Грьетгард.

Шедшая зима была двенадцатой в жизни Грьетгарда, и он в отсутствии отца чувствовал себя хозяином усадьбы. Он был очень похож на Эльвира — стройной со свойственной только ему кошачьей гибкостью. И глаза его были такими же улыбчивыми, как у Эльвира. Но волосы были светлее отцовских.

Турир был более крепкого сложения, чем старший брат, да и ростом превзошел его. Сигрид думала, что, если он и дольше будет так расти, то он станет очень похож на брата своей матери — Сигурда Турирссона.

Но Гудрун, их сестра, ни на кого из родни совершенно не походила. Выражение ее игривого лица было таким, что иногда она напоминала то одного из родичей, то другого. А маленький Тронд, с трудом шагавший рядом с ней, держась за ее руку, то и дело с обожанием поглядывая на нее.

Никто не мог никогда знать, на что способна старшая сестра. Ибо Гудрун, которая часто готова была задушить в материнских объятиях своего младшего брата, могла внезапно пресытиться им и даже

отказаться от него, несмотря на то, что сама попросила повозиться с ним. И когда такое случалось, она тащила его за руку к матери, не обращая внимания на его отчаянный рев, крича, что не понимает, почему должна таскаться с этим недоноском...

Сигрид пыталась улыбнуться Гудрун, которая шла рядом с ней. Но она понимала, какой вымученной получилась улыбка.

Когда же они пришли домой, место рядом с ней занял сын.

— Ты ничего не должна скрывать от меня, мама, — сказал он. — Я уже не мальчик и прекрасно понимаю отношения между отцом и королем Олавом. Ты можешь положиться на меня, если случится что-либо плохое.

Сигрид была вынуждена снова улыбнуться: он был полон собственного достоинства и совершенно серьезен.

Двенадцать зим, подумала она: в возрасте двенадцати зим ее брат Турир подвергался опасности быть сожженным в доме. Сигурду было тогда четырнадцать, а ей три, как сейчас Тронду.

Но в серьезных глазах мальчика была мужская решительность.

Прошло несколько бесконечных дней, и облегчение было огромным, когда все, кого потребовал король, вернулись домой.

— Чего хотел правитель? — спросила Сигрид, когда она и Эльвир остались наедине.

— Поговорить о жертвоприношении этой зимой, — ответил Эльвир. — Как и ожидалось, слух об этом дошел до ушей короля. Сообщил об этом королю Торальде, управляющий королевской усадьбой Хауге, в Вердалене, недалеко от Мэрина.

Торальде зол на то, что люди особо не хотят иметь с ним дела, — продолжал Эльвир. — А что ему еще ожидать? Он рожден для рабства и даже, если сейчас он владелец земли и управляющий Хауге, это не ставит его вровень с тамошними богатыми бондами. Это он прекрасно понимает.

— Король был зол?

— Особо не радовался.

— Ты говорил с ним от имени бондов?

— Да.

— Можешь рассказать все сам, не заставляя меня вытягивать из тебя слово за словом?

— Олав прослышал, что в Мэрине зимой приносили жертвы богам, — сказал Эльвир. — Я ответил, что было устроено угощение для родичей и друзей, как обычно в это время, и что я не присутствовал при каком-либо жертвоприношении. И еще я сказал, что не могу отвечать за то, что говорят пьяные люди после осушения рога с медом, а те, у кого в голове есть немного мозгов, умеют держать язык за зубами.

Эльвир улыбнулся.

— Можешь поверить, им это не очень понравилось, тем, кто громче всех кричал за столом, — добавил он. — Они рассвиrepели, как зубры на дороге домой, но сказать ничего не могли. Думали, что я спас их шкуры, и вынуждены были проглотить это оскорбление.

По мере того как ночи становились длиннее, бандов охватывал парализующий страх. Люди стали говорить тихо, и только самые мужественные осмеливались выходить наружу после наступления темноты.

Люди шепотом передавали друг другу, что произошло много удивительного. Спокойствие было утрачено. Чудовища, что до сих пор скрывались в горах — горные духи и тролли, — покинули пещеры и явились людям.

А началось все с прихода в эти места пророчицы*, которая обычно жила на западе от Рунгстадтванна.

— Не могла больше находиться там, — сказала она, — ибо по горам и холмам разносится дикий хохот и подземные жители выходят наружу даже днем.

Потом разнесся слух: в Бардале появилось привидение. Один мужчина, проходя в сумерках мимо пустых домов, принадлежавших ярлу Свейну, клялся, что видел ярла, стоящего во дворе в полном боевом вооружении.

А однажды в лунную ночь в дом пришли две перепуганные до смерти девушки из Хегги. Они видели, как один из холмов разверзся и там в лодке, уставившись пустыми глазницами на луну, сидел тролль.

И тут случилось так, словно все потусторонние силы вышли на свободу; в каждом доме люди шептались о привидениях и троллях.

* Предсказательница в норвежских мифах.

Крещенные вешали кресты на отверстиях для выхода дыма, вырезали их над дверями изнутри и снаружи. Выдалбливали руны, пели заклинания в Лунде, где поселилась пророчица.

Она ходила из одного дома в другой, читала заклинания, произносила магические слова, изгоняя злых духов. Ее приглашали к себе и крещенные люди, не доверяя своим крестам.

Приближалось время зимнего солнцестояния. Ночи, отнимая у дня светлое время, становились длиннее и темнее, и это еще более ухудшало дело.

«Недалеко и до Рагнарок*», — шептались люди.

Были ли прошлые зимы более суровыми, чем обычно? Их называли тяжелыми, и считалось, что они являются знаменем Рагнарока. Да и лето нынче не было похоже на предыдущие, да и зима странная: шел дождь, хотя полагалось бы сыпать снегу...

Время топора и меча должно предшествовать концу света. Разве народ на протяжении более ста лет не участвовал в походах викингов и не рубил головы?

Не отворачиваются ли нынче боги от людей, не падают ли они ниц перед королем Олавом и его христианством? Не пойдет ли брат на брата и не наступит ли время ветров и волков, как предсказывали старики?

Этга была единственной усадьбой, где день следовал за днем и люди не поддавались страху.

«Суровая зима», — бурчал Эльвир. Если когда-нибудь и придет такая, то не будет и лета. И продолжал ворчать довольно сухо; о многих событиях, нагоняющих страх, прежде всего узнавали в Лунде, где сейчас поселилась пророчица.

Сигрид же обратила внимание на то, что люди предпочитали с наступлением темноты не выходить на двор, что у большинства глаза стали бегать от страха. Если быть совсем честной, то она и сама побаивалась выходить из дома по вечерам. И даже Эльвир попросил, чтобы на дверях были вырезаны руны.

Однажды в субботу перед самым зимним солнцестоянием в дом без приглашения пришла пророчица. Одета в лохмотья, с длинны-

* Гибель богов, конец света. (Здесь и далее прим.редколлегии)

ми седыми свисающими клоками волос и каким-то странным взглядом.

Сигрид раньше не встречалась с ней, однако ей было известно, что многие обращались к пророчице, прося предсказать будущее и защитить от опасностей и болезней. Поговаривали, что кое-кто посещал ее с целью приобрести любовный напиток или наложения заклятия против врагов своих.

Но в последнее время, после прихода Олава Харальдссона к власти, тропинкой к ее хижине люди стали пользоваться реже.

Когда она вошла в дом, комнату заполнил тошнотворный запах. Сигрид тут же подумала о необходимости пойти потом в баню. Но тут же зажала рот ладонью, испугавшись мысли, что может сказать нечто подобное и оскорбить женщину, наделенную магическими силами.

Эльвир приветствовал ее несколько многословнее, чем того требовала вежливость, и пророчицу проводили на почетное место. Там она уселась, опершись руками на свою клюку. Пронизывающие насквозь глаза скользили по присутствующим, переходя с одного человека на другого. Взгляд задерживался на некоторое время на каждом, но ни одного слова не было произнесено.

Сигрид вздрогнула, когда очередь дошла до нее. Во взгляде было что-то пронзительное, словно это ужасная ведьма читала ее сокровенные мысли.

Наконец она заговорила. Грубым и невнятным голосом. Слова вылетали изо рта медленно и угрожающе, а взгляд сверлил присутствующих.

— Боги возмущены, — заявила она. — Сам Один ходит по окрестностям. Из дома в дом, чтобы наказать тех, кто отвернулся от истинной веры.

Она заговорила громче:

— В последние раз он посетил Бю, этот одноглазый бог, одетый в черный плащ, похожий на безлунную ночь. Хозяйка в Бю приняла крещение, и он направил свой беспощадный палец на нее. Спустя три дня она лежала холодной! — Последнее слово она произнесла резко.

У многих людей, находившихся в доме, по спине поползли мурашки. То, что хозяйка хутора Бю недавно скончалась, знали все. Но лицо Эльвира, сидевшего, подперев подбородок рукой, и смотревшего на нее, совершенно не изменилось.

Она тут же повернулась к нему и костлявым пальцем указала на него:

— Ты, — крикнула пророчица. — Ты, раньше приносивший богам богатые жертвы, изменил им.

Тогда со скамейки поднялась мать Эльвира Тора и, осенив себя крестом, произнесла:

— Во имя Иисуса Христа.

Колдунья вскочила, полная злобы. На нее посыпались проклятия, пока она, сверля глазами Тору, шла к двери. Эльвир даже не остановил ее.

Но только она вышла из дома, с улицы послышался крик, заставивший всех вскочить со своих мест. И прежде чем кто-нибудь из них успел выбежать во двор, узнать, что случилось, в дом, пошатываясь, вбежала Гюда дочь Халльдора, за которой ввалилась одна из служанок. Зубы во рту Гюды так стучали, что она не могла произнести ни слова.

— Ей что-то привиделось, — сказала служанка, она была не очень испугана.

Сигрид попыталась успокоить Гюду, но прошло много времени, прежде чем та пришла в себя и смогла рассказать, что случилось.

Они выходили из кухни, сообщила служанка, когда колдунья пересекала двор.

Рассказ продолжила Гюда:

— Она уставилась на меня, затем подошла, схватила за руку и пальцем своим показала в сторону.

«Смотри, — сказала она. — Видишь, он идет там!»

Я взглянула в направлении ее пальца и увидела его. Был он старым, согбенным и опирался на посох. На лице был шрам, словно его поцарапал медведь. И внезапно он исчез на моих глазах.

Гюде снова стало плохо, и она зарыдала.

— Ты тоже видела? — спросил Эльвир, обратившись к служанке.

— Нет, — ответила та. — Но я слышала, что говорила пророчица о нем, когда он пришел.

Тора побледнела.

— Это был Тронд Хака, — воскликнула она, — мой дед.

Беспредельное чувство ужаса охватило всех.

А Тора снова осенила себя крестом.

— Сатана хочет подвергнуть нас испытанию, — сказала она. — И те, кто умер, не замолив своих грехов, по его приказу должны встать из могил.

Ее спокойствие произвело впечатление. Но его было недостаточно, чтобы перебороть темноту и неуверенность, которые подобно туману легли на усадьбу.

Несмотря на грозные предсказания и знамения, пришло и прошло время солнцестояния, а волк Фенрир не поглотил Солнца. И Луна восходила на небесах каждую ночь, а волк не смог ничего ей сделать, только однажды оставил на ней след своих зубов.

Но как только люди узнали о том, что в долину пришла болезнь, колдунья стала говорить, что это месть богов. И такого безграничного страха и ужаса, распространившихся по окрестностям, не было на памяти людей.

После Рождества наступило время, когда Эльвир вместе с другими бондами собрались в Мэринe.

Сигрид было страшно.

Если они станут приносить жертвы, то как поступит король, узнав об этом? Но ее грыз и другой страх, крепко засевший в ней: она вспомнила устрашающие изображения богов и, несмотря на все, что говорили Эльвир и священник Энунд, думала: а может быть, вдруг...

Эльвир вернулся из Мэрина раньше, чем она ожидала.

Да, ответил он, когда Сигрид спросила его о жертвоприношениях.

И она сама не понимала, ужаснуло ли это или облегчило ее душу.

— Я советовал им отказаться от этого, — добавил он. — Если король проведает, то никакой милости им ожидать не следует. И когда никто не пожелал слушать меня, я уехал домой.

Прошло немного времени, и от короля пришло послание, в котором он выразил желание поговорить с бондами.

Эльвир сказал: пусть едут те, кто приносил жертву. Ему с королем разговаривать не о чем.

Но они приехали в Этга, один за другим, и, наконец, собрались здесь, все, кто совершал жертвоприношение. Приехал Бьёрн из Саурсхауга, Хакон из Олвесхауга, Орм из Хустада и Блотульв из Гьёвра-на; люди с севера и из усадеб по другую сторону фьорда. И все

упрашивали Эльвира поехать к конунгу и поговорить от их имени. Они утверждали, что он лучше всех умеет говорить. И кроме того поездка для него будет безопасной, поскольку сам он не принимал участия в жертвоприношении.

Эльвир сдался и поплыл в Нидарос.

Настроение у него было мрачное, когда он вернулся домой к бондам, собравшимся, чтобы узнать, как прошла поездка, он ответил коротко и твердо:

— Олав сказал, что знает о жертвоприношении и не помилует никого.

Но в конце беседы он сдался. Однако Эльвир вынужден был поклясться своей жизнью, что больше жертвоприношений в Мэринe не будет.

— Мне кажется, — сказал Эльвир, — нам больше не следует собираться в Мэринe, пока все не утихнет.

— И это говоришь ты! — сказал Бьёрн из Саурсхауга. — Весной твоя очередь совершать жертвоприношение.

Почти все рассмеялись, больше от облегчения, что их снова миновал гнев короля. Серьезным оставался только Эльвир.

— Я не намерен отказывать в гостеприимстве своим друзьям, — сказал он, — тем, кто, не жалея, делится со мной едой и медом. Но если я буду устраивать пир, то должен попросить вас заранее дать клятву, что жертвоприношения не будет.

Бонды обещали.

Они были едины в том, что должны снова собраться вместе в Мэринe, так как место расположено удобно и дома в нем большие. Но они должны приехать туда до времени жертвоприношения, чтобы избежать подозрений конунга.

Эльвир рассказал и о том, что у конунга есть в их округе свой человек, который действует в собственных интересах.

Никто не упомянул имени управляющего Торальде, но все подумали о нем. Первым заговорил Хакон из Олвесхауга:

— Нам следует рассказать всем в округе, что мы знаем о человеке короля, — сказал он. — Тогда тот, кто это делает, поумнеет и в следующий раз поостережется.

Совет всем понравился.

— Мне в тот раз после сражения под Несьяром не следовало бы говорить Туриру о лживых клятвах, — сказал Эльвир, обращаясь к Сигриду. — Сейчас я и сам дал лживую клятву королю.

Голос его звучал устало. И, когда Сигрид попросила рассказать о всем подробнее, он отвечать не захотел; сменил тему.

— Во дворце встретил твоего старого друга Сигвата. Он сидел на почетном месте рядом с королем и прочел величальную в честь хозяина вечера.

— Каковы его стихи? — спросила Сигрид.

— Полагаю, они были лучше прежних. Или, может быть, я переоценил их.

Рот его растянулся, в подобие улыбки.

Эти стихи он написал, когда ездил в Свейское государство сватать невесту для Олава. Они по-настоящему хороши, за исключением строчек, посвященных мне. Они мне понравились меньше.

Сигрид обуюло любопытство.

— Никто не захотел выехать навстречу Сигвату Скальду и его спутникам, — рассказал Эльвир, — и путешествие оказалось тяжелым. Вскоре после того, как они отправились в путь, все натерли мозоли на обеих ногах, рассказывал мне Сигват. Что же касается вис обо мне, то вот они:

*Нас вашей прогнали,
Косо глядя, тезки.
Вели не похвально
Себя колья стали.*

*Всяк, боюсь, кто носит
Имя Эльвир, скальда
Впередь, не глядя на ночь,
Погонит с порога.**

Сигрид рассмеялась.

* Перевод О. Смирницкой: *Снорри Стурлусон. Круг Земной* (М.: Наука, 1980, с. 231).

— Он потом отыскал меня, — сказал Эльвир, — и спросил, как мне понравились его висы*. Я ответил, что не подобает мне оценивать песни, посвященные королю.

Ему ответ не особенно понравился. И он спросил, жива ли еще моя прекрасная жена и многие ли из исландских скальдов побывали в Эгга...

Я посоветовал ему поехать домой в Апатн и испробовать рыбы головы. Он рассмеялся и спросил о Хьяртане. Я рассказал, что он у нас чувствует себя хорошо. А потом он сказал, что если мне потребуется помощь человека, пользующего доверием короля, он готов замолвить за меня словечко.

Я поблагодарил его, и мы, пожав друг другу руки, разошлись. Он не сильно изменился с тех пор, когда я видел его в последний раз. Уходя, он повернул голову и буркнул: «Впрочем, я вовсе не уверен, что тех троих свеес звали Эльвир...»

* Один из видов скальдической поэзии.

Над холмами на юго-западе начал пробиваться свет дня, яркий, но холодный. Голые лиственные деревья протянули дрожащие ветви к солнцу, а ели тряслись на ветру и плотнее кутались в зеленые мантии.

Сигрид тоже дрожала, торопливо перебегая двор усадьбы Эгга. Она быстро закрыла дверь поварни за собой, подошла к очагу и стала греть у огня руки.

Рагнхильд встала со скамьи, на которой сидела, занимаясь шитьем, и подошла к ней.

— Думаю, будет разумно аккуратнее расходовать сыр, — сказала она, — боюсь, его нынче надолго не хватит.

Рагнхильд следила в усадьбе за припасами.

— Я и сама подумала об этом, когда вчера зашла в кладовую, — согласилась Сигрид. Она вытащила шитье и уселась на скамью работать. Но сегодня у нее все не ладилось. Каждый раз, когда нитка завязывалась узлом, она все больше злилась.

Ей потребовалось слишком много времени, чтобы проложить один-единственный короткий шов. И когда она разгладила его, то с грохотом бросила на стол половину стеклянного шарика, которым пользовалась при шитье.

Тора оторвала глаза от работы и с упреком взглянула на нее.

— Терпеливость, Сигрид, одна из добродетелей, как учил нас Христос, когда обитал на земле.

Сигрид снова стала шить и ничего ей не ответила. Но ей показалось, что вера свекрови год от года делала ее все более невыносимой. У Торы вошло в привычку давать небольшие добрые советы; часто она пыталась таким образом повлиять на плохое настроение Сигрид, но она и не подозревала, что лишь подливает масла в огонь. И Сигрид думала, что уравновешенность и спокойствие Торы только еще больше раздражали ее.

Однако сомневаться в том, что христианство изменило жизнь Торы и наполнило ее смыслом, было невозможно. Сигрид вспомнила, как Тору крестили и она училась снова ходить, как она хотела остаток дней своих просидеть в кресле, если бы не страх перед богом. Им удалось добиться того, что она призналась, что считала людей за дураков. Это случилось в те времена, когда священник Энунд поселился в Стейнкьере и Сигрид сама чуть не приняла крещение.

Сейчас она не знала, какой веры придерживаться. Обряда крещения она не совершила, заговорам и заклинаниям не подвергалась. Но когда ей требовалась помощь, она обращалась и к Богу, и к асам, и к валькириями; крестилась, если грозила опасность.

Первое время после сражения под Несьяром она собиралась принять крещение и даже советовалась с Эльвиром. Но он отговорил ее, сказав, что спешить нечего. Сначала потому, что ему не нравился священник, которого Энунд прислал в Стейнкьер из страны свеев. А потом, после его смерти, ей не хотелось иметь дела со священниками Олава, которые слишком спешили насаждать христианство. В последние годы они об этом не говорили, хотя Эльвир и придерживался данного им обета: никогда больше не приносить жертв.

Сигрид смяла шитье; дым от очага пошел вниз, и глаза слезились. Она отклонилась назад и стала прислушиваться к голосам.

Из угла слышен был скрипучий голос Хьяртана; он показывал Грьетгарду, как вяжут рыболовные сети. Дружба между этими двумя была крепкой; Сигрид даже удивлялась, что за радость их мальчик может получать от разговоров с лгуном. В то время как большинство жителей усадьбы смеялись над Хьяртан и его выдумками, Грьетгард обращался с ним, как с равным. Хьяртан же отвечал Грьетгарду преданностью и за мальчика, постоянно жалующегося на боли в спине, готов был пойти в огонь и в воду.

Сигрид услышала, как Рагнхильд сказала одной из служанок:

— В усадьбе Хегги заболел младший мальчик.

И Сигрид вспомнила о том, что выбило ее из колеи с самого утра. Она слышала, что один из сыновей Колбейна тоже заболел.

Ходили слухи, что во Внутреннем Трэнделаге сразу после рождественских праздников начался мор и вскоре пришел сюда из Инндалена. И по мере того как тяжелые заболевания переходили из дома в дом, слухи становились еще страшнее. Люди говорили, что прежде

всего заболевают дети. Сначала появляются боли в горле, а затем приходит смерть.

Едва утих страх перед солнцестоянием, стал расплзаться ужас перед этим удушающим недугом. Через месяц после Рождества стало известно, что умер один из малышей в усадьбе Лейн, расположенной на противоположном берегу фьорда Стейнкьер, потом заболел ребенок в усадьбе Лед, затем болезнь стала наносить удар за ударом.

Сигрид не осмеливалась смотреть правде в глаза, когда все это происходило вокруг на далеком расстоянии.

Ходили слухи о жертвоприношении, о прорицательнице и ее делах. По углам шептались, что в Лемсене один из крестьян принес в жертву богам двух рабов, чтобы спасти жизнь своему единственному сыну.

До сих пор, пока в соседних усадьбах никто не заболел, Сигрид о болезни и разговаривать не хотела. И даже сегодня, услышав, что недуг посетил Хеггин, она попыталась отогнать от себя эту мысль.

Первой в Эгга заболела Гудрун дочь Эльвира. В один из дней она, как обычно, весело играла, достав какие-то старые платья и одевая их. Она передразнивала одну женщину — соседку, и так копировала ее поведение и голос, что Эльвир согнулся в три погибели от смеха. Но после обеда Гудрун начала жаловаться на боли в горле, а на следующий день слегла. У нее был жар.

Эльвир сидел около довери. Она попросила рассказать ей что-нибудь, лежала и, раскрыв широко глаза, слушала его рассказ о боге Торе и о том, как он ходил на рыбную ловлю. После этого Эльвир стал рассказывать о лесных зверях и о том, как они разговаривают друг с другом. Но теперь ей хотелось послушать что-нибудь из того, что происходит сейчас.

И Эльвир рассказал ей о своем походе в Миклагард* через Гардарики**; о том, как ладьи на веслах подымались вверх по огромным рекам и как их перетаскивали по суше волоком на большие расстояния. Затем

* Название Византии у древних скандинавов.

** Название Руси у древних скандинавов.

они спускались к морю по другим рекам, где ставили паруса и приплыли под ними в большой город. Он рассказал о том, какой туман лежал над проливом и городом, когда он первый раз пришел в гавань; было раннее утро, туман медленно расходился и красивые здания и дворцы появлялись перед глазами словно мираж, а огромная церковь возвышалась, будто каменная скала, над морем тумана.

Глаза у Гудрун заблестели, щеки покраснели.

— Расскажи еще, — попросила она.

И Эльвир рассказал сказку, услышанную им в Кордове, о мальчике, которого звали Али Баба, обманувшем сорок разбойников.

Но Гудрун становилось все хуже, и она уже не слушала ни сказок, ни рассказов о путешествиях. Кашляла, говорила с трудом и стремилась очистить свое горло от того, что там застряло.

Вскоре после Гудрун слег маленький Тронд. И с этого момента Сигрид потеряла счет дням и ночам.

Домашние уговаривали ее отдохнуть, говорили, что они будут бодрствовать вместо нее, и иногда случалось, что она на короткое время ложилась подремать. Но вскоре вскакивала под впечатлением дурного сна, ибо страх не давал ей покоя. Он был словно кошмар, душивший ее своими огромными косматыми руками.

На четвертый день Гудрун стало так плохо, что она почти не могла дышать. Лицо у нее посинело. Она прилагала все усилия, борясь с болезнью, но горло сжимала ужасная рука болезни и все ее маленькое тело дрожало и тряслось, пока она хватала ртом воздух. Слезы застилали глаза, ей хотелось кричать, но слышен был только слабый жалкий звук.

Они испробовали все средства.

Носили ее вокруг очага, на улице закапывали в смерзшийся торф, вырезали руны, Тора осеняла ее крестом и призывала всех святых, о которых слышала. А когда Сигрид спросила, не принести ли им жертву богам, Эльвир, не говоря ни слова, пожертвовал своей лучшей лошадью. Наконец он даже послал за пророчицей.

Она не проявила особой благосклонности, но все же пришла, злорадствуя, и произнесла заклинания в защиту от ведьм и других злых духов. Но и это не помогло.

Они встали на колени перед кроватью. Эльвир и Сигрид. Эльвир приподнял Гудрун и держал так, стараясь по возможности облегчить

ее страдания, а она тяжело дышала и хватала ртом воздух. Тора была в чулане, где стояла тишина; слышны были только хрипящие звуки борющейся за жизнь Гудрун.

Сигрид вздрогнула, когда Эльвир чужим голосом произнес:

— Мать, принеси мне ковш воды!

Она вынуждена была обернуться и посмотреть на него, когда Тора протянула ему ковш с водой из ушата, стоявшего в комнате. Лицо его было торжественно серьезным.

— Гудрун, — начал он. Но слова, которые он произнес дальше были сказаны на языке, непонятном для Сигрид, при этом он лил воду из ковша на дочь. И, возвратив ковш матери, осенил девочку крестным знамением.

Спустя немного времени после этого обряда Гудрун дочь Эльвира обрела вечный покой. Личико ее, на котором непримиримая обида быстро могла сменяться сияющей радостью, никогда больше не изменит выражения.

Скорбь посетила их не единожды, ибо Тронду становилось все хуже и хуже.

Через день и он отмучился.

Перед тем, как ему умереть, Эльвир также окропил его водой и рассказал, что значат произносимые им слова:

— Я крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Тронд очень мучился. Сигрид стояла, смотрела на маленькое существо, лежавшее неподвижно, и думала, что никогда не забудет вида маленьких ручонков, которые двигались в беспомощном отчаянии.

Три раза обнесли они маленькие тела вокруг очага, прежде чем вынести из дома. В стене вырезали отверстие; трупы вынесли через него, и отверстия тут же заделали. Это делалось для того, чтобы мертвые не нашли обратного пути, не мучили живых и не утаскивали их с собой в могилу.

Похоронили детей в Стейнкьере; Эльвир добился, чтобы их могилы были в освященной земле в церкви.

Когда все закончилось, Сигрид почувствовала себя столь усталой, что не могла даже думать; она погрузилась в глубокий сон. И никто не сказал ей, что заболел и Грэтгард.

Однако в полночь ее все же были вынуждены разбудить.

Он лежал на кухне, и Сигрид поспешила туда.

Эльвир уже был там, а Хьяртан, о котором мальчик спрашивал все время, сидел около кровати и рассказывал о троллях, живущих в Исландии.

Но по мере того как продолжался рассказ Хьяртана, мальчику становилось все хуже, и он едва ли слушал, о чем говорил старик, а лишь хватал воздух ртом. Сигрид так крепко сжала руки, что почувствовала, как ногти впились в ладонь.

В этот момент Хьяртан встал. Бросился вперед и приник ртом ко рту мальчика.

Эльвир тоже поднялся, не зная, что делать. Все случилось так быстро, что никто не успел по-настоящему осознать, что же произошло.

В этот момент Хьяртан снова встал, харкнул и выплюнул изо рта на пол что-то отвратительное и белесое. Мальчик же лег и начал дышать свободно, словно произошло чудо.

Сигрид никогда не думала, что сможет броситься на шею Хьяртану, но сейчас повисла на нем. Эльвир также подошел к нему и, не говоря ни слова, протянул Хьяртану руку.

Они потом расспрашивали его, как ему в голову пришла такая мысль. Но Хьяртан, обычно весьма говорливый, был на этот раз молчалив.

Он уставился в пол, чувствовал себя неловко и бормотал, что не знает, почему так поступил. Но, когда они снова спросили его, то наконец вытянули из него правду.

Когда он был в Ирландии, то там в то время умерло много людей от этой болезни. Он сам болел, но выжил. Там он видел, как одна мать спасла своего ребенка. У него это совершенно выскочило из памяти, но, когда он увидел, как Грэтгард хватает ртом воздух, то внезапно вспомнил.

После этого случая Грэтгард стал постепенно выздоравливать.

Но многие в усадьбе скончались: младший сын Гуторма Харальдссона и Рагнхильд. Он был младше Тронда на год. Одна из дочерей Гюды Халльдорсдаттер и еще несколько человек.

Постепенно болезнь стала отступать.

Сигрид казалось, что из-за общего горя, любовь между ней и Эльвиром обрела еще большую сердечность и теплоту. Случилось так, что она научила Эльвира чувствовать по-новому.

И когда она неожиданно спрашивала: «Где Тронд?» — и встречала взгляд мужа, то чувствовала, что он ее понимает. И когда приказывала продолжать ткать полотно для приданного Гудрун, тоже видела, что ему понятны ее чувства.

И когда она плакала, уткнувшись в его плечо, он давал ей выплакаться, не говоря ненужных слов, давая понять, то любит ее.

Но свою собственную скорбь он безмолвно носил в себе. И все же она видела, что он постоянно думает о чем-то и часто уходит в Стейнкьер один.

Однажды она последовала за ним. Время шло к весне. Солнце все выше и выше поднималось на небе, на дорогах появилась грязь. Оставалось всего несколько дней до пира в Мэрин, и, пока Сигрид шла, обходя лужи, она думала о том, как все сделать лучше. Гюда из Гьёврана предложила свою помощь, поэтому Торе незачем приезжать в Мэрин до того, как все будет готово. Гуторм и Гунхильд должны остаться дома в Эгга.

Сигрид нашла Эльвира в церкви. Дверь заскрипела, он вскочил и пошел ей навстречу, стараясь скрыть, что плакал. Однако это ему не удалось.

На мгновение Сигрид показалось, что перед ней разверзлась бездна. Она не знала, что и думать. Может быть, он обладал сверхчеловеческой силой, что она могла приникать к нему, поверять ему свою скорбь, забывая о том, что ему самому тоже нужна поддержка.

Она положила руки ему на шею и притянула к себе. Почувствовала на языке соленый вкус, когда поцеловала, осушая слезы на его лице.

Около двери стояла скамья, и он отвел Сигрид к ней; посадил, сел рядом и крепко обнял. Мгновение он сидел молча, словно приходя в себя, и, когда наконец заговорил, она к своему удивлению увидела улыбку на его лице.

— В чужих землях говорят, что викинги не плачут ни по мертвым, ни по своим грехам, — сказал он. — Если это правда, то я плохой викинг.

Она тоже улыбнулась, но промолчала.

— Моя вина, что дети умерли, — произнес он.

Она с ужасом взглянула на него.

— Ты с ума сошел. Как ты мог такое подумать!

Он покачал головой.

— Это должно было случиться, ибо я был упрям. Если бы я смог сдаться в тот последний раз, когда разговаривал с Энундом, может быть, все было бы иначе.

— Что стало причиной твоего разрыва с Энундом? — спросила Сигрид.

Эльвир почти ничего не рассказывал ей о последней беседе со священником.

— То, что я ел жертвенное мясо, — ответил он. — Энунд считает, что отвратительно есть то, что принесено в жертву богам, а я с этим не согласился. Но потом понял, что он прав. Я тогда не верил, что уда и мед, предназначенные богам, пойдут мне во вред. Но все, присутствовавшие в Ховнесе, приняли это всерьез. И они обратили внимание на то, что я делал после происшествия в церкви. Сейчас я вспоминаю, чему научился в Миклагарде; поступок, когда он даже не плох сам по себе, может быть грехом, если уводит других от всемогущего Бога.

Сейчас, когда Эльвир не скрывал своих чувств, на лице его появилось выражение опустошенности.

— Мне следовало бы в тот раз прислушаться к словам Энунда, когда он сказал, что я согрешил. Даже если он сам не мог объяснить мне моего греха, то говорил он все равно от имени церкви. А законы церкви сформулированы людьми гораздо умнее Энунда. Мне следовало бы раньше подумать об этом и прислушаться к словам Энунда.

Он замолчал, а Сигрид обвела взглядом пустую церковь. Земляной пол был твердым и холодным. Трудно было копать эту землю людям, что рыли могилы для Гудрун и Тронда.

А скромный алтарь не был прикрыт холстиной, на нем не горели свечи. Виден был лишь небольшой крест.

Эльвир последовал за ее взглядом.

— Я чувствую, что могу здесь собраться с мыслями, — сказал он. — Все, о чем я слышал в Миклагарде, вновь возвращается ко мне и сливается с тем, что говорил Энунд. И я лучше понимаю что дети

должны были умереть, ибо понимаю, что Энунд был прав, когда однажды сказал тебе: «Бог, пока я не научусь подчиняться Его воле, может испытывать меня».

Эльвир повернулся к ней:

— Я понимаю это, Сигрид, и благодарю Господа за то, что Он спас меня от греха и позволил крестить детей. Но думаю, я никогда не смогу простить себе за то, что это горе я причинил и тебе.

— Это не твоя вина, — возразил Сигрид. — Это Судьба.

— Всемогущий Бог сильнее Судьбы.

Она вынуждена была согласиться с тем, что кто-то бывает сильнее судьбы.

— Когда мы приедем домой из Мэрина, я двинусь в Швецию на поиски священника, который согласился бы приехать сюда.

— А не лучше ли съездить в Нидорос и привезти оттуда какого-нибудь священника?

— Мне не нравится Олав. — В голосе Эльвира слышалась обычная насмешка. — И еще меньше мне нравится тот способ, каким он вводит христианство.

Он замолчал и стал серьезным.

— Я размышлял о том, что чувствовал, когда крестил детей, — сказал он. — Я не мог позволить умереть им язычниками. И думал, что, может быть, король Олав испытывает такие же чувства, когда заставляет народ принимать крещение. Не думаю, что он поступает правильно, ибо взрослый человек в наше время не может с испугу или по принуждению по-настоящему уверовать в Христа; конунгу это следовало бы понять. И часто это выглядит так, словно он заботится больше о собственной власти, чем о христианстве. Но все это не так просто.

Он снова замолчал.

— Помнишь, мы как-то говорили с тобой о агапе, — спросил он.

Сигрид хорошо помнила ту ночь; его рассказ о любви, которая не требует ответа, был для нее весьма странен.

— Я начал думать, что найду в ней ответ на все вопросы, — сказал он и продолжал: — Рассказывают, что святой Иоанн, когда стал настолько стар, что в церковь его вынуждены были вносить на руках, простирал длань к пастве и говорил: «Дети мои, да возлюбите друг друга, иного вам не надобно». Я не могу утверждать, что мне

понятно это сейчас или что я когда-нибудь приду к полному пониманию. Но тогда у меня появилось чувство, что я это понял, и мне показалось, что за этим стоит Бог. — Он снова на секунду замолчал. — Я думал о смерти Христа во имя людей. И в то же время пытался сравнить Его с Одним, когда тот, пронзенный копьем, висел на ясене Иггдарасиль, жертвуя собой в стремлении получить в дар руны мудрости для богов и людей. Я не знаю, откуда пришли к нам эти знания, но удивляюсь, сколь хорошо люди, создавшие Эдду, знали христианство. Ибо Христос пожертвовал собой во имя людей.

Я говорил тебе, что не мог понять, почему христианство создало заповеди и каноны, следовать которым обычный человек почти не может, но в то же время избавило его от приношения людей в жертву богам.

Сейчас я это понимаю, Сигрид. Ибо, если заповеди были бы легко исполнимыми, они не исходили бы от того Бога, который всей своей жизнью показал, что значит чистота и истина. Распятие Христа было не приношением человека в жертву, такое жертвоприношение никогда ни для кого не стало бы спасением. Это сам всемогущий Бог в образе человека принес себя в жертву, и любовь стала связующим звеном между Богом и людьми. Я не знаю, как это произошло, но это было явление, которое Энунд обычно именовал чудом. Но в одном я уверен: любовь, сияние которой исходит от этой жертвы, показывает во все времена, что, если мы, несмотря на искренние попытки, не сможем следовать заветам Господа, то Он всегда готов ниспослать нам прощение.

Тот, кто не любит, не познает Бога, ибо Бог есть любовь. Об этом говорил и святой Иоанн. И сами заветы говорят о любви: любовь к Богу и любовь к людям, а в ней содержатся и прощение грехов, и молитвы, и причастие. Ибо прощение грехов есть дар любви Бога к нам и через причастие мы получаем долю этой любви. Молитвы же дают нам возможность познать, что Его любовь пылает в нас, что мы так же, как и Он для нас, готовы принести Ему в жертву себя. Когда я думаю о своих грехах, я чувствую, что возможность обратиться к Нему с молитвой, становится подлинным даром.

Он наклонился вперед и спрятал лицо в ладонях.

— О, Сигрид, мне столь многое нужно искупить; обман и измена всемогущему Господу Богу. Даже обет никогда больше не приносить

жертв я ухитрился нарушить! А жертвоприношения в Мэринe — это тоже моя вина. Если бы я придерживался христианства и побеспокоился бы о том, чтобы в нашей местности появился священник, этого бы не случилось. Мне следовало бы быть одним из тех, кто крестит эту страну, а я вместо этого выступаю против Христа.

— Из того, о чем ты говоришь, я понимаю лишь небольшую часть, — сказала Сигрид. — Остальное мне непонятно.

— Не беспокойся о том, — ответил он. — Постепенно поймешь все. А пока мы еще больше будем любить друг друга.

Она взглянула на него и подумала, что не знает, возможно ли любить человека еще больше, чем она любит его. Но глубоко в душе ее зажглось что то новое: предчувствие любви, возраставшее и расширявшееся, превращающееся в нечто непохожее на то, о чем она мечтала.

Эльвир заявил, что для пира в Мэрине жалеть ничего не будет. Туда из Эгга отвезли не только продукты, пиво и мед, но и кухонные принадлежности, домашнюю утварь, настенные ковры и драпировки, чтобы украсить зал. Все лучшее, чем они располагали.

Корабль пристал в Боргенфьорде, и вещи с берега перенесли в Мэрин. О многом следовало подумать, многое устроить, и Сигрид была очень занята; ей нравилась такая бурная деятельность. Она бегала туда-сюда; следила за тем, чтобы все было сделано должным образом.

Уставшая, вышла она во двор после ужина. Эльвира и обоих мальчиков она увидела у входа в старый храм; направилась было к ним, но остановилась в нерешительности. Лица мальчиков были заинтересованными, и она услышала, что Эльвир рассказывает им древнюю сагу о могильном холме Мэрин, которую она как-то тоже слышала от него. Она не хотела мешать и прошла мимо них по тропинке между амбаром и храмом. У зарослей ольшанника она остановилась, стояла и смотрела на местность, раскинувшуюся перед ней.

Неглубокий снег, выпавший в этом году, почти полностью растаял. Белые пятна еще лежали на северных склонах, в остальном земля была голой; поблескивали лужи, рядом с тропинкой желтел одинокий след от лошадиного копыта. Однако в горах между деревьями она видела островки снега.

«Покой наверху никто не может нарушить», — сказал как-то Эльвир. И она почувствовала, как на нее нисходит то самое спокойствие, которое она испытала, когда он в первый раз взял ее с собой в Мэрин. Казалось, все переплелось здесь: спокойное, надежное, значительное, во что она была влюблена в родной ей природе, словно слилось с сагами и легендами, с верой в языческих богов и одновременно с верой во Христа. Ибо боги здесь были в почете с давних

времен, и сюда короли принесли новое учение: сюда пришли Хакон, воспитанник Адальстейна и Олав Трюгвассон, а сейчас, наконец, Олав Харальдссон.

Она повернулась и посмотрела на Эльвира и мальчиков, которые по-прежнему стояли возле храма и разговаривали. Эльвир бросил на нее взгляд и улыбнулся. Она ответила улыбкой. Сейчас, после их разговора в церкви, она понимала, почему он был столь безгранично добр к ней с момента кончины детей. Она обратила внимание на то, какие усилия он прилагал для сохранения спокойствия. Однажды она сказала ему об этом, а он только рассмеялся.

— Тебе, — сказал он, — никогда не следует воспринимать слишком серьезно усердие новообращенного грешника. Оно похоже на новую дружбу и первое время горит сильнее огня. Испытание приходит позднее, когда усердие утратит свою свежесть.

Но сейчас она чувствовала себя намного лучше, чем сразу после смерти детей. То, что говорил ей Эльвир в церкви и позднее, породило у нее чувство, что их уход из жизни не был бесполезным, а преследовал какую-то высшую цель.

Деревья приобрели красноватый оттенок, она смотрела на почки, готовые распусться, чувствовала, что смерть детей была похожа на осенний листопад, что она явилась вестью о приходе весны, которая уже жила в твердых маленьких почках. И она улыбнулась про себя. Ибо ей давало надежду на новую жизнь и нечто другое. Она еще не совсем верила, но с каждым днем уверенность ее возрастала.

Шла вторая ночь после прибытия их в Мэрин; в двери постучали, Сигрид вскочила в полусне. Стук раздался снова, с улицы слышен был гам и крик. Резкий голос произнес:

— Вы окружены! Выходите и отдайтесь на милость короля!

Сигрид ошупью нашла в темноте свечу и зажгла ее. Эльвир уже встал, оделся и опоясался мечом. Потом на мгновение остановился.

— Нет, — сказал он. — Думаю, лучше выйти без оружия.

Он снял меч и отложил его в сторону.

В доме на скамьях сидели люди. В глазах их был испуг.

Перед тем как выйти на улицу, Эльвир склонился перед Сигрид и прижался щекой к ее щеке, потом повернулся к мальчикам, которые стояли и смотрели на него.

— Чтобы не случилось, вы должны быть мужчинами! — произнес он и направился к двери.

Сигрид набросила на себя одежду и ухом прижалась к стене, пытаясь расслышать, что происходит на дворе.

Когда Эльвир вышел, голоса слились в едином крике. Но она различила его спокойный голос, раздававшийся над этим гулом:

— Что вам нужно?

А затем послышался крик:

— Убить его!

Слышно было, как что-то упало, а затем тот же голос произнес:

— Оставь его! Пусть мучается, пока не сдохнет.

Она не осознавала, что делает; просто выскочила из дому, не раздумывая о том, какой опасности подвергается. Мужчины расступились, когда она вылетела на улицу.

Эльвир лежал у двери в дом; кровь лилась из раны в животе. Она опустила на камни рядом с ним.

— Эльвир, — шепотом произнесла она. — Эльвир... — Из-за слез она ничего не видела. Но она взяла себя в руки и вытерла глаза косынкой. — Тебе очень больно? — прошептала она.

Он поморщился.

— Не больше того, что могу вытерпеть, — ответил он, — и не больше того, что я заслуживаю.

Она наклонилась к нему и осторожно стала гладить его волосы.

— Сигрид, ты не можешь позвать священника? — прошептал он. — Я думаю, надо поспешить.

— Одного из священников конунга? — вынуждена была спросить Сигрид.

— Да.

Рядом стоял высокий мужчина с резкими чертами лица и орлиным носом. Сигрид повернулась к нему.

— Он просит священника, — сказала она.

Мужчина лишь презрительно рассмеялся и спросил:

— Для чего он ему?

Сигрид снова нагнулась к Эльвиру:

— Он спрашивает, для чего тебе священник...

— Исповедаться. — Голос Эльвира был едва слышен.

— Он хочет исповедаться, — сказала Сигрид, обращаясь к мужчине.

Тот снова засмеялся зло и безжалостно.

— Исповедаться! — воскликнул он. — Он! Он жил язычником, как собака, и пусть сдохнет тем, кем был всю жизнь.

Сигрид снова склонилась над Эльвиром, который пытался что-то сказать. Слова выдавливались с трудом, и он в паузах между ними тяжело втягивал в себя воздух:

— Скажи... Энунду, что я... раскаиваюсь... в своих грехах... в жертвенной пище... тоже... и прошу тебя... принять новую веру... и... мальчики тоже...

Сигрид лишь кивнула головой. Говорить она не могла.

Он попытался сказать еще что-то и со стоном проговорил:

— Осени меня крестным знаменем.

Она исполнила его просьбу.

Глаза его еще раз блеснули, рука потянулась так, как будто он искал ее руку, и она схватила ее.

— Сигрид, — прошептал он, — благодарю тебя...

Он начал бормотать, но что он говорил, она понять не могла. Но вот голос его затих, и спустя мгновение голова откинулась в сторону.

Сигрид не знала, как долго просидела там, не двигаясь, держа в своей руке руку усопшего. Ей хотелось плакать, но слезы не приходили. Она подняла голову, только когда почувствовала, что кто-то стоит рядом с ней. Это были ее сыновья. Говорить она не могла. Но когда они опустились на колени возле нее, она обняла их за плечи.

Наконец она встала. Осмотрелась вокруг в бледном свете утра.

Дома бросали косые тени, поблескивало холодное оружие, резко выделялись жестокие лица мужчин. Они казались почти нереальными. В просветах между домами она видела Страумен и фьорд. Но все, что она видела, как будто окаменело, стало таким околдованным, твердым и безжизненным, как стекло.

«Многое видел этот могильный холм». Когда она слышала это? Она снова повернулась к усопшему. Лицо его было спокойным.

— Женщина!

Она вздрогнула, услышав этот резкий голос, и повернула голову к говорившему. Это был человек невысокого роста, но широкоплечий, с пронзительным взглядом. Вид его внушал страх.

— Кто вы? — спросила она, хотя и знала, кто это мог быть.

Он впился в нее глазами.

— Кто ты, не знающая своего конунга?

Она смело встретила его взгляд и почувствовала смущение от того, что не испытала страха. Но тут же поняла почему. Ей нечего бояться; хуже того, что случилось, уже не может произойти.

— Я была женой Эльвира, — сказала она. И это небольшое слово «была» нанесло ей ужасную рану. — Могу я просить о милости, конунг? — продолжала она, но слово «конунг» чуть не застряло у нее в горле.

Король поднял руку, показывая этим, что она может говорить.

— Эльвир умер, как христианин, — сказала она. — Я хотела бы похоронить его по христианскому обычаю.

Но король прищурил глаза, и ей показалось, что в них проскочила искра, как в глазах змеи.

— Нет! — произнес он. — Он был псом-язычником и не имеет права быть погребенным в священной земле. — Он знаком показал Сигрид, что она должна удалиться.

Перед тем как уйти в зал, она обернулась и посмотрела на одного из мужчин, стоявших у входа. Она узнала того высокого человека, с которым разговаривала сначала.

— Кто это? — спросила она.

— Один из сыновей Арни Арнмодссона из Гиске, королевский лендмана на юге в Мере, — таков был ответ. — Зовут его Финн.

Она кивнула. Потом бросила последний взгляд на тело Эльвира и вошла в дом.

Прошло три дня с убийства Эльвира. Сигрид не была на его похоронах; король запретил ей. Но Грётгард издалека видел, где его зарыли. Севернее могильного кургана.

Первый день Сигрид сидела, как окаменевшая, и молчала, если с ней кто-нибудь заговаривал. Почему она не плачет, спрашивали женщины, как плакали те, кто остались вдовами? Но она не могла плакать, ибо чувствовала не теплую живую боль, а жгучий мороз.

В эти дни убили многих: бонда, жившего в Мэринe, Бьёрна из Саурсхауга и других, проживавших в округе. Олав приказал доставить ему всех, кто обычно, как думал король, участвовал в языческих обрядах.

Их один за одним приводили в залу к конунгу, как пленников. Некоторые вели себя гордо, на большинство же было жалко смотреть, когда они бросались на колени перед королем.

«Найди себе занятие, — говорила Хильда из Бьеркейя. — Если у тебя есть чем занять руки, то даже самое плохое будешь переносить легче».

И Сигрид в Мэрине вытащила ткацкий станок и последние дни проводила за ним.

Мысли она гнала от себя, ибо знала, что если она позволит чувствам овладеть собою, то сойдет с ума. И она вспомнила свою мать. А может будет лучше, если она потеряет разум? Матери по-своему было хорошо, когда она бродила по усадьбе и несла чепуху. Сыновья же ее — Турир и Сигурд — старались помочь ей.

Единственное, что поддерживало Сигрид, стиснувшей от горя зубы, — это предчувствие, появившееся у нее еще до смерти Эльвира, которое день ото дня все более крепло: она ждала ребенка.

Сигрид сидела в зале, когда король собрал совет и вершил суд над теми, кто, как полагал, принимали участие в жертвоприношениях в Мэрине.

«Суд», — с горечью думала она. Она вспомнила мысли Эльвира о законах: они защищают права каждого человека от притязаний более сильного и обязывают каждого выступать в защиту прав более слабого.

Дело Эльвира должно было рассматриваться первым, но она не пошла на суд. В конце концов пришел человек и вывел ее: король пожелал, чтобы она услышала приговор.

Он был коротким и беспощадным.

Конунг лишил Эльвира всех прав, несмотря на то, что тот был убит безоружным, а усадьбе Эгга и все остальное добро Эльвира стали принадлежать теперь Олаву.

Сигрид попросила о возможности предстать перед королем, ей необходимо было поговорить с ним. Ей было позволено говорить. Она прошла сквозь кольцо людей, окруживших короля. Много глаз следили за ней, пока она подходила к Олаву; лицо ее было таким же белым, как головной платок, а глаза под черными бровями казались огромными.

Многие смотрели на нее с восхищением. Большинство людей короля любовались этой молчаливой женщиной, переносившей горе без слез. Были здесь и такие, которые могли рассказать, что она сестра Турира Собаки, лендмана короля на севере страны в Халогаланде.

Сам король, сидя на почетном месте, наклонился вперед, когда Сигрид подошла к нему, и голос его звучал мягче обычного, когда он заговорил:

— Выскажи все, что у тебя на сердце!

— Дело касается усадьбы в Бейтстаде, — сказала Сигрид. — Вы назвали его в числе тех, что станет принадлежать вам. Эта усадьба принадлежит мне, а не Эльвиру. Это мое приданое.

Король в задумчивости погладил бороду. Мгновение сидел молча, любуясь ее красотой, чувственным лицом, золотистыми волосами, выбившимися из-под платка.

— Ты будешь владеть своей усадьбой, — произнес он наконец, — если я смогу гостить в ней, как в своей собственной, когда приеду в те края.

Сигрид почувствовала, как кровь прилила к лицу, а затем быстрым потоком отлила обратно. Она потупила глаза. «Нет, — думала она, — видимо, я поняла его неправильно».

Она снова подняла голову. Король продолжал сидеть, нагнувшись вперед, в ожидании ее ответа.

— С радостью приму я конунга, который живет по заветам христианской веры.

Их глаза встретились снова, и на этот раз не она первой отвела взгляд.

— Ты можешь владеть своей усадьбой, — произнес король.

Затем кивком головы показал, что она должна удалиться.

Люди, стоявшие плотным кольцом, расступились, образовав в толпе широкий проход, когда она направилась обратно в зал.

В этот день Сигрид больше нигде не выходила. Сидела в зале и ткала тесьму, а приговоры суда выносились по очереди всем, кто принимал участие в жертвоприношениях в Мэрине.

Вечером приговоры должны были быть приведены в исполнение. Сигрид слышала голоса во дворе. Они казались ей гулом ожидания.

Но вдруг этот гул разрезал пронзительный крик, откликнувшись эхом между домами перед тем, как затихнуть. Спустя мгновение последовал рев, не похожий ни на что, слышанное ею раньше.

В этот момент в зал, шатаясь, вошел Турир и подошел к матери. Лицо его было зеленым. Но она оттолкнула мальчика от себя.

— Будь мужественным, Турир, таким же, как твой отец, — жестко произнесла она. — И расскажи, что случилось.

— Они выкололи глаза Блотульфу из Гьёврана, — дрожащим голосом произнес он. — Кричала Гюда.

— А остальные?

Люди, находившиеся в зале, окружили их.

— У Хакона из Олвесхауга, — ответил он, — отрубили руки и ноги.

В зале наступила тишина. Внезапно Сигрид разразилась диким, пронзительным смехом.

— Агапе, — воскликнула она.

— О чем ты говоришь? — спросила ее одна из женщин. — Ты потеряла разум?

Но Сигрид снова рассмеялась.

— Нет, — сказала она. — Эльвир считал это слово волшебным.

Все приговоры, вынесенные королем Олавом были приведены в исполнение до вечера. Только нескольким из тех, которых король хотел осудить, удалось избежать наказания. Это были люди из Инндалена, убежавшие в Свею, и король забрал себе все их имущество. Много людей было убито, и все, чем они владели, было отнято у них. Все это коснулось и людей, которые не имели никакого отношения к собраниям в Мэрине.

Перед тем как уехать, король приказал сравнять с землей языческий храм. Распорядился о строительстве христианских церквей и оставил священников, которых привез с собой из Нидароса.

Корабль Эльвира стоял у пристани в Боргенфьорде; король пожелал забрать его с собой. Запасы продуктов приказал погрузить на корабль, а домашнюю утварь, одежду, привезенную в Мэрин из Эгга на пир, и даже женские украшения раздал в качестве добычи своим людям. Конечно, некоторые не получили ничего, ведь он привел с собой из Нидароса более трехсот человек.

Сигрид попросила разрешения уехать в свою усадьбу в Бейтстаде, но ей в этом было отказано. Она должна плыть со свитой короля на юг. Она удивилась, почему Олав принял такое решение; других женщин он с собой не брал. Но она совсем не хотела думать об этом.

В то утро, когда они отправлялись в путь, произошел случай, открывший Сигрид глаза на то, кто привел короля в Мэрин.

Это был человек, привлечший особое внимание Сигрид среди людей короля; он всегда был в окружении нескольких сильных, хорошо вооруженных мужчин. Сейчас он шел впереди Сигрид в колонне, спускающейся к фьорду.

Когда она с мальчиками проходила по двору, из тени амбара выскочил юноша и вонзил нож в живот этого человека. Юношу тут же зарубили, а мужчина с криком рухнул на тропинку.

Все остановились, к мужчине подошел и опустился на колени священник, а тот начал тихо исповедоваться в своих грехах. Сигрид находилась совсем рядом и могла слышаться тихий голос священника:

— Нет, — сказал он и отрицательно помотал головой. — Нет, Торальде, ты не можешь приравнивать сей грех к тому, что ты ел мясо во время поста. Думаю, что ты и сам не понимаешь, какое грехопадение ты совершил...

Король и его ближайшие соратники тоже остановились, епископ увидел растерянность священника и направился в конец колонны. Но толпа снова начала двигаться. Сигрид вынуждена была пройти мимо, и больше она ничего не услышала.

— Ты узнал этого юношу? — спросила она у Грьетгарда.

— Да, — ответил тот. — Это был Торгильтс Бьёрнссон из Саурсхауга. А убитый — это Таральде, управляющий владениями короля в Хауге.

В о время плавания по фьорду Сигрид мало разговаривала с другими людьми, за исключением своих мальчиков; она лишь коротко отвечала на вопросы, обращенные к ней. Мучительно было смотреть на короля Олава, стоявшего у борта, и мысли, которые она пыталась гнать от себя, постепенно терзали ее.

Она ушла на нос корабля, как можно дальше от короля, и брызги морской воды летели ей в лицо. Дул встречный ветер, и корабли выходили из фьорда на веслах.

Сигрид, глядя, как весла сталкиваются с крутыми волнами, внутренне желала королевским прихвостням крепкого встречного ветра и бурной волны.

Взгляд ее переместился на голову дракона, которая возвышалась над штевнем — «голова козла», как в шутку его называл Эльвир. Как он гордился этим судном! Заботился о нем. Даже сейчас, когда корабль был не нов, было понятно, почему конунг предпочел его для победного плавания по фьордам.

Победный поход, язвительно думала она. Сигрид бросила взгляд на корму, где выстроились люди короля, и ей трудно было скрыть презрительную улыбку. Славную он одержал победу, король Олав, выступая в Мэрине с дружиной численностью более трехсот человек против небольшого количества людей, собравшихся на пир!

Но взгляд ее снова обратился на конунга. Сейчас это судно принадлежит королю, больше она не считала его своим. Она оперлась на фальшборт и посмотрела на красивые очертания корабля и на сложную резьбу на обшивке штевня. Эльвиру казалось, что этот корабль не сможет украсить обычный резчик по дереву. Он послал в Стеирдал за мастером, который славился во всем Трондхейме. На обоих штевнях и на киле были высечены руны. Это она знала. Они должны охранять корабль и обеспечивать ему хороший попутный ветер. Но сейчас королю они не принесут удачи, злорадно думала она. Встречный ветер дул порывами, потрясая корабль, и люди, шутившие и смеявшиеся в Мэрине во время посадки на судно, работали веслами сосредоточенно и молча. Может быть, Один, знаток рун, еще не совсем потерял свою мощь, он еще может повернуть силу против короля Олава. Может быть, старые боги еще не совсем побеждены...

Правда, она обещала Эльвиру принять крещение. Но ничего не обещала относительно того, во что будет верить, и во всяком случае, это не будет бог короля Олава! Ей было трудно представить, что бог конунга и есть тот самый, о котором говорил Эльвир. Но сказать — это еще ничего не значит. Ибо чего, кроме предательства и смерти, добился Эльвир, преклонив колени перед своим Богом?

— Пусть сильнее дует ветер, Один! — пробормотала она, подставив лицо пенным брызгам и ветру. И Сигрид почувствовал, как в ней растет ненависть к Олаву, виновному в том, что Эльвир лежит, холодный и мертвый, в Мэрине; Эльвир, который был самой жизнью, любовью и теплом.

Она только сейчас по-настоящему осознала, что никогда больше не увидит его, никогда не почувствует, как его руки обнимают ее, не испытает тепла его тела, прижавшегося к ней. И она почувствовала, что ненависть к королю как будто уносит с собой каплю ее боли. Она невольно обернулась и бросила быстрый взгляд на это коренастое существо; он стоял как вкопанный, словно вросший в дно корабля. И ее пронзила мысль: неужели он хочет сделать ее своей наложницей, не поэтому ли он взял ее с собой на юг. Он стоял и разговаривал с корчим; она смогла рассмотреть, что он рассмеялся и быстро повернулся в ее сторону. Их глаза встретились.

Сигрид опустила глаза; ей показалось, что в них сверкает ненависть. И тут же подумала, если случится, что он принудит ее, она не будет спешить так, как Гудрун дочь Скъегга, когда хотела убить Олава Трюгвассона. Она подождет, пока король не станет полностью доверять ей, даже если вынуждена будет притворяться, что любит толстого Олава. При мысли о том, что она готова принять отвратительную притворную любовь за настоящую, она испытала злобный восторг. Когда настанет подходящий момент и она вонзит в него нож, радость от этого послужит неким возмещением за ее унижение.

Кто-то тронул ее за руку. Она обернулась. Это был Грьетгард. Взглянув на него, она вздрогнула. Он был вылитый Эльвир. Она испытала боль, жгучую, словно от удара хлыстом, но в то же время теплую на фоне ее страданий и ненависти, когда ее пронзила мысль: не все, что осталось от Эльвира, они отняли у нее.

В Нидаросе, или Каупанге, торговом посаде как теперь называли город в связи с тем, что король содействовал развитию его как торгового центра, каким он был при Олаве Трюгвассоне, Сигрид с детьми поместили в одном из домов в усадьбе конунга.

Им разрешили свободно гулять, но после нескольких прогулок Сигрид решила, что лучше ей сидеть в доме. Во взглядах, которые бросали на нее встречавшиеся на пути мужчины, ошибиться было невозможно. Она почувствовала, что больше не является гордой фру Сигрид из Эгга; она сейчас стала обычной женщиной, у которой нет защитника. Даже дружинники осмеливались обращаться к ней с грубыми словами.

Однажды она прогуливалась вместе с Грьетгардом и испугалась до смерти. Потому что мальчик впал в безумную ярость, когда один из мужчин отпустил грязную шутку.

Сигрид часто охватывал страх за старшего сына; характер у него был с малых лет опасный. Он прилагал огромные усилия, усмиряя свой нрав, ибо на горьком опыте уже научился, что сначала нужно подумать, а потом действовать. И обычно он вел себя спокойно и осмотрительно. Но случалось, что ярость пробивалась наружу и становилась неудержимой. Даже Эльвир не мог утихомирить его. Из-за характера многие побаивались Грьетгарда, поэтому и друзей у него было мало.

Младший брат, Турир, был более доброжелательным, покладистым. Но Сигрид заметила, что даже если сын и был сговорчивым, это не означало, что он соглашался на все. Если он чего-либо действительно хотел, то рано или поздно добивался своего.

Первое время при королевском дворе Сигрид чувствовала облегчение от того, что дни шли чередой, а ее к королю не приглашали. Но после того как дни стали превращаться в недели, а она продолжала сидеть на кровати и думать о своей судьбе, время потянулось медленнее. И та огромная скорбь, которую она испытывала первое время, медленно перешла в чувство безнадежности. Сигрид начала думать, что все о ней забыли, что она осуждена на бессмысленное серое существование неделю за неделей. Постепенно дни для нее слились в один нескончаемый день; она только сидела или лежала на кровати, едва сознавая, день сейчас или ночь.

Из этого тяжелого состояния ее вывел Грьетгард.

— Ты должна послать письмо на север своим братьям, — сказал он.

Сигрид лишь покачала головой.

— Кто поедет на север с письмом от нас, как ты думаешь? — спросила она. — И кроме того, мне нечем заплатить.

Мальчик сел рядом с ней и задумался.

— Ты не знакома ни с кем из людей короля? — спросил он наконец.

— Да... — медленно произнесла Сигрид.

— С кем?

— Сигват Скальд жил в Эгга одно время. Но это было давно.

Грьетгард весь вспыхнул.

— Тот, что находился в Эгга осенью перед приходом короля Олава в Стейнкьер, был Сигват?

Сигрид кивнула. И рассказала, что Эльвир разговаривал с Сигватом в Каупанге в этом году, что Сигват обещал замолвить перед королем за него слово, если возникнет такая необходимость.

Грьетгард вскочил и выбежал из дома прежде, чем она успела ему сказать, что существуют серьезные причины, почему она не искала встречи с Сигватом.

Но когда Гьетгард немного погодя вернулся, он был очень расстроен. Сигват оказался очень влиятельным человеком в королевской дружине, и побеседовать с ним было не так то легко.

Сигрид всю ночь не сомкнула глаз, думая о Сигвате. После того как он предложил помощь Эльвиру, может быть, он не посчитает глупым ее обращение к нему.

На следующий день Грьетгард взял с собой Турира. И им удалось остановить Сигвата, когда он проходил по двору. Они изложили ему свое дело, сообщив, что их мать хотела бы переговорить с ним.

Сигват сказал, что она может придти в церковь и они встретятся там.

Сигрид отправилась в церковь одна и встретила его там. Он тоже был один.

Сигрид сразу же перешла к делу:

— Ты не знаешь, почему король привез меня сюда и что он намерен сделать со мной?

Сигват отрицательно покачал головой.

— Я слышал, что некоторые приближенные короля хотели бы жениться на тебе, но не думаю, что у кого-то из них хватит мужества просить об этом короля.

Она опустила глаза.

— У меня нет желания выходить замуж.

— Возможно, наступит день, когда ты пожалеешь об этом, — сказал Сигват. Мгновение он стоял в задумчивости. Затем он взял ее за руку. Его черные глаза блестели в полутьме. — Сигрид, — произнес он, — может, подумаешь и выйдешь замуж за меня?

У нее подогнулись ноги, и она была вынуждена прислониться к стене.

— Сигват, — единственное, что смогла она сказать.

Он положил ей на плечи руки и хотел притянуть к себе, но она воспротивилась. Она увидела перед глазами лицо Эльвира.

— Сигрид, — прошептал он, — я постараюсь, чтобы ты забыла Эльвира. — Его дыхание почти у самого ее уха было тяжелым.

Но Сигрид не хотела забывать Эльвира.

— Нет, — тихо произнесла она с горечью, отталкивая его. — Нет, Сигват!

— Сигрид, — снова сказал он, — самое лучшее, если ты быстро, пока есть возможность, выйдешь замуж. Или не знаю, что может случиться...

Даже это он хочет использовать в качестве оружия против меня, подумала Сигрид. В ее голосе звучала обида, когда она ответила:

— Ты имеешь в виду, что лучше быть женой скальда, чем наложницей короля?

Он, словно обжегшись, отпустил ее. Затем повернулся и, не говоря ни слова, вышел.

В эту ночь Сигрид снова не спала. И это была одна из множества бессонных ночей, которые ей пришлось пережить после того, как она приехала в Каупанг.

Она думала о Сигвате и слушала ночные звуки, которые издавали спящие в доме на скамьях люди. Она привыкла к этим звукам: храпу, хрюканью, стонам, приглушенному смеху и тихим голосам.

Она вспомнила, какие чувства однажды испытала, увлекшись Сигватом. Но это было давно. А сейчас она чувствовала себя призраком, опустошенной скорлупой того, что когда-то существовало.

И все же в ней шевельнулось теплое чувство, когда Сигват обнял ее. Может быть, оно явилось следствием ее сопротивления.

Но сказанное Сигватом было правдой: ее судьба находилась в руках короля. Он мог сделать ее своей наложницей или отдать любому из своих людей.

Ей следует выйти замуж как можно быстрее. Так сказал Сигват. И она знала, что ее протесты звучат абсурдно. Обычно вдова быстро выходила замуж. Ей необходим человек, который стал бы ее опорой и защитой, это она и сама сознавала. Кроме всего прочего она защитила бы и детей, дав им отчима, который помог бы им выйти в люди. Но ей становилось плохо при мысли о замужестве с кем-нибудь из людей короля Олава; перед глазами стояли жестокие лица в Мэрине.

Сигват тоже был в Мэрине. Она его видела, но обратила внимание, что он все эти дни держался в стороне. И все же присутствовал там; и был одним из людей короля.

Но ведь, пожалуй, каждый мужчина в этой стране является человеком короля? Даже брат Турир лендман короля. Она должна остановить свой выбор на Сигвате. Лучше быть замужем за ним, чем за кем-нибудь другим. И, конечно, это правильней, чем стать наложницей самого Олава.

Она пришла к выводу, что была несправедлива к Сигвату. Неправда, что он пытался извлечь выгоду, женившись на ней. Он пришел с честным предложением.

Затем подумала, о чем хотела поговорить с Сигватом. Чтобы тот испросил разрешения короля вернуться в Бейтстад. Более всего ей хотелось поселиться там и жить вдовой в своей усадьбе. Она могла рассчитывать на помощь Гутторма Харальдссона, кровного брата Эльвира. Он позаботился бы о сыновьях. Она хотела перевезти к себе в Бейтстад Тору, и почти радовалась, что не нужно будет возвращаться в Эгга. Ибо жить в Эгга без Эльвира она бы не осмелилась.

Мысли ее разбегались, когда она думала, как поступить. Все серьезные проблемы всегда решал Эльвир, а сейчас ей и посоветоваться было не с кем.

Наконец Сигрид разбудила сыновей.

— Сигват спросил меня, не выйду ли я за него замуж, — шепотом произнесла она. — Как думаете, что мне ответить?

Прошло несколько минут, прежде чем они окончательно проснулись, и ей пришлось повторить свой вопрос.

— А что бы тебе посоветовал отец? — спросил Грьетгард.

Мысль показалась ей столь абсурдной, что она вынуждена была улыбнуться.

— Не знаю, — ответила она.

Они пошептались.

— У тебя нет выбора, — сказал в заключение Турир. И реальная действительность предстала перед ней.

Как только свет утра пробился через отверстие для выхода дыма и через окна, Сигрид встала и отправилась в церковь к заутрене.

Как она и надеялась, Сигват был там. Она увидела его коленапреклоненным возле алтаря вместе с конунгом и другими приближенными.

Служба шла по-иному, не так, как в Стейнкьере. Служили сразу несколько священников, идущих друг за другом с пением и кадилами. Однако Сигрид не пыталась следить за тем, что происходило. Она не могла оторвать взгляда от спины конунга, стоявшего на коленях перед алтарем. И ей казалось, что крики из Мэрина перекрывают церковное пение.

Когда служба закончилась, она встала недалеко от входа. Сигвату трудно будет не заметить ее, когда король со свитой станут выходить из церкви.

Их взгляды встретились, он увидел ее. Она встала на колени, а затем распростерлась на полу, словно молясь.

Спустя некоторое время она почувствовала на плече его руку, поднялась и вместе с ним перешла в соседнее помещение.

— Я пришла для того, чтобы сказать о своей согласии стать твоей женой, Сигват.

Он уставился на нее, словно видел перед собой привидение.

— А то, что ты сказала вчера?

— Я потеряла голову после убийства Эльвира.

— А я подумал, ты хотела сказать, что я не хорош для тебя.

— И не думала такого.

— Бог мой! — простонал Сигват, положив руки ей на плечи. — Сигрид, — произнес он медленно. — Я говорил о тебе с королем вчера вечером. Но просил не за себя. Я просил за Кальва Арнисона, он сказал, что хочет взять тебя в жены, и он был больше, чем рад, когда я предложил ему поговорить об этом деле с королем. Его отец лендман короля, и он из рода ярлов Арнмод в Мере. Я подумал, что он будет тебе хорошим мужем.

Сигрид побледнела.

— У него есть брат по имени Финн? — спросила она.

Сигват кивнул головой.

— Ты его знаешь?

— Встречала его.

— Король был в хорошем расположении духа, — продолжал Сигват. — Он не только дал Кальву свое согласие, но подарил ему Эгга и все остальное, чем владел Эльвир, а также обещал сделать его лендманом.

Сигрид стояла окаменев и молчала. Словно вопрос шел о самой жизни. Говорить она не могла. И когда Сигват притянул ее к себе, она не сопротивлялась, внезапно схватилась за него, прижалась с такой силой, которую и сама не могла понять.

— Сигрид, — прошептал он охрипшим голосом, когда наконец отпустил ее, — ты не должна была этого делать.

Она побежала прочь от Сигвата и от своих мыслей.

Кальв Арнисон, выйдя из большого зала королевского дома прищурил глаза от яркого дневного света; он на секунду остановился, прежде чем пойти к одной из небольших дворовых построек. Он перешагнул через порог и снова остановился, давая глазам привыкнуть к полутьме, царившей внутри дома. Потом обратился к женщине, сидевшей возле дверей:

— Сигрид Турирсдаттер из Эгга живет здесь?

Женщина хотела было ответить отрицательно, но узнав Кальва, одного из любимых королей людей, передумала и показала рукой, сказав:

— Вон она сидит. — Потом, презрительно усмехнувшись, добавила. — Теперь она уже не важничает своим положением хозяйки Эгга, которое у нее отняли.

— Заткнись! — коротко произнес Кальв и направился к скамье, на которой сидела Сигрид.

Она не подняла глаз, когда он подошел и сел рядом с ней. Прошло некоторое время прежде, чем он произнес первые слова. Она сидела, отвернувшись от него и уставив взгляд в пол. Кальв смотрел на мягкую линию ее шеи, на неподвижно лежавшие руки с переплетенными пальцами, думая над словами женщины у дверей, и удивлялся: неужели Сигрид вынуждена постоянно терпеть такие издевательства.

Он видел ее гордое поведение в Мэрине, слышал ее ответы королю Олаву, и выражение его лица стало задумчиво, когда он осмотрелся в этом мрачном маленьком доме, где ее держали вместе со слугами.

На скамье сидел полупьяный мужик вместе с одной из служанок. Он что-то горячо шептал ей, она хохотала, и, когда он обнял ее, начала повизгивать. В углу, за игрой в тавлеи* сидели несколько мужчин.

* Старинная игра.

Разговаривая, они постоянно сыпали грубыми ругательствами и проклятиями, языческими и христианскими.

Он снова взглянул на Сигрид. Она выглядела словно раненая лань.

Когда он положил руку на ее плечо, она дернулась, как будто хотела отодвинуться подальше, но осталась сидеть на месте.

— Меня зовут Кальв. Я сын Арни Арнмодссона из Гиске, — произнес он. — Я один из приближенных короля Олава, и король дал согласие на то, чтобы я взял тебя в жены.

Она медленно повернулась к нему.

— А как относительно согласия моих братьев Турира Собаки из Бьеркея и Сигурда Турирссона из Тронденеса?

— Турир Собака человек короля, — ответил Кальв. — Он не будет против. И едва ли твой другой брат воспротивится воле конунга.

Сигрид промолчала.

— Король отдал мне Эгга и другие усадьбы, которые принадлежали... — Он замолчал.

— Которыми владел Эльвир, — безразличным тоном закончила она его фразу.

— Да, — сказал Кальв, глядя на нее с удивлением. И твердо продолжил: — Ты больше не будешь вынуждена выслушивать ругонь и проклятия, которыми поливают тебя здесь бабы.

Сигрид передернула плечами:

— Они меня не трогают. Эти женщины сами не понимают, что говорят.

Он пристально посмотрел на нее. Хотя она сидела рядом с ним, между ними была пропасть. И когда он все же положил руку на ее плечо, она холодно промолвила:

— Не кажется ли тебе, Кальв Арнисон, что ты пытаешься улучшить мое положение здесь, поступая со мной непристойным образом?

Он не ответил, но руку с плеча снял. А она продолжала тем же тоном:

— Уверена, что ты не пожелаешь жениться на женщине, носящей под сердцем ребенка от другого мужчины.

Его взгляд невольно скользнул вниз по ее телу и остановился на талии.

— Когда? — спросил он.

— К святкам.

В этот момент они подняли глаза, ибо Сигрид назвали по имени. К ним подошел один из дружинников короля.

— Конунг желает говорить с тобой, — сказал он.

Сигрид глотнула. Впервые после того, как она была взята в плен, к ней обратились с тем почтением, которого заслуживала женщина ее происхождения.

— С тобой тоже, Кальв Арнисон, — добавил дружинник, увидев Кальва.

Они поднялись и вместе пересекли двор. Но прежде чем войти в трапезную, Кальв остановился. Взял обе ее руки в свои и, глядя вниз, проговорил:

— Я... я... хочу, чтобы ты была со мной, даже если ждешь ребенка. Я сделаю все, чтобы быть хорошим отцом для твоих мальчиков, я не хочу, чтобы ты испытывала боль, Сигрид.

Она взглянула на него. И когда увидела, что он покраснел, как юноша, почувствовала себя смущенной.

Их пригласили к королю почти сразу.

— Так вот где ты был, Кальв, — произнес кроль несколько раздраженно. Он отослал от себя всех, за исключением священника, стоявшего возле короткой стены трапезной. — Я хотел сам рассказать Сигрид о своих планах относительно ее, но, видимо, ты уже опередил меня.

Сигрид бросила взгляд на Кальва; ей хотелось видеть, как тот воспринял эти слова. Он стоял, слегка раздвинув ноги. В его поведении было нечто твердое, непоколебимое. Только на мгновение он опустил глаза, а затем спокойно встретил взгляд короля.

— Я думал, для нее будет легче предстать перед тобой не одной, — сказал он.

Сигрид почувствовала благодарность Кальву за его предусмотрительность. И она снова посмотрела на него.

Крепкая фигура, рост выше среднего. Не урод, но и красивым не назовешь. Лицо почти обычное, глаза голубые, волосы светлые, ладони четырехгранные с короткими пальцами. Плащ с капюшоном, серый, из грубой ткани, с подкладкой темно-синего цвета.

Король, рассмеявшись, повернулся к Сигрид.

— Теперь ты будешь принадлежать доброму и осмотрительному человеку, которого я нашел для тебя. И больше вообще не вернешься в Эгга. Может, ты сейчас лучше поймешь, что Олав Харальдссон живет по законам христианства?

Сигрид ничего не ответила. Но подумала, что у Сигвата Скальда было больше шансов жениться на ней, чем у короля. Она обратила внимание на то, как глаза короля смотрели на нее, ясно, что он ожидал ответа.

— Да, мой господин, — сказала она и подняла голову.

Его голос был мягче, когда он заговорил:

— Я был рад увидеть тебя в церкви сегодня на заутрене. — И поскольку она не ответила, он добавил: — Ты впервые была в церкви?

— Нет. В Стейнкьере была церковь и священник во времена ярла Свейна.

— Ты крещенная?

— Нет, но Эльвир завещал мне перед смертью, чтобы я крестилась вместе с сыновьями.

Внезапно он бросил на нее острый взгляд.

— Эльвир был крещен?

— Господин мой, я сказала тебе об этом в Мэрине.

— Если он был крещен, почему не попросил о последнем причастии и исповеди?

— Он просил, но ему отказали.

Король вскочил, лицо его покраснело.

— Кто отказал умирающему в священнике?

Сигрид еще раз взглянула на Кальва Арнисона. Она сейчас могла бы отомстить Финну, его брату, который издевательски ответил на просьбу Эльвира об исповеди. Но Кальв был столь добр к ней, что она не испытала желания отомстить.

— Слишком много горя было в Мэрине, мой господин, — сказала она. — Мне кажется, будет несправедливо, если пострадает еще кто-нибудь.

Король сел и недоверчиво посмотрел на нее.

— В Мэрине все было справедливо, — произнес он. — Ты лжешь, потому что не знаешь, кто там собрался. — Он повернулся к Кальву. — Тебе придется подумать, как наказать ее. — Он снова

обратился к Сигрид: — Ты обязана креститься как можно скорее. — Он жестом подозвал священника. — Йон священник преподает тебе основы христианства, и ты должна внимательно выслушать, что он тебе скажет.

Когда король подал знак, что они должны удалиться, Кальв по-медлил.

— Не найдется ли для Сигрид лучшей комнаты? — спросил он.

— Поговори с конюшим, — коротко ответил король. Он был явно в плохом настроении и рукой показал, что им следует удалиться.

— Подожди здесь! — сказал Кальв Сигрид, когда они вышли во двор. И она осталась одна со священником. Это был круглолицый человек небольшого роста. Разговаривая, он все время моргал.

— Ты что-нибудь знаешь о христианстве? — начал он. Говорил он с акцентом, и понять его было не легко.

Сигрид подумала, что священник, видимо, приехал из Англии.

— Немного, — ответила она.

— Расскажи, что знаешь!

Она, глядя прямо перед собой, быстро отчеканила те десять заповедей, которым ее научил Энунд в Стейнкьере.

— Отлично, — сказал Йон. — Еще что знаешь?

— Я знала, как исповедоваться, — произнесла Сигрид, — но забыла. И все же знаю, что на мессе священник является наместником Бога, когда раздает хлеб и вино от плоти и крови Христа, и что церковная служба есть повторение жертвы Христа, когда Он умер на кресте во имя людей.

Глаза пастора заморгали быстрее.

— Тебе немногому осталось научиться, — сказал он.

Сигрид не ответила, она очень устала. Она подняла глаза, услышав голос Кальва. Он шел по двору вместе с дородным мужчиной.

— Более подходящее место для Сигрид Турирсдаттер? — услышала она слова, сказанные толстяком, который рассмеялся и локтем толкнул Кальва. — Самое лучшее место для нее в твоей постели...

Кальв взглянул на Сигрид и рассмеялся вместе с толстяком.

— Я не против, но думаю, король не это имел в виду.

Сигрид почувствовала себя плохо. В глазах зарябило. Кальв подхватил ее, когда она начала падать.

— Ты больна? — ужаснувшись, спросил он.

— Ты знаешь, как со мной обращались, — сказала она, когда пришла в себя, но она-то знала, что не это являлось причиной ее слабости. — Я чувствовала себя плохо все утро.

— Ты ела? — спросил Кальв.

— Нет, — ответила она.

Конюший Бьёрн испытующе посмотрел на нее. Лицо ее вытянулось, и под глазами появились синяки.

— Ты не ела не первый раз после прибытия сюда, — сказал он. — Забери ее в кухню, Кальв, и проследи, чтобы она поела как следует, иначе, боюсь, свадьбы у тебя не будет.

Сигрид чувствовала себя такой слабой, что больше обрадовалась, чем разозлилась, когда Кальв обнял ее и помог перейти двор.

— Тебе плохо, Сигрид? Или что-нибудь нужно? — Голос был любезным и услужливым, и Сигрид почувствовала благодарность.

Она лежала в поварне, куда перевели ее вместе с мальчиками. День был холодным, но от очага исходило приятное тепло. Потрескивание огня в очаге и запах свежеспеченного хлеба доходил до нее, как благовесть.

Она открыла глаза, лежала и смотрела на языки пламени, охватившие большой котел. Затем ее взгляд переместился на крюк, на котором висел котел и далее вверх на отверстие для выхода дыма, где дым встречался с солнечными лучами. Потом взгляд вернулся обратно на языки пламени, облизывающие черное дно котла. Они играли всеми цветами радуги, от теплого золотисто-красного до холодного сине-зеленого; словно лаская, извивались они и внезапно начинали трещать, взлетая ввысь.

Сигрид поднялась, опершись на локти, когда женщина, ухаживающая за ней, подошла с крынкой кислого молока.

— Ты откармливаешь меня, словно теленка на убой! — воскликнула она, но выпила.

Три дня прошло с тех пор, как она слегла. Кальв в тот день помог ей добраться до кухни, а потом для нее наступила темнота, и она ничего не помнила до тех пор, пока не очнулась, лежа на скамье.

Взгляд ее задержался на мигающих языках пламени, и она почувствовала, что желание жить снова медленно пробуждается в ней.

«Ты выносливее ивового прута!» — сказал когда-то, много лет тому назад, Гутторм Харальдссон. Однако нестигаемой она не была. Воля, которую она вновь ощутила после болезни, была непонятна для нее самой.

Ей было легче думать о прошлом. Ведь во время, когда она потеряла власть над собой, могло случиться непоправимое. Разговор, который она слышала на дворе, оказался последней каплей, переполнившей чашу; в этот момент исчезло само желание жить.

Может быть, потому и боролась она за сохранение разума, думала она, что ее принуждали разделить постель с этим Кальвом Арнисоном, которого она не знала и не желала знать?

В помещение с охакпой дров вошел раб. Он бросил дрова недалеко от очага и подложил поленьев в огонь. В воздух взлетели искры. Казалось, огонь на мгновение задержал дыхание, а потом вспыхнул с новой силой. Языки пламени начали свой танец вдоль поленьев; большие языки, как когтями, охватили дрова, мелкие стали подниматься ввысь к потолку, прыгая и стремясь попасть в отверстие для выхода дыма и выбраться к свету. И Сигрид показалось, что воля к жизни, пробуждавшаяся в ней, была подобна небольшому языку пламени. Она как будто смогла почувствовать его трепетное движение, сначала неуверенное, спадающее, тлеющее, а затем снова вспыхивающее ясным, спокойным пламенем.

Как непобедима жизнь, подумала она. И даже, если кто-то из нас погибает, жизнь продолжается, одна волна следует за другой, поколение за поколением. Но в то же время она столь беспомощна и хрупка. В утро кончины Эльвира она теплилась всего лишь короткое мгновение, а затем погасла.

Однако он продолжал жить в сыновьях, в ребенке, которого она носила под сердцем. Продолжал и после смерти беседовать с ней о жизни.

Не происходит ли то же самое с пламенем жизни, может, оно не умирает, а лишь приобретает иной облик и дает новый толчок всему живому в лесу и на пашне, как утверждают старики? Или оно разгорается в новом месте, когда угасает на земле. Там, где она снова встретится с Эльвиром в Фолкванге или в Гимле? Как говорит древнее учение, люди, любящие друг друга, должны встретиться после смерти в Фолкванге, в чертогах Фрейра.

Эльвир много говорил о любви, но это была любовь иного рода. И он утверждал: Бог — есть любовь.

А сейчас ее принуждают встать на колени перед Богом короля Олава, перед Богом, именем которого король заставляет своих людей убивать и уродовать им подобных.

«Эльвир, — прошептала она, сомкнув глаза, зажав уши руками, — если существует потусторонняя жизнь, если где-нибудь ты ждешь меня, если можешь услышать меня, помоги мне».

И она вспомнила, как давным давно, еще до сражения под Несьяром, Эльвир сказал ей: «Если мне не суждено будет вернуться, то все твое богатство, все что ты мне дала...»

Постепенно она начала осознавать, что он имел в виду. И подлинность существовавших между ними чувств, их завершенность, стали сладостным воспоминанием в ее скорби.

«Многое одновременно приносит и радость, и горе», — сказал он однажды.

Эльвир говорил много. Кое-что из сказанного им она не понимала.

Пока она лежала и пыталась вспомнить, о чем он рассказывал, она поняла, как много переняла от него, впитала его мысли. Поняла, что это может стать для нее защитой, она обязана попытаться лучше все понять и передать это сыновьям, как он завещал.

Сигрид должна была отоспаться и сама не знала, как долго спала. Последние сутки прошли в непрерывном сне. Кальв Арнисон сидел на скамье рядом с ней и улыбался, когда она проснулась и села.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Она оглядела кухню и ответила не сразу. В эти дни люди к ней относились любезно и тепло. Она понимала, что это происходит из-за того, что она вновь станет хозяйкой Эгга и выходит замуж за королевского лендмана. Сигрид чувствовала, что силы возвращаются к ней; до нее дошло, что после отъезда из Мэрина она не притрагивалась к работе.

Она бросила взгляд на Кальва Арнисона. Выглядел он, во всяком случае, приятным; не похож на своего брата Финна ни характером, ни внешностью, подумала она. Она посмотрела в его спокойные глаза, скользнула взглядом по простым, слегка грубым чертам лица и почувствовала искренность в его словах, когда он сказал, что не

хочет ей ничего плохого. Может случиться и так, что возврат в Эгга вместе с ним не будет для нее столь болезненным, если не ожидать от него слишком многого.

Она положила свою руку на его и сказала:

— Намного лучше. — И добавила, назвав его по имени: — Благодарю тебя, Кальв, за все, что ты сделал для меня.

Глаза его засветились, и, когда он обеими руками схватил ее за руки, она улыбнулась ему.

— Никогда еще я не видел твоей улыбки, — сказал он и, вспомнив, добавил: — У меня для тебя подарок. — Кальв вытащил из кармана кожаный мешочек и протянул ей, и, когда Сигрид развязала его, в ее ладони высыпались пряжки и цепочки. Она не могла вымолвить и слова. Это были ее украшения, которые король отнял у нее на глазах у всех и раздал в Мэрине своим приближенным.

— Где? — произнесла она.

Он сидел и напряженно смотрел на нее.

— Я узнал, у кого они, и отобрал, — сказал он.

Она снова посмотрела на украшения. Многие из них вызвали у нее воспоминания. Вот эту золотую пряжку ей подарила Тора осенью, когда она вышла замуж за Эльвира. Это янтарное ожерелье ей преподнес Эльвир в первую годовщину их свадьбы.

Хотя она была рада получить свои вещи обратно, все же с его стороны было бы разумнее подарить ей что-нибудь другое. Встретив его взгляд, она не знала, что ей сказать или сделать. Но обманывать его она не могла.

Она ничего не сказала, только взяла его руку и на секунду приложила к своей щеке. Он внезапно сделал глубокий вдох.

— Сигрид, — прошептал он. И она увидела в его глазах стремление прижать ее к себе. Она же испытывала желание отодвинуться от него; сделать это ей было легко, ибо в кухне было много народу. Она сжалась при мысли о том, что через некоторое время они будут супругами.

Он понял, о чем она подумала, ибо в глазах его потух огонек, и заговорил о другом.

— Что ты сказала вчера Йону священнику? — спросил он. — Он совершенно сбит с толку; он говорил, что рассказал о тебе епископу, и Гримкелль выразил желание встретиться с тобой, как только ты придешь в себя.

Сигрид попыталась вспомнить разговор со священником, и у нее появилось чувство, что она наговорила лишнего.

— Я бредила, — сказала она. — И ничего не помню. Он что-нибудь рассказывал?

— Ничего, кроме того, что ты о христианстве знаешь больше, чем любой другой язычник, которых он встречал. Даже больше многих, именующих себя христианами. — Он немного помолчал, а затем спросил: — Ты сказала правду королю, что Эльвир был крещен?

Она кивнула головой. Кальв долго молчал.

— В Мэринне не должно было быть кровопролития?

Она покачала головой.

— А почему ты не захотела сказать королю, кто отказался привести к Эльвиру священника.

Отвечая, она смотрела прямо ему в глаза:

— Это был твой брат Финн.

Прошло много времени, прежде чем он, глядя в пол, тихо произнес:

— Спасибо.

Их как будто в этот миг что-то разделило их, и она подумала, как возобновить разговор.

— У тебя есть другие братья? — спросила она наконец.

— Да, — быстро ответил он. — Нас семеро братьев и одна сестра. Ее зовут Рагнхильд, и она замужем за Хорекком из Тьотта.

— Семерс братьев? — Сигрид была подавлена. Она не привыкла к такой огромной родне. — Как их зовут?

— Старшего брата зовут Торберг. Он живет вместе с отцом и матерью в Гиске. Он наследует усадьбу. Женат на дочери Эрлинга Скьяльгссона, которую также зовут Рагнхильд.

— Сигурд, мой брат, женат на сестре Эрлинга, — сказала Сигрид. Кальв кивнул. Это было ему известно.

— Следующий по старшинству я, — сказал он. — Затем идут Финн, Эмунд, Кольбьёрн и Арнбьёрн. Самый младший — Арни.

— Думаю, мне потребуется много времени, чтобы узнать их всех, — улыбнулась Сигрид.

— Ты познакомишься со всеми. Они хорошие парни, за исключением... Он замолк.

— Мы с Финном никогда не были друзьями, — сказал он. — Он моложе меня на год и очень вспыльчив. Когда мы были мальчика-

ми, он часто выходил из себя, когда мне приходилось ставить его на место.

— Ты совершенно не похож на него, — промолвила Сигрид.

Помолчав, она спросила:

— Ты познакомился с моими сыновьями?

— Да.

— И как они тебя приняли?

Он почувствовал себя несколько неловко. Но поскольку она продолжала смотреть на него вопросительно, он почувствовал, что должен ответить.

— Я не знаю, кто из них старший; они почти ровесники.

Она поняла, что встреча была трудной для всех троих, и больше ни о чем не стала спрашивать.

— Младший, Турир, самый сильный из них, — сказала она.

На дворе раздался звон колокола. Это означало, что настало время вечерней трапезы. Кальв поднялся.

— Я приду позднее, — промолвил он, быстро и несколько неуклюже погладив ее по щеке.

— Думаю, я скоро встану на ноги, — сказала она. — Если тебя спросят, можешь сказать, что я готова встретиться с епископом завтра.

Но все же она чувствовала себя неуверенно, когда поднялась и пошла несколько шагов.

Несколько раз во время трапезы взгляд Кальва задумчиво останавливался на Финне. Он должен был расспросить Сигрид, что же произошло в Мэрине: он ей поверил, когда она сказала, что там не должно было бы быть кровопролития.

Его глаза встречались и со взглядом конунга Олава, сидевшего за столом недалеко от него.

Он уже много лет был сторонником короля, знал его жестокость и вспыльчивость. Но Кальв считал, что жестокость — неплохое качество для короля, желающего удержать власть в своих руках в мятежной стране. И он восхищался Олавом, видя его храбрость и предприимчивость; в убежденности этого человека в том, что право быть конунгом в стране, ниспослано ему самим Богом, было что-то величественное. Его уверенность могла увлечь и других. Когда он отправлялся в поход по Норвегии и именем Христа подчинял себе

людей, то, несмотря на невзрачную внешность и малый рост, производил впечатление короля — героя прошлых времен. И поклонение перед ним все более превращало его в конунга.

Кальв в эти годы был одним из ближайших друзей короля. Поэтому он видел и то, что другие наблюдать не могли: человека за обликом героя.

Он видел человека честного в своей вере и в попытках укротить свой буйный нрав, который глубоко раскаивался, когда сам понимал, что поступал неправильно. Но он также видел человека, слишком энергично насаждавшего христианство в стране, привыкшего с детских лет ставить себя выше любых законов. Видел Кальв и такие черты короля, которые нравились ему еще меньше: мелочность и жадность. Он поражался, что такой могущественный человек может так сильно страдать, когда видел, что допустил ошибку.

И сейчас для Кальва стало ясно, что в Мэрине Олав действовал слишком поспешно и совершил серьезную ошибку, даже если и не хотел этого. Сигрид могла бы доказать это, но промолчала и сделала это из-за Кальва.

При мысли, что это она сделала ради него, он испытал чувство радости: не так уж много она имеет против него, как показалось ему при первой встрече.

Но все же он был неуверен в такой женщине, как Сигрид. Ибо его опыт общения с женщинами был опытом воина. Женщины, с которыми он встречался, были либо пленницами, захваченными в походах, либо такими, которые охотно отдаются мужчинам, но за вознаграждение.

Он, правда, встречал и других женщин, которые ему нравились, но это было в те времена, когда он жил дома в Гиске и был скромным, как мальчик: он лишь любовался ими на расстоянии. Его рано стали брать в походы и дальние плавания. Он, как и другие, быстро научился стоять за себя. Последние годы он ездил по стране вместе с королем, и этим поездки почти не отличались от дальних походов.

Кальв обратил внимание на Сигрид уже в первый день в Мэрине; и он был не одинок. Но она была такой отчужденной, не обращала внимания на происходившее вокруг и производила впечатление столь оцепеневшей и холодной, словно была вырублена из льда.

Один из приближенных короля назвал ее Ледяной Фрейей. Против выступил Сигват Скальд.

— Она не такая, — сказал он. — Это лишь потому, что она очень любила мужа.

— Ты с ней знаком? — спросили его.

— Да, — прозвучал короткий ответ.

Об этом говорили много и о том, что Сигват не имеет намерения слагать песни о поездке на Мэрин, как это он обычно делал о всех походах короля.

Когда король взял Сигрид с собой в Каупанг, шептались и о том, что он привез ее для себя. Кальв думал так же. Однако он испытывал большое желание попросить короля отдать Сигрид ему, потому что, во-первых, она нравилась ему, а во-вторых, она была выгодной партией, и он только сомневался, как Олав воспримет это.

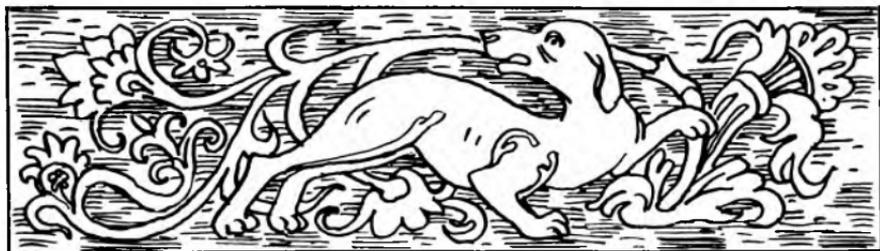
И когда Сигват предложил поговорить с конунгом о его деле, он сразу же согласился.

Если ему отдадут владения Сигрид, то король сделает его лендманом во Внутреннем Трондхейме. Об этом он догадывался. Но то, что король отдал ему Эгга и все остальное, чем владел Эльвир, оказалось выше всех его надежд.

Кальв понимал, что ему будет нелегко быть королевским лендманом в Эгга. А после того, что случилось в Мэрине, народ будет настроен против его еще больше. Но все же он был рад.

Он привык быть хёвдингом в дальних походах, а последние годы, когда служил в королевской дружине, он почувствовал, что крылья ему подрезали. Сейчас же он снова был свободным и мог показать и себе, и другим, что у него еще полно сил.

И Сигрид — он улыбнулся, подумав о ней, — начала отходить; он завожует ее.

На следующий день после завтрака к Сигрид явился дружинник епископа Гримкелля и увел ее с собой. Когда она вошла в дом епископа, то увидела его вместе с Йоном.

Жестом он приказал ей сесть.

— Ты была больна, — произнес он.

Она уселась на дальний край скамьи и почувствовала, что готова мгновенно вскочить. Прошло какое-то время, прежде чем епископ заговорил, а она осторожно разглядывала его. Он был худ, глаза глубоко запали в глазницы.

— Ты сказала Йону, что готова принять обряд крещения, но не хочешь верить в бога короля Олава, — произнес он наконец.

— Я говорила тем утром в бреду, — ответила Сигрид. — Я узнала потом, что женщина, ухаживавшая за мной, дала мне ночью сильное снотворное.

— Ты считаешь, что сейчас готова верить в Бога конунга Олава?

Она помедлила с ответом.

— Здесь ты можешь говорить свободно, — промолвил епископ. — Все, что ты скажешь, будет выслушано, как исповедь.

Сигрид продолжала молчать.

— Я понимаю, что ты знаешь многое о христианской вере, — продолжал он. — Но Йон говорит, что ты говоришь о боге Эльвира, как о христианском Господе, а у короля такой Бог, которого он использует в интересах укрепления своей власти.

— Я оговорила.

— Я не сомневаюсь, что ты высказала мысли, о которых хотела бы промолчать. Но поскольку есть повеление короля, что ты должна быть окрещена, мой долг узнать, во что ты веришь.

Его голос звучал дружелюбно, глаза изучающие и серьезные.

Сигрид вздрогнула. Ей показалось, что он превратился в оборотня. Это был епископ из Мэрина, тот самый, который служил мессу

перед бедными, искалеченными людьми, оставшимися в живых после приведения в исполнение королевского приговора. А сейчас он сидел здесь серьезный и настойчиво допрашивал ее.

— А что изменится от того, если я скажу, во что я верю? — твердо спросила она. — Как вы думаете, во что верили люди, присутствовавшие на мессе в Мэрине?

Она заметила, что он сжался, как от удара.

— Они не хотели признать учение Христа, — коротко ответил он.

— Никто не может принудить или заставить под страхом смерти взрослого человека верить в Христа, — ответила она словами Эльвира.

От откинулся на спинку почетного сидения хозяина дома, положив локти на подлокотники, скрестив при этом пальцы рук. Взгляд был устремлен на отверстие для выхода дыма, когда он ответил.

— Мне неясно, что у тебя свое и что ты впитала от других, — медленно промолвил он. — Но все это не так просто, как ты представляешь.

Возьми человека, заставь его ходить в церковь, стоять коленопреклоненным перед Богом, видеть, как верят в Бога другие. И через определенное время он заинтересуется и подумает, что в учении, может быть, есть крупица истины. Поклонение Христу станет привычкой и в конце концов для многих настанет день, когда они окончательно поверят вопреки самим себе.

И если этого не случится, если первое поколение будет уничтожено, то дети будут спасены для Господа Бога.

Сигрид почувствовала себя неуверенно. И хотя она знала, что произошедшее в Мэрине было ужасно, она не могла ответить ему. Епископ видел ее нерешительность и, чтобы закрепить победу, продолжил отеческим тоном:

— У тебя довольно правильные представления о христианстве, Сигрид, но многого ты не понимаешь. Позволь нам помочь тебе найти путь к истине.

Этот человеческий тон явился последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Уже не думая о поступках, она вскочила со скамьи и остановилась прямо перед епископом. В глазах ее горела злость.

— Если мы говорим о Христе, который любит людей и предпочел распятие на кресте оружию, то Он должен был бы в отвращении отвернуться от короля, уничтожавшего людей Его именем!

Гримкелль внимательно посмотрел на нее, но не рассердился.

— Несколько дней тому назад я была в церкви, — продолжала она, — и видела короля коленапреклоненным перед алтарем, тогда как он поступил противно тому таинству, которое должно быть повторением жертвы Христа, принесенной Им во имя любви. Я слышала пение священников, но их псалмы в моих ушах прерывались криками из Мэрина. Я видела, как Эльвир, названный королем язычником, стоял на коленях в церкви, отдавая дань почтения этому таинству. Я слышала, что он говорил о любви Бога и рассказывал о святом Иоанне, сказавшем, что люди должны любить друг друга.

Я обещала Эльвиру перед смертью, что приму сама крещение, и не намерена нарушить последнее обещание, данное ему. Но если я буду верить в Бога, то в Того, о котором рассказывал Эльвир. И я никогда не поверю в то, что вы, епископ Гримкелль или конунг Олав, называете истиной.

Епископ сидел спокойно, давая ей возможность высказаться.

— Сядь, — сказал он, — и расскажи мне о том, во что верил Эльвир.

Сигрид собиралась уйти, но дружелюбное спокойствие епископа было для нее неожиданным, и она почти против своей воли села. Но ничего не сказала.

— Поскольку ты рассказала мне так много, то рассказ об остальном не нанесет тебе вреда, — произнес он.

Она почувствовала себя пойманной и осознала, что не должна быть благодарна своей вспыльчивости. Все, что говорил Эльвир, чем он жил, она хотела сохранить при себе, думать об этом и пытаться помнить все хорошее. Последнее, чего ей хотелось, рассказать обо всем священникам короля Олава с тем, чтобы они смогли воспользоваться этим.

— Сигрид, — произнес епископ мягким и тихим голосом, — если Эльвир умер христианином, его следует похоронить в священной земле. Это последняя и лучшая услуга, которую ты можешь оказать ему. И если ты любила его, ты должна позаботиться об этом.

Епископ Гримкелль позвонил в колокольчик, и в комнату вошел один из его дружинников. Епископ что-то тихо сказал ему; тот поклонился и вышел. Вскоре пришла служанка с чашей пива.

— Тебе следует немного подкрепиться, — Гримкелль улыбнулся, когда служанка передала чашу Сигрид.

Она была вынуждена улыбнуться. Эльвир всегда прибегал к чаше с пивом, чтобы заставить собеседника разговориться. Но тут Сигрид подумала, как поступил бы Эльвир на ее месте. И внезапно поняла, что он, редко скрывавший свои взгляды, явно не согласился бы, если бы она поступила по-иному.

И она начала говорить.

Рассказала все, о чем узнала от Эльвира, о его обращении в христианскую веру, о его отступничестве, о священнике Энунде, о жертвоприношении в Хомнесе, об ужасе, который охватил осенью всю округу, об ответе Торы прорицательнице, о поездке Эльвира к королю, о болезни и о крещении детей, о том, как муж делился с ней своими мыслями, и, наконец, о его смерти.

Гримкелль некоторое время сидел молча. Он думал об исповеди Таральде, которую он слышал в Мэрине, и понял, что Сигрид говорит правду.

— Ты веришь в то, что Эльвир рассказывал тебе о христианстве? — спросил он наконец.

— Не знаю, — ответила Сигрид. — В последнее время произошло так много ужасных событий. Мне кажется, что Эльвир за свою веру заслужил нечто иное, а не предательство и смерть.

— Но пойми, он своей смертью одержал победу! — Голос епископа стал торжественным. Он привстал, и она увидела, как по-новому заблестели его глаза.

— Разве ты не видишь, как Господь смиренно дал понять Эльвиру, что предоставляет ему возможность покаяться в грехах на смертном одре!

Однако Сигрид взглянула на него непонимающе. И Гримкелль снова опустился на сидение.

— Нет, — произнес он. — Такое понятие тебе неизвестно. Но Эльвир наверняка помнил о нем.

— Если бы Эльвиру позволено было остаться в живых, я бы стала верить в христианство, — воскликнула Сигрид.

— Ты должна верить, таково последнее желание Эльвира, — начал епископ. Но замолчал и удивленно оглянулся, ибо был прерван громким храпом. Священник Йон сидел на скамье и спокойно спал, сложив руки на животе. Гримкелль улыбнулся и продолжил:

— Если ты признаешь, что веришь в то, чему тебя учили Энунд и Эльвир, то без колебания примешь обряд крещения и будешь думать о другом. Ты сама говорила, что когда Эльвир был при смерти, то выразил желание исповедаться перед священником короля. Ты можешь поступить так же и признать тех священников, которых церковь назначила, чтобы помочь тебе!

Сигрид задумалась.

— Я никогда не смогу поверить в правильность того, как поступает король, насаждая христианство, — промолвила она.

Епископ Гримкелль взглянул на спящего священника перед тем, как посмотреть ей в глаза.

— Тебе и не нужно этого делать, — произнес он.

Сигрид уставилась на него. Но лицо епископа ничего не выражало.

— Надеюсь, ты разрешить мне рассказать конунгу обо всем, что ты мне сказала, — произнес он. И когда Сигрид взглянула на него с сомнением, добавил: — Обещаю, что ничего не скажу такого, что служило бы во вред тебе или твоим сыновьям. И, если это сможет помочь королю поступать в дальнейшем более мягко, то Эльвир умер не напрасно.

Сигрид кивнула головой в знак согласия.

— Эльвир будет похоронен в священной земле, — продолжал епископ. — Ты, Сигрид, чувствуешь готовность честно дать обет при крещении и что таково желание Эльвира?

— Да, — нерешительно промолвила она.

И только тогда, когда епископ тепло пожал ее руки, она осознала, что желает этого.

Кальв Арнисон ждал ее на улице.

— Ты долго задержалась там, — сказал он. — До чего договорились?

— Заключили подобие мирного соглашения, — ответила она. — Я обещала дать серьезный обет при крещении, а он — похоронить Эльвира в священной земле.

— Ты упомянула имя Финна?

— Нет.

— Как тебе понравился епископ Гримкелль?

— Понравился. Но по его поведению я почувствовала, что у него также есть серьезные проблемы.

— Ты права. — Кальв осмотрелся. — Быть епископом конунга Олава весьма непросто.

Они вышли со двора. Она было хотела вернуться, но он взял ее за локоть и повел по дороге, шедшей вдоль реки.

Они прошли мимо несколько дворов и пошли дальше по переулку, где располагались лавки торговцев. На берегу реки стояла кузница; они вошли в нее. Кальв хотел, чтобы она посмотрела красивые пряжки, которые были выкованы здесь. Некоторые из них были новыми с большим зверем по центру и ясным рисунком.

Кальв пожелал купить для нее одну из них. Но Сигрид они не понравились, и она выбрала пряжку старого образца.

Когда они снова вышли на улицу, Сигрид почувствовала усталость. Спросила, нельзя ли где-нибудь присесть и отдохнуть. Они выбрали покрытое травой место на склоне, сбегавшем к реке.

Он обнял ее за плечи и, несмотря на то, что она вздрогнула, не стал убирать руку. Сигрид сидела и смотрела в сторону Ладе. Эльвир бывал в Ладе много раз во времена правления там ярлов, и она по его описанию узнала отвесный горный склон в Ладе. Вспомнила о Торберге Строгале, который сделал «Длинного змея».

Затем она посмотрела ввысь на голубое небо, где легкие летние облака подобно морским волнам гонялись друг за другом. Мысли ее вернулись к беседе с епископом Гримкеллем, и она стала размышлять над его утверждением, что Эльвир одержал победу в смерти. Она не могла понять, что он понимал под этим. Энунд однажды сказал, что смерть может явиться победой того, кто пал за свою веру. Но Эльвир умер не так; его просто убили, бессмысленно, не поняв происходящего. Его смерть не была героической.

Мысли ее летели. Она видела перед собой жестокое лицо Финна Арнисона, затем короля Олава. Мысли бежали подобно волнам облаков по небу.

Солнце уже прошло полпути, когда она очнулась, обнаружив, что заснула, положив голову на плечо Кальва.

Он улыбнулся ей.

— Хорошо поспала?

Проснулась она с тяжелым, болезненным чувством. Такое часто случалось с ней после смерти Эльвира. Объяснить это Кальву ей было трудно. То, что она сидела, прижавшись щекой к его прогорк-

нувшему плащу, вызывало в ней противоречивые чувства. Она была рада тому, что он добр к ней. И в то же время именно эта доброта заставляла ее испытывать к нему неприязнь. Пожалуй, легче было бы ненавидеть его, грубо, издевательски разговаривать с ним. Мгновенно появилось желание уколоть его самолюбие.

— Неужели ты можешь полагать, что я у тебя буду спать хорошо! — произнесла она горько.

Он посмотрел вниз.

— Нет, ожидать столь многого я пока не могу, — ответил он.

Она поняла, что укол ее ушел в пустоту и на мгновение пришла в ярость, готова была закричать. Но тотчас же взяла себя в руки, заставила мыслить ясно.

Эльвир мертв. Ничто не может вернуть его. Жизнь должна продолжаться без него, и она ради себя и детей обязана наилучшим образом воспользоваться сложившимися обстоятельствами. Кальв не виноват в том, что случилось в Мэрине.

— Люди сегодня чувствуют себя усталыми, — произнесла она с принужденным смехом. — Пока я разговаривала с епископом, священник Йон заснул.

Кальв захохотал, и Сигрид обратила внимание, что смех его безжалостен.

— Йону больше всего нравится спать или есть, — произнес он.

Они поднялись с травы, сначала она, потом он, и направились обратно к королевской усадьбе.

После обеда Сигрид и мальчиков пригласили к конунгу. Когда они пришли, епископ уже был там.

— Епископ Гримкелль сообщил мне, что ты можешь принять крещение в любое время, — начал король. — Я желаю, чтобы ты вместе с сыновьями крестилась завтра утром.

— Да, мой господин.

— Он рассказал мне также, что Эльвир умер христианином. Поэтому я выражаю согласие на его захоронение в священной земле.

Сигрид посмотрела на него.

— Почему Эльвир, когда был в Каупанге, не рассказал мне об этом? — продолжал конунг. — Он мог бы сам стать лендманом в Эгга, если бы пожелал.

Сигрид не ответила.

— В том, что Эльвир пал в Мэрине, он виноват сам, — сказал Олав. — И если этой весной жертвоприношений не было, то мне известно, что жертвы приносили богам неоднократно зимой. Поэтому остальные, кто понес наказание в Мэрине, получили по заслугам. — Он немного помолчал. — Об этом разговаривать нечего, — заявил он. — Что касается лично тебя, ты в результате происшедшего не теряешь ни имущества, ни положения. Для детей же твоих завтра я сам буду крестным отцом.

Сигрид взглянула на мальчиков. Она понимала, какая это честь, даже если и сомневалась, что дети оценят ее.

Но конунг сейчас выглядел более мягким, чем при прошлой встрече, и она подумала, не осмелиться ли?..

— Конунг, — осторожно произнесла она и продолжила, когда он согласно кивнул головой. — Среди тех, кого судили в Мэрине, было много людей, не имевших отношения к жертвоприношениям...

— Они были крещенными?

— Не знаю.

Король стукнул кулаком по подлокотнику своего кресла и воскликнул:

— Я не желаю больше слышать ни одного слова про Мэрин!

Сигрид вздохнула с облегчением, лишь когда она с мальчиками очутилась во дворе.

Обряд крещения состоялся, как и сказал король, на следующий день.

Сигрид опустилась в церкви на колени, давая свой обет. Она чего-то ждала: обновления или знака от Бога, что Он ее принял в свое лоно. Но ничего такого не случилось.

Мальчики стояли на коленях подле нее с обеих сторон. Олав обещал следить за тем, чтобы они остались верны истинной вере. «Не сомневаюсь в этом», — подумала она.

Она попыталась поймать взгляд Грётгарда, когда они вышли из церкви, но он отвернулся. И на мгновение ее пронзила тупая боль.

Прошлым вечером она нашла место, где могла побыть наедине с сыновьями. В королевском Каупанге сделать это было нелегко; она уже знала, что уши у короля повсюду. Даже приближенные конунга оглядывались перед тем, как начать говорить.

Мальчики были злы.

Грьетгард резко спросил, не думает ли конунг, что его крестное отцовство стало вирой за усадьбу в Эгга. И добавил, что проживет и без этой чести. Он может отомстить за отца, не став убийцей своего крестного отца.

Турир говорил меньше, но Сигрид обратила внимание на его сжатые кулаки.

Она гордилась ими и в тоже время немного боялась за них. Они так молоды, могли легко, не подумав, начать действовать. Она попыталась успокоить их.

Говорили они и об участии Кальва в мэринской бойне, и ей показалось, что она должна защитить его. Но тут же между ней и сыновьями пролегла пропасть.

Грьетгард презрительно спросил:

— Так-то ты беспокоишься об отце?

Она пыталась объяснить, но не смогла проложить моста через пропасть между ними.

Кальв торопился с женьбой, и Сигрид не могла найти причины для отсрочки свадьбы, как не старалась. Король, пообещавший устроить в их честь пир, также считал, что ждать не стоит, кроме того он в скором времени собирался покинуть Каупанг.

Был прекрасный летний день, когда Кальв Арнисон и Сигрид Турирсдаттер стояли перед алтарем в церкви святого Клемента и клялись в верности союзу, заключенному между ними. Одним из свидетелей был сам епископ. Он и благословил их союз. Конунг с хёвдингами и ярлами, одетые по-праздничному, также присутствовали на церемонии.

Сигват Скальд не пришел. Сигрид не видела его с того утра, когда они разговаривали в церкви. Кальв сказал, что Сигват уехал в свою усадьбу Стьердал.

Солнце светило так, что больно было глазам. Ласточки щебетали, ныряя в свои гнезда, расположенные под крышей церкви и вылетая из них. Но Сигрид думала о другой свадьбе; клятвенное обещание давали в темном небольшом языческом храме, и спокойная сильная рука лежала на клятвенном кольце.

Голос Кальва звучал твердо, когда он произносил слова клятвы, ее же голос был далеким и чужим. И она сама не знала, что говорила.

*Таков мой совет:
Пока еще не поздно,
клятвы не нарушай...*

Словно эхо из другого времени пришел к ней голос Эльвира с этими старыми словами.

И потом, когда они принимали поздравления конунга Олава и королевы Астрид, слышала она издали, но все же ясно, насмешливый, поддразнивающий хохот Эльвира.

Ее мальчики также чувствовали себя здесь чужими. На их лицах было написано безразличие. Они стояли, прижавшись друг к другу, и не подошли, чтобы пожелать счастья ей и Кальву.

А Финн Арнисон подошел. Сигрид затрясло, когда она увидела его. Она не сталкивалась с ним лицом к лицу после налета на Мэрин.

— От имени всех наших родичей я приветствую тебя, — произнес он.

— Благодарю, — ответила она. Но когда он протянул ей руку, она ее не приняла. Они долго стояли и холодно смотрели друг на друга, потом Финн пожал плечами и отошел.

Во время пира в королевском зале Сигрид сидела рядом с королевой Астрид и не могла сказать ничего, кроме того, что королева похожа на свою тетю Холмфрид дочь Эрика.

— Ты знакома с ней? — улыбнувшись, спросила королева.

— Да, — ответила Сигрид. — Я не только знаю ее, но и люблю.

— Многие любят ее, — сказала королева. — Ко мне она всегда относилась хорошо, никогда не обращала внимания на то, что я... — Она замолчала.

Сигрид понимала, о чем она думает. Королева Астрид была дочерью наложницы; рассказывали, что ей в детские и юношеские годы пришлось вытерпеть многое от королевы Олава Шведского.

И Сигрид рассказала, как она впервые встретила с Холмфрид, когда та приняла сына Рагнхильд. Астрид рассмеялась так весело, когда Сигрид рассказала ей о своем смущении, что король вопросительно посмотрел на них. Но он был в прекрасном настроении и даже улыбнулся.

Сигрид узнала, что Холмфрид живет в своей усадьбе с дочерью Гуннхильд.

Но постепенно разговоры и смех в зале становились все громче, и быть услышанными, не повышая голоса, было уже невозможно. Сигрид больше слушала и смотрела вокруг себя. Очаги потухли, зал освещали жировые лампы и факелы. Большой кубок с медом еще раз пошел по кругу, кое-кто начал пить одновременно из небольшого рога. Только для короля и его ближайшего окружения за столом было подано вино.

По залу ходили рабы с чашами для омовения рук; со столов сняли скатерти, и кости, грудками скопившиеся на полу после трапезы, были унесены.

Сам зал был огромным, больше нового зала в Эгга.

Однако по убранству он был прост. Только сидение короля и столбы по обе стороны от него были искусно украшены резьбой. На стенах висели гобелены и ковры. Сигрид горько улыбнулась, ибо многие из них раньше принадлежали ей. Остальные не свидетельствовали о хорошем вкусе короля.

Ей было интересно, что подумал Грьетгард, когда после крещения получил от короля в подарок право владеть кораблем отца.

А Турир, видимо, чувствовал себя негодяем и подлецом, когда король одарил его усадьбой, ранее принадлежавшей знакомому им человеку.

Со смехом, шумом и двусмысленными шутками гости проводили их в закуток, где они должны были спать. Все удалились, и Кальв с Сигрид остались одни.

Она села на кровать (больше сидеть было не на чем) и немного подвинулась, когда он уселся рядом с ней. Он сидел и молчал, разглядывая свои руки. Она изредка тайком посматривала на него; у него был вид несколько неуклюжего шестнадцатилетнего подростка. Наконец она прервала молчание.

— Сколько тебе лет, Кальв? — спросила она.

— Двадцать девять, — ответил он. — А почему ты спросила?

— Мы почти одногодки, — только и сказала она.

Он обнял ее и потянул вниз на кровать, и она, положив голову, почувствовала, как устала душой.

Он о чем-то подумал.

— Я загашу факел.

— Зачем? — спросила она и вдруг, не в силах сдерживать себя, рассмеялась.

Он обиженно отпустил ее.

— Я не настолько уже неопытен, как ты думаешь, — произнес он.

— Не представляю, какой у тебя был опыт, — ответила она.

— Ты имеешь в виду, что испытал я всякое, — сухо сказал он.

Она не ожидала от него такого и быстро взглянула на него.

— Может, у тебя, кроме Эльвира, были и другие? — спросил он. Вопрос был неслыханно бесстыдным, и она некоторое время молча смотрела на него.

— Нет, — произнесла она наконец и, взяв себя в руки, спросила: — Расскажи мне о своих похождениях, они наверняка интересны.

Он рассмеялся.

— Ты, конечно, не испытаешь горячего стремления стать дополнением к ним...

— А ты ожидал этого?

— Я надеюсь, что ты подбодрить меня, — ответил он. — Смеяться надо мной нехорошо.

— Вот расскажешь мне о своем опыте, — промолвила она, — тогда я стану доброй.

Но, когда он начал рассказывать, ей трудно было поверить своим ушам.

Рассказчиком он оказался неплохим и интересно повествовал о событиях в несколько суховатой манере. Она даже смеялась. Но большинство из того, что она услышала, приводило ее в ужас. Она смотрела на открытое мальчишеское лицо Кальва и думала о его неуловимом рвении быть добрым по отношению к ней. А он лежал и рассказывал такие вещи, которые заставляли кровь стыть в жилах, при этом сообщал все это таким тоном, словно разговор шел о пустяках.

Она сказала, что после рассказа пооберет. Сейчас же она начала подумывать, как ей уклониться от того, что ожидалось в дальнейшем.

Он за столом выпил порядочно, на это она обратила внимание. Если она сможет добиться продолжения его рассказа, он, возможно, заснет. Но зачем, если единственное, чего она может добиться, это отсрочки? Но в другой раз она, может быть, не будет чувствовать такой неприязни.

Она просила его рассказывать еще и еще, показывая, что ей интересны его похождения, продолжала постоянно задавать вопросы. Он же чувствовал себя польщенным и рассказывал. Постепенно он начал дремать и наконец заснул.

Она погасила факел и, облегченно вздохнув, улеглась рядом с ним. И поскольку Кальв был не одинок, радуясь хорошему вину

короля, ей потребовалось совсем немного времени, чтобы тоже погрузиться в сон.

Сигрид проснулась первой.

В комнате было почти темно, свет, проникавший из небольшого отверстия, расположенного высоко во фронтальной стене дома, был очень слабым. Но она слышала голоса, раздававшиеся извне, видимо, было уже позднее утро.

Кальв не проснулся, когда она села, только хрюкнул и подвинулся. У нее появилось желание посмотреть на его лицо сейчас, когда он спит, но было настолько темно, что она не смогла рассмотреть его по-настоящему. Ей удалось зажечь лампу, не разбудив его.

Кальв спал, приоткрыв рот. Волосы разметались. Выглядел он почти до смешного молодо. Если бы не борода, то его можно было бы принять за мальчишку. И тут она подумала, что все это происходит оттого, что она привыкла к Эльвиру, который был значительно старше.

Она вспомнила вчерашний вечер и его рассказ. Он не хуже других, горько подумала она. Ее собственные братья, Турир и Сигурд, ни чуть не лучше.

Однако Турир так любил Раннвейг, что почти допился до смерти, когда потерял ее. И Кальв, несмотря на свою грубость и жестокость, о которых он рассказывал, вел себя по отношению к ней, как неопытный мальчик. В этом крылось нечто такое, чего она не могла понять. Она подумала и о конунге, о его смиренной вере во Христа и о его жестоком нраве.

Она вспомнила сказанное как-то Эльвиром, что мужчина не является мужчиной, если у него не твердый характер.

Эльвир когда-то жил такой же грубой и беспощадной жизнью. Но он видел и многое другое, он был в Константинополе, участвовал в набеге на Кордову. И сам боялся показать свою слабость и доброту, страшился того, что кто-нибудь подумает, что он не мужчина.

Она подумала, что хвастливая грубость Кальва так же наиграна, ибо так по его мнению должно быть. Ведь когда он достался ей, он уже не был викингом.

Пока она думала об этом, он начал ворочаться. Протер глаза, потянулся и, увидев ее, улыбнулся, полный раскаяния.

— Я заснул вчера, — сказал он. — Надеюсь, ты не в обиде.

— Ты слишком устал и много выпил, — ответила она.

Он кивнул головой.

— Я возьму это сейчас, — сказал он и притянул ее к себе. Но она отодвинулась:

— Не сейчас, при свете дня, Кальв! Мы должны встать и выйти, иначе над нами будут смеяться...

Он задумчиво посмотрел на нее и понял. Он вспомнил, как она заставляла его рассказывать весь вчерашний вечер, и внезапно схватив ее за плечи, встряхнул:

— Ах, ты, отродье троллей!

Затем бросил ее на кровать, и она скоро узнала, что он вовсе не неуклюж, когда наворачстывает упущенное.

Но все так быстро кончилось, что она ни разу не испытала удовлетворения. Лежала с закрытыми глазами и чувствовала на себе его взгляд. Больше всего она чувствовала себя сбитой с толку, но была и возмущена, что он обошелся с ней, как с невольницей. Но одновременно внутри вспыхнула искорка, которой она не желала; она заставила ее ненавидеть не только его, но и саму себя.

Она открыла глаза и посмотрела вокруг, затем села. Он что-то искал на кровати рядом с собой. Наконец выгнул нож и протянул ей.

— На что он мне? — спросила она.

— Думаю, что у тебя появилось желание вонзить его в меня, — сказал он. — И если такое желание у тебя есть, то я хотел бы, чтобы ты сделала это сейчас, а не тогда, когда я буду крепко спать.

Это было сказано так, что она поверила.

Внезапно ее охватила жажда мести, и она взяла у него нож. Подняла его и, нацелившись на его горло, резко опустила его: но в последнюю минуту повернула руку так, что нож коснулся его не острием, а широкой плоскостью.

Кальв лежал и смотрел на нее, не двинув ни единым мускулом. Потом взял у нее нож и бросил его на пол.

— Ты не воспользовалась хорошим случаем! — сказал он жестко.

Она испуганно посмотрела на него. Выражение его лица полностью изменилось. Сейчас он больше не казался ей моложе своих лет, он выглядел старше и злее. И она почувствовала: что-то надорвалось в нем.

Подумала, как он относился к ней, неуклюже и постоянно краснея. И в ней проснулась нежность, нежность, которая в конце концов взяла верх. Она протянула к нему руки, погладила его лицо, погрузила пальцы в его волосы и вздохнула их еще больше.

Он сидел словно парализованный, уставившись на нее.

— Сигрид, — произнес он шепотом и посмотрел на синяки, появившиеся у нее после того, как он схватил ее за плечи. — Я грубо поступил с тобой?

Он притянул ее к себе, нежно и осторожно похлопывая ее по плечу.

Эта ласка, к которой он не привык, удивленно подумала она, и нежность заполнила ее. Но она была похожа на нежность, которую испытывают к ребенку.

Когда он пожелал ее снова, она отдалась ему добровольно. И ей было хорошо с ним.

Если она сама и не сознавала того, то скучала об этом, вне зависимости от Эльвира. Ей нужна была разрядка, сейчас она это поняла. Однако она не получила полного и глубокого удовлетворения.

Но потом, посмотрев в глаза Кальва, она увидела в них почти-тельность, почти преклонение. Ее охватило чувство, похожее на испуг.

Тогда она поняла: женщины, которых он до нее имел, были пленены во время походов, с ними обращались плохо, может быть, перебрасывали от одного мужчины к другому на корабле, или же такие, которые следовали за королевской дружиной, когда она была в походах по стране. Что он мог получить от них? Для него свершившееся было чем-то больше того, о чем он мечтал раньше.

— Сигрид, — прошептал он. — Обещаю тебе, клянусь: ты никогда не пожалеешь, что стала моей женой!

ЛЕНДМАН КОРОЛЯ

Грэтгард стоял у руля, когда «Козел» на всех парусах шел по фьорду Бейтстад, приближаясь к Эгга. Кальв и Сигрид стояли по сторонам от него; Кальв предложил ему помощь в управлении кораблем, но Грэтгард твердо сказал, что справится сам.

Осадка судна была низкой, на борту было много народу. Король посчитал, что Кальву первое время потребуются большие силы. Вместе с ними он послал и священника, круглого, как шар, любящего поспать, но почти всегда добродушного Йона, с которым Сигрид познакомилась в Каупанге.

Прощание короля Олава с Кальвом было сердечным. Король пожелал ему и Сигрид всего наилучшего. Но он сказал также и другое, что ужаснуло Сигрид: попросил Кальва побеспокоиться о том, чтобы прорицательница предстала перед судом за все то, что она сделала.

Сигрид вспомнила, что епископ Гримкелль рассказал королю о ней, и в этом она чувствовала свою вину. Она не попросила его не говорить об этом. Хотя она была несколько зла на пророчицу, все же вредить ей она не хотела.

Вода за кормой бурлила; дул свежий попутный ветер. И Сигрид казалось, что в ее душе все так же бурлит, мысли и чувства перемешались. Всего лишь несколько недель тому назад за рулем этого судна стоял Эльвир. Она повернулась и посмотрела на Кроксвог и дорогу на Мэрин.

— На что ты смотришь? — Кальв обратил внимание на мрачное выражение ее лица.

— На Мэрин, — медленно ответила она.

Он положил руки ей на плечи:

— Не гляди назад, направь взгляд вперед!

В его манере обращения с ней появилось нечто покровительственное и даже почти до смешного самоуверенное, подумала Сигрид. Он был заботлив и добр к ней; и она старалась так же относиться к нему. Но она видела, что ее мальчики съеживались, когда Кальв смотрел на нее с выражением собственника на лице.

Со дня свадьбы ей почти не пришлось поговорить с сыновьями; они избегали ее.

Кальву хотелось знать названия усадеб и дворов, расположенных по берегам фьорда, и он, указывая рукой, все время задавал вопросы. Сигрид вынуждена была рассказывать.

Грьетгард умело подвел корабль к пристани в Эгга, и Кальв, хлопав его по плечу, похвалил за умение причаливать. Но Грьетгард упрямо ответил:

— Отец научил меня ходить на корабле.

— Ты имеешь все основания гордиться своим отцом, — спокойно промолвил Кальв, и мальчик бросил на него быстрый взгляд.

Его дружинники, стоявшие рядом, тоже смотрели на Кальва и слушали, что он говорит.

В гавань встречать их пришли люди. Кальв спрыгнул на мостки и перенес Сигрид на берег. Он смотрел на нее ободряюще и держал на руках дольше необходимого.

Один из людей, стоявших на пристани, выступил вперед. Это был мужчина с кислым выражением лица и бегающим взглядом. Сигрид он сразу не понравился.

— Меня зовут Бьёрн, — представился он. — Я королевский орман в Эгга. Ты привез послание от короля, Кальв Арнисон?

У Кальва он тоже не вызвал особой симпатии.

— Значит, ты был здесь орманом короля, — сказал он. — Посмотрим, как ты хозяйничал, и буду ли я в дальнейшем пользоваться твоими услугами. Теперь я хозяин Эгга и лендман этой местности. Такова воля короля.

Мужчина изобразил на лице льстивую улыбку, и они двинулись вверх к усадьбе.

Во дворе стояло много незнакомых людей. Единственное, что узнала Сигрид — одежду, принадлежавшую ей и Эльвиру. Она была на незнакомцах.

Впереди в толпе стояла девица высокого роста с нахальным лицом. У нее были все ключи.

Все было столь удивительно чужим, что Сигрид даже не почувствовала боли.

— Покажи мне усадьбу, — сказал Кальв, обращаясь к орману, и кивнул Сигрид, приглашая ее с собой. Девица с ключами тоже пошла с ними.

— Ты знаешь, что здесь было до твоего отъезда? — тихо сказал он Сигрид, как только они вошли в один из домов.

Она кивнула.

Они переходили из одного дома в другой и видели, что многого не достает. Видимо, орман продавал вещи.

— Ну? — тихо спросил наконец Кальв.

— Он ворует словно ворон, — прошептала Сигрид в ответ.

Дружинники Кальва собрались во дворе, они все уже сошли с корабля на берег. Кальв приказал:

— Схватить ормана и его людей.

Все произошло так неожиданно, и люди Кальва действовали столь быстро, что ни одному не удалось убежать. Орман молил о пощаде и спросил Кальва, в чем тот его обвиняет.

— В воровстве, — коротко ответил Кальв.

Но орман утверждал, что ничего не крал. Что было в домах, когда он приехал, то и осталось.

— Расскажи это Сигрид, — промолвил Кальв.

— Подожди! — вмешалась она. — Сначала я кое-что предприму!

Она подошла к девице с ключами и протянула руку.

— Ключи! — произнесла она.

Девица нехотя отдала их.

— Мне кажется, самое малое, что ты можешь сделать, поблагодарить за то, что ты их позаимствовала, — сказала Сигрид.

Затем она вернулась к Кальву и орману, стоявшему на коленях перед ним и клявшемуся Святой Троицей и всеми святыми, и, если бы ему было позволено, он поклялся бы и иными богами, что ничего не крал.

— Бьёрн, — перервал его Кальв. — Ты, конечно, не знаешь Сигрид Турирсдаттер из Эгга...

Орман внезапно замолк и уставился на нее, как на привидение. А Кальв подозвал мальчиков:

— Грьетгард и Турир сыновья Эльвира. Они также знают, что было в этой усадьбе, и могут выступить свидетелями.

Мальчики растерялись, но все же подошли и стали рядом с Кальвом и Сигрид.

В этот момент Сигрид спросила ормана:

— Где Гутгорм Харальдссон? Где Тора дочь Эльвира? И все люди?

— Они уехали, когда я пришел.

— Тебе известно, где они сейчас?

— Здешние люди нам не говорят.

— Верно! — воскликнула Сигрид. — Грьетгард и Турир, — обратилась она к сыновьям, — сбегайте в Хеггин и узнайте у Колбейна, куда ушли люди из усадьбы. И здесь, конечно, нет ни капли пива промочить горло, — продолжала она, обращаясь к перепуганным девушкам. — Ну, так сделайте мучной каши, да побыстрей!

— Надо сначала намолоть муки, — робко ответила одна из них.

Брови Сигрид поползли вверх. В каждом порядочном хозяйстве зерно мелют каждый день. Крутить вручную тяжелый жернов — работа рабыни. И так ясно, молотая крупа должна быть в хозяйстве всегда.

— Быстро приведите рабынь! — приказала она.

— Они разбежались.

Глаза Сигрид сверкнули, когда она указала на девицу, у которой были ее ключи.

— Ты будешь крутить мельницу! — воскликнула она.

Кальв стоял молча, пока Сигрид разговаривала со служанками. Затем он повернулся к орману.

— Вытяни левую руку! — приказал он.

Но орман крепко прижал ее к себе. На его лбу появились капельки пота.

— Пощади! — взмолился он. — Клянусь драгоценной кровью Христа, больше никогда не буду воровать.

Сигрид побледнела и хотела что-то сказать. Но, повинувшись лишь одному кивку Кальва, двое его дружинников схватили ормана. По

двору разнесся страшный вопль. И Сигрид, почти потеряв сознание, стояла и смотрела на отрубленную руку и ногу, валявшиеся на земле, в то время как кричащего ормана оттаскивали куда-то.

Потом она быстро повернулась и пошла в старый зал.

Она сидела там одна, когда в дверь вошел Гутторм Харальдссон. Она поняла, что он вместе с мальчиками пришел из Хеггина.

Сигрид сидела на скамье у торцевой стены, и он медленно приблизился к ней.

— Итак, Сигрид, ты привезла нового хозяина в Эгга, — промолвил он.

Она взглянула на него. Она старалась успокоиться после кровавой сцены во дворе, но не смогла еще полностью овладеть собой и закрыла лицо руками.

Она плакала не громко, но слезы лились между пальцев. От слез ей становилось легче; ведь она не плакала со дня смерти Эльвира.

Гутторм сел, но на некотором расстоянии от нее, и дал ей выплакаться. Спустя некоторое время слезы перестали литься; она вытерла глаза и выпрямилась.

— Кальв Арнисон послал меня сюда, — промолвил он. — Он спросил меня, не могу ли я при нем взять на себя управление хозяйством, как это было при Эльвире. Я ответил, что нужно подумать и поговорить с тобой.

Сигрид не ответила.

Спустя некоторое время он продолжил:

— Я не знаю, что заставило Кальва Арнисона поверить в то, что он может положиться на меня. — Он подзинулся к Сигрид и заговорил тихо, чтобы его не услышали, даже если подслушивают. — Может быть, он не знает, что связывает меня с Эльвиром.

Он замолчал.

— Грэттард тоже спросил, не хочу ли я вернуться. Если я снова перееду в Эгга, то не потому, что хочу помочь Кальву, а из-за того, что нужен сыновьям Эльвира.

— И я нуждаюсь в тебе, Гутторм!

— У тебя есть Кальв Арнисон, — сказал он. Это прозвучало жестче, чем он рассчитывал. И поскольку Сигрид снова готова была заплакать, он положил руки ей на плечи.

— Он может положиться на тебя, после того как позволил поговорить нам с глазу на глаз.

Она всхлипнула. Но он больше ничего не сказал. Спустя мгновение она подняла глаза, покрасневшие от слез.

— Что мне было желать? Со мной дети Эльвира. Я просила отпустить меня в Бейтстад, чтобы я сидела там спокойно вдовой, но король отказал мне. Я знаю, что значит остаться одинокой женщиной, Гутторм. И мне кажется, что я должна была принять ту защиту, которую могла получить...

Гутторм сидел, погружившись в мысли.

— Если Кальв Арнисон пожелает принять меня на моих условиях, я вернусь в Эгга, — произнес он в заключение.

— Что, если кто-нибудь расскажет Кальву, что ты кровный брат Эльвира?

— Я сам расскажу ему об этом. Если я присягну ему в верности и буду служить верой и правдой, никто ничего не будет иметь против меня.

Вставая, он протянул руку Сигрид.

— Добро пожаловать домой, Сигрид, — сказал он, когда она пожала ее.

Но лицо его оставалось мрачным, когда он выходил из зала.

Во второй половине дня один за другим стали появляться люди, жившие до этого в усадьбе. Пришли даже рабы. Сигрид была глубоко взволнована. Ибо понимала, что Кальв, являющийся представителем короля, принимал их нехотя. Они пришли по приглашению Гутторма, будучи верны ей и мальчикам.

Остаток дня она была полностью занята домашними делами и радовалась этому. Стоило ей закрыть глаза, она тут же видела отрубленные руку и ногу ормана, лежащие во дворе.

За ужином Кальв сидел на почетном месте Эльвира в большом зале. Мальчиков не было: они с Гуттормом и Колбейном ушли в Хеггин.

Люди сидели за столом молча. Еду пришлось запивать одной лишь водой, в адрес бедняги ормана, который лежал связанным в одном из домов, то и дело раздавались проклятия.

Лето было в разгаре, и круглые сутки было светло. После того как дневная работа была закончена, Сигрид не осмелилась сидеть в зале

с Кальвом и людьми короля. Ей захотелось уйти из дома, и она отправилась в Хеггин.

Шла она по старой дороге, но перед тем, как дойти до соседней усадьбы, свернула в лес. Остановилась возле большого кладбища среди деревьев. Там были огромные каменные кольца; Эльвир рассказывал, что могилы очень древние.

Она уселась меж камней. Шумели высокие сосны. В этот шум вплеталось щебетанье птиц. Лучи солнца проходили между стройными стволами деревьев и бросали тени на сухую, усыпанную сосновыми иголками землю.

Но ее собственные чувства были подобны пронзительному крику. Она была готова цыкнуть на поющих птиц и закрыть глаза, чтобы не видеть солнечного света.

Она ошиблась, когда решила, что Кальв не похож на конунга, и посчитала, что Кальв невиновен в смерти Эльвира. Крики на дворе Эгга и крики в Мэринэ смешались в ее голове, она поняла, что Кальв — это рука короля, проводящая в жизнь его волю, точно так же, как это делает сам король. Именно Кальв и сотни ему подобных дают возможность правителю свирепствовать.

Что из того, что он был добр к ней? Конунг, наверное, тоже по доброму относится к своим любимцам.

Она не знала, хватит ли у нее смелости вернуться в Эгга и лечь в постель с Кальвом, ту постель, которую она делила с Эльвиром.

Но она жена Кальва. Она отдала себя в его руки, даже дала ему больше, чем была обязана. Поздно. Дороги назад нет.

Она увидела перед собой нож, который он протянул ей в их первое утро.

Но птицы пели, ветер шелестел в ветвях. И Сигрид захотелось открыть глаза и посмотреть на лес и солнечный свет.

И она подумала, что те, кто сейчас лежит в могилах под слоем сосновых игл, когда-то давным-давно были живыми, бродили по лесам. К чему они стремились, подумала она, и если кто-нибудь из них сидел здесь, так как она сейчас, то действительно жизнь — это единая перепутанная нить.

Она всегда боялась мертвецов, их сверхчеловеческой силы и опасного могущества. Но сейчас она испытывала чувство удивительного родства с ними, и не только из-за того, что у них были, навер-

няка, свои заботы. Она больше не чувствовала ужаса при мысли, что они могут утянуть ее за собой в могилу; ей казалось, что часть ее уже умерла и лежит в могиле вместе с падшими в Мэринне.

Старая Гудрун как-то сказала: «Я хотела бы быть сожженной на костре, как женщина в древние времена». И она подумала, что в основе своей это не такой уж отвратительный обычай.

Послышались голоса, и она меж деревьев увидела людей Кальва, направляющихся в Хеггин. Один из них обнаружил ее и крикнул, и Сигрид поняла, что они ищут ее.

Она испытала глубокую досаду и злость оттого, что Кальв послал людей на ее поиски и поставил их обоих в смешное положение. К печали и скорби пришло чувство удивительной жгучей злости. Она гордо выпрямилась, когда проходила по двору, словно пленная, окруженная людьми Кальва.

— Действительно, в Эгга наступили новые времена, коль нельзя вечером спокойно прогуляться! — воскликнула она, встретив его во дворе.

Но Кальв только рассмеялся.

— Неужели ты ожидала, что я отправлюсь в постель один, — сказал он.

Люди во дворе фыркнули. Она еще больше разозлилась, когда он повел ее с собой в старый зал.

Когда он попытался овладеть ею, она оттолкнула его.

Он растерялся и не знал, как поступить.

— Я не думал обидеть тебя этим.

— Чем этим?

— Тем, что послал за тобой людей.

— Пожалел бы себя, — презрительно произнесла она. — Проголодавшись, я обязательно пришла бы обратно. Как тебе известно, собаки и женщины очень нуждаются в еде.

Он запустил руку в волосы: смущение и беспомощность чувствовались в этом движении.

— Что ты в прошлый раз имела в виду, сказав: «Верю, что смогу полюбить тебя»? — спросил он. Вся его самоуверенность последних дней исчезла.

Сигрид не ответила на вопрос. Тогда он спросил ее, сможет ли она полюбить его, и она, боясь обидеть его, ответила «да».

— Почему ты позволил изувечить ормана?

Он непонимающе уставился на нее.

— Я слышал, что женщин сложно понять, — произнес он, — но чтобы это было так трудно, я не ожидал. Какое отношение орман имеет ко всему этому?

— Не беспокойся о том, какое он имеет отношение, а ответь на вопрос!

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я буду отвечать тебе, как раб...

На ее лице появилась вымученная улыбка.

— И все же ответь, Кальв. Я хочу знать.

— Отвечать мне не на что. Этот человек украл имущество конунга и не оправдал его доверия.

— За это его нужно наказать, а не уродовать. Существуют наказания, предусмотренные законом.

— Я, лендман короля, сам закон в своих владениях. И люди должны знать, что будет плохо, если они поступят против воли короля.

— Здесь, во Внутреннем Трондхейме, тебе до старости не дожить!

— Почему? У меня есть воины, пришедшие из Каупанга. И я думаю призвать на службу людей из здешних хозяйств. Если кто-то еще не научился бояться короля, воины быстро их научат. Пройдет немного времени, и они будут верны мне; мне приходилось иметь дело с воинами, Сигрид.

— Тебе известны законы Фростатинга?

— Я никогда не был знатоком законов.

— Ты полагаешь, что конунг, назначив тебя лендманом, не подумал о том, что ты должен прилично знать законы и права?

— Мне необходимо знать лишь одно — волю короля.

— Ты не расскажешь, что она из себя представляет?

— Это не трудно сделать, — ответил Кальв. — Я обязан поддерживать здесь спокойствие и порядок, распространять и наказывать тех, кто занимается колдовством.

— Даже король заботится о законах, в некоторые из них он внес изменения, — заметила Сигрид, — несмотря на то, что толкует их по-своему. Но здесь, в Трондхейме, вошло в обычай, что законы толкуют судьи-старейшины. Они избраны народом, и им доверено судить по этим законам. Мы не привыкли, чтобы один человек заби-

рал все права в свои руки и уродовал бы свободных людей без суда. Эльвир говорил: «Когда один человек издает законы и судит по ним, то начинается беззаконие». Тебе потребуется очень много сил, Кальв, если ты намереваешься встать над законами.

Кальв не ответил, но было ясно, что у него появилась пища для размышления.

— Ты потому и убежала в лес, что я казнил ормана Бьёрна? — спросил он спустя мгновение.

Она кивнула.

— Ты удивительный человек, — промолвил он. — Но то, что ты говоришь о правах и законах, напоминает мне то, что я еще мальчиком слышал в Гиске. Это может значить многое.

— Ты не дал орману даже возможности возместить убытки, — сказала Сигрид.

— Не вижу в этом большой пользы! Он рожден рабом, как и многие орманы короля. И ничем, кроме одежды на себе, он никогда не владел.

— Неужели король поступает разумно, назначая таких людей управлять столь огромным богатством? — удивленно спросила Сигрид. Она подумала о Таральде, королевском ормане в Хауге, и о бедах, которые он причинил.

— У короля нет возможностей посылать людей высокого происхождения управлять своими владениями, — сказал Кальв. — И он считает, что, назначив человека из низких слоев, может быть уверен, что тот будет верен ему больше, чем человек хорошего рода. Как правило, он оказывается прав. Большинство орманов верны ему и воруют не больше, чем можно ожидать от раба. Но бонды их не любят.

— И может быть, не без основания, — произнесла Сигрид.

— Бонды их побаиваются, — сказал Кальв. — Они глаза и уши короля.

— И случается, что лгут, — горько промолвила Сигрид. — Да и нельзя ждать порядочности от человека с рабской душой.

Когда Кальв спросил, на что она намекает, Сигрид рассказала о роли ормана Таральде в Мэринских событиях.

— Ты очень любила Эльвира? — спросил Кальв, когда она окончила рассказ.

— Да, — ответила она. Потом положила руку на его ладонь: — Нельзя ли нам поискать иное место для спальни? Эта комната полна воспоминаний.

— Сомневаюсь, что тебе удастся убежать от них в любом помещении этой усадьбы, — сказал он.

Она знала, что он прав, и больше ничего не сказала.

— Что ты намерен сделать с прорицательницей? — спросила она спустя некоторое время.

— Я еще не думал об этом.

— Можно сделать так, чтобы все узнали о твоём намерении схватить ее, и дать ей время убежать в Швецию?

— Тебе она нравится?

— Нет. Но в том, что король Олав узнал о ней, виновата я.

— Я также не люблю прорицательниц, а эта в дополнение ко всему самого отвратительного сорта.

— Кальв, — она обняла его за шею. — Я никогда не прощу себе, если она пострадает из-за того, что я не удержала язык за зубами.

— Ты хочешь меня задобрить? — Он снял ее руки с шеи. Но она улыбнулась, и он не отпустил ее. — Во всяком случае, в ближайшие дни я не намерен посылать за ней людей, — промолвил он.

Сигрид взглянула на него. И когда их глаза встретились, она поняла, что должна на следующий же день известить прорицательницу.

После того как он уснул, она лежала и слушала его ровное дыхание. Он спал словно дитя.

Кальв может гордиться ею, сказал Гутторм. Но повода для чего-либо иного она ему и не давала.

Когда она сидела на горе меж деревьев, она почувствовала потребность убить его. А сейчас поняла, что никогда не сделает этого.

Он не похож на короля Олава. С ним можно договориться. Она поняла, что добившись отсрочки того, что конунг действительно просил Кальва исполнить, одержала победу над ним.

И она почувствовала в себе силу, с помощью которой она может влиять на него, силу, которой не обладала во время жизни с Эльвиром.

Прошел довольно большой промежуток времени, прежде чем им в Эгга удалось сварить пиво.

Сначала потребовалось время на помол ячменя. Солодовых зерен снова не оказалось в хозяйстве, да и в округе солода, когда Кальв решил купить его, не было. Потом оказалось, что вот-вот наступит время солнцестояния, пришлось переждать его.

В этот момент пиво, которого так жаждали люди, варить нельзя: скиснет.

Но сейчас его уже варили в большом котле. Одна из рабынь вливала сусло, перемешивая его, в теплую воду в другом чане с тем, чтобы осветлить его и перелить в следующий чан.

Сигрид постоянно была в движении, за многим нужно было присмотреть. Жидкость перед варкой надо было процедить, во время кипения добавить в нее хмель и другие растения, а затем отцедить их из пива перед тем, как поставить его на брожение.

Рагнхильд тоже была в кухне. Она следила за чаном с пивом. С Сигрид она разговаривала мало, отвечала только на вопросы, которые та задавала. Сигрид не понимала, почему Рагнхильд и другие были приветливы, когда вернулись в Эгга. Но затем они отошли от нее.

И Тора Эльвирсдаттер не приехала, а осталась в Бейтстаде.

Кальв, когда Сигрид попросила его о том, чтобы Тора вернулась домой, ответил ей согласием. Сигрид послала за ней, но та ответила, что в Эгга ей делать нечего. У Сигрид же не было времени съездить в Бейтстад и переговорить с ней. Мальчики побывали там, но у них Сигрид ничего не смогла узнать относительно Торы.

Люди в округе были настроены враждебно и к Сигрид, и к Кальву. Случай с солодом явился лишь одним из проявлений вражды. Сначала Кальв хотел послать своих людей по хуторам, чтобы заставить бондов отдать им солодовое зерно, но Сигрид удалось его отговорить от этого.

Немного пива они раздобыли в других хозяйствах, принадлежащих Эгга, и теперь во время еды могли пить не только воду.

В кухне от пара было душно и влажно. Сигрид была рада, когда вышла оттуда во двор на поиски священника Йона. Он должен был благословить пиво до того, как его поставят бродить.

Она нашла его за домами, недалеко от старого храма. Сейчас здесь должна быть построена церковь.

«Храм разрушать не нужно, — сказал Йон. — Его изнутри следует лишь окропить святой водой, и все боги и нечистая сила будут изгнаны. Сам же храм послужит хорами в новой церкви».

Сейчас здесь работали топоры и стучали молотки. Неф церкви будет возведен, как и в других деревянных церквях. Строители были заняты подъемом больших угловых столбов для хоров.

Йон-священник стоял и разговаривал с мастером, когда Сигрид подошла к нему. Он кивал головой и улыбался тому, что говорил ему мастер, но было ясно, что он мало что понимал в строительстве церквей.

— В Англии мы строим церкви из камня, — сказал он Сигрид, когда они шли к дому.

— Зачем здесь новая церковь? — спросила она. — Разве старая в Стейнкьере мала?

— Кальв пожелал, чтобы в Эгга была церковь, — ответил Йон. — А храм в Стейнкьере тоже приведем в порядок.

— Я рада этому, — воскликнула Сигрид. — Там похоронены двое из моих детей.

Внезапно вид у священника стал таким, словно ему в голову пришла серьезная мысль.

— Люди рассказывали мне, что священник, служивший в Стейнкьере во времена ярла Свейна, был святым человеком.

— Сам он так не думал, — сказала Сигрид. — И он ушел от нас, когда народ пожелал сделать его святым.

Йон вздохнул и сказал:

— Не легко, видимо, было ему уйти.

— Нет, — подтвердила Сигрид. Она подумала о жертвенной воле и жгучей вере Энунда во Христа и уголком глаз посмотрела на стоявшего рядом добродушного, невысокого мужчину с непрерывно моргающими глазами.

Однако Йон был не единственным священником в округе. Был и другой по имени Освальд. Один из тех, которых конунг оставил здесь при отъезде из Мэрина. Сигрид была довольна; он не служил в Эгга. Освальд был тощим, мрачным человеком, который приезжая в усадьбу, почти все время говорил только об аде. В стейнкьерской церкви он служил еще до приезда Кальва и Сигрид, а сейчас переехал еще севернее в Сносаванн, где он лучше мог обращать людей в истинную веру.

Сигрид тяжело вздохнула, войдя вместе с Йоном в кухню. Она стала чувствовать неприязнь людей.

К середине лета в Эгга все шло как обычно.

Кальв привез серебро, завоеванное им в походах, послал людей за покупками в Каупанг. И сейчас дом был снова полностью обставлен.

Дни проходили обыкновенно. Единственным отличием стало то, что мессы служили каждый день. Пока церковь не была достроена, моления совершались во дворе, если позволяла погода, или в большом зале.

По воскресеньям и праздничным дням люди, жившие в округе, обязаны были встречаться здесь, хотели они того или нет. И они приходили с непроницаемыми и недружелюбными лицами. Сухо кланялись Сигрид. Было видно, что здороваются они по обязанности. Если она пыталась заговорить с ними, они вежливо, но коротко отвечали ей.

На воскресных богослужениях Сигрид встречала Гюду и Блотульффа из Гьёврана. Блотульфф шел медленно и палкой ощупывал перед собой дорогу, оставив вперед свои слепые изуродованные глаза. Гюда шла сбоку и помогала ему как могла. Сигрид захотелось узнать, как себя чувствуют остальные близкие, потерявшие свое добро в Мэрине, и однажды спросила об этом у Гутторма. Он был одним из тех немногих, с которыми она могла разговаривать, но даже он охладил к ней после ее приезда.

— А как ты думаешь? — ответил он.

Когда же она попросила его рассказать подробнее, то узнала, что от былого величия гордых родов, живших на берегах фьорда, почти ничего не осталось. В Саурсхауге и в Олвесхауге сидят орманы короля. А Иннерей король отдал лендману, человеку безродному, Торгейру из Квистада, одарив его большими усадьбами.

Некоторым из вдов удалось сохранить за собой усадьбы, а другие стали совсем нищие. Гуннхильд из Хустада и ее дети ходят по дворам, прося милостыню.

Сигрид пришла в ужас; она и не представляла, что дела обстоят столь скверно. И она поняла, почему люди отворачиваются от нее: она вернулась в усадьбу и продолжала оставаться хозяйкой Эгга.

«Может быть, — подумала она, — я могу как-нибудь помочь пострадавшим». И она решила сходить в Гьёвран.

Во дворе было тихо, когда она пришла в Гьёвран. Все отправились в луга на сенокос. Гюду она нашла в кухне, там же перед очагом сидел и Блотульф, повернув лицо к пламени, словно он мог видеть его. Гюда подняла глаза от теста, которое месила.

— Что вам нужно в Гьёвране, фру Сигрид? — спросила она высоким, резким голосом.

Блотульф дернулся и выпрямился на скамье.

— Раньше мы обращались друг к другу на ты, — промолвила Сигрид.

— Простые люди, такие, как мы, должны обращаться к жене королевского лендмана из Эгга почтительно.

— Гюда! — Сигрид подошла к ней и протянула руку.

— У меня пальцы в тесте, руки подать не могу, — сказала Гюда и снова принялась месить тесто.

Сигрид повернулась к Блотульфу.

— Я пришла спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь.

— Спасибо, сами справимся, — произнес Блотульф. — Мы спасли хозяйство, а это удалось не многим.

Сигрид огляделась. Кругом была пустота, навевающая тоску. Исчезли многие предметы кухонной утвари и обстановки, которыми так гордилась Гюда.

Гюда проследила за ее взглядом.

— Для того, кто привык к поварне в Эгга, здесь довольно пусто, — сказала она. — Мы вынуждены были многое продать, чтобы заплатить королю дань.

— Убирайся домой в Эгга, Сигрид! — тут же воскликнул Блотульф. — Мы не нуждаемся в жалости и тем более в людях, руны которых отданы лендману короля.

Сигрид задыхнулась:

— Значит, люди считают, что я все о них докладываю Кальву!

— Стал бы король возвращать тебя сюда еще более богатой и могущественной, если бы ты не обещала ему ничего в замен? Люди не настолько глупы, как ты представляешь, Сигрид!

— Блотульф, я...

— Хочешь знать, что думают о тебе? — прервал он ее. — Мы не боимся, что ты пожалуешься на меня Кальву Арнисону.

— Да.

— Тьфу! — Он плюнул по направлению звука ее голоса, но в нее не попал.

Она была слишком потрясена, почувствовала, что вот-вот заплачет. Поэтому быстро повернулась и ушла:

На обратном пути она остановилась в том месте, откуда открывался самый прекрасный вид на фьорд.

Вот уже почти тринадцать лет эти несокрушимые низкие горы служат ей защитой. И сейчас, как и прежде, они стоят надежно, словно говоря ей: «Что тебе люди? Взгляни на нас, мы остались прежними, такими же, как ты увидела нас, приехав сюда. И на следующий год, через десятки лет, через сотню, когда ты уже будешь покоиться в земле, мы не изменимся».

И ей захотелось заключить в объятия фьорд и небо, и горы, ибо они были открыты ей и принимали ее, ибо они, в противоположность людям, не меняли своего отношения.

В это время Сигрид сблизилась с Кальвом. А он после разговора в первый вечер в Эгга, просил ее рассказывать о законах и обычаях.

Она отвечала на его вопросы, как умела, удивляясь тому, сколь много она знала.

Эльвир часто рассказывал ей о вещах, интересовавших его большую часть жизни. А она, сама того не сознавая, многому научилась у него за прошедшие годы.

Сигрид оценила любовь и заботу, которую Кальв проявлял по отношению к ней. И это, на фоне холодного отношения других, доставляло ей радость, которая заставляла ее притворяться, что любит она его больше, чем чувствовала на самом деле.

Однако она иногда не могла отказаться от попыток воспользоваться властью, которую обрела над ним. Она прибегала к ней в тех случаях, когда могла заставить его поступить по-иному, чем хотел король, правда, лишь в довольно мелких делах.

Искала она и встреч с Йоном-священником, беседовала с ним. Мессы она посещала чаще, пытаясь обрести то счастье веры во Христа, о котором ей говорил Энунд. Но оно к ней не приходило. Даже вечерняя трапеза не приносила ей спокойствия.

Она спросила об этом Йона.

— Важно, что ты приходишь к Богу, — ответил он. — Тебе лишь нужно следовать правилам, которые предписывает церковь, и на

тебя снизойдет милость Божия. При этом тебе не придется испытать чего-либо особенного.

Правил, которым нужно следовать, было огромное множество, среди них были и посты, и религиозные праздники. Сигрид почти не понимала, как можно выполнять работы по хозяйству, поскольку люди обязаны были отдыхать каждый седьмой день, да и по всем святым праздникам. Она злилась и на то, что по выходным дням ей запрещали ткать — это работой она не считала.

Кроме того, она была обязана исповедываться и каяться, и все это она должна исполнять, как предусмотрено правилами, во время богослужения. Йон говорил, что ей исключительно важно вовремя преклонить колени и в нужное время встать, ибо владельцы Эгга должны служить примером для людей, живущих в округе.

Кальв часто ходил к мессе, постился и строго соблюдал правила выходного дня, предписанные церковью.

Сигрид пыталась поговорить и с ним о нетерпеливом ожидании знамения от Бога, о том, что Он принял ее в свое лоно, или свидетельства, что Он находится рядом.

— Бог рядом с тобой во время вечерней трапезы, — говорил Кальв.

— В куске хлеба? — Она знала, что Эльвир чувствовал близость Бога в причастии, а она этого не испытывала.

— Да. И когда приняла тебя церковь, принял и Бог.

Она рассказала, о чем говорил ей Йон.

— Но для того, кто нарушит обеты и правила христианской веры, должно быть нечто большее, а не один лишь страх перед гневом Божьим. Если это все, то христианство не лучше богов, в которых мы верили раньше, когда нас преследовал страх наказания, если мы не станем приносить им жертвы.

— Бог добр, а те боги злы, — отвечал Кальв. — В этом огромная разница.

— Но почему и новый Бог, и те старые добры, когда живешь по их заветам, но становятся злыми, если нарушить хотя бы один...

Кальв рассмеялся.

— Ты спрашиваешь о необъяснимом, — сказал он. — Все, что я знаю, — это обет следовать заветам христианства, и я по возможности это делаю. А Белый Христос обладает огромной силой, я сам видел, как Он помогает королю.

Большого ни Кальв, ни Йон не могли рассказать Сигрид. Казалось, что она уперлась в стену, когда попыталась поделиться мыслями Эльвира. Оба заявили: конечно, это хорошо. Но самым важным для нее будет следование церковным заповедям.

Постепенно стало заметно, что Сигрид ждет ребенка.

Она надеялась, что женщины в усадьбе, заметив это, изменят отношение к ней в лучшую сторону. Но единственное, что происходило при ее появлении на кухне: они прекращали разговоры и молча смотрели на нее.

Однажды Сигрид не выдержала.

День был пасмурный, по крыше, покрытой дерном, бил дождь, со стрехи капало. Над землей нависли тяжелые тучи, мрачные и холодные. Сигрид казалось, что они слились воедино с неприязнью, проявляемой людьми по отношению к ней. Клочки облаков, застрявшие меж ветвей елей, опускающиеся на крыши домов, соединялись с вызывающей тошноту, отталкивающей манерой поведения окружающих ее людей, которая заставляла ее постоянно вздрагивать.

Однажды она вошла в кухню. Большинство служанок были там и готовили еду. Здесь же в обществе Гутторма Харальдссона и одного из его сыновей находились ее мальчики. Гутторм и Грьетгард играли в шахматы, остальные следили за игрой. Служанки тихо разговаривали между собой, стоя у дальнего очага. Сигрид услышала, что они упомянули ее имя. И в этот момент одна из них увидела ее и сделала знак остальным. Все тут же замолчали.

Сигрид направилась прямо к ним и спросила, о чем они разговаривали.

— Да так, ни о чем особом, — ответила одна из них.

— Я слышала, вы упомянули мое имя и хочу знать, что же это за «неособое».

— Говорили, что ты ждешь ребенка, — сказала другая служанка.

— Ну и что же? — не сдавалась Сигрид.

Ответа она не получила и почувствовала, что щеки ее покраснели.

— Я желаю получить ответ, честный ответ. В противном случае вы пожалеете! — Она сама испугалась резкости своего голоса.

Служанки что-то промямлили; никто не осмеливался говорить.

— Ты, Ингеборг? — Сигрид ткнула пальцем на одну из служанок, которая приехала вместе с ней из Бьяркея. Она близко принимала к сердцу, что даже ее девушки из Бьяркея отвернулись от нее.

Остальные вытолкнули Ингеборг вперед.

— Нам... нам интересно, кто отец твоего ребенка, — сказала та робко.

— Так кто же он? Меня ведь вы спросить не соизволили. — Глаза Сигрид сузились, а голос стал ледяным.

— Люди говорят... — Ингеборг замолчала.

— Что говорят люди? — Все повернулись, ибо прозвучал глубокий голос Гутторма. Он и мальчики поднялись и подошли к ним.

Ингеборг повернулась к нему:

— Говорят, что это может быть сам король после того, как Сигрид побывала в Мэринe.

Сигрид почувствовала, что теряет силы, и почти упала на скамью. То, что произошло в следующий момент, случилось так быстро, что она по-настоящему даже не успела увидеть. Послышался удар и крик. Ингеборг поднесла руку ко рту. Из губы текла кровь. Грьетгард стоял перед ней, побелевший от злости.

— Может, еще раз позволишь себе сказать такое о матери?

Гутторм вынужден был держать его, чтобы он не набросился снова на девушку.

— Я собственными ушами слышала, как она сказала, что с удовольствием примет короля, — промолвила Ингеборг.

— Я остался в Мэринe, когда тебя и других отослали оттуда, и Турир был там. — Грьетгард пытался вырваться из крепких объятий Гутторма. — Мы все время были с мамой и в Каупанге. У малыша, которого она ждет, тот же отец, что и у нас. За это мы можем поручиться.

— Ступайте работать, — сказал Гутторм служанкам, — и перестаньте нести чепуху и распространять ложь!

Служанки загремели котлами и сковородками.

Сигрид осталась сидеть на скамье.

И рядом с ней оказались ее сыновья, один с одной, другой с другой стороны, чего не случилось с момента ее свадьбы с Кальвом Арнисоном.

В Гьёвран вернулся Финн Харальдссон.

Сигрид узнала об этом как-то утром от Гутторма, и вечером того же дня Финн пришел в Эгга.

Он передал привет от Турира.

Кальв пригласил его в новый зал и предложил выпить меду; в последнее время гости редко приезжали в Эгга. Сигрид облегченно вздохнула, увидев, что Финн остался прежним. Он был не очень обеспокоен тем, что болтали в округе.

— Что нового в Халогаланде? — спросила она, когда стол был накрыт и рог наполнен медом.

— Хорошего мало, — ответил он. — Зимой умер твой брат, Сигрид.

Сигрид сидела, уставившись на столешницу со множеством пометок и зарубок.

Она почти не знала этого брата и теперь, по прошествии нескольких месяцев со дня его кончины, не испытала сильного чувства потери близкого человека. И все же известие было не из приятных. Знание того, что он находится на севере в Тронденесе, внушало ей некую уверенность.

— Как он умер? — наконец спросила она.

— Он долго болел.

— А Сигрид дочь Скъялга? Она тяжело переживала его смерть?

— Думаю, на нее это мало подействовало, — сухо произнес Финн. — В последние годы они не разговаривали. Люди говорили, она радовалась тому, что его похоронили по христианскому обычаю, ей не нужно было класть с ним в могилу никаких вещей.

— Когда я с королем прошлым летом был в Тронденесе, то обратил внимание, что они не разговаривали друг с другом, — сказал Кальв. — А услышав, как она бранила служанку, понял, что язык у

нее нехороший. Я помню, что Сигурд разговаривать с ней не хотел. Впрочем, из этого рода она не одна с таким злым языком. Жена моего брата Рагнхильд Эрлингсдаттер может быть столь же строптивой.

— Общее у них одно: они никогда не ползли из Гьёвра на в Эгга, — сказал Финн, подмигнув Сигрид.

— Ингерид тоже приехала с тобой? — тут же спросила та.

— Ингерид и вся молодежь, — ответил он. — Все пятеро, — добавил он, когда Сигрид вопросительно посмотрела на него. — И мы останемся в Трондхейме. Блотульф, как я не просил его остаться, отказался от своих прав в мою пользу в день нашего приезда. Он говорит, что не может из-за своей слепоты вести хозяйство.

— Ты многое обещал? — спросила Сигрид. — Или научился быть осторожным?

— Спасибо, — сказал Финн. — Я лишь сказал, что буду хозяйствовать так, как смогу, и попытаюсь вести себя таким образом, чтобы другим не было за меня стыдно.

— Тронденес сейчас принял на себя Асбьёрн Сигурдссон, — задумчиво произнесла Сигрид. — Я думаю, что же он обещал, занимая хозяйское место.

— Этот мужик о себе неплохого мнения. Он откроет новый Винланд.

— Трудновато, — заметила Сигрид. — Я слышала, что Турир стал королевским лендманом, — усмехнулась она, в ее голосе прозвучал слабый оттенок горечи.

Осмотрев зал, Финн посмотрел на нее.

— Да, — сказал он, — король не сделал тебя беднее.

Сигрид ничего не ответила, ей показалось, что он сказал это самому себе.

— Турир просил меня передать, что он приедет на юг, как только позволят обстоятельства. Ему хочется поближе познакомиться со своим новым шурином.

Сигрид не знала, радоваться ей этому или нет. Встретиться с Туриром по прошествии всех этих лет, после всего, что произошло, было и хорошо, и плохо. Она не была уверена в том, хотела она или нет знать с ним дальше.

— Каков он сейчас? — спросила она осторожно.

— Быстр в своих действиях, — ответил Финн, потирая руки.

— Да, ты во всяком случае не изменился, Финн! — вырвалось у Сигрид. — Остался таким же честным, как и всегда!

Кальв сидел и смотрел на Финна, пока шел этот разговор. На лбу у него пролегла морщина.

— Мне кажется, я встречал тебя в Бьяркее в прошлом году, когда присягал на верность королю, — задумчиво произнес он. — Но, думаю, эта встреча была не первой. Не могу только вспомнить, где я тебя раньше видел.

Финн внимательно посмотрел на лицо Кальва.

— Думаю, ты прав, — сказал он. — Раньше ты бывал в Трондхейме?

— Нет. И вообще на севере. Видимо, мы встречались где-то в другом месте.

Они посмотрели друг на друга.

— Теперь начинаю вспоминать! — воскликнул Финн, спустя мгновение. — Ты не был в Англии, когда Свейн Вилобородый выгнал короля Этельреда и Олава Харальдссона в Валланд?

Кальв рассмеялся.

— В тот раз мы оба ошиблись и бились не за ту сторону.

Финн также рассмеялся.

— Свейн Вилобородый был щедр, раздавая добычу, — заметил он. — Битвы тогда были великолепны. Я не раскаиваюсь, что принимал в них участие.

— Вот теперь я тебя вспомнил, — воскликнул Кальв. — Ты здорово ругался по-ирландски.

— Я научился этому в Дублине за год до той битвы, — ответил Финн. — Купил себе невольницу-ирландку на зиму. Сначала она меня проклинала за то, что купил ее, а потом сыпала проклятия за то, что пожелал продать. От продажи я ничего не заработал, но научился от нее многому.

Финн с Кальвом засиделись допоздна, вспоминая поход в Англию со Свейном Вилобородым. Сигрид слушала их.

Когда Финн наконец поднялся из-за стола и решил отправиться домой, на ногах он держался неуверенно. Да и Кальва пошатывало. Но он не сдался, пока Финн не принял его предложения взять лошадь.

Расстались они, как лучшие друзья. Кальв и Сигрид вынуждены были дать обещание в скором времени посетить Гьёвран.

— Раньше у тебя был хороший муж, — шепнул Финн Сигрид, садясь в седло. — Но этот ничуть не хуже!

На полях Эгга колосились хлеба и при каждом порыве ветра колосья волновались. На опушке леса начала краснеть рябина. Приближалось время уборки урожая. А народ занимался вторым покосом травы, несмотря на то, что основная масса сена была уже дома или в стогах, готовая для перевозки домой на санях, когда выпадет снег.

Если людям посчастливится спрятать зерно под крышу, год в Трондхейме будет хорошим.

После того как Финн Харальдссон приехал с севера, мрачное настроение, царившее в Эгга, несколько смягчилось.

Кальв и Сигрид вскоре после того, как Финн побывал у них в гостях, съездили в Гьёвран. И, если Блотульф и Гюда вели себя сдержанно, то Финн и Ингерид встретили их сердечно.

Сигрид поначалу почти не узнала Ингерид; та стала кругленькой и добродушной. Когда она улыбалась, на щеках появлялись ямочки. Вокруг нее толпой крутились дети, от Раннвейг-старшей, которая уже пережила десять зим и была рослой девочкой, до грудного Хакона, которого Ингерид держала, прижав к груди. Но это нисколько на нее не повлияло. Она без умолку болтала, лишь изредка останавливая поток слов:

— Харальд, не таскай кошку за хвост! Ничего не слышно, когда она так кричит.

Или:

— Хельга, отойди от очага! Ты вся в саже!

Из Грютея уезжать было тяжело, рассказывала она. Но Блотульф прислал сообщение, что не может один вести хозяйство, и поэтому Финн передал все дела на севере надежному орману.

Но он ежегодно будет ездить туда, чтобы проверить, как идут дела.

— Я не поверю тебе, — сказала Сигрид, — что было столь уж тяжело уезжать из Грютея!

И обе они засмеялись.

Сигрид узнала от Ингерид, что у Турира в Бьяркее сейчас живет наложница, финка. Но детей у них нет, и жениться он больше не намерен.

На этот раз Сигрид чувствовала себя в Гьёвране превосходно. Раньше она часто бывала здесь с Эльвиrom, и, когда, Финн и Ингерид приезжали сюда, она чувствовала себя значительно старше их. Другом Эльвира был Блотульф, и ей казалось, что она ближе по возрасту к Блотульфу. А сейчас Кальв и Финн были одногодками и подружались, и Сигрид внезапно почувствовала себя ближе к Ингерид, чем к Гюде.

Грьетгард и Турир тоже приехали в Гьёвран. Оба после стычки Грьетгарда с Ингеборг изменились. Больше находились дома и перестали быть чрезмерно упрямыми.

Однажды, когда они вместе с другими мальчиками метали копьё, Кальв проходил мимо. Он взглянул на копьё Грьетгарда и взвесил его на руке.

— Ты уже достаточно вырос, и тебе впору метать более тяжелое копьё, — промолвил он.

Он ушел, но быстро возвратился с одним из своих лучших копий и отдал его мальчику.

— Я сейчас редко им пользуюсь. Держи! Оно твое.

Сначала Грьетгард протянул руку, чтобы принять подарок. А затем отдернул ее. Но продолжал смотреть на копьё. Это было красивое оружие, украшенное орнаментом и инкрустированное серебром. Он принял подарок, но, беря его в руки, смотрел в землю.

Туриру Кальв сказал, что и для него подберет подарок, у него есть набор упряжи, и он думает, что мальчику он должен понравиться.

Спустя некоторое время после их поездки в Гьёвран, в месяц уборки урожая, из Хеггина домой пришел Турир. Он был задумчив.

Дело было в воскресенье. Сигрид прилегла отдохнуть. Она до сих пор не могла привыкнуть к дням отдыха и не знала, куда девать время.

Турир постучал, вошел, подвинул табурет к кровати и сел.

— Ты что-нибудь хочешь? — спустя мгновение спросила Сигрид.

Мальчик несколько смутился, а затем промолвил:

— Я хочу только сказать, что при мне больше никогда никто не скажет о тебе плохого.

— Это будет большой помощью мне, Турир. Что-нибудь случилось, раз ты пришел к такой мысли?

— Я пришел к этому постепенно, — ответил он. — Сначала это были слова Ингеборг в тот раз. Я знаю, что это неправда. А потом я подумал, что ложь и то, что ты пытаешься докладывать королю о людях, поносивших его. Об этом тоже шепчутся. Разве это так?

— Нет, — сказала Сигрид. — Это ложь.

— И Кальв относится к нам хорошо, несмотря на наше недовольство им. Даже если его нельзя сравнить с отцом, — добавил он.

Сигрид промолчала.

— Ты думаешь, можно? — Сын серьезно посмотрел на нее.

— Я не хотела выходить снова замуж, но меня никто не спросил, — произнесла она.

— Я рад, что ты так поступила.

Ответ поразил Сигрид.

— Сегодня в Хегтине я встретил Эйольва Ормссона из Хустада, — продолжал он. — Он пришел туда за милостыней. Такое могло случиться и с нами, если бы ты отказалась выйти замуж за Кальва. А этого не пожелал бы и отец.

— Ну, такого бы не произошло; у меня есть своя усадьба.

— Король мог бы и ее отнять у тебя, если бы ты воспротивилась его воле.

— Однако того, чтобы мы ходили по дворам, не допустил бы мой брат, Турир Собака. У тех из Хустада положение куда хуже. Ты же знаешь, что их родня со стороны матери также потеряла все. И никто не может им помочь.

— А мы не можем?

— Думаю, они не захотят ничего от нас принять.

Приятно было снова сказать «от нас» о себе и сыновьях.

Мальчик сидел, выдвинув нижнюю челюсть вперед.

— Когда-нибудь я отомщу за тот ущерб, который нанес король, — произнес он. — Отец больше не будет лежать неотмщенным в могиле, когда я вырасту!

— Думаю, ты поступишь разумно, если будешь держать эти мысли при себе, — сказала Сигрид. — Нигде и никогда не говори об этом даже своим лучшим друзьям. У короля везде уши...

— Мы с Грэтгардом недавно побывали в Мэрине, — промолвил мальчик спустя мгновение.

Сигрид не знала об этом. Сама она после возвращения домой ни разу не ездила туда.

— Нашли могилу отца?

Он кивнул головой.

— Мы разговаривали со священником. Его перезахоронили на кладбище возле церкви. Конунг сдержал слово.

Когда мальчик ушел, Сигрид продолжала думать о том, что Эльвир похоронен на церковном кладбище в Мэрине. У нее возникла мысль, что если бы он сам выбрал место для захоронения, то это было бы именно там.

Недели шли. Зерно уже сложили дома. Люди заготавливали листья на корм скоту, косили сорную траву, несмотря на приближение равноденствия.

Из-за урожая люди стали иначе относиться к Кальву; они считали, что он переменялся к лучшему и оказался не таким уж плохим человеком; вокруг него можно сплотиться. Страх перед прежними богами постепенно уходил, когда всем стало ясно, что сил у них недостаточно для насылания нового неурожайного года.

Случилось так, что нищие и бродяги стали ходить в Эгга, даже если их к тому не принуждал голод. И они рассказывали, что с ними обращаются так же хорошо, как и во времена Эльвира, и что ни Сигрид, ни Кальв не выгоняют их за то, что они думали о короле, или рассказывали, что говорят о нем другие.

Люди, которых Кальв приглашал к себе, также не имели ничего против него. Он был строг, но справедлив. Может быть, не так щедр, как Эльвир, но его нельзя было назвать жадным. А еда в его доме была хороша.

Именно в это время в Эгга объявился Турир Собака с сыном Сигурдом.

Он был хорошо принят Кальвом, и подарки, привезенные им с собой, были очень богаты.

В зале Эгга былолюдно весь первый вечер. Послали в Гьёвран за Финном, и пир продолжался далеко за полночь: пили мед, пиво, разговаривали и смеялись.

Сигрид держалась в тени и рано улеглась в постель. Она приняла близко к сердцу известие о смерти Хильды Ингесдаттер в Бьеркее

несколько лет тому назад. И она стала еще тише вести себя, когда мужчины подняли чашу во здравие короля. Она не смела взглянуть на сыновей. А те сидели так, будто ничего не слышали.

Турир сын Эльвира после разговора с матерью снова стал самим собой. Он хорошо относился к Кальву и Сигрид, даже если он и хотел отомстить своему крестному отцу. Он и Сигурд Турирссон стали хорошими друзьями, они сидели на скамье рядом, смеялись и толкали друг друга локтями.

А Грётгард оставался по-прежнему замкнутым, хотя упрямства в нем стало меньше. Если и раньше он был менее общителен, чем младший брат, то сейчас вообще ушел в себя. Он больше времени проводил в обществе Гутторма и одного из его сыновей, Харальда. Его также постоянно можно было встретить с Хьяртаном Торкельссоном.

Ибо Хьяртан тоже вернулся в Эгга, но узнать его было трудно. Сигрид, увидев его первый раз, подумала, что он теперь добьется настоящего успеха, рассказывая новым слушателям свои старые небывлицы. Но он вел себя так тихо и незаметно, что люди почти не чувствовали его присутствия. И Сигрид поняла, что его удерживала от общения с людьми короля верность Грётгарду.

Сигрид хотела, чтобы Грётгард поделился с ней всем, что его гложет. Она догадывалась, сколь тяжело он переживает все эти события. Он потерял не только отца, у него отняли право на усадьбу, и сейчас он ждет появления на свет сына Кальва, нового наследника Эгга. Сигрид знала, что он, даже взяв богатую жену, никогда не будет чувствовать себя в новой усадьбе так, как чувствовал себя в Эгга.

Но когда она пыталась поговорить с ним, то видела в его глазах холодность и настороженность.

В эти дни Сигрид избегала встреч с братом. Лицо его казалось ей чужим и жестоким, и, когда он улыбался, глаза оставались холодными.

Она вспомнила, в каком была отчаянии, когда между Туриром и Эльвиром произошла размолвка. А сейчас чувствовала, что именно благодаря их вражде на брате в какой-то степени лежит ответственность за смерть Эльвира.

То, что он приехал в Эгга и подружился с Кальвом, не упоминая имени Эльвира, только еще больше раздражало ее.

Он заметил, что она избегает его, и однажды остановил ее, когда она шла по двору.

— Почему ты не хочешь поговорить со мной? — спросил он.

— Я разговариваю с тобой каждый день.

— Я имею в виду не это. Почему ты не хочешь поговорить со мной с глазу на глаз?

— Здесь не так легко остаться с глазу на глаз.

— Раньше для тебя это было легко. Ты забыла, как мы однажды сидели на бревнах и беседовали?

Она взглянула на фьорд; ей показалось, что она почувствовала запах смолы и услышала далекий шум деревьев на горном склоне.

Турир потерял тогда любимого человека, и она делала все, чтобы помочь ему.

Она взглянула на него, и он улыбнулся ей. На этот раз улыбка осветила и его глаза, что удивительно, это не шло к его жестокому лицу.

Немного позднее они бок о бок поднялись в гору. Здесь к востоку от тропинки стояли огромные могильные курганы. Он спросил, кто покоится в них, и она рассказала, как могла.

На этот раз бревен, на которые можно было бы присесть, не оказалось, но он снял с себя плащ и расстелил его на земле.

Когда они были вместе здесь в последний раз, была весна, чирикали и пели птицы в кронах деревьев и кустах. Сейчас же все перелетные птицы улетели на юг, небо стало высоким, а воздух был холодным и прозрачным.

Она бросила на него взгляд и поинтересовалась, о чем он хотел поговорить.

Он поднял руки к вырезу своей туники. И она уже за мгновение до того, как он показал ей *это*, догадалась, что *это* такое.

— Я дал обет, что всегда буду носить его на себе, — сказал он, и она увидела молот Тора в его загорелой, мозолистой руке.

— Разве ты не знаешь, что ношение такого амулета карается смертью! — в ее голосе звучал откровенный страх.

Он пожал плечами и снова спрятал амулет под одежду.

— Я сейчас отдал свою жизнь в твои руки, — только и сказал он.

Ее охватило чувство радостного удивления оттого, что он гордился ею сейчас, когда многие отвернулись от нее.

«Родовая связь крепче любой другой», — сказал он в тот раз при расставании. И она начала осознать, как много это для него значило. Показав ей молот, который она подарила ему тогда, он дал понять ей не только, что он гордится ею, но и что она может гордиться им.

Постепенно, пока она внимательно рассматривала его лицо, словно исчезли те годы, которые разделяли их, растворились, как утренний туман над лесным озером. Сейчас она его узнала. Поискала его руку и нашла ее.

— Я знаю, что ты скучаешь по Эльвиру, Сигрид, — тихо произнес он.

Ее рассказ полился, подобно водопаду, единым потоком и сначала был почти непонятен. Он смотрел на фьорд, и все крепче сжимал ее руку.

Прошел довольно большой промежуток времени, прежде чем он смог что-нибудь сказать. И когда наконец повернулся к ней, то утешить ее не мог.

— Время излечит тебя, — только и промолвил он.

Она была разочарована: ведь она надеялась, что брат сделает все, чтобы облегчить ее страдания.

— Если время лекарь, то странно, почему ты не женился снова.

— Мне и так хорошо, — ответил он. — Да и не хочу, чтобы Сигурд делил с кем-нибудь наследство.

— Я слышала, что у тебя есть наложница...

— Она не может иметь детей. Об этом я знал до того, как привез ее к себе.

— Легко сказать, что меня излечит время, — с горечью сказала Сигрид. — Ты не можешь предложить мне что-нибудь получше?

— Другого не дано, Сигрид.

— Во всяком случае, тебе никто не докучает в твоей скорби, тебя не заставляли жениться снова. И ты мужчина. У тебя все по-иному. Ты привык сам распоряжаться собой. А мной всегда руководили другие: сначала ты, а потом Эльвир. Когда Эльвир умер, я не знала, что мне делать или к кому обратиться. Я подумала было воспротивиться воле короля или как-нибудь послать тебе весть. Я и сейчас не знаю, что хорошо, а что плохо.

— Я думаю, что ты поступила наилучшим образом. Кальв оказался мне разумным человеком. Он, я уверен, поможет тебе.

— Он друг короля, Турир. Ты должен понять, что существует много проблем, о которых я не могу с ним разговаривать.

— О чем?

— Ты и сам человек конунга...

— Только до той поры, пока меня это устраивает.

Она внимательно посмотрела на него. Потом задумалась.

— Ты не крещен, Турир, если носишь на себе молот Тора?

— Все мы крещены, — усмехнулся он. — Но не спрашивай меня, во что я верю.

— Ты не веришь в Христа?

— Для того, чтобы я принял новое учение, необходимо больше, чем повеление короля. Как-то я сказал священнику Энунду, что поверю его Богу, если Тот покажет мне сначала, на что Он способен. Он должен дать мне знамение, которое я мог бы принять и следовать ему. Но я его до сих пор не получил.

— У тебя появлялось желание получить знамение? — В его голосе было что-то такое, что вынудило ее задать этот вопрос.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Может быть, — промолвил он. — Иногда такое желание возникало, надо ведь мне иметь какую-нибудь опору. — Тут он тряхнул головой: — Ты задаешь слишком много вопросов, Сигрид. Зачем мне Бог, который желает распоряжаться моей жизнью? Если человек совершил что-либо в этом мире, то пусть гордится собой сам; бесполезно ждать до смерти, что за тебя все сделает Бог...

— Я пытаюсь быть христианкой, но ничего из этого пока не получается, — промолвила Сигрид.

— Сообщи мне, когда тебя будет такое знамение, — сухо произнес Турир.

— Если я откажусь от этих попыток, то это будет предательством по отношению к Эльвиру, — продолжала она. — Я уже и так его предала.

— Да? — он бросил на нее мгновенный взгляд.

— А не преступно ли было выйти замуж за Кальва и жить с ним здесь, в Эгга? Со дня гибели Эльвира не прошло и двух месяцев, как я выскочила замуж, да еще за одного из приближенных короля.

— Тебя принудили к этому.

— Может, я и не хотела бы этого, но мысль об усадьбе и достоинстве не оставляла меня. И я Кальва не только терплю, Турир.

— Это хорошо. Ты замужем за настоящим мужчиной.

— В начале я об этом почти не думала. Но в последнее время мне кажется, что со мной происходит что-то скверное. Я очень любила Эльвира и скорбела о нем. А сейчас я почти не испытываю неприязни к Кальву. И как только подумаю об этом, мне становится страшно. Боюсь, что Эльвир придет и накажет меня, предательницу.

Несколько раз мне на память приходила Сигрун, которая заснула на руках Хельги, когда тот вышел к ней из своей могилы. Скорбь ее была столь велика, что привела ее к смерти из-за того, что он уже больше не возвращался. И я ни разу не осмелилась побывать на могиле Эльвира. Если бы я отказалась снова выйти замуж, то, может быть, мы бы встретились с Эльвиром в новой жизни, как это случилось с этими героями.

— Ты, кажется, говорила, что крестилась...

Она сразу не ответила.

— Я пытаюсь быть христианкой, — услышал он в ответ спустя некоторое время. — Но не так-то легко забыть все старое, когда столь болезненно воспринимаешь новое.

— Так думаю и я, — сказал Турир. Он внезапно расхохотался: — Пусть Энунд верит сколько хочет, что мне будет знамение, когда пожелает его Бог. Он может просить этого до посинения.

Сигрид промолчала. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела через фьорд на Мэрин. Он успокоился и положил руку на ее плечи.

— Не думаю, что ты должна бояться Эльвира. Во многих отношениях он был своеобразен, но глуп не был. Ему и в голову не пришло бы, что ты проведешь остаток жизни вдовой и еще меньше он, христианин, оправдал бы твою попытку покончить с собой. Он никогда не желал ничего, кроме твоей заботы о самой себе и о детях и наверняка не хотел никого, кроме тебя, видеть хозяйкой усадьбы. И с твоей стороны, Сигрид, было бы глупостью не принять богатства и судьбу, предложенные королем. Действительно, тебе не легко оттого, что ты вышла снова замуж быстрее, чем хотела, но ты не должна страдать из-за Эльвира. Если бы ты взяла в супруги убийцу Эльвира, я бы понял твой страх перед погибшим мужем. Но даже в этом случае ты будешь не первой, сыгравшей свадьбу с убийцей своего мужа. Вместо того, чтобы истязать себя, ты должна быть счастлива от-того, что получила такого мужа, как Кальв.

— Да... — она растянула это, и в голосе послышалось сомнение.

— Ты что-нибудь имеешь против него?

— Я тебе рассказала, как он изуродовал ормана Бьёрна.

— С тем, что Кальв выполняет свой долг лендмана, ты должна примириться. Тебе не стоит убегать в лес каждый раз, когда он наказывает вора! Что будет здесь, в округе, если он откажется поступать таким образом? Я никогда не замечал, чтобы и Эльвир не наказывал воров.

— Эльвир дал бы орману возможность защищаться в суде. А вдруг он не крал исчезнувших вещей, может, их взяла с собой Тора и другие, когда уезжали отсюда? Разумно, когда человек имеет право казнить вора, которого застали на месте преступления, но в данном случае все обстояло по-другому.

— Этот человек крал?

— Да.

— Почему ты должна защищать его? Если это все, в чем ты обвиняешь Кальва, тебе следует говорить об этом с другими людьми, а не со мной.

— Неужели ты не понимаешь! — вырвалось у Сигрид. — Кальв друг короля, и я не знаю, могу ли я гордиться им.

— Думаю, что можешь, — произнес Туир.

— Как я ему расскажу, что ненавижу конунга и жажду мести?

— Он не глуп и может об этом догадываться. Но ты права, разговоров на эту тему между вами лучше не вести.

Он помолчал немного.

— Почему тебе хочется втянуть в это Кальва? Я сомневаюсь, что твои сыновья позволят отцу лежать неотмщенным, да и Гутторм Харальдссон едва ли столь быстро забудет Эльвира. И сейчас, когда я сам знаю, как он умер, я припомню королю, что он не дал моим племянникам виры и не восстановил их в правах, требовать чего они имеют полное право... — Понимаю, тебе тяжело, — продолжал он, когда Сигрид не ответила. — Но я не могу предложить волшебной помощи. Или ты желала бы выпить напиток забвения, если я его достану для тебя?

— Нет, — ответила она с ужасом. Забыть Эльвира и все, что они пережили вместе, было самым последним, чего она могла бы пожелать.

— Тогда надейся на помощь времени и встречай каждый день с той силой, которая заложена в тебе.

Он поднялся, она последовала его примеру, и они направились обратно в Эгга.

Он знает, о чем говорит, думала Сигрид, и он наверняка прав. Но это так трудно.

Церковь в Эгга построили к началу зимы. И освятить ее приехал епископ Гримкелль, который этой осенью совершал поездки по Тренделага.

Сигрид попросила, чтобы церковь освятили в честь святого Иоанна. И когда епископ согласился, она передала церкви образ святого, который Эльвир привез из Миклагарда.

И теперь Иоанн Эльвира смотрел красивыми грустными глазами вниз на прихожан, в то время как в новой церкви на коленях, освещенные факелами стояли прихожане, а священнослужители пели псалмы. Диакон махал кадиллом с благовониями, но запах смолы от новых стен был столь сильным, что его ничем невозможно было перебить.

Дверь старого храма расширили; расстояние между хорами и нефом было таким широким, что прихожане могли идти по нему вокруг алтаря. Над проходом висело распятие, вырезанное одним художником из Огдала. И Сигрид не могла не думать, что этот человек одержал победу над деревом.

Это был тот же самый художник, который украсил разьбой сидение епископа. Он также вырезал почетные сидения для Сигрид и Кальва, чтобы хозяева Эгга не опускались на колени на голую землю, как остальные прихожане. Они могли сидеть во время богослужения или становиться на колени на подушки.

Епископ прочел проповедь о святом Иоанне, который мог понимать и толковать многое из учения Христа, за что тот и чтит его столь высоко. После проповеди была конфирмация.

На освещение церкви в Эгга приехал и священник Освальд. Был и еще один священнослужитель, которого Сигрид не знала. Грьетгард сказал, что он из Мэрина.

После конфирмации вперед выступил Освальд и обратился к прихожанам.

Он слышал, что в округе едят лошадиное мясо, а ему, как он заявил, нет необходимости напоминать, какое наказание следует от короля за такой грех. Но может, люди не знают, какие вечные муки ждут того, кто ест мясо лошадей или собак, или кошек, кто ест сырое мясо, или мясо во время постов.

Глаза присутствовавших в церкви все более расширялись, когда он подробнейшим образом описывал страдания и муки грешников в аду.

Сигрид показалось неуместным его выступление на освящении церкви, особенно храма святого Иоанна. И она посмотрела наверх в грустные, мягкие глаза святого образа.

«Любите друг друга», — говорил он.

Энунд также упоминал эти заветы, он тоже говорил об аде и сурово осуждал прихожан. Но его проповеди не были похожи на эту.

В глазах Освальда вспыхивало некое злорадство, когда он рассказывал о муках осужденных, казалось, он надеялся на то, что спасенные от грехов должны радоваться, наблюдая за страданиями грешников.

По окончании службы Сигрид спросила отца Йона, действительно ли все происходит таким образом.

— Многое из того, о чем он говорил, верно, — ответил тот. — Но я бы не стал проповедывать в такой манере. Ибо, даже если мы знаем, что осужденные в аду принимают мучения, то такие подробности нам неизвестны.

Сигрид не ожидала столь ясного ответа и начала верить, что священник Йон понимает все это глубже, чем она себе представляла. Но когда она увидела, как он моргает глазами и смотрит на Освальда и епископа, почти прося простить его, она подумала, что его ответ мог быть совершенно случайным.

Она решила поговорить с епископом Гримкеллем, но тот очень спешил: в тот же день он должен был быть в Мэрине и временем не располагал.

Вечером их пригласил к себе в гости Финн Харальдссон. Время пребывания Турира Собаки в Трэнделаге подходило к концу, и он хотел устроить в его честь пир перед отъездом Турира на север.

Сигрид еще не привыкла видеть Финна на почетном месте хозяина в Гьёвроне, но он сидел на нем столь естественно, словно был

рожден для этого. Она удивлялась тому, как мало интересовалась действиями Блотульфа, не могла себе представить, что именно с его легкой руки состоялся тот зимний пир. А Блотульф во время трапезы сидел молча.

Впервые после смерти Эльвира Сигрид была приглашена в гости вместе с людьми со всей округи. И она поехала, несмотря на то, что уже передвигалась с трудом.

Большинство женщин любезно приветствовали ее, некоторые выглядели смущенными. Многие говорили, что с удовольствием придут в Эгга, когда начнутся роды.

Сигрид благодарила их, но у нее появилось сомнение: почему они столь настойчивы. Надеются, что она во время схваток назовет имя отца ребенка.

Но ей все же было приятно сидеть вместе с женщинами и участвовать в их разговорах.

Ингерид приложила все силы, чтобы вечер удался; видимо, хотела показать всем в округе, на что способна. И все прошло хорошо; женщины на скамье признательно кивали головами.

За мужским столом разговор шел о боях коней. Особо говорили об одном коне в усадьбе Хельгейд; ни один конь еще не победил его. Но бонд из Хомнеса считал, что у него есть молодой жеребец, который может померяться силами с любой другой лошадкой, когда немного подрастет.

Хозяину жеребца из Хельгейда, это не понравилось. Он заявил, что, если жеребец Хомнеса на что-либо пригоден, то его следует выставить на бой уже сейчас. Он мало верит в лошадей, которыми хвастаются владельцы.

Бонд из Хомнеса ответил, что его жеребец пока еще слишком молод.

— Я так понимаю, что у тебя не хватает смелости выставлять свою лошадь, — презрительно рассмеялся второй, поднялся и подошел к своему противнику поближе. — Ты хочешь дождаться, когда моя лошадь постареет и ослабеет!

Бонд из Хомнеса тоже поднялся и двинулся ему навстречу, в голосах зазвучало раздражение.

Никто не заметил, кто из них первым выхватил меч, но тут же по приказанию Кальва несколько мужчин схватили щиты, стоявшие у стены, и с их помощью развели драчунов друг от друга.

— Я вовсе не желаю видеть, как бьются жеребцы, — сухо произнес Кальв, когда эти двое предстали перед ним, свирепо уставившись друг на друга.

— Когда твой жеребец будет готов к бою? — спросил он у крестьянина из Хомнеса.

— К следующему лету, — ответил тот. — Тогда он превратит жеребца Хельгейда в мясо для колбасы!

Хельгейда передернуло.

— Мяском из моей лошади ты при случае подавишься, не согрешив, в страстную пятницу!

Договорились, что бой будет проведен в середине лета, и двое задир разошлись по своим местам.

На пире присутствовал человек, недавно приехавший из Каупанга, и его стали расспрашивать о новостях.

Король совершает летом поездку по Внешнему Трёнделагу, сообщил он. Он добился, что проекты законов, внесенные им, утвердил тинг. А сейчас его корабли находятся у причала в Оркдале. Он с людьми перешел через горы, пожелав обратить в христианство людей, живущих в Оппланде, и попить в той округе.

— Пусть удача сопутствует ему там, так же, как и повсюду! — произнес один из людей конунга.

За столом почувствовалось движение. Болтульф встал со своего места и направился к выходу.

— Я на этом пиру лишний, — сказал он. — Ты сейчас хозяин в Гьёвране и можешь поступать, как тебе захочется, — промолвил он, обращаясь к Финну, который попытался остановить его. — Но ты не сможешь меня заставить выпивать с твоими друзьями. Гюда тоже поднялась и пошла вместе с Блотульфом, а люди в зале переглянулись.

— Туир, — воскликнул Финн громко. — Ты побывал далеко на севере, расскажи нам о Бьярмланде...

И Туир приступил к рассказу.

В доме стояла тишина, слышно было лишь дыхание людей, находившихся здесь. Да время от времени только что родившийся мальчик на руках у Сигрид издавал чавкающие звуки.

Рагнхильд села на другую кровать. Легко обняла себя руками. Она устала. Время от времени ее голова падала на грудь, но она тут же выпрямлялась. Она не должна спать. Для матери и дитя может оказаться опасным, если никто не поможет им в эти первые часы после рождения ребенка.

У Сигрид, как и всегда, роды были легкие, но женщины все же находились около нее всю ночь.

Некоторые из них почувствовали, что теряют напрасно время, ибо не смогли добиться, чтобы Сигрид назвала иное имя, кроме имени Эльвира. Когда они сказали, что роды пройдут легче, если она назовет имя настоящего отца, она только посмеялась над ними.

И когда они увидели мальчика, исчезло всякое сомнение.

— Какая сейчас погода? — спросила Сигрид, приподнявшись на локте.

Рагнхильда подбежала к ней. Она была уверена, что Сигрид спит.

— Идет снег.

Сигрид со вздохом легла обратно.

— Идет снег... — Она знала, как снежинки крутятся на улице в темноте раннего утра и опускаются, невидимые для всех, на замерзшую землю двора.

И когда открывается дверь и свет от очага проникает через это отверстие, они блестят в этой желто-красной освещенной полосе, крутятся вокруг того, кто вышел наружу, тают на его лице и руках. Шел снег, в этом был покой.

И когда она взглянула на сына Эльвира, спокойно лежавшего в ее объятиях, хотя у него не было отца и он окажется в руках окружаю-

щих его людей, она наконец осознала, что поступила правильно, выйдя замуж за Кальва Арнисона.

Она дала мальчику отчима, который защитит его и окажет помощь на жизненном пути. Она дала ему спокойствие и богатство на долгие времена.

Мысли ее кружились и исчезали, словно снежинки на улице и, подобно их холодному прикосновению, облегчали ее сомнения и боль. Сейчас она поняла, что часто, сама того не осознавая, боролась за эту маленькую жизнь, за ее сохранение, за то, чтобы она появилась на свет.

Прошедший год со всей своей скорбью, смертями казался ей уже не таким горьким.

Она не понимала, почему это произошло; размышлять над этим ей больше не хотелось...

Взглянув на Рагнхильд, Сигрид улыбнулась. Та спала, прислонившись к столбику кровати и свесив голову.

Сигрид села на кровать. Спать ей больше было нельзя, кто-нибудь должен бодрствовать в комнате и следить за тем, чтобы тролли и духи не нанесли малышу вреда или не подменили его.

Правда, Йон, крестя ребенка, сказал, что теперь она может быть уверена, от колдовства дитя защищено. Но Сигрид не очень верила, что крещение явится прочной защитой ребенка. Тролли тоже могущественны, а вдруг ангел, которому священник поручил охранять его, на минуту отвлечется...

Особый страх в ней порождало то, что шло самое опасное время года, время тьмы перед весенним солнцестоянием. Она будет рада, когда оно кончится и будут приближаться светлые дни.

Мальчика называли Трондом. И Кальв держал младенца на руках, пока священник кропил его водой.

Сначала Сигрид хотела дать ему имя Эльвир, но Кальв воспротивился этому. Когда она спросила почему, он сказал в ответ, что предпочитает другое.

Так появилось имя, выбранное Эльвиром для мальчика, которого они потеряли.

Рагнхильд медленно сползала вниз по стойке кровати. Она быстро проснулась от того, что чуть не упала и тут же пришла в себя, устыдившись того, что заснула.

На улице шумели люди. Сигрид показалось, что она слышит голос Гутгорма.

— Он, видимо, еще не уехал, — сказала Рагнхильд. — Еще только начало рассветать. Он намеревался отправиться в Бейтстад с общением для Торы верхом на лошади, но в такую погоду ему лучше пойти на лыжах.

— Кто просил его поехать туда?

— Никто. Сам решил отправиться, поговорить с ней и навсегда покончить со всеми ее сомнениями о том, что Эльвир не отец мальчика. Кальв не воспротивился этому.

— Да, люди, по правде говоря, поспешили подумать обо мне самое плохое.

— А что ты могла ожидать? Конунг задержал тебя в Мэрине, а других женщин отослал, а потом увез тебя с собой в Каупанг. Потом ты возвратилась женой Кальва Арнисона, которому король пожаловал звание лендмана и огромные владения. И тут появилась ты, беременная... Что бы ты сама подумала, если все это случилось с кем-нибудь другим?

— Надеюсь, люди сейчас перестали придерживаться такого мнения! — Сигрид посмотрела вниз на маленькую круглую головку, лежащую на сгибе ее руки.

Рагнхильд улыбнулась.

Кальв в этот день не навещал Сигрид. Она увиделась с ним лишь после вечерней трапезы. Он тихо вошел в комнату, почти надеясь, что она спит.

Но она бодрствовала. Служанка, сидевшая у нее, увидев, кто вошел, тут же поспешила уйти.

— Я сейчас не знаю, смею ли я быть близок с тобой, — сказал он, когда они остались одни.

— Первое время лучше не трогать меня, — ответила она.

Однако он присел к ней на кровать.

— Я рад, что все кончилось. И я испытаю еще большую радость в тот день, когда ты будешь полностью принадлежать мне одному.

— Ты страдал оттого, что у меня должен был родиться Тронд?

— Каким бы я был мужчиной, если бы не испытывал этого?

— Я тебе сказала об этом еще до нашей свадьбы...

— Я не предполагал тогда, на что я пошел, — медленно промолвил он. — Хотя и зная это, я все же пожелал взять тебя в жены.

— Тебе было плохо?

— Сначала нет, но боль со временем увеличивалась. Слава Богу, что вскоре все будет по-иному.

Сигрид медленно подумала, не спросить ли его, почему он отказался назвать мальчика Эльвиром, но посчитала, что сейчас такой вопрос будет неуместным. Испугалась, что он перенесет неприязнь, которую испытывает, на мальчика.

— Надеюсь, вы все же будете хорошими друзьями с приемным сыном, — сказала она.

— Я мало встречался с малышами. — Он бросил взгляд на сверток, лежащий рядом с Сигрид.

Малыш проснулся, помахал своими розовыми маленькими кулачками, закрыл глазки и открыл рот в сильном зевке, закончившемся хныканьем.

Сигрид засмеялась, Кальв же только слегка улыбнулся.

— Ты обещал быть хорошим отцом для него, — промолвила она.

— И выполняю обещание.

Кальв продолжал сидеть, но смотрел в сторону. Ему казалось, что он здесь лишний.

Но вот он взял себя в руки; у него нет причин думать так. Эгга сейчас принадлежит ему, и Сигрид здесь потому, что он женат на ней. Малыш — его приемный сын. Кальв оказался единственным отцом, которого тот будет знать.

Он повернулся и посмотрел на малыша. Сложен хорошо и здоров, и, насколько ему известно, голос у него в порядке. Сигрид выжидающе смотрела на Кальва и улыбнулась, когда тот протянул руку и дотронулся до головы мальчика.

Потом он внезапно обнял их обоих.

— Думаю, что, если мне хочется, чтобы нам с тобой было хорошо, я должен принять вас обоих, — выдохнул он.

И когда она отпустила малыша и обняла его за шею, он глубоко и с облегчением вздохнул. Наконец они нашли друг друга.

— Снег все еще идет? — спросила она.

— Да, — ответил он удивленно.

Когда он взглянул на нее, то увидел на ее глазах слезы. Но она улыбалась.

На Рождество службу первый раз служили в Эгга.

Прошло немногим более недели со дня равноденствия, и Сигрид снова была на ногах, однако еще не настолько оправилась, чтобы снова начать управлять усадьбой. У нее заболела грудь, и она вынуждена была пролежать в постели дольше обычного. Необходимо было подыскать для малыша кормилицу.

Йон объяснял людям, что они не должны делать.

Сигрид испугалась, когда он пожелал запретить им приносить еду на кладбище покойникам во время солнцеворота и задабривать ниссе, что они привыкли делать каждый год. Но ему пришлось уступить, когда Кальв сказал, что вряд ли кому будет плохо, если мертвецы и духи останутся довольны, — конечно, при условии, что люди не забудут свой христианский долг.

Во время мессы церковь в Эгга была забита людьми до отказа. Священник Йон прекрасно говорил о свете, снизошедшем на мир более тысячи лет тому назад и луч которого сейчас, наконец, проник на север в Трондхейм.

Но большинство людей в церкви испытывали голод. Мало кто из них постился только по пятницам и другим особым постным дням, а ведь пост в адвент* длится долго.

Даже если у некоторых прихожан глаза блестели и они внимали проповеди, мысль о рождественском разговении занимала большинство присутствующих.

Грьетгард вместе с Кальвом и Сигрид присутствовали в церкви, а Турира не было. Он уехал на север с Туриром Собакой и Сигурдом и перезимовать намерен был в Бьяркее. Сигрид сердилась, видя, что Грьетгард не может спокойно стоять во время мессы. Но думала, что говорить с ним об этом бесполезно: он только заупрямится. А из-за этого рассердится Кальв и накажет его, что не улучшит отношений между ними.

Она повернулась в сторону Йона и попыталась следить за тем, что он говорит. Но мысли снова, сбились, и вместо того, чтобы слушать, она стала думать о самом Йоне.

Она обратила внимание, что когда он разговаривает с людьми, то у многих на устах появляется улыбка и мало кто отзывается о нем

* Последние четыре недели перед рождеством. (церк.)

плохо. Священник ходил по округе спокойно и тихо, с таким видом, будто он всегда думал, что находится в пути; засыпал в неурочное время и всегда мог как-то сделать так, что его приглашали к столу, куда бы он ни приходил. От него исходило добро, и его благожелательность заставляла людей относиться к нему снисходительно.

Сигрид перед Рождеством исповедывалась у него. Он был серьезен и строг, предостерегая ее от грехопадения, но тут же, дав прощение, наложил мягкое наказание и велел покаяться.

Внутренне она была рада, что исповедывалась не у отца Освальда; она даже вздрогнула от такой мысли.

Спустя несколько дней после рождественской мессы к Сигрид прибежала одна из служанок и с ужасом в голосе сказала, что в усадьбе появилось привидение. Люди уже несколько ночей видели в церкви огонь. Но когда несколько смелых мужчин решились войти туда, они никого не обнаружили ни внутри, ни снаружи.

Сигрид переговорила об этом с Кальвом, и на следующую ночь он, взяв с собой несколько человек, пробрался в церковь. Когда же вернулся оттуда, то был почти смущен.

— Это Йон-священник, — промолвил он. — Попытался спрятаться от нас. Мне совершенно непонятно, зачем ему нужно бродить по церкви посреди ночи!

— Если у него такая привычка, то неудивительно, что он всегда сонный, — улыбнулась Сигрид.

Чем больше она думала о Йоне, тем более удивительным представлялся он ей. Ее заинтересовало, кем он был до того, как стал священником, и почему приехал в Норвегию.

В это время она, в надежде больше узнать о нем, стала усердно посещать церковь. Однажды Сигрид даже стало стыдно, когда Йон сказал, что рад ее усердию. Это, сказал он, принесет благословение Эгга.

Но объяснение поведению священника пришло не оттуда, откуда ожидала его Сигрид.

Однажды в Эгга приехали Финн и Ингерид. Они засиделись до поздней ночи, разговаривая с Кальвом и Сигрид. Священник также еще не ложился в постель; сидел и дремал. Время от времени приходил в себя, чтобы глотнуть пива.

Ингерид рассказывала Сигрид о Блотульффе. Он стал еще молчаливее и мрачнее; сколько ни старайся, из него не вытянешь ни слова; бранится только.

Вон тот — она головой показала на Йона — много раз бывал в Гьёвране, говорил с Блотульффом хорошо и по-доброму, но тот отвечал непристойностями.

Кальв рассказывал Финну о том, что слышно на юге. Гудбрандсдален принял христианство, и Дале-Гудбранд принял решение совершить обряд крещения. Говорят, что он якобы послал своего сына Альва на север собрать войско и остановить людей конунга. Но Альв оказался не столь мудрым, встретившись с войском короля. Гудбранд вышел из себя после возвращения сына домой, когда королевские дружинники разогнали собранное там войско. И Гудбранд вынужден был смириться, когда король приказал изрубить на куски его богов.

— Курица, несущая щит перед зайцем, слабая тому помощь, — сказал Финн, и все засмеялись.

Йон встрепенулся.

— Олав казнил людей, издевался над ними?

— Как мне рассказывали, нет, — ответил Кальв. — Он предоставил тамошнему народу выбор между смертью и христианством, но никогда не казнил и не уродовал.

— Слава Тебе, Господи! — священник воздел руки к небу.

Остальные четверо обменялись взглядами.

— Простите меня, — сказал Йон. Он не был таким смущенным, как они. — Я должен все объяснить вам?

И поскольку ответа не услышал, он начал рассказ, мигая и прерываясь время от времени.

— Раньше я был пастором в Кэнтербери в Англии, — сказал он. — Одним из священнослужителей в соборе, настоятелем которого был святой архиепископ Элфи.

Ранней осенью года 1011 от Рождества Христова в страну, грабя и опустошая ее, пришли даны. Добрались они и до Кэнтербери. Предатели сдали город, и он оказался в руках викингов. Я никогда не забуду, что случилось после того, как завоеватели ворвались в город: мужчин и женщин уродовали или убивали и подвергали ужаснейшим мучениям, детей мучили и убивали без всякого сожаления. Ка-

залось, что из ада вырвались все злые силы: над мужчинами издевались и убивали их лишь для того, чтобы насладиться созерцанием крови, услышать их плач и стоны.

С захватчиками был и их король, показывая своим людям пример жестокости, не оставая ни в чем от них.

Архиепископа Элфи и других священнослужителей взяли в плен, и архиепископ пал мученической смертью, когда отказался обратиться к народу с призывом выплатить королю выкуп.

Но я должен рассказать вам прежде всего о своей презренной роли в этих событиях.

Когда датчане ворвались в собор, мне удалось бежать через боковую дверь и спрятаться в одном из домов. Я угрожал хозяйке дома, требуя дать мне одежду, которая бы не выдавала во мне священника. После того, как я стал свидетелем издевательств над своими братьями-священнослужителями, я, вместо того чтобы страдать вместе с ними, бежал, как последний негодяй. Словно крыса, шнырял я по улицам и не был схвачен этими дикарями.

Мне удалось бежать из Кэнтербери, добраться до Лондона, где я нанялся на работу к одному сапожнику, не рассказывая никому, что имею сан священнослужителя. Но со временем спокойствие и мир все больше покидали меня.

После похорон архиепископа Элфи в церкви святого Павла в Лондоне я пошел туда. Плакал на его могиле, думая о перенесенных им мучениях, в то время как я бежал от своего долга. И я осознал, что обязан искать прощения грехов своих.

Добился этого и вновь занял место священника. Но сам себе не мог простить предательства; дни и ночи молил я Бога, чтобы Он ниспослал мне самое строгое наказание, какого я заслуживаю.

И, наконец, я обрел мир и спокойствие, думая о том, как сам Господь простил Петра, отказавшегося от Него. Я размышлял над тем, что он еще и одарил этого апостола огромной силой воздействия, и я начал думать, что Господь и ко мне обратил свой зов.

Однажды я молился на могиле архиепископа и услышал слова Господа, обращенные ко мне: «Мы должны любить врагов своих, благославлять тех, кто проклинает нас, искать пути к тем, кто ненавидит нас, и просить за людей, преследующих нас». С того дня я стал молить Господа за викингов. Прошло немного времени, и я

почувствовал сострадание к ним за их ужасные грехи. И я постепенно понял, что Господь повелевает мне поехать в их дикую страну и принести с собой Его заветы.

Когда я узнал, что Олав Харальдссон, превзошедший всех других в жестокости в Кэнтербери, стал конунгом Норвегии, пожелал превратить всех ее жителей в христиан и нуждается в священниках, я понял, что Бог призывает меня.

Я не ученый, смелым тоже никогда не был, даже если меня и учили. Я никогда не буду хорошим священником. Но для прихожан своих я могу сделать главное — молить Господа Бога за них. Именно поэтому я провожу ночи в церкви, молясь за них, умоляя Бога о том, чтобы викинги научились состраданию Божьему.

В комнате стало тихо. Ни Кальв, ни Финн не показали, что они довольны. Вскоре Ингерид и Финн отправились домой в Гьевран.

— Кто бы мог подумать, что этому маленькому существу так повезло! — воскликнул Кальв, когда остался один на один с Сигридом. Видно было, что он раздражен.

Сигрида уставилась на него, открыв рот, и не могла не улыбнуться. Но тут же посерьезнела.

— Тебе не стоит делать из него шута, — произнесла она. — То, что он рассказал — прекрасно. Я испытала к нему такое уважение, какого не ожидала.

— Уважение к подлецу, предавшему своего Бога и свое призвание!

— Он же раскаялся в грехах своих, молится Богу, чтобы Тот простил их ему.

— После драки кулаками не машут. О короле Кнуте тоже говорят, что он рыдает и плачет над своими грехами, но он все же воин, кающийся в собственных грехах. Но не столь уж глубоко его раскаяние.

А курица, подобная нашему священнику, кудахчет и бежит со двора при первом удобном случае, как бы сейчас он не сожалел о своем малодушии.

— Мне кажется, ты судишь его слишком сурово. Он же твой пастырь, Кальв, ты обязан его уважать.

— Как священника, да. Но как мужчину... Он бы мог и умолчать о жестокостях в Кэнтербери. Действительно Торкель Высокий на какое-то время утратил возможность управлять своими войсками, и они проявили жестокость. Но если он думает, что кто-то может за-

воевать страну с воинами, которые остановят битву и начнут гладить маленьких детей по головкам, то ошибается. Заблуждается он и в том, что Олав Харальдссон может крестить Норвегию одними лишь молитвами и святой водой. Я при случае расскажу ему, что случилось с Хаконем Воспитанником Адальстейна. Может, то, что он говорит, и красиво. Но это не речь мужа.

— Ты не можешь защищать жестокость, о которой он рассказывал!

— Жестокость может принести пользу, когда у народа нужно вызвать чувство страха.

— Но заходить столь далеко нет необходимости.

— Конечно, нет. Однако случается, Сигрид, викинги приходят в неистовство, даже если оно и не вошло у них в привычку; они в опьянении боем и жажде крови становятся неуправляемы. Иногда они даже сбрасывают с себя кольчуги посреди боя и больше наносят вреда себе. Но случается и так, как рассказывал Йон о событиях в Кэнтербери, они бросаются на людей. Но мне кажется, тебе не стоит думать об этом.

Он обнял ее и притянул к себе.

— Ты был тогда в Кэнтербери?

— Нет. Даже если я и плывал в Англию в тот год, я не участвовал в походе Торкеля Высокого. Мы объединились и на четырех-пяти кораблях пристали к юго-западному побережью. Но сейчас рассказывать об этом я не хочу.

Сигрид молчала и позволила Кальву ласкать себя. Он больше уже не выглядел неуклюжим.

Но думы ее были заняты рассказом Йона; она вспомнила ночь, когда Эльвир рассказывал ей, как викинги ведут себя в походах. Она привыкла жить и верить, что все так и должно быть, и не затрудняла себя мыслями об этом, пока Эльвир был жив. Потом, когда Кальв делился с ней впечатлениями о походах в другие страны, многое из того, что она узнавала, было грубым и вызывало у ней отвращение. Все выглядело не так, как рассказывал Эльвир или Йон о Кэнтербери. Было ясно, что сам Кальв не любил говорить об этом. Он все оправдывал тем, что воины неуправляемы.

Но он защищал жестокость короля. И она была вынуждена признать, что Хакон Воспитанник Адальстейна потерпел неудачу, желая внедрить христианство в стране добрым путем. Даже Эльвир говорил перед смертью, что начал лучше понимать короля Олава.

Она стала размышлять обо всем том, что Эльвир говорил о любви и доброте. Ей тогда было так спокойно, ибо она верила, что он все знает лучше; даже когда она не понимала его, она одобряла все, что он говорил. Она вспомнила, как разговаривала с епископом, защищая мысли Эльвира, как она чувствовала, что должна все понять и передать детям.

Сейчас же она чувствовала себя менее уверенной. Епископ, правда, говорил, что она может верить в то, чему учил ее Эльвир. Но он сказал и другое о людях, которые пришли к вере против своей воли, а также о спасении для Бога людей следующего поколения. Что же касается Йона священника, то она не получит от него помощи, если выскажет мысли Эльвира.

Не особенно помог ей и Турир, когда она обратилась к нему. Он лишь сказал, что Кальв разумный мужчина, она может на него положиться. Но Турир сам не верил в то, что Кальв говорил о новом учении.

Столь много различных мнений и мыслей. Ей казалось, что она находится далеко в лесу, где ее окружают высоченные деревья, вздымающиеся к нему и загораживающие от нее свет.

Ей подумалось, что она позволяла другим не только руководить собой, но и думать за нее; сначала это был Турир, а затем Эльвир. И пока Эльвир был жив, она даже не представляла себе, что все может быть по-иному. Но сейчас с Кальвом другое дело. Даже если то, что он говорил, звучало по-своему правильно, она знала, что на все можно смотреть иначе, чем он.

Он не мог руководить ею. Он мог быть упрямым, часто в незначительных вопросах, но одновременно и слабым; она почти всегда могла добиться, чтобы он уступил ей, если брала себе в помощники время и считала дело важным. Благодаря этому она никогда не испытывала к нему презрения.

— Сигрид, — он взял ее за подбородок. — Где бродят твои мысли? Ты не слушаешь меня...

— Далеко они не забралась, — ответила она. — А ты как думал?

Он рассмеялся.

— Думаю, что тебе не стоит засыпать...

Она улыбнулась и стала накручивать колечками его волосы на пальцы. То, чего он не знает, не ранит его, думала она, отдаваясь ему.

Весна в этот год пришла рано. Поля повсюду уже вспахали, и пахари, прыгая на одной ноге, пытались другой удерживать непокорные плуги в земле.

Кальв сам находился в поле и сеял семена, благословенные священником. Люди покачивали головами и шептались между собой, будет ли благословение Йона столь же действенным, как и жертвоприношение богам в прошлые годы, можно ли ждать хорошего урожая.

А Сигрид той весной часто задумывалась над старым советом о дружбе:

*Если у тебя есть друг,
достойный верности твоей,
Не забывай тогда
быть частым гостем у него!
Иначе тропа, ведущая к нему,
Кустами зарастет,
Высокая трава поднимется над ней.*

Конечно, опасность того, что дорожка между Гьёвра-ном и Эгга зарастет травой, была весьма малой.

Правда, враждебность Блотульфа несколько не уменьшилась. Он никогда не приезжал вместе с Финном в Эгга, хотя Кальв и приглашал его. Сигрид снова подружилась с Гюдой, но с Блотульфом редко обменивалась словами.

У него появилась привычка бродить по дому и нести всякий вздор, рассказывала Ингерид. И они не знали, что с ним делать, ибо боялись, что он может что-нибудь выкинуть. Когда же они пытались говорить с ним, он раздражался и заявлял, что он не ребенок, за которым нужно присматривать.

В Гьёвран ездил и священник Йон. Ингерид рассказывала, что он постоянно пытается поговорить с Блотульфом. Однако Сигрид не могла освободиться от мысли, что его привлекает туда вкусная еда, которой Ингерид угощает его, даже вне обычного времени для трапез.

Но однажды он вернулся в Эгга с ужасной раной на лбу. И Сигрид узнала от Ингерид, что Блотульф ударил его палкой.

Видно было, что Йон почувствовал себя почти неловко, когда Сигрид сказала ему об этом.

— Мы не должны сердиться на Блотульфа, — сказал он. — Этот человек испытывает боль.

— Может, лучше оставить его в покое, — осторожно заметила Сигрид. Но ответ священника прозвучал с такой неожиданной страстностью, что она только вздохнула.

— Никогда! — воскликнул он. — Если здесь в округе кто-либо нуждается во мне, так это Блотульф. Я видел, как его ослепили. И я молюсь и надеюсь, что смогу возместить утерянные им глаза и дать ему внутреннее зрение, чтобы он смог найти путь к Господу нашему Иисусу Христу.

— Берегись, как бы он не нанес тебе более серьезной раны, — предостерегла Сигрид.

— Послушай, — сказала она позднее Кальву. — Йон, оказывается, не из пугливых.

— В бою я не поставил бы его на носу корабля, — только и сказал Кальв. Она промолчала.

Священник продолжал бывать в Гьёвране, но это не помогало Блотульфу.

В один субботний вечер, когда Сигрид и Кальв были в гостях в Гьёвране, Блотульф остался сидеть в зале. Сигрид очень удивилась этому, но еще более тому, что он вмешался в общий разговор. Ей больше хотелось, чтобы он ушел, ибо, говоря, он не обращал внимания на жестокость своих слов.

— Ты предпочла бы видеть меня в могиле, — сказал он Ингерид, когда та предложила ему поесть. — Я для вас лишний рот, пользы от меня нет.

— Ты кормил меня несколько лет и не жаловался, — ответила она примирительно.

— Раньше было все лучше, — произнес он. — Тогда люди бесполезных стариков лишали жизни, а не заставляли их жить к ничейной радости.

— Ты мог бы помогать мне советами и радовать меня и быть полезным, если б захотел, — вмешался в разговор Финн. — Ты совсем не стар. — Судя по тону говорил он это не впервые.

— Когда ты еще стоял передо мной на коленях на кухне в Эгга, Финн, мне уже тогда казалось, что придет день и ты превратишь меня в чужака в моем собственном хозяйстве.

— Ты здесь вовсе не чужой, не воображай, — в голосе Финна звучало нетерпение.

— Неужели ты думаешь, что я могу здесь чувствовать себя дома, когда ты приглашаешь в гости ратника того, кто приказал мне выколоть глаза, и не думаешь о мести за меня!

Кальв вскочил, за ним поднялась и Сигрид.

— Мы придем как-нибудь в другой день, Финн, — произнес он.

Но Финн покачал головой и сделал знак, чтобы они сели. В этот момент по залу прошла служанка и вышла, чтобы наполнить чашу пивом.

— Они ушли? — спросил Блотульф.

— Нет, — ответил Финн. — Я не хочу выгонять моих гостей из дома.

— Если они здесь, то пусть слушают, что я скажу...

— Остановись, Блотульф! Не доводи до того, чтобы мне пришлось удалить тебя из зала силой.

— Да, ты и на это способен, ты, который ради получения усадьбы опозорил девушку!

Было видно, что Финну трудно сдерживаться.

— Я приехал на юг, чтобы помочь тебе, — сказал он. — И я не просил тебя уступить мне хозяйское место в доме.

— Откуда мне было знать, что мой зять стал человеком короля и крещенным?

— Ты меня не спрашивал. А тебе следовало бы подумать о том, что я поклялся в верности королю и принял обряд крещения, когда тот был в Халогаланде.

Кальв снова поднялся.

— Слушай, Финн, — произнес он, — будет лучше, если вы поговорите с Блотульфом без свидетелей.

Но в этот момент Блотульф повернулся в сторону голоса Кальва.

— Нет, — сказал он. — Если уж ты здесь задержался, то не уходи и сейчас. Мне хочется сказать кое-что и тебе, и твоей подлизе-жене, Сигрид. Следи, чтобы она в один прекрасный день не предала и тебя! Если она так быстро смогла забыть Эльвира, ты тоже не жди особой верности от нее!

А ты, Сигрид. Всего лишь немногим более года, как Эльвир лежит в могиле. И кто же, кроме меня, и может быть, его старшего сына, вспоминает о нем сейчас. Лендман короля, презрительно говорили люди о Кальве, когда он только появился здесь. Народ совершенно правильно отворачивался от него. Сейчас же почти ни один человек не говорит такого. Эгга-Кальв, называют его. И в том, что лендман короля получил признание в округе, виноваты вы, Сигрид и Финн. Ты поддерживаешь дело короля, хотя он был убийцей Эльвира. Так-то ты чтишь память своего мужа?

В глазах Финна блеснул огонь.

— Еще вопрос, кто привел Эльвира к гибели, — воскликнул он. — Король или ты и другие бонды со своими жертвоприношениями.

— Я думал, ошибка состояла в том, что жертва была слишком мала и главный Бог не принял ее...

— На что ты намекаешь, Блотульф? — Кальв рванулся к нему.

Блотульф коротко и жестоко усмехнулся.

— Я надеялся услышать эти слова от королевского лендмана, — произнес он. — Но я слишком долго боялся и поклонялся Богу, в которого не верю, и ненавистному королю, желая ему смерти... Плохи дела у Одина, если за него осмеливается заступиться лишь единственный человек, да и тот слепой, и все же я верю в него. И я хочу умереть как мужчина, а не как негодяй и мерзавец. Ну-с, лендман, ты прикажешь заколоть идолопоклонника и предателя?

Сигрид взглядом впилась в Кальва. Он сидел, нагнувшись вперед. На лбу появились капли пота.

— Ты потерял разум, — произнес он. — Говоришь, как сумасшедший.

— Я в полном рассудке, и ты это знаешь, Кальв Арнисон. Посмотрим, как лендман короля выполняет свой долг!

Кальв на какое-то мгновение растерялся, но голос был тверд, когда он заговорил:

— Я выношу приговор, что ты, Блотульф, сошел с ума и не отвечаешь за свои слова. Финн, я обязываю тебя следить за ним, а при необходимости заковать в цепи.

По пути домой Кальв молчал. Сигрид изредка посматривала на него, когда они еще светлым вечером возвращались к себе.

Никто не мог упрекнуть его за то, что он сделал. Сумасшедшего нельзя привлечь к ответу за его поступки, а Блотульф вел себя так, что у Кальва было полное право посчитать его невменяемым. Но она была уверена, Кальв так же, как и она, знал, что Блотульф в полном рассудке.

— Почему ты пожалел Блотульфа? — спросила она, когда они уже были в Эгга.

— Он сумасшедший.

— Ты знаешь, что это неправда.

— Что ты от меня хочешь? Чтобы я сказал, что сделал я это из-за моего лучшего друга Финна?

Она вопросительно взглянула на него.

— Может быть.

— И затем ты хочешь сказать, что я поступил против воли короля?

— Может быть.

Он повернулся к ней.

— Этот человек сошел с ума, — произнес он. — И не смотри на меня так!

Спустя небольшое время после этого случая Сигрид поехала впервые в Бейтстадт переговорить с Торой Эльвисдаттер.

Даже визит Гуторма после рождения Тронда не остановил Тору: люди, сказала она, все еще говорят о Сигрид и короле. И теперь Сигрид решила переговорить с ней сама. Она взяла с собой Тронда и его кормилицу, и они обе поочереды ухаживали за малышом. Грьетгард и несколько мужчин из Эгга поехали с ними.

Турир еще не вернулся с севера; его приезда ожидали со дня на день. Турир Собака должен был привезти мальчика и, кроме того, он хотел посмотреть на бой жеребцов, который вскоре должен был состояться.

Для Сигрид чудно было ехать верхом по этой дороге без Эльвира. Она так часто ездила по ней с ним, и ни разу — после его гибели. Да и в последнее время она чувствовала, будто Эльвир снова был близко к ней, особенно после посещения церкви в Стейнкьере.

Там в храме было так чудесно, почти так, как будто Эльвир был рядом с ней. В маленьком помещении царили мир и спокойствие, словно остановилось время. Она даже ждала, что вот-вот раздадутся шаги Энунда или голос фру Холмфрид. И когда она плакала на могиле своих детей, слезы приносили облегчение, а не боль.

Сейчас она думала об Эльвире уже не с той дикой, горькой скорбью, как первое время, и не с тем самобичеванием, как в первые месяцы ее жизни с Кальвом. Скорее, она испытывала чувство благодарности за все, что они пережили вместе. Думала она и о том, что сказал однажды Эльвир: все, что она принесет с собой, должно быть ее богатством, если ему доведется пасть в бою. Она вспомнила, что думала об этом и в Каупанге, когда была больна. И те мысли и сегодняшние проложили мост над временем, над всеми ее сомнениями и тревогами.

Но одновременно ей чего-то не хватало, словно в душе была какая-то пустота. Она так привыкла к Эльвиру и к смене его настроений. Он стал частью ее самой.

А сейчас она начала сравнивать его с Кальвом. Но Кальв был не таким; она всегда знала, что может ожидать от него.

Ей казалось, что он самодоволен. А он знал об одной мелочи, на которую она первое время не обращала внимания; считал, что больше не нужно подстраиваться, чтобы завоевать ее. Она внутренне испытывала желание встряхнуть его, даже однажды пробовала, но потерпела поражение. Он уверовал в то, что является мужчиной, который способен дать женщине все, что она пожелает.

Сигрид охватило чувство сожаления, которое появлялось у нее почти всегда, если ее навещали такие мысли. На память пришло его необыкновенно хорошее отношение к ней и к ее мальчикам, и как он был хорош во всех отношениях. И она подумала: может быть,

все-таки лучше взять себе в помощники время и добиться, чтобы он стал менее неприятен.

Они приехали в Бейтстадт вечером; там должны были переночевать.

Но Тора за этот год постарела, и Сигрид поняла, что разговаривать с ней бесполезно. Она путалась и постоянно твердила одно и то же. На мгновение — и она взяла на руки своего внука и назвала его Эльвиrom тут же, повернувшись к Сигрид, обвинила ее в том, что она забеременела от короля.

Возмущенной Сигрид, которой хотелось поставить Тору на место за ее разговоры, стало лишь необыкновенно грустно.

Она спросила ормана в усадьбе, давно ли Тора стала такой, и он ответил, что с ней это произошло постепенно. Бывают дни, когда она чувствует себя абсолютно нормальной, сказал он.

Сигрид надеялась, что на следующий день Тора будет лучше, но она ошиблась. Ей пришлось вернуться обратно в Эгга, не поговорив со свекровью по-настоящему. Но она решила съездить в Бейтстадт еще раз в ближайшее время.

По дороге домой они остановились отдохнуть, привязав лошадей на опушке леса около дороги, и развязали узелки со съестными припасами, которые им дали при отъезде из Бейтстадта.

Погода с утра была мрачной, но сейчас ветер разогнал облака. Солнце пробилось сквозь тучи и бросало свои лучи меж деревьев.

Тронда покормили, и сейчас он, удовлетворенный, дремал. Кормилица передала его. Сигрид, держа его на руках, сидела в стороне от других. В этот момент к ней подошел Грьетгард и сел рядом. Она обратила внимание на то, что в его руках было копье, подарок Кальва.

Тронд что-то невнятно бормотал и улыбался, глядя на брата. Грьетгард отвечал ему улыбкой.

В последнее время она редко видела его улыбающимся. Сигрид показалось, что он необыкновенно похож на Эльвира.

— Ты опять ждешь ребенка, — спросил он.

— Пока не знаю, — ответила она.

— Если нет, то скоро узнаешь, — сказал он.

— Ты хочешь этого?

— Нет, — он задержал дыхание. — Только, если нет, то, может быть...

Сигрид никогда не задумывалась над этим, но, глядя на юношу, поняла, что сын имел в виду. Если у Кальва не будет наследника, то Грьетгард наследует Эгга. Она посмотрела на него.

— Тронд родился совсем недавно, — заметила она.

— Знаю, — ответил он, бросая камешки и стараясь попасть ими в пень, каждый раз пытаясь точно прицелиться в серо-зеленое пятно лишайника. — Но я ведь могу надеяться... Или тебе очень хочется подарить Кальву сына?

Сигрид от неожиданности подалась вперед. Она знала, что Кальв мечтает о сыне, она же пока не думала о том, хочет ли подарить его Кальву.

— Просто пока и мысли такой у меня не было, — сказала она.

— Турир осенью говорил, что рад твоему браку с Кальвом, — произнес Грьетгард. — Да и я последнее время думал, что ты поступила не так глупо. Ты была права, сказав однажды, что он не виновен в смерти отца. И в округе его уважают. Люди говорят, что он на весеннем тинге поступал умно и справедливо и что он советуется с теми, кто хорошо знает законы.

— Не знала, что ты интересуешься тингом и законами.

— Отец часто рассказывал об этом в последние годы. И я пришел к мысли, что лучшим уважением к его памяти будет мое стремление стать таким, каким он хотел меня видеть, научиться тому, чему он желал меня научить.

Сигрид не ответила. Но подумала, что сын стремиться добиться этого в одиночестве. Ей еще больше захотелось понять мысли Эльвиры с тем, чтобы она могла передать их сыну.

— Я также понял, что отцу, который так любил тебя, не понравилось бы, если бы я относился к тебе плохо, — продолжал он.

— Ты защитил меня в момент, когда мне такая поддержка была очень нужна.

— Этого еще не хватало! — Он посмотрел на спящего брата. — Я не мог не заступиться за тебя и за брата! — Тут он внезапно сменил тему разговора. Сигрид подумалось: совсем как Эльвир — и требовательно спросил: — Почему ты ни разу не побывала на могиле отца?

— У меня не хватает смелости.

— Бедная мама! — Он ласково взглянул на Сигрид, как это обычно делал Эльвир, и положил свою ладонь на ее руку. Какое-то мгновение ей хотелось, чтобы он продолжал держаться в стороне от нее. Тут он снова заговорил о другом. — Ты только не жди, что я позволю Кальву указывать мне, что я должен делать!

— Он охотно хотел бы заменить тебе отца.

Грётгард поднял с земли камень побольше и точно попал им по пеньку.

— Этого никогда не будет, — промолвил он. Перед тем, как продолжить, он бросил еще два-три камня. — Из разговора Турира с тобой прошлой осенью я понял, что и для тебя он... Хотя, может быть, твое мнение после этого изменилось?

— Нет, — только и сказала она.

Он изучающе посмотрел на нее такими же серо-зелеными глазами, какие были у Эльвира.

— Нам надо ехать дальше, — быстро сказала она. Они встали. Она проделала это осторожно, чтобы не разбудить спящего Тронда.

Когда они вернулись в Эгга, Кальва дома не было. Он находился в это время в Огндале, наблюдая за добычей железной руды. Но вскоре после вечерней трапезы он приехал в очень хорошем расположении духа.

— Руды на болотах полно, — сказал он.

Он удивился, когда Сигрид ответила ему угрюмо, но, передернув плечами, обратился к Гутторму с вопросом, что нового в хозяйстве.

Сигрид сама не понимала, что происходит с ней в этот вечер. Все, что Кальв ни делал, ни говорил, казалось ей глупым и неправильным.

Он заметил ее холодное отношение и сказал ей об этом, когда они остались одни, а потом спросил:

— Что случилось? — И засмеялся. — Не выносишь, когда меня несколько дней нет рядом с тобой?

— Можешь оставаться там, мне все равно, — ответила она.

Он подошел и положил руки ей на плечи.

— Я сделал что-нибудь не так?

— Нет, — зло ответила она. — Ты никогда не делаешь ничего плохого.

— Может, я обидел тебя чем-нибудь?

— Может быть. — Она отстранилась от него, пошла и легла в постель.

Он с непонимающим видом остался стоять на месте.

Ей захотелось крикнуть: «Сделай что-нибудь; встряхни меня, ударь, но не стой, как палка!»

Он подошел и лег с ней рядом.

— Сигрид, ты знаешь, что я люблю тебя. Доверься мне и расскажи, что произошло.

Эльвир только бы посмеялся, подумала она. Потом он овладел бы ею, какой бы сердитой она не была. Сначала она бы сопротивлялась, но вскоре бы сдалась и забыла о своей злости, отдаваясь ему.

— Ну? — в голосе Кальва звучала забота.

— Ты ничем помочь мне не можешь.

— Нет, нет! Ты не должна заснуть с таким настроением!

Она высвободила руку и ударила его по щеке. Он взялся за щеку и уставился на нее. Потом поднялся, задул жировую лампу и улегся на другую кровать.

Она же лежала и плакала в темноте.

Злость ее не прошла и утром. Но она трезво поразмыслила и поняла, что вела себя глупо.

Кальв уже проснулся, когда она встала.

— Мне вчера было немного не по себе, — произнесла она.

— Если ты называешь это «немного не по себе», то я надеюсь, что ты редко будешь по-настоящему сердитой, — заметил он.

Но улыбнулся и притянул ее к себе. Она улыбнулась ему в ответ, хотя лицо ее было сердитым.

День святых был отпразднован незадолго до середины лета*. Но это не помогло, как ни старались священники читать всем нравоучения относительно деяний Суннивы и прочих святых: все только и говорили, что о предстоящем в день середины лета состязании коней. В конце концов священник Йон махнул на все рукой и тоже начал говорить о бое бойцов. Однако священник Освальд продолжал мрачно бормотать что-то о божьей каре, ожидающих тех, кто пропускать мимо ушей его наставления.

В Хельгейде и Хомнесе в последнее время было многолюдно, все тщательно осматривали обоих коней. Некоторые считали, что хельгейдский жеребец сильнее, другие же полагали, что жеребец из Хомнеса лучше. В любом случае люди делали ставку на жеребца из своей местности.

Незадолго до состязания с севера прибыли Турира и Сигурд Турирссон; состязания должны были происходить на берегу, за старой усадьбой Стейнкьер.

Люди толпами шли туда, у всех было праздничное настроение. И когда хозяева привели своих коней, началась суматоха: все кричали и говорили, заключали пари, подвыпившие парни затевали драку.

В конце концов в толпе воцарился порядок, все стали в круг.

Но еще до начала состязания кони померялись силами: в круг пустили кобылу, чтобы раздражить жеребцов, а хозяева в это время, держа в руках хворостины, натравливали их друг на друга.

Первым бросился в бой жеребец из Хельгейда, но жеребец из Хомнеса тоже не оплошал. Застучали копыта, послышалось громкое ржанье, во все стороны полетел песок. Мощные животные встали на дыбы, колотя по воздуху копытами. Песок окрасился кровью — у хельгейдского жеребца была в боку небольшая рана от укуса.

* Четырнадцатое июля.

Собравшиеся азартно следили за каждым ударом, за каждым укусом, подбадривая криками как коней, так и владельцев, которые тоже кричали что-то своим жеребцам, били их хворостинами, обливаясь от усердия потом.

Сигрид осталась дома, но когда вернулись мужчины, она принялась с нетерпением их обо всем расспрашивать.

— Это был роскошный поединок, — сказал Кальв, — но он остался незаконченным. Лично я сомневаюсь, что кони могли бы драться дальше. И к тому же бонд из Хомнеса был ранен, его конь свалился на него.

Сказав это, он направился в толпу, стоящую у входа в большой зал.

Хьяртан Торкельсон тоже был в Стейнкьере. Судя по его веселому возбуждению, он уже успел где-то выпить. И теперь он направлялся прямо к Туриру Собаке.

— Я еще не успел как следует поздороваться с тобой, Турир, с тех пор как ты приехал сюда, — сказал он, протягивая Туриру руку.

— Это верно, Хьяртан Эскимосское Чучело, — ответил Турир, пожимая его руку. — И что ты думаешь по поводу состязания? — с усмешкой спросил он.

— Это было прекрасное зрелище, — ответил Хьяртан, — но оно напомнило мне другую лошадиную драку, которую я видел однажды в Исландии: там тоже никто не добился перевеса.

— Об этом я не слышал, — сказал Торе. — Расскажи-ка...

Кальв был изумлен, он не знал, что Турир и Хьяртан знакомы, а прозвище «Эскимосское Чучело» слышал впервые.

— Хорошо, — согласился Хьяртан, — я, пожалуй, расскажу, но...

— Хочешь пива? — спросила Сигрид. Они вошли в зал, и пиво тут же появилось на столе. Но Хьяртан медлил с рассказом до тех пор, пока не поймал взгляд Грьетгарда и тот не кивнул ему.

— Это были великолепные кони, — начал он, — но драться им не хотелось. Вывели одну кобылу, потом другую, но жеребцы не интересовались ими. Наконец одна белая кобылка им понравилась — и тут началось!

Хозяева коней оказались такими азартными, что сами не прочь были затеять потасовку. Один из них замахнулся на другого хворостиной и как следует огрел его. Тот, кого ударили, остолбенел. «Ты это сделал нарочно!» — закричал он. «А ты не лезь под руку, лоша-

диная харя!» — крикнул другой в ответ. И, забыв про лошадей, они набросились друг на друга. А люди столпились вокруг них и стали заключать пари. Один я смотрел на лошадей, потому что поставил на одну из них почти все, что имел.

— Надеюсь, кроме одежды, у тебя ничего при себе не было, — вставил Турир.

Хьяртан послал ему горестный взгляд.

— Я как раз вернулся тогда из похода, — сказал он, поворачиваясь к Кальву. — Видел бы ты этих лошадей! Они прекратили драку и, стоя вне круга, наблюдали за дракой своих хозяев. И я могу присягнуть в том, что говорю правду: когда хозяин одного из коней упал, лошади посмотрели друг на друга и кивнули друг другу. После этого конь того, кто еще держался на ногах, громко заржал, задрал хвост и поскакал к маленькой белой кобылке. Другой же конь остался стоять, опустив голову. Я сделал правильную ставку, но никто уже не хотел меня слушать: в тот день мне так и не заплатили.

Хьяртан был явно в ударе. На потеху Кальву и всем собравшимся он рассказывал винландские небылицы, так что остаток вечера прошел быстро.

Сразу же после состязания лошадей Турир Собака со своим сыном отправился обратно на север.

Разговоры по поводу состязания вскоре затихли, жизнь вернулась в прежнюю колею. Бонд из Хомнеса быстро оправился, и теперь он знал наверняка, что коню его цены нет.

В Эгга этим летом все шло прекрасно. Хлеб уродился на славу, коровы давали много молока, люди и животные были здоровы. В усадьбе жизнь была ключом, работа спорилась.

Один лишь священник Йон был мрачен. Он постоянно торчал в Гьёвроне, чтобы перетянуть на свою сторону Блотульфа — но тот не поддавался. И к тому же перестал ходить в церковь.

В конце концов Финн сказал священнику, что будет лучше, если тот отстанет от Блотульфа.

Но однажды вечером, когда Финн и Ингерид были в Эгга, священник Йон снова явился.

Вечер был прекрасным, все сидели во дворе. Часть гьёвранских работников ушли вместе с Финном, чтобы немного развлечься в

Эгга, Кальв, Финн, сыновья Эльвира и многие другие смотрели, как они играют, а Ингерид и Сигрид в это время шили и болтали.

И тут, запыхавшись, прибежал человек и крикнул:

— В Гьёвране пожар!

Финн и Кальв разом вскочили и в сопровождении работников поскакали туда.

Вскоре они увидели, что горит только кузница. Тем не менее они поспешили к месту пожара, поскольку ветер дул в сторону домов и мог занести туда искры, хотя кузница и находилась на отдалении.

Женщины с трудом попевали за ними.

Когда они прибыли в Гьёвран, работа по тушению пожара была в самом разгаре: работники по цепочке передавали ведра с водой, им помогали соседи.

Когда воду лили в огонь, слышался треск и шипенье. Но спасти постройку было уже невозможно, и, вскоре после того как прибыли Кальв и Финн, крыша провалилась.

Люди говорили, что еще до их прихода кузница была объята пламенем. И никто не знал, с чего начался пожар.

— Где Блотульф? — спросил Финн. В последнее время Блотульф часто захаживал в кузницу.

Никто ничего не ответил, пока, наконец, не вышла вперед одна из девушек и не сказала, что видела, как он заходил в кузню. И когда пришел священник и спросил, где он, она направила его туда.

Финн побледнел; они с Кальвом переглянулись.

Пожар продолжали тушить с удвоенной силой, но еще до того, как погасло пламя, они увидели перед собой лишь обугленные остатки кузни.

Покопавшись среди черных, дымящихся головешек, они обнаружили то, что было когда-то Блотульфом. Но священника они не нашли.

Все стояли в растерянности, и тут кто-то крикнул и указал в сторону. Все повернулись и увидели, как медленно, с застывшими, глазами, к ним идет священник Йон.

На лице его и руках была копоть, одежда обгорела. Не глядя ни на кого, он направился прямо к Кальву и Финну.

— Где Блотульф? — спросил он.

Кальв указал на обгоревшие останки. Священник упал, рыдая, на землю.

— Ты должен рассказать обо всем, что произошло, священник!

— Не называй меня священником!

— Ты был священником и останешься им, пока на то будет воля епископа.

— Я недостойн служить мессу.

— Тебе виднее, — медленно произнес Кальв. — Ты можешь рассказать, что произошло?

Но им пришлось увести его во двор, уложить в постель и напоить пивом, прежде чем он, наконец, оказался в состоянии что-либо рассказать. Но даже и теперь он говорил сбивчиво, то и дело прерывая свой рассказ рыданиями.

Он застал Блотульфа в кузнице. Ему нужно было поговорить с ним.

Когда он вошел, Блотульф строгал небольшую доску. Священник испугался, что тот порежется, но рука у слепого была твердой.

Выслушав священника, он повел себя более дружелюбно, чем обычно. Он сказал, что ждал его прихода.

И внезапно спросил:

— Не мог бы ты подать мне ту лучину, что стоит в углу, рядом с клещами?

Священник тут же направился в угол кузницы. Но там было много всего навалено, так что ему понадобилось время, чтобы найти лучину.

И когда он, наконец, вернулся и протянул лучину Блотульфу, тот крепко ухватил его за запястье и, к удивлению священника, загородил выход. Повернувшись спиной к двери, он железной хваткой держал руку священника, и внезапно тот услышал, как позади него трещат стружки.

Сначала он был спокоен и только спросил Блотульфа, что тот задумал. Но, увидев выражение его лица, он перепугался, зажатый в тиски, с горящим за спиной огнем.

Блотульфа рассмешил его вопрос.

— Проверим, насколько ты храбр и сильна ли твоя вера в Бога, — сказал он. — Помолись, может быть, Он потушит огонь!

— Ради Христа... — сказал священник, обратив взор к небу. Но пламя за его спиной разгоралось все сильнее и сильнее.

Блотульф же, с устрашающей гримасой на лице, еще крепче сжал его руку.

— Твой Бог явно не слышит тебя, — сказал он. — Молись громче!

— Бог слышит то, что считает нужным слышать, — ответил священник. — Мы, люди, не всегда знаем, что нам на благо. Давай выйдем отсюда!

Блотульф снова рассмеялся, издевательски и бесцеремонно.

— Тебе так легко не улизнуть, — ответил он. — Я не выпущу тебя отсюда до тех пор, пока ты не отвернешься от этого Христа, верой в которого ты так бахвалишься!

На этот раз священник перепугался не на шутку. Он отчаянно пытался высвободиться, но Блотульф был несравненно сильнее его.

От кучи стружек пламя перекинулось на скамью, тени танцевали на стенах кузницы. На миг священнику показалось, что этот слепой, ухмыляющийся человек, стоящий в отсветах пламени с танцующей за его спиной тенью, сам дьявол.

— Во имя Господа! — воскликнул он, крестясь свободной рукой. Но дерево трещало в огне, а Блотульф стоял возле него и смотрел, не мигая, своими незрячими глазами.

— Твой Бог так же глух, как я слеп, — презрительно усмехнулся он.

Кузня наполнилась дымом; оба они кашляли, глаза у священника слезились.

Страх охватил его. Он пытался молиться, пытался призывать на помощь Бога, но в ответ слышал лишь издеательства Блотульфа.

А огонь тем временем охватил уже стены, стал подбираться к крыше.

Священник чувствовал, как на нем загорается одежда, как пламя лижет его кожу...

Никогда прежде он не испытывал такого страха; он уцепился за Блотульфа, упал перед ним на колени, умолял его о пощаде.

— Скажи, что ты не веришь в Христа! — крикнул Блотульф.

Страх перевесил в священнике все остальное. Жара в кузнице была невыносимой, ему казалось, что он испечется заживо. Мысли, молитвы — все выгорало в этом пекле, испаряясь, словно пот с кожи, перемешивалось с дымом, тонуло в гудении пламени. Единственная мысль оставалась у него в голове: мысль о холодном, чистом воздухе, что был по ту сторону двери.

— Отпусти меня! — крикнул он. — Я не верю в Христа!

Блотульф презрительно усмехнулся.

— Я так и думал, — сказал он. — Но, прежде чем ты уйдешь, ты должен узнать, что если бы твоя вера в Бога была бы достаточно сильной для того, чтобы вытерпеть, когда тебе слегка подпалят шкуру, я бы тоже поверил в Него. И я бы вышел отсюда вместе с тобой.

С этими словами он отворил дверь и выпустил священника, после чего снова запер дверь.

И священник принялся кататься по траве, чтобы затушить на себе пламя.

Он в точности не помнил, что делал после этого. Он полагает, что ушел в лес, закрыв руками уши, чтобы не слышать страшных звуков пожара.

Закончив свой рассказ, он расплакался, как ребенок.

— Я изменил своему призванию, изменил своему Богу, — рыдая, говорил он. — И чего стоит теперь та жалкая жизнь, которая у меня осталась?

Некоторое время Кальв молча смотрел на него.

— Вспомни про святого Петра, о котором ты говорил, рассказывая об Англии, — сухо заметил он под конец. — Ему тоже пришлось отречься от Бога, прежде чем стать ему ровней...

ГОСПОЖА СИГРИД

Из Свейи через леса пробирался пешком один человек. Босой, с непокрытой головой, он был одет в рясу из грубой материи, перепоясанную веревкой.

В усадьбах Инндалена люди удивлялись, что он странствует в одиночку: на дорогах было далеко не безопасно, повсюду рыскали разбойники и те, что были вне закона, так что люди обычно брали себе попутчиков. Но по его одежде и манере говорить было ясно, что это священник.

Некоторые пытались выведать у него, куда он держит путь, но от него мало чего можно было добиться. Он отвечал только, что направляется на покаяние.

Достигнув Вердалена, он направился в сторону Лексдалсваннета, вдоль западного берега фьорда. Добравшись до Сема, он снова повернул в глубь фьорда, к Стенкьеру.

И возле полуразвалившихся домов старой усадьбы ярла Свейна его странствия, наконец, закончились. Остановившись, он принялся смотреть через фьорд в сторону Этга.

Потом повернулся и вошел в церковь. Осторожно открыв дверь, он медленно пошел к алтарю, упал на колени и принялся молиться.

Священник Энунд снова вернулся в Стенкьер.

Через некоторое время он вышел из церкви и направился на пристань. Пристань была на другом берегу реки, и паромщику понадобилось немало времени, чтобы переправить туда тяжелую лодку. Священник был очень удивлен, увидев, что паромщик был тот же самый, что и во времена ярла.

Сам же паромщик не сразу узнал его. И только когда они переправились на другую сторону, он неуверенно спросил:

— Ты не священник Энунд?

— Да, — ответил Энунд. Но когда лодка причалила и паромщик хотел упасть перед ним на колени, он спокойно и решительно поднял его.

— Не вводи меня в соблазн, Торбьёрн! — сказал он и добавил: — Если хочешь оказать мне услугу, расскажи, что произошло в этих местах за последние десять лет.

Сев на камень на берегу реки, он принялся слушать рассказ паромщика.

— Значит, Сигрид дочь Турира все еще живет в Эгга, — задумчиво произнес он, когда Торбьёрн закончил свой рассказ. — И сыновья Эльвира тоже...

— Этим летом здесь остался только младший из них, — сказал Торбьёрн. — Оба старшие в походе.

— Спасибо тебе! — сказал священник, вставая и направляясь в сторону Эгга. Он пошел нижней дорогой, мимо высокого каменного забора, окружавшего усадьбу Хеггин. На холме он остановился и оглядел долину. Потом медленно побрел дальше, ощущая в душе мир, неведомый ему все эти годы, что он странствовал по свету.

Добравшись до Эгга, он остановился перед новой церковью. Там, недалеко друг от друга, стояли два надгробных камня — они стояли с тех самых времен, когда там был языческий храм, и он узнал остатки старинного храма, превращенного в церковную галерею.

Подойдя к входной двери, он открыл ее и замер, стоя на пороге: высоко на хорах висело изображение святого, в котором он узнал Эльвира.

Перед алтарем стоял на коленях какой-то человек, такой же священник, как и он сам, и Энунд подошел и стал на колени рядом с ним.

Тот вздрогнул и быстро взглянул на него, потом еще ниже наклонил голову, продолжая бормотать молитвы. И когда он встал, Энунд тоже поднялся, и они бок о бок направились к выходу.

Когда они вышли из церкви, Энунд сказал, что раньше был здесь священником.

Тот опять посмотрел на него, и в его взгляде было глубокое почтение.

— Я отказался от своего предназначения, — пояснил Энунд, — и Господь в конце концов дал мне понять, какой тяжкий грех я совершил, изменив своим прихожанам. Поэтому я и вернулся назад, и я полагаю, что Его воля заключается в том, чтобы я остался тут.

— Ты изменил своему призванию? — воскликнул низкорослый священник, словно перед ним была великая загадка. — Но разве ты не тот священник Энунд, которого люди называют святым?

— Священник Энунд — это я, но святым я никогда не был. И если люди и называют меня так, то это проделки дьявола, желающего завести их в тупик, а меня совратить.

— Меня зовут Йон, — сказал другой. — Последние пять лет я был священником в Эгга. В округе было два священника, но священник Освальд умер год назад после падения с лошади. С тех пор я здесь один. В стране не хватает священников, и епископу некого было послать на его место. Я же... — он запнулся и опустил голову. — Я не очень способный священник, хотя и прилагал к этому немало усилий, и в течение этого года я не справляюсь со своими обязанностями. Так что ты послан мне самим небом. Но тебе придется съездить в Каупанг и переговорить с епископом.

— В какой еще Каупанг*? — спросил Энунд.

— Это торговое местечко недалеко от Нидароса, — пояснил священник Йон, — король останавливается там, посещая эти края, а у епископа Гримкелля там двор, в котором он живет в промежутках между поездками.

Энунд кивнул, они пожали друг другу руки, после чего вместе направились в Эгга.

Когда они пришли, Сигрид была во дворе. Она что-то выговаривала одной из служанок. Девушка плакала, но Сигрид была неумолима; она даже не заметила, что во двор вошли священники.

* Рыбный базар (норв.)

— Я могу еще понять, что ты споткнулась в погребе и что сушеная рыба выпала у тебя из рук, — сказала она, — но то, что ты не собрала рыбу, всю до одной, этого я понять не могу! Хотя могла догадаться, что одна рыба упала в чан, где бродит пиво. И если бы ты сразу вытащила рыбу, пиво, возможно, было бы спасено. Теперь же его осталось только вылить...

Девушка шмыгнула носом, священник Йон кашлянул, и Сигрид повернулась к ним.

— Жалко выливать пиво, — осторожно заметил он. — Может быть, оно еще пригодится во время поста...

— Можешь идти, — сказала Сигрид служанке; внезапно у нее пропало желание отчитывать ее. Только теперь она заметила священника, пришедшего вместе с Йоном, и лицо его показалось ей знакомым.

— Ты не узнаешь меня, Сигрид? — спросил он.

Она шагнула вперед и протянула ему обе руки.

— Думаю, я узнаю тебя, Энунд! — сказала она. Но от ее взора не скрылось, что годы оставили на его лице след: глубокие морщины, поседевшие волосы.

Священник Энунд остался во Внутреннем Трондхейме. Вскоре после своего прибытия он отправился в Каупанг, и ему повезло: епископ был в это время в городе и с радостью принял его.

Но Энунд не захотел жить в Эгга, когда вернулся назад. Он привел в порядок один из домов в усадьбе Стейнкьер и поселился в нем. И человек по имени Рут переселился к нему вместе со своей женой, чтобы вести хозяйство.

В первые годы после бегства ярла из страны хозяйство в Стейнкьере было запущено. Но когда в Эгга прибыл Кальв, он стал, по приказу конунга, использовать луга и пашни. Постепенно дома в усадьбе снова заселялись.

В первое время народ толпами валил к Энунду: и те, кто когда-то принадлежал к его маленькому приходу, и те, кто был в то время еще язычником.

Он разговаривал со всеми; утешал их, сурово осуждал, предостерегал. Но если кто-то намекал на его святость, он сухо замечал, что подобные мысли внушены дьяволом и являются греховными.

Он опять вернулся к своей старой привычке бродить по окрестностям и беседовать с людьми. И теперь его с радостью принимали даже там, где раньше для него были закрыты двери. Но вскоре он понял, что должен принять предложение Кальва взять у него лошадь. Теперь приход был не таким маленьким, как раньше; и объехать его можно было только верхом на коне.

Первое время Сигрид ждала, что Энунд попросит ее переговорить с глазу на глаз.

Но ожидания ее были напрасными. Он был приветлив с ней и с Кальвом; он играл и болтал с Трондом, и однажды подарил мальчику красивый корень дягиля. В целом же он был занят выполнением своих обязанностей и старался ладить с Сигрид.

Энунд пробыл в Стейкьере уже целый месяц, когда до Сигрид, наконец, дошло, что если она хочет поговорить с ним, ей придется придти к нему самой как простой прихожанке.

Мысль об этом раздражала ее. И ей не понравился его отказ на предложение Кальва жить в Эгга. Это выглядело так, будто он не ценит усилия Кальва по сохранению христианства в округе и строительству новой церкви.

Она считала, что Энунд должен уделить ей, хозяйке Эгга, особое внимание. Так делал священник Йон; так поступал и священник Освальд. Энунд должен был сам догадаться, что ей хочется поговорить с ним.

И все-таки ей пришлось сказать ему об этом, когда он появился в Эгга.

— Ты можешь придти в Стейнкьер завтра после обеда, — сказал он.

Сигрид онемела; он мог бы, по крайней мере, сам придти к ней в Эгга!

— Если тебе это не подходит, мы можем встретиться в другой день, — добродушно заметил он, бросив на нее быстрый взгляд.

Прикусив губу, она некоторое время молчала, но потом сказала:

— Я смогу придти завтра.

— Что у тебя на сердце? — спросил он, когда она пришла к нему в его маленький дом. В продыmlенном помещении вдоль стен стояли только скамьи, свет проникал через дымоход. На короткой стене

зала висело распятие; Сигрид показалось, что она узнает резьбу по дереву из Огндаля.

— Могу ли я тебе чем-то помочь? — снова спросил Энунд.

Сигрид не знала, что ответить. Ей особенно нечего было ему сказать, она просто хотела поболтать с ним. Она вдруг почувствовала неуверенность в себе и подумала, что глупо обременять такого занятого человека, как Энунд, пустой болтовней об ушедших днях.

— Мне хотелось просто поболтать с тобой, — сказала она, — особого дела у меня нет...

Она вдруг почувствовала себя молоденькой девушкой, и это ей не понравилось.

— Пожалуй, лучше будет, если я уйду, — с усмешкой добавила она. — У тебя есть дела и поважнее.

Священник тоже улыбнулся.

— Возможно, — ответил он. — Но я тоже иногда нуждаюсь в приятной беседе. И у меня нет никаких дел на этот вечер. Я дал распоряжение Руту, чтобы он присмотрел за хозяйством, так что мне нечего беспокоиться об этом.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, — вдруг вспомнила Сигрид, — Эльвир велел перед смертью передать тебе кое-что.

Она села на скамью рядом со священником.

Энунд весь превратился в слух.

— И что же он сказал?

— Он просил меня передать тебе, что раскаивается в своих грехах, в том числе и в участии в жертвенной трапезе.

— Почему же ты до сих пор ничего не говорила об этом, Сигрид? — священник встал и принялся ходить по комнате взад-вперед. — Если Эльвир умер как христианин, он должен быть похоронен по христианскому обычаю.

— Эльвир лежит в святой земле, возле церкви в Мэрине. И я не говорила тебе об этом потому, что уже беседовала об этом с епископом Гримкеллем сразу после смерти Эльвира.

Энунд ответил не сразу. Он подошел к распятию, висящему на стене, и стал на колени. Некоторое время он молча стоял так, потом перекрестился и снова сел на скамью.

— В Свейе я слышал, что король убил Эльвира в Мэрине за то, что тот совершал жертвоприношение, — наконец произнес он.

— Это правда, что его убили в Мэринe, но не за то, что он приносил там жертву.

И когда она рассказала о смерти Эльвира, священник слушал так, словно желал запомнить каждое слово. Когда она закончила свой рассказ, он начал выпрашивать подробности. И ей пришлось рассказать о том, что произошло осенью и зимой, перед смертью Эльвира, о том, что он сказал в последний раз в церкви в Стейнкьере.

— Я должен был узнать это, — сказал под конец Энунд. — И я знаю, что Господь не отвернется от него. Господь никогда не отверачивается от того, кто действительно ищет Его.

Сигрид опустила голову, закрыла лицо руками. Увидев это, он замолчал. Через некоторое время она выпрямилась.

— Ты лжешь, — сказала она. Она говорила, не глядя на него, голос ее звучал монотонно. — Я искала Бога, но так и не нашла Его.

— Ты уверена, что искала именно Бога? — мягко спросил он.

Повернувшись, она пристально посмотрела на него и сказала:

— Ты, говорящий о том, что Бог никому не изменяет, что скажешь ты о Блотульфе, которого ослепили во славу христианства и который погиб потому, что у христианского священника не хватило мужества спасти его?

Энунд слышал из уст самого священника Йона о Блотульфе и пожаре.

— Блотульф потерял рассудок, — сказал он. — Не нам, людям, судить его... Кстати здешние жители слишком строги по отношению к священнику Йону, — помедлив, добавил он. — Те, кто считает себя храбрецами и презрительно отзываются о нем, должны помнить о том, что если они не совершали такой ошибки, как он, то наверняка совершали другие. И говоря о его слабости, они должны помнить о том, что нужно обладать силой духа, чтобы переносить насмешки и издевательства с таким терпением и добродушием, с каким это делает он. И то, что епископ отослал его обратно в Эгга, вовсе не является наказанием, — с чувством добавил Энунд, — его тихую покорность местные жители должны были бы взять для себя в качестве образца для подражания, вместо того чтобы измываться над ним...

По его взгляду Сигрид поняла, что он осуждает и ее.

Она была в ярости. Она доверила ему свои глубочайшие сомнения, и после этого он задает ей дурацкий вопрос о том, действительно ли она искала в церкви Бога! Кого же еще? А он намекает на какое-то высокомерие с ее стороны!

Она встала, поблагодарила за то, что он принял ее, извинилась за то, что отняла у него столько времени, и ушла.

Сигрид сидела на кухне, трепала лен и думала о том, что сказал ей Энунд; она никак не могла смириться с его намеком на ее высокомерие.

Кальв был всеми признан как хёвдинг Внутреннего Трондхейма, поэтому ее считали первой женщиной в округе. Однако она не считала, что ведет себя высокомерно. И хотя она и не могла до конца забыть, с каким рвением все принялись осуждать ее, она была со всеми приветливой, помогала всем, принимала в деревне роды и трижды в год безропотно принимала толпы гостей, которых Кальв собирал со всей округи.

Правда, в последние годы ей пришлось со многим смириться — с присутствием Кальва и всем остальным. Но она вмешивалась в местные дела лишь тогда, когда Кальв просил у нее совета. И если в каких-то случаях ей приходилось обводить его вокруг пальца, она делала это незаметно. При этом она чувствовала себя немного виноватой, зная, что все сходит для нее с рук только потому, что Кальв прямодушен и не подозревает ее ни в чем. Но она утешала себя тем, что его неведение ничуть не вредит ему и что, в конечном итоге, в этом виноват он сам.

В первое время ей не хватало твердой руки Эльвира, да и теперь она в этом нуждалась. Но ей также нравилась и ее новая власть. Если Кальв отпускал, кто-то должен был стать на его место.

Кальв вовсе не хотел, чтобы что-то менялось в их отношениях. Его довольству ею и самим собой можно было лишь позавидовать. Она всегда знала, чего можно ожидать от него, на людях и наедине, и с каждым годом он казался ей все более скучным.

Она испробовала все возможные способы, чтобы растормошить его. Она дразнила его, но он только обижался; она пыталась заигрывать с ним, но он всем своим видом показывал, что ему это не

нужно. Она приходила в ярость и отчаяние, но он не понимал, что ей нужно.

В конце концов она сдалась. Изредка ей бывало хорошо с ним, но чаще всего она просто делала вид, что привязана к нему, чтобы избежать лишних вопросов. И он ни разу этого не заметил.

Постепенно ощущение потери у нее пропало. Ее целиком поглощали заботы о хозяйстве, об устройстве жизни сыновей. И теперь ее удивляло то, что Эльвир никогда не выговаривал ей за неряшливое ведение хозяйства.

Но Эльвир умел ценить свое собственное и ее достоинство.

К своим обязанностям хёвдинга Внутреннего Трондхейма Кальв относился слишком ревностно. Временами ей казалось, что он тратит на это слишком много усилий: такой суеты во дворе никогда не было во времена Эльвира. Люди шли к Кальву непрерывным потоком, чтобы попросить у него совета. Они говорили, что Кальв из Эгга мудр и справедлив. «Наверняка так оно и есть...» — думала Сигрид.

Он много ездил, но никогда не брал с собой Сигрид, как это часто делал Эльвир. В первое время это ее удивляло, она знала, насколько зависим он от нее. Но постепенно до нее стало доходить, что именно поэтому он и оставляет ее дома, боясь, что люди заметят это.

Контраст между ним и Эльвиром был разительным: Эльвир брал ее с собой, потому что она принадлежала ему; Кальв оставлял ее дома, потому что боялся, что люди заметят, что он принадлежит ей.

«Ой!» — вырвалось у нее. Из пальца текла кровь, и она поднесла его ко рту, чтобы зализать ранку. Бросив сердитый взгляд на льночесалку, она улынулась: нельзя одновременно чесать лен и думать о своей жизни!

Через два дня после разговора Сигрид с Энундом, сразу после дня летнего солнцеворота, в Эгга прибыл скальд Сигват.

Он уже не первый раз гостил в усадьбе с тех пор, как Кальв стал хозяином; дважды он бывал здесь с королевскими поручениями. И теперь он тоже прибыл по приказу конунга, привез важное известие для Кальва и желал поговорить с ним наедине.

Сигрид нравилось и одновременно не нравилось присутствие Сигвата. Его глаза теплели, когда он смотрел на нее; и у нее возника-

ло ощущение слабости, подобное тому, которое она испытывала при первых встречах с Энундом на Бьяркее.

Явившись первый раз в дом, Сигват старался держаться от нее подальше, но она заметила, как его черные глаза преследуют ее.

Он смеялся и шутил с Кальвом.

Да, наложница родила ему дочь, признался он, когда Кальв намекнул на это. Сам король крестил ее и дал имя Туве.

Он сказал, что женился, но не на матери Туве. Говоря это, он искоса посматривал на Сигрид. И она подумала, что если он и сожалел о том, что было между ними в Каупанге, ему не понадобилось много времени, чтобы утешиться.

И все же ей тяжело было сознавать разницу между этими двумя мужчинами и думать о том, как близка она была к тому, чтобы выйти замуж за Сигвата.

В следующий раз, когда он гостил в Эгга, она не могла придти в себя несколько недель.

Он попросил, чтобы она показала ему свои ткацкие работы. Она спросила у Кальва, не хочет ли он тоже посмотреть, но он ответил, что нет, он не разбирается в ткачестве. И она повела Сигвата в одну из кладовых.

— Не хочешь ли ты подарить мне одну из своих работ? — спросил он, когда они стояли рядом на коленях, и при тусклом свете лампы, смотрели на разложенные на полу ковры. — Это давало бы мне ощущение того, что со мной осталась часть тебя.

Она была удивлена, это было так неожиданно. И, не глядя на него, она ответила:

— Ты не должен так думать обо мне.

— Я ничего не могу с собой поделать, — ответил он. Его рука искала ее руку, и она не воспротивилась этому. Он взял ее ладонь и поднес к губам — но только на миг.

Потом усмехнулся.

— Ты же знаешь, любому скальду нужна женщина, о которой он тоскует, — сказал он, — и лучше всего та, которая не может ему принадлежать. У Кормака была Стейнгерд, у Гуннлауга Змеинового Языка была Хельга, у Тормода Скальда Черных Бровей была Торбьёрг. А у меня есть ты. Возможно, это даже к лучшему, что мы не женаты...

— Я никогда не слышала о том, что ты сочиняешь обо мне висы, — сказала она.

— Разве ты не знаешь, что закон запрещает сочинять любовные песни?

— Мало кто принимает всерьез этот закон.

— И напрасно. Вспомни Оттара Черного. В какое трудное положение он поставил самого себя и королеву Астрид, сочиняя о ней стихи! Он посвящал ей любовные песни, когда она еще не была замужем.

— Я слышала, что дело здесь не столько в самих песнях, сколько в том, что он вынужден был произнести их вслух при короле, — сказала она.

— Да, он произнес их перед королем. Но только после того, как мы с ним подправили кое-какие места. В своем первоначальном виде песня была неудачной, и я не думаю, что его голова осталась бы на плечах, если бы король услышал эту песнь.

Я сочинил о тебе песнь, Сигрид, и не одну. Но я держу в тайне эти висы, чтобы не разрушать дружбу с Кальвом и не порочить твое имя.

— Надеюсь, ты не такой обманщик, как Тормод Скальд Черных Бровей, который слагает песнь для одной женщины, а потом использует ее, чтобы завоевать других.

Он снова усмехнулся.

— Чтобы тебе не врал, не надо ни о чем спрашивать!

— Не мог бы ты произнести одну из своих вис? — спросила она.

Но он только покачал головой.

— Может быть, в другой раз, — ответил он.

— В таком случае, ты не получишь от меня ковер...

Он бросил на нее плутовской взгляд.

— Я говорю о тебе в одной из известных песней, — ответил он. — И видя ее вопросительный взгляд, он продолжал: — Разве ты никогда не слышала эти висы о битве у Несьяра, в которых я говорю:

*Нам за гром секирный —
Пускай, уступали
Мы числом — не станут
Пенять девы Трёнда*

*Те ж мужи заслужат
Позор у разумных
Дев, кто загребали
В брани бородами*.*

Ну, получу я твой ковер?

— Ты получишь тот, который подходит по содержанию к этой виле, — ответила она, протягивая ему самый маленький из ковров.

— Нет, — со смехом ответил он в тон ей. — Я хочу тот, с медом Суттунга, который ты выткала в тот раз, когда я впервые увидел тебя.

Он попытался обнять ее, но она со смехом отстранилась.

— С годами ты не стал скромнее, — сказала она. Но ковер ему все-таки дала.

И вот он снова в ее доме, беседует с Кальвом в старом зале. Она не знала, что ей делать, она была неуверена в себе.

Она подумала о том, что ей лучше было бы на время уехать. Съездить в Бейтстад на пару дней, в любом случае ей нужно было проверить, как там дела. Кальв разрешил ей самостоятельно вести там хозяйство, и она частенько наведывалась туда, как до, так и после смерти Торы.

Но она гнала эту мысль прочь. И она сама, и Сигват знали, что между ними никогда ничего не будет. И что изменится оттого, что он сочинит в честь нее висы? Кальв об этом не знает, его это не заденет, думала она, как часто делала и до этого.

И все же вечером она держалась рядом с другими женщинами, избегая взгляда Сигвата.

Но она постаралась сесть поближе, чтобы слышать, о чем он разговаривает с Кальвом.

Сигват говорил, что ездил на север в свою усадьбу, прежде чем отправиться в торговое плавание в Руду.

— Торд Фоласон тоже поедет с тобой? — спросил Кальв.

— При чем тут Торд Фоласон?

— Я думал, вы с ним друзья.

* Перевод О.Смирницкой — *Снорри Стурлусон. Круг Земной*, с. 194

— Я вижу, ты давно уже не был в королевской дружине. Он никогда не простит мне ту шутку, которую я сыграл с ним, когда Рюрик собирался сбежать.

Кальв покачал головой.

— Я совсем забыл об этом, — признался он.

— Мы с Тордом обнаружили, что Рюрика нет, — продолжал Сигват. — И мы не знали, что делать, потому что ни он, ни я не осмеливались разбудить короля. И тогда я спросил Торда, не хочет ли он рассказать королю о случившейся беде, если тот уже проснется. И Торд сказал, что да, он поговорит с ним, если я осмелюсь разбудить короля. После этого я приказал одному из священников звонить в церковный колокол. И Торду пришлось стоять возле королевской постели и объяснять ему, сонному и раздраженному, все.

— Все ужасно бояться будить короля, — заметил Кальв. — Но вряд ли стоит относиться к ночному сну с такой предвзятостью. Я слышал, что ты не осмеливался нарушить его ночной покой даже тогда, когда его любовница родила сына и оба, мать и ребенок, были в опасности...

— Это верно, — ответил Сигват. — Будить его столь же опасно, как медведя в берлоге. Я предпочел сам дать мальчику имя и тем самым вызвать гнев короля, но не будить его.

— Ты еще хорошо отделался, — заметил Кальв, — могу себе представить, каким странным показалось королю имя Магнус.

Сигват захохотал.

После этого разговор пошел о более серьезных вещах.

Они говорили о союзе короля со шведским королем Энундом и о том, что король Кнут хочет подчинить себе всю Норвегию. Он полагал, что имеет наследственное право владения страной, доставшееся ему от отца, Свейна Вилобородого, правящего большей частью Норвегии.

После этого они говорили о новом христианском праве короля.

Кальв полагал, что король слишком торопится с изменением законов, Сигват же воодушевлялся, когда речь заходила о том, что Олав следует христианским законам, несмотря на то, что в отдельных местностях сохранялись прежние законы.

— Он сделал то, чего не удавалось сделать до него никому, — сказал он, — он сделал из Норвегии государство настолько сплоченное, что его уже невозможно раздробить на куски.

Но Кальв был с ним в этом не согласен.

— Во многих местах королем недовольны, — сказал он, — он действует слишком быстро. Государство может развалиться на куски еще во время его правления.

— Ты теперь говоришь не так, как говорил во времена королевской дружины, Кальв Арнисон, — сказал Сигват.

— С тех пор я многому научился, — ответил Кальв, — я не склонен к принятию поспешных решений. И, на мой взгляд, король сделал много необдуманных шагов. Если бы он был в здравом уме, он не вынес бы смертный приговор Асбьёрну Сигурдссону из Тронденеса. И если бы Торарин Невьольвссон позволил бы королю убить себя, конунг нажил бы себе врагов как среди эгденцев, так и среди холейгенцев. Что касается холейгенцев, то они и раньше были недовольны им — и не без причины: он запретил им покупать зерно на юге в неурожайный год. Ты же знаешь, чем голоднее вошь, тем сильнее она кусает.

Сигрид знала, о чем идет речь; она слышала от Финна Харальдссона о поездках на юг Асбьёрна Сигурдссона.

Сначала он отправился в Сэлу и купил зерно у раба, принадлежащего брату его матери, Эрлинга Скьялгссона, поскольку рабы были не обязаны следовать указам короля. Но наместник короля в Авальдснесе, Турир Тюлень, все зерно отобрал у него на обратном пути; он отобрал у него также парус, а взамен дал какое-то тряпье.

Асбьёрн очень тяжело переживал все это, обдумывал план мести. Следующей весной он снова отправился в Авальдснес, где на его глазах Турир Тюлень врал о нем в присутствии короля. Для Асбьёрна это было уже слишком; и он убил Турира прямо в королевском зале. Король пришел в ярость и не хотел слышать никаких объяснений. И только благодаря вмешательству Скьялга Эрлингссона, его племянника, и Торарина Невьольвссона Асбьёрн остался в живых. Скьялг отправился в Сэлу за своим отцом, а Торарин пустил в ход всевозможную лесть, чтобы король повременил со смертным приговором пока Скьялг не вернется с Эрлингом. И только увидев вооруженных людей Эрлинга, король согласился оставить в живых Асбьёрна. Но тому пришлось пообещать королю занять место Турира Тюленя в Авальдснесе.

Это очень не понравилось брату его отца, Туриру Собаке; тому казалось, что это позор для их рода. И когда Асбьёрн приехал на

север, чтобы присмотреть за своим хозяйством, тот посоветовал ему остаться там. Этот совет показался Асбьёрну дельным, и он остался в Тронденесе вопреки воле короля.

На следующий год он был убит одним из королевских людей по имени Осмунд Транкьеллссон. В убийстве был виновен и еще один человек по имени Карле.

— Ты, — сказал Сигват, — ты прав, конунг действовал слишком поспешно в деле, требующем всестороннего рассмотрения. Но это было несколько лет назад, теперь он стал мягче. Я пробовал усмирить его и, можешь быть уверен, я не всегда во всем согласен с ним.

Он зевнул.

— Давай поговорим о чем-нибудь более интересном, — добавил он, — Хьяртан, не расскажешь ли ты нам что-нибудь?

— Думаю, тебе известны все мои саги.

— Ты был со мной в торговом плаваньи, наверняка ты выдумал что-нибудь новенькое.

— Я стал слишком стар и медлителен, — ответил Хьяртан. Теперь ему больше нравилось сидеть за веслами и удить рыбу. — Здесь, в Трондхейме, я обрел покой.

— Местным жителям явно не хватает весельчаков-исландцев, — сказал Сигват, бросив на Кальва глубокомысленный взгляд. Кальв рассмеялся.

— Ты прав, — сказал он. — Но теперь, мне кажется, ты должен показать, на что способен скальд...

В глазах Сигвата загорелся веселый огонек, когда он встал и принялся слагать шутливые стихи о тех из присутствующих, кого он знал.

В этот вечер Кальв слишком много выпил, и двое работников уложили его в постель. Все разошлись.

Прежде чем отправиться спать, Сигрид стояла некоторое время во дворе. Вечер был на редкость тихим и ясным. Зелено-желтый свет озарял дома и деревья; казалось, что небо светится...

У нее не было особого желания отправляться к пьяному Кальву. И ее раздражало не только его неумеренность в питье; по сравнению с Сигватом он казался ей косноязычным, особенно в конце вечера.

Когда разговор снова зашел о королевском правосудии, Кальв упомянул о смерти Эльвира в Мэрине и о том, что он был христиа-

нином. Сигрид обрадовало то, что на Кальва это произвело куда большее впечатление, чем она думала. Но разговор об этом казался ей неуместным, в особенности с таким человеком, как Сигват, стоящим близко к конунгу.

Тем не менее ответ Сигвата ее удивил. Он сказал, что, по его мнению, король не нанес тем самым большого ущерба христианству.

Она вздрогнула, услышав шепот Сигвата, входя под навес перед домом.

— Сигрид...

— Тс!

Она испуганно огляделась по сторонам. Отверстия в стене были слишком маленькие, свет через них почти не проникал. В лунном свете, падающем в проем двери, она увидела силуэт Сигвата.

Он молча притянул ее к себе, крепко прижал. В первый момент она смертельно испугалась и хотела закричать. Но тут же сообразила, какое наказание ожидает его, если она закричит, — и промолчала.

Обняв ее правой рукой, он принялся ласкать левой рукой ее волосы и шею, пробравшись под косынку.

Она стояла, словно околдованная, не делая даже попыток освободиться.

В ней поднималось какое-то волнение, напоминающее едва заметную рябь на спокойной поверхности моря. И это волнение усиливалось в ней, словно волны у берега, и она ничего не могла с этим поделать.

Она обняла его за шею и склонила голову на его плечо.

Он ничего не сказал, только крепче обнял ее. И когда он повернул к себе ее лицо и поцеловал ее, он увидел, что она плачет. Он осторожно вытер ее слезы и снова поцеловал.

— Ты тосковала обо мне так, как я тосковал о тебе? — прошептал он.

— Думаю, что да... — ответила она. Но до этого момента она не догадывалась, как велика была ее тоска.

— Да поможет нам Бог! — прошептал он, отпуская ее.

Вскоре после Вознесения священник Энунд пригласил Сигрид и ее старших сыновей поехать с ним в Мэрин.

У Сигрид не было особого желания; она не была в Мэрине со времени смерти Эльвира. Но она не посмела отказать священника.

Она молчала всю дорогу, когда они переправлялись через фьорд и скакали из Кроксвога в Мэрин.

Как хорошо она знала эти места! Но теперь все это казалось ей порождением какой-то другой жизни. Она подумала, что такое ощущение должен испытывать тот, кто рождался вновь, вспоминая о своем прежнем бытии. Она украдкой взглянула на священника; христианам не разрешалось верить в то, что им предстоит родиться вновь.

Знакомые места не вызывали в ней чувство горечи. Воспоминания о времени, проведенном с Эльвиром, она хранила в себе, словно драгоценность; когда она думала о нем, у нее появлялось ощущение потери, но не скорби. Она подумала о сокровищах, которые люди имели обыкновение зарывать в землю в языческие времена, чтобы после смерти воспользоваться ими. Так было и с ее отношением к Эльвиру.

И тут, как это бывало всегда, когда она думала об Эльвире, у нее возник вопрос: почему Бог дал ему умереть? Ответ на этот вопрос ей было дать куда легче, когда она верила в богов. Тогда все объяснялось судьбой. Человек принимает нужду, скорбь и опасность, зная, что все, что происходит, неотвратимо, что сами боги связаны нитями норн. Но теперь ей предстояло поверить в Бога, который был сильнее самой судьбы. Почему же тогда Эльвир вынужден был умереть, если он, наконец, обрел своего Бога, добровольно отдал себя в Его руки? Она думала не только о своей личной утрате. Она считала расточительством со стороны Бога создать инструмент, а затем разбить его на куски.

Впрочем, кто был инструментом в руках Господа? Далеко не единичные люди.

Король считал себя инструментом Господа и ввел в стране христианство. Но, думая о его христианских деяниях, она не была уверена в его правоте: во всем, что он делал, ощущалось его болезненное властолюбие. Король Олав, по ее мнению, больше использовал в своих целях Бога, чем Бог использовал в своих его самого.

И все то, что она слышала за последние годы относительно королевского законодательства, не меняло в ее глазах облика короля со времен Мэрина и Каупанга. Думая о том, что только на основе доносов, в обход тинга и законов, он давал распоряжение убивать и калечить людей, о том, как по одному его приказанию был убит Эльвир, без всякого суда, она чувствовала, что в ней поднимается удушающая ненависть к этому самонадеянному человеку.

Повернувшись, она взглянула на сыновей.

Они признались ей, что провели первую половину лета у короля Кнута. Они встречались и разговаривали со своим врагом ярлом Хаконом Эрикссоном.

Король Кнут приветливо принял их, спрашивал, что нового в Норвегии. Но было ясно, что он в курсе всех дел; он говорил об убийстве их племянника Асбьёрна, преемника Турира Тюленя. Он говорил и о том, что юноши не должны забывать об убийце своего отца, он сказал, что, если придет к власти в Норвегии, им следует помнить, что он был родственником и другом рода Ладе. И перед тем как отправиться с пилигримами в Рим, он подарил каждому из них по массивному золотому обручю.

Сигрид гадала, сколько времени еще пройдет, прежде чем они выступят против конунга Олава. И ей становилось страшно, потому что в любом случае — а не только в случае мести — убийцы короля должны были быть сами убиты королевскими людьми.

Она думала также и о своем брате. Она не говорила с Туриром Собакой с тех самых пор, как был убит сын их брата, но она не думала, что он слишком уж благодушно настроен по отношению к конунгу. Этим летом на Грютее побывал Финн Харальдссон и скоро должен был вернуться; и она с нетерпением ожидала его рассказов.

Впереди показался холм Мэрин. Она вспомнила, как Эльвир рассказывал ей легенду об этом холме в первый раз, когда она приехала сюда, и подумала, что со временем он сам стал частью этой легенды.

У подножия холма она остановила коня.

Энунд и юноши тоже остановились.

— Поезжайте дальше! Я подожду здесь, — сказала она.

— Ты чего-то боишься? — спросил Энунд.

Ей не нравилось, что он угадывает ее мысли. К тому же она сама не знала, что ее так напугало. Возможно, это были воспоминания, а может быть, мысль о том, что в этой земле покоится то, что было когда-то Эльвиром. И она ничего не ответила.

— Поезжайте наверх! — только и сказала она.

— Думаю, отцу не понравилось бы то, что ты так легко даешь себя напугать! — в голосе Грьетгарда слышался шутливый оттенок, и Сигрид посмотрела на него.

Грьетгард был уже не мальчиком; ему минуло семнадцать, и он выглядел как взрослый мужчина. Она вдруг подумала, что он красив — не удивительно, что девушки бегают за ним.

— Ты поедешь с нами, мама! — решительно заявил Грьетгард. Он сделал ей знак рукой, чтобы она ехала следом. Энунд и Турир тронулись с места, она же продолжала сидеть в седле, глядя на них. Но когда ее конь сам двинулся следом за остальными, она не стала останавливать его.

Грьетгард повернулся к ней. Видя, что она скачет следом, он остановился, чтобы подождать ее, и они вместе поскакали наверх. Он то и дело посматривал на мать, и она не знала, что сказать ему. До этого сын никогда не разговаривал с ней таким тоном. Но теперь, после возвращения из похода, у него появилась уверенность в себе. И она чувствовала себя беспомощной.

По мере их приближения к вершине ветер усиливался. И когда они слезли с коней, ей показалось, что этот ветер продувает ее насквозь.

Дома стояли на тех же самых местах, что и в последний раз, когда она была здесь. Единственным изменением было то, что на месте языческого храма теперь стояла церковь. Ее взгляд медленно блуждал по двору.

Там, возле крыльца, умер Эльвир. А там, чуть поодаль, стояло кресло конунга.

Она направилась к входной двери. Сыновья последовали за ней; они были на голову выше ее. Она стояла и смотрела на то место, где погиб Эльвир, и Грьетгард положил ей руку на плечо.

Энунд постучал в дверь, им открыла женщина с ребенком на руках. Сигрид слышала, что у священника из Мэрина есть жена и дети; судя по всему, это была его жена.

Женщина сказала, что священника нет дома. Но церковь была открыта, и они решили сходить туда.

И все-таки они прошли мимо церковной двери: Турир повел их наверх, к простому деревянному кресту.

Сигрид села на поросший травой склон. Это было почти то место, где они с Эльвиром сидели как-то раз, много лет назад, когда он признался ей, что верит во всемогущего Бога.

Ветер продувал их насквозь. Небо стало затягиваться облаками. Поверхность фьорда и холмы стали казаться серыми и холодными, Сигрид не хотелось смотреть на все это. Она опустила взгляд на траву, не осмеливаясь признаться себе в том, что знает, что лежит в этой земле.

— Эльвир теперь не здесь, Сигрид, — сказал Энунд, и она вздрогнула. — Эльвир обрел Бога, которого искал и который в своей любви простил ему все его грехи. И он получил ответ на все те вопросы, на которые я не мог ему ответить. То, что покоится здесь, это всего лишь оставшееся от него тело, превратившееся в тот прах, из которого он и вышел.

Сигрид встала, и все склонили головы, когда Энунд начал молиться. Но она подняла глаза, когда он произнес слово «мечь».

— Мстить пристало лишь одному Тебе, Господи, — сказал Энунд. — Помоги нам запомнить это, здесь, когда мы стоим у могилы человека, который лучше, чем кто-либо, понимал Твою любовь, человека, который своей мучительной смертью искупил свои грехи и который сказал: «Я выстрадал еще не все, что заслужил».

Теперь Сигрид поняла, зачем Энунд позвал их с собой в Мэрин. Но, увидев суровые лица сыновей, она поняла, что слова священника мало подействовали на них.

И втайне она почувствовала облегчение.

Вечером, ложась в постель, Сигрид была в подавленном состоянии, но Кальв явно дал понять, что спать не собирается. Он знал, что она была в Мэрине. И ему лучше было бы оставить ее в покое.

На этот раз она поступила так, как давно уже не поступала: она отвернулась от него.

— Что случилось? — с удивлением и обидой спросил он.

— Ты же знаешь, где я была сегодня.

Он отпустил ее.

— Ты все еще горюешь об Эльвире?

Она хотела было успокоить его, чтобы сгладить резкость своих слов, но на фоне правдивости и подлинности ее отношений с Эльвиром та ложь, в которой она теперь жила, выступила в самом неприглядном свете. Она вдруг подумала, что режущая глаза правда лучше для Кальва, чем вся та ложь, которой она окружила его.

Он сидел и ждал ответа, и она почувствовала в душе облегчение, решив рассказать ему правду. Она хотела сказать ему, что он ей никогда не нравился и что она создавала видимость любви, только чтобы не огорчать его, и что он никогда не займет место Эльвира. И еще она хотела сказать ему, что ей нравится Сигват, ведь теперь она это знала. Она хотела также сказать ему всю правду о короле, о том, как люто она ненавидит его.

— Ну, Сигрид, — самодовольно усмехаясь, произнес он, — неужели ты скорбела об Эльвире все эти годы?

— Да, — ответила она, — это так.

Но он продолжал улыбаться.

— Не болтай, — сказал он, — а то я и впрямь подумаю так...

— *Я говорю правду.*

— Тебе не пошла на пользу поездка в Мэрин. Знакомые места и воспоминания плохо подействовали на тебя, — он снова притянул ее к себе и погладил по волосам, — а теперь лежи вот так, закрой глаза и предоставь все остальное мне!

— Но, Кальв... — снова начала она.

— Никаких «но, Кальв»! — засмеялся он. — Ложись на спину и забудь про Мэрин!

Глубоко вздохнув, она прижалась к его плечу. Все было напрасно: стена лжи между ними была настолько прочной, что никакая правда не могла через нее пробиться.

Сигрид размышляла об этом все последующие дни; ей стало казаться, что она вообще слишком много думает с тех пор, как вернулась Энунд.

Все началось с их разговора в Стейнкьере. Поразмыслив об этом, она решила, что с нее хватит; тем не менее, мысли об этом не давали ей покоя. Она многое не успела рассказать Энунду в тот день.

Решив, что новый Бог не принимает ее, она начала возвращаться к старой вере, чувствуя, что выбора у нее нет; и она тайно приносила жертвы богам.

Один только Эльвир не верил в богов, думала она; хотя священники говорили, что они существуют. И если Бог не принимает ее, ей придется искать помощи там, где она может ее получить.

Она никому не признавалась в этом; она считала, что в этом не только ее вина. Она делала то, что было в ее силах, она исполняла своей христианский долг и ходила к мессе. Если бы Бог услышал ее молитвы и пришел ей на помощь, она с радостью перестала бы приносить жертвы богам. И ее раздражало то, что она никак не могла выбросить из головы глупый вопрос Энунда о том, искала ли она на самом деле Бога и его заветы.

А тут еще Сигват. В конце концов она стала успокаивать себя тем, что если он ей и нравится, то в этом не только ее вина. Она не сделала ничего плохого и делать не собиралась.

И еще — сыновья.

Из них двоих Турир был весельчаком, у него были хорошие отношения с Кальвом. В свои шестнадцать лет он был высоким и сильным, его все любили, и он уже начал пошалить с девушками, и Сигрид сомневалась в том, что он ограничивается просто болтовней.

Однажды она сказала об этом Кальву, но тот только рассмеялся.

— Какая беда в том, что у него есть одна-две любовницы? — спросил он.

— Это может навредить девушкам, — сказала Сигрид.

— Если они на это идут, пусть пеняют потом на себя.

Сигрид не была во всем согласна с ним и решила поговорить с Туриром. Но из этого ничего не вышло: с таким же успехом она могла уговаривать горную речку течь вверх.

И все же большинство девушек провожало тоскующим взглядом Грьетгарда. Его замкнутость и спокойствие делали его еще более привлекательным. Но Грьетгард предоставлял девушкам возможность пялиться на него, не обращая на это никакого внимания.

У Сигрид и Кальва детей не было, и все считали Грьетгарда наследником Эгга, хотя сам Кальв ничего об этом не говорил. Но в

течение последнего года Кальв начал брать его с собой в поездки по Трёнделагу.

Грьетгард стал спокойнее, он преодолевал свой неукротимый нрав, и Сигрид была рада этому. Лишь изредка в глазах его появлялся особый блеск, свидетельствующий о том, что если он и сумел обуздать свой нрав, то только внешне.

В эту осень он посещал церковь с бóльшим рвением, чем прежде, и однажды воскресным утром Сигрид была очень удивлена, увидев, что он помогает священнику Йону во время службы. И ей оставалось только гадать, произошли ли эти перемены в Англии или же в результате разговора с Энундом.

И она получила ответ на свой вопрос, когда он как-то раз попросил ее поговорить с ним наедине. И вечером, когда все собрались в большом зале и на кухне, они направились с ним в старый зал.

Грьетгард остановился в галерее.

— Не нравится мне эта галерея, которую велел пристроить к старому залу Кальв, — сказал он. — Дом и до этого был хорошим.

— В зимнее время она предохраняет от холода, — сказала Сигрид. — Вспомни, как заметало снегом входную дверь!

Он кивнул, но все же окинул галерею таким взглядом, словно говорил, что когда придет его время, он снесет эту постройку. Они направились дальше.

— Священник Энунд рассказывал, что говорил отец перед смертью, — начал он, когда они сели. — Мне хотелось бы узнать об этом побольше.

— Мне тоже, — сказала Сигрид. — Но понять твоего отца не всегда было легко.

— Энунд сказал, что он умер хорошей смертью, — продолжал сын.

— Епископ Гримкелль тоже сказал об этом, когда я рассказала ему, как он умер.

— Мне хотелось бы стать таким, чтобы отец мог бы мной гордиться, — сказал Грьетгард. — Поэтому для меня важно узнать о нем как можно больше.

— Если ты хочешь разобраться в этом, то будет лучше, если при нашем разговоре будет присутствовать Энунд. Возможно, он объяснит то, чего я не понимаю.

И она тут же пожалела, что сказала ему это.

Через два дня с севера вернулся Финн Хральдссон, а на следующий вечер он вместе с Ингерид приехал в Эгга.

Ингерид снова была беременна. Думая об отношениях между Ингерид и Финном, Сигрид не могла не подивиться тому, что в Гьёвране уже народилось такое количество детей: их было семеро.

Финн передавал привет от Турира. Но он сказал, что Турир не живет больше на Бьяркее. Теперь там управляется с хозяйством Сигурд Турирссон, отец же его переселился на материк.

Он сказал, что король послал двух братьев, Гуннстейна и Карле, в Бьярмеланд. Карле был одним из тех, кого считают убийцей Асбьёрна Тюленеубийцы. Турир слышал, что они направляются на север, чтобы торговать, и решил преследовать их. Он считает, что торговля в Бьярмеланде по праву принадлежит ему, ему не нравилось, что король посылает туда других людей, и когда они от имени короля потребовали себе большую часть выручки, он рассердился не на шутку. На обратном пути он отомстил и за смерть своего племянника, и за совершенную несправедливость, убив Карле. При этом он использовал то же самое копьё, каким был убит Асбьёрн Тюленеубийца и теперь называл это копьё Тюленьим мстителем. И он отобрал у Гуннстейна усадьбу, которую вернул конунгу Олаву. После этого он понял, что на Бьяркее ему оставаться опасно, и уехал отсюда.

Финн много рассказывал о плавании Турира в Бьярмеланд, а Сигрид в это время не спускала глаз с Кальва.

В последнее время Кальв был недоволен конунгом. Особенно его возмущало то, что король держал в качестве пленников мирных послов из Исландии. И ей было интересно, как он воспринимает откровенный разрыв Турира с королем.

Когда они остались одни, она осторожно спросила:

— У Турира были причины для убийства Карле?

Кальв не ответил.

— И зачем королю понадобилось вмешиваться в бьярмеландскую торговлю Турира? — продолжала она. — Ему должно было быть известно, что Туриру это не понравится. Олав сам виноват в том, что произошло.

— Я могу согласиться с тем, что со стороны короля было глупо посылать Гуннстейна и Карле на север, — не спеша ответил Кальв.

— Непонятно, каким место он думает, — сказала Сигрид. — Он что, ждет от своих людей рабской покорности? Не мешало бы ему знать, что если он хочет завоевать уважение и доверие свободных людей, он сам должен уважать их и доверять им. А он ждал, что они начнут ползать на брюхе перед своим господином. И если он ставит себя выше закона, он должен быть, по крайней мере, справедливым, а не вершить дела в свою пользу или в пользу тех, кто виляет перед ним хвостом.

Кальв тяжело вздохнул.

— Нелегко приходится конунгу Олаву, — сказал он. — Я по своему опыту знаю, как трудно найти справедливое решение. Но верно то, что он питает слабость к тем, кто льстит ему. И после того, что произошло с Туриром Тюленем и Асбьёрном, его осторожное поведение с Туриром было бы мудрым шагом...

— Да, — ответила Сигрид. Она задумчиво смотрела на Кальва. Она мечтала отомстить Олаву, но раньше она никогда не задумывалась над тем, что Кальв может чем-то помочь ей.

Вскоре Грьетгард переговорил со священником Энундом. Всего через несколько дней после разговора в старом зале он сказал Сигрид, что священник зовет их этим вечером к себе в Стейнкьер.

Мать и сын спустились вниз, в Стейнкьер.

Энунд был занят, когда они пришли, и им пришлось подождать. Они сидели на поварне и разговаривали с Рутот и его женой.

Глаза обоих работников блестели, когда речь заходила о священнике. Они сказали, что он совершенно равнодушен к земной пище, и если не усадить его за стол, он и не вспомнит о еде.

Сигрид не торопилась увидеться со священником. И ей показалось, что время прошло слишком быстро, когда в дверях появился человек и сказал, что священник ждет их.

Они направились через двор в жилище Энунда; они постучали в дверь, и священник открыл им. В очаге горел огонь, и зал казался совсем маленьким. Он сел на скамью и жестом указал им, чтобы они тоже сели.

— Нам предстоит разговор об Эльвире, — сказал он. — Сначала я расскажу, что я знаю о нем, после чего тебе, Сигрид, будет, возможно, легче говорить.

Повернувшись к Грьетгарду, он сказал:

— Твой отец был прирожденным священником. Но для человека, выросшего с верой в асов, не так-то легко понять христианство, я сужу об этом по собственному опыту. И еще труднее для такого хёвдинга, как Эльвир, постичь христианское смирение. Сущность Божественной любви он понимал лучше многих, он догадывался о могуществе и мудрости Господа. Он также понял, что Христос умер ради человечества. Только самого себя он никак не мог вписать во все это; он не хотел понять, что сам он всего лишь жалкий грешник, виновный в гибели Христа, что он нуждается в Божьей милости и

должен искупить свои грехи. Он хотел стоять перед своим Богом с высоко поднятой головой, не будучи ни в чем виновным, делая Богу одолжение тем, что принял христианство. Смерть Христа была, возможно, необходима для других, Эльвир же мог жить жизнью святого и спасти самого себя.

И все шло так, как и должно было идти: высокомерие отвратило его от христианства.

Но он не мог прекратить поиск истины, и вера в богов привела его к сознанию всемогущего Бога. И он не мог погасить в себе искру Божественной любви; и как бы ни было его собственное понимание любви далеко от христианского, эта искра продолжала в нем тлеть. В конце концов эта искра Божественной любви и спасла его. Ведь вопреки своим сомнениям, вопреки своему высокомерию, он не мог отратить от веры свое сердце.

— Ты понимал Эльвира лучше, чем я, — сказала Сигрид.

— Я много размышлял об Эльвире, — задумчиво ответил священник, сложив на коленях руки, он неотрывно смотрел в огонь. — Я странствовал по свету, видел множество мест и людей. И повсюду я искал ответ на те вопросы, которые он задавал мне. Будучи не в состоянии помочь ему, я сомневался в своем предназначении священника.

В конце концов я решил, что узнал достаточно, и захотел вернуться в Эгга, чтобы поговорить с Эльвиром.

Но дальше Свейи я не продвинулся. Потому что там я узнал от людей, спасшихся бегством от короля Олава, что Эльвир приносил жертвы в Мэрине и был убит там.

Мне показалось, что мир для меня рухнул, и я в гневе обратился к Богу: почему Он дал Эльвиру погибнуть, когда я наконец могу помочь ему? Но я не получил ответа, словно был заперт в глухом подземелье, где никто не слышал моих криков.

И тогда из далекого прошлого ко мне пришло воспоминание об отце Эдмунде. Я мысленно видел перед собой его лицо, каким оно было, когда он боролся за мою жизнь. И я понял, что если кто-то и может спасти меня от душевного недуга, так это он.

Следующей весной я отправился из Свейи в Англию, и я нашел его маленькую церковь. Милость Господа была гораздо больше, чем я заслуживал: я нашел там его.

Однажды я понял, что должен принять Эльвира, вернуть блудного сына отцу. Теперь же я сам был блудным сыном, преклонившим колени перед своим отцом в христианстве.

Но он не пытался утешить меня так, как это делали другие; он был со мною суров.

— Сын мой, что ты делаешь здесь, в Англии? — спросил он. — Почему ты не отправляешься в Норвегию крестить своих братьев?

И я рассказал ему, что вынужден был бежать, потому что люди считали меня святым.

— От чего же ты убежал? — спросил он.

И когда я попытался найти ответ, я понял, что мне нечего сказать. А он продолжал:

— Разве не от самого себя ты убежал? Возможно, ты испугался, что у тебя не хватит сил противостоять желанию людей сделать из тебя святого, своего рода божество...

— Нет! — воскликнул я тогда. — Я уехал, потому что чувствовал свою непригодность к этому занятию.

— Почему ты решил, что сможешь стать другим? — спросил он. — У тебя не было никаких оснований изменять своему призванию.

Мне показалось, будто он ударил меня. Но чем больше я думал об этом, тем больше понимал, что он был прав. Смирение, в которое я уходил с головой, внушенное самому себе чувство вины перед Богом, все это было ни чем иным, как уловкой; в глубине души же у меня была гниль, я был преисполнен желания стать божеством.

Отглядываясь назад, я вспоминаю, как велика была моя тяга поддаться искушению. И тут я понял наконец, почему мои молитвы не доходили до неба; я каялся перед Богом в своих грехах, но ничего не говорил о том желании, которое главенствовало над всем.

И я понял, что покинул Стейнкьер потому, что не решился посмотреть в глаза своим собственным грехам и поведать об этом Богу.

Я укорял себя за то, что изменил Эльвиру. Но я не догадывался, что моя измена этим не ограничивается. Я странствовал по свету, и мои поиски ответов на вопросы Эльвиры стали целью в бесцельной жизни.

И я обрел веру в Англии, благодаря отцу Эдмунду. И я понял, что должен вернуться обратно в Стейнкьер.

Но сначала он наложил на меня покаяние. Он послал меня в Линдисфарне, на остров святого Кутберта.

— Там твои земляки впервые напали на христиан, — сказал он. — Поезжай туда и подумай о том, что они там натворили! Подумай о всех тех смертях и несчастьях и в своих молитвах попроси святого Кутберта о том, чтобы он ниспослал добро и свет на их души!

Энунд замолчал, вид у него был виноватый.

— Я сижу и рассказываю о самом себе, — сказал он, — тогда как мы должны были говорить об Эльвире.

— Ты не должен прерывать свой рассказ, — сказал Грьетгард. — Ты должен рассказать нам о Линдисфарне...

— Рассказывать особенно не о чем, — ответил Энунд. Но, увидев разочарование на лице Грьетгарда, он продолжал: — Там теперь почти ничего не осталось. Гробница святого Кутберта перенесена на материк. Я молился в церкви и думал о викингах и их набегах, как просил меня отец Эдмунд. И я помню, как один викинг сорвал с алтаря крест и принес его в жертву Тору.

Потом я отправился на Фарнесы, группу островов чуть южнее, где жил отшельником святой Кутберт. Я побывал на маленьком островке, где и по сей день стоит его хижина; там полно чаек, крачек, гагар и других птиц.

Сигрид кивнула. Она вспомнила птичьи базары, которые видела в детстве.

— Рассказывают, что святой очень любил птиц и следил за тем, чтобы люди не разоряли гнезда, — сказал Энунд. — Во всяком случае, гнезд было так много, что приходилось обходить их. Я был в маленьком домике святого, и когда я вошел туда, со мной произошло нечто странное. У меня вдруг появилось ощущение того замкнутого пространства, в котором я мысленно очутился, узнав о смерти Эльвира.

Но на этот раз там был свет — свет неземной. Я упал на колени, и свет, наполнявший комнату, вторгся в меня, проник в мою душу. У меня не было необходимости молиться, потому что душа моя была открыта перед Господом; вся моя тоска, все мои страхи, все мои слабости, все то, о чем я сам до этого не знал... И я был окружен любовью, согревающей и освещающей мою душу.

И я прошептал лишь слова апостола Фомы: «Мой Бог, мой Господь!»

— А потом? — спросил Грьетгард, когда священник замолчал.

— Потом ничего особенного не происходило, — с улыбкой ответил Энунд. — Я сел на корабль, направляющийся в Данию. Оттуда я перебрался в Свейю, потом прибыл сюда. И я надеюсь остаться здесь.

Немного помолчав, он добавил:

— Странная вещь вина, — задумчиво произнес он. — Ты рассказывала мне, Сигрид, что Эльвир считал своей виной жертвоприношения в Мэрине, и так оно и есть. Но в этом и моя вина тоже, потому что я сбежал из деревни. И вина не становится для каждого из нас меньше, если мы разделяем ее; вина не может быть разделена.

Энунд продолжал говорить об Эльвире. Постепенно он втянул в разговор Сигрид; и она была удивлена, насколько легче было ей вернуться к мыслям Эльвира с помощью Энунда.

Для Сигрид эта осень была не такой, как остальные; и даже изменение цвета листвы от зеленого до желтого и красного имело теперь для нее особый смысл. Она смотрела, как пламенеет и отливает золотом листва среди зелени игл елей и сосен, и оставшаяся кое-где зелень навевала на нее грусть. Она смотрела, как падают листья, как становятся бурными и сухими, как их втоптывают в землю. Ей казалось, что хвойные деревья гордо заявляют: «Что осталось от вашего прежнего великолепия? Посмотрите на нас, сохранивших свою обычную, повседневную окраску, мы, как и прежде, зеленые!»

Ей казалось, кто христианство в ней напоминает опавшую листву. Когда-то оно пламенело в ней, это был проблеск любви и света, о которых говорил Эльвир и упоминал Энунд. Но потом все померкло, высохло, стало бесцветным.

Ей пришла в голову мысль о том, что Кальв счастливчик; он не искал ни знамения Господа, ни просветляющей любви; он не сомневался ни в чем, делал свои повседневные дела и верил в Бога так, как до этого верил в языческих богов.

Она не могла разобраться в этом новом своем настроении, ей хотелось, чтобы оно прошло.

И подобно опавшей листве и голым, черным ветвям, тянущимся к низкому, покрытому тучами осеннему небу, под холодным дождем, среди тумана, разум Сигрид погружался в холодную, безнадежную пустоту.

Она понимала, что ей нужно найти Энунда и исповедоваться перед ним. Но она уклонялась от этого, потому что в ней пробудилось новое для нее чувство страха.

Что, если она расскажет все Энунду и не найдет понимания и утешения? Разве тогда в ней не будет убита надежда?

Король решил провести зиму в Каупанге, и Кальв отправился на юг, чтобы переговорить с ним.

Наступил месяц забоя скота, и дома было столько дел, что у Сигрид больше не было времени на размышления. Нужно было забить скот, провялить или прокоптить мясо, сделать колбасы и все это разместить в кладовых.

Тронд участвовал во всем, и Сигрид невольно останавливалась и смотрела на него. Он был доверчивым, мягким мальчиком. Он был совершенно уверен в том, что во что бы он ни совался, все будут только рады этому. И никто не сердился на него, даже если он и путался под ногами.

Он часто спрашивал о Кальве; и Сигрид думала, что он тоскует по нему куда больше, чем она сама

Вскоре после дня всех святых Кальв приехал и в тот же день позвал Сигрид и старших сынозей в зал.

Он сказал, что король посылает привет мальчикам. Он помнит о том, что они его крестники. И Кальв привез с собой подарки — каждому по мечу; это было великолепное, украшенное золотом оружие.

Мальчики молча приняли подарки.

Но король подумал о них и в другом плане, сказал Кальв. Он сватает Грьетгарду богатую невесту из Хедмаркена. Речь идет о дочери богатого ярла, ее отец служит в королевской дружине, и она единственный ребенок в семье.

Грьетгард молчал, но было видно, как сжимаются его челюсти.

— Подойдите ко мне, мальчики! — торжественно произнес Кальв.

И юноши стали вокруг почетного сидения.

— Я сообщил королю о том, что, поскольку у меня нет собственных сыновей, я буду считать наследником Эгга тебя, Грьетгард! —

сказал Кальв. — И еще я сказал, что если кто-то из вас и возьмет жену с юга, то это будет Турир. Я договорился, Турир, что летом ты отправишься туда. При поддержке короля ты сможешь стать хёвдингом, возможно даже лендманом.

Помедлив, Грьетгард протянул Кальву руку, и тот взял ее.

Когда-то Сигрид желала, чтобы они относились друг к другу так, как теперь. И вот, когда это произошло, ей стало даже завидно; ей показалось, что Кальв слишком уж привязывает ее сына к себе.

Турир тоже протянул ему руку и скрепил рукопожатием договор, заключенный Кальвом. Но при этом он не смотрел на Кальва. И Сигрид вспомнила об обручье короля Кнута, которое Турир постоянно носил на руке под одеждой. А Кальв в это время говорил о королевской милости...

— Наверняка она такая безобразная, что никто в Хедмаркене не хочет жениться на ней, — сказал Турир Грьетгарду, когда они выходили из зала.

— Девушка, которой в приданое дается большая усадьба, не может быть безобразной, — ответил Грьетгард.

— Может быть, и так, — сказал Турир. — Если она мне не понравится, наверняка найдутся те, с кем я смогу утешиться.

Кальв по-прежнему сидел на почетном месте, все еще ощущая рукопожатие Грьетгарда.

Наконец-то он завоевал этого упрямого, гордого юношу. И он знал, что это произошло не благодаря его обещанию сделать Грьетгарда наследником; если бы Грьетгард был настроен к нему враждебно, он бы воспринял это обещание как нечто само собой разумеющееся, с натянутой улыбкой. Плоды принесли годы терпения.

Старшим мальчикам Кальв не мог заменить отца, как это было с Трондом. Но на это он и не рассчитывал. Быть для них другом и советчиком, о большем он и не мечтал в первое время после гибели Эльвира. Единственное, о чем он сожалел, так это о том, что у него нет собственных сыновей.

Но их доверие обязывало его к ответственности, и немалой. Кальв не рассчитывал на то, что мальчики забудут о смерти отца. И он догадывался, где они провели лето; они отвечали очень уклончиво, когда он спрашивал их о плавании. Но Кальв испытывал почти

отеческую любовь к сыновьям Эльвира, и рассказывать Олаву об их предательстве было для него невыносимо. Он надеялся, что со временем их ненависть к королю смягчится и что у них не будет повода мстить.

В целом же Кальву не хотелось ставить свою верность конунгу выше верности своим близким. Он не забывал о том, как в силу дружеских отношений с Финном Харальдссоном позволил осудить Блотульфа из Гьёврана как язычника и изменника.

Но дело было не только в этом. Он считал себя не столько королевским лендманом, сколько хёвдингом трэнделагцев. И когда то, что он считал выгодным для своей местности, не совпадало с пожеланиями короля, он не мог заставить себя стать на его сторону. И он утешал себя тем, придерживаясь правила: что хорошо для местных жителей, то в конечном итоге хорошо и для конунга.

Его прежнее доверие к королю Олаву было подорвано после того, как он узнал о его поведении в Мэрине. Если он мог совершить такую грубую ошибку, думал он, то он может совершать их и дальше. Он с недоверием относился к поступкам и приговорам короля, и от него не укрылось многое, что показалось ему глупостью; в особенности это касалось его похода против старинных родов хёвдингов.

Кальв улыбнулся: Сигрид никогда не упускала случая указать ему на это.

С ее родичами тоже обошлись жестоко, он это видел. И он хорошо представлял себе ее чувства по отношению к королю, хотя вслух она об этом не говорила.

В остальном же он многого не понимал в Сигрид. Она могла быть заботливой и нежной и внезапно, без всякой видимой причины, вспылить. Но он утешал себя тем, что мужчине трудно разобрататься в настроениях женщин. Во всяком случае, он считал, что сделал все, что мог, проявляя редкостное терпение.

Но мысли его снова вернулись к королю.

Давно он уже не видел его, и теперь ему казалось странным снова встретить конунга в Каупанге. Ведь вопреки своему растущему сомнению в королевской мудрости и справедливости, он был захвачен мыслью Олава о создании единого норвежского государства на основе подчинения западных норвежских фюльке. Кальв почувствовал,

как снова вспыхнуло его прежнее доверие к этому человеку, восхищение его прозорливостью и энергией.

Но его удивляло противоречие между законами, которые намеревался ввести король, и тем беззаконием, с помощью которого он осуществлял свои планы.

Он посмотрел на вошедшего в зал Грьетгарда, и юноша улыбнулся ему. Он пришел, чтобы забрать свое копьё, которое забыл здесь.

Кальв встал и вышел вместе с ним из зала, и когда они шли через двор, он положил руку на плечо юноши.

Приближалось Рождество, и Сигрид решила, что ей нужно исповедаться. И она думала, сходить ли ей к священнику Йону и покаяться в обычных мелких грехах, или пойти к Энунду. Она понимала, что если пойти к Энунду, разговор будет не из легких. И она уже решила отправиться к священнику Йону, как Энунд прибыл в Эгга в воскресенье после полудня.

После визита Сигвата Сигрид с еще большим рвением взялась за ткачество и теперь старалась как можно скорее закончить новый ковер.

Когда все собрались в большом зале, она извинилась и сказала, что ей нужно сходить в старый зал и взглянуть на свою работу. Но там она зажгла лампу и принялась доделывать ту часть, которую начала днем раньше.

Она была целиком поглощена работой, когда Энунд вошел в зал; она даже не услышала его шагов. И он молча стоял и смотрел на нее.

Рвение, написанное на ее лице, делало его моложе, хотя рот был обрамлен глубокими складками, а на переносице были морщины.

— Вот как ты проводишь день Господень, — наконец произнес он.

Вздвигнув, она повернулась к нему. Ей не понравилось то, что он застал ее врасплох.

— Ты не мой духовный отец, — сухо заметила она.

Энунд с удивлением взглянул на нее.

— В самом деле, — признался он, — но я должен заметить, что священник Йон не выполняет своего предназначения...

— Ну и что? — упрямо сказала Сигрид и снова взялась за ткань.

Энунд подошел и схватил ее за руку.

— Да, я не твой духовный отец, — сказал он, — но я не могу спокойно смотреть на то, что ты сознательно грешишь, не делая никаких попыток обуздать себя.

Она сердито посмотрела на него, но он продолжал:

— Я не знаю, что ты говоришь священнику Йону на исповеди. Но я был бы очень удивлен, если бы ты говорила ему то, что должна говорить, — глядя ей в лицо, он убрал ее руки с ткацкого станка, — скажи честно, ты исповедуешься перед ним, ничего не утаивая?

Сигрид высвободила руки.

— Ты не имеешь никакого права спрашивать меня об этом, — сказала она, вставая.

— Сигрид, я говорю с тобой как священник, которому Эльвир доверял свои последние раздумья, как священник, чувствующий ответственность за тех, кого он передал в руки Господа навеки...

Она снова села на скамью.

— Оставь меня в покое! — сказала она.

— Нет, — серьезно ответил священник.

— Зачем ты пришел? — спросила она.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— О чем?

— О намерениях отомстить, которые есть у тебя и твоих сыновей.

Сигрид опять вскочила.

— Ты вмешиваешься не в свои дела!

— Я вмешиваюсь в те дела, в которые Господь велел мне вмешиваться, — спокойно возразил Энунд. — Ты не очень-то сильна в христианской вере, если сидишь тут и ткешь в воскресенье вечером. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я сомневаюсь в искренности твоей исповеди, хотя ты и швыряешь мне в лицо, что я не твой духовный отец.

Немного помолчав, он продолжал:

— Если ты ответишь «да», когда я от имени Господа спрошу тебя, искренне ли ты исповедуешься, я поверю тебе.

Сигрид молчала, опустив голову.

— Ты не отвечаешь?

Почувствовав на глазах слезы, она моргнула. Ей казалось, что он стоит над ней, как неумолимое божество. Она вспомнила, как Эльвир рассказывал ей кордовские сказки о духах, вылезавших из тон-

ких кувшинов и превращающихся в могучих, грозных великанов. Она торопливо взглянула на него, словно надеясь, что священник исчезнет, как злой дух, но он продолжал стоять рядом с ней.

— Не хочешь ли ты исповедоваться передо мной, Сигрид? — спросил он. — Или мне поговорить со священником Йоном?

— Я приду к тебе, — тихо произнесла она.

И Энунд назначил ей время и место.

В Стейнкьере, сидя в церкви перед священником, Сигрид сразу изложила суть дела.

Энунд не смотрел на нее, пока она говорила; он сидел, наклонившись вперед, подложив левую руку под правый локоть и закрыв ладонью глаза, чтобы полностью сосредоточиться на ее словах. И когда она говорила ему о своей вере в асов, он не шелохнулся. Лишь время от времени, когда она запинаясь, он задавал ей наводящие вопросы своим ничего не выражающим голосом.

И когда она, наконец, закончила, он подошел к алтарю и стал на колени.

И она удивилась, услышав его мягкий голос, когда он вернулся к ней.

— Бедная Сигрид, — сказал он, — после смерти Эльвира ты похожа на корабль, потерпевший крушение.

— И что же мне, по-твоему, делать? — спросила она, когда он замолчал. — Чаше ходить в церковь и чаще молиться, как предписывает мне священник Йон?

— Молитвы и служба — это хорошо, — сказал Энунд. — Я бы тоже посоветовал тебе это. Но куда важнее, чтобы ты действительно раскаялась в своих грехах. Но, я думаю, ты не сможешь сделать это, пока не поймешь, что поступала дурно.

— Я уже сделала это, — сказала Сигрид. — Я только что призналась тебе в этом: что я приносила жертвы богам и...

— То, что ты приносила богам жертвы, серьезное прегрешение, — сказал Энунд. — Но чтобы ты не делала этого снова, ты должна понять, что заставило тебя приносить жертву.

— Мне хотелось знать наверняка, что Бог принимает меня, — повторила Сигрид то, что уже сказала священнику. — Но священник Йон говорит только о правилах и заветах. И даже когда я пыталась следовать им, я не обрела ни облегчения, ни мира.

— Однажды я спросил у тебя, ищешь ли ты Бога в церкви, — сказал Энунд. — И теперь я вижу, что был прав в своем подозрении. Ты искала только свой личный мир и исполнение с твоих желаний. И когда ты не получала их, ты обратилась к богам. В действительности ты поклонялась самой себе — и в церкви, и принося жертвы богам и божествам. Понимаешь?

— Какая польза от Бога, если Он не помогает, когда Его просят?

Энунд тяжело вздохнул.

— Я думал, что ты, слышавшая так часто разговоры Эльвира о Божественной любви, лучше разбираешься во всем. Христос не обещал земные блага тем, кто следует Его учению. «Неси свой крест и следуй за мной!» — говорил он. И разве мы можем здесь, на земле, ждать награду за свои добродетели, если он сам, олицетворяющий добродетель, был распят?

Можно торговаться с языческими богами, Сигрид. И если боги не выполняют своих обещаний, на них можно сердиться.

С христианским же Богом дело обстоит иначе. Жизнью Христа Бог доказал, что отдает себя целиком в своей любви к людям. Впервые я понял, насколько возвышена его любовь, когда был на острове святого Катберта. Ему известны наши желания, но он знает, что для нас является благом. Захочет ли отец наносить сыну увечье, даже если тот просит об этом?

Но поскольку Он отдает нам себя целиком, Он требует, чтобы мы тоже отдавали Ему себя безраздельно.

И это следует понимать не в том смысле, что мы не должны в своих молитвах просить о помощи Его или святых. Ведь Иисус сам просил в своих молитвах в Гефсеманском саду: «Отец, если будет на то твоя воля, пусть минует меня чаша сия!» И мы должны добавить к этому: «Да будет не моя воля, а Твоя!» И если в ответ на наши молитвы Господь отвечает «нет», мы должны смиренно принять Его ответ.

— Ты сказал, что не следует торговаться, — заметила Сигрид, — но велика ли разница в том, что кто-то ждет награду за свои деяния на земле, а кто-то — после смерти?

Энунд улыбнулся.

— Ты выворачиваешь все наизнанку, почти как Эльвир, — сказал он. — На небо это не награда, Сигрид. Небо — это обещание,

которое Бог дает людям, надежда, которую Он дает нам, цель, к которой мы стремимся, как говорил святой Павел. Чем больше мы отдаем себя Богу, который сотворил нас и дал нам все, чем больше мы от Его имени и не прося награды делаем добра другим людям, тем ближе мы к цели.

— Эльвир как-то сказал, что только то, что человек делает без задней мысли, становится его богатством, — медленно произнесла Сигрид.

— Вот именно, — согласился Энунд. — Так оно и есть. Только то, что мы делаем без оглядки на личную выгоду и личное спасение — только это приближает нас к Богу, делает нас похожим и на Него.

Но никто, даже святые, не могут отделаться от желания иметь для себя личную выгоду. И Бог знает об этом. Поэтому Он и дал нам таинства, освящающие наши робкие попытки поставить Его волю выше нашей собственной. Но чтобы эти таинства принесли плоды, мы должны быть искренними в нашем раскаянии, когда мы совершаем дурные поступки.

Ты жалуешься на священника Йона, потому что он считает самым важным исполнение церковных правил и заветов. Но священник Йон прав.

К Богу ведет множество путей; иногда мне кажется, что путей столько же, сколь и людей. Одни понимают больше, другие меньше, сообразно тем способностям, которые Господь дал им. Но к двери, через которую все должны пройти, ведет дорога воли. И дверь эта открыта даже перед теми, кто не в силах разобраться в заветах. И в то же время, через эту дверь проходят самые сведущие люди, и чем величественнее мысль человека, тем ниже должен он склониться, чтобы пройти через эту дверь. Эльвир тоже прошел через эту дверь, когда поставил над своей волей волю Бога и добровольно исповедовался перед священником конунга.

В своем милосердии Господь одарил нас этим путем таинств и заветов, делающим нас всех похожим на Него: ученый и невежда, сомневающийся и твердый в своей вере в Бога, добросердечный и жестокосердный, сильный и слабый, даже герой — причащаясь, все мы в смирении доверием Господу свои слабости, в ответ получая прощение, освящаемся Его любовью.

Теперь ты это понимаешь, Сигрид?

Подумав, она кивнула, хотя и неуверенно.

— Ты понимаешь теперь, что заблуждалась, когда приходила к мессе и ждала, что Бог даст тебе знак своей близости, знак того, что принимает тебя?

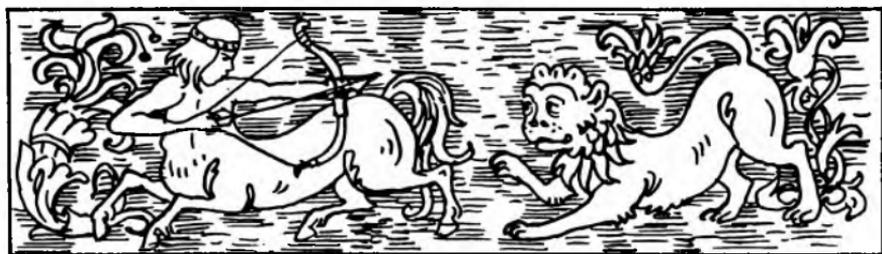
— Ты считаешь, что я должна ходить в церковь, чтобы отдавать саму себя Богу, не требуя за это ничего...

— Да, — ответил священник. — И если ты поймешь это и будешь жить так, я уверен, что большинство твоих ошибок исправятся сами собой.

И Сигрид опустилась перед Энундом на колени и получила отпущение грехов.

Расставаясь с ней за порогом церкви, Энунд произнес с теплой улыбкой:

— Попробуй только теперь придти и сказать, что я не твой духовный отец!

Вскоре после Рождества Кальву пришло известие от его брата Торберга, который после смерти отца был лендманом на Гиске. Ему требовалась помощь.

Он вынужден был укрыть на Гиске одного из исландцев, захваченных в качестве пленников королем; человека этого звали Стейн Скафтасон. Торберг пообещал защитить его за одну услугу, которую Стейн сделал его жене, Рагнхильд дочери Эрлинга Скьялтссона. И теперь Олав был настроен очень воинственно против Стейна, убившего одного из королевских сборщиков налога.

Король был в гневе из-за того, что Торберг взял исландца к себе, и требовал, чтобы тот явился к нему в середине поста и объяснил, почему он поступил против королевской воли. Торберга это мало радовало; он просил у брата поддержки и совета и спрашивал, не может ли Кальв встретить его на корабле и со своей дружиной у Агденеса.

Кальву не особенно хотелось отправляться в плавание, но он все же известил брата, что прибудет.

— Вот видишь, на этот раз твои родичи задевают интересы конунга, — сказала Сигрид.

— Эрлинг Скьялтссон и раньше задевал его интересы, — ответил Кальв. — И он приходится родней и тебе.

— Я рада, что ты, наконец, вспомнил об этом, — сказала Сигрид.

Беседы, которые она вела с Энундом, не сделали ее мягче по отношению к конунгу.

Она сказала, что король не упустит случая отомстить. Разве он не послал Тормода Скальда Черных Бровей в Гренландию, чтобы отомстить за своего сводного брата?

— Совсе не обязательно, чтобы король снова делал это, — ответил Энунд. И Сигрид не нашла, что ответить.

Но сдаваться она не собиралась. Месть за убитого родственника была священной, и позор преследовал того, кто уклонялся от нее.

Другое дело, если бы король признал свою ошибку в Мэрине и заключил честный мир с ее сыновьями. Но он замалчивает истину; он отказывается оправдать Эльвира, и его подарки ее сыновьям — это все равно, что брошенная собаке кость. Он слишком высокого о себе мнения, если думает, что, став крестным отцом, он залечит нанесенные им раны!

Она понимала, что имеет в виду Энунд, говоря о любви и прощении, но ее ненависть к королю была тем утесом, о который все разбивается и который, несмотря на все свои усилия, Энунд не мог поколебать.

Ее посещения церкви стали приобретать другой характер; слова Энунда дошли до нее. И, перестав думать о самой себе, она почувствовала, как какая-то тяжесть свалилась с ее плеч. Она была удивлена тому, что, ничего не ожидая, она, наконец, стала обретать тот мир, который до этого тщетно искала.

Незадолго до середины поста Кальв тайно отправился на юг, взяв на борт дружину. Оба старших сына отправились с ним; Сигрид странно было видеть их в полном вооружении, готовыми к бою.

Гутторм Харальдссон тоже отправился с ними.

— Когда ты пойдешь к конунгу, я присмотрю за кораблем, — сказал он.

Кальв посмотрел ему в глаза.

— Пусть будет так, — ответил он. — Если дело дойдет до боя, ты лишним не будешь.

Во дворе стало пусто. И хотя Сигрид постоянно была чем-то занята, ей казалось, что время идет слишком медленно. Однако через две недели Кальв вернулся.

Он сказал, что они договорились поллюбовно. И Сигрид с трудом удалось скрыть разочарование.

Он сказал, что, кроме Торберга, там были еще его братья Финн и Арни. И Эрлинг Скьялгссон послал туда двоих своих сыновей, когда его дочь попросила о помощи. У каждого был корабль и дружина, так что в Каупанг они двинулись с немалой воинской силой.

Они причалили к островку Нидар, чтобы посоветоваться. Сыновья Эрлинга хотели отправиться в город со всеми дружинами и дать возможность королю решить, хочет ли он сражаться с ними или сдаться, и Кальв поддержал их. Вести переговоры с королем, не имея при этом за спиной вооруженных людей, было не слишком заманчиво, учитывая привычку короля самовольно обращаться с послами.

Остальные же были настроены решить дело мирным путем. Поэтому Финн, Арни и некоторые из их людей отправились на переговоры с Олавом.

— При этом он заявил, что никому не позволит запугать себя силой, — сухо заметил Кальв. — Хотя это был единственный язык, который он понимал.

Король пошел на уступки, пообещав, что не тронет Стейна Скафтасона и что Торберг не пострадает из-за того, что случилось. Но он потребовал от сыновей Арни, чтобы те поклялись, что будут во всем поддерживать его и никогда не скрывать от него изменников.

— И ты поклялся ему в этом? — испуганно спросила Сигрид.

— Нет, — ответил Кальв. — Я не смог бы этого сделать, даже если бы захотел. Если бы я это сделал, я вынужден был бы отдать Гутторма и твоих сыновей в его руки.

Сигрид пристально посмотрела на него. Она не знала точно, догадывается ли он о желании ее сыновей отомстить.

Кальв лег на постель и, опершись на локоть, сказал:

— Я сказал, что конунг нарушит клятву, если дело дойдет до сражения. Остальные же просто боялись потерять расположение короля. Олав, в свою очередь, тоже отказался дать мне клятву верности, и это свидетельствовало о том, что я был прав.

Этой ночью Сигрид была нежнее с Кальвом, чем во все предыдущие годы.

Сразу после Пасхи к ним прибыл гость. Это был Финн Арнисон; вместе с кораблем и дружиной он направлялся из Каупанга на север и решил ненадолго остановиться здесь. После заключения мира между Олавом и сыновьями Арни он побывал у короля.

До этого он никогда не был в Эгга; Сигрид не видела его со дня свадьбы в Каупанге.

Еще до свадьбы Кальв сказал, что она познакомится с его братьями, но Сигрид встретила только с младшим, Арни. Тот побывал в Эгга два года назад. Он был спокойным, рассудительным парнем, не берущим на себя, однако, слишком много.

И вот теперь прибыл Финн.

— Позор иметь таких братьев, как ты и Торберг, которые подчиняются бабам! — сказал он Кальву, когда они вечером сидели в зале. — Сначала Торберг позволяет своей жене уговорить его действовать против указа короля. Потом ты позволяешь своей жене настраивать себя против Олава. Можешь мне поверить, я хорошо понимаю, почему ты был таким упрямым при подходе к Каупангу!

— Не тебе рассуждать о том, что кто-то кому-то подчиняется, ты сам рабски привязан к королю, — сухо заметил Кальв.

— Я не знал, что ты считаешь для себя позором службу у конунга, — со злобной усмешкой произнес Финн. — Могу тебя уверить, я не ожидал, давая клятву королю, что это может обернуться против моего собственного брата!

— Похоже, вы, братья, прекрасно ладите между собой, — вмешалась Сигрид; она не могла скрыть злорадную усмешку.

— Возможно, тебе придется меньше улыбаться, когда ты узнаешь, как я думаю поступить с твоим братом, — сказал Финн. — Король поручил мне вести дело против убийцы Карле.

Сигрид озабоченно взглянула на него.

— Ты не очень-то благодарен мне за то, что я спасла тебя от королевского гнева в Каупанге, — сказала она.

Финн повернулся и посмотрел ей прямо в глаза.

— Королевского гнева по поводу чего? — спросил он.

— Он хотел узнать, кто отказал умирающему в его просьбе позвать священника.

— Хотя ты и говоришь правду, я сомневаюсь, что чем-то обязан тебе, — сказал Финн. — Ты сделала это не ради меня.

— Более откровенно ты никогда не выражался, — согласилась Сигрид. — Своей поездкой в Мэрин ты не снискал моего расположения. Но я не думаю, что Туриру следует опасаться тебя. Тебе не хватит ума, чтобы заманить его в ловушку.

— Посмотрим, — возразил Финн. — Однако я не намерен сидеть и болтать с бабами.

Повернувшись к Кальву, он начал говорить о военном походе, для которого король собирает силы со всей страны; для этого он и послал Финна на север.

— Теперь будет видно, кто по-настоящему предан королю, — сказал он. При этом он пристально посмотрел на Кальва.

— Я буду верен королю до тех пор, пока он будет верен мне, — спокойно ответил Кальв. — Большого он не может ожидать ни от кого. И я надеюсь, что он достаточно высоко ценит верность свободного человека, чтобы полагаться на меня.

— Красиво сказано, — заметил Финн. — Но я пока не уверен в том, что с его стороны будет мудро полагаться на тебя.

Кальв пожал плечами.

— Ты гораздо больше боишься короля, чем я, — сказал он. — И в этом главное различие между нами. И я не думаю, что это даст тебе право бахвалиться своей верностью.

Финн вскочил и ударил кулаком по столу, так что мед выплеснулся из рога.

— Никто никогда не называл меня трусом, не поджимая при этом хвост от страха! — воскликнул он.

— Я подожду хвост, как только ты дашь мне для этого хороший повод, — ответил Кальв. — И если ты такой храбрый, как ты говоришь, ждать долго не придется.

— Это может произойти совсем не так, как ты себе это представляешь! — с угрозой произнес Финн, но все же сел на место.

Некоторое время они сидели молча; тишину нарушила Сигрид.

— Кое-кто откажется от участия в этом походе.

— Вред ли за ним пойдут люди из Сэлы, — задумчиво произнес Кальв. — И я очень сомневаюсь, что Эйнар Тамбарскьелве отправится с ним.

— Теперь Эйнар Брюхотряс больше не лендман, — сказал Финн.

— Да, — сказала Сигрид. — Он не позволяет привязать себя к королю сильнее, чем это ему самому нужно. Эльвир обычно говорил, что он слишком хитер, чтобы становиться на чью-то сторону, не будучи наверняка уверенным, на какую лошадку стоит ставить.

Она от души смеялась, когда Эйнар заключил мирный договор с королем Олавом, чего, по словам Эльвира, он так желал, и вернулся домой, так и не став королевским лендманом.

— Он так и говорил? — усмехнулся Кальв. — Во всяком случае, Эйнар единственный из хёвдингов, кто устраивает свои дела так, что может поддерживать отношения с королем Кнудом, не нарушая при этом клятвы, данной Олаву.

Братья сидели и разговаривали, а Сигрид, пожелав им спокойной ночи, пошла спать.

На следующий день Кальв проводил Финна на корабль.

— Если хочешь следовать моему совету, веди себя осторожно с Туриром Собакой, — сказал он. — Если он поступил так, значит, на это были свои причины. Он считает торговлю на Бьярмеланде своим правом, большая часть собственности, отнятой им у Гуннстейна, явилась компенсацией за его убытки, а с Карле он находился в кровной вражде.

— Если ты позволяешь своей жене понукать тобой, это не значит, что я должен делать то же самое.

— Для короля лучше завоевать себе друга, чем нажить врага, — сказал Кальв.

Но Финн только самодовольно усмехнулся.

— Можешь быть уверен в том, что, если я доберусь до Турира Собаки, он долго будет помнить об этом, — сказал он.

В эту зиму в усадьбе было много разговоров. Сигрид не придавала этому особого значения, зная, что у девушек всегда находилось, о чем поболтать. И она не делала никаких попыток разобраться, что к чему. И когда уже Кальв был готов к походу на юг, разговоры достигли и его ушей.

И он вынужден был позвать к себе Грьетгарда.

— Я слышал, ты сделал одной из девушек ребенка, — сказал он.

— Да, — ответил Грьетгард. — Я этого не собираюсь отрицать.

— Я скорее ожидал этого от Турира, чем от тебя.

— Не всегда все получается так, как мы ожидаем, — сказал Грьетгард, глядя мимо Кальва.

— Не слишком увлекайся этим! — сказал Кальв. Но было ясно, что он не слишком рассержен происшедшим, и Грьетгард вздохнул с облегчением.

Сигрид восприняла это куда тяжелее. Если к кому-то из своих сыновей она и питала особую привязанность, то это к Грьетгарду. И

ей казалось, что она потеряла его после того, как год назад он вернулся из похода.

Теперь он больше не приходил к ней со своими радостями и печалью, как это было в те годы, когда они помирились после смерти Эльвира. Он много беседовал с Энундом, а в последнее время сблизился с Кальвом. Она считала это причиной его отдаления от нее, но только теперь она поняла, в чем дело. Ей следовало бы подумать об этом раньше.

Она должна была быть с ним рядом, когда он впервые выбирал себе девушку, проследить за тем, чтобы выбор был хорошим; и она, Хелена дочь Торберга, была более чем красивой. Сигрид она давно уже нравилась, она была аккуратной, послушной, прилежной. Сигрид удивляло, что никто из работников не сватается к ней, и только теперь она поняла, в чем дело. Это была девушка Грьетгарда, и никто не смел приблизиться к ней.

Сигрид было не по себе оттого, что Хелена пользовалась теперь большим доверием Грьетгарда, чем она. И теперь, когда отношения между ними перестали быть тайной, она видела, как ее сын привязан к ней.

Но при мысли о том, что девушка согрешила, смягчалась Сигрид: девушке было шестнадцать, она была влюблена, и это не могло принести ей ничего, кроме несчастья.

Отношения Грьетгарда и Хелены занимали Сигрид куда больше, чем приближавшийся отъезд Кальва. И когда настало время расставания, она пожалела о том, что мало уделяла ему внимания.

Во внутренний Трондхейм вернулись перелетные птицы, леса и поля наполнились жизнью. Скворцы свистели и рассыпали трели, веселое пенье певчих дроздов оттенялось более серьезным и мечтательным пеньем черных дроздов. Повсюду пели жаворонки — с той беззаботностью, с какой они выбирали себе место для гнезд.

Потом пришло лето с расточительным изобилием. Все росло, зеленело, дышало. И скорбь по поводу теряющейся в суете жизни забывалась в спешке полевых и домашних забот.

И вот наступила осень; Эльвир как-то сказал, что осенью вся природа плачет слезами дождей об ушедшем лете. Один за другим следовали серые дни, пока, наконец, зимний снег не покрыл замерзшую землю. И обнаженные ветки деревьев покрылись серебристым инеем, сверкающим на солнце.

Синицы и желтоголовые корольки, которым был не страшен мороз и долгие зимние ночи, пели среди заснеженных, сверкающих деревьев, а стаи кукушек кружились над крышами домов.

А потом, когда солнечное тепло победило силы тьмы, с крыш и деревьев начало капать. Мир медленно просыпался; удивленно, осторожно, трепетно; и чем сильнее становилась власть солнца, тем громче пели птицы.

Был сев, потом сенокос, на полях поднимались хлеба; дни шли за днями, и снова приближалось темное время года.

Все это время Сигрид казалось, что она в Эгга совсем одна и что теперь она больше обычного привязана к смене времен года. Сердцевинкой ее жизни стала работа по хозяйству, меняющаяся из месяца в месяц.

Церковные праздники тоже были связаны с этим.

Адвент облегчал самое темное время перед Рождеством своим напоминанием о свете, который должен был придти в мир; затем

следовало выполнение обещаний: Рождение Христа и солнцеворот. Весной наступал день Благовещения, зачатия, обещания рождения следующего года, содержащееся в каждой весне. Пасха приносила с собой освобождение от темного времени поста, победу на исходе зимы, когда трудно было поверить, что мир когда-либо проснется. А в день летнего солнцеворота, после которого ночи становились длиннее, была служба в честь Иоанна-крестителя, проповедовавшего о приходе Христа и о том, что тьма не победит свет. И наконец осенью была месса об умерших; о тех, кто в прошедшем году пожинал самый большой в своей жизни урожай.

Христианские обычаи и праздники становили частью ее жизни. Вместо того, чтобы сожалеть о потерянном рабочем дне, Сигрид радовалась, когда по деревне носили крест, оповещающий всех о том, что приближается церковный праздник.

Но когда дело снова пошло к осени, Сигрид начала беспокоиться о том, когда же Кальв вернется домой. Часть его дружинников уже вернулась обратно, и она слышала от них, как обстоят дела.

Отправившись год назад на юг, Олав взял курс на Данию. Там он встретился со шведским королем Энундом; они вместе жестоко грабили страну и пытались подчинить ее себе.

Узнав об этом, король Кнут незамедлительно покинул Англию. В конце концов дружины встретились в Сконе, возле Хельго. Но до решающего сражения дело не дошло, силы были примерно равными.

После этого Олав отправился на восток. Но ему пришлось оставить свои корабли в Свейе и идти с дружиной по суше, поскольку король Кнут стоял со своим флотом в Эресунде.

Осенью король Олав прибыл в крепость Сарп и там перезимовал вместе со своей дружиной и некоторыми из своих лендманов, которых хотел держать при себе; Кальв был одним из них.

Турир Собака участвовал в сражениях на стороне короля Кнута, как сказали Сигрид; больше она ничего не знала о своем брате. И она думала, что теперь он наверняка направился с королем Кнутом в плавание вдоль норвежских берегов.

Уведя конунга Олава от его кораблей, король Кнут незамедлительно принялся осуществлять свои планы захвата Норвегии. И он умело воспользовался отсутствием Олава; тем же самым летом, когда происходили сражения, он направил послание прибрежным жи-

телям, а также деньги, призывая их идти к нему в услужение. И тут поползли всевозможные слухи о том, кто изменил Кнуту, а кто нет.

Зимой король Кнут собрал большой флот в Англии, а летом он собирался высадиться в Агдере, а оттуда направиться на север. Он останавливался в каждой области, принимал почести и оставлял своих лендманов, а потом двигался дальше.

А Олав сидел в это время на берегу Балтийского моря, словно рыба, выброшенная на сушу, разбитым во время похода на Данию флотом. У него остались одни небольшие ладьи, а людей было совсем немного, и он снова объявил поход. К нему приходили, в основном, местные жители, которые и не могли поступить иначе.

Сигрид мало сочувствовала Олаву, но ей хотелось, чтобы все поскорее закончилось, чтобы Кальв вернулся домой.

Не то, чтобы ей очень уж не хватало его, хотя, к своему удивлению, она замечала это; просто он был ей нужен по хозяйству. К тому же она не знала, как ей поступить с Гретьгардом.

Она была опечалена тем, что его сын, ее первый внук, умер вскоре после рождения, год назад. Но особенно она не скорбела об этом. Но она была совершенно не готова к тому, что за этим последовало. Гретьгард сказал ей, что хочет посвататься к Хелене, чтобы их брак был законным и дети их получили право наследства.

Сигрид была обескуражена. Брак между Гретьгардом, наследником Эгга, и одной из служанок был просто немыслим.

Собравшись с духом, она сказала ему об этом. То, что у него есть любовница, это одно, и она не станет в это вмешиваться; но жениться на ней — это совсем другое. Женитьба сопряжена с владением имуществом и родственными связями, одних красивых глаз и белых ручек здесь недостаточно.

Но Гретьгард настаивал на своем. Он сказал матери, что у нее взгляды язычницы. Согласно новому учению, иметь любовниц не следует; он был уверен в том, что и священник Йон, и священник Энунд поддержат его в этом. И поскольку Хелена целиком принадлежит ему, они должны быть мужем и женой.

Сигрид ходила к Энунду, но это не помогло. Энунд сказал, что либо юноша должен отослать Хелену прочь — и он был согласен с Сигрид, что это лучше всего, — или же он должен жениться на ней.

Но отослать Хелену со двора Гретьгард не захотел, и даже Гуторм не смог переубедить его. Дело оказалось нелегким.

Сигрид пыталась переговорить с Хеленой, пыталась убедить ее в том, что она портит жизнь и Грьетгарду, и самой себе; и будет лучше всего, если она добровольно покинет Эгга. Но до этого покладистая Хелена проявила упрямство и строптивость. А на следующий день пришел Грьетгард и сказал, что если она хочет, чтобы они остались друзьями, пусть оставит Хелену в покое.

Сигрид подумала о том, что если бы Кальв был дома, он, возможно, настроил бы Грьетгарда на здравые мысли. И она сказала юноше, что в любом случае он не может жениться без согласия Кальва.

«Грьетгард, как всегда, вплетает во все это христианство, — раздраженно думала Сигрид. — Он слишком часто слышал болтовню Энунда о том, что кровная месть — это грех».

Ранней осенью Трондхейм облетело известие: король Кнут прибыл в Каупанг и собирает всеобщий тинг.

Грьетгард отправился туда вместе с другими жителями фюльке. Теперь на руке его красовался подаренный королем Кнутом золотой браслет, который он до этого хранил в шкатулке.

Но когда Сигрид узнала, что он собирается взять с собой Хелену, она решила, что нужно поговорить с сыном, как бы ей этого не хотелось.

Ему следует знать, сказала она, что это не только глупо, брать с собой на тинг любовницу, но это противоречит всем приличиям. Он просто выставит себя на посмешище.

Но Грьетгард ответил, что скорее выставит себя на посмешище, чем оставит Хелену одну с Сигрид. Этим было сказано все. Юноше было уже девятнадцать лет, и он не нуждался в советах матери.

Когда он вернулся с тинга, Сигрид была все еще в ярости и не вышла встречать его. Она сидела на кухне и шила, и она даже не подняла глаз, услышав, как открывается дверь.

— Должен сказать, я надеялся на более теплый прием, собираясь в гости!

Сигрид вскочила, шитье выпало у нее из рук; это был Турир Собака, прибывший с тинга вместе с Грьетгардом.

Вечером Сигрид накрыла праздничный стол: на нем было все самое лучшее, что имелось в доме: целиком запеченные поросята, копченое мясо, колбасы, вино.

Турир рассказывал о своем пребывании в Англии, где он посетил короля Кнута, о королевском походе в Данию и в Норвегию. Он также рассказал о всеобщем тинге, на котором Кнут был провозглашен королем Норвегии. Эйнар Тамбарскельве тоже был там, сказал он, и стал лендманом короля Кнута. Сам Турир тоже теперь лендман короля Кнута и направляется домой, на Бьяркей, где с хозяйством теперь, во время отсутствия отца, управляется Сигурд Турирссон.

— Скоро мы расквитаемся с жирным Олавом! — усмехнулся он, глядя на Сигрид. — И после этого снова введем правление ярлов.

— Значит, люди говорят правду, — задумчиво произнесла Сигрид, — что ярл Хакон нарушил клятву, данную им однажды, о том, что он никогда не пойдет с оружием против Олава Харальдссона.

— Если бы сам Олав держал данные им клятвы, я бы имел что-то против ярла, — сказал Турир.

Сигрид о чем-то задумалась.

— Как у тебя сложились отношения с Финном Арнисоном, когда он прибыл на север, чтобы объявить военный сбор? — спросила она. — Будучи здесь проездом, он говорил, что король поручил ему твое дело против родственников Карле. А язык у него без костей.

Турир захохотал.

— Редко я бывал в подобных тисках, — сказал он. — Он собирал народ в Вогане, и когда я явился туда, он назначил такой огромный выкуп, что не могло быть и речи, чтобы уплатить его. И когда я отказался это сделать, он приставил к моей груди копьё и вынудил меня отдать ему золотой браслет, который я привез из бьярмеландского похода. И когда я огляделся по сторонам, то увидел вокруг лишь друзей и родственников Гуннстейна и Карле. И мне не оставалось ничего другого, как схитрить.

У меня были при себе ценные вещи, но, отправляясь в Воган, я подумал, что могу попасть в переплет, и поэтому спрятал их в бочки с двойным дном, в которых было пиво.

И я сказал Финну, что могу заплатить друзьям и родственникам, если наберу требуемую ими сумму.

И после этого между мной и им начался настоящий шахматный поединок.

Я тянул время, как только мог, торговался из-за каждой марки и из-за каждого эре, и между делом я ходил на корабль, смотрел на мачты и делал вид, что считаю. А Финн клянчил и угрожал.

И тут он заметил бочки и спросил, что в них. И, можешь мне поверить, я тут же предложил ему выпить. Я гадал только, много ли в него вольется, и чем больше он пьянел, тем больше я радовался.

И он был далеко не трезвым, когда до него дошло, что все уехали домой — те, кто поддерживал его в деле против меня. Он стал куда более стоворчивым, увидев вокруг себя моих дружинников.

В страшной спешке он высадился на берег и, икая от страха, сказал, что готов пересмотреть предварительно назначенную сумму.

Мы сошлись на одной трети выкупа. Но, уверяю тебя, серебро, которое он получил, было плохим.

После этого я отправился к королю Кнуту.

— Почему же ты сразу не поехал к нему? — спросила Сигрид. — Зачем тебе понадобилось ехать в Воган?

— Если бы король Олав запросил бы ту сумму, о которой мы вначале договаривались, я бы чувствовал себя связанным с ним этим обязательством, — сказал Турир. — А я собирался отправиться с ним в Данию.

Он замолчал и огляделся по сторонам.

— Куда ты отправила своего сына Турира? — спросил он. — Что-то я не видел его во дворе.

— Пролетным летом он отправился в Хедмаркен и женился там, — сказала Сигрид.

— Должно быть, это выгодный брак, раз он отправился так далеко.

Сигрид кивнула.

— Этой весной я получила от него известие, — сказала она. — У него все хорошо.

— А ты когда женишься? — спросил Турир, поворачиваясь к Грьетгарду. Ответа не последовало, и Турир вопросительно посмотрел на Сигрид.

— Все зависит от Кальва, — сказала она. — Во всяком случае, это произойдет не раньше его возвращения.

Ей не хотелось посвящать Турира в дела, касающиеся Грьетгарда. Она помнила, как Турир женился на Раннвейг, не равной ему по происхождению, и она опасалась, что он поддержит ее сына. Конечно, между Раннвейг, дочерью Харальда из Грютея и дочерью любовницы Торберга Строгалы была большая разница, но все же...

Она спросила у Турира, кого из знакомых он встретил в дружине короля Кнута, и он назвал несколько человек — и Сигрид даже не подозревала о том, что они служат у короля.

И когда он назвал имя Сигвата Скальда, она наострила уши. Но Турир сказал, что Сигват не по своей воле участвовал в сражении против короля Олава. Теперь он вернулся в Норвегию; говорят, что он сопровождает короля.

— Сигват дружит со всеми, — сказал Турир. — Он выбирает себе среди хёвдингов того, кто ему по вкусу. И его преданность Олаву не мешает ему посвящать висы Кнуту!

— А любовные песни он слагает? — вдруг спросила Сигрид.

Турир расхохотался.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — сказал он. И, не дождав-шись ее ответа продолжал: — В женщинах у него никогда не было недостатка, но я не думаю, что он привязан к кому-то из них настолько, чтобы слагать о ней песни.

Улыбнувшись про себя, Сигрид промолчала. И, взглянув на Грьетгарда, она вдруг почувствовала, что ее отношение к нему и к Хелене смягчилось.

На этот раз Турир Собака недолго пробыл в Эгга; через два дня он отплыл на север.

Грьетгард стал намекать, что ему тоже нужно уехать; он сказал, что хочет погостить у Туриру в Хедмаркене. И не сказал, зачем ему туда нужно, но Сигрид подозревала, что у него есть известие для короля Кнута.

Вскоре он тоже был готов к отъезду; среди сопровождавших его людей был Хьяртан Эскимосское Чучело. Он заявил, что где бы ни был Грьетгард, он хочет быть рядом с ним. Им предстояло плыть в Каупанг, а оттуда ехать верхом через горы.

Утром, в день своего отъезда, Грьетгард попросил Сигрид переговорить с ним наедине.

— Я оставляю Хелену на твое попечение, — сказал он. — Да поможет тебе Бог, если ты не будешь добра к ней!

Последнее время Сигрид много думала о Грьетгарде и Хелене дочери Торберга. И, к своему удивлению, она пришла к мысли о том, что это не будет таким уж несчастьем, если он женится на этой

девушке. Богатства у него и так хватало, и даже если она и не высокого происхождения, Торберг был вовсе не плохим человеком.

— Вовсе не обязательно, что я буду противиться гвоей женитьбе, — сказала она.

Грётгард взглянул на нее — осторожно и в то же время изумленно.

— Никто не соблазнил Турира, моего брата, жениться на богатстве, — продолжала она. — И я знаю, каково приходится тому, кто не любит того, на ком женат.

Глубоко вздохнув, Грётгард некоторое время сидел молча.

— Спасибо, мама! — наконец произнес он. Немного помолчав, он добавил: — Ты не такая суровая, какой казалась мне последние годы; теперь я знаю это.

И он улыбнулся ей.

Сигрид ничего не ответила.

— Господь знает, что я не хочу, чтобы ты забывала моего отца, — вдруг сказал сын. — Но не могла бы ты, ради самой себя и Кальва, попробовать быть с ним помягче?

Выпрямившись, Сигрид уставилась на него. Ей даже в голову не приходило, что ее сын размышляет о ее отношении к Кальву.

— Я понимаю, что это не мое дело, — продолжал Грётгард, — но все это на виду, все понимают, как мало ты заботишься о нем. А он заслуживает большего. И одно то, что он не замечает твоего отношения к нему, говорит о том, как он тебя любит...

Все последующие дни Сигрид размышляла над словами сына.

Она пыталась быть мягче с Хеленой. Но это было нелегко; девушка была подозрительной и считала, что со стороны Сигрид это всего лишь лицемерие.

В один из ненастных осенних дней человек, сопровождавший Грётгарда, привез с юга известие, и Сигрид не терпелось узнать, что он скажет.

Но она была ошарашена, когда тот, не отвечая на ее вопрос, осведомился о священнике.

Священник Йон тут же пришел из церкви. И человек тихо сказал ему что-то в углу зала, косясь при этом на Сигрид. Потом священник Йон подошел к ней и попросил следовать за ним в новый зал, в котором днем никого не было.

— Неисповедимы пути Господни, — медленно начал священник, когда все трое сели.

— Ради Бога, не читай здесь проповеди! — перебила его Сигрид. — Скажи скорее, что случилось!

— Речь идет о твоих сыновьях, — сказал священник, — оба они погибли.

Только однажды до этого Сигрид почувствовала такую слабость, как теперь. Это было в Мэрине, после смерти Эльвира.

— Бог дал, Бог и взял, да святится имя Господа! — продолжал священник Йон проповедническим голосом.

«Замолчи!» — хотелось крикнуть Сигрид. Но слова застряли у нее в горле. Словно она беспечно бродила по лесу, бежала по тропинке и вдруг остановилась на краю пропасти. Ей стало дурно, ей казалось, что все завлакивается туманом и над ее головой кружат и кружат вороны...

И она взяла себя в руки. Схватившись за край скамьи, она прислонилась к стене.

— Как... они... умерли? — спросила она, с трудом выдавливая из себя слова.

Она узнала, что у Турира в Хедмаркене гостил и до его ушей дошло, что Турир намеревается его убить. И, увидев на руке юноши

браслет короля Кнута, он решил, что подозрения эти не напрасны. И он распорядился обезглавить его.

— Разве Кальва не было там? — спросила она.

— Был, — ответил человек. — Но не хотел слушать ни Кальва, ни всех остальных, кто просил за юношу и предлагал за него выкуп.

— А Грётгард? — спросила Сигрид дрожащим голосом.

Человек рассказал, что тот узнал о смерти Турира на пути через Эстердален. Он был вне себя от ярости и, думая только о мести, жег и разрушал королевские владения. Но отыскал его, и тот вместе со своими людьми попал в окружение.

Грётгард крикнул конунгу из дома, чтобы тот выслушал его. Но когда конунг ответил согласием, тот крикнул ему:

— Я не собираюсь просить пощады!

С этими словами он выскочил из дома и рубанул мечом туда, где, судя по звуку голоса, должен был стоять король.

Но было темно, и вместо короля он зарубил Арнбьёрна Арнисона, брата Кальва.

Там он и погиб, и вместе с ним почти все его люди. Человек, привезший известие, был одним из немногих уцелевших в этой схватке.

Закончив свой рассказ, он вышел. Но священник остался сидеть; он хотел поговорить с Сигрид. Голос его набирал силу и затишал, словно ветер в верхушках деревьев; в конце концов Сигрид попросила его уйти.

Она встала и принялась ходить по залу туда и обратно; и она сама не знала, долго ли она так ходила. Никогда она не чувствовала себя такой одинокой, даже в Мэрине; тогда у нее оставались мальчики. Теперь же у нее оставался один Тронд. Но он был еще мал, поддержки от него ожидать не приходилось.

Она не решалась думать о короле; она боялась, что ей станет дурно при одной мысли о нем.

И она мысленно представила себе Грётгарда, каким он был в последнее утро перед отъездом на юг. И для нее было слабым утешением то, что они расстались друзьями.

«Будь добра с Хеленой». — сказал он тогда. Она остановилась и уставилась на светильник, стоящий на земляном полу, с плавающим в масле фитилем.

Она вдруг подумала, что она не так одинока. Еще один человек мог разделить ее скорбь.

Она быстро вышла из зала и направилась на кухню. Там ей сказали, что Хелена находится в одном из домиков, и она пошла туда.

Она нашла ее лежащей в постели, зарывшейся лицом в подушки, и села возле нее.

— Хелена... — прошептала она, положив на одеяло руки.

Девушка вздрогнула и повернулась к ней, глаза ее покраснели от слез, но в них все же пламенела злоба.

— Оставь меня! — тихо и подавленно произнесла она.

— Мы обе любили его, — почти умоляюще произнесла Сигрид.

Но Хелена оттолкнула ее; она чуть не ударила ее.

— Если я не была хороша для тебя до этого, то теперь и подавно! — воскликнула она.

Сигрид встала и пошла обратно в старый зал. Она вошла в спальную каморку, там было холодно. Она легла в постель и лежала так, уставившись в темноту.

Она долго лежала так, потом услышала скрип открывающейся двери.

Пришел Тронд; он забыл закрыть за собой дверь и стоял, освещенный светом очага, находящегося в зале.

— Что тебе нужно? — без всякого выражения произнесла Сигрид.

— Я... я не знаю... — стоя в дверном проеме, неуверенно произнес он. — Меня послал священник Энунд.

— Иди ко мне, — сказала Сигрид. И когда он подошел к постели, она уложила его рядом и прижала к себе, словно никогда больше не хотела отпустить его.

И тут из глаз ее полились слезы.

На следующий день, проведя бессонную ночь, Сигрид пошла к мессе. Но мир, который она последнее время обретала в церкви, не приходил к ней, и никто не мог ее утешить.

Голос священника Йона казался ей потусторонним. И она ощущала в себе один только бунт; бунт против судьбы, бунт против Бога.

Она мысленно видела перед собой своих мальчиков и картины их детства. Она видела, как Турир делает первые шаги, как он поднимается на свои слабые еще ножки посреди кухни. Она видела его,

возвращающегося домой с охоты, когда он убил своего первого лося.

И она видела Грьетгарда, приходящего в неопишемую ярость еще в младенческом возрасте; она вспомнила, как он пытался обуздать свой гнев. И все же его жизненный путь был уже завершен.

— Месса закончена, Сигрид, — сказала Рагнхильд, подходя к ней. И Сигрид, стоявшая на протяжении всей службы на коленях, встала и вышла из церкви.

К вечеру Энунд снова появился в Эгга; прошлым вечером Сигрид отказалась беседовать с ним. Но на этот раз она пошла с ним в церковь, когда он позвал ее.

— Попробуй жить без ненависти, Сигрид, — начал он.

Она тут же повернулась к нему, глаза ее горели.

— Я уже устала слушать тебя! — сказала она и, передразнивая его, произнесла: — Возлюби своего врага, подставь другую щеку... — и это все, что ты можешь сказать мне. Ты хочешь, чтобы я любила самого дьявола?

Энунд отпрянул назад, видя выражение ее лица.

— Нет, — сказал он. — Мы должны ненавидеть зло, но...

— Если я имею право ненавидеть зло, я имею право ненавидеть Олава и все, что связано с ним! — бросила она ему в лицо.

— Нужно ненавидеть грех, но любить грешника, — сказал священник.

— Выходит, нужно любить дьявола, но ненавидеть его поступки?

— Это совсем другое дело, Сигрид. Сатана это и есть зло.

— Король Олав тоже, — сказала Сигрид. — Он ни что иное, как раб сатаны, использующий имя Бога для своей выгоды. Он называл себя крестным отцом моих сыновей, но он не захотел слушать мольбы приемного отца за одного из сыновей. У него была возможность показать, во многом ли он следует христианству, он должен был заплатить Туриру выкуп за смерть отца. Но он показал всем лишь свою злобу.

Она встала и ушла.

И Энунд опустился на колени перед алтарем, видя над собой прекрасный, скорбный лик святого Иоанна.

В эту зиму Сигрид занималась Трондом больше, чем до этого кем-либо из своих детей.

Она замкнулась в себе, и никто, даже священники, не знали толком, что у нее на уме. Но она постоянно спрашивала о новостях с юга.

И слухи были такими противоречивыми, что невозможно было разобраться, что к чему.

Говорили, что после смерти Турира Эльвиссона оппландские хёвдинги пошли в поход против короля Олава и тот вынужден был бежать в Викиен. Сигрид горячо желала, чтобы это было правдой, и чтобы это было для короля не единственной неприятностью.

Говорили также, что король Кнут отправился морем на юг, вдоль норвежского берега, к крепости Сарп; оттуда он должен был перебраться в Данию. Но ярл Хакон, прибывший с ним из Англии, собирался остаться в Трондхейме.

Последние известия были, скорее всего, верными, поскольку перед Рождеством ярл собирал ополчение со всего Трондхейма, и люди тянулись на юг, чтобы присоединиться к нему.

От тех, кто вернулся, она узнала, что Олав вынужден был бежать из Вестланда по суше в Свейю и что Кальв покинул короля. Говорили, что он отправился с ярлом на север.

Но всю правду о происшедшем Сигрид впервые узнала после праздника Троицы, когда Кальв вернулся домой.

День был холодным. Ночью шел снег, но к утру растаял, и теперь дождь размывал во дворе снежное месиво. Было так скользко, что невозможно было ходить.

В Эгга спешно зажгли все светильники в большом зале, весь люд собрался там.

Заходя в дом, Кальв остановился в дверях и осмотрелся: почти два года его не было в Эгга.

Сигрид встала и направилась к нему, спокойно и с достоинством; каждый ее шаг и даже улыбка были выверены. Но от него не укрылось горестное выражение ее глаз.

Он готов был забыть о собравшихся в зале людях, забыть о своем и ее достоинстве — ему хотелось только, чтобы она узнала, как горячо он тосковал по ней и что он разделяет ее скорбь о погибших сыновьях.

Она видела тепло в его глазах, но все-таки он казался ей чужим; шлем, прикрывающий нос, придавал ему устрашающий вид, в руке у него было копье. Плащ его совсем промок, со шлема на лицо стекали капли дождя, сверкающие в свете пламени.

Неожиданно для себя она растерялась.

Она всегда думала о нем, как о большом ребенке. Но теперь, ощущая свою отчужденность по отношению к нему, она на миг увидела его таким, каким его видели остальные: хёвдингом, человеком, которого многие боялись, которого уважали и которому доверяли.

И теперь он был на стороне ярла, он был врагом Олава. Он пытался спасти Турира и после гибели приемных сыновей отвернулся от короля. Он так же, как и она, горевал о них.

«Попробуй быть помягче с Кальвом!» — сказал Грьетгард в тот, самый последний раз. «Возможно, это будет не так трудно сделать», — вдруг подумала она.

— Ты промок, — сказала она; и это все, что она смогла сказать ему.

Он оглядел свою мокрую одежду и рассмеялся.

— Может быть, ты принесешь мне что-нибудь посуше? — сказал он.

Она то и дело посматривала на него во время еды.

Она прислуживала ему, когда он приводил себя в порядок, как это делали женщины, когда их мужья возвращались из похода. Он провожал ее долгим взглядом, когда она наливала ему воду для купания, подавала полотенце и сухое белье.

И он схватил ее за руку и грубо притянул к себе, чего раньше за ним не водилось. И она ощутила в себе страсть, которую раньше никогда не испытывала к Кальву.

Когда они вернулись в зал, он уже был в праздничном убранстве: на стенах висели ковры и драпировки. Тронд тоже был в зале; сначала он вел себя сдержанно, но от приемного отца не отшатнулся.

После еды Сигрид стала расспрашивать Кальва о походе и о бегстве короля.

Он сказал, что король отправился из Викена на запад вдоль берега, надеясь переманить на свою сторону людей. Но везде к нему относились плохо. Тем не менее, он был близок к победе, похитив Эрлинга Скьялгссона и его корабль из большого, собранного им флота. Дело дошло до сражения, и перевес был на стороне короля; все закончилось тем, что Эрлинг сдался и присягнул королю на верность. Но один из воинов короля потерял голову и убил Эрлинга. Поэтому король был вынужден отправиться на север вдоль вестландского берега, и нигде он не мог пристать к берегу, потому что сигнальные костры предупреждали его о враждебном отношении местных жителей, и слух об убийстве Эрлинга быстро распространился повсюду.

Прибыв в Стад, он узнал, что ярл Хакон движется к нему с севера с большим флотом. Теснимый ярлом Хаконом с севера и сыновьями Эрлинга с юга, он, спасая свою жизнь, отправился по суше в Свейю.

— Там я и расстался с Олавом, — сказал Кальв. — Но мои братья, связанные с ним клятвой сопровождать его дома и на чужбине, отправились вместе с ним на юг.

Я сказал, что примкну к нему, если он решит сразиться с ярлом, поскольку я давал такую клятву. Но он, разумеется, понимал, что я сделал это не из любви к нему.

И я решил отправиться домой. Но когда я встретил ярла, он попросил меня присоединиться к нему, и я отправился с ним на север. Он хотел, чтобы я стал лендманом, зная, что до этого я был лендманом короля, но я ответил отказом.

Сигрид пристально посмотрела на него.

— Ты по-прежнему служишь королю... — сказала она.

— Нет, — ответил Кальв, — я никому не служу.

— Либо ты за Олава, либо против него, другого быть не может! И я не могу понять, как ты мог остаться с ним после всего, что случилось, — с чувством произнесла Сигрид. — Неужели в тебе ничто не шелохнулось, когда на твоих глазах убивали моих сыновей? — спросила она.

— Ты должна знать, что это произошло против моей воли, — сказал Кальв. — Я предлагал большой выкуп за Турира. И когда

погиб Грьетгард, я потерял обоих... — он на миг замолк, — сына и брата.

— Возможно, смерть Арнбьёрна подействовала на тебя, — сказала Сигрид. — Мои же сыновья не заслуживают того, чтобы за них мстили... Но ты должен был, по крайней мере, понять, как мало уважает тебя Олав, раз он отклонил твою просьбу о Турире.

Кальв положил руку на ее ладонь.

— Почему, по-твоему, я расстался с королем? — спросил он.

— Этого я не знаю, — сказала она.

— У тебя нет нужды доказывать мне, что король предал меня, убив Турира. Я и сам это знаю. Я решил расстаться с ним намного раньше, и когда я попросил его пощадить Грьетгарда, он согласился. В смерти Грьетгарда король не виноват.

Но очень многие из людей короля были в ярости из-за его обращения с Туриром. Сигват Скальд поставил на карту свою дружбу с королем, и, расставаясь с королем в Викене, он вряд ли уже забыл о смерти Турира.

— Значит, Сигват покинул короля раньше, чем ты, — задумчиво произнесла Сигрид.

— Могу тебя уверить, Сигрид, что я питаю куда меньше теплых чувств к королю, чем Сигват. Но если бы я решил сражаться против него, я бы поднял руку против своих братьев.

— Мне показалось, что Финн при случае не замедлит поднять против тебя оружие...

— Финн вспыльчив и неводержан в словах, — сказал Кальв. — Но от этого он не перестает быть моим братом. И если даже родственные связи рвутся, на что тогда можно рассчитывать?

— Если ты так высоко ценишь своих братьев, ты, возможно, потребуешь от Тронда и от меня выкуп за то, что Грьетгард убил Арнбьёрна? — с горечью произнесла Сигрид.

Кальв тяжело вздохнул.

— Ты сама не веришь в то, что говоришь, — ответил он. — Я не сказал ярлу окончательного «нет», — продолжал он. — Я сказал, что мне нужно обдумать все и что я пришлю ему известие о своем согласии служить ему.

Но, мне кажется, говорить об этом здесь не прилично.

На дворе было морозно, когда они шли к старому залу. Лужи замерзли; весь двор напоминал теперь освещенное лунным светом озеро, на небе серебрились перистые облака.

Кальв поддерживал Сигрид, когда они шли по льду. Но возле входа она остановилась и огляделась по сторонам: все вокруг было как в сказке.

Когда они вошли в спальню, Кальв долго стоял и смотрел на спящего Тронда.

— Как ты могла подумать, что я не скорблю о твоих сыновьях? — сказал он, повернувшись к Сигрид. — Я отношусь к ним так, как к своим собственным.

Сигрид уже собралась сердито возразить ему, но выражение его лица остановило ее. Он подошел к ней и обнял ее.

— Ради Бога, Сигрид, — прошептал он, — не стоит теперь омрачать наши отношения, после того приема, который ты устроила мне! Ты должна понять, что я медлил обнажить меч не против конунга Олава!

Она притихла, она все поняла, она признала, что он был прав.

Верность своему роду — вот что самое главное для человека. И род является для человека той силой, на которую он, вопреки всему, может рассчитывать. Но если кто-то наживает себе врагов среди своей родни, ему уже не приходится рассчитывать на помощь.

И когда он повернул к себе ее лицо и улыбнулся, она смягчилась под его взглядом.

В первую неделю после возвращения Кальва домой, им с Сигрид было вместе намного лучше, чем когда-либо до этого.

Но постепенно все стало как прежде.

Кальв вернулся домой, ничуть не изменившись. И когда Сигрид поняла это, ее горечь разгорелась с еще большей силой, чем раньше.

Она и сама не знала, что двигало ею всю эту зиму: ненависть к королю Олаву или горечь по отношению к Кальву. Она понимала, что становится несносной, но все-таки твердила о мести за сыновей и о том, чтобы Кальв сблизился с ярлом. Она рассуждала и о других вещах, просто чтобы поговорить о чем-то с Кальвом. Временами терпение Кальва лопалось. И когда это происходило, она день-другой вела себя смирно и покладисто; но потом принималась за свое.

Но Сигрид была не единственной, кто пытался советовать Кальву пойти на службу к ярлу.

Окрестные жители тянулись к нему; они хотели, чтобы он продолжал оставаться их хёвдингом. Они говорили, что им не хватало его предводительства на тинге и во всем остальном; некому было занять его место.

Кальв чувствовал себя польщенным. Он привык уже быть лендманом, и хотя у него было свое хозяйство, он чувствовал себя опустошенным. Ему уже начали нравиться достоинство и власть лендмана. Неделя шла за неделей, и он постепенно начал чувствовать, что это, возможно, его долг — быть предводителем этих людей; они нуждались в нем...

Однажды, когда в Эгга гостил Финн Харальдссон, он принял окончательное решение. Финн участвовал в походе ярла Хакона на юг, когда тот преследовал Олава, и теперь присягнул ярлу на верность.

— Нетрудно заметить, что народ любит ярла, с его рассудительностью и справедливостью, — сказал он. — Что же касается его самоуправства и вспыльчивости, то это просто болтовня.

Я не могу понять, почему ты медлишь, почему не присоединяешься к нему. Король Олав не сделал ничего, чтобы завоевать твое доверие.

— Дело здесь не в конунге, — сказал Кальв. — Дело в том, что мои братья с ним. И если он попытается снова завоевать страну, я буду вынужден сражаться с ними.

— Если страна будет достаточно сильной, он не посмеет сунуться сюда, — сказал Финн. — Присоединяясь к ярлу, ты укрепляешь страну. Ведь ты пользуешься доверием людей во Внутреннем Трондхейме, пожалуй, даже больше, чем сам ярл. Захочешь ли ты снова идти в услужение к Олаву или захочешь сдатьсь без боя, если он снова вернется сюда?

— Сомневаюсь, что я захочу этого, — сказал Кальв.

— Тогда я должен сказать тебе, что если ты станешь служить ярлу, у тебя будет куда меньше возможностей сражаться против своих братьев.

— Об этой стороне дела я не думал, — задумчиво произнес Кальв. — Но, возможно, ты прав.

Немного помолчав, он добавил:

— Во всяком случае, я надеюсь, что видел Олава в последний раз.

— Возможно, ты получишь от ярла больше наград, чем получил от короля, — сказал Финн.

— Ты думаешь? — задумчиво произнес Кальв.

В тот же вечер он сказал Сигрид:

— Теперь ты можешь быть спокойна. Я пойду на службу к ярлу, если получу от него больше наград, чем от короля.

На следующий день ярлу было направлено известие, и ярл сообщил в ответ, чтобы Кальв прибыл в Каупанг для подробных переговоров.

И Кальв отправился туда.

И Сигрид почувствовала непонятное ей самой разочарование, потому что добилась того, что хотела. Кальв поддался на ее уговоры, так чем же она была недовольна?

И когда Кальв вернулся, она не прекратила пилить его; просто она нашла другие предлоги для этого.

В эту зиму мороз то и дело сменялся оттепелью; снег долго не залеживался, и весна наступила рано.

Сразу после Пасхи Кальв отправился в Англию, чтобы переговорить с королем Кнутом. И Сигрид опять осталась в Эгга одна.

Перед Пасхой она была на исповеди, но сделала это скрепя сердце. И Энунд заявил ей, что неумолимость и ненависть отстраняют ее от Бога. Но он так ничего и не добился, в связи с чем не смог дать ей отпущение грехов.

Сигрид сама теперь не знала, что ищет и во что верит. Она просто выполняла то, что от нее требовалось: работу по хозяйству и свой христианский долг. Но после отъезда Кальва она разговаривала со всеми, кроме Тронда, только в силу необходимости; в отношении же к мальчику она проявляла такую бурную любовь, что это порой даже отпугивало его.

Через неделю после отъезда в Эгга прибыли гости. Трое мужчин на полном скаку въехали во двор; взмыленные лошади готовы были упасть, и Сигрид выскочила во двор, чтобы узнать, что случилось.

Это были Сигват Скальд и двое его ратников; он хотел переговорить с Кальвом.

И когда Сигрид сказала, что Кальв отправился в Англию, он был разочарован.

— Я надеялся застать его до отъезда, — сказал он.

— Тем не менее, добро пожаловать, — сказала Сигрид. — Ты чуть не загнал своих лошадей; им понадобится по крайней мере два дня, чтобы прийти в себя.

Вечером в зале Сигрид была более разговорчивой и не такой замкнутой, как последнее время.

— Я слышала, что ты пытался спасти Турира, моего сына, — сказала она. — Спасибо тебе за это.

— Из этого ничего не вышло, — ответил Сигват. — Но это правда, я сделал все, что мог.

— Кальв сказал, что ты поставил на карту свою дружбу с королем.

— Я высказал ему свое мнение по этому поводу, — сказал Сигват. — А это не очень разумно со стороны скальда, если он хочет сохранить благосклонность своего господина.

— Что же ты сказал ему?

— Я сказал, что этот поступок будет стоить ему доверия людей и что если он намерен править страной по-христиански, ему следует прежде всего научиться управлять самим собой. Я выразился не буквально так, но он ведь не глупец.

— Христианство короля Олава мало что стоит, — сухо заметила Сигрид.

— В тот раз мне тоже так показалось, — задумчиво произнес Сигват. — Но потом мне в голову пришли мысли, поэтому я и решил переговорить с Кальвом до его отъезда.

— Может быть, Кальв и согласился бы выслушать тебя, — сказала Сигрид, и в тоне ее явно прозвучало неодобрение.

— Существует столько различных мнений о короле, — глубокомысленно произнес Сигват. — Ты ненавидишь его; я чувствую это, когда ты говоришь о нем. У тебя есть на это причины, и ты не единственная, кто так о нем думает. Но есть и такие, что любят его так горячо, что забывают обо всем на свете.

Мое же мнение о нем неустойчиво; я часто испытываю любовь и доверие к нему, но бывает также, что он кажется мне недостойным всего этого.

Этой осенью я узнал его лучше. Он разговаривал со мной о многих вещах, и он потребовал, чтобы я был при нем постоянно; ему не хотелось быть одному. Казалось, он чего-то опасается... Сначала я ничего не понимал, мне казалось, что все его поведение свидетельствует о том, что он боится либо смерти, либо дьявола. Но постепенно до меня дошло, что он страшится потерять свою удачу. Это навело его на мысли о том, что Бог оставил его и что теперь он стоит лицом к лицу с дьяволом и содеянными им грехами.

Я окончательно убедился в этом, когда каждый из нас пошел своим путем. Потому что в момент расставания он напрямик сказал мне об этом.

Бог отобрал у меня удачу, Сигват, сказал он. Поэтому нет ничего удивительно в том, что и ты покидаешь меня. Может быть, ты был прав, говоря, что я жил не по-христиански.

Я пробыл в Викене большую часть зимы. И я думал о короле и о его словах. И постепенно я понял, что действовал слишком поспешно, расставаясь с ним. Я сам грешен и не мне судить его.

Сигват замолчал. Опершись локтями о стол, он уперся подбородком в ладонь. Он смотрел куда-то невидящим взглядом, так что казалось, что он говорит все это не столько Сигрид, сколько самому себе.

— Я уже не раз покидал короля Олава, — сказал он. — Я отправился в Руду в тот раз, когда он хотел подчинить себе Исландию и держал в качестве заложников Стейна Скафтасона и других исландцев, которых он заманил в Норвегию обещаниями дружбы. Но я вернулся назад, хотя мне обещали там почести и богатство.

Отдалившись от него, я подумал, что не такой уж он свинья и самодур. Я думал о его величии, его мудрости и твердой вере в то, что Бог призвал его окрестить Норвегию...

Он снова замолчал, и когда он посмотрел на Сигрид, в глазах его больше не было отсутствующего выражения.

— Когда я снова отправился на север, я узнал, что Кальв был у ярла и что он собирается служить королю Кнуту. И я тут же пустился в путь; я чувствовал, что должен воспрепятствовать его поездке в Англию, если мне удастся.

— Мало что изменилось бы, если бы ты застал его дома, поскольку он присягнул на верность ярлу, — сказала Сигрид. — Что же касается короля Олава, то мне кажется, что он хорохорился, как петух, пока ему сопутствовала удача, и совершенно сник, когда все обернулось против него.

Атмосфера стала натянутой, ей показалось, что пора бы ему уже прекратить этот разговор о короле.

— То, что Кальв присягнул на верность ярлу, это одно дело, — сказал Сигват. — Я хорошо знаю Хакона ярла, и он чувствует угрызения совести по поводу того, что нарушил клятву, данную Олаву, и

вступил с ним в борьбу. Он освободит Кальва от клятвы верности, если тот попросит.

С королем же Кнутом дело обстоит совсем иначе, лично я не питаю особой любви к этому хёвдингу. Он никогда не скупится на красивые слова и обещания, но очень быстро о них забывает. Думаю, что Кальв получит от этой затеи одни неприятности.

Сигрид посмотрела на него.

— Скажи, разве ты не сочинял висы, в которых ты прославляешь короля Кнута, когда был в Англии? — спросила она.

Вид у Сигвата был озабоченный.

— Сочинял, — признался он.

— Ради золота скальд способен на многое, — не спеша произнесла Сигрид. — Как-то раз мой брат Турир сказал, что Сигват — друг всех. Ты никогда не задумывался над тем, что если кто-то дружит со всеми, он в конце концов оказывается без друзей.

— Я не нуждаюсь в наставлениях, — раздраженно произнес Сигват. — И здесь, в Эгга, я собирался уговорить Кальва отправиться со мной к королю, который далеко не богат.

— Если ты имеешь в виду короля Олава, то я рада, что ты опоздал.

После этого разговор уже не клеился. И они расстались, холодно пожелав друг другу спокойной ночи.

Большую часть следующего дня Сигрид провела за ткацким станком. Присутствие Сигвата делало ее растерянной; это раздражало ее, и она не хотела признаться себе в том, что желает, чтобы он пришел и поговорил с ней.

И когда он вечером пришел к ней, она была в зале одна.

— Никогда не видел более красивого ковра!

Сигрид обернулась и посмотрела ему в глаза: он повторил слова, сказанные им в день их первой встречи.

— Мы думаем по-разному, когда речь идет о короле Олаве, — продолжал он. — Но давай не будем разрушать из-за этого нашу старую дружбу!

— Да, — сказала она. — Ты прав.

Она снова принялась за ткань, а он сел и принялся рассказывать о своем торговом плавании в Руду и времени, проведенном у короля Кнута. При этом он чередовал обычный рассказ с песнями.

Это напоминало ковер, сотканный с помощью слов; повествование напоминало пряжу, а песни — изысканно сотканные картины.

Прервав свою работу, она сидела и смотрела на него; черные волосы, глаза, сверкающие в свете лампы, изящные и в то же время сильные руки — она вспомнила, что это было первое, что она заметила в нем.

— Когда же я услышу твои любовные песни? — спросила она, когда он замолчал; ее тон был непринужденным, дразнящим; она понимала, что спрашивать об этом было неприлично, но она ничего не могла с собой поделать.

Он быстро оглянулся по сторонам.

— Не сейчас, — сказал он. — Кто-нибудь может войти...

Немного помолчав, он добавил:

— Нет ли во дворе места, где мы могли бы побыть одни?

Глаза его горели пламенем.

Она невольно подалась назад, она не думала, что он так воспримет все это.

— Я не знаю, осмелюсь ли я остаться с тобой наедине, Сигват, — сказала она.

— Я только хочу, чтобы ты послушала мои песни, — сказал он. — Возможно, у меня не будет другого такого случая, чтобы прочитать их тебе.

Она старалась не смотреть на него; она боялась, что ее взгляд скажет больше, чем она того желала.

— Сигрид, клянусь, что не прикаснусь к тебе, — проникновенным голосом произнес он.

— Чем ты поклянешься? — затаив дыхание, спросила она.

— Клянусь живым Богом и блаженством своей души.

Она повернулась и посмотрела ему в лицо.

— Я верю тебе, — сказала она. И он не отвел взгляда.

— Когда мы можем встретиться? — спросил он.

Она задумалась.

— Ты помнишь ту кладовую, где я однажды показывала тебе ковры?

Он кивнул.

— Я оставлю дверь незапертой, — сказала она. — И я приду туда, когда все улягутся спать.

Всю оставшуюся часть дня она избегала его. И она испытывала страх, думая о том, на что она сама себя толкает.

Если их обнаружат, никто не поверит, что дело здесь в песнях...

Но она успокаивала себя тем, что обнаружить их не было никакой возможности. Она была единственная, у кого хранились ключи от кладовой, а ночи были темными, так что никто не мог увидеть, что они направляются туда.

И мысль о том, чтобы побыть с Сигватом наедине, заставляла ее отметать все возражения. И она втайне надеялась, что клятва для него не так много значит.

Подождав, пока люди улягутся спать в старом зале, она незаметно прокралась в темноте через двор.

Дверь скрипнула, и она вздрогнула. Сигрид осторожно закрыла за собой дверь и заперла ее. Она не была уверена, там ли он, пока он не взял ее за руку.

— Сигрид, — удивленно прошептал он, — ты пришла!

Они не осмелились зажечь свет, он был бы замечен через щели. И они сели на расстеленный на полу плащ Сигвата.

— Могу я обнять тебя, — прошептал он, — в этом ведь нет ничего плохого...

— Я тоже так думаю, — сказала она.

И когда она положила голову ему на плечо, он принялся шепотом произносить одну песнь за другой.

В одних он шутил по поводу его слабости к ней, другие же были серьезными, прекрасными, преисполненными тоски. Иногда он употреблял слова, которых она не понимала, но она не останавливала его и не переспрашивала. И она не нашла, что сказать, когда он, наконец, замолчал; ей казалось, что она вот-вот заплачет.

— Теперь ты понимаешь, как я тосковал по тебе? — Он прижал ее к себе, не встречая с ее стороны никакого сопротивления, и его губы были на ее щеке. — Ты понимаешь, что я люблю тебя?

Сигрид прерывисто вздохнула. Это слово ни Эльвир, ни Кальв никогда не употребляли по отношению к ней.

Внезапно его рука коснулась ее груди, и она отпрянула назад.

— Сигват, ты поклялся...

Но она думала больше о данной им клятве, чем о своей чести.

— К черту все, в чем я клялся! — ответил он.

Она попробовала высвободиться, но он крепко держал ее. Она не могла даже закричать; если бы ее обнаружили здесь с Сигватом, ей было бы от этого мало пользы. И она прекратила борьбу.

После этого, когда он продолжал целовать ее снова и снова, в голове ее вертелась одна только мысль.

— Спасибо, Сигват! — прошептала она.

На следующий день, рано утром, он уехал, и Сигрид проводила его. И он вежливо и почтительно попрощался с ней, словно между ними ничего не было. И только взяв ее руку, он тайно пожал ее, улыбнувшись при этом ей своими теплыми глазами.

Все последующие дни Сигрид прислушивалась и приглядывалась, но ничто не свидетельствовало о том, что они были обнаружены; никто не подозревал их ни в чем.

Общее мнение выражали слова, сказанные как-то Рагнхильд: что Сигрид вела себя нелюбезно с Сигватом, натянуто разговаривая с ним в первый вечер, а на следующий день вообще избегая его. А он, благодаря за прием, так любезно улыбался ей!

Сигрид вздохнула с облегчением и уже перестала беспокоиться, когда в ней проснулся куда более сильный страх.

Она не подумала о возможности снова забеременеть. Тронд родился более семи лет назад, и она не хотела больше иметь детей. Она не могла поверить в это, впервые заподозрив о случившемся.

Но дни шли и уверенность ее росла.

Сначала она была вне себя от страха и отчаяния; она даже не осмеливалась думать об этом, безнадежно желая, чтобы все это оказалось дурным сном. Но настал день, когда ей пришлось посмотреть правде в глаза.

Это было незадолго до летнего солнцеворота; Сигрид наблюдала, как забирали ягнят у овец. Ее словно резануло по сердцу, когда она услышала жалобное блеяние ягнят, отделенных загородкой от своих матерей. И она подумала о ребенке, который должен был появиться на свет; о маленьком, незащищенном существе, о котором никто, кроме нее, не будет заботиться. И она испугалась, что кто-то придет и заберет у нее ребенка.

Она вспомнила Тору дочь Эльвира, у которой отобрали ребенка, но теперь, когда в стране было введено христианство, «выносить»

ребенка считалось беззаконием. И все-таки они захотят отобрать у нее ребенка, если только Кальв не прогонит ее вместе с ним со двора, на все четыре стороны. А если он и оставит ее при себе, то только затем, чтобы наказать, как это сделал отец Эльвира с Торой.

И она снова подумала о ребенке: возможно, у него будут такие же черные, как и у Сигвата, волосы, а мечтательные глаза будут видеть картины, которые никто больше не видит... Ребенок Сигвата... Она не смела додумывать эту мысль до конца.

Но она взяла себя в руки. Если она хочет выпутаться из этой истории, ее мысль должна быть ясной, как никогда.

Во-первых, сказала она самой себе, склонившись над изгородью и погладив за ухом блеющего ягненка, этот ребенок с таким же успехом может быть и от Кальва.

И почему кто-то должен подозревать ее? Если не считать слухов после смерти Эльвира, которые вскоре оказались ложными, о ней — и она это знала — никто ничего подобного не болтал. Эльвиру она была верна все прожитые с ним годы. Кальву тоже, хотя он и бывал долгое время в походах. Что же касается Сигвата, то люди считали, что она с ним чересчур сурова.

Если она будет вести себя так, чтобы не вызвать ни у кого подозрения, есть все основания для того, что никто, даже Кальв, не подумал, что здесь что-то не так.

Но что, если ребенок будет похож на Сигвата?.. Она гнала прочь эту мысль.

Главным для нее теперь было вести себя так, чтобы все думали, что это ребенок Кальва. И она попыталась представить себе, что бы она испытывала при этом.

Слишком радостной казаться не стоило, подумала она; все знали, что отношения между нею и Кальвом не из лучших. И она решила рассказать кому-нибудь об этом; тому, кто не умеет держать при себе тайны и у кого нет особых причин для скрытности.

Она решила поговорить с Рагнхильд; она знала, что если попросить ее никому не рассказывать об этом, то вскоре весь двор будет в курсе дела.

И когда Сигрид направлялась на кухню, блеянье ягнят уже не казалось ей таким жалобным.

И через несколько дней певички уже начали с улыбкой поглядывать на нее. Но когда Гьела дочь Халлдора спросила ее об этом

напрямик, она ответила лишь, что пока еще рано говорить что-либо наверняка.

Кальв был в Англии не долго; и он вернулся домой к празднику Иоанна*. Никогда его не встречали домохозяйки с такой затаенной радостью.

Даже Сигрид была как-то по-особенному мягка с ним, чего никогда раньше за ней не водилось.

Он рассказывал не очень много о своем посещении короля Кнута, зато привез от короля подарки.

И только когда они с Сигрид остались одни, он сказал, что король пообещал ему титул ярла и власть в Норвегии, если он защитит страну от короля Олава.

— Он считает, что для Хакона лучше иметь власть в Англии, — сказал Кальв. — Он думает, что ярл раскаивается в том, что нарушил свою клятву, и если король Олав вернется обратно, Хакон тут же перейдет на его сторону.

Потом Сигрид рассказала о приезде Сигвата и его намерении переговорить с Кальвом, упомянув о том, что Сигват считает пустыми обещания короля Кнута. И она сказала также, что он того же мнения о Хаконе ярле, что и король.

— Значит, король говорил о ярле правду, — сказал Кальв.

И когда Сигрид сказала, что ждет ребенка, он чуть не запрыгал от радости, словно юноша.

— Вот видишь, Бог милостив, — сказал он. — Он снова хочет дать нам радость, после того как мы потеряли твоих сыновей.

Сигрид никогда не чувствовала себя более ничтожной.

В последующие дни, наполненные его трогательной заботой о ней, ее самобичевание становилось все сильнее и сильнее.

Но очень скоро она взбунтовалась против этого чувства вины. Почему она должна быть виноватой одна?

Но хорошенько все обдумав, она решила, что Кальв должен быть в высшей степени благодарен судьбе за то, что случилось. Она вспомнила, как воспринял Эльвир первое посещение Эгга Сигватом.

* 27 декабря.

Но Кальв ничего не понял, когда Сигват гостил у него; он попросту толкнул их в объятия друг друга, позволив им отправиться одним в кладовую, чтобы посмотреть сотканые ею вещи.

И почему она должна чувствовать вину перед Кальвом? Он был более чем рад тому, что у нее будет ребенок, и если все будет хорошо, он будет считать ребенка своим. Какой вред ему принесет то, что он не знает, как обстоит все на самом деле.

Кстати, не ее вина в том, что произошло между нею и Сигватом. Во всем этом виновен Сигват; он дал клятву и нарушил ее.

Сигрид окружила себя этим чувством собственной невинности, словно крепостной стеной. И с каждым днем она чувствовала себя все более и более спокойно.

Но все-таки она не могла отделать от чувства того, что вела себя недостойно по отношению к Кальву; это ее раздражало: это чувство было подобно изменнику за ее крепостной стеной.

Однажды вечером, когда они с Ингерид дочерью Блотульфа сидели и болтали о прошлом, в защитное чувство Сигрид был забит первый клин.

Ингерид вспомнила об их давнишнем разговоре в хлеве, в Хомнесе.

— Я часто думаю о том, что в ту ночь ты сказала мне правду, — призналась она.

Вечером, уже лежа в постели, Сигрид вспомнила эти слова. Она вспомнила, как в тот раз Ингерид дурачила ее, утверждая, что Финн заманил ее в лес.

И она невольно пришла к выводу, что сама вела себя с Сигватом не лучше.

И когда в ее защитном чувстве появилась брешь, непрошенные мысли хлынули потоком. Она понимала, что должна была предвидеть все это. Но ей хотелось побыть с ним наедине; она не раз мечтала о том, чтобы это произошло. И, потребовав от него клятву, она просто хотела переложить всю вину на него.

Сомнений быть не могло; она разделяла вину с Сигватом.

И тут она вспомнила, как священник Энунд сказал ей как-то, что вину нельзя разделить с кем-то. И постепенно до нее стало доходить, что он имел в виду.

Ее вина была бы меньше, если бы она каким-то образом смогла предотвратить случившееся, взять на себя ответственность за все.

Вина же и ответственность Сигвата были его собственной ношей, нисколько не облегчавшей ее ношу. Она сама подбивала его на то, чтобы дать клятву, а затем нарушить ее и дать волю своей похоти...

Лежа в постели, Сигрид громко застонала.

Кальв заворочался, но не проснулся. Сев на постели, она закрыла ладонями лицо.

Теперь для нее было совершенно ясно, что Сигват и не думал выполнять свое обещание. Он хитростью заманил ее в ловушку.

Какие основания были у нее, чтобы доверять ему? Сигват был другом всех, как сказал Турир, и в женщинах он не испытывал недостатка. И независимо оттого, любил ли он королей и хёвдингов, он слагал в их честь стихи. Разве не были эти любовные песни обманом, помогающим ему завоевывать многих женщин?

И теперь он наверняка смеется над гордой госпожой Сигрид из Эгга, позволившей так легко соблазнить себя...

Думая об этом, она чувствовала, как на щеках ее горит румянец стыда. Да, она получила то, что заслуживала.

А Кальв, лежащий рядом с ней... возможно, он и смог бы предотвратить случившееся, да и слова Внунда были здесь к месту... Ее вину никто не мог разделить с ней, вина была целиком ее.

Сигрид наконец поняла, что согрешила — и не только против христианских правил, но и против более древнего закона этой страны. И все-таки она продолжала цепляться за мысль о том, что это не обнаружится, что никому не принесет ущерба — ни Кальву, ни ребенку, который должен появиться на свет.

Что касается Кальва, то он весь светился радостью, и она знала, что он ждет сына, хотя и не говорил об этом. Она вдруг подумала, что он беспечен, как человек, не подозревающий, что горная тропинка, по которой он ступает, может превратиться в оползень.

Внезапно она представила себе его, взбирающегося на гору лжи и фальши, которую выстроила для него она, гору с трещинами, ползучими камнями и валунами над пропастью. И то, что он сам не понимал этого, не уменьшало опасности обвала, из-под которого ему, возможно, так и не удастся выбраться.

А это легко может привести к несчастью их обоих; ложь, обнаруженная им в ней, ее проступок — все это подорвет его доверие к ней. К тому же как может она быть уверена в том, что Сигват не

проболтается? И что, если ребенок так будет похож на Сигвата, что Кальв это заметит?

Чувствуя безграничное отчаяние, она дала волю слезам.

— Сигрид, ты плачешь? — спросил Кальв, проснувшись.

Несмотря на отчаяние, она не могла не ощутить раздражения. Разве он сам не слышит, что она плачет?

Но когда он захотел узнать, в чем дело, она предпочла оставить его вопросы без ответа.

— Я не могу тебе ответить, — сказала она, пытаясь улыбнуться, и это у нее получилось плохо. — И тебе не стоит всерьез принимать мои слезы.

Кальв вздохнул.

— Покажи мне того мужчину, который может понять настроение женщины! — сказал он.

В конце концов Сигрид стало трудно скрывать свои мысли под личиной беспечности, которую она демонстрировала Кальву и всем остальным.

У нее было не только ощущение того, что она поступила с Кальвом несправедливо, у нее появилось новое для нее чувство вины — вины в том, что она нарушила заповедь Бога. Впервые она поняла, что заставило Эльвира плакать над своими грехами.

Исповедь была для нее долгом, который она нехотя выполняла; теперь же она горела желанием довериться Энунду и снять с себя тяжесть вины, но она не осмеливалась это сделать, она боялась, что он потребует, чтобы она во всем созналась Кальву.

В последнее время она ходила в церковь в Стейнкьере чаще обычного, и она много думала о своем разговоре с Эльвиром, который произошел там.

Однажды Энунд подошел к ней в церкви.

Она стала спрашивать его о многих вещах, касающихся писания; и под конец она осмелилась заговорить о том, что действительно занимало ее.

— Если какая-то женщина признается тебе на исповеди в том, что изменила мужу, — сказала она, — ты потребуешь от нее, чтобы она призналась в этом и ему?

— У тебя есть причина спрашивать об этом? — сказал Энунд, пристально глядя на нее; по сдавленному звучанию ее голоса он понял, что здесь что-то не так.

— Просто я хочу знать.

— Сомневаюсь, что бы я потребовал это от нее, — сказал Энунд. — Долг священника — сделать все, чтобы сохранить семью. И если женщина сознается в этом мужу, брак разлетается на куски и оба становятся несчастными. Я бы наложил на нее другое покаяние.

Они стояли у выхода, и он внимательно изучал ее лицо, освещенное падающим через открытую дверь светом.

Она отвела взгляд.

— Не лучше ли будет освободиться от того, что мучает тебя, Сигрид? — спросил он.

И она со слезами на глазах бросилась к ногам священника.

— Сигрид, Сигрид, — сказал он, когда она закончила свой рассказ, — теперь ты видишь, к каким несчастьям ведет недостаток любви?

— Мне кажется, все как раз наоборот, — сказала Сигрид. — Если бы мне не нравился так Сигват...

— То, что ты чувствуешь по отношению к Сигвату Скальду, не есть истинная любовь, — перебил ее Энунд. — Любовь не терпит непристойности, сказал святой Павел.

— Что же я тогда испытывала к нему? — растерянно произнесла она.

— Плотское желание, — сухо ответил Энунд. — И ты делаешь ту же ошибку, что и многие другие, называя это любовью.

Закрыв ладонями лицо, Сигрид некоторое время молчала.

— Как же следует понимать то, что человек нравится тебе? — наконец спросила она. — Я была уверена в том, что мне нравится Эльвир, а этой зимой мне показалось на миг, что мне нравится Кальв.

— Тебе никогда не нравился Кальв, — сказал священник, — иначе ты бы не поступила с ним так. Нравился ли тебе Эльвир, я не могу сказать.

Сигрид молчала. Она не знала, была ли ее любовь к Эльвиру связана с чем-то подобным.

— У тебя всегда было ощущение того, что Кальв тебе чем-то обязан, не так ли? — немного помолчав, спросил Энунд.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что Эгга и власть лендмана пришли к нему благодаря тебе.

— Возможно, ты в этом прав, — подумав, ответила она.

— Теперь же ты в долгу у Кальва, Сигрид, и этот долг ты никогда не сможешь оплатить. Ты понимаешь?

Она опустила голову, ничего не ответив.

— Даже если ты будешь добра с ним всю свою оставшуюся жизнь, ты не сможешь вернуть ему этот долг, — продолжал священник. И Сигрид опустила голову еще ниже. — Первое, что я хочу, чтобы ты сделала, ища прощение у Бога, так это приняла близко к сердцу свой долг перед Кальвом, — продолжал он. — И если тебе покажется, что он относится к тебе не так, как прежде, вспомни, что ты заслуживаешь с его стороны жестокости и презрения. И если тебе захочется тоже быть жестокой по отношению к нему, вспомни, как ты поступила с ним!

Я же наложу на тебя такое покаяние, которое, я надеюсь, научит тебя смирению и кротости по отношению к Кальву и другим людям, а также истинной любви и раскаянию по отношению к Богу.

И я надеюсь, что это научит тебя, наконец, прощать чужие грехи.

— Если ты имеешь в виду короля Олава, я не думаю, что здесь что-то изменится, — тихо сказала она.

— Я думаю именно о нем, — ответил Энунд. — Это имеет отношение и к нему.

Сигрид ничего не ответила. И она не была согласна с ним.

На исходе лета она узнала от Кальва, что Сигват Скальд отправился в Рим. Он хотел искупить какой-то грех, но никто в точности не знал какой.

СТИКЛЕСТАД

Кальв стоял во дворе и смотрел, как делают новую торфяную крышу на старом зале. Работники уже выкладывали крышу берестой, и он бросал взгляды на облака, движущиеся с севера; приближалось ненастье. Потом он пошел в кузницу, чтобы поторопить людей.

В промежутке между севом и сенокосом предстояло сделать много дел как мужчинам, так и женщинам. Нужно было привести в порядок дома, изгороди, инструменты, нарезать ивовые прутья и сплести корзины; надрать бересты, прополоть лен, а прошлогодний лен прочесать.

В этот год Кальв проявил особую заботу о том, чтобы все было сделано наилучшим образом.

Весной пришли слухи о том, что король Олав покинул Гардарики, где он находился с тех пор, как сбежал из Норвегии. Говорили, что он теперь направляется на запад.

Думая о том, что он может погибнуть в предстоящем сражении, Кальв решил оставить хозяйство Сигрид и детям в наилучшем состоянии.

Дети... Кальв не мог отрицать, что был несколько разочарован, когда среди зимы Сигрид родила дочь.

Он хотел назвать ее Торой в честь своей матери, но Сигрид упросила его дать девочке имя в честь святой. И ее назвали Суннивой.

Суннива дочь Кальва, думал он. Это звучало не очень привычно; ему не нравились эти новые имена. Тора было

бы лучше. Но он присутствовал при рождении ребенка и поэтому не мог отказать ей в ее просьбе. И в глубине души он не считал это имя плохим. В честь его матери была уже названа дочь Торберга. Да и ребенок не менялся оттого, какое имя ему придумывали; к тому же было совсем неплохо для девочки иметь заступницей святую Сунниву.

В любом случае девочка была красивой и здоровой, хотя Кальв был несколько удивлен, откуда у нее такие черные глаза. Но он успокоился, когда Сигрид сказала, что мать ее была темноглазой.

Кальв гордился своей дочерью; и вскоре он уже перестал сожалеть о том, что это не сын. К тому же он думал, что сыновья могут родиться и потом; если у них есть один ребенок, то может быть и больше.

Он считал, что на Сигрид благотворно подействовало рождение дочери. В последнее время она стала спокойнее, в ней появилась мягкость и заботливость, которых он раньше в ней не находил. Он полагал, что это также связано с его отходом от короля Олава, на которого она была так зла.

Он вспомнил, как приехал однажды весной из датского похода; ему было так скверно, что он сознательно напивался — и не один раз, — чтобы только избежать ее упреков.

Теперь же он снова начал разговаривать с ней о многих интересующих его вещах, как это бывало в первые годы их женитьбы. Он находил у нее мудрость и здравый смысл и нередко советовался с ней, в особенности, когда дело касалось принятия важных решений.

Она стала добрее и к другим; стала проявлять заботу о бедных и страждущих в деревне. И Кальва это тоже радовало, поскольку это укрепляло его добрую славу в округе.

Когда же дело касалось короля Олава, она оставалась по-прежнему неумолимой, он заметил это ясно, когда речь зашла об отъезде короля из Гардарики. И он старался не посвящать ее в свои мысли о короле.

Кальв подошел к кузнице.

Внутри был только Гутторм, если не считать раба, раздувающего для него меха, придурка, на которого никто не обращал внимания. Гутторм делал большую часть кузнечных работ в хозяйстве. Он был хорошим кузнецом, хотя и не самым искусным.

Теперь он занимался отбивкой кос, готовя их к предстоящему сенокосу.

— Что нового о продвижении Олава? — спросил он, увидев Кальва.

— Он должен быть еще в Свейе, — ответил Кальв. — И говорят, что он получил подкрепление от шведского короля Энунда.

— Я надеюсь, что обменяюсь с ним ударами меча, если он сунется в Трондхейм, — сказал Гутторм. Он взял щипцами косу и примерился к острию.

— С тебя станется, — сказал Кальв. — Хотя лично я думаю, не будет ли лучше, если король Кнут поставит на защиту страны свое датское войско. И если Олав приведет с собой шведов, мы, норвежцы, останемся в стороне и предоставим им возможность убивать друг друга.

— Не очень-то ты горишь желанием выступить против короля Олава, — сказал Гутторм, откладывая в сторону косу, чтобы она остыла. Потом положил на огонь другую, осмотрел следующую.

Некоторое время Кальв стоял и молча смотрел на него. Гутторм работал быстро; и вот еще одна коса была готова.

В последнее время Кальв близко сошелся с Гуттормом. И он очень высоко ценил его как человека, на которого можно всегда положиться и с которым можно говорить обо всем, не опасаясь, что он расскажет об этом кому-то.

Думая об этом, он невольно улыбнулся. Ему досталось от Эльвира так много: хозяйство, вдова, сыновья, власть во Внутреннем Трондхейме и вдобавок ко всему его лучший друг!

— Я не уверен в том, что моя любовь к королю Кнуту намного сильнее, чем к Олаву, — наконец сказал он. — И мало надежд на то, что Кнут сдержит обещание, данное мне в Англии в прошлом году, что хочет сделать меня ярлом. Он пообещал то же самое Эйнару Брюхотрясу.

— Я слышал об этом, — сказал Гутторм. — Но Тамбарскьелве получил отказ, когда после того, как Хакон ярл утонул, он отправился к Кнуту и потребовал, чтобы тот выполнил свое обещание.

— Я слышал, что он получил более, чем отказ, — сказал Кальв. — Король сказал ему, что вообще не хочет иметь ярла в Норвегии; он хочет послать сюда своего сына Свейна в качестве короля. И от этого мне станет не лучше, чем Эйнару.

— Это верно, — заметил Гутторм. Он принялся закалять косы, хорошенько разогрев их.

— Некоторые говорят, что Хакон ярл погиб не на море, — продолжал Кальв. — Говорят, что когда он осенью прошлого года отправился из Англии на Окреней с известием для короля Кнута, он был убит по приказу короля.

— Подобные слухи не усиливают доверия людей к Кнуту, могу за это поручиться.

— Да, — сказал Кальв. Он долго стоял и молчал, потом произнес: — Последнее время я думаю о том, не лучше ли будет нам выторговать у Олава подходящие для нас условия, чем ждать их от такого лживого короля, как Кнут.

— Как тебе известно, у меня свой счет с королем Олавом, и я думаю, у тебя тоже, после того, как он убил твоих приемных сыновей, — сказал Гутторм, не глядя на Кальва и продолжая заниматься своим делом.

— Четверо моих братьев служат Олаву, — сказал Кальв. — И поскольку король Кнут склонен обманывать меня так же, как и Олав, чаша весов клонится к последнему.

— Я понимаю, — сказал Гутторм. — И я не осуждаю тебя за это.

Когда они через час вышли из кузницы, начался дождь, и Кальв подумал о недоделанной крыше над старым залом.

Вечером Кальв был задумчив и молчалив. Но Сигрид так и не узнала, что занимает его мысли.

И после того как он уснул, она лежала и думала об этом, а также о многих других вещах.

Они спали теперь в одной из кладовых, пока старый зал приводился в порядок. В зале теперь спали другие, и Сигрид, не привыкшая спать в тесном помещении, чувствовала, что ей не хватает воздуха и простора.

У нее снова начались кошмары, как это было в первое время ее беременности Суннивой. И она подумала о том, чтобы принести в кладовую метелку, предотвращающую дурные сны, которая раньше висела у нее в спальне.

К тому же было совершенно ясно, на кого похожа Суннива. Да и роды прошли на этот раз труднее; при этом она опасалась, что ее

заставят назвать имя подлинного отца, чего она сделать не могла. Тем не менее, все обошлось, и все были уверены в том, что это ребенок Кальва.

Сама же Сигрид не сомневалась в том, что отцом ребенка был Сигват. У девочки были темно-карие глаза и темные волосы; она обещала стать красавицей. И она не могла понять, почему некоторые говорят, что девочка похожа на Кальва, — люди видят то, что хотят видеть, думала она, хотя это ее радовало. Она была рада и тому, что Кальв без лишних вопросов воспринял ее слова о том, что мать ее была темноглазой. Энунд сказал ей, что если он спросит ее об этом напрямик, ей придется все рассказать ему. Что же касается матери, то здесь она не соврала, хотя мать ее и не была такой темной.

Тем не менее, Сигрид мучала совесть, когда она видела, что Кальв любит девочку и гордится ею; она чувствовала себя изменницей.

Но она сделала в этот последний год все, чтобы быть заботливой и доброй к нему. Не всегда ей это удавалось, но это получалось у нее гораздо лучше, чем в первый год их женитьбы.

И она стала замечать, что радуется, когда доставляет ему радость.

С Эльвиром все выходило само собой; они настолько были близки друг другу, что не могли не делить скорби и радости. С Кальвом же было не так. Радость видеть его счастливым соседствовала у нее с ощущением того, что ее долг перед ним за содеянное против него зло никогда не станет меньше.

В течение последнего года она много размышляла по поводу греха и искупления; подобный настрой был чужд всему тому, чему ее учили с детства.

Она спросила у Энунда, почему Бог, повелевающий всем в мире, допускает, чтобы человек грешил. Но Энунд ничем не помог ей в этом. Он сказал, что не может ответить на этот вопрос и что человек должен полагаться на Бога во всем. В конце концов своей смертью Христос искупил всех грехи человеческие.

Этот туманный ответ не мог успокоить Сигрид. И только вспомнив сожаления Эльвира по поводу того, что он не послушался Энунда и отведал жертвенной пищи, она приняла его слова без дальнейших пояснений.

Сознание собственной вины и Христова искупления привело ее к более глубокому пониманию Божественной любви. На этот раз дело

касалось греха, сущность которого она ясно себе представляла и последствия которого видела — она знала это не только со слов священника. Она понимала, что нуждается в прощении Бога. Священник объяснил ей, что любовь Бога к каждому отдельному человеку так велика, что грех против своих близких есть грех против Бога.

И она была рада тому, что сможет покаяться; чувство раскаяния шло у нее изнутри. Тем не менее она спросила Энунда, зачем нужно каяться, если все грехи человеческие искуплены смертью Христа.

— Христово искупление спасает тебя от вечного наказания, — ответил он. — Но это не означает, что ты наверняка предстанешь перед Богом. Прежде, чем предстать перед ним, человек должен очиститься. Покаяние — это очищение при жизни, после смерти же, если в этом есть необходимость, очищение продолжается — в очистительном огне.

Он наложит на нее покаяние, призванное укрепить ее любовь к ближнему, сказал он в тот раз, когда она исповедовалась ему в своих отношениях с Сигватом. И он обязал ее заботиться в деревне о больных, бедных и странниках. Это оказалось легче, чем она думала, в особенности тогда, когда она думала о том, что сама была близка к тому, чтобы взять в руки посох странника.

И только когда священник говорил ей о короле Олаве, он ничего не мог от нее добиться; в своей ненависти к королю она была тверда, как камень. Она не хотела слушать его, когда он говорил, что это отдаляет ее от христианства. И она сердилась на священника, считая, что он делает из ее ненависти стену между нею и Богом.

— Ты говоришь, что человек имеет право поднимать меч против зла и безбожности, — сказала она ему. — Если это так, значит я имею право бороться против короля Олава.

— В любом случае ты можешь попросить Бога помочь тебе понять, что тем самым ты грешишь, — ответил он.

Но Сигрид не стала этого делать. Она считала, что дело ее правое, что этим она ничуть не беспокоит Господа.

И она радовалась, думая о войске, которое собиралось, чтобы идти против Олава.

Сыновья Эрлинга Скьялгссона отправились на восток в Викен со своими дружинами, на случай, если он будет двигаться этим путем. А из Вестланда и Халогаланда народ собирался в Трондхейме, чтобы

вместе с местными жителями дать ему отпор, если он осмелится перейти через горы.

Ее нетерпение росло с каждым днем по мере приближения той развязки, о которой она мечтала. Она была уверена в том, что на этот раз королю не удастся улизнуть.

Сигрид прислушивалась к размеренному дыханию Кальва, лежащего рядом с ней. Он всегда легко засыпал, и она подумала о том, что вряд ли что-то может вывести его из равновесия. Он предпочитал жить размеренно, будь то шторм или битва вокруг него.

Через два дня после этого Кальв поехал в Гьёвран, чтобы поговорить с Финном Харальдссоном. Сигрид тоже поехала с ним; она не виделась с Ингерид уже две недели и теперь ей хотелось поболтать с ней.

Там были гости; старшая дочь Раннвейг, вышедшая замуж за бонда из Лунда, с мужем и ребенком.

Женщины болтали о своих делах, мужчины же беседовали о продвижении Олава Хральдссона.

Кальв сказала, что слышал от недавно прибывших из Свейна людей, что Олав точно намеревается посетить Трондхейм.

— Его ждет здесь теплый прием, — сказал Финн.

Но позже вечером Кальв сказал Финну, что хотел бы поговорить с ним наедине.

Они поднялись на холм, где уже начинался лес и откуда открывался вид на Эгга и на фьорд. Зимой было много снега, и он все еще лежал на горах, сверкая на солнце.

Глубоко вздохнув, Кальв устремил взгляд к горизонту.

Это были его владения, здесь протекала его жизнь. И если жившие здесь люди были привязаны к нему клятвой верности, то и он сам был не менее сильно привязан к ним. И все-таки ему оставалось лишь гадать настолько ли велика их привязанность к нему, чтобы следовать за ним в его планах, в которые он теперь намеревался посвятить Финна.

Его взгляд снова вернулся к Финну. За те годы, что Кальв был лендманом, Финн стал влиятельным и всеми уважаемым человеком в округе; и теперь его поддержка много значила для Кальва.

Финн молча слушал, когда Кальв рассказывал ему, что у него все больше и больше зрела уверенность в том, что не следует полагаться

на короля Кнута, и что датское владычество без ярла Ладе ничего хорошего стране не принесет.

— Судя по твоим словам, тебе лично это не принесет большой выгоды, — заметил Финн.

— Это верно, — признался Кальв. — И я думаю, что было бы лучше заключить с королем Олавом мир. Король и раньше проявлял здравый смысл, сталкиваясь с превосходящей его силой. И если бы я мог поторговаться от имени всего Трондхейма, а, может быть, и от имени жителей Халогаланда и Вестланда, он, возможно, пошел бы на выгодную для всех нас сделку.

— В особенности для тебя, — сухо заметил Финн.

— Если уж на то пошло... — Кальв раздраженно тряхнул головой. — Ты считаешь, что то, что на пользу мне, то во вред Трондхейму?

— Нет, — ответил Финн и задумался. — Я думаю, что большинство местных жителей больше доверяют тебе, чем королю Кнуту, — добавил он, — хотя тебе придется приложить немало усилий, чтобы они снова присоединились к Олаву. Это может произойти, если ты распространишь слух о том, что Хакон ярл погиб в результате предательства. Тогда ты наверняка можешь рассчитывать на то, что за тобой пойдут и жители Внешнего Трондхейма.

Что же касается жителей Халогаланда и Вестланда, то я могу сказать только то, что Турир Собака вряд ли согласится на мир. Когда я разговаривал с ним весной, он был настроен очень воинственно.

И как ты думаешь сойтись с королем, чтобы торговаться с ним?

— Когда он приблизится к шведской границе и будут зажжены сигнальные костры, я с небольшой группой людей отправлюсь на восток, — сказал Кальв. — И если я встречу его вблизи границы, я передам войску о его согласии заключить мир до начала сражения.

Меня очень удивит, если жители Трондхейма не захотят прочного мира, учитывая то, что хлеба еще не скошены, а войско короля готово грабить и жечь все подряд. И если трондхеймцы откажутся выступить, все остальные тоже вряд ли решатся на борьбу.

Финн снова задумался.

— План неплохой, — сказал он наконец. — И обо мне никто никогда не говорил, что я не умею делать больших ставок. Я поеду с тобой к королю, если тебе понадобится моя помощь.

Кальв протянул ему руку; на это он и рассчитывал. Теперь ему не придется говорить одному от имени бондов. И потом, когда он привезет в ополчение известие о мире с королем, поддержка Финна ему еще больше понадобится.

Обменявшись рукопожатием, они вернулись в зал.

И только через несколько дней Сигрид узнала, о чем говорили Кальв и Финн в тот вечер.

И когда сигнальные костры дали знать о начале похода, Кальв решил отправиться на восток вместе с двумя своими дружинниками.

— Куда это ты собрался? — спросила Сигрид. Они стояли в спальне, и он застегивал на плече свой плащ.

— На восток, чтобы встретить короля Олава, — коротко пояснил он.

Из рук Сигрид вывалился его шлем и со звоном упал на пол.

— Что же ты хочешь от него?

— Попробую заключить с ним мир.

Она почувствовала, как у нее пересохло во рту.

— Мир с Олавом? — выдавила она из себя.

— Да, — ответил он.

Никогда в жизни Сигрид не теряла так голову; она сама не понимала, что делает. Она плакала, умоляла, упрасивала Кальва не ехать туда.

Но он убрал ее руки, когда она бросилась ему на шею.

— Не пытайся уговаривать меня, — сказал он. — Я уже обдумал все и решил, что так будет лучше.

— Как ты можешь считать, что это будет лучше? Ты что, свихнулся?

От возбуждения на щеках Сигрид выступили красные пятна, слова ее лились водопадом, без всякого ожидания ответа.

— Разве ты забыл о болезненном властолюбии и самодовольстве Олава? И почему ты думаешь, что он не убьет тебя, если ты попадешь в его руки? Ты же сам рассказывал о том, как он поступил с послами! Разве ты забыл о том, что он изменил тебе? Разве ты забыл о тех страданиях, которые он причинил мне? Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Не надо, Сигрид! — ответил он, отстраняя ее от себя. Сначала он ответил на ее последний вопрос: — Если бы ты могла задуматься

над своими собственными словами, ты поняла бы, почему я не посвятил тебя в свои планы.

Что же касается всего остального, то у меня есть причины, чтобы поступать так. Могу уверить тебя в том, что я хочу лишь честного мира с королем.

Но Сигрид не желала слушать его. И когда он оттолкнул ее и вышел, она бросилась, рыдая, на постель.

Она не могла поверить, что он вот так мог покинуть ее. Он должен был изменить свое решение, думала она; он должен был вернуться, чтобы утешить ее.

Но она слышала во дворе его голос, а потом стук копыт, когда он со своими людьми уезжал со двора.

Придя в себя, Сигрид первым делом направилась в Стейнкьер, чтобы поговорить со священником Энундом.

Когда она постучала в дверь, он крикнул, чтобы она вошла. Распахнув дверь, она бросилась к нему.

— Теперь ты можешь прекратить разговоры о том, что я чем-то обязана Кальву! — воскликнула она. — Теперь мы квиты; он изменил мне в той же мере, в какой я изменила ему. За моей спиной он вынашивал планы о заключении мира с королем Олавом. И теперь он отправился к королю, не думая о мести за тот ущерб, который понесла я!

Она замолчала и только тут заметила, что они с Энундом не одни: священник Йон тоже был там.

— Если Кальв отказывается удовлетворить твою греховную жажду мести, твой долг перед ним не только не уменьшился, но еще и увеличился, — сказал Энунд.

— Мой долг перед ним увеличится в тот день, когда я увижу на его мече кровь Олава Харальдссона!

Энунд тяжело вздохнул.

— Более двадцати лет ты знакома с христианством, Сигрид, — сказал он, — и девять лет назад ты крестилась. Сколько еще времени потребуется, чтобы ты поняла, что ненависть и кровавая месть — это грех?

Священник Йон кашлянул.

— Можно мне сказать? — осторожно спросил он.

— Конечно, — ответил Энунд.

— Можно ли ожидать от людей, видевших, что христианство вводилось с помощью меча и насилия, чтобы они понимали, что это грех с точки зрения христианства?

Энунд пристально посмотрел на него.

— Возможно, ты и прав, — неспеша произнес он. А священник Йон продолжал:

— Введение христианства с помощью насилия и жестокости принесло большой вред стране. Мы благодарны Богу за то, что он с нами, но мы не можем ожидать от людей, на глазах которых калечили и убивали их друзей и близких во имя нового учения, что эти люди воспримут призыв к добру и любви. И я не думаю, что Всевышний тоже ждет от них этого.

Он повернулся к Сигрид, виновато взглянув при этом на Энунда.

— На мой взгляд, нет ничего удивительного в тех чувствах, которые ты испытываешь к королю, — сказал он. — Я тоже был в Мэрине, и мне тоже не понравился король. Но, возможно, тебе поможет то, что утешило в свое время меня: мы должны любить ближнего, но из этого не следует, что этот человек должен нам нравиться. Ведь для того, чтобы любить человека во Христе и желать ему Божьей благодати, вовсе не требуется, чтобы человек этот нам нравился.

Ты не можешь принуждать себя к тому, чтобы тебе нравился Олав. Но ты можешь делать ему добро, несмотря на то, что ты ненавидишь его; ты можешь упоминать его имя в молитвах и заказывать в его честь мессы. И это дело добровольное, ты можешь делать это, даже ненавидя его и желая ему смерти.

— А что, если тот, кого ненавидишь, настолько зловреден, что не заслуживает ни молитв, ни мессы?

— Тогда тем более нужно за него молиться, — сказал священник Йон. — И это нужно делать из-за любви к Богу, потому что Он желает спасения всем нам, даже самым злым.

Если ты желаешь смерти конунгу, то, я надеюсь, ты не желаешь ему вечного проклятия?

— Нет... — торопливо сказала Сигрид. Так далеко она в своих помыслах не заходила.

— В таком случае, я не думаю, что ты будешь испытывать к нему ненависть, если сознательно воспротивишься этому, — заключил священник Йон.

Сигрид молча сидела на скамье, опустив глаза. Энунд тоже молчал, и через некоторое время священник Йон снова заговорил:

— Не стоит откусывать больше, чем ты можешь за один раз проглотить, — сказал он, — я знаю это по своему опыту. Лучше братья за посильные для себя дела. Ведь если ты не научился делать малое, у тебя не получится ничего великого и значительного. Приучая себя к повседневному самоограничению, я научился пренебрегать едой и питьем, к которым меня тянуло, смог укрепить свою волю.

И когда у меня возникла необходимость в более значительной жертве, моей первой мыслью не было спасение собственной жизни.

Со временем я понял, почему Бог не захотел слушать меня, когда я просил Его о помощи в кузнице в Гьёвроне: я умолял Его о спасении моей ничтожной жизни, тогда как о спасении Блотульфа и его души я не сказал ни слова.

Сигрид посмотрела на него. Она заметила, что он уже не такой толстый, как раньше; она подумала, что благодаря Блотульффу он умерил свою прожорливость. Но спросить об этом она не решилась.

После этого разговора Сигрид почувствовала в себе какой-то просвет; она больше не испытывала ненависти к королю, отдаляющей ее от христианства. И она молилась за блаженство его души, не желая при этом ему удачи в земной жизни. Блаженство души он не мог отнять ни у Эльвира, ни у ее сыновей. Она заставляла себя желать, чтобы при первом же подходящем случае его душа обрела блаженство...

Со всех концов в Вердален стекались воины, там собиралось ополчение.

Через день после отъезда Кальва и Финна, из Эгга и Гьёврана отчалили корабли. Хёвдингом на корабле Кальва был Гутторм Хальдссон; двое его сыновей тоже были с ним.

— Если дело дойдет до сражения, ты можешь быть уверена в том, что один человек помнит Эльвира, — сказал он Сигрид перед тем, как уйти.

Многие шли пешком; отовсюду шли люди со щитами за спиной, копьями в руках и топорами на плече. Никогда в Трондхейме не собиралось такое ополчение; даже старики и юнцы тронулись в путь. Они говорили, что если не годны ни на что, то будут просто швырять камни и стрелять из лука.

Сигрид думала о поездке Кальва; она не понимала, как он мог вбить себе в голову выступать посредником между королем Олавом и этими людьми.

Она вообще больше не понимала поступков Кальва. Она была раньше уверена, что знает его, знает, чего от него можно ожидать, и она презирала его за то, что он был слабее ее духом.

Теперь же она испытывала к нему злобу и горечь, но презрения уже не было и в помине. Она начинала понимать, что ошибалась, считая его приветливость признаком слабости. Она вспоминала прошедшие дни; она вспомнила первое впечатление, которое произвел на нее Кальв: Кальв был спокойным и уравновешенным перед лицом Олава в Каупанге. Она вспомнила также, что он отказался дать королю клятву верности, тогда как братья его сделали это.

Однако Сигрид всегда думала, что имеет над ним власть, тогда как другие такой власти не имели, и считала, что всегда может обвести его вокруг пальца. Теперь же ее удивляло то, что иногда он поддавался ей в делах, имевших для него значение.

И если он чувствовал ее превосходство, почему же тогда он до самого последнего дня не говорил ей о своей поездке к королю?

Она без конца думала об этом, не находя ответа. И постепенно она перестала на него злиться.

Она слушала восторженную болтовню Тронда о приемном отце; восхищение и любовь мальчика к нему были очевидны. Она размышляла о том, что подразумевает Кальв под честным миром; может быть, он имел в виду выкуп, причитающийся Тронду за убийство его отца?

И чувство вины снова наполняло ее, когда черные глаза Суннивы улыбались ей, совсем как глаза Сигвата.

Она думала также о поездке Сигвата в Рим. Она была рада тому, что он отправился туда, чтобы покаяться в совершенном им грехе. Разумеется, в другом случае ее не радовала бы его поездка; его поступок свидетельствовал о том, что она не была лишь одной из многих, кого он соблазнил. И она надеялась, что в ее радости по этому поводу нет ничего дурного.

И она с облегчением думала о том, что он еще не вернулся в Трондхейм. Ведь после того, что он рассказал ей о своем отношении к королю Олаву, он наверняка бы стал сражаться на стороне конунга. Она бледнела при одной мысли о том, что они с Кальвом могут поднять меч друг на друга и кто-то из них может убить другого.

Но больше всего ее занимала мысль о встрече Кальва с королем. Она мысленно представляла его себе вместе с Финном и тремя дружинниками, которых они взяли с собой, скачущих верхом через леса, чтобы встретить конунга и его войско. И она восхищалась его мужеством. Временами она мечтала о том, чтобы дело дошло до сражения, мечтала о смерти короля, при этом остерегалась даже думать о том, что с Кальвом может произойти несчастье.

Она начала строить планы о том, что ей следует делать, если все у него получится; короля можно будет убрать каким-то другим способом.

Она начала уже всерьез ожидать известий, когда однажды, идя через двор, она остановилась и посмотрела на тучи.

Надвигается ненастье, подумала она; она не могла припомнить ничего подобного. На землю упала жуткая тьма. Перекрестившись,

она пробормотала молитву о заступничестве святой девы. Потом пошла собирать разложенную для просушки пряжу — и тут хлынул ливень.

Вечером того же дня пришло известие; во двор прискакал один из парней, сопровождавших Кальва на восток.

— Крестьянское ополчение победило! Конунг Олав погиб! — крикнул он, въезжая во двор. Голос его был охрипшим до неузнаваемости.

Из домов выбежали люди, окружили его; когда подошла Сигрид, они, косясь на нее, расступились.

Когда она подошла, человек уже слез с коня.

— Кальв Арнисон послал меня с известием, — сказал он, и тут голос у него совсем сорвался. — Полдня я выкрикивал команды, — прошептал он. — А по пути сюда выкрикивал новость каждому встречному.

— Входи и садись, Кьетиль, — сказала Сигрид. — Ты устал.

Он пошел за ней на кухню, и она послала одну из девушек за пивом. Он много выпил, прежде чем начать рассказывать.

— Кальв ранен? — спросила она.

— Нет, — ответил он.

— Как прошло его посещение короля? — продолжала спрашивать она.

— Какое посещение? — Кьетиль оглянулся по сторонам, и Сигрид поняла, что спросила о том, о чем не следовало спрашивать.

— Войска встретились недалеко от Хауга в Вердалене, — сказал он Сигрид и всем собравшимся на кухне, — в том месте, где проходит дорога на Лексдалсваннет. Это было великое сражение с большими потерями с обеих сторон, но больше среди людей короля. Воины короля сражались отчаянно, но наших было почти вдвое больше, и никто не сомневался в том, кто одержит победу.

Боевое знамя Кальва Арнисона было главным для всего крестьянского войска, сказал он далее. Турир Собака отчаянно сражался под своим боевым знаменем вместе с халогаландцами. Говорят, что это он убил короля.

— Ты уверен в этом? — уставясь на него, спросила Сигрид.

— Никто ничего толком не знал, когда я покидал поле битвы, — ответил Кьетиль. — Не известно пока, кто остался в живых, а кто

погиб. Единственное, в чем я могу поклясться, так это в том, что король погиб, я видел его труп, и что Кальв Арнисон и Турир Собака живы, потому что я видел их после сражения, и я никогда не видел сразу столько убитых и раненых.

— Во время сражения шел дождь? — спросила Сигрид, думая о ненасти, разыгравшемся в деревне.

— Нет, — ответил он. — Стало очень темно, но дождя не было.

— Кальв не говорит, когда он собирается вернуться домой?

— Он сказал, что вернется на своем корабле домой, как только узнает, что стало с его братьями, — ответил Кьетиль. Потом они с Сигрид вышли во двор, потому что ей нужно было спросить у него кое-что наедине.

— Расскажи мне о посещении Кальвом короля, — сказала она.

— О каком посещении? — снова спросил он. И она поняла, что ему был дан строгий наказ молчать.

У Сигрид было такое чувство, будто все нереально.

Конунг Олав мертв, снова и снова говорила она самой себе. Ей следовало радоваться; Эльвир и сыновья ее были отомщены, настал момент, которого она страстно желала более девяти лет.

И мечь осуществил Турир; всем должно быть известно, чью кровь пролил Олав Харальдссон.

Олав Толстый, подумала она. Она мысленно представила его себе сидящим в Мэрине, тучного и самодовольного, осуждающего людей на смерть и пытки.

Она пыталась представить его себе, когда он выносил смертный приговор Туриру и отказывался слушать мольбу Кальва за своего приемного сына.

И вот он лежит мертвый в Вердалене.

Но она с удивлением обнаружила, что не рада этому. У нее было лишь приглушенное чувство боли, которое она не могла объяснить.

Какая польза была ей от того, что король Олав мертв и что погиб он от руки Турира? Эльвир по-прежнему лежал мертвый в Мэрине, сыновья ее уже никогда не вернуться назад. Жажда мести, поддерживающая в ней жизнь, была утолена, и теперь у нее не осталось ничего, кроме пустоты.

Что же теперь оставалось ей в жизни? — думала она, метаясь по постели.

«Ты словно разбитый корабль в шторм», — как-то раз сказал ей священник Энунд.

Она была замужем за Кальвом уже десять лет, но совершенно не знала его. Она искала Бога, но теперь ей стало ясно, что жажда мести всегда оказывалась в ней сильнее желания следовать Его воле. Чем больше она размышляла, тем яснее становилось для нее, что даже в раскаянии и покаянии она сознательно не хотела разрушать ледяную стену ненависти и мстительности в своем сознании.

Теперь она поняла, что Энунд был прав. Ненавистью и жаждой мести ничего не добьешься. Но она не понимала этого, будучи ослепленной своей ненавистью. Теперь же, когда она прозрела, уже поздно. Тем не менее, она была уверена в том, что если бы король Олав снова ожил, вместе с ним ожила бы и ее ненависть к нему.

Энунд был прав, но он так много требовал от людей, как от самого себя, так и от других. Та цель, которую он ставил перед человеком, была недостижимой звездой, которая светила и ослепляла, давая надежду. И когда кто-то ошибался в своих попытках достичь недостижимое, он мягко утешал его, говоря о милости и прощении Всевышнего. Но он никогда не уставал требовать от человека стремления к тому, чего никогда нельзя достичь.

Священник Йон был другим; Сигрид все больше и больше понимала теперь, почему его, вопреки всему, многие любят в деревне. Он не был наделен взором, видящим великое, как Энунд, и он не требовал от людей большего, чем они могли сделать. Он, как и все остальные, преодолевал повседневные трудности. И он справлялся с ними по своему разумению.

Размышляя об этом, она постепенно пришла к мысли о том, что оба они были правы. Бог был «агапе», любовью настолько великой, что человек не в состоянии был постичь ее, как сказал когда-то Эльвир, но «агапе» могло также быть любовью повседневной...

К Богу ведет множество путей, сказал Энунд.

Проходили часы, но Сигрид не могла заснуть. В конце концов она встала и вышла из дома.

На северо-востоке небо полыхало над холмами, отражаясь на поверхности фьорда. Звезды казались бледными белой ночью, деревья стояли неподвижно, словно выточенные из темного камня.

Она вздрогнула, услышав треск ветки, но потом улыбнулась: через двор проскакал заяц.

В ночное время многие не спали.

Она вспомнила, как однажды ходила за пивом для Эльвира; Хьяртан Эскимосское Чучело валялся во дворе пьяный и напугал ее.

Но Хьяртан никогда не будет больше валяться пьяным во дворе, и небылицы его она слышала в последний раз. Он был похоронен с Грьетгардом в Эстердалене; он отчаянно сражался на стороне Грьетгарда, пока не погиб.

Сигрид вдруг стало жалко старого выдумщика.

Она села на скамью, сложив на коленях руки и прислонившись головой к стене. Но она не могла успокоиться, встала и снова принялась ходить туда-сюда по двору.

Заскулила дворовая собака, и она пошла к ней, чтобы поговорить. Но пес оскалил зубы.

Множество мыслей пронеслось в ее голове. Сигрид чувствовала себя уставшей и одновременно удивительно бодрой, и ее мысленные картины были ясные, как утреннее небо. Казалось, ее воспоминания и то, о чем она слышала, теперь ожили.

Она вспомнила, что сказал Кальв о смерти Турира, когда она спросила у него, откуда король узнал, что юноша гостил у короля Кнута.

Кальв сказал, что какой-то человек рассказал королю о браслете короля Кнута. Она спросила, откуда он узнал об этом.

— Я и сам удивлялся, откуда, — ответил Кальв, — и я узнал об этом только перед самой смертью юноши. Я стоял рядом с ним и тщетно пытался в последний раз упросить короля смилостивиться над ним.

И тут вышла его жена Турира. Она шла с опущенной головой, медленно, словно скорбя. Но я заметил выражение ее лица, когда она посмотрела на Турира, и глаза ее сверкали ненавистью.

«Я говорила тебе, что поплатишься за свою измену», прошептала она.

— Турир что-нибудь ответил? — спросила Сигрид.

— Он рассмеялся, — сказал Кальв. — А потом сказал: «Я рад, что ты доказала, что заслуживаешь этого, так что мне не приходится раскаиваться».

Они умерли как мужчины, оба ее сына, без слез и жалоб. Она думала о том, вспомнили ли они последние слова Эльвира, сказанные им: «Что бы ни случилось, вы должны быть храбрыми!»

Она вдруг мысленно представила себе Эльвира, его лицо, когда он лежал у входа в зал в Мэрине; она видела, с каким трудом он выдавливал из себя слова.

Он сказал, что еще не выстрадал все, что заслужил. Епископ Гримкелль говорил о том, что в смерти он получит искупление грехов, но она не понимала тогда, что он имеет в виду. И Энунд говорил, что он умер хорошей смертью.

И когда уже начали петь птицы и на небе начал разгораться летний пожар, до Сигрид постепенно дошла истина. Смерть Эльвира была подобна летнему закату, когда небо остается светлым и лишь на короткий миг тускнеет, чтобы потом воспламениться с наступлением нового дня. Она поняла теперь, что для Эльвира не страшен был никакой очистительный огонь, потому что он жаждал искупления; он искал очищения.

Что касается мести — то мстить пристало Господу, как сказал Энунд. Эльвир хотел быть последним, жаждущим мести.

Сигрид же искала способ отомстить и настраивала своих сыновей против короля. И — нет, она мысленно отшатнулась от самой себя! Но она все же заставила себя додумать эту мысль до конца: разве она сама не толкала их на смерть?

Нет, это король Олав виноват в том, что произошло, сурово подумала она. Он мог бы заключить мир с ее сыновьями и спасти обоих, когда Кальв просил о Турире. Но тут она снова вспомнила слова Энунда: вину нельзя разделить с кем-то. Дурные поступки короля не оправдывали ее.

И что она сделала, чтобы раскрыть перед сыновьями мысли Эльвира, как это она однажды собиралась сделать? Ее больше занимали мысли о мести, о наследстве и богатстве для ее сыновей, о выкупе, который, как ей казалось, они должны были получить, чем о более ценном наследстве, которое никто у них не мог отнять.

И тут она подумала, что была несправедлива к самой себе. Первое время она пыталась понять мысли Эльвира, но это ей так и не удалось. И никто не мог ей помочь в этом. Тем не менее ей было бы куда легче понять слова Эльвира о любви, если бы она смогла побороть в себе ненависть к королю.

Она утешала себя тем, что Гретьгард с помощью Энунда смог кое-что понять. Но даже он отшвыривал все это в сторону, когда им овладевал гнев...

И она вдруг подумала со страхом, что не знает наверняка, обрели ли ее сыновья мир и спасение. Грьетгард умер в гневе и ярости, Турир — с презрением к той, которой он изменил.

Сигрид снова села. Закрыв глаза, она попробовала молиться; она цеплялась за молитву, как за скалу в море. Но мысли перехлестывали через ее молитвы, словно морской прибой.

Постепенно шторм в ней улегся, она вдруг услышала пение птиц, журчащее и переливчатое, словно легкая рябь возле берега в солнечный день.

И когда она наконец открыла глаза навстречу новому дню, ей показалось, что свет ворвался в нее, свет божественной любви и всепрощения.

И она опустила голову и стала благодарить Бога за эту милость, за то что он взял на себя тяжесть грехов человеческих. Ее сыновья приняли крещение, как того пожелал Эльвир; и даже если они и грешили, они умерли как христиане и были приняты Богом. И даже если им предстоит мучиться в очистительном огне, будь то обычные семь дней или более длительный срок, они получают спасение.

Возможно, живым приходится куда хуже... Она подумала о Хелене, Хелене Грьетгарда. Она ходила бледная и притихшая; она слушалась Сигрид, но была холодна с ней, почти ни с кем не разговаривая. Она отказывалась выйти замуж, хотя многие дворовые парни не прочь были жениться на ней. И вот она ходила одна, незамужняя в свои двадцать лет. Сигрид чувствовала за нее ответственность, но ей не хотелось принуждать ее. И она не знала, что ей делать.

«Будь добра с Хеленой», — сказал ей Грьетгард.

Она вздрогнула, увидев во дворе человека; это был один из дозорных с вершины холма.

— Корабль Кальва Арнисона подходит к фьорду, — сказал он Сигрид, увидев ее. — Если людям нужно встречать его, пора их будить.

Сигрид встала и медленно побрела на кухню. Солнце уже показалось из-за горизонта; выглянув из-за холма, солнце засветило ей прямо в глаза.

Когда корабли подошли к причалу, Сигрид вышла им навстречу. И еще до того как корабль Кальва причалил к берегу, она услышала голос Финна Арнисона:

— Я тебе говорю, что останусь на борту корабля! — кричал он. — Ты думаешь, мне хочется подниматься во двор, к той сатанинской бабе, на которой ты женат? Оставь меня, свинья!

Он повернулся к двум парням из Эгга, которые собрались уже перенести его на землю.

Корабль причалил, и взгляд Сигрид блуждал от мачты к мачте. Большинство на корабле были так тяжело ранены, что не могли идти сами. Большинство из них были местные жители, но Сигрид узнала среди них Арни Арнисона, брата Кальва. Он неподвижно лежал с закрытыми глазами, словно мертвый. Рядом с ним лежал парень, которого она не знала.

— Успокойся, Финн, — сказал он. — Если ты будешь ругать Кальва, он наверняка отправит тебя в землю Стиклестада, чтобы ты там догнивал.

— Лучше уж гнить рядом с трупом короля, чем выздоравливать в доме Кальва!

И Финн продолжал ругаться, как бешеная сорока, пока его сносили с корабля на землю и несли вверх по тропинке.

Человек, который говорил с ним, был перенесен на причал следующим, а после него — Арни Арнисон, который был слишком плох, чтобы его можно было нести на щите, и его осторожно перенесли на землю на носилках.

После того, как все раненые были перенесены на землю, с корабля сошел Кальв. Сигрид протянула ему руку и тут же уставилась на его ногу, перевязанную окровавленной тряпкой, заметив, что он хромает.

— Къетиль сказал, что ты не ранен, — сказала она.

— Я еще не был ранен, когда он ускакал из Вердалена, — ответил он.

— Но разве битва тогда не закончилась?

— Закончилась...

— Почему же это произошло с тобой?

— А... — он отмахнулся. — Один из раненых бросил в меня свой меч на поле битвы.

— Это был Финн, твой брат? — спросила она, будучи не в силах удержать от этого вопроса.

Он кивнул, ничего не сказав в ответ.

— Тот человек был прав, сказав, что тебе следовало бы оставить Финна догнывать на поле битвы.

— Он не говорил, что я должен был сделать это, — поправил ее Кальв. — Это сказал Торберг.

Они направились к холму.

Внезапно Сигрид остановилась.

— Где Гутторм? — спросила она.

— Он не вернулся назад.

Оставшуюся часть пути они шли молча.

— Тебе придется заняться ранеными, — сказал Кальв, когда они были уже во дворе. — Ты больше смыслишь в болезнях и ранах, чем кто-либо другой во дворе.

— Это Эльвир знал толк в лечении ран, — сказала Сигрид. — Я же знаю только то, чему научилась у него.

— Я осмотрел раны моих братьев, прежде чем мы отправились из Вердалена, — сказал Кальв. — Торберг и Финн ранены не тяжело; с Арни дело обстоит хуже. Будет лучше, если ты займешься ими.

— Смотри, чтобы у Финна не было при себе оружия, — сухо заметила она. Они были уже в кухне, и она произнесла это так громко, что Финн услышал. Ей хотелось, чтобы он знал, что она считает его способным на все, даже на то, чтобы поднять меч против женщины.

— Я не стану пачкать свой нож твоей кровью, — запальчиво ответил Финн. — И для меня будет лучше, если ты не будешь смотреть на меня. Меня не удивит, если у тебя дурной глаз.

— В Вогане ты был более покладистым, когда Турир обвел тебя вокруг пальца с выкупом для короля Олава, — сказала Сигрид. Она послала девушку за мазью, лечебными растениями и перевязочной материей, потом закатала рукава и принялась осматривать раны Торберга.

— Ты скоро снова будешь на ногах, — сказала она.

— У тебя легкая рука, — сказал он, посмотрев на нее, и улыбнулся, но она ничего на это не ответила.

Она принялась молча осматривать Финна; но когда очередь дошла до Арни, она сказала, что ничем не может помочь ему. Она полагала, что лучше послать за священником Энундом.

Многим она могла помочь. Но как только она освободилась, она пошла к Рагнхильд, чтобы утешить ее.

И Рагнхильд была словно ребенок; она плакала и рыдала в безнадежном отчаянии. И для не было утешением то, что сыновья ее вернулись домой невредимыми. Сигрид пробыла у нее до тех пор, пока не пришла девушка и не сказала, что уже пора завтракать.

Финн и Торберг были перенесены в зал и чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы сидеть и есть. Энунд тоже был там.

— Ты хорошо ухаживаешь за ранеными, — сказал он Сигрид.

— Ты же знаешь, последнее время я только этим и занималась, — ответила Сигрид.

Она повернулась к Кальву; ей хотелось побольше узнать о битве.

— Я слышала, что это Турир убил короля, — сказала она.

— Чтобы ему попасть за это в преисподнюю! — вставил Финн Арнисон. — Он убил короля, равного которому никогда не было и никогда не будет в стране!

— В самом деле, Турир нанес королю смертельную рану, — ответил Кальв, не обращая внимания на Финна. — Он воткнул копье ему под кольчугу.

— Копье, которое называлось Тюлений Мститель? — спросила Сигрид, и Кальв кивнул.

— Но это была не единственная рана, которую получил король, — продолжал он. — Сначала он был ранен в ногу, чуть выше колена, его ранил корабельный мастер по имени Торстейн. И после того, как Турир всадил в него копье, у него еще появилась рана на шее.

— И кто нанес ее?

— Я точно не знаю, но этот человек сражался рядом со мной. Возможно, это был Кальв Арнфиннссон, а может быть, Гутторм Харальдссон.

— Если это был тот, кто сражался рядом с тобой, ты сам стоял достаточно близко к королю, чтобы убить его.

Кальв снова кивнул.

— Ты говоришь, что не знаешь, кто нанес королю рану, — снова вмешался в разговор Финн. — Может быть, ты боишься сказать, что это был ты сам?

— Если бы я убил его, мне нечего было бы бояться сознаться в этом.

Интонация, с которой Кальв произнес эти слова, заставила Сигрид воздержаться от дальнейших расспросов.

— Гутторм не упустил бы возможность отомстить за Эльвира, — сказала она.

— Вряд ли упустил бы, — согласился Кальв.

— Турир был ранен? — спросила она.

— Я видел у него на одной руке кровь, — сказал Кальв. — Но я не уверен в том, что это была его собственная кровь. Уже после сражения сказали, что Бьёрн Конюший ударил его топором по плечу, видя, что королевский меч не пробил его кольчугу. Но я не думаю, что эта рана серьезная.

Больше о сражении Сигрид ничего не спрашивала — до поздней ночи, пока они с Кальвом не остались одни.

— Разве ты не встретил королевскую дружину, отправившись на восток? — спросила она.

— Да, встретил, — сказал Кальв.

— И король не захотел выслушать тебя?

— Ему хотелось узнать, почему я, которому предстояло стать ярлом, слоняюсь по безлюдными местам, словно бродяга, — сказал Кальв. — И когда я сказал, что явился, чтобы предложить ему заключить мир, он спросил моих братьев, стоит ли доверять мне. Но Финн не посоветовал ему делать это; он сказал, что чем красивее я говорю, тем хуже мои намерения, и мне ничего не осталось, как прекратить переговоры. Финн также посоветовал королю убить меня, но тот отпустил меня.

— Ну и братец же у тебя! — сказала Сигрид. — Сначала он советует королю лишить тебя жизни, потом сам поднимает на тебя меч. Не понимаю, зачем ты притащил его сюда? В благодарность за все он только осыпает тебя проклятиями!

— Возможно, у него есть на это причины, — сказал Кальв.

— Иногда я тебя просто не понимаю, — сказала Сигрид, изучая его лицо в свете ночника. И снова у нее появилось чувство, что она совершенно не знает этого человека. Ей самой казалось это странным; он был рядом, каждая черточка его лица была ей знакома, и она могла заранее предугадать его улыбку.

— В самом деле? — сказал он, улыбаясь, но в его улыбке затаилась грусть. — Но ты же рада, что король Олав мертв!

Сигрид сама не знала, почему ответила ему то, что думала; куда легче было бы обойти этот вопрос.

— Нет, я не рада, — сказала она, не глядя на него.

Он удивленно уставился на нее.

— Почему же? Ведь ты же долгие годы мечтала об этом...

У нее опять появилось желание обойти его вопрос. Но она вдруг подумала, что хватит с нее лжи и полуправды; она знала теперь, к чему это может привести. Ей хотелось по возможности быть откровенной с ним.

— Я была как собака, охотившаяся на белку, — сказала она, — и кусавшая дерево, на котором та укрылась, прыгая с ветки на ветку.

Он ничего не ответил, но по выражению его лица она видела, что он обдумывает ее слова.

— Эльвир хотел быть последним из тех, кто жаждет мести, — продолжила она.

Она никогда раньше всерьез не говорила с ним об Эльвире. И теперь она рассказала ему о смерти Эльвира.

Пока она рассказывала, он притянул ее к себе, и для нее было облегчением чувствовать его тепло.

И когда она замолчала и он, не говоря ни слова, прижал ее к себе еще сильнее, она поняла, что его объятия — единственное для нее убежище в этом мире.

Она думала раньше, что не нуждается в нем; он был не таким, каким, по ее мнению, должен был быть. Она думала, что может управлять и им, и собой. И все-таки он был с ней все это время, всегда готовый утешить и защитить ее. И только теперь, когда игра была закончена и она проиграла, она поняла, что нуждается в его помощи.

— О чем ты вздыхаешь?

Сигрид вздрогнула; она сама не заметила, что вздохнула.

— Может быть, я не понимаю и саму себя, — сказала она.

— Во многом бывает трудно разобраться, — сказал он и замолчал.

Он не имел обыкновения тратить время на пустые размышления.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

Но он не ответил, а только спросил:

— Ты по-прежнему ненавидишь короля Олава?

— Невозможно ненавидеть умершего, — ответила она.

— Возможно, ты права... Ты восприняла это не так, как я ожидал, — вырвалось у него.

— А что ты ожидал?

— Что ты начнешь расспрашивать меня о смерти конунга. И я подумал, что мне не захочется рассказывать тебе больше, чем я сказал об этом в зале.

— Мне достаточно знать что он мертв. Мне вовсе не обязательно слышать о том, как происходила агония.

— Теперь я понимаю, в чем дело, — сказал он. — И у меня возникает желание рассказать тебе о том, о чем я не собирался рассказывать.

— Случилось что-нибудь необычное? — спросила Сигрид. Она достаточно насмотрелась уже на кровь и раны, и у нее не было желания выслушивать подробное описание схватки.

— Да, — сказал он. — Несмотря на то, что король Олав погиб в сражении, он не проиграл борьбу.

— Как это могло получиться? — с невесть откуда взявшимся любопытством спросила Сигрид.

— Я был совсем близко от короля, когда он был ранен в ногу, — начал Кальв. — Рана была не опасной, она была куда меньше теперешней моей.

Указав на свою ногу, он продолжал:

-- Насколько я понимаю, у него не было причин прекращать битву, да и слабым он никогда не был. Но внезапно он остановился и обратил лицо к небу, словно забыв о кипящем вокруг него сражении. Глядя на него, я и сам чуть не забыл о битве, и мне с трудом удалось уклониться от удара меча и навеки усмирить того, кто пытался это сделать. И когда я снова посмотрел на короля, он стоял, прислонившись к камню. Отбросив далеко в сторону меч, он сложил в молитве руки.

Лицо его сияло. Я мог бы зарубить его на месте, но у меня рука не поднималась убить его, хотя дело здесь касалось и моей жизни.

— И тогда Турир проткнул его копьем?

— Да. Но я был слишком занят тогда обороной, чтобы разобраться в случившемся.

Сигрид ничего не сказала. Если бы раньше Кальв сказал ей, что не захотел убивать короля, как это подобало ему в сражении, она назвала бы его трусом.

— Не знаю, мог бы я убить его, если бы Турир не сделал этого, — сказал Кальв. Он отпустил ее, сел на постели, уставился в темноту. — Он ведь оставил меня в живых, когда я был в его руках... Это было на него так непохоже, — задумчиво добавил он. — Во время сражения вдруг стало темно. Казалось, что надвигается ураган, но ни одной капли дождя не упало на землю.

— А здесь был дождь, — сказала Сигрид.

— Значит, это было обычное ненастье, — с облегчением произнес Кальв. — Многие были напуганы во время сражения, думая, что это знамение.

— Интересно, где теперь Турир, — немного помолчав, спросила Сигрид. — Я-то надеялась, что он заглянет сюда, прежде чем отправиться на север.

— Если бы он собирался это сделать, он бы уже был здесь.

— Финн Харальдссон вышел невредимым из битвы?

— Думаю, что да. Он сам снаряжал свой корабль обратно.

— Значит, из наших близких погиб только Гутторм.

— Я потерял Колбьерна, моего брата, — тихо произнес Кальв. Из его горла вырвался приглушенный всхлип.

Сигрид вспомнила, как ему не хотелось сражаться со своими братьями; она догадывалась, что он считает себя виновным в смерти Колбьерна.

Она притянула его к себе, спрятала его лицо у себя на груди. Она не знала сама, какие чувства испытывает к нему: сострадание, сочувствие или что-то вроде любви. Она понимала только, что должна помочь ему. И теперь уже речь не шла о том, был ли он слабее или сильнее ее, был ли он для нее тем, кем был для нее Эльвир. Достаточно было того, что он был самим собой.

И когда напряжение его ослабло и он стал отвечать на ее ласки, она заплакала, понимая, что ее грех всегда будет разделять их.

Турир Собака не мог отправиться на север, не погостив в Эгга. Он прибыл через два дня после приезда Кальва; он объяснил, что был в Инндалене, где следил за тем, чтобы во время бегства в Свейю королевская дружина не занималась грабежами и поджогами.

Финн Арнисон не скрывал своего мнения по поводу приезда Турира, но тот не обращал внимания на его ругань. Сразу после приез-

да Турир отправился в Стейнкьер, чтобы переговорить со священником Энундом.

Энунда дома не оказалось; Турир ждал его до самого вечера. И когда священник пришел, они вместе отправились в Эгга.

Когда они пришли, в зале было полно народа, и Энунду освободили место возле хозяйского стула; Турир сел рядом со священником.

Сигрид удивилась, увидев их вместе, но, судя по выражению лица Энунда, произошло нечто необычное. Сделав полагающийся гостям глоток пива, Энунд обратился к Кальву:

— Ты знаешь, что Турир был ранен в руку во время сражения?

— Я видел у него на руке кровь, — сказал Кальв. — А что?

— Ты видел его рану?

— Я не особенно присматривался.

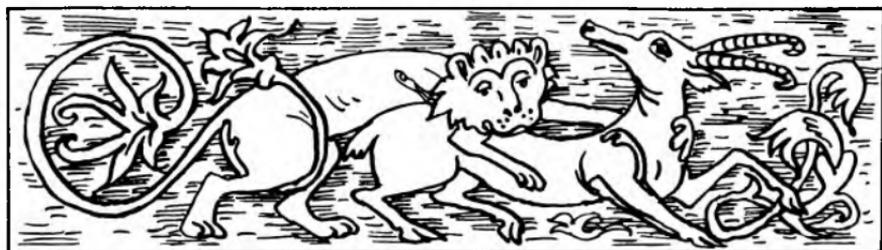
— Кто-нибудь другой видел ее? — спросил Энунд, переводя взгляд с одного человека на другого. Но никто не отвечал.

— А почему ты спрашиваешь? — поинтересовался Торберг Арнисон, лежа на скамье и приподнявшись на локте.

— Если хочешь, расскажи им все сам, — сказал священник Туриру.

— В этом нет нужды, — ответил Турир.

Больше об этом не было сказано ни слова. Собравшиеся говорили мало и рано разошлись спать.

На следующий день, сразу после завтрака, Сигрид пошла к Туриру; она хотела узнать, в чем дело. И они направились по тропинке, пройдя мимо Кальва.

Они говорили о многих вещах. Но когда Сигрид пробовала завести разговор о его ране, он уходил от него.

Он принялся рассказывать о том, кто участвовал в сражении и на чьей стороне и кто не участвовал. Большинство имен, которые он называл, были Сигрид незнакомы. Но она вздохнула с облегчением, когда он сказал, что Сигвата Скальда не было в королевской дружине. Эйнар Брюхотряс тоже не участвовал в сражении, сказал он. Он еще не вернулся домой из своей поездки к королю Кнуту.

— Наверняка он выжидает, как сложатся дела у короля Олава в Норвегии, — сказала Сигрид.

— Это уж точно! — засмеялся Турир.

Потом он стал рассказывать про Бьяркей, о своем сыне Сигурде. Он женился на исландце, дочери Снорри Доброго. Ее зовут Ауд, и до этого она была замужем за одним исландцем, но потом развелась с ним.

— По какой причине? — спросила Сигрид.

— Я не знаю подробностей этого дела, — ответил Турир. — Говорят, что они бросали друг в друга подушками, но муж ее пришел в ярость, и все закончилось тем, что они стали бросать друг в друга камни.

— Похоже, она тоже была сумасбродкой. Ты думаешь, Сигурд сможет поладить с ней?

— Это его дело. Он хотел получить ее во что бы то ни стало, хотя она и старше его.

Сигрид снова попыталась перевести разговор на ранение Турира, но он продолжал рассказывать о Бьяркее. В конце концов она спросила его напрямик:

— Что имел в виду Энунд, говоря о твоей руке?

— Ничего особенного.

— Если бы это было так, он бы не спрашивал у всех об этом.

— Обещаешь не выставять меня на посмешище?

— Разве я когда-нибудь делала это?

Турир улыбнулся.

— Помнишь, однажды я запретил тебе брать с собой щенка на зимнее жертвоприношение в Тронденесе?

— Ты имеешь в виду тот, случай, когда я спрятала Фенрира в твой сундук, в котором ты хранил свою лучшую одежду?

Турир кивнул, и тут они оба расхохотались.

Сигрид внимательно посмотрела на Турира. Несмотря на седеющие волосы, в облике его было что-то такое, что напоминало ей Турира, каким она его знала на Бьяркее. Она не могла в точности сказать, что именно; возможно, глаза или смех...

Но внезапно Турир стал серьезным. Он вытянул вперед руку.

— Большой палец был почти отрублен ударом топора, — сказал он. — Взгляни!

Она посмотрела, но там не было никакой раны, только небольшой шрам, похожий на тонкую нить, между большим и указательным пальцами. Она удивленно взглянула на него.

— Как это произошло? — спросила она.

— После битвы я подошел к трупу короля, — пояснил Турир. — Я хотел вытащить копье, засевшее в его теле. Но, прежде чем вытащить его, я остановился и посмотрел на него, и мне показалось, что лицо его светится. Я вспомнил одного священника, которого убил в Ирландии, много лет назад; его лицо тогда также сияло.

И я не понимаю, что тогда произошло со мной. Я подумал о сказанных священником Энундом словах в то лето, когда Торберг Строгала строил для меня корабль. Я сболтнул ему, что поверю в его Бога, если на это будет знамение. «Если ты действительно хочешь этого, — сказал он, — ты получишь знамение, когда это будет угодно Богу».

Помнишь, я как-то уже говорил тебе об этом, и ты спросила, не хотел ли я когда-нибудь увидеть знак Божий.

Но Сигрид не помнила об этом.

— Нет, — сказал он, — этого я не хотел. Но возле трупа короля я испытал чувство спасения; я почувствовал, что Бог короля где-то совсем рядом и что сейчас произойдет нечто необычное.

Я заставил себя вытащить из него копье. И когда королевская кровь стекла с острия копья мне на руку, я задрожал, как мальчишка, впервые убивший человека.

И тут я почувствовал в руке тепло; думаю, на миг я потерял сознание. И когда я снова пришел в себя, я стоял на коленях, держа в руке вытянутое из тела короля копье, и рука моя была здорова.

— И теперь ты веришь в христианство? — спросила Сигрид.

— А что мне еще остается?

— Что сказал Энунд?

— Сначала он торжественно поблагодарил Бога. Но потом почесал в затылке и сказал, что все это следует обдумать.

Сигрид ничего не сказала.

— Один человек сказал, что видел короля Олава живым после битвы, — продолжал Турир. — Во всяком случае, тела его на месте не оказалось. И мне пришла в голову мысль, что он ожил. Что ты думаешь по этому поводу?

Сигрид медлила с ответом. «Всему есть свои границы», — подумала она. Она не могла поверить, что Турир смеялся над ней, тем не менее, она была в ярости.

— Думаю, что вы все рехнулись, — сказала она. — Сначала Кальв говорит о том, что многие приняли обычное ненастье за знамение...

— Не думаю, что это было обычное ненастье, — перебил ее Турир.

— Могу уверить тебя в том, что здесь лил дождь как из ведра.

— Неужели? — удивленно произнес Турир.

— А ты говоришь о каком-то знамении! Я скажу тебе вот что: я думаю, что Бьёрн Конюший ударил тебя топором по голове, а не по плечу, как сказал Кальв.

— Показать тебе след удара на плече?

— То, что у тебя остался след удара на плече, не значит, что он не ударил тебя по голове.

Турир рассмеялся.

— Думай, что хочешь! — сказал он.

Турир отправился на север, и Сигрид очень не хватало его. Они больше не говорили о его знамени, но он был в таком приподнятом настроении, в каком Сигрид не видела его со времени смерти Раннвейг.

Перед тем, как он уехал, она сказала ему, что он теперь не нуждается в серебряном молоточке, который она однажды дала ему. Она освободила его от обещания постоянно носить его при себе.

Но он улыбнулся и ответил, что она ошибается, думая, что он вернет ей молоточек обратно. Он говорил о нем с Энундом, и тот обещал выковать из него крест.

Сыновья Арни остались в Эгга надолго, хотя было ясно, что ни Финну и ни Торбергу это не нравится. Им нетерпелось отправиться домой, хотя Арни предстояло остаться здесь надолго, как полагала Сигрид, перевязывая его раны.

Сигрид полюбила их всех, и к своему удивлению даже Финна. Он не стал более мягок в выражениях, но словесные перепалки между ним и Сигрид уже не были такими злобными. В конце концов оба они перестали воспринимать все это всерьез.

Однажды она спросила у него, почему он испытывал такую привязанность к королю Олаву. Ей хотелось побольше узнать о короле.

— Лучше него короля нет...

— Я уже слышала об этом, — перебила она его. — И я не согласна с тобой. Он отнял у меня мужа и двоих сыновей, а также сына моего брата.

— Разве тот муж, который теперь есть у тебя, недостаточно хорош для тебя? — вспыхнул он.

— Вот уж не думала, что ты беспокоишься о том, как я отношусь к Кальву! Ведь ты советовал королю убить его, когда он предлагал королю мир!

— Одно дело, если я поливаю его грязью... — Финн осекся. — Известно ли тебе, что подразумевал Кальв под миром? — спросил он.

— Думаю, что он подразумевал под этим именно мир, — сказала Сигрид. — Я была так зла на него, когда он отправлялся на восток, что готова была выцарапать ему глаза.

— Тогда я ему не поверил, — сказал Финн. — И даже сейчас я сомневаюсь в его намерениях.

— Ты просто не доверяешь людям. Вот также ты не мог поверить, что Эльвир был христианином.

— Он не был христианином!

— Он похоронен возле церкви в Мэрине по приказу короля Олава, — сказала Сигрид. — Если ты мне не веришь, спроси священника Энунда.

Некоторое время Финн молчал.

— Думаю, что Эльвир обманул короля, сказав, что он христианин, — наконец произнес он.

— Что он от этого выигрывал?

— Он рассчитывал на то, что король позволит тебе и твоим сыновьям сохранить его владения и собственность.

Немного помолчав, он добавил:

— Теперь я лучше понимаю, что заставило короля так горько раскаиваться в том, что он приказал убить Турира Эльвирссона.

— Он раскаивался?

— Он сохранил жизнь двум сторонникам короля Кнута, попавшим в его руки во время его бегства через Норвегию в Гардарики. И он сказал, что надеется, что это послужит выкупом за ту жизнь, которую он загубил. Он говорил и многое другое... — продолжал Финн, тогда как Сигрид молчала. — Он сам признавал, что нередко правил страной жестоко и своевольно.

— Легко раскаиваться задним числом, — сухо заметила Сигрид. И она поняла, что получила горький урок.

Вскоре после праздника Святого Варфоломея* наступили необычайно теплые для этого времени дни.

Сыновья Арни по-прежнему находились в Эгга, но Финну и Торбергу не сиделось на месте; Кальв дал им корабль, так что они могли отправиться на юг. Отношения между братьями были все еще прохладными, но несколько лучше, чем в первое время после сражения.

Однажды вечером Кальв вместе с несколькими работниками спустился к фьорду, чтобы устроить состязание на воде. Сигрид сидела на кухне, прядла и болтала с Арни Арнисоном, когда одна из служанок вбежала, запыхавшись, и закричала:

* 24 августа.

— Наступает конец мира! Близится Рагнарок, волк поедает солнце! Сигрид выскочила во двор.

Там уже собралось много народу; они причитали, стонали, указывали куда-то. И точно, черное облако закрывало солнце, хотя небо было ясным.

Сигрид смертельно испугалась. Она принялась креститься, как и все остальные; потом побежала искать своих детей. Вернувшись, она держала на руках Сунниву, а Тронд стоял рядом с ней.

Многие упали на колени; одни бормотали молитвы, другие призывали святых, кое-кто называл имена старых богов.

И по мере того, как облако медленно закрывало солнечный диск, страх овладевал ею; ей казалось, что ее вот-вот задушит какое-то чудовище.

Она почувствовала некоторое облегчение, когда Кальв со своими работниками поднялся в усадьбу — словно это чем-то могло ей помочь.

Но тьма становилась все гуще и гуще.

Сигрид не осмеливалась больше оставаться во дворе. Она побежала в дом, держа на руках Сунниву и таща за собой Тронда, из кухни побежала в зал, потом обратно. Кальв остановил ее.

— Хуже смерти ничего нет, — сказал он. — И рано или поздно мы все умрем.

Его спокойствие передалось ей. Она остановилась и огляделась по сторонам, и на глаза ей попался священник Йон; Кальв тоже увидел его.

— Я хочу исповедоваться, — сказал он. — И мне кажется, что ты тоже должна сделать это.

«Разумеется, он прав», — подумала Сигрид. Она удивлялась только, почему ей самой не пришло это в голову. И она направилась вместе с ним к священнику.

— Пойдемте в церковь, — сказал священник Йон. — Желающих исповедоваться много.

Он тоже был странно спокоен. И в церковь за ним направилась целая толпа.

Через некоторое время Сигрид и Кальв вышли обратно. И когда они стояли у дверей церкви вместе с детьми, он положил ей на плечо руку и указал на юго-восток — и она посмотрела туда.

Тьма сгущалась, словно при страшном ненастье. Солнечный свет угасал.

Суннива заплакала; она понимала, что что-то не так. Тронд побледнел, кусая себе губу.

Кальв глубоко вздохнул.

— Лучшей смерти и не придумаешь, — сказал он. — Мы исповдовались, Бог простит нас на своем суде.

«Он прав», — подумала опять Сигрид. Но даже его уверенность не могла победить в ней растерянность и страх перед неизвестным, встреча с которым ей предстояла. Она посмотрела на него.

Однажды она подумала, что он похож на большую ель; всегда один и тот же, зимой и летом, в тихую погоду и в шторм. Он принял крещение, сдержал свое обещание; и впоследствии у него не возникало сомнений в правильности учения. То, что говорили священники, он принимал беспрекословно. Она же была листовным деревом, она менялась — с робкой весны до щедрого лета, с пламенеющей осени до промозглой зимы. Она могла принимать наставления священников или противиться им; ощущать близость Бога или думать, что он отвернулся от нее.

Становилось все темнее и темнее; затаив дыханье, она посматривала на солнечный диск. И она застонала, когда от солнца остался лишь узкий, тусклый серп, который в следующий миг исчез, а вместе с ним — небо и земля.

Стало так тихо, словно весь мир затаил дыханье, замолкли даже птицы.

И она услышала доносящийся со двора жалобный крик, которому тут же начали вторить крики в других дворах.

Перекрестившись, она опустилась на колени, прижав к себе Сунниву, и принялась бормотать «Отче наш».

Кальв и Тронд опустили на колени рядом с ней.

Но ничего не произошло. Открыв через некоторое время глаза, она повернулась к востоку, надеясь увидеть на небе Божий знак.

Но там ничего не было.

И снова стало светлеть. Солнечный диск становился все больше и больше, запели птицы. Жалобный крик во дворе затих; в голосах людей зазвучала надежда.

— Господь знает, что это было за знамение, — сказал Кальв, поднимаясь с колен. — Но все уже позади.

Не было конца удивлению по поводу того, что бы могла означать эта тьма на ясном небе; несколько месяцев люди только об этом и говорили.

Финн Арнисон сказал, что это Бог гневается на крестьян за то, что они убили короля Олава, крестившего страну. Тем самым он хотел положить конец разнотолкам.

Некоторые стали думать так же. Они вспомнили тьму во время битвы при Стиклестаде, и чем больше люди говорили об этом, тем больше они удивлялись случившемуся.

И о битве при Стиклестаде все вспоминали со страхом.

СВЯТОЙ КОНУНГ

СВЯТОЙ ОЛАВ

Ненящиеся волны набегали на берег Стейнкьер-фьорда; зеленые, бледно-голубые, темно-серые или ослепительно золотые, в зависимости от игры света и теней. Облака бежали по небу, подгоняемые бешеным ветром, потоки солнечного света чередовались с ливнями, напоминая улыбку сквозь слезы.

Выходя со двора усадьбы Стейнкьер, Сигрид дочь Турира остановилась и посмотрела на фьорд. Потом повернулась и медленно пошла к переправе.

Она устала. Большую часть ночи она провела без сна у постели младшего сына Рута, управляющего Стейнкьера.

Накануне вечером она пришла в усадьбу, чтобы проведать мальчика, зная, что он болен. Мать совершенно выбилась из сил; мальчику было плохо уже восьмой день, и она не хотела заставлять двух других своих детей ухаживать за ним. Только с приходом Сигрид она могла немного поспать.

Мальчик был очень плох, он весь горел, дыхание было прерывистым, и он кашлял кровью. Сигрид мало чем могла помочь ему, мальчик почти не приходил в сознание. Все лечебные средства были уже испробованы.

Он лежал в кухне, мать устроилась там же, на скамье. Большую часть ночи она проспала, лишь изредка просыпаясь и бормоча сквозь сон молитвы. Но к утру мальчику

стало так плохо, что Сигрид сочла нужным разбудить родителей и послать за священником Энундом.

Вскочив, мать упала на колени перед его постелью, вне себя от отчаяния. И когда она поняла, что мольбы ее напрасны, она стала угрожать Богу.

Энунд застал ее стоящей на коленях и грозящей небу кулаком.

Он поднял ее за плечи, и, увидев священника, она разрыдалась. А потом снова принялась молиться:

— Святая Мария, Божья мать, смилуйся над ним, святой Ангсар, святой Олав...

Сигрид, тоже стоящая возле постели на коленях, вздрогнула. Но потом снова принялась молиться. Она уже не в первый раз слышала, что имя Олава Харальдссона произносится как имя святого.

И в то же утро болезнь внезапно отпустила мальчика. И когда Сигрид ушла, он уже мирно спал.

Начался дождь. Остановившись, Сигрид стала лицом против ветра, и крупные, тяжелые капли упали ей на лицо. «Святой Олав...» — подумала она. И вспомнила, как однажды стояла на борту корабля Эльвира, подставляя лицо ветру и соленым брызгам. Она была пленницей короля Олава, а он стоял на палубе корабля, тучный и самодовольный.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался; сквозь облака пробилось солнце. Солнечные лучи согревали ее, и она улыбнулась, услышав, как на холме прокуковала кукушка.

— Нам, наверное, по пути? — услышала она голос Энунда. Сигрид повернулась к нему и кивнула.

— Мне досадно, что люди называют короля Олава святым, — сказала она, идя вместе с ним к переправе.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил священник. — После его смерти было знамение и происходили удивительные вещи.

— Наверняка, это король Олав спас сегодня мальчика, — сухо заметила она.

— А почему нет? Мальчику стало лучше, когда мать упомянула в молитвах имя короля.

— Этот мальчик не первый, кто смог перенести эту болезнь. При чем тут Олав? К тому же она называла имена десятка святых.

— Ты забыла о том знамени, которое было Туриру, твоему брату? Или ты забыла о том, что Бог почти потушил солнце? И когда люди в Трондхейме стали обращаться в своих молитвах к королю и просить у него помощи, на это были свои причины. И молитвы их были не напрасны.

— Разве ты забыл, что сам говорил в тот раз, когда люди захотели сделать из тебя святого? Ты сказал, что нет ничего проще говорить о тех, кому это помогло, и забывать о тех, кому это не помогло.

— Это совсем другое дело, — сухо заметил Энунд. — Но никто не заставляет тебя верить в то, что конунг был святым. Датский епископ из Каупанга даже слышать об этом не желает.

Сигрид завела разговор о датском правлении; они говорили об этом, переправляясь через реку, и Сигрид продолжала думать об этом, когда они поднимались в Эгга.

Кальв был прав в своем недоверии к королю Кнуту; король нарушил свое обещание сделать его ярлом. Вместо этого он послал в Норвегию одного из своих сыновей, Свейна, в качестве короля. И поскольку Свейн был еще мальчиком, его матери, Альфиве, которая была любовницей короля Кнута, предстояло править страной, пока мальчик повзрослеет.

Свейн, Альфива и их свита прибыли в Викен еще до битвы при Стиккестаде. И свейн отправился в плаванье вдоль норвежского берега, и во всех лактингах* его чествовали как короля, как когда-то его отца. Осенью он вернулся в Трондхейм и осел в Каупанге; и он получил прозвище Свейн сын Альфивы.

Очень скоро народ оказался недоволен датским правлением. И когда на альтинге Свейна провозгласили королем и приняли новые законы, недовольство стало выражаться в открытую; бонды не верили в то, что им говорили. Они готовы были поднять восстание, если бы нашелся тот, кто организовал бы их и возглавил. Король отобрал у них усадьбы, что не позволял себе делать никто со времен Харальда Прекрасноволосого. Теперь вся земля и побережье принадлежали королю; бонды должны были теперь отдавать королю часть своего урожая, словно они были хюсманами, а не владельцами своих уса-

* Высший судебный орган в судебном округе Норвегии

деб, и каждый рыбак должен был отдавать королю часть своего улова. Все, что было в земле, принадлежало королю, как единственному землевладельцу, и с каждого корабля он брал налог.

Теперь всем стало ясно, что король Кнут никогда не собирался делать из Норвегии свободную страну. Норвегии предстояло стать управляемой датчанами провинцией, с более жесткими, чем в самой Дании, законами. Но хуже всего было то, что один датчанин стоил теперь десятерых норвежцев.

За ту зиму, что прошла со времени введения датского правления и прибытия в страну короля Свейна, люди стали гораздо лучше думать о конунге Олаве. Он тоже изменял старые законы, но не настолько, чтобы ущемлять свободных людей. И теперь люди начали думать, что поступили глупо, выступив против него.

Впервые после исчезновения солнца страх с новой силой овладел деревней. Все больше и больше люди склонялись к мысли о том, что король, окрестивший страну, был святым. И то, что им предстояло стать рабами датчан, было, возможно, проявлением Божьего гнева за убийство Олава.

Прошедшая осень была не из лучших; Бог не послал королю Свейну удачу...

Все больше и больше людей обращались в своих молитвах к Олаву; они умоляли его о милости и прощении за то, что изменили ему; они присягали ему на вечную верность.

Но Сигрид казалось убожеством трепетать от страха перед мертвым Олавом, лстить ему и просить у него милости, ползая перед ним на брюхе, словно собака, чтобы смягчить его гнев за то, что они сражались против него.

Сама же она не принимала всерьез болтовню о знамении и святости. Она не могла видеть ничего святого в том Олаве Харальдссоне, которого знала.

Она считала, что отплатила королю сполна. Она простила его, она молилась за него и посещала мессы в его честь, ища прощения Господа за свое собственное упрямство. Но теперь она решила, что с нее достаточно; и она благодарила Бога за то, что Он не требовал от нее признания конунга в качестве святого.

Она понимала, что он сделал для страны много хорошего, и он боролся за распространение христианства. Судя по словам сыновей

Арни, пробывших некоторое время в Эгга после битвы при Стиклекстаде, король стал под конец мягче. Но смирения, которое, как говорили священники, было необходимо истинному христианину, она никогда в нем не находила. Да и его властолюбие с годами ничуть не уменьшалось; иначе разве он стал бы с таким рвением снова завоевывать Норвегию? Христианство пришло в страну еще до него, так что ему не требовалось вводить его; король Кнут был в неменьшей степени христианином, чем он сам. И конунг Олав не кичился своим христианством, когда ему была нужна помощь язычников для укрепления власти, он не побрезговал поставить их на левом фланге во время сражения. Он не проявлял особой святости, вернувшись в Норвегию во главе шайки воров, собирая вокруг себя всяких проходимцев, обещая им отдать землю и имущество противников.

Сигрид отказывалась верить в то, что исчезновение солнца после битвы при Стиклекстаде имеет какое-то отношение к королю Олаву. Она с замиранием сердца думала, что это событие, возможно, предваряло конец мира... Ведь священники и другие ученые люди считали, что конец мира должен наступить тысячелетие спустя после смерти Христа.

Но она мало кому доверяла свои мысли; на нее смотрели с удивлением, если она возражала против святости конунга Олава. Ходили слухи, что она более, чем кто-либо, виновна в смерти короля. Люди говорили, что она натравила на короля Кальва и Турира Собаку, своего брата; при этом люди забывали, насколько сами были разъярены во время битвы. Кальва же они не упрекали ни в чем; они относились к нему с тем же доверием, что и раньше. Потому что распространилась молва о том, что до начала сражения он ездил в пограничье, хотя сам Кальв никому об этом не говорил.

Но поскольку никто в открытую не выражал своей враждебности по отношению к ней, Сигрид не принимала близко к сердцу эти разговоры; иного она и не ждала от людей, всегда держащих нос по ветру. Она лишь с презрением думала о том, что среди них нет такого человека, как Блотульф, слишком гордого, чтобы принять ее помощь. Во всяком случае, ничего подобного она не замечала, навещая больных и неимущих.

Энунд отправился в Эгга, чтобы поговорить со священником Йоном, и они с Сигрид расстались во дворе.

Сигрид нашла Кальва в старом зале; он сидел на почетном сидении и неподвижно смотрел в пространство. И он заметил ее только тогда, когда она заговорила.

В эту зиму Кальв был в плохом настроении и пил больше обычного. За то время, что Сигрид знала его, он не раз напивался, но в последнее время промежутки между запоями становились все короче и короче, и в это утро он был явно под хмельком.

Сигрид вздохнула.

Кальв медленно повернулся к ней, когда она назвала его по имени; казалось, он пытается собраться с мыслями.

— Как дела с мальчиком? — спросил он наконец.

— Он пришел в себя.

— Ему помогло какое-нибудь лечебное средство?

— Нет.

— Так что же тогда?

— Я не знаю. Но его мать молилась всем известным ей святым; возможно, кто-то из них помог ему.

— И она называла короля Олава... — не спрашивая, а утверждая, произнес он. И когда Сигрид кивнула, он тяжело откинулся на спинку стула. Она продолжала стоять, словно ожидая, что он скажет что-то, но он молчал. Она стала перебирать свои ключи.

— Будь разумным, Кальв! — вырвалось у ее наконец, и в голосе ее не звучало раздражения. — Ты сам мучаешь себя, выискивая признаки святости короля! Он не станет более святым оттого, что жена хюсмана из Стейнкьера упомянула его имя вместе с другими святыми!

— Он был святым, — угрюмо произнес Кальв, — Бог давал нам это понять своими знаменами.

— Мне кажется, это должен решать епископ. И я не слышала о том, что он принимает эту болтовню всерьез.

— Ему придется это признать, — мрачно произнес Кальв.

— Тебе следовало бы послушать священника Йона, который говорит, что каждый день приносит свои неприятности, — сказала Сигрид, — и к тому же я не понимаю, как ты мог поверить, что король был святым, после всего того, что ты знал о нем.

— Не важно, что он делал раньше! — сказал Кальв, внезапно вскакивая с места. — Я сам видел, что он умер смертью святого!

Сигрид не ответила. Кальв закрыл руками лицо.

— Я убил святого, — тихо сказал он.

— Короля убил не ты.

— Я вел к победе бондов.

— Ты сам знаешь, что выбора у тебя не было. Ты сделал все, чтобы заключить мир с Олавом.

— Если бы я не подзадоривал перед битвой войско бондов, никакого сражения не состоялось бы.

— У тебя были все основания для гнева. И после того, что произошло, никому бы в голову не пришло ожидать от тебя, что ты сдашься на милость королю.

Он ничего больше не сказал. Некоторое время она стояла и смотрела на него, потом ушла. Они не в первый раз уже говорили об этом, и она давно уже поняла, насколько бесполезно перечить ему.

Тоска стала овладевать им по мере того, как усиливались слухи о святости конунга Олава. И Кальв, всегда бывший твердым в своей христианской вере, начал размышлять. Но он размышлял не так, как это делал Эльвир, он не пытался разобраться в трудностях; он просто увязал в них все больше и больше.

Сигрид не раз пыталась помочь ему, настраивая его на то, что она называла здравомыслием. Она чувствовала, что должна вырвать его из когтей тоски; она понимала, что отчасти виновата в том, что произошло в Стиклестаде. Она считала, что Кальв тоже понимает это. Но он никогда об этом не говорил; даже когда бывал пьян, он ни единым словом не обмолвился о том, что имеет что-то против нее.

Сигрид понимала, что ей следует быть благодарной за его великодушие, но что-то в ней противилось этому. Почему он напрямик не высказывает свое мнение и тем самым мучает ее? Ей казалось, что она в долгу у него, и временами ей казалось, что для нее было бы облегчением, если бы он был жесток с ней.

Теперь ей странно было вспоминать прошедшее лето, когда она была так уверена в том, что отношения между ними станут лучше. Она больше уже не хотела, чтобы Кальв был таким, как Эльвир, достаточно было того, что он был самим собой. И ей хотелось быть приветливой с ним.

Но все ее благие намерения оказались напрасными. После того, как Кальвом овладела тоска, ее приветливость потеряла всякий

смысл: он просто не замечал ее. Ее попытки утешить его и помочь были подобны зерну, брошенному в море.

Он не обращал внимания на то, что она говорит и что делает; в конце концов ею овладели горечь и разочарование. И его дразнящее великодушие было солью на рану. И только мысль о священнике Энунде и причастии удерживали ее от того, чтобы горечь и неприязнь овладели ею целиком.

Начало лета было дождливым, и погода не обещала никаких перемен. Но все надеялись, что погода вот-вот переменится и убеждали друг друга, что иначе и быть не может.

Кальв отправился в Каупанг; ему нужно было поговорить с королем Свейном. Сигрид осталась хозяйничать в Эгга, и ей во многом помогал Харальд, один из сыновей Гутторма Харальдссона. После смерти отца к нему перешло управление хозяйством, хотя у него и не было той власти, которой обладал Гутторм.

Сигрид проводила много времени с Трондом и Суннивой; она занималась ими куда больше, чем остальными своими детьми. Когда Грьетгард и Турир стали взрослыми, она частенько просто не узнавала их, и на этот раз решила, что такого больше не будет. Она находила время, чтобы разговаривать и играть с детьми; она не прогоняла их от себя, когда была занята. Тронду Эльвирссону было теперь десять лет, и он стал светловолосым, смышленным мальчиком, вникавшим во все, что окружало его. Он быстро приходил в ярость и сжимал кулаки, но так же быстро успокаивался, и у него было много друзей. Старики, знавшие Эльвира еще ребенком, говорили, что Тронд похож на него. Но Сигрид казалось, что сходство между ними не такое разительное, как между Эльвиром и Грьетгардом.

И уж меньше всего она хотела, чтобы на отца была похожа Суннива. Глядя на эту девочку с черными глазами, она не могла понять, почему у людей не возникает подозрений.

Суннива уже научилась ходить и постоянно цеплялась за юбки Сигрид. Говорить она еще как следует не умела; и то, что никто не понимал, что она болтает, нисколько ее не смущало; тех же, кто изъявлял желание слушать ее, она награждала сияющей улыбкой.

Больше всех с ней возилась Хелена дочь Торберга — та, что была любовницей Грьетгарда. И когда Сигрид увидела, как та носится с ее дочерью, она позволила ей взять на себя часть забот о ребенке.

Это улучшило отношения между двумя женщинами, и их дружба укреплялась еще и оттого, что Сигрид не принуждала Хелену выйти замуж. И даже когда один из сыновей Квама, двор которого был по соседству, посватался к ней, Кальв и Сигрид сказали, что она сама примет решение. Но оба они посоветовали ей согласиться, лучшего мужа для Хелены трудно было найти, и Сигрид была разочарована, когда та ответила отказом.

На праздник святого Петра Кальв вернулся из Каупанга и привез много новостей.

Датский епископ Сигурд покинул страну. В округе было так много разговоров о святости конунга Олава, что необходимо было принять какое-то решение, но епископ Сигурд не хотел брать это на себя. И Эйнар Тамбарскьелве послал за епископом Гримкеллем в Оппланд, где тот жил после бегства короля Олава из страны.

Королеву Альфиву это не особенно обрадовало, но ей пришлось с этим смириться; она опасалась бунта.

— Так что решили признать Олава святым, — заключил Кальв.

— Епископу Гримкеллю лучше знать, — возразила Сигрид.

Она вздохнула с облегчением; она вспомнила слова епископа, сказанные им в Каупанге после смерти Эльвира: он сказал, что ей нет нужды верить в то, что король всегда поступает правильно.

— Интересно, что задумал Эйнар Брюхотряса, — немного погодя, сказала она. Но Кальв только пожал плечами.

— Он просто хотел, чтобы это дело было решенным. Говорят, что сам он уверен в святости короля.

— Насколько я знаю Эйнара Тамбарскьелве, здесь вряд ли идет речь только о смирении, — задумчиво произнесла Сигрид.

— Какая ему выгода от того, что Олава признают святым?

— Есть ли другой такой хёвдинг, который пользуется благосклонностью короля Кнута и одновременно говорит, что не имеет никакого отношения к смерти Олава Харальдссона? Если он осуществит задуманное, он сможет разжечь вражду между Альфивой и бондами. При этом не исключено, что, вопреки всему, он станет в конце концов ярлом.

— Может, ты и права, — задумчиво произнес Кальв.

В последующие дни он не был настроен мрачно. И он рассказал о том, что Олав крикнул ему перед стиклестадской битвой, когда войс-

ка уже стояли друг против друга: если Кальв попадет в его руки, он заставит его идти пешком в Рим, чтобы тот испросил у Бога прощения за то, что он сделал против своего короля. Кальв сказал, что если Олава признают святым, он отправится в это странствие, предписанное ему конунгом.

Он был так уверен в своей правоте, что начал готовиться к путешествию, и одна мысль об этом успокаивала его. Но Сигрид раздражало то, что он был так твердо уверен в святости Олава.

Однажды вечером, говоря о предстоящей поездке, Кальв сказал, что сожалеет о том, что Сигват Скальд снова уехал из страны; возможно, он мог бы помочь ему советом, поскольку бывал в Риме.

Сигрид знала, что Сигват вернулся обратно в Трондхейм после битвы при Стиклестаде; но то, что он снова уехал, ему было неизвестно. И она спросила об этом Кальва.

Кальв сказал, что многие осуждали Сигвата за то, что он не участвовал в битве. В конце концов он не смог больше оставаться в Норвегии. Говорили, что он теперь в Свейе, у королевы Астрид.

— И что же они говорили ему? — виновато спросила Сигрид.

— Что никто не поверит, будто он отправился в Рим ради спасения своей души.

— Зачем же, по их мнению, он отправился на юг?

— А-а... — протянул Кальв. — Люди считали, что ему было известно о предстоящем сражении между королем Олавом и Хаконом ярлом и что он сознательно решил увильнуть от него.

— Они говорят, что он трус?

— Не то, чтобы так прямо, но ведь Сигват был и другом Хакона ярла тоже. Некоторые считают, что он не хотел сражаться ни с ярлом, ни с королем; он хотел быть свободным, а после окончания битвы присоединиться к победителю. И я могу сказать, что если бы ему удалось увильнуть от этого, сохранив при этом расположение короля, лучшего он и придумать не мог. Но говорят, что в конце концов он обманул самого себя... — в голосе Кальва звучала насмешка.

Сигрид была вне себя от ярости. И внезапно ее гнев по поводу несправедливости людей обрушился на Кальва. Тот, из-за которого она чуть не лишилась рассудка, размышляя о своей вине, теперь весь светится самодовольством и презрительно говорит о Сигвате!

Похоже, ему доставляло удовольствие низводить Сигвата до своего собственного убожества.

— Странно то, что он не сказал никому, почему он уехал, — продолжал Кальв.

— Как ты можешь говорить такое! — воскликнула Сигрид, чувствуя, что у нее дрожат руки. — Ты ведь знаешь, что он приезжал сюда, чтобы предложить тебе вместе отправиться к королю Олаву.

— Ты так рьяно защищаешь Сигвата! — засмеялся Кальв. — Но, боюсь, он был верен королю Олаву лишь на словах.

— Это неправда! — воскликнула Сигрид, вскакивая с места. — Сигват был более верен королю, чем кто-либо другой. Почему, как ты думаешь, он отказался стать скальдом короля Свейна? И у него были свои причины для того, чтобы отправиться в Рим.

До этого Кальв лежал, подложив по щеку ладонь. Но после ее слов он внезапно поднял голову и посмотрел ей в лицо.

— Что тебе известно об этом? — спросил он.

Сигрид невольно затаила дыхание. Гнев ее погас, словно ее окутали ледяной водой.

— Я уверена в том, что у него были на это причины, — смиренно произнесла она, — иначе бы он не уехал.

— Почему ты так горячо защищаешь его?

— Мне нравится Сигват.

Прищурился Кальв пристально посмотрел на нее; при этом он сел на постели.

— Нравится... — повторил он. Немного поразмыслив, он добавил: — Меня интересует, было ли что-то недозволенное между тобой и Сигватом.

Мысли перепутались в голове Сигрид. Священник Энунд сказал ей как-то, если Кальв спросит ее об этом напрямик, она должна сказать правду. Но Суннива, бедная крошка, разве она не стояла того, чтобы солгать?

Видя, что она медлит с ответом, Кальв недоверчиво уставился на нее. И, видя ее испуганное лицо и то, что она не знает, что сказать, он тихо сказал:

— Ты можешь не отвечать мне. Твое молчание — это уже ответ.

Она закрыла глаза: она не решалась смотреть на него, зная, что может произойти. И, еле слышно, так, что она едва могла различить слова, он произнес:

— Он — отец Суннивы?

Сигрид кивнула, не открывая глаз. Не говоря больше ни слова, он встал и начал одеваться. Она вскочила и бросилась к нему.

— Скажи что-нибудь, Кальв!

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

Лицо его было застывшим, глаза казались мертвыми.

— Выгони меня из дома! Но только не стой так...

— Какая от этого польза?

Он попытался улыбнуться, но лицо его лишь исказила гримаса.

Она беспомощно стояла перед ним. Ей очень хотелось утешить его, словно ребенка, которого наказали. Но он был не ребенком, чтобы с благодарностью принимать утешение из рук того, кто его наказал.

И когда она протянула к нему руки, он неподвижно стоял и смотрел на нее, и она опустила руки.

— Что ты думаешь делать? — спросила она.

— Пока не знаю, — ответил он. Потом повернулся, бросил долгий взгляд на Сунниву и вышел.

И когда дверь за ним затворилась, волна отчаяния нахлынула на Сигрид. Лучше бы он пришел в ярость, избил бы ее, дал ей почувствовать то наказание, которое, как она сама знала, она заслуживала! Это было бы для нее облегчением, да, своего рода благословением после всего того, что она пережила. Но он наказал ее не так.

Она готова была бежать за ним, умолять его о прощении. Но она знала, что все это будет напрасно.

И она дрожала так, что зубы у нее стучали, когда она легла в постель между детьми.

На следующее утро она увидела Кальва за завтраком, но он не разговаривал с ней. Судя по спешным приготовлениям, он собирался в дальние страны.

В полдень она отправилась в Стейнкьер, чтобы поговорить со священником Энундом; дома его не оказалось, и она вернулась ни с чем.

Скрепя сердце, она решила обратиться к священнику Йону; она никогда до этого не исповедовалась перед ним в своей неверности. И после полудня она все-таки пришла к нему.

— Тягчайший грех подчас оказывается безнаказанным, — глубокомысленно заметил он, когда она рассказала ему о случившемся. — Между Богом и людьми бывает то же самое; нередко для нас оказывается труднее принять Его прощение, чем наказание.

— Не думаю, чтобы Кальв простил меня, — сказала Сигрид.

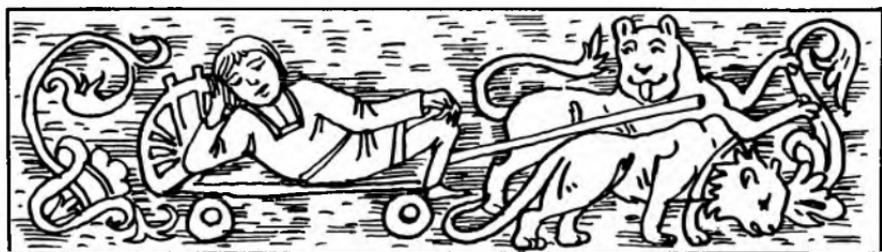
— Нет, — растерянно произнес священник Йон, — я тоже так не думаю. Думаю только, что ты напрасно мучала себя все это время. Одно дело — чувствовать свою вину, скорбеть о своих грехах и прилагать усилия к тому, чтобы больше не повторять их. И другое дело, когда человек сознался в содеянных грехах перед лицом Господа и покаялся — тогда уже не следует считать себя виновным. Делая это, человек сам судит себя и думает, что делает это лучше, чем священник, а то и вообще сомневается в правоте Бога.

Видя, что она не отвечает, он продолжал:

— Я поговорю с тобой позже. Думаю, что Кальв теперь нуждается во мне больше, чем ты.

С этими словами он встал и вышел. И Сигрид так и не узнала, о чем говорил с Кальвом священник Йон.

Вечером Кальв так напился, что его пришлось нести в постель. И он был еще далеко не трезв, когда на следующий день отправился в дальние странствия, ничего не сказав ни ей, ни кому-либо в усадьбе, куда держит путь.

Дни шли, но ничего не происходило. Сигрид сама не знала, чего ждет, но она удивлялась, почему не наступает конец мира для всех окружающих, если он уже наступил для нее. Она с трудом осознавала, что наступает утро, полдень и вечер, что домашние дела идут, как обычно, что она сама принимает в них участие, разговаривает с людьми, временами смеется и шутит.

Ей казалось, что она при всем этом не присутствует, словно какая-то ее часть стоит поодаль и плачет.

Старики говорили, что тот, кто увидит своего духа-хранителя, скоро умрет. Но ей казалось, что она сама была для себя духом-хранителем, и теперь она размышляла о том, что ей угрожает смерть.

И когда она оставалась одна, отчаяние овладевало ею целиком, черное, как ненастная ночь. Больше всего она думала о Сунниве; бедное, невинное существо, что теперь с ней будет? Бывало, ей вообще не хотелось, чтобы Кальв возвращался домой, она желала ему умереть в дороге. И в то же время она смертельно боялась Божьего наказания за подобные мысли...

Вскоре после отъезда Кальва она снова нашла священника Йона, и он попытался, как мог, утешить ее.

Он сказал ей, что она не сделала ничего плохого, рассказав Кальву правду. Возможно, со временем, когда Кальв обдумает все, для них обоих это будет лучше. Священник Йон полагал, что Кальв стал теперь пилигримом. И в этом случае он наверняка простит ее, получив прощение своих собственных грехов.

Сигрид не очень-то верила в это, так же как и в странствие Кальва в Рим. И если Кальв все-таки простит ее, поможет ли это Сунниве?

Ей следует предоставить все воле Божьей, сказал священник Йон. Но его слова не утешили ее. Как можно не чувствовать отчая-

ния при мысли о том, что может произойти, когда вернется Кальв? Легко было говорить священнику о том, чтобы предоставить все Божьей воле.

Всякий раз, глядя на Сунниву, она чувствовала, что на глаза ее набегают слезы. И часто, даже во время работы, особенно, когда никто не видел ее, она брала девочку на руки и с силой прижимала к себе.

Это лето было холодным и дождливым. Но однажды после полудня, когда погода была сухой, накануне праздника святой Суннивы, она взяла с собой Сунниву и отправилась на холмы Эгга, чтобы собрать мох для покраски пряжи.

Моросил дождь, и они шли, взявшись за руки, по мягкому и влажному ковру из хвои и листьев. Зеленый, длинный мох рос прямо на валунах, с еловых лап капала вода, а в просветах между листовыми деревьями их обдавало ливневыми потоками. Капли дождя сверкали на траве и среди темной зелени выделялись пятна белых, голубых и желтых цветов.

Где-то поблизости застучал дятел; Сигрид остановилась и стала присматриваться. И, увидев птицу, показала ее Сунниве. Дятел был небольшим, с черными и белыми пятнами и с красной шапочкой на голове. И Суннива визжала от восторга, видя, как он скачет вверх и вниз по дереву.

Они услышали шаги; обернувшись, Сигрид очень удивилась, увидев Хелену дочь Торберга. Она не могла представить себе, зачем девушке понадобилось идти этой дорогой, но тут подумала, что, возможно, у нее здесь назначена с кем-то тайная встреча.

Но Хелена не была удивлена, увидев Сигрид. Она остановилась и принялась болтать с Суннивой, а потом пошла с ними дальше.

— Когда Кальв вернется домой? — спросила она Сигрид.

Сигрид вздрогнула; вопрос прозвучал так неожиданно, тем более, что Хелена не имела к этому никакого отношения.

— Я не знаю, — коротко ответила она.

— Он тяжело воспринял это.

Остановившись, Сигрид повернулась к Хелене.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о Сунниве, — продолжала та, не меняя интонации.

Сигрид чуть не вскрикнула.

— Ты боишься, что я расскажу об этом кому-нибудь? — с вызовом произнесла Хелена.

Опустив голову, Сигрид уставилась на подол своего платья; никогда не думала она, что может чувствовать себя девочкой в разговоре с одной из своих служанок. И она с трудом удержалась от того, чтобы униженно просить Хелену молчать.

Прикусив губу, она подняла голову. Хелена пристально наблюдала за каждым ее движением, и Сигрид показалось, что она совсем не знает эту молодую женщину, в улыбке которой сквозила насмешка. Хелена всегда была такой послушной и тихой; лишь пару раз она позволила себе вскипеть. Но улыбка Сигрид была натянутой.

— Ты могла бы молчать — ради нее? — осторожно спросила она. При этом она кивнула в сторону Суннивы, сидящей на корточках и играющей с шишкой.

— Это не особенно поможет ей или тебе, когда он вернется домой, — сурово ответила Хелена.

Сигрид тяжело вздохнула.

— Да, — сказала она, — но, может быть, он вообще не вернется.

Хелена ответила не сразу.

— Если я и буду молчать, то, можешь быть уверена, только ради Суннивы, — сказала она.

Сигрид снова вздохнула, на этот раз с облегчением. В неприступности, которой окружила себя Хелена, появилась брешь, и она не замедлила воспользоваться этим.

— Как ты узнала об этом?

Во время разговора у нее опять появилось чувство раздвоенности, словно одна ее часть думала, говорила, прикидывала, как можно перетянуть Хелену на свою сторону, тогда как другая Сигрид уже прекратила борьбу. Она мысленно представляла себя ту, другую, лежащую и плачущую на мягком, сыром мху, не замечающую, как на лицо ее стекают капли дождя.

— Думаю, это была ты, вышедшая на рассвете из кладовой, когда в доме гостил Сигват Скальд, — сказала Хелена. — И через некоторое время Сигват тоже вышел.

Сигрид ничего не сказала.

— В первый месяцы после смерти Грьетгарда я плохо спала по ночам, — добавила Хелена. — Я часто поднималась до рассвета и выходила во двор.

— Ты кому-нибудь говорила о том, что видела?

— Нет. После препирательств между тобой и Сигватом мне с трудом верилось, что я не ошиблась.

— Когда же ты стала уверена в этом?

— Когда увидела ребенка.

— А потом ты говорила об этом с кем-нибудь?

Хелена покачала головой. На лице ее уже не было выражения превосходства, и, немного помедлив, она сказала:

— Я не могла это сделать из-за Суннивы. Я так полюбила ее, и я хорошо знаю, что значит... — она остановилась и сглотнула слюну, но потом нехотя добавила, — что значит быть приبلудным ребенком.

Сигрид отвернулась. Ее словно обожгло высказанной ей прямо в лицо правдой: Суннива приبلудный ребенок. Она посмотрела на дочь, которая уже начала хныкать, и девочка уцепилась за материнский подол.

Пытаясь быть приветливой с Хеленой все эти годы, она делала это ради Грьетгарда. Сама Хелена ее мало интересовала, к тому же девушка не выражала желания делиться с Сигрид своими мыслями.

Но сказанные ею слова открывали перед Сигрид ту Хелену, которую она не знала или просто не желала знать. И мысли Сигрид унеслись в прошлое, к детству Хелены.

Своего отца, корабельного матера Торберга Строгалу, Хелена никогда не видела; он умер еще до того, как она родилась. Мать ее была не особенно прилежной; она больше думала о мужчинах, чем о работе. И после того как Торберг побывал в Эгга, она стала совершенно невыносимой, и когда через два года после рождения Хелены она умерла при родах, никто, в том числе и она сама, не знал, кто был отцом ребенка; и когда ребенок умер, никто не скорбел о нем.

Сигрид помнила Хелену послушной и тихой, пугливой и благодарной за каждое теплое слово. Ей вдруг захотелось получше узнать ее, и она на миг забыла о своих печалях.

— Тебя очень огорчало то, что твои родители не были женаты? — острожно спросила она. Взгляд Хелены был быстрым и подозритель-

ным. Но, заметив, что слова Сигрид искренни, она вздохнула и расслабила напрягшиеся плечи.

— Ты же знаешь, мне постоянно твердили о том, кто я такая, — глядя куда-то в сторону, сказала она. В ее голосе звучало такое отчаяние, что у Сигрид появилось желание обнять ее, но она этого не сделала.

— И никому не было дела до того, что я старалась показать, что я не такая, как моя мать, — немного помолчав, сказала она. — Женщины постоянно твердила мне, что я стану такой, как она. И когда я подросла и мужчины стали ухаживать за мной, я знала, чего они хотят. Но священник Энунд сказал мне, что я смогу искупить грехи своих родителей, если буду жить праведной жизнью...

— Если ты была настроена так, то мне не понятно, как смог Грьетгард соблазнить тебя, — невольно вырвалось у Сигрид.

Хелена словно окаменела.

— Тебе не казалось отвратительным быть наедине с Сигватом Скальдом? — сухо спросила она.

Сигрид нечего было ответить; она сама не понимала, что заставило ее поступить так необдуманно. «Плотское желание», — поправил ее священник Энунд, когда она назвала это любовью. Возможно, он по-своему был прав, но ей все же казалось, что между нею и Сигватом было нечто большее.

— Я не знаю, — честно призналась она. И она увидела, как в глазах Хелены угасло упрямство.

— Я так любила Грьетгарда, что плакала, узнав, что у меня будет от него ребенок, — сказала она. — Я даже не осмеливалась думать о том, чтобы принести в мир подобное себе существо.

Сигрид невольно отвернулась. Лицо Хелены было таким доверчивым и на нем была написана такая душевная боль, что видеть это было просто невыносимо.

— Он обещал тогда на тебе жениться? — спросила она.

— Нет. Но он обещал дать ребенку имя, в случае, если это будет мальчик, — признать его сыном.

— Он думал, что Кальв и я допустили бы это?

— Он сказал, что когда ты увидишь своего внука, то смягчишься. И что, если ты будешь на нашей стороне, Кальва ты сможешь уломать.

Сигрид стало стыдно; она вспомнила, как мало горевала, когда ребенок умер. И она отвернулась, стыдясь больше за себя, чем за Хелену.

— Священник Энунд натолкнул Грьетгарда на мысль о том, чтобы жениться на мне, — продолжала Хелена. — После того как ребенок умер, он пытался уговорить Грьетгарда отослать меня прочь; он говорил, что смерть мальчика — это Божье наказание за то, что мы жили в грехе. Но Грьетгард отказался это сделать. И тогда священник Энунд сказал, что есть только один выход: если мы хотим избежать гнева Божьего, мы должны стать мужем и женой.

Сигрид ничего не ответила. Она подумала о том, какой расстроенной она была в тот раз, когда Грьетгард сказал ей, что хочет жениться на Хелене. И, покосившись на Сунниву, она подумала, что может наступить день, когда чья-то мать не захочет иметь ее в качестве невестки.

У нее устала правая рука, и она попыталась переложить спящего ребенка на левую руку.

— Тебе тяжело нести ее? — спросила Хелена.

Сигрид кивнула, и Хелена протянула руки, сказав:

— Давай, я понесу.

Девочка захныкала, когда ее перекладывали, но вскоре успокоилась. И Хелена улыбнулась, торопливо и нежно, глядя на нее. И когда она взглянула после этого на Сигрид, на лице ее все еще была тень той улыбки.

— Ради Суннивы я решила сказать тебе, что знаю, кто ее отец, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты пообещала, что если ее отошлют прочь, я могу отправиться вместе с ней. Пусть обо мне не слишком высокого мнения, зато я очень люблю ее.

Произнеся последние слова, она глотнула слюну.

Во всем ее облике было что-то беспомощное; Сигрид почувствовала угрызения совести оттого, что мало обращала на нее внимания, когда Хелена была ребенком. Но она прогнала прочь эти мысли. Она не могла брать на себя заботу о всех детях во дворе.

— Я обещаю тебе это, — сказала она.

— Если кто-то и узнает, что Кальв не ее отец, то он узнает это не от меня, — серьезно произнесла Хелена. И когда Сигрид протянула ей руку, она пожала ее.

— Откуда ты узнала, что Кальву известно об этом? — помолчав, спросила Сигрид.

— Когда я накануне его отъезда разносила мужчинам в зале пиво, я поняла из его слов, что это ему известно.

— И что же он сказал?

— Все то, о чем ты знаешь, — озабочено произнесла Хелена.

— Кроме тебя кто-нибудь слышал его?

— Сомневаюсь. И даже если и слышал, то никак не мог подумать, что он имеет в виду тебя.

Сигрид оставалось только догадываться о том, что говорил Кальв, но все-таки ей стало легче.

Больше они ни о чем не говорили, а повернули обратно к дому.

Вскоре распространился слух о том, что епископ Гримкелль вернулся в Трондхейм. Говорили, что он остановился у Эйнара Тамбарскьелве; так что вскоре предстояло решить вопрос о святости короля Олава.

Многие отправились на юг, в особенности те, кто был свидетелем знамения, происшедшего после того, как они призывали короля на помощь. Для остальных же было само собой разумеющимся то, что король был святым.

Сигрид казалось немислимым выслушивать всех этих людей, которые год назад посягали на жизнь короля, а теперь надеются, что его причислят к лику святых. Некоторые были напуганы, но таких было немного. Большинство же было уверено в себе; разве они не жаждали, чтобы короля Олава канонизировали как святого, разве они не были ревностными сторонниками его христианства? Они чувствовали теперь себя людьми короля, словно в битве при Стик-лестаде сражались на его стороне.

Однако Сигрид не тратила время на размышления о святости короля. Она была уверена в том, что епископ Гримкелль во всем разберется. Ее занимало совсем другое.

Разговор с Хеленой и мысли о ней и о Грьетгарде с новой силой всколыхнули в ней воспоминания о ее жизни с Эльвиром.

Более десяти лет прошло с тех пор, как он был убит. И Мэрин стал своего рода водоразделом в ее жизни; отсюда мысли ее бежали либо к прошлому, либо к настоящему. Все, что было до Мэрина,

казалось для нее долиной, расположенной по другую сторону гор, залитой солнцем землей, прекрасной, как мечта. Теперь же она жила на теневой стороне гор.

Но теперь, когда она думала об Эльвире, она не могла уже ясно представить его себе, и это мучало ее. И когда она пыталась узнать его черты в лице Тронда, пыталась представить себе, как он сидит на почетном сидении, как ходит по двору, она не могла удержать в мыслях его образ.

Она постоянно думала о нем; она размышляла о том, что он говорил и делал, и это помогало ей забыть о своих бедах и трудностях. И то, что она не могла вспомнить его облик, вскоре начало казаться ей кошмаром; она чувствовала, что должна вновь обрести его.

И однажды утром она увидела его рядом с собой.

Она вскочила с постели, протерла глаза, но его уже не было, хотя она могла поклясться в том, что он только что сидел на ее постели.

Он был в плаще с капюшоном и сидел спиной к ней, так что она не могла видеть его лица. Но у нее не было ни малейших сомнений в том, что это был он.

Он говорил о прошедших днях и рассказывал ей легенды и саги, как он это часто делал.

Она вся переполнилась счастьем, видя его рядом с собой, она протянула руки, чтобы прикоснуться к нему...

И тогда он исчез.

Внезапно она закричала. Она вспомнила, что, перед тем, как исчезнуть, он повернулся и посмотрел прямо на нее. И она заметила, что у него не хватает одного глаза.

Один! Именно так он являлся к Олаву Трюггвассону, сидел на его постели и рассказывал сагу за сагой. Она знала, что он мог менять обличье и пытался отвлечь людей от Бога и вернуть их обратно к язычеству.

Перекрестившись, она стала бормотать «Отче наш». Тем не менее, она не чувствовала себя в безопасности и испуганно озиралась по сторонам.

И если раньше она пыталась вспомнить лицо Эльвира, то теперь она старалась прогнать от себя видение с пустой глазницей и издевательской улыбкой.

Тем не менее, оно преследовало ее как во сне, так и наяву; время от времени ей хотелось снова увидеть его, и это пугало ее. Она понимала, что не должна была этого желать; она сопротивлялась этому, но постепенно сопротивление ее ослабевало, тогда как желание росло, превращаясь в страсть.

Днем бывало не так плохо: стоило ей перекреститься и произнести имя Христа, как видение исчезало. Но по вечерам, лежа в постели, она сгорала от желания поддаться этому видению. И она начала верить, что он и в самом деле вернется к ней, если она порвет с христианством.

И вот однажды ночью он явился; она не знала, было ли это во сне или наяву. Все существо ее трепетало от такой невыносимой тоски, о которой она сама даже не подозревала.

Это был Эльвир, со всеми присущими Эльвиру качествами, и в то же время это был Один. Она же была Сигрид и в то же время Герд и Фригг; Герд, спящей землей, которую весна еще не пробудила к жизни; и Фригг проснувшейся, теплой, плодородной землей.

После этой ночи она почувствовала себя словно парализованной. Днем она не осмеливалась даже креститься, боясь прогнать видение. И если в ней и был страх перед Божьим наказанием, она больше не обращала на это внимания.

Но по-настоящему она испугалась в церкви, во время мессы в честь святого Якоба*.

Когда священник Йон произнес слова: «Sanctus, Sanctus, Sanctus, Dominus Deus Sabaoth!» и небесные врата отворились для душправедников, она увидела на хорах, на месте изображения святого Иоанна, изображение Эльвира. И она увидела не святого, а самого Эльвира: Один с пустой глазницей самодовольно улыбался ей.

Она с трудом удержалась от крика. Стоя на коленях, она рыдала.

Она не вставала с колен во время всей службы, и когда все было закончено, она продолжала так стоять некоторое время; ей необходимо было придти в себя и вытереть слезы, прежде чем показываться людям на глаза.

И даже услышав, что кто-то остановился возле нее, она некоторое время не поднимала глаз.

* 25 июля.

Это был священник Энунд; он помогал проводить службу.

Увидев ее заплаканное лицо, он простер над ней руку и осенил ее крестным знаменем.

— *Benedicat te omnipotens Deus!*

Но она вскочила и, напуганная своей собственной грубостью, воскликнула:

— Нет!

Энунд сел на сидение Кальва.

— Могу я чем-то помочь тебе? — спросил он.

Она тоже села, закрыв лицо руками.

— Кальв поспешил уехать, — сказал он.

Она понимала, что он думает над тем, что заставило Кальва так поспешно уехать, и считает его отъезд причиной ее отчаяния. И она посмотрела на него сквозь слезы.

Вид у него был выжидающий. И она знала, что если она расскажет ему о том, что произошло, он потребует изгнать Одина.

И тут она вдруг поняла, что не хочет и не может говорить с ним об этом; она не решится потерять Эльвира, когда он, наконец, вернулся к ней.

— Да, — сказала она, вытирая слезы, — Кальв поспешил уехать.

При этом она почувствовала страх перед муками ада; ей показалось, что она видит священника Освальда на хорах, как это было во время освящения церкви; он стоял с закрытыми глазами, говоря о страшных муках ада, ожидающих грешников.

Никогда раньше у нее не было такого страха перед преисподней. У нее был страх перед очистительным огнем, но мысль о том, что ее ожидает вечное проклятие, никогда не приходила ей в голову. Если она и грешила раньше, то делала это необдуманно, всегда чувствуя, что, стоит ей набраться мужества, чтобы рассказать обо всем священнику, как Бог смилостивится над ней.

Теперь же она чувствовала, что сам дьявол поднимает в ней бунт против Бога. Бог отнял у нее Эльвира, оставил ее одну, словно потерпевший крушение корабль в штормящем море. И теперь, когда Эльвир вернулся, он требует, чтобы она прогнала его. Но она не желает этого, даже если в облике Эльвира ей является сам дьявол!

Энунд молча смотрел на нее; она не знала, что на лице ее написаны все ее чувства, пока он не сказал:

— Что-то мучает тебя. Расскажи мне все от начала и до конца.

— Нет, — ответила она, вставая.

Энунд тоже встал, и они вместе вышли из церкви. И когда они прощались, чтобы отправиться каждый в свою сторону, на переносице у священника обозначилась глубокая складка.

В последующие дни священник Энунд чаще обычного заходил в Эгга. Но Сигрид всячески избегала его, к тому же она перестала ежедневно посещать церковь.

Священник заметил отсутствующее выражение ее лица, словно она ходила во сне. И если он неожиданно разговаривал с ней, она сначала смотрела на него невидящим взглядом, а потом, словно проснувшись, отвечала.

На четвертый день он застал ее одну. Она сидела в старом зале перед ткацким станком, с полузакрытыми глазами, не замечая его; выражение ее лица и движения рук наводили на мысль о том, что она беседует с кем-то.

Энунд не на шутку испугался: она могла разговаривать с троллем. И он схватил висящий на стене меч.

— Вот имя Иисуса! — воскликнул он и занес над нею меч.

Она вскочила с криком:

— Дьявол бы побрал тебя, Энунд!

Не отдавая себе отчета в своих действиях, он бросился к ней и дал ей пощечину. А потом стоял и переводил взгляд с ее покрасневшей щеки на свою руку.

— Твоими устами говорит тролль, — сказал он.

Некоторое время она сидела, как парализованная, тяжело дыша. И когда она, наконец, заговорила, она смотрела мимо него, и в голосе ее звучала угроза:

— Оставь меня в покое! Ты думаешь, я не замечаю, как ты преследуешь меня?

Немного помолчав, она повернулась к нему и непристойно захохотала.

— Люди могут подумать, что у тебя на уме вовсе не богоугодные намерения!

— Священник ничего не ответил. Шагнув в сторону, он поднял лежащий на полу меч, а потом долго стоял и осматривал его, после чего, не увидев никаких повреждений, снова повесил меч на стену.

— Я давно уже говорил тебе, что не оставляю тебя в покое, — сказал он, — и, если я не ошибаюсь, сказал это здесь, в этом зале. И я сказал тогда, что сделаю это ради Эльвира. Перед смертью он обратил свои последние слова ко мне, передавая тебя и детей в руки Господа. И я чувствую перед ним ответственность за всех вас.

— Эльвир... — сказала Сигрид и принялась хохотать.

Энунд уставился на нее.

— Похоже, в тебя вселился дьявол, — сказал он.

Кто-то вошел в зал, и оба они повернулись к двери. Это была Рагнхильд. Она спросила у Сигрид, что подать к вечеру, брагу или самое лучшее пиво по случаю дня святой Марты.

Сигрид выдавила из себя улыбку.

— Несколько дней назад был день святой Магдалены, — сказала она. — Не слишком ли часты эти праздники? Это священник Йон сообщает тебе обо всех этих днях святых?

Рагнхильд кивнула и с разочарованным видом вышла из зала.

— Не думаю, что тебе станет хуже оттого, что ты расскажешь мне, что случилось, — сказал Энунд после ее ухода. При этом он не спускал глаз с Сигрид.

— Мне нечего рассказывать тебе, — сухо ответила Сигрид. — Я не сделала ничего плохого.

— Когда кто-то отворачивается от Бога, он гибнет, даже если он и не совершал других плохих поступков.

Сигрид молчала.

— Ты плохо вела себя, Сигрид, — сказал он, серьезно глядя на нее.

— Можно ли хорошо вести себя, когда вы, священники, пугаете бедных людей своими криками о преисподней? — спросила она.

— Преисподняя и Божий суд — дело серьезное, — ответил он. — Но если нас привязывает к Богу только страх перед вечными муками, тогда наше христианство мало что стоит.

Ведь для истинного христианина наивысшее счастье в жизни — следовать воле Бога, даже если это ведет к его мукам и смерти. И он с радостью принимает страдания ради своей веры.

Иногда я думаю, что для святого даже адские муки могут быть радостью, если он знает, что такова воля Бога. Для того же, кто ненавидит Бога, адом покажется вечное пребывание на небе.

Чем ближе мы к Богу, тем больше мы подчиняем свою волю Его воле, тем в большей степени мы обретаем обещанный Им мир, который невозможно обрести в мирской жизни и который не может поколебать никакая боль и никакое несчастье.

Сигрид сидела молча.

Она вспомнила ночь после смерти короля Олава; в тот раз, год назад, она поняла, что очистительный огонь не был страшен для Эльвира, потому что он сам жаждал покаяния и очищения. И она поняла, что имеет в виду Энунд.

Но бунт в ней был далеко еще не закончен.

Почему Божий мир был единственным возможным миром? Отлядываясь назад, она приходила к мысли, что в душе ее было куда больше мира, когда она не была еще христианкой.

Но тут она вспомнила пугавшие ее в детстве образы богов и задрожала.

Тем не менее, у нее был мир, который никто не мог отрицать: мир в любви к Эльвиру.

Этот мир был живым и теплым, словно земля; этот мир рождался снова и снова в токе ее крови, в безысходной тоске, затаенной радости, являющейся самой сердцевиной жизни. И этот мир не становился менее ценным оттого, что он был кратковременным, но в нем, как в созревшем осенью плоде, заключался зародыш новой весны, новой тоски.

И это священник Энунд хотел отнять у нее во имя Господа; теперь она поняла это. Он хотел оторвать ее от земли, от любви Герд к Фрейру.

И что же он хотел дать ей взамен?

То, что он называл Божьим миром. Но этот мир казался ей столь же мертвым и холодным, как замерзшее море, и столь же одиноким.

Она бросила на него взгляд. Вряд ли стоило объяснять ему это; все равно он бы этого не понял. Ведь он сам повернулся спиной к земной любви и земному теплу ради служения Господу. И в этом не было необходимости, ведь бывали и женатые священники.

— Почему ты не женишься, Энунд? — вдруг спросила она. Он порывисто вздохнул, но взял себя в руки.

— Думаю, что так я буду лучше служить своей пастве, — ответил он.

— Священник из Мэрина женат. Ты полагаешь, что он служит своей пастве хуже, чем ты?

— Нет такого закона, который требовал бы от священника безбрачия, — задумчиво произнес Энунд. — Каждый сам решает за себя.

— И у тебя никогда не было желания жениться? — не могла не спросить Сигрид.

— Это никого не касается, кроме меня, — нехотя произнес он. Было ясно, что разговор ему неприятен, и он избегал ее взгляда.

И Сигрид внезапно почувствовала, что победила. Наконец-то она прижала священника к стенке! Теперь она оплатит ему за то, что столько раз стояла перед ним на коленях, униженная и запуганная его упреками! Плотское желание, высокомерно сказал он, когда она призналась ему в том, что было между ней и Сигватом...

И в голосе ее звучало торжество, когда она произнесла:

— Ты никогда не поддавался плотским желаниям, Энунд?

Он невольно взмахнул руками, словно обороняясь от чего-то. Но голос его был спокоен, когда он сказал:

— Если мужчине нужно было бы становиться святым для того, чтобы стать священником, церкви бы давно уже опустели. Мы, священники, можем лишь стремиться, как и все остальные, выполнять Божьи заповеди. И если мы не в состоянии это сделать, для нас также существует исповедь, покаяние и Божье прощение.

Сигрид пристально посмотрела на него.

— А ты исповедовался? — спросила она. Подумав, она решила, что так и бывает: священник Йон рассказывал, что даже Папа Римский исповедуется. Но священник Энунд казался ей выше всякого греха, он казался ей таким же холодным и далеким, как снежная вершина.

И, увидев его таким по-человечески ранимым, она вдруг почувствовала в себе горячую струю Божественной любви. Вся тоска, устремившаяся в ней к земле, вдруг обратилась к небу, в предчувствии того, что мир, о котором он говорил, был не таким уж пустым и холодным. Она поняла, что и он познал жар любви; и, отвернувшись от него добровольно, он видел перед собой нечто более ценное.

Эльвир как-то говорил о любви, которую не может постичь человек; о мире, который не может быть обретен в земной жизни... Она видела перед собой проблески этого мира: это мир был тишиной в ее взбаламученном рассудке. И теперь она начинала понимать, что, возможно, эта тишина только предвещает путь к новой стране.

Где-то была церковь, скорее всего, в Константинополе, где стены от пола до потолка покрыты красочной мозаикой, а купол достает до самого неба. Эльвир рассказывал ей об этой церкви: она называлась Софийским собором.

Но для Эльвира небо распахнулось во всем своем великолепии даже в маленькой церкви в Стейнкьере. «Божественная любовь пронизывает все своим светом», — сказал он. Эльвир был самой жизнью, самым теплом, и никакая холодная любовь не могла завладеть им. Рядом с ним она чувствовала в себе искру любви, но когда его не стало, эта искра погасла. Именно эту любовь он хотел разделить с ней, излагая свои мысли в стейнкьерской церкви.

Ей показалось, что она очнулась ото сна. Эту любовь она по-прежнему могла разделять с ним, хотя он находился на небе, а она — на земле.

Что же касается Одина...

Она повернулась к Энунду. Он молча сидел, прислонив голову к стене. Глаза его были закрыты, пальцы рук переплетены.

— Земная любовь — это грех? — спросила она.

Ей пришлось повторить свой вопрос, прежде чем священник открыл глаза, и даже после этого он ответил ей не сразу.

— Христос сам освятил таинство брака, — сказал он. — Он сказал, что муж и жена — единая плоть.

— А если брак приносит одни лишь несчастья...

— Что заставляет тебя думать, что мы имеем право на земное счастье, Сигрид? Если ты живешь исключительно ради счастья, то эту жажду ты никогда не утолишь, и этот искус приведет тебя к гибели. И только когда ты в смиренной благодарности будешь считать счастье даром Божьим, каждая крупинка счастья станет для тебя сокровищем.

Некоторое время Сигрид сидела, не говоря ни слова. Потом встала и сказала:

— Если ты пойдешь со мной в церковь, я исповедуюсь.

— Да, Один опасен и коварен. Слава Богу, что ты не попала в его когти!

Священник стоял в полуоборот к ней, и она видела, как на висках у него пульсирует в жилах кровь.

Они были в церкви. Она рассказала ему все, что произошло, ничего не утаивая, ни своих мыслей, ни своих чувств. И она получила отпущение грехов.

Внезапно Энунд отвернулся от нее, не говоря ни слова; он направился прямо к алтарю и опустился перед ним на колени.

— Пойдем отсюда, — сказал он ей, вернувшись.

Он глубоко вздохнул, когда они очутились на свежем, прохладном воздухе.

— Один не только зол... — сказала Сигрид, возвращаясь в прерванному разговору.

— Как ты можешь говорить об этом после всего того, что рассказала мне?

Сигрид вздрогнула от неожиданного гнева священника. Но ей казалось, что она должна защитить Одина.

— Он делает людям также и добро, — сказала она. — Он наградил нас даром поэзии, хотя сам вынужден был нарушить клятву, чтобы добыть мед поэзии. И он, пронзив себя копьем, принес сам себя в жертву, чтобы добыть для любей и богов рунический дар.

— Он сделал это не только ради других, — сухо заметил Энунд. Но Сигрид ему не ответила.

— Почему же для него не может быть такого же спасения, как для нас? — спросила она.

— Сигрид!

— Ведь он же не дьявол! Просто он делал для людей все лучшее, что мог; и не его вина в том, что не все у него получалось.

— Теперь у него многое уже начинает получаться. И он ввел тебя в грех.

— Он был не единственный, кто совращал других, — сказала Сигрид; для нее была невыносима мысль о том, что Один осужден на вечное проклятие. Ведь даже если она и знала, что Один принял теперь обличье Эльвира, оба они странным образом слились для нее воедино. И она втайне благодарила Бога, зная, что Эльвир обрел мир и спасение.

Энунд в задумчивости молчал, и, когда он снова повернулся к ней, лицо его обрело прежнее выражение.

— Бог всемогущ, — сказал он, — и пути Его неисповедимы. И не наше дело решать, кто из людей или богов будет проклят.

Немного погодя он добавил:

— Возможно, нет ничего странного в том, что Один принял обличье Эльвира. Эльвир рассказывал мне, что с детства благоговел перед Одним.

Сигрид тоже вспомнила, что говорил Эльвир про Одина. Незадолго до смерти он сравнивал жертву Одина, висящего на Иггдрасиле, с жертвой Бога, выражающейся в смерти Христа.

Ей пришла в голову мысль о том, что последователь Одина, отдавшего свой собственный глаз за обретение мудрости, не может прекратить поиск истины. И когда Эльвир утверждал, что нашел истину, почему же он тогда не принял ее, означавшую, что Один теперь далек от него?

Мысли Энунда шли другим путем.

— Сегодня из Каупанга пришло известие о том, что откопали тело короля Олава, — сказал он. — Говорят, что гроб сам почти вышел из земли и что труп был таким же свежим, как в момент смерти.

Ход мыслей Сигрид был нарушен.

— Это не доказывает, что он святой, — сказала она.

— Может быть, и нет. Но с момента его смерти прошел уже год, и все это время он пролежал в земле. И если епископ объявит Олава Харальдссона святым, значит, на то воля Господня. И наши мнения в таком случае мало что значат.

— Не думаю, что я одобрила бы решение епископа.

— Наступит день, и ты будешь просить помощи у Бога и у святого Олава, — серьезно ответил священник.

Сигрид некоторое время молчала.

— Что они сделали с телом короля? — спросила она.

— Они снова закопали его, — сказал Энунд, — чтобы посмотреть, будет ли снова подниматься гроб.

Когда священник ушел, Сигрид снова вернулась в церковь. Она чувствовала, что пламя Эльвира, любовь, о которой он говорил ей, наконец-то загорелось в ней, и даже разговоры о святости Олава не могли погасить его. Опустившись на колени, она взглянула на изображение Иоанна — и ей показалось, что он улыбается.

Она вспомнила о том, что говорил священник Йон — о Якобе, который сражался с Богом и не хотел отпускать его, пока тот не

благословит его. И она тоже вела такую же борьбу, пока не поняла, что Бог может благословить и освятить земную любовь, которая была ее неотъемлемой частью.

И, наконец, она опустила голову и без всякой горечи поблагодарила Бога за те годы, что она прожила вместе Эльвиром.

Но, прежде чем встать, она все же пробормотала другую молитву — торопливо, путаясь в словах. Это была молитва о том, чтобы Олава Харальдссона никогда не признали святым.

Каждый день Сигрид ждала известий с юга о деле кнунга Олава. И она была не единственной; где бы ни собирались люди, они выспрашивали друг у друга новости из Каупанга.

Через два дня после праздника святого мученика Стефана* пришло, наконец, известие, и новость тотчас же распространилась среди местных жителей. Святость Олава была подтверждена; теперь он стал святым Олавом, и долгом каждого христианина стало почтение и верность по отношению к нему.

Народ собрался в церкви, и все, от мала до велика, возносили молитву к небу:

— Святой Олав, замолви за нас слово! Святой Олав, будь милостив к нам!

Но Сигрид не пошла в церковь. Она сидела и ткала, стараясь не думать о происшедшем. Тем не менее, слова Энунда то и дело всплывали в ее памяти: «Если епископ объявил Олава Харальдссона святым, значит, на то воля Господня».

Для нее было совершенно непонятно, как епископ мог вынести такое решение.

Ей хотелось поговорить со священником Энундом, но она колебалась. Последнее время, с тех пор, как они говорили с ним про Одина, он избегал ее.

И все же рано утром, на следующий день, она отправилась в Стейнкьер.

Когда она пришла, священник ел на кухне, и он вышел во двор, чтобы поговорить с ней. И, несмотря на то, что накрапывал дождь, он не предложил ей пойти в дом. Сигрид показалось это странным и не похожим на Энунда, но она ничего не сказала по этому поводу.

*13 августа.

— Я думаю, тебе следует съездить в Каупанг и поговорить с епископом Гримкеллем, — сказал он, когда она поведала ему о своих трудностях. — Он лучше, чем кто-либо другой, сможет сказать тебе, какие основания у него были для того, чтобы считать короля Олава святым.

Сигрид почувствовала внезапное облегчение; Энунд был прав, епископ Гримкелль развяжет этот узел. Поблагодарив за совет, она вернулась в Эгга.

Через два дня небольшой корабль отправился через Бейтстадский фьорд к проливу Скарн; двенадцать пар весел поднимались и опускались в такт, приглушенно шлепая по воде.

На воде танцевали тени, и она меняла цвет от черного до белого. Но как только корабль вошел в пролив, зеркальная поверхность покрылась рябью и барашками волн.

Здесь было течение, и хотя оно не отличалось особой силой, стало заметно, как корабль набирает скорость и движется вперед.

Сигрид стояла на палубе, рядом с рулевым; им был Ивар, один из сыновей Гуторма Харальдссона.

Она взяла с собой детей. Тронд стоял и разговаривал с Иваром; время от времени ему позволяли подержать штурвал, пока они плыли по Бейтстадскому фьорду. Суннива же сидела чуть поодаль с Хеленой дочерью Торберга, которую Сигрид взяла с собой в качестве помощницы.

Они плыли вдоль берега, мимо холмов, лесов, возделанных полей и усадеб.

Это была вторая поездка Сигрид в Каупанг — и первая добровольная. В прошлый раз она отплыла из Эгга как жена Эльвира; она не знала, что встретится в Мэрине с королем Олавом и что ее миру грозит Рагнарок.

Теперь она снова плыла на встречу с Олавом, но это должна была быть совсем иная встреча.

«Жизнь — это река времени», — подумала она, глядя на бурлящую за бортом воду.

Вот так бурлил ее собственный разум, когда она возвращалась обратно в Эгга из Каупанга вместе с Кальвом. И она боролась против

этого течения, словно хотела остановить его, повернуть реку времени вспять.

Теперь она понимала, что боролась тогда против воли Бога, ведь подобно тому, как Он направляет приливы и отливы, Он осуществляет приливы и отливы в жизни. И она вела безнадежную борьбу, вместо того, чтобы плыть по течению, как щепка, ожидая, когда придет время Божье.

«Ты должна научиться ждать», — вспомнила она слова, сказанные совсем в другой жизни. И ей показалось, что она видит перед собой Хильд дочь Инге с Бьяркея.

«У тебя будет все так, как ты сама того захочешь, — сказала ей Хильд. — Но ты должна научиться ждать».

Хотела ли она этим сказать, что бороться против своей судьбы, значит добавлять еще печали к тем, которые нам дают Норны?

К вечеру следующего дня они прибыли в Каупанг. В городе было оживленно. Несколько кораблей оказались на суше во время отлива, остальные стояли на якорях; и Сигрид стала беспокоиться, где им найти комнату для ночлега. Она утешала себя тем, что в худшем случае можно было разбить палатку прямо на палубе.

Они бросили якорь, и Ивар Гуттормссон вместе с двумя парнями отправился к берегу в большой лодке.

Ждать его пришлось долго; Сигрид сидела на месте рулевого и болтала с Хеленой, а Суннива играла возле них на палубе.

Мужчины сидели у мачты. Двое из них играли в тавлеи, остальные наблюдали; Тронд тоже был среди них.

Сигрид указала на Ладехаммерен.

— Вон там гвой отец строил «Длинного Змея», — сказала она Хелене. — Если хочешь, мы можем здесь остановиться и посмотреть стапели, оставшиеся после корабля, когда будем возвращаться домой.

Ничего не сказав, Хелена с благодарностью улыбнулась.

— Я и сама с удовольствием взгляну на них, — добавила Сигрид.

И она принялась рассказывать о Торберге, каким она помнила его во время его пребывания в Эгга. Но, заметив, что Хелена с трудом удерживается от слез, она замолчала.

— Я не буду мучить тебя, — сказала Сигрид.

Хелена покачала головой.

— Ты меня не мучаешь, — прошептала она, — просто раньше никто не рассказывал мне о нем...

— Просто тогда ты была еще маленькой!

— Я слышала, что он был известным корабельным матером и не менее известным женолобом. И я знаю, что он был убит отцом соблазненной им девушки. Но больше я ничего о нем не знала.

Беседуя с Хеленой на холме Эгга, Сигрид ощущала желание обнять ее, но воздержалась тогда от этого. Теперь же она сделала это, не обращая внимания на игравших в тавлеи мужчин.

Прерывисто вздохнув, Хелена припала к плечу Сигрид и заплакала. А Сигрид сидела и гладила ее по спине, не зная, как еще утешить ее.

Ивар Гуттормссон вернулся обратно ни с чем. И они стали устраиваться на ночлег на борту корабля, но тут из города прискакал верхом какой-то незнакомый человек и сказал, что ему нужно поговорить с Сигрид дочерью Турира из Эгга.

Он привез известие от Эйнара Тамбарскьелве и его жены Бергльот дочери Хакона. Они узнали, что Сигрид не смогла устроиться на ночлег, и надеются, что она с сопровождающими ее людьми погостит у них.

Сигрид поблагодарила; оставив на борту стражу, они поскакали в город.

На улицах было многолюдно. И, проезжая по городу, Сигрид заметила, что с тех пор, как она в последний раз была в Каупанге, здесь было построено много новых домов.

Дом Эйнара находился вдали от королевского двора, возле дороги, ведущей из города.

Сигрид никогда не видела в лицо Эйнара и теперь вспоминала все, что раньше слышала о нем. В основном она знала его со слов Эльвира, который его недолго любил. Эльвир считал, что Эйнар держит нос по ветру и пытается все обратить в свою пользу. Ей пришла в голову мысль о том, что предложить ей ночлег его заставило не только гостеприимство. И она решила быть осторожной в словах.

Эйнар и Бергльот вышли во двор встречать их.

Эйнар оказался таким, каким его представляла себе Сигрид; высоким, сильным, с надменным выражением лица. Но даже по сравнению с ним Бергльот казалась еще более видной.

Она была высокой, стройной, с правильными чертами лица; во всем ее облике чувствовалась раскованность. Она знала себе цену, будучи дочерью ярла Хакона Ладе, одного из последних потомков рода Ладе, единственного рода, сумевшего потеснить род Харальда Прекрасноволосого.

Сигрид подтолкнула Тронда вперед, когда та поздоровалась с ней.

— Это Тронд Эльвирссон, мой сын, — сказала она.

Некоторое время Бергльот изучала мальчика, а он в это время тоже смотрел на нее, без всякого смущения и страха. И она рассмеялась.

— Ты похож на своего отца, — сказала она. — И ты достаточно смел, как и подобает потомку рода Ладе.

Услышав это, Эйнар пристально посмотрел на мальчика.

К ужину было подано все самое лучшее; было ясно, что Бергльот и Эйнар стараются угодить ей.

Но Сигрид была настроже. Она внимательно следила за тем, что говорит сама и что говорят другие, и пила совсем мало, только ради приличия.

Когда ее спросили, она сказала, что приехала в город, чтобы поговорить с епископом Гримкеллем; она хочет получше узнать о том, каким образом короля Олава произвели в святые.

— Об этом я могу рассказать тебе не меньше, чем он, — сказал Эйнар, посылая ей быстрый взгляд. — Почему тебя это интересует?

— Когда человека вынуждают верить во что-то, ему не мешает знать, почему это делают.

— Вряд ли тебе очень нравился конунг Олав...

— А разве кто-то ожидал от меня, что он мне будет нравиться?

Эйнар засмеялся.

— Нет, — ответил он.

— Я слышала, что вы снова закопали в землю гроб короля, чтобы посмотреть, не выйдет ли он опять на поверхность, — сказала Сигрид. — Это правда?

— Гроб был у самой поверхности, когда его откопали.

— А теперь вы глубоко закопали его?

— Достаточно глубоко, — ответил он. При этом Сигрид заметила на лице Бергльот усмешку.

— И что же вы видели, когда откопали его?

— Король казался в горбу спящим, при этом не чувствовалось никакого запаха гниения, пахло чем-то душистым. Волосы и ногти у него отросли; епископ знал, какой длины волосы он обычно носил при жизни.

— Я помню, — сказала Сигрид, — волосы у него были довольно длинными.

Она показала длину рукой. Но Эйнар покачал головой.

— Нет, — сказал он, — он подстригал волосы гораздо короче.

Сигрид ничего не сказала. Она не так часто видела короля, и к тому же это было много лет назад.

— Епископ сам подстриг ему волосы и ногти.

— Как восприняла это королева Альфи́ва?

Сигрид не могла себе представить, чтобы причисление к лику святых короля Олава произошло по желанию королевы. Эйнар холодно улыбнулся.

— Она отказалась признать это, — сказал он. — Она сказала, что всем хорошо известно, что тело хорошо сохраняется в песке. Она предложила епископу положить волосы короля в огонь; она сказала, что поверит в святость Олава, если волосы не сгорят. И когда епископ положил волосы в чашу с благовониями и поставил ее на огонь, волосы не загорелись.

— Это звучит странно, — недоверчиво глядя на огонь, сказала Сигрид. — Ты видел сам, как волосы клали в огонь?

— Они лежали на поверхности масла. Масло загорелось. Но королева не поверила этому, сказав, что можно разжечь огонь так, что он не повредит тому, что находится на поверхности масла, и предложила епископу бросить волосы прямо в огонь.

— И он сделал это?

— Я попросил ее помолчать, — сказал Эйнар. — Я сказал ей, что пусть лучше она сама сгорит на этом огне.

— Весьма грубые слова по отношению к матери короля...

— Ей не стало хуже от этих слов, — вставила Бергльот, — такой троллихе! В Англии говорят, что ни она, ни король Кнут не являются родителями Свейна.

Эйнар, потупившись, повернулся к ней, но она продолжила как ни в чем не бывало:

— Говорят, она не может иметь детей. Тем не менее, она внушила ему мысль о том, что у нее будет от него ребенок. И когда пришло время, она взяла к себе Свейна и выдала его за своего ребенка. На самом деле это сын одного английского священника.

Сигрид трудно было поверить во все это.

— Но ведь у нее уже был один сын, — сказала она.

Бергльот кивнула.

— Харальд. Сын сапожника.

— Не принимай эту болтовню всерьез, — сказала Эйнар Сигрид.

Но Бергльот вспыхнула:

— Болтовня! По-твоему, болтовня и то, что король Кнут приказал убить из-за угла сына моего брата, Хакона?

Эйнар был явно в гневе.

— Тебе следовало бы меньше пить и держать язык за зубами!

Бергльот вскочила.

— Всем тем, что ты имеешь, ты обязан мне и роду Ладе, — сказала она. — И уже два года Хакон лежит на Оркнеях неотмщенным!

Сигрид не знала, что ей делать и говорить. И она осторожно посматривала на Эйнара. Но Эйнар сидел, сторбившись на своем почетном сидении, и смотрел в пол.

— Своему отцу я тоже кое-чем обязан, — сказал он, усмехнувшись.

Бергльот снова села и продолжала:

— Если мне позволят высказать свое мнение, то это Альфива толкнула короля Кнута на измену Хакону. Она хотела расчистить путь своим сыновьям. Я сказала Эйнару, чтобы он отшил ее так, чтобы она долго помнила об этом. И ты это сделал, Эйнар. Расскажи, что ты ей сказал!

— Не стоит об этом говорить, — ответил он.

Эйнар выглядел таким озабоченным, что Сигрид стало даже жалко его. Однако ее сострадание тут же прошло, и ей в голову пришли совсем другие мысли, когда он вдруг повернулся к ней и сказал:

— Где Кальв Арнисон?

— Он в походе.

— И давно он отсутствует?

— Около месяца.

— Куда же он отправился?

— Он не сказал.

— И когда обещал вернуться?

— Он ничего не говорил об этом.

— Ты хочешь сказать, что он отправился в поход, не сказав тебе, куда он собирается и когда вернется домой? — спросила Бергльот, явно потрясенная.

Эйнар рассмеялся.

— Сразу видно, что он мужественный человек, — сказал он. — Или же он умеет управлять бабами лучше, чем я!

Бергльот тоже расхохоталась.

— Королеве известно, что ты в городе? — немного погодя спросил Эйнар у Сигрид.

— Я... я не знаю, — ответила Сигрид.

Сигрид чувствовала себя не совсем уверенно. Она приехала в Каупанг, чтобы поговорить с епископом и по возможности обрести душевный покой. Но ей не приходила в голову мысль о том, что ее будут принимать здесь как жену Кальва Арнисона.

— Утром я позабочусь о том, чтобы она узнала о твоём приезде, — торопливо произнес Эйнар.

И Сигрид поняла, что попала в ловушку, воспользовавшись гостеприимством Эйнара. Если дело идет к распре между ним и королевой, ей не пристало делать выбор от имени Кальва. И, возможно, Эйнар не тот человек, который лучше всего подходит для того, чтобы сообщать королеве о ее приезде в город.

— Кальв ничего не говорил о том, что собирается к королю Кнуту? — вдруг спросил Эйнар.

— Нет, — ответила Сигрид, — он ни словом не обмолвился, куда собирается ехать.

— Что он думает о конунге Олаве?

— Он считает, что король был святым.

— Странно, что он уехал, не дождавшись решения епископа...

— Он был настолько уверен в своей правоте, что ему незачем было этого дожидаться.

— Странно слышать такое о человеке, возглавившем войско бондов в Стиклестаде!

Сигрид почувствовала, что попалась. Если бы она сказала, что Кальв сожалеет о том, что произошло в Стиклестаде, или что он пытался заключить мир с Олавом, Эйнар мог бы пойти к королеве

Альфиве или к королю Кнуту с этим известием. Но если она не даст понять, что Кальв поступал искренне, Эйнар может ослабить его положение среди бондов и церковников.

— После смерти короля было множество знамений и прочих чудес, — сказала она и тут же, чтобы переменить тему разговора, спросила: — Признала ли королева в конце концов святость Олава?

— Да, — ответил Эйнар. — Король Свейн и епископ подтвердили, что король Олав был святым. Рака была перенесена в церковь Клементя, и теперь она стоит там возле алтаря, покрытая парчой и коврами. Люди толпами идут туда, и, говорят, каждый день там случается чудо.

— Ты видел что-нибудь сам?

— Вчера поздно вечером люди шли с песнями и криками по городу вместе с прозревшей женщиной...

Сигрид не могла заснуть; она лежала и думала, не сказала ли она что-нибудь неподобающее.

Ее доверие к Эйнару Тамбарскьелве не усилилось, зато Бергльот ей понравилась.

И она стала размышлять о короле Олаве и его знамени.

Она лежала на одной кровати с Трондом и Суннивой, отгороженной от зала пологом. Дети мирно спали, и ей захотелось прижаться к ним, ощутить их живое тепло среди чужой обстановки.

Бергльот сказала, что Тронд был из рода Ладе. Она вспомнила о том, что рассказывал ей Эльвир о своем роде; теперь до нее дошло, что после смерти ярла Хакона Эрикссона Тронд был единственным, кто мог продолжить род Ладе по мужской линии.

Сигрид встала рано утром и еще до завтрака пошла вместе с Трондом в церковь Клементя.

По дороге они встретили множество людей, в основном, жителей Трондхейма, желавших увидеть раку короля Олава. Но среди них были также торговцы, приехавшие в город со своими товарами, священники и прибывшие из далеких походов люди, нередко одетые по-чужеземному. Были там и жители города.

И еще там были датские воины короля Свейна. Это были упитанные, вооруженные с ног до головы парни; они подозрительно озирались по сторонам, словно ожидая в любой момент нападения. При

виде их Сигрид задрожала. Одно датское слово стоит десяти норвежских, говорилось в законе...

Тронд совал во все нос, словно щенок.

И Сигрид подумала о двух других своих мальчиках, которых она брала с собой в прошлый раз в Каупанг — двух мальчиков, которые в один день лишились этого щенячьего рвения, которые попытались взвалить на свои детские плечи мужскую ношу. И ей страшно было думать о том, что, возможно, Тронда ожидает тоже такой день, когда Кальв вернется домой.

И она принялась думать о Кальве.

Кальв, который пытался так неуклюже ухаживать за ней, когда они впервые встретились в Каупанге.

Они подошли к церкви и вошли внутрь.

Там уже было полно народу; лампы и факелы освещали помещение, воздух был тяжелым от благовоний. Сигрид и Тронд стояли некоторое время у дверей.

У входа стоял один священник, у алтаря — другой, они направляли поток людей, желавших прикоснуться к раке короля. И когда священник подошел к ней, она покачала головой; и она задрожала, увидев, что Тронд последовал за священником. Но, остановив мальчика, она привлекла бы к себе внимание, поэтому она тихо встала на колени.

Это было почти то же самое место, где она стояла на коленях во время заутреней более десяти лет назад; она мысленно видела перед собой широкую спину Олава, стоящего на коленях перед алтарем. И в ушах Сигрид снова зазвучали крики, доносящиеся из Мэрина, заглушая пение священников...

Теперь конунг забрался еще выше, к самому алтарю, в гробу, накрытый дорогой материей. Остановив взгляд на королевской раке, Сигрид услышала крики Гюды, когда в Гьевране ослепляли Блотульфа, вопли Хакона из Олвисхауга, когда ему отрубили руки и ноги, крики королевских воинов, машущих окровавленными топорами и мечами и калечащих пленных людей.

Она видела их перед собой, эти жалкие, искалеченные остатки людей с незрячими глазами, когда на следующий день их заставили служить мессу. Теперь вы христиане, сказал тогда епископ.

«Христиане...» — с дрожью подумала она. Она вспомнила Блотульфа, когда тот, уставившись в пространство выколотыми глазами, подтвердил свою веру в Одина и сказал, что лучше умрет, чем

будет жить как негодяй и преклонять колени перед Богом короля; она вспомнила пожар в Гьевране, когда он принудил священника Йона отречься от Христа и сам нашел смерть в пламени.

Сигрид вздрогнула от крика. Какой-то человек стоял перед алтарем с поднятой правой рукой.

— Знамение... — прошел по церкви шепот.

— Этой рукой я поднял меч против королевского войска в Стик-лестаде, — кричал он. — И король покарал меня за это: с тех пор, как угасло солнце, рука была как мертвая. А теперь посмотрите! — он махал и вращал рукой. — Святой Олав, находящийся на небесах рядом с Богом, внял моим мольбам; он простил меня, он снова оживил мою руку!

— Да славится Бог! — произнес нараспев священник у алтаря.

— Да славится Бог! — вторил ему второй священник у входа.

Тронд вернулся обратно. Сигрид чуть не стало дурно, и, пробормотав «Отче наш», она встала и вышла вместе с ним из церкви.

Сигрид пришлось переночевать в Каупанге четыре ночи; и только в полдень третьего дня епископ принял ее. А на второй день ее пригласили ко двору королевы Альфивы и короля Свейна.

Сигрид много слышала об Альфиве — и мало хорошего. Все говорили что это королева ввела жестокие датские законы. Она была властолюбивой и лживой, так что Сигрид не очень радовалась предстоящей встрече.

Однако задав пару вкрадчивых вопросов о Кальве и Эйнаре, Альфива не замедлила перейти на лесть. И Сигрид гадала, то ли та опасается Эйнара, то ли пытается расположить к себе Кальва.

Король Свейн был красивым юношей, но говорил он мало. Сигрид показалось, что он чересчур почтителен к матери. И она невольное искала между ними сходство; возможно, Бергльот дочь Хакона говорила правду?

Утром своего последнего дня пребывания в Каупанге, Сигрид узнала о том, что прибыл кнапп с заморскими товарами; она пошла на пристань и купила красивую шаль, чтобы подарить ее Бергльот.

* Торговый корабль времен викингов.

И в назначенное время она явилась к епископу.

Он был один и с улыбкой подошел к ней; поздоровавшись, она сели. Сигрид было трудно начать беседу; и она начала с извинений по поводу своего прихода. Одно дело не принимать короля Олава как святого, и совсем другое дело — сидеть напротив священника, объявившего его святым, и подвергать сомнению его решение.

— Речь идет об Олаве... — начала она.

— О святом Олаве, — поправил он ее, и в его голосе ей послышалась жесткость.

Сигрид упрямо повторила:

— Речь идет об Олаве, которого, при всем уважении к Вам, епископ, мне трудно называть святым.

— Простому христианину не пристало решать, кого называть святым, а кого нет. Долг епископа — обдумывать такие вещи и принимать решения.

— Я знаю, — сказала она, — и я прошу объяснить мне, почему Вы признали Олава Харальдссона святым, ведь Вы же не стали бы этого делать без причины.

— В тебе нет приличествующего христианину смирения, Сигрид. Разве ты забыла, что обещала быть искренней, давая клятву при крещении?

Сигрид медлила с ответом. Ее удивило то, что он, говоривший о подобных вещах со многими людьми, помнит разговор с ней.

— В согласии с Вашими собственными словами я сказала тогда, что поступки короля мне не кажутся справедливыми, — сказала она. — Вы считаете, что король правильно поступил в Мэрине? — спросила она.

— Он считал, что выполняет волю Господа.

— Легко потакать собственным желаниям, выдавая их за волю Господа, — сказала Сигрид. — Как учил меня священник Энунд, все должно быть как раз наоборот: человек должен подчинять свою волю воле Господа.

— Я вижу, ты не принимаешь слова священника близко к сердцу!

Поняв, что сама себя подставляет под удар, она рассердилась.

— Я не претендую на то, чтобы меня считали святой, — сказала она. — Но даже Вы, епископ Гримкелль, вряд ли можете сказать о короле, что тот верил, что выполняет волю Господа, отказавшись

взять выкуп за Турира, моего сына, или когда брал себе в любовницы свою служанку.

— Он раскаивался в этом.

— Раскаиваются многие, не становясь при этом святыми.

Он бросил на нее властный взгляд.

— Как бы там ни было, но ты обязана верить мне, как своему епископу, что король Олав был святым.

— Вы полагаете, что я должна из страха соглашаться с тем, что конунг святой?

Поставив локти на стол, он уставился в пространство.

— Ты причастна к смерти короля, — вдруг произнес он.

— Я никогда не отрицала этого.

— Где ты была во время солнечного затмения в прошлом году?

— Дома, в Эгга.

— И ты не боялась Божьего гнева?

— Боялась. Но нет никакой связи между солнечным затмением и смертью Олава.

Гримкелль вздохнул.

— Думаю, что есть, — сказал он. — Разве ты не слышала о чудесах, происходящих у гроба короля? Слепые прозревают, больные исцеляются!

— Знаю я все эти чудеса, — медленно произнесла Сигрид и рассказала ему, как люди хотели сделать святого из священника Энунда в Стейнкьере, считая, что он поставил на ноги парализованную мать Эльвира; и никто не хотел ее слушать, когда она сама говорила, что все это время не была парализованной, а только дурачила людей. Энунд тогда просто не знал, что ему делать, ведь он не мог исцелять больных; и если кто-то выздоравливал, все считали это знамением его святости, а о тех, кто не поправлялся, попросту забывали.

— Так было этой зимой во Внутреннем Трондхейме и со святостью конунга Олава, — в заключении сказала она. — Помнили только тех, кто выздоравливал, прося его о помощи, об остальных же забывали.

— Я собственными глазами видел знамение, которое никто не может отрицать, — сказал епископ, выпрямившись. — Труп короля был совершенно свежим, когда его откопали. Ногти и волосы у него отросли, и волосы его не горели в огне.

— Королева недаром считает, что сведущие люди могут разжигать такой огонь, который не причинит вреда, — вырвалось у Сигрид.

Он чуть было не вскочил, но тут же сел на место.

— Значит, ты пришла сюда, чтобы сказать, что считаешь меня лжецом? — сказал он. — Разве ты не знаешь, что в моей власти отправить тебя на костер?

— Я пришла к Вам, чтобы обрести мир в душе, — сдержанно произнесла она. — Вы признали короля Олава святым, и Вы единственный, кто может мне помочь поверить в его святость или освободить меня от долга верить в это.

— От этого долга я не хочу и не могу освободить тебя, — ответил он.

Сигрид встала.

— Простите, что отняла столько времени, — сухо сказала она. Она внезапно почувствовала, что должна немедленно выйти, пока ярость не овладела ею. До этого она не догадывалась, что во многом ее христианская вера основана на доверии к Гримкеллю, на сказанных им когда-то словах о том, что никто не заставляет ее признавать христианство Олава. И даже когда, вопреки всему, епископ объявил конунга святым, она была уверена в том, что он сможет объяснить ей, почему он это сделал, или же сделать для нее исключение.

Но теперь он говорил ей ничего не значащие слова. А, увидев, что ее невозможно переубедить, он стал угрожать ей.

Она протянула ему руку и хотела уже уйти, но он остановил ее. Она нехотя села, чувствуя на глазах слезы. Она чувствовала, что он не спускает с нее глаз; губы ее дрожали, и в конце концов она закрыла лицо руками.

— Бог привлечет меня к ответу на Судном дне, если я отошлю тебя, так и не сумев помочь тебе, — сказала он.

Она медленно подняла голову и посмотрела ему в лицо; он буравил ее глазами.

— Король был святым. Ради Бога, Сигрид, поверь мне! Не нам, простым смертным, осуждать его, не нам указывать ему путь.

Если путь его отмечен жестокостью и убийствами, мы не осуждаем его за это. И мы это делаем не только потому, что боимся короля; мы делаем это потому, что полагаемся на Бога. Мы не можем рассчитывать на то, что Он, повелевающий небесным воинством и спо-

собный превратить горы в песок, сможет окрестить Норвегию, если мы преградим путь королю.

Даже после того, что произошло в Мэрине, где досталось и христианам, и язычникам, даже после разговора с тобой, Сигрид, у меня не хватило мужества и веры порицать его, что я должен был сделать.

Мы знали о властолюбии и жестокости короля Олава, но это шло нам на пользу; мы принесли в жертву его душу, чтобы окрестить страну. И даже когда он грешил, сам сознавая это, мы не имели права порицать его за это или накладывать на него покаяния, которого он заслуживал. Мы опасались, что наши упреки отвратят его от христианства и страна не будет крещена.

Но Бог видит то, чего не понимают люди. Он видел, как пылало королевское сердце, как ревностно он искал путь Божий; и если он ошибался, то это потому, что у него были плохие проводники. Бог очистил душу короля скорбью и потерями, и конунг поэтому понимал то, чего не понимали все остальные. И в самом разгаре битвы при Стиклестаде король отложил в сторону меч, обратил лицо к небу и передал в руки Господа свою жизнь и крещение страны.

— Он не отложил в сторону меч, он отбросил его далеко в сторону, да и рана его была не такой опасной, чтобы из-за этого прекращать борьбу... — заметила Сигрид.

Епископ сглотнул слюну.

— Откуда тебе это известно? — спросил он.

— Мне рассказал об этом Кальв, — сказала Сигрид. — Уже после сражения он сказал, что король умер смертью святого. Его лицо светилось, сказал он, когда он обратил взор к небу.

— Почему же тогда Кальв не пришел сюда сказать об этом?

— Он в походе.

Епископ недоверчиво посмотрел на нее.

— Это из-за тебя он покинул дом?

— Я не хотела прогонять его, — ответила она.

Он вопросительно уставился на нее.

— Сохранишь ли ты тайну исповеди? — спросила она. И когда он уверил ее в этом, она рассказала, почему Кальв уехал из дома. В заключение она сказала, что священник Йон считает, что Кальв стал пилигримом, хотя она сама сомневается в этом.

Епископ ничего не ответил, но по выражению его лица она поняла, что он тоже сомневается в том, что Кальв стал пилигримом.

— Я буду молиться за него, — сказал он. — За вас обоих, — добавил он.

— Я поняла, что Вы имеете в виду, говоря о святости короля Олава, — сказала Сигрид, — но когда я увидела его гроб в церкви Клемента, мне показалось, что я слышу крики из Мэрина.

— Бедное дитя, — сказала он, и голос его был мягок.

Она медленно повернулась к нему. Меньше всего она ожидала от него сострадания, в особенности после того, что сказала ему.

— Посмотри вокруг себя! — сказал он. — Разве ты не замечаешь самого великого чуда? Зло, причиненное людям королем Олавом, Господь обратил в благодеяние! Его смерть и последующее солнечное затмение привели людей к христианству. И не путем принуждения, как он делал это при жизни, а путем глубокого проникновения в сердца людей, чего, как я полагал, можно будет добиться только на протяжении нескольких поколений. Взгляни на происходящие теперь чудеса! Если и правда то, о чем ты говоришь, и есть какие-то преувеличения, то вправе ли мы осуждать людей за то, что они верят в это?

Сигрид задумалась.

— Если я и поверю в какое-то чудо, так это в то, что у Турира зажила рука, — сказала она.

— У какого Турира?

— У моего брата Турира Собаки. После сражения при Стиклестадде он сказал, что во время битвы был ранен в руку; большой палец был почти отрублен. Но когда он вытаскивал из тела короля свое копьё, из раны конунга полилась кровь, и рана у него на руке вмиг затянулась.

Епископ уставился на нее.

— Ты уверена в этом?

— Я уверена в этом настолько, насколько могу быть уверенной, не видя все собственными глазами. Турир показывал мне свою руку, между большим и указательным пальцами был шрам, похожий на нить. Но я тогда не поверила ему. Я сказала, что во время битвы его могли ударить по голове.

Гримкелль покачал головой и рассмеялся.

— Сигрид! Сигрид! — сказал он. — Что может заставить тебя поверить в это? Если ты даже увидишь перед собой распахнутое

врата рая и короля Олава возле трона Всевышнего, то я не уверен, что это убедит тебя. Ты не раз могла уже убедиться в том, что люди верят в то, во что они хотят верить, не обращая внимания на окружающих.

Сигрид захотелось возразить ему; она вспомнила, что нечто подобное ей самой однажды пришло в голову; это было вскоре после рождения Суннивы. Находились такие, которые считали, что она похожа на Кальва, и Сигрид подумала тогда, что люди видят то, что хотят видеть.

Она стала припоминать, не страдала ли сама подобной слепотой.

Но епископ снова стал серьезен.

— Ты говоришь о Мэрине, — сказал он, — ты говоришь, что когда была у гроба короля, то слышала доносящиеся из Мэрина крики. Я хочу, чтобы ты сегодня снова пошла в церковь Клемента и преклонила там колени. И если ты еще раз услышишь крики из Мэрина, тебе не следует думать о короле Олаве. Тебе следует думать о епископе Гримкелле, который до конца дней своих будет отпускать грехи за то, что произошло не только в Мэрине, но и в Намдалене и многих других местах. Ведь это он виновен, он, богоотступник.

Опустив голову, Сигрид молчала.

— Мы не смеем налагать на короля покаяние за его грехи! — вдруг воскликнул епископ. — Знаешь, какое покаяние он наложил на самого себя? Когда он совершил грех, работая в воскресенье, он сжег в ладони цепки, которые настрогал!

Многозначительно помолчав, он добавил:

— Надеюсь, теперь ты поверишь в святость короля, и это все, что я могу сказать тебе.

Он встал. Она тоже поднялась.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — сказала она, — но я начинаю все понимать...

И она преклонила колени, чтобы получить благословение.

Сигрид сдержала данное Хелене обещание. Отправившись утром из Каупанга, они остановились у Ладехаммерена и вышли на берег, чтобы взглянуть на стапели, оставшиеся от «Длинного Змея».

Во взгляде Хелены было почтение, когда она осторожно касалась рукой стапелей. Потрепанные временем и непогодой, они все еще давали представление о размерах и формах «Змея».

Хелена была оживлена и разговорчива, и Сигрид осторожно намекнула на то, что ей нужно выйти замуж.

— Мне хотелось бы, чтобы ты прекратила говорить об этом, — ответила Хелена.

— Если бы я только знала, почему ты не хочешь этого... Это не идет на пользу ни тебе, ни твоим воспоминаниям о Грьетгарде.

— Разве ты не понимаешь, что я буду чувствовать себя неверной по отношению к Грьетгарду, если сделаю это?

Сигрид тяжело вздохнула. Она и сама раньше думала так об Эльвире. Но по своему опыту она знала, что жизнь устроена иначе. В жизни был еще и другой смысл, и только в любовных песнях люди умирали от тоски. Тем не менее, слова Хелены пробудили в ней какое-то мучительное чувство, и внезапно она пришла в ярость.

— Грьетгард никогда не вернется назад, Хелена, — жестко произнесла она, — а сын Квама наверняка еще не нашел себе другую; тебе будет хорошо, если ты выйдешь за него замуж.

Хелена долго смотрела на нее.

— А тебе хорошо с Кальвом? — спросила она.

Сигрид прикусила губу.

— Я начинаю думать, что если мне и плохо с ним, то в этом моя вина, — ответила она.

— Ты не должна мне больше говорить о том, чтобы я вышла замуж, — серьезно продолжала Хелена, — иногда я подумываю о

том, чтобы уйти в монастырь или жить отшельницей, посвятить свою жизнь Богу. Я думаю о том, чтобы жить в маленькой келье, одной, и всю свою жизнь молиться за Грьетгарда и спасение его души, а также за своих родителей и всех, кто в этом нуждается.

— Ты говорила об этом с Эннундом?

Хелена кивнула.

— Он сказал, что боится, как бы я не покончила с жизнью. Тогда жертва была бы напрасной. Он говорит, чтобы я еще раз все обдумала. И если наступит день, когда я почувствую, что жизнь еще может мне что-то дать, тогда как Бог значит для меня еще так много, что я могу добровольно посвятить ему себя, мы с ним еще раз поговорим об этом.

— Ты понимаешь, что он имел в виду?

— Не совсем, — призналась Хелена, — но если придет день, о котором он говорил, я узнаю его, — убежденно добавила она.

— И ты ждешь этого дня?

— Да.

— Я не буду больше приставать к тебе, — сказала Сигрид. И когда они вернулись обратно на корабль, она смотрела на девушку с уважением.

Когда они подходили к Эгга, на пристани стоял чужой кнарр. Сигрид показалось, что он похож на корабль Турира Собаки.

Гребцы работали, и Тронду не сиделось на месте: он вылез за борт и попробовал пробежаться по веслам. Это закончилось тем, что он очутился в воде, но не сдался, вылез из воды и снова забрался на весло.

Сигрид пыталась остановить его; она говорила, что вода холодная. Но Ивар Гуттормсон засмеялся и спросил, не хочет ли она помешать мальчику стать мужчиной.

Сигрид подумала, что из Грьетгарда и Турира получились мужчины и без всех этих шалостей. Но она понимала, что препятствовать бесполезно, и оставила его в покое.

На пристани стоял Турир Собака; Сигрид была права, это был его корабль.

Поднимаясь вместе с ней в усадьбу, он сказал, что прибыл днем раньше и намеревается отправиться в Каупанг, чтобы засвидетельствовать перед епископом, что его рана зажила от крови короля Олава.

И он был разочарован, когда Сигрид сказала ему, что уже сообщила об этом Гримкеллю.

— Я не мог приехать раньше, — сказал он, — я отправился в путь, как только на севере стало известно о предстоящем деле короля.

— Думаю, что епископ с удовольствием выслушает все это из твоих уст, — сказала Сигрид. — Я не такая уж хорошая рассказчица.

— Ты веришь в то, что я сказал тебе правду?

— Разве я не видела твою руку?

Они остановились, и он вытянул вперед руку. Шрам все еще был виден, и она ощутила его; он слегка выступал на коже.

— Я верю тебе, — наконец сказала она.

— Слава Богу! — ответил он. И они продолжали путь наверх. — После Каупанга я думаю отправиться в Англию, — сказал он, — чтобы рассказать королю Кнуту о случившемся и засвидетельствовать перед ним, что Олав действительно был святым.

— Не думаю, что это очень понравится королю Кнуту.

— Дело не в том, понравится это ему или нет, Сигрид. Я всегда ставил власть и богатство выше порядочности. Помнишь, как Эльвир однажды поинтересовался, что властвует надо мной, я сам или серебро?

— Еще бы мне не помнить это, — ответила Сигрид, — как раз тогда ты и Эльвир поссорились.

— Да, — сказал Турир, — возможно, я бы меньше рассердился, если бы слова не попали в цель.

— Впоследствии Эльвир пришел к выводу, что был чересчур жесток с тобой.

— В самом деле? — с улыбкой спросил Турир. — Значит, мы навечно остались с ним друзьями.

Немного помолчав, он сказал:

— Я собираюсь отправиться дальше Англии: на покаяние в Рим, а то и в Святую землю...

— Ты хочешь покаяться в том, что убил короля Олава?

Турир рассмеялся.

— Сразу после битвы, в прошлом году, я исповедовался у Энунда и получил отпущение грехов. И я выполнил покаяние, которое он наложил на меня. Грех ведь не становится больше оттого, что короля объявили святым...

— Зачем же тебе тогда отправляться на юг?

— А почему бы мне не отправиться на юг? — в свою очередь спросил он. — Я достаточно уже насиделся на Бьяркее. Сигурд позаботится о хозяйстве, и ему с его женой вряд ли будет не хватать меня.

Они вошли в зал и сели.

— В прошлый раз ты говорил, что Сигурд женился на дочери Снорри Доброго, — сказала Сигрид. — Как у них дела?

— Превосходно. По-моему, они скорее ведут себя как мать и сын, чем как супруги, и его это устраивает. Летом у них родилась дочь.

— Как же ее назвали?

— Раннвейг, — ответил Турир, став вдруг серьезным. — Ты спрашиваешь, почему я направляюсь на юг. Я делаю это ради Раннвейг, моей Раннвейг. Она умерла как язычница.

— И что можно теперь сделать?

— Я не знаю. Священник из Тронденеса сказал, что в первые годы христианства случалось, что людей крестили после смерти. Об этом я и хочу узнать. Если будет возможность помочь ей, за мной дело не станет.

— И тебе нужно отправляться в Рим и в Святую землю, чтобы узнать это? Думаю, что епископ Гримкелль сможет дать тебе совет.

— Лучше всего обратиться к самому папе, — сказал Турир, — и к тому же мне хочется туда съездить. Я не могу сидеть дома; викингом я не могу больше стать, а торговать мне не хочется. Мне хочется попасть в места, в которых я еще не бывал...

При мысли о новых местах и новых впечатлениях на лице его появилось ребяческое выражение; именно эти новые возможности и привязывали его к христианству.

Сигрид послала в Гьевран за Финном Харальдссоном, и к вечеру он вместе с Ингерид прибыл в Эгга.

Сначала они говорили о холодном лете; хлеба поднялись поздно, и люди опасались, что начнутся заморозки.

Потом разговор пошел о Халогаланде, о Грютее и Бьяркее и других знакомых местах.

На протяжении многих лет Эгга был домом для Сигрид, и северные воспоминания начали тускнеть. Тем не менее, она все еще чувствовала тоску по местам своего детства; Бьяркей продолжал сиять в глубинах ее сознания, словно солнце у горизонта в летнюю полночь.

И, глядя на Турира, который был частью этих воспоминаний, она чувствовала, что связь между ними не ослабела с годами. Более того, ей казалось, что благодаря тому, что они редко видятся, связь между ними крепнет. Они всегда разделяли горе друг друга, и он всегда готов был прийти ей на помощь.

Ее не очень обрадовало то, что он собирался покинуть страну; ей могла понадобиться его помощь в любой момент.

Но потом она подумала, что, возможно, он сможет помочь ей, находясь вдали. Он может упомянуть в молитвах в святых местах ее имя и имя Суннивы.

И она решила довериться ему.

— Значит, ты дала себя соблазнить Сигвату Скальду, — задумчиво произнес он на следующий день, когда она рассказала ему обо всем. — Наверняка, ты не единственная.

Они направились своим обычным путем на холм Эгга и сели у обрыва, откуда открывался вид на фьорд.

— Турир! — умоляюще посмотрев на него, сказала она. — Я знаю, что поступила опрометчиво, но мне хочется верить — после того как Сигват отправился на покаяние в Рим — что я значу для него больше, чем другие.

— Можно подумать, что... — он пристально посмотрел на нее, — что годы красят тебя.

— Когда я мыла в последний раз волосы, я заметила седину.

Он засмеялся, тряхнув своей седой гривой.

— Все мы подвержены этому.

— Ты думаешь, Кальв вернется осенью домой? — немного помедлив, спросила она.

— Меня удивит, если он этого не сделает. Как лендману короля Свейна, ему есть чем заняться и тут.

— Ты считаешь, он стал пилигримом?

Турир засмеялся.

— Пилигримом? Полагаю, он меньше всего думает об этом. В той ярости, в которой он наверняка был, он скорее всего подался в викинги.

— Ты судишь по себе? — сердито спросила она. Его насмешка обидела ее, и к тому же ей совсем не нравилась мысль о том, что Кальв мог стать викингом.

— Возможно, — ответил он, бросая на нее взгляд. Потом положил руку ей на плечо и серьезно сказал: — Тебе придется туго, когда он вернется.

Она отвернулась, ничего не сказав.

— Я не знаю точно, что говорят об этом законы Всеобщего тинга, — сказал он, подумав, — ты можешь обратиться к священникам, если тебе понадобится, к сведущим в законах людям. И ты можешь заявить Кальву, что если он не предоставит тебе твои законные права, мне придется поговорить с ним, когда я вернусь. Совсем другое дело, если ты захочешь сама уехать из Эгга; я отправлю из Каупанга известие Сигурду, чтобы он принял тебя и детей, если вы приедете на Бьяркей.

— Мне бы не хотелось, чтобы Сигурд знал об этом, — все также глядя мимо него, сказала Сигрид.

— У него не будет никаких подозрений, если ты надумаешь погостить на Бьяркее.

Сигрид задумалась.

— Нет, — сказала она, — у него будут подозрения.

Некоторое время оба молчали.

— Ты перековал серебряный молоточек на крест, как собирался? — спросила она.

Он вытащил из-за пазухи серебряный крест, висящий на цепочке.

— Однажды я чуть было не потерял его, когда кожаный ремешок порвался, — пояснил он, заметив, что она осматривает красивую серебряную цепочку; серебряные нити были сплетены в тонкий шнурок.

— Священник из Трондлчеса освятил крест, — сказал он, — так что теперь он защищает меня лучше, чем когда-то молоточек.

— Я вижу, ты больше доверяешь молитвам священника, чем колдовству финнов, — сказала она, и он захохотал.

— Я сохранил дружбу с финнами, — сказал он. — Но Христос все же сильнее их колдовства.

На следующий день, прощаясь с ней, он опять сказал, что она сможет рассчитывать на него, если ей понадобится помощь. Он сказал, что намеревается отсутствовать не более года.

— Все куда лучше, чем ты думаешь, — утешал он ее, — я буду молиться за тебя не только в соборе святого Петра в Риме, но в

каждой церкви, куда я буду заходить, и в Иерусалиме, если я попаду туда.

После его отъезда она поднялась на холм, на то место, где они сидели с Туриром. И она стояла и смотрела на выходящий из фьорда корабль. Ветер был крепким, парус с широкими полосами был красиво надут, и корабль быстро продвигался вперед; мачты гордо возвышались над водой. Турир плыл на «Морской чайке», построенной для него Торбергом Строгалой — и это был его любимый корабль. И она была уверена, что сам Турир стоит сейчас за штурвалом.

Сигрид глубоко вздохнула. После встречи с Туриром у нее появилось ощущение безопасности. Она была рада, что рассказала ему о Сигвате; хорошо было осознавать, что, вопреки всему, за спиной у нее стоял брат.

Стоя так и провожая корабль глазами, она мысленно возвращалась к тем беседам, которые они вели эти дни. Они говорили о многом, но больше всего — о короле Олаве и битве при Стиклестаде. Взгляд ее скользил от корабля к Кроксвогу на другой стороне Стейнкьерского фьорда; мысли ее обратились к Мэрину и Вердалену.

Она подумала, что ей нужно съездить в Стиклестад; она так много слышала об этом месте, и оно стало частью ее жизни. Там, со смертью Олава, закончился путь, начатый в Мэрине убийством Эльвира; путь, преисполненный ненависти и жажды мести, который привел ее сыновей к гибели в Оппландене, а позже привел в Стиклестад и Турира с Кальвом. Мечь, о которой она мечтала, наконец осуществилась — мечь, которая перестала быть мечью.

Решив отправиться в Стиклестад, она почувствовала, что становится пилигримом.

В один из воскресных вечеров — в обычный год это было бы время жатвы — Сигрид с Харальдом Гуттормссоном и одним из работников въехали верхом в усадьбу Стиклестада. Залаяла дворовая собака, и из двери поварни выглянул какой-то человек, чтобы узнать, в чем дело. Харальд подошел к нему, чтобы переговорить, и вскоре во двор вышел хозяин.

— Добро пожаловать, Сигрид дочь Турира, — сказал он. Но в голосе его не было особого тепла. — Мы как раз ужинаем; заходите и поешьте с нами.

Сигрид поблагодарила, и они пошли на кухню.

Разговор шел о погоде и о видах на урожай, но потом Сигрид сказала о цели своего приезда. Стиклестадский хозяин сказал, что последнее время по ночам бывают заморозки, так что хлеб уже не спасешь.

Сигрид кивнула, сказав, что заметила это.

— В Эгга дела обстоят не лучше,—сказала она.

— Иного и ожидать не стоило, — многозначительно заметил стиклестадский бонд.

— Скорее всего, — согласилась Сигрид, и оба замолчали.

После этого она сказала:

— Я приехала сюда, чтобы посмотреть, где погиб король Олав; я надеюсь, ты покажешь мне это место, Торгильс.

— Ты должна узнать, где он погиб, Сигрид дочь Турира, потому что это твой брат сразил его! — ответил он.

Она ничего не сказала.

Вечернее солнце бросало золотой отсвет на поникшие хлеба, когда Торгильс вел Сигрид по полю, вдоль тропинки.

— Многие приезжают сюда? — спросила она.

— Приезжает кое-кто, — ответил он.

— Я слышала, что ты забрал тело короля Олава после сражения. Это правда?

— Да.

Они подошли к большому камню.

— Вот тут он лежал, — сказал Торгильс и показал ей место.

— Ты видел какое-нибудь чудо возле тела короля? — спросила она.

Он смерил ее взглядом.

— Все ты выпытываешь, — сказал он, — может быть, это мне нужно спросить у тебя, что тебе здесь нужно...

Его ответ обидел ее; отвернувшись, она стала смотреть на горы, возвышающиеся на горизонте.

— Эта земля пропитана кровью, — неожиданно произнес он, — они лежали здесь бок о бок, убитые и раненые, их вопли и крики делали это место страшнее Ностранда.

Сигрид вздрогнула. Согласно старому поверию, Ностранд был местом наказания преступников, где их кусали ядовитые змеи.

— Там, на возвышенности, стояла королевская дружина, — сказал Торгильс, указывая рукой в сторону холма, — а вот там... — он повернулся, — стояло войско бондов.

Сигрид кивнула.

— Ты увидела то, что хотела увидеть? — спросил он.

— Мне хотелось бы побыть здесь немного, — сказала она. —
Одной.

Некоторое время он стоял молча. Потом сказал:

— Мне посчастливилось отдать долг королю при его жизни.

— Да, — сказала Сигрид. Она знала, что Торгильс служил королю Кнуту, но перед сражением заключил мир с королем Олавом.

— Он не был жесток ко мне, — продолжал он. — Он только обязал меня заняться ранеными и убитыми после сражения и забрать его собственный труп, если он погибнет.

— Поэтому ты и сделал это.

— Я бы сделал это и в том случае, если бы он не просил меня об этом.

Торгильс направился обратно к дому.

— Быть бы ему с тобой таким добрым, каким он был со мной, — сказал он на ходу.

Солнце было наполовину скрыто тучами; но лучи его ослепительно сияли в просветах.

Увидев на дороге людей, Сигрид присела; ей не хотелось, чтобы ее видели. Она сидела, прислонившись спиной к камню, обхватив руками колени и глядя на расстилающиеся перед ней поля.

«Эта земля пропитана кровью», — сказал Торгильс. И пока она сидела так, в памяти ее возникали, один за другим, те, кто погиб здесь или был ранен. Их было много; даже Кальв и Турир не избежали ранений. Она смотрела на землю, на которой сидела: вот здесь земля впитала королевскую кровь.

Святой Олав...

Скользя взглядом по равнине, она мысленно представила себе войско бондов: впереди виднелось знамя Кальва, потом знамя Турира, вырвавшегося вперед со своими халоголандцами. Ей казалось, что она слышит крики приблизившихся друг к другу войск.

Она слышала, как Кальв спрашивает у короля:

— Как ты поступишь со мной, если одержишь сегодня победу?

И король ответил:

— Я прикажу тебе отправиться на юг и каяться перед Богом в тех грехах, которые ты совершил против меня!

А Туриру король сказал:

— Тебе я дам такое поручение, которое ни один человек не станет выполнять добровольно!

Можно себе представить, как вскипел Турир от таких слов!

И тут раздался боевой клич; королевское войско двинулось вниз по склону на крестьянское войско.

— Бей, бей королевских олухов, крепни, крепни, войско бондов!

И бонды ответили разом:

— Вперед!

Войска сошлись, поднялся страшный шум: звон мечей, крики и вопли, ругань сражавшихся, стоны раненых, которых топтали ногами...

В войске бондов началось замешательство; некоторые бросились бежать. Но лендманы и их дружинники стояли насмерть.

И посреди всей этой неразберихи возвышался, словно гора, Кальв, а Турир, с застывшими от ненависти глазами, сжимал в руке копьё Тюлений мститель; в мыслях Турира было только одно: месть, месть за Эльвира, за Асбьёрна Тюленеубийцу, месть за Грьетгарда и Турира, за все те несправедливости, которые совершил король.

И она мысленно увидела дружинников конунга: среди них были четверо братьев Кальва, и Финн Арнисон намеревался убить собственного брата: Бьёрн Конюший, огромный и тучный, Тормод Скальд Черных Бровей... И в их рядах было пустое место, которое должен был занять Сигват.

Сражение волнами прокатывалось по полю. В воздухе свистели стрелы и копьё, большинство мечей были уже в крови. А в это время становилось все темнее и темнее...

Войско перед королем редело, и он бросил боевой клич, развернул знамя. Он гордо шел впереди, ведя за собой самых смелых, в сверкающем, украшенном золотом шлеме, с мечом Победителем в руке.

При его появлении среди бондов началась неразбериха; горевшие до этого жаждой мести, бонды стали жаться друг к другу. Она мысленно видела, как он убивает Торгейра из Квистада, как обменивается ударами с Туриром, ранит его в руку; видела, как Турир убивает Бьёрна Конюшого.

И она увидела, как король был ранен в ногу.

И тут грохот сражения затих, словно под действием колдовских чар.

Король был ранен. И лицо его вдруг озарилось светом. Крупные, есткие черты смягчились в улыбке, словно он приветствовал бесконечно дорогого ему человека. И, словно по его приказу, он отбросил в сторону меч, склонился перед камнем и воздел руки к небу.

И тогда в него вошло копьё Турира, пробив кольчугу, и вслед за этим в шею его вонзился топор, после чего он больше уже не двигался, а только медленно осел на землю и остался так лежать.

Внезапно Сигрид показалось, что блаженство ее души связано с тем, о чем он успел подумать в последние мгновения своей жизни.

Возможно, он понял, что крещение страны было делом Господа и что Норвегия могла быть крещена и без короля Олава, как полагал епископ Гримкелль...

Возможно, раненый в ногу, он обратился к небу с мольбой о победе и внезапно понял, что Бог не желает выслушивать его мольбу о власти? Возможно, он наконец понял, что человек не имеет права на земное счастье, что его властолюбие, его жажда земного богатства, а также вводимое им королевское правосудие — все это было пустотой и фальшью перед лицом Господа, повелевающего всем, карающего и дающего...

Этого она не знала. Но, сидя так, прислонившись спиной к камню, она почувствовала успокоение.

Она могла только гадать о том, какие мысли были у короля перед смертью. Но Бог выразил свой приговор словами епископа Гримкелля. О чем бы ни думал король, Бог знал его мысли, и для него этого было достаточно. То же самое было и с ней.

Склонив голову, она сложила в молитве руки и произнесла:

— Святой Олав, помолись за меня!

Солнце уже садилось, но небо было еще светлым. Сквозь облака проглядывал бледный месяц. Сигрид стало холодно, и она поплотнее завернулась в плащ.

Она смотрела на последние отсветы заходящего солнца; и она вспомнила, как в ночь после битвы при Стиккестаде думала о том, что смерть Эльвира была для нее летним закатом солнца. И ей пришла в голову мысль о том, что, возможно, смерть Эльвира не была такой бессмысленной, какой казалась ей первое время. Возможно,

Мэрин стала линией водораздела не только в ее жизни, но и в жизни короля.

После того, что произошло в Мэрине, король больше не казнил людей вне закона, как сказал однажды Сигват. И Финн Арнисон говорил, что король перед тем, как покинуть Норвегию, признал, что часто правил страной жестоко и самовластно.

И постепенно до нее дошло, что Бог целиком и полностью простил Эльвира, дал ему смерть за отпущение тех грехов, в которых он так глубоко раскаивался при жизни, позволил ему пребывать среди тех, кто крестил страну. Своей смертью он способствовал тому, чтобы король Олав стал святым.

Но Эльвир был из тех, кто видит путь Господа и отказывается следовать ему; он был из тех, кто лишь в последний момент выбирает этот путь и добровольно исповедуется, не преследуя при этом никаких личных целей.

И Олав тоже искал этот путь, хотя и вслепую; в конце концов этот путь привел его к небесным вратам, которые так широко распахнулись перед ним в смерти, что небесный свет отразился на его лице.

Закат на западе угасал, месяц становился ярче; и в холодном лунном сиянии перед ней расстилались заиндевевшие поля.

Вставая, Сигрид почувствовала, что совсем замерзла.

Возвращаясь обратно в усадьбу, она заметила впереди на тропинке какую-то фигуру и перекрестилась; было бы странно, если бы в Стиккестаде не было привидений. Но это был Торгильс.

— Надеюсь, я не напугал тебя, — сказал он, — я уже начал беспокоиться, куда ты подевалась.

И когда они были уже во дворе, он спросил:

— Ты что-нибудь видела? Видела короля?

— Да, — ответила она.

Кальв вернулся домой к Михайлову дню.

Сигрид была рада, что день выдался сырым, и у нее было оправдание в глазах людей, чтобы не идти на пристань встречать его. Но Тронд пошел, радостный и нетерпеливый; у Сигрид на душе кошки скребли, когда она увидела его бегущим вниз по тропинке.

Тем не менее, она ощущала странное спокойствие, когда села в зале и принялась ждать. И даже услышав во дворе голос Кальва, она не испугалась; она только затаила дыхание и выпрямила спину.

Когда он показался в дверях, она встала. Некоторое время он стоял и смотрел на нее, прищурился глазами, словно оценивая ее, и взгляд его был холодным.

— Ты не рада тому, что твой муж вернулся домой, Сигрид? — с коротким смешком произнес он.

Она подошла к нему.

— Рада, — сказала она, — можешь быть уверен в этом.

Он по-прежнему стоял, сощурился глазами и пристально глядя на нее с издевательской усмешкой. Она опустила голову, притягивая ему руку, но потом все же взглянула на него.

На лице его была написаны горечь и опустошенность. Таким она видела его до этого лишь один раз... Она по-

мнила, когда это было. Это было в Каупанге, на следующее утро после их свадьбы, когда она сделала вид, что хочет убить его. Но в тот раз все обошлось.

Суннива подошла в развалку и остановилась возле матери, засунув в рот палец; Сигрид взяла ее на всякий случай на руки. Ей стало невыносимо молчание Кальва, и когда она встретила его взгляд, в ее глазах был вызов.

Но Кальв только мотнул головой.

— Чего же ты ждешь? — спросил он. — Разве ты не позаботишься о том, чтобы твой муж помылся и привел себя в порядок после долгой дороги?

И потом, когда они были одни, он принимал ее помощь в молчании, словно она была одной из служанок.

Вечером в зале он был оживлен, шутил с Трондом, иногда разговаривал с Суннивой. Даже с Сигрид он был приветлив, но так, чтобы она поняла, что он делает это ради других. Ей пришла в голову мысль о том, что он, возможно, решил помучить ее; возможно, ему доставляло радость видеть ее напуганной и униженной.

И со временем она все больше и больше убеждалась в том, что он и в самом деле решил помучить ее. Когда они были на людях, он вел себя так, будто ничего между ними не произошло. Наедине же он не скрывал ни горечи, ни презрения.

Он не был ни вспыльчивым, ни сердитым, в нем была только горькая, издевательская насмешка. И вскоре выяснилось, что он и не думает отказываться от своих прав на нее. И когда он обладал ею, от него веяло таким жестоким холодом, что она удивлялась, почему он не оставит ее в покое.

Однажды вечером она спросила у него об этом.

— А почему ты раньше ложила со мной в постель? — в свою очередь спросил он.

— Я... я была замужем за тобой, — ответила она.

— Ты должна быть мне благодарна за то, что я не разыгрываю любовь, которой не чувствую, — сказал он, — и я даю тебе понять, что ты все еще моя жена.

— Кто-нибудь кроме меня знает, кто отец Суннивы? — вдруг спросил он.

— Я исповедовалась.

— И это все?

— Хелена дочь Торберга знает, как все произошло. Она знала об этом, когда еще Сигват был здесь.

Кальв хохотнул.

— Теперь мне понятно, почему между вами такая дружба, — сказал он. — Два башмака — пара. Мне следовало бы догадаться, что ты не проявляла бы такой любви к девушке ради Грьетгарда, если бы за этим не крылось что-то еще.

— Мне нравится Хелена, — сдержанно произнесла Сигрид, — и она делает то, что должна была сделать я, отказываясь выйти замуж.

— Наверняка, это ты надоумила ее не выходить замуж, рассказав обо мне.

— Про тебя я сказала лишь то, что в наших отношениях с тобой виновата я.

— Ты ничуть не изменилась, — сказал он, — ты по-прежнему врешь. Но я уже не так доверчив, как раньше. Впрочем, должен заметить, что Хелена в последнее время заметно повзрослела и стала ежедневно посещать церковь. Не лучше ли ей заняться чем-нибудь более полезным? Или ты освобождаешь ее от работы, чтобы она держала язык за зубами?

— Хелена молчит ради Суннивы, а не ради меня, — сказала Сигрид. — И она ходит в церковь, чтобы молиться за Грьетгарда и своих родителей.

— Что ей с того, что она приоткроет перед родителями врата рая? Чем без конца ходить в церковь, лучше сделать что-то для себя по хозяйству.

— Она пытается жить чистой жизнью; она замаливает их и свои собственные грехи, — сказала Сигрид.

— Она не более праведная, чем все остальные бабы, — с усмешкой произнес Кальв, — и ее можно купить, либо за деньги, либо за другое вознаграждение.

Немного помолчав, он добавил:

— Должен сказать, что я больше уважаю тех, кто берет деньги в открытую, те, по крайней мере, не притворяются.

Сигрид молчала.

— Хелена слишком хороша, чтобы о ней так говорить, — сказала она. Но Кальв презрительно усмехнулся.

— Кто еще знает о Сунниве? — спросил он.

— Я рассказала об этом Туриру, моему брату.

Он тут же вскочил.

— Черт бы побрал тебя! Зачем ты это сделала?

Внезапно до нее дошло, что Кальв, так же, как и она, не хочет, чтобы кто-нибудь знал правду. И, поняв это, она удивилась, почему не понимала это раньше. Признаться всему миру в том, что Суннива не его дочь, значит опозорить не только ее, но и его! На какой-то миг она почувствовала облегчение.

— Я подумала, что мне, возможно, понадобится помощь, когда ты вернешься домой, — ответила она на вопрос Кальва.

— Турир мало чем сможет тебе помочь из Рима...

— Он сказал, что ему придется поговорить с тобой, когда он вернется назад, если ты не предоставишь мне мои законные права.

Кальв грубо хмыкнул.

— Я знаю законы не хуже его. Можно потребовать долг обратно, не нарушая законов.

Сигрид поняла, что Кальв совершенно сознательно старается отплатить ей тем же, что она сделала ему. И он не упускал случая, чтобы обидеть или высмеять ее.

Не раз она думала о том, что лучше бы он был с ней груб и избил бы ее; она считала, что это помогло бы ей освободиться от мучавшего ее чувства вины. Но то, что он просто мучал ее, ей совсем не нравилось; она жаждала наказания, но она хотела сама решать, каким будет это наказание. Дни шли, и ей становилось все труднее и труднее переносить его насмешки и враждебность с тем терпением, которое, как ей казалось, она должна была проявлять.

Тяжелее всего она переносила то, что он делал все, чтобы переманить от нее Тронда: он брал мальчика с собой на охоту, учил его обращаться с оружием и брал его с собой в поездки по Трондхейму. И, судя по тому, что говорил мальчик, он настраивал его против нее.

Она нашла успокоение, побывав в Стиклстаде; эта поездка была для нее тем источником, к которому она могла припасть в любой момент. Но постепенно этот источник стал иссякать.

Она обращалась за помощью к священникам, и они говорили ей о покаянии и смирении. Она ежедневно ходила в церковь, тратила

большую часть своего времени на больных и неимущих, и хотя ей казалось, что это помогает, она с трудом оставалась спокойной в присутствии Кальва.

А его это еще больше подзадоривало, и он изыскивал все новые и новые способы, чтобы уязвить ее, вывести из равновесия. И однажды, в самом начале месяца убоя скота, он подошел к ней с ехидной улыбкой и сказал:

— Святая Хелена не такая уж праведница, какой ты ее считаешь!

— Что ты хочешь этим сказать?

Что-то в его голосе вызвало в ней беспокойство. Он засмеялся.

— Сама спроси у нее! — сказал он.

Но когда Сигрид попыталась найти девушку, то оказалось, что никто не знает, где она. В конце концов она вынуждена была спросить об этом Кальва.

— В последний раз, когда я видел ее, она лежала на сене в сарае, — игриво произнес он.

— Кальв, ты...

— Можешь считать, что я взял ее себе в любовницы, — сказал он.

Сигрид отвернулась.

Ярость, отвращение и отчаяние раздирали ее на части, все глубже и глубже уходя в ее сознание. Но на поверхности, словно ледяная корка, лежало чувство безнадежности; и дело было не только в том, что сделал Кальв, но еще и как. Подумать только, хозяин Эгга на сеновале с одной из служанок! Он не мог даже приличным образом совратить девушку!

— Если ты собираешься завести себе любовницу, то веди себя, по крайней мере, так, как подобает хозяину Эгга, а не как дворовый кобель! — с горечью произнесла она.

— Я вижу, ты не потеряла еще здравого смысла, — сказал он. Затем повернулся и ушел.

Сигрид медлила, прежде чем войти в сарай. И когда она вошла, глаза ее некоторое время привыкали к полутьме, прежде чем она увидела Хелену. Та сидела, скорчившись, в углу, уткнув голову в колени.

Сарай доверху был наполнен сеном; и Сигрид пришлось пролезать и пробираться через завалы, чтобы подойти к ней. Пыль забивала ей глаза и нос.

— Хелена... — тихо произнесла она, наконец подойдя к ней. Но Хелена даже не посмотрела на нее. И только когда Сигрид положила руку ей на плечо, девушка подняла голову, и в темноте Сигрид не могла ясно увидеть ее лицо.

— Зачем ты пришла сюда? — без всякого выражения произнесла она. — Разве ты не знаешь, что произошло?

— В этом не только твоя вина.

Хелена ничего не ответила, сидя неподвижно и глядя в темноту. Потом вдруг повернулась к Сигрид.

— Уходи отсюда! Я не достойна того, чтобы ты говорила со мной.

— Тебе известно лучше других, какое я имею право осуждать других, — сказала Сигрид, — и я предполагаю, что это он совратил тебя, а не наоборот.

Так же неожиданно, как она повернулась к Сигрид, Хелена начала плакать; это был тихий, безнадежный плач, и Сигрид догадалась, что она прижимает к лицу ладони, стараясь унять слезы. Сев рядом с ней, Сигрид стала ждать.

— Может быть, тебе станет легче, если ты расскажешь мне, что случилось? — наконец спросила она. Но Хелена продолжала плакать. И только когда Сигрид встала, чтобы уйти, она заговорила. Она старалась не смотреть на Сигрид; голос ее был еле слышным, безжизненным.

Кальв различными способами пытался овладеть ею, но ей удалось улизнуть от него. Это было не легко, ведь она как-никак была простой служанкой, а он — ее хозяином. В конце концов он сказал, что если она и впредь будет избегать его, он расскажет всем правду о Сунниве; он намеревался отослать девушку со двора и возбудить на тинге дело об измене Сигрид.

Сигрид насторожилась:

— Ты хочешь сказать, что нарушила свой обет вести чистую жизнь ради Суннивы и меня? — спросила она.

Хелена кивнула.

— Но я думала исповедоваться, — добавила она, — Бог простит меня за то, что я отдалась Кальву, чтобы спасти тебя и Сунниву...

— И что было потом?

Хелена снова заплакала, еще безнадежнее, чем в первый раз, и Сигрид обняла ее.

— Ты знаешь, до этого у меня не было мужчин, кроме Грэтгарда... — Хелена всхлипывала так, что трудно было разобрать слова. — И я думала, что никогда не смогу испытать с другим того, что испытывала с ним. Но...

Она долго молчала, прежде чем начала говорить дальше. И, наконец, еле слышно, то и дело всхлипывая, она произнесла:

— Но все закончилось тем, что я стала умолять его сделать это еще раз.

— И он сделал?

Хелена кивнула.

— Я пыталась быть лучше, чем мать, — с горечью добавила она, — но больше я не буду пытаться это делать. Женщины были правы, говоря, что, когда я стану взрослой, я буду такой же, как она. После того, что случилось, я не стану прогонять мужчин из своей постели!

Сигрид не знала, что сказать. Но она вспомнила, как горячо она ненавидела в свое время Кхадийю, любовницу Эльвира; и теперь, как никогда, ей стало ясно, как мало Кальв значит для нее. И если раньше, даже в горечи и ненависти, была искра надежды на то, что отношения между ними станут лучше, то теперь эта надежда умерла. Тот Кальв, который таким бесчестным способом привел Хелену к несчастью, был ей не нужен. Он мог брать себе наложницу, ей было все равно; ее занимала только мысль о Хелене.

— Ты могла бы поговорить со священником Энундом? — спросила она.

Перестав плакать, Хелена горько усмехнулась.

— Что он понимает в этом?

— Возможно, больше, чем ты думаешь.

— Какая польза от того, что он что-то поймет? Кошка останется кошкой, даже если священник будет читать ей наставления.

— Поговори со священником Йоном! — в отчаянии предложила Сигрид. — Возможно, он меньше будет читать наставлений, уповая больше на силу молитв.

Но Хелена снова покачала головой. И когда Сигрид попыталась прижать ее к себе, она оттолкнула ее.

— Умнее всего с твоей стороны — не иметь после этого со мной дела, — сказала она.

Она пыталась произнести это жестко, но у нее ничего не получилось.

Потом она встала и пробралась через сенные завалы к выходу, где некоторое время стояла и отряхивала с себя сор, прежде, чем выйти наружу.

Сигрид не пыталась остановить ее.

Она надеялась, что Кальв не придет этой ночью, как это было и в прошлую ночь; но он пришел и, более того, захотел лечь с ней.

Сигрид чуть не стало дурно от отвращения; ей хотелось прогнать его, хотя здравый смысл подсказывал ей, что все это бесполезно. И ее сопротивление вызвало у него только смех.

— Ты не хочешь отдаться своему мужу? — спросил он.

Она прижалась, скрючившись, к стене. Она боролась до изнеможения и все-таки продолжала бороться дальше.

И когда сопротивление ее было сломлено, она, почувствовав на глазах слезы, усилием воли прогнала их: этой победы она не хотела допускать — она не хотела, чтобы он видел ее слезы унижения.

Лежа в темноте, она поняла, что имел в виду Кальв, когда говорил, что ему вовсе не требуется нарушать закон, чтобы мстить.

Если раньше Сигрид раздражало то, что Кальв слишком много пьет, то этой осенью все было наоборот. Теперь, когда она горячо желала, чтобы он напивался до бесчувствия, он был поразительно трезв.

Но после случая с Хеленой, Сигрид стала отвечать ему насмешкой на насмешку. Теперь ей не казалось больше, что она должна вести себя с ним смиренно и терпеливо; поняв, насколько он заинтересован в том, чтобы никто не узнал правду о Сунниве, она больше уже не опасалась, что он отошлет ее или ребенка прочь. И она вскоре заметила, что он не такой уж жестокий, каким хочет казаться, и что есть способы уязвить его.

Бывало, оставшись одни, они потихоньку переругивались, словно соревнуясь в злословии. И, нащупав слабое место у другого, каждый из них чувствовал себя победителем.

Вскоре после возвращения домой Кальв сказал, что был летом на Западе вместе с викингами. И, увидев, что Сигрид это не нравится, он принялся без конца рассказывать о тех жестокостях, которые совершал в походе.

Он показал ей богатую добычу, свидетельствующую о том, что он не был таким ревностным христианином, чтобы не грабить церкви и монастыри. Она сказала ему об этом.

— Христос не дал мне никаких оснований для того, чтобы быть Ему благодарным, — ответил он. — Он обворовывал меня все те годы, когда я ревностно служил Ему. Простая я вернул себе немного из того, что потерял.

У Сигрид на миг появилось желание объяснить ему, что он ошибается, что такой путь ведет в ад. Но вместо этого она пожалала плечами и промолчала. Станет она делать что-то ради его спасения? Ведь он же наверняка обрадовался бы, увидев ее осужденной на вечные муки...

Она знала, что не годится так думать; она вспомнила слова священника Йона о том, что нужно молиться за тех, кого ненавидишь и кто сделал тебе зло. Но ее неприязнь к Кальву была такой сильной, что для нее было просто невозможно упоминать его имя в молитвах.

И только мысль о святом Олаве и о том, как он простил ее, привела ее, вопреки всему, к тому, что она поведала о своих трудностях священнику Энунду.

— Ты вела себя не лучше, чем Кальв, — ответил он.

Сигрид это возмутило.

— Я знаю, что я согрешила, — сказала она. — Но я покаялась в своих грехах. И я не торгуюсь с Богом, как это делает Кальв.

— Это не твоя заслуга, — сказал священник, — чем больше человек понимает христианство, тем больше он предъявляет требований к самому себе.

Они сидели у него в усадьбе Стейнкьер. День был холодным, и в печи горел огонь. Энунд встал и перевернул дрова, чтобы пламя было сильнее.

— Постепенно человек начинает понимать, что Бог требует не какую-то его часть, — сказал он, снова садясь. — Он требует человека целиком. Он требует, чтобы человек забывал себя ради Него, чтобы любил своего ближнего, не только ничего не требуя взамен, но и не рассчитывая на понимание или должную оценку.

Сигрид сидела, уставясь в огонь. Она чувствовала себя совершенно беспомощной.

— Я не могу поверить в то, что если Бог любит людей, он будет требовать от них того, что они сделать не в силах, — наконец сказала она.

— Почему ты думаешь, что это тебе не по силам, Сигрид? «Я в состоянии сделать все, на что подвигнет меня Бог...» — сказал святой Петр.

Сигрид взорвалась:

— Рассказывай самому себе, что совершил святой Петр! Он был святым, я же не святая и становиться ею не собираюсь.

Энунд вздрогнул и порывисто вздохнул.

— Мы обязаны делать все возможное, чтобы жить праведной жизнью, — сказал он.

— Ты ожидаешь от меня слишком многого. Я уже пробовала быть терпеливой и доброй по отношению к Кальву.

— Ты делала это ради самого Кальва или ради того, чтобы показать ему, какая ты хорошая христианка?

Она хотела нагрубить ему, но сдержалась. Она почувствовала себя уязвленной.

— Ты сетуешь на то, что от тебя требуют больше, чем ты в состоянии сделать, — продолжал он, — ты презрительно отзываешься о Кальве, считая, что он понимает в христианстве меньше, чем ты. Но, оказавшись прижатой к стенке, ты легкомысленно заявляешь, что никто не может ожидать от тебя, что ты станешь святой.

Она по-прежнему молчала.

— Возможно, тебе будет легче стать терпеливой и доброй по отношению к Кальву, если ты признаешь себя виновной в том, что произошло, — острожно заметил он.

Но Сигрид лишь тряхнула головой.

— Виновной... — сказала она. — Будет ли этому когда-нибудь конец? Неужели, совершая грех, человек всегда будет виновен?

— Бог дарует прощение, — ответил Энунд. — Но даже это не снимает последствий совершенного греха; возможно, последствием этого будет покаяние, как в твоём случае. Грех — это круговая порука, одними сожалениями его не остановишь, рано или поздно он все равно даст о себе знать.

— Ты полагаешь, что я виновата в том, что произошло с Хеленой?

— А ты сама как думаешь?

Сигрид встала.

— С меня достаточно моих грехов, — сказала она, — ты не можешь ожидать от меня, чтобы я взяла на себя вину за проступки ее родителей, за проступки Кальва и всех тех, кто так или иначе причастен к ее беде. Я сделала все, чтобы помочь Хелене.

Она повернулась и ушла, не попрощавшись.

И все-таки слова Энунда преследовали ее. И чем больше она думала о них, чем больше пыталась отделить свою вину от вины Кальва, тем труднее ей становилось.

В конце концов мысли ее пошли по кругу: если бы он не вел себя так, она бы не была такой, но если бы она поступила по-другому, он, возможно...

Она гнала прочь эти мысли; тем не менее, вопреки своей воле, она пыталась быть с ним помягче.

Но даже ее попытки быть с ним ласковее, он встречал насмешкой. Впрочем, эти насмешки не очень-то трогали ее; и очень скоро в ее отношении к нему осталась лишь горечь.

Однажды вечером они опять поругались, и Сигрид лежала без сна и думала. Он говорил ей о Хелене. Он сказал, что она его больше не интересуется. Просто он хотел показать Сигрид, что может обладать ею. И теперь, судя по всему, он нашел себе другую.

Сигрид раздражало то, что ей нечего было сказать ему в ответ, хотя ей и хотелось уязвить его не меньше, чем он уязвил ее, говоря о Хелене. Но, лежа в темноте, она подумала, что уже так много раз говорила ему обидные слова, что они потеряли всякое действие. И все-таки она продолжала искать что-нибудь такое, что можно было бы бросить ему в лицо.

Внезапно что-то нарушило ход ее мыслей: кто-то звал ее. Это был голос Турира.

Она вскочила с постели и тоже закричала.

Он стоял на полу, весь мокрый.

Некоторое время он смотрел на нее, словно собираясь что-то сказать. Рука его потянулась к серебряному кресту, висящему на цепочке. И тут видение исчезло.

Сигрид снова улеглась в постель, содрогаясь от беспомощного плача.

Турир был мертв. У нее не было на этот счет никаких сомнений; он явился, чтобы дать ей об этом знать. Никогда больше он не вернется домой; теперь ей некого больше ждать, не на кого опереться, не с кем посоветоваться.

Теперь она осталась одна, отданная на милость и немилость Кальву.

— Что с тобой? — спросонья сказал он.

Она не ответила. Он мог сделать с ней все, что угодно, мог издеваться над ней, быть с ней жестоким и бессердечным. Ничто уже не могло ее ранить сильнее, чем случившееся.

— Что с тобой? — снова спросил он.

— Турир умер, — ответила она. Он тоже мог знать об этом, теперь это не имело для нее значения. — Я видела его.

Он ничего не ответил, и она продолжала плакать, не обращая на него внимания. Через некоторое время она почувствовала на своем

плече его руку. Она вздрогнула; она знала, что ему было нужно... Но он просто прижал ее к себе, не говоря ни слова. И она не пыталась высвободиться, продолжая плакать, пока не заснула.

На следующее утро, когда она проснулась, он уже сидел на постели; он зажег жировую лампу, сидел и смотрел на нее.

В первый момент ей показалось, что ей это снится: в его взгляде не было ни враждебности, ни ненависти. В его взгляде было что-то другое, что-то вроде сострадания. Тем не менее она отпрянула назад, когда он приблизился к ней.

И снова она вспомнила слова Энунда о вине, а вместе с ними пришло сомнение, похороненное в ее сознании после беседы со священником.

Как она может быть уверена в том, что не виновата в случившемся, и даже в том, что произошло с Хеленой?

И когда Кальв осторожно прижал ее к себе, у нее вырвался вздох, ставший для нее освобождением.

Он сделал шаг к примирению. Ощущение вины приглушило в ней упрямство и ненависть; что бы там ни было, а их жизни переплетены настолько, что невозможно было разделить ее вину и его. Она притянула его лицо к своему лицу, коснулась щекой его щеки.

— Кальв, — прошептала она, — ты можешь простить меня?

— Я думал об этом ночью, — медленно произнес он. — Думаю, мы причинили друг другу много зла.

Ничего не ответив, она опять заплакала.

— Не надо, Сигрид, — прошептал он, неуклюже погладив ее по голове. И она вспомнила, как в первые месяцы их женитьбы его неуклюжие ласки заставляли ее делать вид, будто он ей нравится.

— Я не люблю тебя так, как... как... — начала она.

— Как ты любила Эльвира или как могла бы полюбить Сигвата, — сказал он, — я знаю.

— Я давала тебе это понять...

— Ты не давала мне повод для сомнений, — сухо заметил он, — и об этом как раз я и думал ночью. И даже если ты мало интересуешься мной и сам я не могу сказать точно, нравишься ли ты мне по-прежнему или нет, мы ведь женаты. И нам придется остаться супругами. Если ты, конечно, не сбежишь от меня.

— Куда мне бежать? — спросила она. И тут она снова заплакала; ей казалось, что слезам ее не будет конца. Он терпеливо выносил все это.

— Ну, ну, Сигрид... — говорил он только.

Наконец она успокоилась; она теснее прижалась к нему, словно ища защиты.

— Ты просила, чтобы я простил тебя, — сказал он. — Помнишь, я поклялся как-то раз в том, что ты никогда не будешь раскаиваться в том, что доверилась мне? Я плохо исполнял свое обещание.

— Теперь я не раскаиваюсь в этом, — сказала Сигрид. Она вспомнила, как презирала его за мягкость; теперь же для нее было великой загадкой то, что он был так добр к ней. Закрыв глаза, она прислонилась щекой к его шее; и у нее появилось ощущение тепла и безопасности, о котором она уже начала забывать. Но он повернул к себе ее лицо и посмотрел на нее.

— Ты действительно так считаешь? — спросил он. — Болтать всем легко...

— Можешь быть в этом уверен. Я увидела, к чему это может привести.

— Расскажи мне, что было между тобой и Сигватом, — вдруг сказал он.

— Ты уверен в том, что хочешь услышать об этом?

Он кивнул.

— Хуже того, что я об этом думал, уже быть не может.

Опершись на локоть, он молча слушал ее. Она рассказала ему не только о Сигвате, но также о своем раскаянии и покаянии, завершив свой рассказ признанием в том, что желала после Стиккестадской битвы, чтобы ничто не отделяло ее от Кальва.

— Ты помогла мне в тот раз, когда я считал себя виновным в смерти Колгрима, моего брата, — сказал он, — и не думай, что я забыл это. Этой ночью я снова вспомнил об этом, когда ты сказала, что потеряла брата.

— Не понимаю, почему после этого все пошло так скверно, — сказала Сигрид, — я хотела быть добра к тебе, но у меня это не получалось.

Он ничего на это не ответил, и она встала и принялась одеваться. Он тоже встал.

— Что подумают люди, — сказала она. — Утро уже давно наступило.

— Пусть думают, что хотят, — сказал он, — все равно они ничего не поймут.

Ее скорбь о Турире, который, как она была уверена, теперь был мертв, смягчилась из-за участия Кальва. И ей казалось, что брат оказал ей последнюю услугу, помог своей смертью.

И она чувствовала, что потеряла его не навсегда; у нее была надежда когда-нибудь встретиться с ним. Ведь если Турир и не достиг земного Иерусалима, то он был на пути к небесному. В своих молитвах она просила о том, чтобы он поскорее прошел через очистительный огонь; ей доставляло радость оказать ему последнюю услугу.

Это был самый неурожайный год в Трондхейме, о котором только помнили люди. Перед этим урожай тоже был неважным, и даже ярлы стали теперь рачительными. В маленьких же хозяйствах, где люди были не в состоянии собрать урожай, достаточный для пропитания, в муку стали добавлять хвою.

— Всему виной датское правление, — говорили люди. — Святой Олав и его Бог не желают удачи королю Свейну.

С каждым месяцем гнет датчан возрастал. Невзирая на неурожай и низкие доходы, король не отказывался от своих прав. Он требовал обычные налоги: с каждого двора ведро масла и ляжку трехгодовалого бычка, а с каждой кухни — меру муки. К тому же каждая женщина должна была отдать столько льняной пряжи, сколько наматается вокруг ее большого и указательного пальцев; и пальцы у женщин в этот год стали значительно короче.

Кальв со своими работниками постоянно бывал в эту осень на охоте, чтобы как-то прокормиться. Свежеснятые шкуры развешивались для просушки, издавая острый запах.

В день святого Андреаса Кальв зашел в большой зал. Там были Сигрид, Суннива и кое-кто из работников. После того, как она рассказала ему о Сигвате, он старался не смотреть, как она ткет.

Его взгляд остановился на Сунниве.

Она сидела на маленькой скамеечке возле матери и играла, и только теперь он заметил, как она похожа на своего отца.

Увидев его, девочка встала и направилась в его сторону, протянув к нему ручонки. И он заметил быстрый, боязливый взгляд Сигрид; и он скорее почувствовал, чем услышал ее вздох облегчения, когда наклонился и взял девочку на руки.

Суннива завизжала от восторга, когда он поднял ее над головой, и когда он опустил ее на пол, она стала прыгать и кричать: «Еще!

Еще!» Но он покачал головой, направился к почетному сидению и сел. Встав со скамьи, Сигрид подошла и увела девочку; она снова посадила ее рядом с собой на скамейку.

Кальв смотрел на них; забота Сигрид о дочери был для него ножом острым в сердце. Он насупил брови, ему не хотелось испытывать такое чувство.

Он считал, что простил Сигрид. Он помнил о том, что сам был неверен ей, когда находился в походе. И если никто не ждет верности от мужчины, то и женщинам подчас приходится нелегко.

Однако никто не ожидает от женщины, чтобы она признала такого ребенка своим и не спускала с него глаз. В сущности, и от него такого никто не ожидает. Но дело обстоит так, что другого выхода просто нет.

«Тролли бы утащили этого Сигвата! — вдруг подумал он. — Так поступить с Сигрид!» Либо он должен был поговорить с Кальвом в Каупанге, в тот раз, когда оба они хотели на ней жениться, чтобы уладить дело. Либо ему следовало вести себя порядочно и держаться от нее подальше.

И, глядя на улыбку Суннивы, Кальв думал, что это Сигват насмеяется над ним.

Сигрид была больше занята Суннивой, чем своей работой. Девочка быстро успокоилась, когда она дала ей поиграть мотком ниток, но все-таки она продолжала разговаривать с ребенком.

Ей хотелось, чтобы девочка меньше приставала к Кальву; его приветливость была явно неестественной. И вместе с тем ее не покидала надежда, что он в конце концов полюбит девочку, вопреки всему: девочка была красивой и послушной.

Взгляд ее остановился на нем, сидящем на почетном сидении, сдвинувшем брови и слегка наклонившем вперед голову. В его лице уже не осталось ничего ребяческого, как это было в первые годы их брака. Тоска, овладевшая им после смерти короля Олава, оставила на его лице свой отпечаток, а горечь последних месяцев прорезала глубокие складки на его щеках и лбу.

В последнее время он удивлял ее; он был приветлив, но явно чуждался ее. После возвращения из похода он перевел детей из их

спальни и сам занял их кровать, но не прикасался к Сигрид. Сигрид считала, что он завел себе любовницу — но в таком случае они хорошо скрывали свои отношения.

И ей было тяжело сознавать, что этот грубый, бесчувственный человек, которого она узнала этой осенью, был тем добрым и терпеливым Кальвом, которого она знала десять лет. Ей казалось совершенно невероятным, что человек может быть таким разным.

Она понимала, что к ней домой из похода вернулся викинг, вор и насильник.

Сигрид вспомнила об Эльвире, каким он был в Каупанге. И, сидя за ткацким станком, она думала о нем, его жизни и борьбе.

Она понимала, что покончить с жизнью викинга его заставили не только обычаи и устои, с которыми он познакомился в других странах. Его заставило это сделать христианство, не дававшее ему покоя на протяжении многих лет.

И он отвернулся от него потому, что не мог быть в христианстве хёвдингом, сделать себя святым; а этого Эльвир Грьетгардссон, потомок Одина, вынести не мог. Но он напрасно пытался убежать от нового учения; оно требовало от него больше, чем он хотел дать. Оно требовало, чтобы он относился с презрением к тому, что ценил выше всего: воинскую доблесть и жестокость, гордыню в большом и малом, гордость отпрыска рода Ладе. И вместо этого от него требовалось, чтобы он превыше всего ставил то, что презирал: смирение и мягкость. Как мог он, рожденный быть мужчиной и хёвдингом, выработать в себе качества, подходящие больше для какой-нибудь рабыни?

Беда Эльвира заключалась не в том, что он не мог понять христианство. Напротив, он очень хорошо понимал его. Он не воспринимал новое учение, как это делал Кальв, в виде смены богов, не меняющей сути жизни. Он понимал, что это влечет за собой гибель всего того, чем он до этого жил, поэтому он подавлял в себе любую тягу к христианской любви и добру; это стремление казалось ему презренной слабостью.

Внезапно она увидела на миг, словно какое-то видение, саму себя. Увидела себя, ведущую ту же самую борьбу, борьбу вслепую... против ослепительного света. И за ее спиной была тьма.

На мгновение она почувствовала себя парализованной. Она поборола в себе высокомерие, теперь в ней было лишь смирение...

«Ты уверена в себе, как в христианке?» — вспомнила она слова Энунда. И только теперь до нее дошел смысл этих слов. Либо она была христианкой, либо христианство вытеснялось в ней ненавистью и жадной мести.

Услышав голос Суннивы, она растерянно огляделась по сторонам. Ответив на болтовню девочки, она опять посмотрела на Кальва; несмотря на примирение, она чувствовала, что между ними пролегла пропасть.

А что, если Эльвир тоже чувствовал эту пропасть, когда объяснял ей свои мысли, которые она не понимала?

Она быстро встала и надела плащ. Никому ничего не говоря, она вышла из зала и направилась в Стейнкьер, не обращая внимания на стущавшиеся сумерки.

По дороге она никого не встретила; все вокруг было тихо, тени на снегу становились синими в последних отсветах уходящего дня. И когда она спустилась с холма, сугробы стали темно-синими, сумерки сгустились еще больше. И уже почти в темноте она подошла к стейнкьерской церкви.

Она открыла дверь, вошла, затворила за собой дверь, и стала продвигаться наощупь, едва различая горящую на хорах свечу. Деревянная скульптура, изображающая святого Кутберта, отбрасывала на стену дрожащую тень.

Подойдя к алтарю, она опустила на колени в том месте, где когда-то стоял на коленях Эльвир, много лет назад. Она попробовала молиться, но ее собственные мысли не давали ей покоя.

Молитва ее казалась пустой; она просто бормотала слова, не находившие отклик в ее душе:

— *Pater noster, qui es in caelis...*

Этот язык был для нее чужим, чужим было и учение — более чужим, чем она думала.

— Святой Олав, помоги мне! — прошептала она. — Ты тоже однажды пережил это, пытаясь служить Христу, не отказываясь при том от высокомерия и жажды мести.

И она снова вернулась к прерванной молитве:

— *Sanctificetur nomen tuum...*

Благоговела ли она в действительности перед Господом? Покончила ли она в глубине своей души с языческой жадной мести и ненавистью?

Мысли ее обращались к прошлому, останавливаясь на полпути; они устремлялись к тому времени, когда жажда мести стала в ней затихать. Сначала она отшатнулась от этих воспоминаний, стараясь их забыть. Но сомнений быть не могло, и она узнала саму себя — с облегчением и смущением.

Это было в первое время ее замужества. Ощущение того, что она должна отомстить, страх, что Эльвир вернется и накажет ее за то, что она не чувствовала отвращения к Кальву, — все это было сильнее в ней, чем жажда мести. И только тогда — теперь она понимала это, — когда для нее стало ясно, что Кальв никогда не займет место Эльвира, только тогда жажда мести захватила ее.

Некоторое время она размышляла об этом; забыла ли бы она об Эльвире и мести, если бы Кальв стал для нее тем, чем был для нее Эльвир? Или если бы она вышла замуж за Сигвата...

Ей пришло в голову, что даже после смерти сыновей ни ненависть к королю Олаву, ни верность Эльвиру не помешали ей отдаться человеку, который был близок к конунгу.

Женщина должна быть верной; она должна всю свою жизнь оплакивать Эльвира. И теперь она начала думать, не была бы она верной лишь тогда, когда это шло ей на пользу? Еще будучи девушкой на Бьяркее, она соблазнила... как же его звали?.. Эрика Торgrimссона, а потом забыла о нем ради Эльвира. Она наверняка изменила бы Эльвиру с Сигватом, если бы Эльвир вовремя не дал ей понять, как много она потеряет.

В конце концов она поняла, что это вовсе не Эльвир стоял между ей и Кальвом. Это была ее похоть, толкнувшая с объятия Сигвата. Она застонала...

Чем она была лучше самки животного? Разве искала она что-то иное, кроме самоудовлетворения и безопасности для своих детей?

Она пришла в ярость.

Нет, она ничем не хуже других! Хелена назвала саму себя кошкой, и была совершенно права. Даже боги не были верны друг другу, даже Фригг Идун отдалась убийце своего брата, и не было такого бога или эльфа, с которым Фрейя отказывалась делить постель.

И все-таки...

В голове ее перемешалось все: раскаяние, покаяние, христианство, боги и богини, ненависть, похоть и жажда мести — все это кружило и вертелось в голове, словно мельничное колесо. И во всем этом не было ни начала, ни конца, ни путеводной нити, ни смысла...

Однажды она почувствовала, что Бог освятил ее любовь к Эльвиру, что она и теперь может любить его, находящегося на небе. И такое чувство не могла испытывать самка.

Она села на скамью, закрыв лицо руками.

Мысли постепенно затихали в ней, и наконец она ощутила глубокую тоску по миру.

Когда-то на земле царил мир, до того, как Один выпустил ненависть и несчастья. Когда-нибудь снова воцарится мир, когда человечество погибнет в борьбе с Рагнароком, а из моря народится новая земля. И тогда на суд явится сам Всемогущий...

*Знаю я, вижу, как снова возникнет,
Вновь зеленея, из моря земля.**

И она снова услышала голос Эльвира, произносящий эту песнь, самую любимую им...

Уронив на колени руки, она медленно подняла голову; наконец-то в мыслях у нее наступил просвет.

Свет в ее душе становился все сильнее, и желание обрести мир в душе смешивалось у нее с христианским призывом к миру; это просветление напоминало восход солнца после стиклестадской битвы.

Наконец-то солнце засияло для нее; свет, Божий суд и мир слились воедино; и она приняла Божественную любовь ради своих сыновей.

Эльвир говорил ей о просветленной Божественной любви, когда они были вдвоем в стейнкьерской церкви. И она чувствовала, как ее собственная любовь к Эльвиру устремляется к небесам и становится непостижимой. И теперь она поняла: любовь, порожденная в ней плотским желанием, была увлечена к небесам штормом его мысли, оставляя далеко внизу тягу к удовлетворению.

* Перевод С. Свириденко — Старшая Эдда., Издательство М. и С. Сабашниковых, М., 1917, с. 110, «Прорицание вёльвы».

И она поняла, что Эльвир дал ей величайший дар: способность любить. Он ожидал, что она возвысится до него, почти принуждал ее к этому. А потом указал ей дальнейший путь.

И она была твердо уверена в том, что он по-прежнему любит ее. Но эта любовь не требовала, чтобы она не отдавалась Кальву целиком. Эта любовь не была завистливой. Эта любовь не преследовала эгоистических целей; в его любви не было больше стремления обладать ею как женщиной; своей любовью он желал ей и Кальву всего самого лучшего, что может принести брак в глазах людей и в глазах Бога.

И новое учение, христианство, смешивалось в ее душе с чем-то изначальным, не имеющим отношения ни к вере в богов, ни к месту и ненависти. И она поняла, что Эльвир тоже прошел через это. Призыв Христа к миру и любви нашел отклик в его собственном стремлении к миру; именно это так неуклонно влекло его к христианству.

Она понимала, что должна следовать по пути, указанному им; она должна была просить Бога о том, чтобы он очистил ее любовь от эгоизма и похоти и дал ей мир.

— *Adveniat regnum tuum...*

Эта молитва не была уже больше чужой; это было ее собственное желание очищения перед Богом, желание того, чтобы царство Божие воцарилось в мире и в ней самой.

Это было похоже на чувство восторга. Запрокинув голову, она воздела руки к небу.

— *Fiat voluntas tua, sicut in calo, et in terra!*

Пусть подчинит Господь ее своей воле, чтобы она, словно трава и деревья, словно населявшие поля и леса твари, не задавалась вопросом, почему весна переходит в лето, а осень в зиму, а только смиренно воспринимала все как должное. И пусть Господь даст ей крупицу того мира, который царил на земле до того, как она была заражена ненавистью!

— *Panem nostrum quotidianum da nobis hodie; et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris. Et ne nos inducas in tentationem, sed libera nos a malo. Amen.*

Она опустила, плача, на колени. И она сама не знала, почему плакала. Она знала только, что просит прощения за свои грехи, что

Кальва и всех остальных, причинявших ей боль, она простила, и что, прося о хлебе насущном, она думает о неурожае в Трондхейме. И когда она просила Бога оградить ее от зла, она искала защиты от самой себя.

Она стояла на коленях, не шелохнувшись. И она ощущала в себе мир, о существовании которого не подозревала; она вспомнила сказанные однажды Энундом слова о том, что Божественная любовь, несущая в себе свет и тепло, требует человеческую душу целиком. И ей показалось, что крыша маленькой церкви разверзлась и все небесное великолепие хлынуло ей в душу.

Свеча мигала, постепенно догорая.

Наконец пришел священник Энунд. И когда он увидел ее заплаканное лицо и сияющую улыбку, он ничего не сказал, и ни о чем не спросил.

Перед тем, как выйти из церкви, она преклонила колени перед могилой Гудрун и первого Тронда. И, все еще ощущая в себе свет, она не скорбела о них, она радовалась тому, что они теперь вместе с Эльвиrom и своими братьями во Христе.

Она вышла из церкви в кромешной тьме, только на небе мерцали крошечные звезды; возможно, это были искорки Божественного света, чтобы никто на земле не забывал о Его любви.

Священник Энунд позаботился о том, чтобы у нее были провожатые до Этга; хюсман усадьбы Стейнкьер Рут и двое его рабов.

Рут не был особенно разговорчив, и Сигрид это радовало. Она шла молча, глядя на свет факела, падающий круглым пятном на снег.

Она чувствовала удивительную просветленность, понимание всего, что происходит вокруг — и так бывало с ней всегда, когда она понимала в христианстве что-то новое. Словно какая-то волна поднимала ее на свой гребень, обдавая брызгами, чтобы потом снова низвергнуть в пучину...

Но на это, возможно, тоже был воля Божья...

Они увидели на холме людей с факелами. Подойдя ближе, они заметили, что это Кальв со своими работниками. На дороге к Хеггину стояла другая группа людей.

— Господи, где ты была? — спросил он, увидев ее, и лицо его выражало одновременно недовольство и облегчение.

— В стейнкьерской церкви, — ответила она.

— Могла бы, по крайней мере, сказать, куда идешь! Я уже вышел тебя искать...

Недовольство его проявлялось только в интонации.

И она почувствовала радость оттого, что он беспокоится о ней, что может сердиться.

В последующие дни Сигрид казалось, что она смотрит на мир не так, как прежде. Во всем был для нее новый смысл; более, чем когда-либо, она чувствовала себя частью мироздания. Тем не менее, что-то еще продолжало отделять ее от мира. Ей хотелось излить на мир все то тепло, которое она ощущала, но у нее это не получалось.

Она стала испытывать теплые чувства к Кальву, хотя он и продолжал держаться несколько отчужденно — и она пыталась дать ему это понять. Но он не понимал, и ей, как женщине, не хотелось говорить ему об этом напрямую.

В его беспечной улыбке ей виделось что-то ранимое: она не могла отделаться от мысли, что ему нужна помощь. И желание помочь ему становилось все сильнее и сильнее. И вот однажды вечером, когда они уже ложились спать, он произнес свое обычное «Спокойно ночи», и она вдруг почувствовала, что что-то в их отношениях порвалось.

— Кальв... — невольно вырвалось у нее.

— Да, — ответил он, собираясь уже погасить свечу. Но она ничего больше не сказала.

— В чем дело? — спросил он.

Она встала и направилась к нему.

Он удивленно посмотрел на нее, когда она села к нему на постель.

— Что тебе нужно? — произнес он хриплым, сдавленным голосом. Она молчала. Но когда он еще раз спросил ее об этом, она вынуждена была ответить.

— Я точно не знаю...

— Тебе следует вернуться в свою постель, — с натянутым смешком проговорил он, — а то как бы чего не вышло!

— Я бы не сказала, что так уж не хочу этого, — медленно произнесла она.

— Ты хочешь сказать, что, поскольку у тебя нет возможности найти себе кого-нибудь получше, ты можешь удовольствоваться и мной? — спросил он. Горечь придавала жесткость его голосу, хотя он и пытался произнести это шутивным тоном.

Она молча сидела, впервые догадавшись о том, как глубоко он был обижен. И желание помочь ему стало у нее еще сильнее. Но она не любила его; она не могла сказать ему то, что, как она догадывалась, он желал услышать.

И она спрашивала себя, какие же чувства испытывает к нему; ощущение тепла, желание сделать для него что-то хорошее...

Того сердечного единения, которое было у нее с Эльвиром, здесь не было, как не было и той дикой страсти, которую она испытывала Сигвату. Единственным удовлетворением, которое мог ей дать Кальв, была радость от того, что она сама доставляет ему радость и помогает ему.

Она сидела и размышляла об этом; любовь не ищет выгоды, как сказал однажды священник Энунд.

Она прильнула к Кальву, прислонилась щекой к его щеке.

— Я не уверена в том, что знаю, что значит нравиться кому-то, — сказала она. — Возможно, ты сможешь мне разобраться в этом.

Но он оттолкнул ее от себя.

— Нечего делать из меня дурака!

Какое-то воспоминание всплыло в ее памяти.

— Погасить свечу? — невольно вырвалось у нее. И она тут же пожалела о сказанных ею словах; даже если он и вспомнит эти слова, сказанные когда-то, вряд ли ему захочется слышать их вновь.

И все так же, с усмешкой, от ответил:

— Должен заметить, что я не ожидал, что госпожа Сигрид вернется в мою постель такой похотливой!

Вздвогнув, она привстала, чтобы уйти.

— Ты уже собираешься уходить? — спросил он.

Ей пришла в голову мысль о том, что она и так уже унизилась перед ним и что еще одна капля унижения не причинит ей вреда. И она погладила его рукой по щеке.

— Кальв, тебе вовсе не требуется близко сходитьсь со мной, если ты этого не хочешь. Просто я чувствую себя одинокой, и мне захотелось побыть с тобой.

Он отодвинулся к стене.

— Тогда добро пожаловать, — сказал он, указывая ей рукой на освободившееся место.

И когда она села поближе к нему, он обнял ее.

Она сидела некоторое время молча, прильнув к нему.

— Я думаю, было ли любовью то чувство, которое я испытывала к Сигвату, — сказала она.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

— А что же это, по-твоему, было?

— Священник Энунд назвал это плотским желанием.

— А разве это не одно и то же?

— Я думаю, что о плотском желании можно говорить тогда, когда ты думаешь только о самом себе и той радости, которую ты можешь получить. О любви же можно говорить тогда, когда ты думаешь больше о том, чтобы дать что-то другому, чем о том, как самому взять от него.

Он задумался.

— И ты полагаешь, что не слишком утруждала себя мыслью о том, что будет иметь с этого Сигват? — спросил он.

— В тот раз я не настолько беспокоилась о нем, чтобы помещать ему ставить на карту блаженство своей души.

— А с Эльвиром было по-другому? — поинтересовался он.

— Да, — ответила она, — но я считаю, что в этом была заслуга Эльвира, а не моя.

— Как это?

Она медлила с ответом; она не знала, как ему все это объяснить.

— Ты не отвечаешь...

— Эльвир вел меня за собой, — сказала она.

Оба замолчали.

— Ты знаешь, что я могу дать тебе, — немного погодя сказал он. — И ты дала ясно понять, как мало это ценишь.

В его словах ей послышался отзвук ее собственной горькой насмешки. И ей хотелось выгравить эту насмешку из памяти обоих. Насмехаться друг над другом было все равно, что сеять в поле сорняк.

— Ты нужен мне. Такой, какой ты есть, — сказала она.

— В виду отсутствия чего-то более подходящего, — с горечью добавил он.

— Кальв, — немного помолчав, сказала она, — разве у меня нет права на то, чтобы хоть немного любить тебя? Даже если та любовь, которую я могу дать тебе, это не совсем то, что надо...

Некоторое время он пристально смотрел на нее. Потом усмехнулся.

— Это все равно, что говорить о слепце, который хочет вести другого слепца, — сказал он. И с этими словами он грубо притянул ее к себе, и она со вздохом отдалась ему.

Она отдалась ему целиком, до последней капли, словно утонув в море его желаний. Она отдалась во власть этой стихии, и ее радость смешивалась с его; волны стихии поднимали их все выше и выше, неся на своих гребнях сверкающую пену.

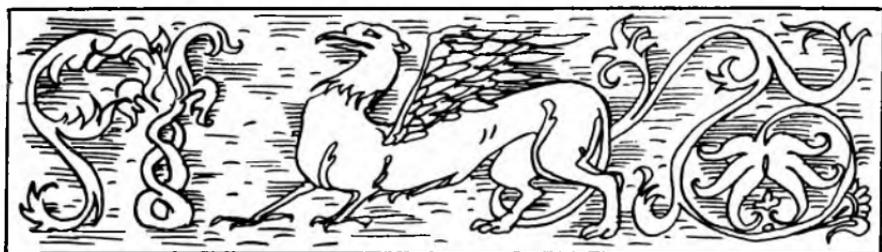
И она провалилась в пучину.

— Сигрид... — донесся до нее издалека его голос.

Она не сразу пришла в себя. Она видела вопрос в его глазах, и ей не требовалось, чтобы он произносил его вслух. И, притянув его лицо к своему и целуя его, она знала, что это и было ответом.

Но, потянувшись к свече, чтобы погасить ее, он замер на миг и улыбнулся.

— Слепой слепого... — сказал он. — Совсем не обязательно, чтобы они вели друг друга в сточную канаву...

Рождественский пост пришелся в этом году Кальву не по вкусу. Он сказал Сигрид, что, по его мнению, не стоит принимать все это все-рвез. Он сказал, что готов воздерживаться от обильной еды, но что касается воздержания другого рода, то здесь, по его мнению, они и так слишком много воздерживались. Но Сигрид не дала себя переубедить.

Она считала, что все их несчастья проистекают оттого, что они не выполняют заветы Бога. Она не знала, понял ли ее Кальв, когда она пыталась объяснить ему, почему ей так кажется. И она была рада, что он в конце концов сдался, хотя и бормотал при этом, что не следует вмешивать в это дело священников.

И Сигрид стала готовиться к Рождеству Христову с еще большим рвением, чем прежде; и она хваталась за все сразу. Несмотря на занятость, она находила время, чтобы присмотреть за детьми, оказать помощь больным и бедным, подбодрить и развеселить окружающих. И само воздержание было для нее радостью; приятно было отказывать себе в чем-то во имя Господа.

Одна только мысль мучила Сигрид по мере приближения Рождества: мысль о Хелене. Все ее попытки направить Хелену на путь истинный оказались тщетными.

Но когда она узнала, что Хелена, несмотря на рождественский пост, провела ночь в одном из мужских залов, она решила все-таки снова переговорить с Хеленой. Она сказала Хелене, что если та считает себя заранее осужденной на вечные муки, то пусть из милосердия не тянет за собой других. Но Хелена только рассмеялась.

Тем не менее, эти слова произвели на нее куда большее впечатление, чем она старалась показать, поскольку дело приняло неожиданный оборот.

Это произошло вскоре после Рождества, накануне праздника святого Иоанна. Кальв, Сигрид и большинство работников сидели в

новом зале, когда одна из девушек вбежала, запыхавшись, и обратилась прямо к Сигрид:

— Тебе нужно пойти на кухню!

Сигрид встала.

— Что случилось?

— Там... там кое-кто поранил себя...

Не спрашивая ни о чем, Сигрид накинула шаль и быстро вышла.

Хелена лежала на скамье, рядом стояла Рагнхильд и несколько служанок, из раны в ее груди текла кровь.

Сигрид молча осмотрела рану и с облегчением вздохнула, увидев, что рана не опасна. Тем не менее, она положила на рану руку и произнесла заклинание, чтобы остановить кровь; при этом она следила за тем, чтобы не произносить имя Христа.

Рагнхильд была недовольна, когда ее послали в кладовую за лыком и льняными лоскутами: она боялась пропустить что-нибудь важное. Но опасения ее были напрасными, Хелена не сказала ни слова. И девушки были разочарованы, когда Сигрид отослала их вместе с Рагнхильд в новый зал, как только перевязала рану.

На кухне стало тихо, и тут Хелена сказала:

— Что ты сидишь здесь? Тебе следовало бы понять, что если у меня хватило мужества лишить себя жизни, значит, я хочу умереть.

— Возможно, так оно и будет, если рана загноится, — сказала Сигрид. — Чем ты себя поранила?

— Ножом.

— Где он?

— Возле сарая... — и видя, что Сигрид вопросительно смотрит на нее, добавила: — За углом, ближе к конюшне...

Немного помолчав, Сигрид сказала:

— Обещай, что останешься здесь, пока я не вернусь.

Хелена кивнула, а Сигрид встала и взяла факел. И когда она вернулась, Хелена уже сидела на скамейке.

В свете очага Сигрид стала внимательно рассматривать оружие, и оно показалось ей знакомым.

— Это нож Грьетгарда? — спросила она.

Хелена снова кивнула и расплакалась.

— Он дал мне его, отправляясь на юг, — прошептала она, — он сказал, чтобы я пустила его в ход, если какой-то мужчина попытается изнасиловать меня.

Некоторое время Сигрид сидела, пристально глядя на оружие; если бы Хелена выполнила завет Грьетгарда, ей бы пришлось всадить этот нож в Кальва. Она собралась уже произнести над ножом заклинание и молитвы, чтобы рана не загноилась, как вошел священник Йон.

— Хелена!

Не вытирая слез, Хелена подняла голову.

— Кто просил тебя приходиться сюда, священник? — спросила она. Слова ее прозвучали так жестко, что священник опешил.

— Р-рангхильд сказала, что ты поранилась... — заикаясь, проворкотал он, — и что рана смертельная...

— Рана не смертельная, — торопливо заметила Сигрид.

— Ты слышал? — перестав плакать, сказала Хелена. — Тебе здесь делать нечего.

— Я могу предоставить тебе возможность исповедоваться и получить прощение от Бога.

— Зря теряешь время.

— Бога больше радует один раскаявшийся грешник, чем девяносто девять праведников, — торжественно произнес он.

— Думаешь, я поверю, что Бог, осудивший меня на адские муки, жаждет моего спасения?

— Хелена! — строго сказал священник. — Бог никого не осуждает на муки ада; наши собственные грехи ведут нас туда.

— Или грехи наших родителей, — с горечью добавила Хелена. — Я была осуждена на муки ада жизнью своей матери. И сегодня я решила, что будет лучше, если я встречу свою судьбу, не увлекая за собой других. Но я оказалась еще более презренной, чем я думала: в решающий момент я испугалась.

— Это Господь Бог спас тебя от гибели, Хелена.

Хелена непристойно рассмеялась.

— Наверняка, это злой дух удержал меня, считая, что я могу быть еще полезна ему, — сказала она.

Священник положил руку на плечо Сигрид.

— Будет лучше, если ты уйдешь, — сказал он.

Сигрид неуверенно встала, ища взгляд Хелены. Но девушка отвернулась, и Сигрид медленно вышла из кухни и направилась в новый зал.

Вскоре и священник Йон последовал за ней; по его растерянности она поняла, что ему ничего не удалось добиться от Хелены.

Оставшись с Сигрид наедине, Кальв захотел узнать, что случилось, и она рассказала ему обо всем. Но он только пожал плечами, когда она многозначительно посмотрела на него.

— Почему она не стала слушать священника Йона? — спросил он.

Сигрид вздохнула. Она не понимала, как может быть Кальв таким слепцом, чтобы не видеть своей вины.

— Я знаю, что ты считаешь меня виноватым во всем, — продолжал он, — и я не отрицаю, что причастен к этому. Но если бы это был не я, это был бы кто-нибудь другой. Девка была просто вне себя, она не может больше жить без мужиков. И теперь, когда у нее есть все возможности для того, чтобы получить отпущение грехов и начать новую жизнь, и она отказывается это сделать, никто не может ждать от меня, чтобы я взял всю вину на себя.

Сигрид не нравился тон, которым он говорил о Хелене. Она считала, что он ошибается, но не знала, что ответить ему.

— Есть какие-нибудь новости из Каупанга? — немного помолчав, спросила она. В этот день с юга пришел корабль.

— Ничего особенного. Королева Альфива сетует на то, что бонды слишком ленивы, чтобы платить королю Свейну те налоги, которые он требует. Она хочет, чтобы я поторопил их.

— И что ты думаешь делать?

— Я не собираюсь брать на себя невыполнимую задачу. Ни Свейну, ни его датчанам не станет хуже оттого, что они малость попостыятся; люди в усадьбах куда больше нуждаются сейчас в еде.

— Я думаю, что ты, как лендман короля Свейна, должен выполнять его указы.

— Если король чем-то недоволен, пусть сам даст мне знать. Король Кнут не заставит меня быть мальчиком на побегушках у его любовницы.

— Ты не единственный, кто так думает. Эйнару Тамбарскельве она тоже не очень нравится.

— Что в этом удивительного? Говорят, король Оппланда Эйстейн поставил своего пса властвовать над Трондхеймом. Но король Кнут превзошел его: он сделал нас слугами сучки.

Сигрид бросила на него быстрый взгляд: ей показалось, что он преувеличивает.

— Лучших слов она и не заслуживает, — ответил он, когда она сказала ему об этом. — Она думает только о том, как бы получить выгоду для себя и своего сына, и она не брезгает ради этого никакими средствами. Бергльот дочь Хакона была совершенно права, сказав, что за изменой короля Кнута Хакону Эрикссону стоит Альфива. Эйнар рассказал ей о том, какие слухи ходят в Англии: что король был причастен также и к смерти Эрика ярла.

— Я слышала, что ярл истек кровью, когда у него вырвали язык за его болтливость...

— Некоторые считают, что король Кнут сожалеет о том, что рана оказалась слишком глубокой.

— Стало быть, король Кнут пришел к власти в Норвегии путем измены и подлости? — сказала потрясенно Сигрид. — Если бы Бергльот что-то знала об этом, она бы, я думаю, рассказала бы мне.

— Наверняка Эйнар не рассказывал ей об этом. Возможно, он считает, что она и так подняла слишком много шума по поводу того, что Кнут убил сына ее брата, — сказал Кальв и неожиданно улыбнулся. — Причиной его злобности по отношению к Альфиве является, по-моему, то, что он чувствует себя дома в подчинении у бабы.

— Ты прав, это не доставляет ему особой радости, — тоже улыбаясь, сказала Сигрид, — но Бергльот не становится хуже оттого, что он питает неприязнь к Альфиве, — добавила она. — Впрочем, я думаю, что за всем этим кроется еще кое-что...

Кальв вопросительно посмотрел на нее, а она продолжала:

— Ругая королеву, он пускает бондам пыль в глаза, делая вид, что он на их стороне; королю же Кнуту она явно надоела, иначе он не отослал бы ее в Норвегию. И, сваливая всю вину на королеву, не затрагивая при этом короля Свейна, он заявляет королю Кнуту, что во всем поддерживает юношу.

Кальв задумался. Обняв его, Сигрид спросила:

— Ты, я надеюсь, не считаешь, что тобой помыкают бабы?

— Разве такое со мной возможно? — с усмешкой произнес он.

— Не знаю.

— Если такое и случалось, я сам этого не замечал. Но временами ты морочила мне голову. Кстати, это у тебя здорово получается.

Он снова улыбнулся.

— Возможно, я смогу теперь сделать тебе ребенка, — сказал он, — раньше у меня этого не получалось.

— Ты считаешь себя виновным в том, что у нас нет детей?

— Ты сама могла убедиться в этом после случая с Сигватом!

Сигрид ничего не сказала. Возможно, он был прав. Во всяком случае, ее отношения с ним были теперь не такими, как прежде.

— Мы попросим об этом святого Олава, — сказала она.

— Не думаю, что это особенно поможет, — ответил он, — мне кажется, что ты кривишь душой, называя его святым...

— Я думала, ты уверен в святости короля.

— Это я. Но для меня всегда было утешением слышать от тебя, что он вовсе не святой! — Он хохотнул, но тут же серьезно добавил: — Я уверен в том, что он святой. Но мне не нравится, что ему приписывают такую власть, потому что считаю, что после смерти он так же мстителен, как и был при жизни. Чего только стоит этот неурожай!

— Все потому, что королю Свейну сопутствует удача.

— Удача и раньше сопутствовала потомкам Горма.

— Можно подумать, что король Кнут отнял удачу у потомков Горма своим предательством. Кстати, нет никакой уверенности в том, что Свейн — сын Кнута.

— Да... — задумчиво произнес Кальв.

— Ты говоришь, что король Олав мстителен, — продолжала Сигрид, — а как же обстоит дело со мной, кого он простил? А как было с Туриром, который убил его? Первым чудом, которое совершил король, было то, что он исцелил его рану и обратил его в христианство. Разве это не свидетельствует о том, что он больше не жаждет мести?

— Может быть... — согласился Кальв. — Но Турир не служил королю, как я. И мне кажется, что события, происшедшие с тех пор, как я отвернулся от него, вовсе не свидетельствуют о том, что он простил меня — как до его смерти, так и потом.

— Я не думаю, чтобы святой был мстителен, Кальв. Это противоречит христианству.

— Я сам слышал, как священники угрожают карой Господа, так почему же королю Олаву не быть столь же мстительным, как Господь? И я не могу сказать, что вижу в мести что-то дурное; что было

бы, если бы никто не мстил за свои обиды? Даже наказание по закону тоже своего рода месть.

— Тебе следует поговорить об этом со священником, — сказала она. — Ты говорил, что грабил монастыри и церкви потому, что считал, что Бог перед тобой в долгу после того, что ты узнал о Сунниве.

Он кивнул.

— Так оно и было, — сказал он, — с момента принятия крещения я старался сделать все, чтобы быть хорошим христианином. И мне казалось, что за это, по крайней мере, Бог должен утихомирить короля Олава. — Немного помолчав, он продолжал: — Раньше Бог хорошо вознаграждал меня. Мне везло до тех пор, пока я не отвернулся от короля.

Он снова замолчал.

— Черт бы побрал Финна! — внезапно воскликнул он с такой горячностью, которой Сигрид от него не ожидала. — Это он посоветовал Олаву отказаться от мирного договора, когда мы встретились с ним в горах.

— Финн сделал то, что считал нужным, — коротко произнесла она.

— Это уж точно! — язвительно произнес Кальв. — Верность королю он поставил выше верности своему брату; и он не постеснялся сказать конунгу, чтобы тот убил меня! И я не знаю, что двигало им, верность королю или предательство по отношению ко мне. Никогда Финн не отзывался обо мне хорошо; всегда, с тех пор как мы были еще детьми, он использовал предательство, чтобы взять надо мной верх. И тем не менее, король спас его от несчастья сделаться братоубийцей. И теперь я понял, почему король отпустил меня, когда я был в его власти. Это была не милость по отношению ко мне — просто он хотел спасти Финна от виновности в моей смерти.

А как он вел себя в Стиклестаде! Он кричал, что знает, что делает, поднимая меч против своего брата; он хотел предать смерти всех тех, кто изменил королю. Но когда он лежал раненый на поле битвы и швырнул в меня свой меч, король и тут простер над ним свою руку; он повернул дело так, что рана моя оказалась не опасной. Он защищал Финна, хотя тот горел желанием убить собственного

брата. И за то, что я пошел против своих братьев, я поплатился позором, который никогда не смогу с себя смыть. И после этого ты считаешь, что король простил меня и жаждет моего спасения!

Сигрид не часто видела Кальва в таком раздражении; и в глазах у него было что-то такое, что вызывало у нее желание утешить его. И когда она обняла его и притянула к себе, он сначала противился, но потом уступил.

— Христос никогда не говорил, что тот, кто служит Ему, сможет избежать невезения и скорби, — сказала она. — Он говорил, что тот, кто следует за Ним, должен нести свой крест, как это делал Он сам. Ты ошибаешься, Кальв, считая, что христианство должно принести тебе удачу здесь, на земле.

— Кто говорил тебе об этом?

— Священник Энунд.

— Но я помню, как священник Йон привел однажды слова самого Бога: «Да будет богатство и благосостояние в домах тех, кто служит Господу, да будет благословенен их род». Разве это не означает, что человеку и его родне должна сопутствовать в таком случае удача?

— Мне кажется, тебе нужно поговорить со священником Энундом.

— Если один священник говорит одно, а другой — совсем другое, то нет смысла слушать их. Самое лучшее — следовать общепринятым правилам и слушать того священника, у которого больше здравого смысла.

Сигрид не стала возражать.

— Ты не виновен в смерти короля Олава, — сказала она. — Как и в гибели Кольбьёрна, так что это не может навлечь на тебя несчастье; ты пытался предотвратить сражение. И это неправда, что Финн никогда не говорил о тебе ничего хорошего; однажды он разгневался, считая, что я не слишком высоко ставлю тебя.

— Нет.. — уже спокойнее произнес Кальв. — Может быть, я не прав, думая, что Финн изменил мне. Ведь он, вопреки всему, мой брат, и между нами было и много хорошего. Помню, как однажды он смертельно перепутался: я упал с крыши сарая, и он думал, что я умер...

Некоторое время он сидел, задумавшись о чем-то, потом снова начал горячиться:

— Почему Финн всегда стоял у меня поперек дороги? Насколько я помню, так было всегда; он хотел даже поссорить меня с матерью... Его вина в том, что я... — он внезапно замолчал, а потом залпом выдал: — Если кому-то из нас суждено погибнуть, то почему это не должен быть Финн?

Он буровил ее взглядом, словно ожидая ответа. Но потом вдруг закрыл лицо руками.

— Господи, прости меня! — прошептал он.

Помолчав, он сказал:

— После сражения я сделал все возможное, чтобы помириться с Финном. Я понимал, как дурно поступил по отношению к королю и к моим братьям; я никогда больше не буду враждовать с ними.

— Если бы ты присягнул королю на верность, как это сделали твои братья, ты бы спас моих сыновей, — напомнила ему Сигрид, и он кивнул.

— И дело здесь не только в этом, — сказал он, — я много думал об этом с тех пор, как выяснилось, что король Олав был святым. И чем больше я думал об этом, тем труднее мне было во всем разобраться. Потому что я не могу понять, когда я поступал дурно; и если бы я начал все сначала, все осталось бы по-прежнему. Я воспринимаю короля Олава таким же, каким я впервые узнал его: воин с мечом в руке и взором, обращенным к небу, уверенный в том, что Бог не покинет его, что Бог предназначил его для крещения Норвегии. И он с победой устремлялся вперед, как конунги из прошлого. Но кое-что оставалось для меня непонятным: его уверенность была шаткой, уязвимой. Впервые я понял, что что-то не так, когда узнал, что в действительности произошло в Мэрине. И, приглядевшись к нему, я понял, что он совершает на каждом шагу ошибки, в том числе и в деле крещения страны. Я был настолько разочарован, что решил, что не буду доверять ни одному королю.

— И после этого ты стал служить королю Кнуту...

— Я никогда не доверял королю Кнуту, — сказал он. — И я подвергал сомнению все, что делал Олав. И когда стало ясно, что удача оставила его, я совершенно отчетливо увидел, что благосклонность Бога сменилась для него враждебностью. Но потом, в Стик-лестаде, когда я увидел его лицо, обращенное к небу, его спокойствие посреди битвы, его сияющие глаза, я понял, что передо мной

снова тот Олав Харальдссон, которому я когда-то доверял и которому был верен. Даже в смерти и поражении Бог был каким-то неопостижимым образом на стороне короля Олава, я же остался в проигрыше. Со временем, когда его признали святым, я понял, в чем тут взаимосвязь; я слышал, как священники говорили, что его поражение стало его величайшей победой, сделавшей его навечно королем Норвегии. И я еще яснее понял, как плохо я поступил, отвернувшись от него.

Он снова замолчал, потом сказал:

— Сигрид, если бы я пал тогда перед ним на колени, если бы доверил ему свою судьбу, не обращая внимания на Финна...

— Если бы ты сдался королю, ты изменил бы всем жителями Трондхейма, Кальв. Ты был их хёвдингом; и они явились на поле боя, веря тебе.

— Я знаю, — сказал Кальв, опустив голову.

— Но тебе ничто не мешает теперь пасть перед ним на колени, — продолжала она, — если ты сожалеешь, что не сделал этого раньше. Поезжай в Каупанг, к раке короля, и попроси у него прощения! И расскажи обо всем епископу Гримкеллю; возможно, он отправит тебя в Рим, как того желал король перед сражением.

Лицо Кальва снова обрело жестокость.

— Думаю, ты могла бы сказать, что Сигват проделал за меня это странствие, — сухо заметил он. — Всеу есть свои пределы, и теперь я считаю, что мы с Олавом квиты.

Подумав, она сказала:

— Возможно, король того же мнения. Не исключено, что он отдал тебе все, что имел.

Последние слова она произнесла тихо, не глядя на него. Он же сидел, не спуская с нее глаз, и, заметив это, она покраснела. И ее настроение передалось ему.

— Да, возможно, — повторил он, — возможно, он отдал мне свою удачу.

Обняв ее, он улыбнулся.

Потом он долго лежал в молчании; Сигрид подумала уже, что он заснул, когда он внезапно повернулся к ней и спросил:

— И что же хорошего сказал тогда обо мне Финн?

— Он сказал, что одно дело, когда он ругает тебя, но когда это делают другие, ему это не по вкусу. И он спросил, действительно ли ты хотел предложить королю мир.

— Ты убедила его в этом?

— Не знаю.

Поразмыслив, Кальв произнес:

— Может быть, стоит еще раз попытаться примириться с братьями.

Но Сигрид лежала и думала над сказанными им словами. И чем больше она размышляла над этим, тем увереннее она становилась в том, что должна помочь Кальву понять христианство.

Наступила долгая, холодная зима. И ежедневно сокращавшиеся запасы продовольствия делали ее еще более долгой и холодной. И когда снег оставался лежать уже в месяц кукушки, Сигрид подумала, что этому никогда не будет конца.

И когда, наконец, наступила весна, она оказалась такой бурной, что просто захватывало дух. Весеннее солнце просто пожирало снег, потоки воды затопляли все вокруг. В течение нескольких дней на деревьях распустились почки, южные склоны покрывались цветущим ковром.

Едва люди поняли, в чем дело, как земля была уже готова к севу. И, горячо помолившись, люди принялись сеять драгоценное зерно. В этом году многие жили тайком по старинному обычаю, и мало кто осуждал их за это.

И Сигрид надеялась, что весна и пробуждающееся вокруг нее плодородие принесут ей то, что не смогла дать зима: ребенка от Кальва.

Кальв был настолько убежден в том, что это должно произойти, что заразил своей уверенностью и ее. И он был разочарован, что ничего не получилось...

Для Сигрид это была удивительная зима.

Она убедилась в правоте слов Эльвира: рвение новообращенного подобно новой дружбе, и первое время оно горячее огня, но испытание приходит позже. Она чувствовала, как на нее давит повседневность, как ее рвение служить Богу постепенно превращается в привычку и становится похожим на старый плащ, изношенный и вытертый, уже больше не греющий. Но в ее отношениях с Кальвом все было наоборот: они становились все лучше и лучше.

Они говорили теперь обо всем; и Сигрид стало ясно, что им удалось бы избежать многих неприятностей, если бы Кальв не узнал

правду о Сигвате; тем не менее, она была рада тому, что он все знает и что они могут говорить обо всем откровенно. Она считала, что и Кальв тоже начинает думать так. Во всяком случае, его дружелюбие к Сунниве стало более явным.

В эту зиму Сигрид узнала Кальва с новой для нее стороны, и теперь ей стало понятно, как он завоевывает расположение и доверие людей. Его чувство справедливости, окрепшее за годы его предводительства, смешивалось с нерушимой верностью тем, кто служил ему или был близок. И Сигрид догадывалась, что именно это чувство верности повергло его в тоску после гибели короля Олава; он не мог простить самому себе измены.

Среди своих людей он бывал весел, нередко отпускал грубые шутки, но никогда не был злым. Он был их другом и одновременно хэвдингом, чего нельзя было сказать про Эльвира; между Эльвиром и его работниками пролегла непреодолимая пропасть.

И если Эльвир обладал способностью понимать все мгновенно и принимать решение, едва выслушав дело, то Кальву на это требовалось несколько дней. Бывало, Сигрид неимоверно раздражала эта его основательность; она считала, что всему есть предел.

Но его отношение к Сигрид изменилось за этот год. Было ясно, что он не считает больше себя обязанным оказывать ей внимание как женщине. И Сигрид была этому только рада.

Казалось, они оба прошли через очистительный огонь; каждый из них наблюдал, как другой расплачивается за малейшую попытку лицемерия. И со временем для них обоих стало просто невозможно всякое притворство.

Весна выдалась в этом году дружной, и настроение у людей поднялось. Но боязнь неурожая все еще была; для многих это означало голодную осень и следующую зиму.

И когда в начале лета пошли дожди, церкви были полны народу. Днями напролет люди произносили длинные молитвы и давали Богу всевозможные обещания, давали клятвы святому Олаву — чтобы только погода наладилась.

Но ничего не помогало. Кормовые травы прибывало к земле, и они гнили на корню. А когда настала пора жатвы, погода стала еще хуже. Многие уже поговаривали, что если не сбросить с себя иго датчан, народ и вся живность вымрет от голода.

В это лето Кальв часто бывал в Каупанге; он строил себе в городе дом. Это король Свейн дал ему землю и приказал начать строительство; рассказывая об этом, Кальв сухо заметил, что король хочет держать его при себе, чтобы не спускать с него глаз.

— Но я буду находиться там только тогда, когда сочту нужным, — добавил он.

Рассказывая о своих посещениях города, он сообщил, что с королевой Альфивой почти невозможно разговаривать и что король Свейн настроен очень мрачно. Даже королевский скальд Торарин Славослов сказал в одной из своих драп, что король Свейн должен просить святого Олава, чтобы тот освободил от него свою землю. И король провел целую ночь в молитвах у гроба Олава.

В конце лета дом и надворные постройки в Каупанге были готовы, и Кальв захотел, чтобы Сигрид поехала туда с ним посмотреть на новую усадьбу. Но она медлила с отъездом; Хелена была беременна и вскоре должна была родить, и у Сигрид было мрачное предчувствие. Тем не менее, она решила съездить на юг.

Новая усадьба ей понравилась; и она согласилась жить там с Кальвом, потому что он решил проложить дорогу через Эрландет, после того как они поселятся в Каупанге. Летом от братьев пришло известие о том, что теперь они полностью помирились, и Финн звал Кальва и Сигрид к себе в гости в Аустрот.

Они решили взять с собой Тронда, а Сунниву оставить в Эгга. Хотя отношения между Кальвом и дочерью стали лучше, Сигрид не хотела перегибать палку.

Во время их поездки было сыро и холодно. На всем протяжении плавания одна дождевая туча сменялась другой, и единственным утешением было то, что двигались они быстро. Они отплыли из Фроста ночью, а в полдень следующего дня были уже в Каупанге.

Усадьба Кальва была красивой, она находилась недалеко от моря, а дома были просторными, сложенными из крепких бревен. Там были зал, кухня, помещение для хозяев, кладовые, хлев. Работники достраивали сарай. Повсюду пахло свежей древесиной.

Кальв торжественно зажег в доме все лампы, прося при этом Бога благословить усадьбу. Он не забыл также поставить пиво и ячменное зерно для домового, прежде чем сесть на свое почетное сиденье.

Зал был такой же величины, как новый зал в Эгга; вдоль длинной стены стояли спальные скамьи, а возле одной из коротких стен находились спальные клетушки.

На почетном сидении могло разместиться сразу три человека, а резные столбы были украшены головами драконов, угрожающе разрывающих пасть на случай появления незваных гостей. И на всех дверях и ставнях был вырезан крест.

О гостях здесь тоже не забывали: перед дверью стоял большой чан с пивом.

Сигрид прихватила с собой из Эгга котлы и прочую домашнюю утварь, а также ковры и гобелены, еду и питье. Они взяли с собой из Эгга слуг и служанок, которым теперь предстояло жить в Каупанге. И все последующие дни работа по обустройству усадьбы шла полным ходом. Сигрид доставляло это радость, потому что не прошло и трех дней со времени их прибытия в Каупанг, как от королевы Альфивы и короля Свейна пришло известие о том, что они намерены посетить усадьбу.

Сигрид сделала все, чтобы как можно лучше принять гостей, но этот вечер оказался для нее трудным.

Королева во всем проявляла подозрительность, требуя, чтобы Кальв первым пробовал все блюда. И если что-то можно было очернить, она это делала. Сигрид удивлялась терпению Кальва; он отвечал королеве дружелюбно и спокойно, при этом ни на йоту не отступая в том, в чем считал себя правым.

Король Свейн был таким же молчаливым, как и в последний раз, когда Сигрид видела его. Он сидел на почетном сидении рядом с Кальвом; по другую сторону от Кальва сидела королева, и Свейну было стыдно за ее поведение. Но было ясно, что он не смеет переменить ей.

Альфива уехала рано, и это было великим облегчением для Сигрид.

Пробыв в Каупанге около двух недель, Кальв и Сигрид отправились дальше, в Эрландет.

Они отправились в плаванье на закате дня.

Облака низко стелились над землей, словно хлопья тумана; в лучах заката облака меняли цвет от темно-бордового до ярко-крас-

ного и золотистого. А над домами и деревьями уже стущалась темнота, постепенно заволакивая небо.

Сигрид стояла на палубе рядом с Кальвом, который управлял кораблем. Посреди разговора она вдруг замолчала и указала ему рукой куда-то. Он посмотрел в ту сторону, не понимая, в чем дело.

— Разве ты не видишь, как это красиво? — спросила она.

— Вижу, — ответил он, — в самом деле, это красиво.

И он продолжал говорить о чем-то. Сигрид вздохнула; он даже не повернулся в ту сторону, куда она указывала, не понял, о чем она говорила. Для него закат был всего лишь окончанием дня, так же как на золотистое, волнующееся от ветра хлебное поле он смотрел лишь с точки зрения получения урожая.

Финн встретил их на причале. Когда они сошли на берег, он сначала протянул руку Сигрид и улыбнулся, когда она пожала ее.

— Вот ты и взяла меня за руку, — сказал он.

— Раз уж это произошло, я позволю себе кое о чем спросить тебя, — ответила она.

— О чем?

— Это ты нанес Эльвиру смертельную рану?

— Нет, — ответил он. При этом он держал ее за руку. — Если бы я ответил «да», ты отняла бы руку? — спросил он.

— Не знаю...

Они стояли и смотрели друг на друга.

— В тот раз я плохо поступил с Эльвиром, — сказал Финн. — Я должен был привести ему священника.

— В любом случае это было бы поздно, — ровным голосом ответила она. — Ты был не единственным, кто дурно поступил с ним.

Перед тем, как отпустить ее руку, он горячо пожал ее.

Сигрид не ожидала, что встреча Финна и Кальва будет такой сердечной; перед тем, как отправиться в усадьбу Финна, братья обнялись.

Вечером в зале Тронд, как обычно, не мог усидеть на месте. Сначала ему захотелось взглянуть на подарки, которыми обменялись братья, потом он стал рассматривать висящее на стене оружие и щиты. И, прежде, чем кто-либо успел остановить его, он вскарабкался, словно белка, на один из столбов, до самого потолка.

— Шустрый у тебя парнишка, — глубокомысленно сказал Финн Кальву. — Он из рода Ладе, не так ли?

Кальв кивнул, и Финн рассмеялся.

— Я надеюсь, он со временем не вобьет себе в голову, что является наследником ярлов Ладе! — сказал он.

— Я, во всяком случае, не намерен настраивать его на это, — ответил Кальв.

— Почему ты не взял с собой дочь?

— Мы решили, что она слишком мала для такой поездки.

— Насколько я помню, она не очень-то похожа на нашу родню. Или, может быть, она изменилась?

Сигрид не осмеливалась взглянуть на Кальва, но ответ его был спокойным.

— Нет. Сигрид говорит, что она похожа на ее мать.

Они говорили о многих вещах; о короле Олаве, о походе викингов и о битве, в которой оба участвовали; они говорили о родителях и родственниках, вспоминали детские годы.

Только один раз в их разговоре мелькнула враждебность по отношению другу к другу.

— Ты не можешь отрицать, что однажды сказал, что я трус, — вдруг заявил Финн.

Вздвогнув, Кальв помедлил с ответом.

— Я этого не отрицаю, — ответил он, — хотя ты и не был до такой степени трусом, чтобы поднять руку на своего брата.

Стало тихо, Сигрид затаила дыхание; размолвку между братьями заметили и остальные. Тишину нарушила Гудрун, жена Финна.

— Ради своей престарелой матери, Финн, не нарушай мира этой встречи!

Финн повернулся к ней; они долго смотрели друг другу в глаза. И когда он снова повернулся к Кальву, он был уже спокойнее.

— Я говорил тебе, что могу проявить смелость неожиданным для тебя способом, — сказал он. — Но те времена, когда я готов был лишиться тебя жизни, прошли и теперь забыты. Куда важнее сейчас то, чтобы ты не считал меня трусом.

— Я уже ответил тебе на твой вопрос, — сказал Кальв.

Немного поразмыслив, Финн сказал:

— Думаю, я могу, подобно Халльфреду Трудному Скальду, сказать, что боюсь только одного — преисподней.

Кальв ничего не ответил, и Сигрид обрадовалась, когда разговор принял другой оборот.

Но она плохо понимала Кальва. Стычка с Финном вывела его из себя не меньше, чем в свое время ее измена. И то, как он дразнил Финна, было непохоже на того рассудительного Кальва, которого она знала. И все-таки его что-то связывало с братом; он не решился бы сказать, что они с братом враги. Вот и теперь при встрече они вели себя как лучшие друзья...

Было и еще кое-что, чего она не понимала: когда братья говорили о своей матери, они отзывались о ней с таким почтением, что оба — хёвдинги, сражавшиеся во многих битвах, грабившие, насилловавшие, сжигавшие, — понижали голос до шепота.

Она спросила об этом Кальва, когда они лежали и перешептывались в постели, но многого она от него не добилась. Но когда она сказала, что Финн слишком много берет на себя, сравнивая себя с Халльфредом Трудным Скальдом, она услышала, как Кальв хохотнул в темноте.

— Финн не такой храбрый, каким хочет казаться, — сказал он, — но больше всего на свете он боится того, что люди узнают, что он трус.

Большую часть следующего дня Кальв и Финн провели в беседе наедине, и Сигрид имела возможность получше узнать Гудрун. Она была очень общительной, во всем ее облике чувствовалась сговорчивость и податливость. Но Сигрид с ней было скучно; Гудрун была на восьмом месяце беременности и говорили только об этом.

До этого у Финна и Гудрун был только один ребенок, дочь, которую звали Ингебьёрг, лет девяти-десяти. Она была такой же светловолосой, как и мать, и такой же кроткой. Но у нее был звонкий, заразительный смех, которого не было у матери.

В это утро она была занята тем, что показывала Тронду усадьбу, и они бегали повсюду наперегонки. Они перекликались и смеялись, и их голоса отдавались эхом среди домов.

И глаза Ингебьёрг округлились от восхищения, когда Кальв, Финн и их дружинники стали метать копьё; Тронд тоже бы с ними, и он бросал копьё лучше многих взрослых.

За день до отъезда — а это было на четвертый день их пребывания в Аустроте — Сигрид разговаривала с глазу на глаз с Финном. Сначала речь шла о святом Олаве.

Он не был удивлен ходом ее мыслей, Кальв наверняка рассказал ему о том, что она изменила свое отношение к королю. И когда она выразила желание послушать о поездке Олава в Гардарики*, он охотно принялся рассказывать.

Он сказал, что король был очень замкнут и все время размышлял о своей судьбе. Но с Финном он общался больше, чем с остальными. Он говорили ему о своих сомнениях, о том, что он пришел к власти в Норвегии дурным путем. Ведь он стал претендовать на власть в качестве потомка Харальда Прекрасноволосого. А право рода Харальда Прекрасноволосого на власть было основано на старинной языческой вере в то, что этот род происходит от бога Ингве-Фрея. Находились и такие, которые считали, что прежний конунг из этого рода, Олав Альва Гейерстадира, возродился в конунге Олаве.

Но сам король считал, что после того, как он окрестит страну, Бог простил его за то, что он призвал на помощь язычество. И только теперь, в изгнании, покинутый почти всеми, кто был близок к нему, отверженный Богом, он начал в этом сомневаться. Он стал подумывать о том, что, возможно, его собственная власть для него дороже Христа.

Он наложил на себя суровое покаяние. И ему хотелось быть мягче по отношению к другим; он говорил без всякой ненависти о тех, кто покинул его. А о Сигвате Скальде он вообще отзывался с любовью.

Людям короля это мало нравилось. Но когда стало известно, что Сигват отправился в Рим, Олав заметил, что скальд наверняка отправился туда, чтобы помолиться за своего короля.

Он сам заводил разговор о пилигримском странствии. Он подумывал также о возможности возглавить царство, предлагаемое ему конунгом Ярицлейвом**: народ там был языческий, так что он мог обратить этот народ в христианство. Его люди не советовали ему этого делать, да и у него самого не было особого желания.

* Название Руси у древних скандинавов.

** Ярослав Мудрый

Но когда из Норвегии пришли весть о том, что Хакон ярл мертв, он тут же заявил, что это знамение Господа; Господь принял его покаяние и вернул ему удачу. И когда ему во сне явился Олав Трюгвассон и посоветовал ему вернуться в Норвегию, он совершенно уверился в том, что такова воля Божья.

И он с важным видом покинул Гардарики.

Финн замолчал, давая этим понять, насколько важно все то, о чем он говорит. Но Сигрид показалось, что стремление короля вернуться в Норвегию едва ли свидетельствует о том, что он думал прежде всего о служении Христу. Она полагала, что он сослужил бы Христу лучшую службу, если бы обратил в христианство язычников в царстве Ярицлейва, чем если бы вернулся обратно в страну, которая уже была христианской. И после рассказа Финна о его возвращении она была уверена, что за его смиренным поклонением Христу явно просматривается его собственная жажда власти, становящаяся все сильнее и сильнее по мере его приближения к Норвегии.

Оказавшись в Свейе, он набирал в свое войско даже язычников, хотя первоначально заявлял, что собирается иметь дело только с христианами. Финн сказал, что он пытался окрестить их, и многие на это пошли. Но тех, кто не захотел креститься, он все равно оставил в своем войске; и во время сражения он поставил их на левом фланге. Большинство его людей поддерживало его, и все они были у него наперечет.

Финн рассказал еще о видении, которое было у короля во время перехода через горы. Он увидел перед собой всю страну, как на ладони; он увидел не только те места, где он бывал, но и те, где никогда не был. Финн сказал, что епископ назвал это видение великим и святым. Финн ждал, что Сигрид что-то скажет на это, но она молчала.

Она вспомнила рассказ священника о том, как зло соблазняло Иисуса, показывая ему все страны мира и их великолепие. Все это будет принадлежать тебе, если ты падешь передо мной на колени и будешь преклоняться мне, сказала ему зло; все это будет твоим, если ты вернешься к старым богам, к удаче рода Харальда Прекрасноволосого...

Финн рассказывал дальше. Король отказался сжигать деревни в Инндалене и Вердалене. Он вдруг сказал во всеуслышанье, что на этот раз борется не за Христа, а за свою собственную власть. Ради

Христа он мог сжигать и грабить, но ради себя самого не станет этого делать. Все были удивлены; если бы он грабил и сжигал деревни, в войске бондов возникло бы замешательство, а это увеличило бы возможность его победы. Многие считали, что он поступает дурно по отношению к преданным ему людям, отказываясь от такой возможности.

Получилось так, что король заключил сделку с Богом. Борясь за свою собственную власть, он выдавал это за волю Бога; при этом он напускал на себя смирение, пытаясь всеми способами умиловить Бога. Слушая рассказ Финна о знамении и покладистости короля, о совершенных им убийствах и его жажде мести, о том, что он переманил к себе отъявленных головорезов, обещая им имущество и богатство его противников, Сигрид все яснее и яснее понимала, как короля шатало из стороны в сторону. Король не полагался на своего Бога; он не решался отдаться целиком в Его руки, зная о том, что Бог, если захочет, может даровать ему победу и с горсткой преданных ему людей, сражающихся без всякой мысли о наживе.

Или, возможно, подчиняясь воле Господа, он начал прозревать истину, увидев, каким ничтожным будет его войско, если он отошлет прочь язычников и головорезов: Бог призвал его в Норвегию для того, чтобы он умер там. Но он не желал сдаваться; он продолжал идти против Бога, используя свою королевскую власть.

И накануне сражения у него опять было видение. Оно пришло к нему во сне, напоминая сон святого Якоба. Финн сказал, что король спал, положив голову ему на плечо; он спал до тех пор, пока Финн не разбудил его, и был очень недоволен, что его потревожили.

Он видел во сне лестницу, ведущую на небо, и он поднимался по ней и настолько приблизился к небу, что мог слышать пение ангелов, когда его разбудили. Его самого очень обрадовал этот сон, но Финну это показалось плохой приметой; он полагал, что этот сон предвещает смерть.

Казалось, что король сознательно закрывает на это глаза, считая этот сон не предвестником смерти, а предвестником победы. Бог стал на его сторону. Король может завоевать власть в стране и обеспечить себе место на небе.

И с таким настроением Олав Харальдссон пошел в бой, с крестом на щите и мечом Победитель в руке; этот меч был похищен из

могильного кургана Олава Альва Гейрстадира и таил в себе страшную колдовскую и языческую силу.

— Многого из того, что произошло перед стиклестадской битвой и во время нее, я так и не понял, — признался Финн. — Я знал только, что...

— ... что подобного ему короля никогда не было и никогда не будет в стране, — закончила за него Сигрид.

Финн рассмеялся.

— Хорошо, по крайней мере, что мы оба думаем так, — сказал он.

— Мы думаем не совсем одинаково.

— Как это?

— Я вовсе не считаю, что при жизни конунг Олав был лучшим из всех королей, которых знала страна. Он сделал много хорошего, ввел христианство и справедливые законы. Но он был властолюбив и самодоволен, своенравен и груб, и он не останавливался перед изменой, чтобы достигнуть желаемого. Он стал святым в смерти. На небе он стал лучшим из королей страны, стал конунгом Норвегии на вечные времена.

Финн снова рассмеялся.

— Ты говоришь, словно священник, — сказал он, — и время покажет, насколько наши мнения о короле совпадают.

С этими словами он положил свою ладонь на ее руку.

После его ухода Сигрид сидела еще некоторое время и размышляла о сказанном. Она считала, что король Олав всегда беспрекословно выполнял волю Бога. И только теперь до нее стало доходить, чего ему стоит каждый шаг на его пути. И она подумала, что в своей последней, смертельной битве, отзвук которой теперь долетал до нее, он должен был сражаться как дракон, напоминающий вырезанное из дерева чудовище. И ставкой в этой схватке была его королевская власть и честь, королевское право и сама его жизнь.

На обратном пути, по мере приближения к Эгга, беспокойство Сигрид по поводу Хелены росло; в конце концов это беспокойство перешло в откровенный страх. И, едва ступив на берег, она спросила у Харальда Гуттормссона, где девушка, но тот сделал вид, что не слышит.

И когда Сигрид вошла во двор, Рагнхильд сообщила ей новость.

Четыре дня назад Хелена родила девочку. Роды были преждевременные, но девочка оказалась крепкой и здоровой, хотя и очень маленькой. Тем не менее, Хелена попросила священника сразу же окрестить ее.

— И как же она назвала ее? — спросила Сигрид.

— Я не помню... — сказала Рагнхильд, давая понять, что такие мелочи ее не интересуют. — Сразу после ухода священника я вошла на кухню, — продолжала она, — и увидела Хелену, сидящую на кровати с окровавленным ножом в руке, а на полу лежал в луже крови ребенок с перерезанным горлом!

Глаза Рагнхильд наполнились слезами.

Сигрид почувствовала дурноту.

— Где теперь Хелена? — спросила она.

— Она лежит связанная в старом зале.

Сигрид не стала терять время на разговоры с Кальвом.

Она нашла Хелену, лежащую в углу прохода. На лицо ее падал свет из небольшого отверстия в стене; Сигрид заметила, что она очень грязна, и от нее пахло кровью.

Сигрид присела рядом с ней.

— Хелена!

До этого Хелена лежала с закрытыми глазами, но теперь открыла их, и взгляд ее был затуманенным.

— Я думала, что кто-то пришел поглазеть на меня, — медленно произнесла она.

— Я пришла помочь тебе, — сказала Сигрид. — И первое, что я хочу сделать, это отправить тебя в постель и привести тебя в порядок.

— Поздно уже помогать мне, — сказала Хелена, — и я готова понести наказание за то, что совершила.

Внезапно лицо ее просияло.

— Я спасла ребенка; новорожденной и безгрешной войдет она в царство Божье. Точно так же нужно было поступить и со мной.

Почувствовав на глазах слезы, Сигрид обняла девушку. Потом принялась распутывать веревки.

В это время пришел Кальв.

— Сигрид, — строго сказал он, — кто позволил тебе развязывать пленницу?

— Если ей и надлежит быть связанной, то пусть, по крайней мере, лежит в постели, — сказал Сигрид. С этими словами она вывела Хелену из зала и повела в дом. И Кальв не остановил ее.

На следующий день Кальв созвал в большом зале домашний суд.

Обвинение было простым. Хелена убила своего ребенка; и она кивнула, когда Кальв спросил ее, так ли это.

— Закон гласит, что уродливого ребенка можно предавать смерти, — начал священник, — Хелена убила своего ребенка. Она сделала это, считая, что ребенок уродлив в душе и что, если он вырастет, он заранее будет осужден на вечное проклятие. И она сделала больше, чем требовал от нее закон по отношению к уродливому ребенку: она предварительно окрестила его, обеспечив ему тем самым вечное блаженство.

Священник замолчал, присутствующие начали переговариваться.

— Я не говорю, что она поступила правильно, — продолжал священник. — Она поступила дурно, поскольку ни ее, ни чей-то еще ребенок не осужден на муки ада. И ни у кого нет права уничтожать невинную жизнь. Но мне бы хотелось, чтобы ты, Кальв, вынося ей приговор, подумал о том, что заставило ее поступить так.

После слов священника в зале стало тихо. Кальв сидел, погруженный в свои мысли. И все ахнули, когда он присудил Хелене выплатить полный выкуп, как за убийство свободнорожденной женщины. Хелена сидела, опустив голову.

— Ты же знаешь, я не смогу заплатить, — сказала она.

Священник Энунд вскочил; Сигрид никогда не видела его таким возбужденным.

— Я заплачу за нее! — воскликнул он.

— Разве у тебя есть такие средства? — удивленно спросил Кальв.

— Я заплачу, даже если мне придется пойти из-за этого в рабство!

Присутствующие снова заволновались.

И тут встала Сигрид.

— Выкуп заплачу я, — сказала она. И когда Хелена стала противиться этому, она перебила ее: — Замолчи, я сделаю это не ради тебя; священнику Энунду придется продать самого себя, чтобы расплатиться за тебя. И я сделаю это также не ради него, просто округа много потеряет, лишившись одного из своих священников.

Кальв сказал, что ему все равно, кто заплатит деньги, лишь бы вира была выплачена. На этом суд завершился.

Сигрид рассердилась на Кальва за то, что он присудил Хелене полную виру.

— Ты считаешь, что это слишком много? — не без издевки спросил он.

— Я могу согласиться с этим, — ответила Сигрид. В последние годы ее усадьба в Бейтстаде приносила хороший доход, а если к этому прибавить еще свадебный подарок, полученный ею. в свое время от Кальва, то средств выходило более чем достаточно, — но мне кажется это несправедливым, — добавила она.

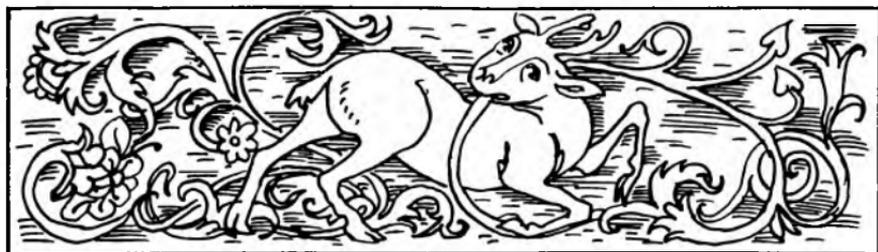
— Если я освобожу Хелену по той причине, о которой говорил священник Энунд, тогда каждая девка во Внутреннем Трондхейме, родившая внебрачного ребенка, сможет лишиться его жизни и быть при этом на свободе. Что я скажу, если кто-то из них признается, что причина убийства — та же самая, что и в случае с Хеленой дочерью Торберга?

Сигрид вынуждена была с ним согласиться.

Ходили слухи, что, возможно, у священника были свои причины так рьяно защищать Хелену.

Мыслимое ли дело, если у него самого совесть была нечиста? Неужели он тоже, как и другие, был с ней? Какой позор для того, кого люди были готовы назвать святым! Такого за ним раньше не водилось.

Люди считали по пальцам — один, два, три, четыре, пять... И качали головой: это должно было быть во время рождественского поста. И каким строгим он был, когда речь шла о воздержании других!

Осень и на этот раз была неудачной. Тот, кто не успел вывезти на телеге сено для скота, теперь увозил его на санях. И оно было теперь едва ли пригодно.

Месяц за месяцем, люди худели на глазах. И даже в больших усадьбах было не до рождественского гулянья.

В Эгга непрерывным потоком стекались нищие. Среди них были и те, кто из гордости не просил раньше помощи даже у своих близких, а теперь шли сюда побираться, с серыми лицами, впалыми щеками и большими, голодными глазами.

Пока могла, Сигрид подавала им, но однажды ей пришлось сказать «нет»; она отвечала за своих работников, ведь даже в Эгга теперь в муку подмешивали словую кору.

И неприязнь к датчанам становилась все сильнее и сильнее.

Король Свейн получил не так уж много рождественских подарков, но ни он, ни королева Альфива не осмеливались притронуться к ним.

В эту зиму, как никогда, ходили слухи о жертвоприношениях; в людях снова начал просыпаться страх перед старыми богами.

Но ближе к весне стали распространяться и другие страхи: из усадьбы в усадьбу шел слух о том, что Судный день не за горами. Ученые люди полагали, что Судный день должен наступить в год тысячелетия Рождества Христова. Но поскольку этого не произошло, стали думать, что Судный день наступит в год тысячелетия Его смерти; одним из тех, кто думал так, был священник Энунд, и он считал, что Судный день должен наступить именно в этом году.

Некоторые люди в деревне говорили, что настолько устали от нужды, голода и датского правления, что были бы только рады, если бы всему этому пришел конец. Большинство же было напугано; они цеплялись за жизнь, даже такую убогую, не загадывая о том, что ждет их после Судного дня.

С приближением Пасхи у священников появилось много дел, люди шли к ним толпами.

Сигрид тоже пошла к священнику. В течение этого года ей казалось, что христианство стало для нее пустым черепом: она по привычке выполняла свой христианский долг, становилась в церкви на колени, крестилась во время службы...

Но Энунд говорил, что это всего лишь часть христианской жизни. Правильное выполнение этих обрядов усиливает терпение человека, сказал он, пытливно глядя на нее.

Сигрид чувствовала себя уязвленной, зная, что со времени ее примирения с Кальвом кротости у нее не прибавилось. Она замечала в себе многие черты, которые были присущи ей в молодости. И она обещала себе стать лучше, покаяться, совершать добрые поступки.

И она изо всех сил старалась помочь Кальву лучше понять христианство. И во время великого поста Кальв стал задумываться об этом.

— Возможно, ты и права, — задумчиво произнес он в один из вечеров. — Наверное, мне следует исповедоваться в том, что я грабил церкви и монастыри; не исключено, что в ярости я награл слишком много...

Кальв был не из тех, кто медлит, приняв какое-то решение, и когда на следующий день священник Энунд прибыл в Эгга, он отправился к нему на исповедь. Много золота и серебра в этот день перешло в другие руки.

— Это была невыгодная сделка, — сказал после этого Кальв. — Отпущение грехов я получил, зато мне пришлось вернуть все вещи, принадлежавшие церкви. К тому же он наложил на меня другое покаяние.

— Мы скоро предстанем перед судом Господа, — сказала Сигрид. — Какую пользу принесет тебе то, что ты ограбил церковь?

— Никакой, — ответил Кальв без всякого удовлетворения. — Но что, если Судный день не наступит?

— Тогда ты можешь считать, что сделал первый шаг к праведной жизни, — убежденно произнесла Сигрид. Но Кальв недовольно проворчал:

— Если каждый шаг на этом пути обходится так дорого, то стоит ли вообще проделывать этот путь...

Перед Пасхой было сказано, что те, кто был отлучен от церкви за совершение тяжких грехов, должны явиться за покаянием к священникам. Сигрид не поверила своим глазам, когда в Вербное воскресенье она увидела, как Хелена дочь Торберга идет к алтарю и принимает причастие. Она махнула на Хелену рукой. Заплатив год назад за девушку выкуп, она перестала иметь с ней дело; Хелена ясно давала понять, что предпочитает, чтобы ее оставили в покое.

День шел за днем: понедельник, вторник, среда... Люди становились все более ревностными в своих молитвах.

Но молились далеко не все. Тот, кто до этого тайком занимался жертвоприношением, теперь делал это в открытую. Другие же доедали свои последние припасы; великий пост подходил к концу. Люди наедались так, словно близился конец света, и им в последний раз предстояло вкушать земные радости. По мере приближения дня Пасхи обжорство и пьянство становилось диким: ездить по дорогам стало опасно.

В пятницу пошел снег, хотя днем раньше земля была голой.

Все были разочарованы; в такой день трудно было наблюдать приход Господа. Повсюду шли разговоры о том, как быть, и большинство считало, что распогодится.

Однако после полудня облака стали еще более темными и густыми. А священники были заняты так, что было бесполезно спрашивать у них о чем-то.

Из-за ненастья было трудно определить время дня. Но когда все решили, что время идет к середине дня, большинство пошло либо в церковь, либо вышло во двор.

Сигрид и Кальв взяли в церковь Тронда и Сунниву.

В церкви было полно народу, Сигрид с Кальвом преклонили колена, как и остальные.

Некоторые молились молча; Сигрид видела, как шевелились губы у стоявших рядом. Другие молились вслух. Вся церковь была наполнена бормотанием, походим на журчание горной речки. И постепенно тихое журчание переходило в настоящий потоп: слышались крики и возгласы людей, просящих Бога о милости во всеуслышанье. И Сигрид вспомнила о том, как она сама была напугана во время солнечного затмения.

Теперь же, к ее собственному удивлению, она ощущала в себе странное спокойствие. Она снова ощущала в себе сияющий мир, обретенный ею в стейнкьерской церкви; и она поняла, что он никогда не покидал ее, даже когда она не находила смысла в своей христианской жизни.

И она с надеждой и с напряженным ожиданием прислушивалась к нарастающему гулу голосов. Ей казалось, что эти голоса поднимают ее до неба, где каждый вздох, каждая жалоба звучат как восхваление Бога.

И когда голоса вокруг нее постепенно стали затихать, ей показалось, что она снова возвращается в повседневную жизнь со всеми ее заботами, в темную, маленькую церковь, где уже догорают свечи, а люди встают, чтобы уйти. И она почувствовала разочарование.

Когда Сигрид и Кальв вернулись обратно, во дворе еще были люди. Все молча смотрели на тяжелые, снеговые облака.

Собравшиеся в зале тоже были молчаливы; казалось, они чего-то стыдятся. Лишь некоторые пытались казаться равнодушными.

И тут кто-то сказал:

— Может быть, не весь этот год, а только один день будет ненастным. Возможно, тысячу лет спустя после своего вознесения Христос вернется обратно...

В зале опять стало тихо.

И тут Харальд Гуттормссон стукнул кулаком по столу.

— Для меня достаточно один раз в неделю встречать конец света, — сказал он. — Двух раз для меня слишком много.

Однако на Пасху конца света не наступило. И многие, подобно Харальду Гуттормссону, считали, что все обошлось.

Кальв был в эти дни очень занят; и находились такие, кого пугал предстоящий весенний тинг: те, кто в открытую нарушали закон.

Сигрид думала, что среди них могла быть и Хелена, и вскоре после Пасхи она решила навестить ее. Она убеждала себя в том, что делает это ради Хелены, хотя к этому в значительной мере примешивалось любопытство.

— Что ты намерена делать теперь? — спросила она у нее напрямик.

— А разве это не мое дело? — бесцеремонно ответила та. — Или ты думаешь, что купила меня, заплатив за меня виру?

Сигрид почувствовала, как в ней пробуждается гнев. Они стояли в одной из кладовых, куда Хелена пошла, чтобы набрать муки в деревянное ведро. И только мысль о том, что мука может рассыпаться, удержала Сигрид от удара; Хелена наверняка выпустила бы ведро из рук, если бы Сигрид ударил ее.

— Ты можешь сделать со мной все, что хочешь, — выдавила она из себя. — Можешь прогнать меня из Эгга хоть сегодня, если тебе так хочется.

Обе на миг замолчали.

— Ты знаешь, что мне негде больше жить, — тихо добавила Хелена.

— Ты могла бы служить в какой-нибудь другой усадьбе или в Каупанге, если бы захотела.

Хелена осторожно поставила на пол ведро. Потом глубоко вздохнула.

— Тебе хорошо известно, что в округе никто не захочет взять меня в услужение, — сказала она, — и если бы я и могла служить в каком-то другом месте, я никогда не выполняла бы свои обязанности так хорошо, как я это делаю в Эгга. Прости меня!

Протянув Сигрид руку, она с горечью добавила:

— Таким, как я, не пристало быть гордыми.

Сигрид бросило в жар, когда она пожимала ее руку.

— Мне следовало послушаться тебя и выйти замуж, — продолжала Хелена; казалось, она хочет за один раз показать, как мало гордости в ней осталось.

— Может быть, это не поздно сделать и сейчас, — не спеша произнесла Сигрид. — Ты недурна собой; я уверена, что...

Но Хелена вмиг забыла о своем смирении.

— Если ты или Кальв думаете, что можете подкупить кого-то из дружинников, чтобы он женился на мне, то я должна сказать сразу, что мне это не подходит.

— Нет, — ответила Сигрид, хотя такая мысль приходила ей в голову, — этого я не думала. Но тому, кто знает тебя, не трудно будет полюбить тебя.

Как это уже бывало с ней на раз, Хелена внезапно расплакалась безутешно, как ребенок. Сигрид почувствовала себя растерянной. Но потом взяла ее за руку и усадила на сундук. Закрыв дверь на засов, она села рядом с ней.

Прошло немало времени, прежде чем Хелена смогла говорить. И она заговорила о своем детстве; о том, как никто никогда не любит ее. Она считала, что любовь Грэтгарда спасла ее, подобно тому, как Сигурд Победитель Дракона спас спящую Брюнхильду от Одина.

— Хотя он и не положил обнаженный меч между нами в постели, как это сделал Сигурд, когда лег в постель с Брюнхильдой, — сказала она. И она принялась рассказывать известные Сигрид вещи, включая убийство дочери, а потом рассказала о последних событиях.

— Я не могла понять, почему священник Энунд решил добровольно пожертвовать своей свободой ради моего спасения, — сказала она. — И я решила спросить его об этом.

— И что же?

— Он сказал, что когда Христос добровольно пожертвовал своей жизнью ради моего спасения, Он сделал это потому, что не хотел упускать ни малейшей возможности помочь мне. Прошлой осенью я много говорила с Энундом.

Сигрид знала об этом. В деревне ходили различные слухи; поговаривали о том, что Хелена стала любовницей Энунда.

— Готовность священника Энунда пойти ради меня на жертву привела меня к мысли о том, что я дурно поступала по отношению к Богу, — сказала Хелена. — И когда я сказала ему об этом, он ответил, что если он временами и делает добро, то не по своей воле: это Бог использует его в качестве своего орудия.

И, увидев, что он делает все, чтобы помочь мне, не обращая внимания на людскую болтовню, я поверила в то, что Бог хочет мне добра, что Он временами любит меня.

И я стала делать то, что говорил мне священник: стала просить Бога дать мне прожить праведной жизнью один день без мысли о последующих днях. И я была удивлена, обнаружив, что это не так трудно, как я думала. И когда подошла Пасха, у меня в запасе было уже много таких дней.

Сигрид ничего на это не сказала, и Хелена продолжала:

— Я не знаю, что будет со мной дальше. Но я устраиваю для себя чистые дни, как посоветовал мне Энунд.

Сигрид не нашла, что ответить.

— Ты думаешь... — неуверенно произнесла Хелена.

— Могу ли я что-то сделать для тебя? — с надеждой спросила Сигрид.

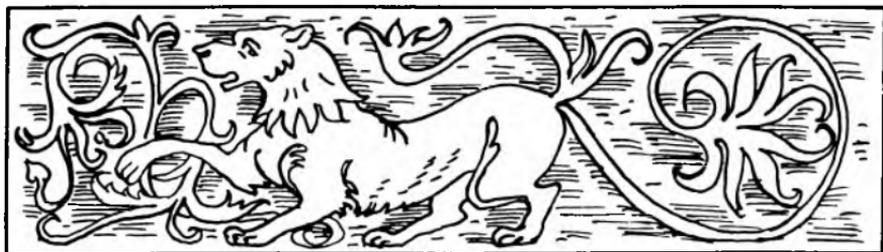
— Да, — сказала Хелена и, немного помолчав, добавила: — Ты думаешь, мне можно будет снова возиться с Суннивой?

— Конечно, — торопливо сказала Сигрид, — Суннива скучает по тебе. Она плачет, не понимая, почему ты не играешь с ней и не ухаживаешь за ней. И она ни к кому так не привязана, как к тебе.

— Я знаю, что людям покажется странным, если ты позволишь мне присматривать за твоим ребенком.

Хелена явно предвидела подобные возражения.

— Я давно уже перестала принимать близко к сердцу то, о чем болтают люди, — сказала Сигрид. Она встала и направилась к двери.

С наступлением весны многие отощали не меньше, чем выходящий из берлоги медведь. А животные, пережившие зиму, были еще более худыми; многие считали, что если весна будет поздней, в Трондхейме совершенно не останется скота.

Но весна оказалась ранней; казалось, зима выбросила на Пасху последние остатки снега. Хлеба взошли вовремя; погода стояла по-летнему теплой. Но никто не осмеливался загадывать что-то на будущее.

В это лето Кальв много времени проводил в Каупанге, но мало говорил о том, чем он был там занят. Но Сигрид подозревала, что он жил в городе не для того, чтобы быть под рукой у короля Свейна.

В Трондхейме было беспокойно, все больше и больше людей говорили в открытую, что чем скорее они прогонят датчан, тем будет лучше. Поэтому Сигрид не удивилась, когда среди лета Кальв приехал в Эгга с человеком, на жизнь которого покушался король и которого Кальв взял под свою защиту.

Человека этого звали Карл; он и его брат Бьёрн совершали торговое плаванье в Гардарики, когда их захватили в плен люди конунга Ярицлейва. И Ярицлейв намеревался убить их. Но Магнус Олавссон, воспитывавшийся у конунга Ярицлейва и королевы Ингигерд, заявил, что вряд ли он скоро станет конунгом Норвегии, если всех, кто пребывает оттуда, буду брать в плен и убивать.

Так Карлу и Бьёрну была сохранена жизнь, и они отправились обратно в Норвегию с поручением от Магнуса сына Олава; им нужно было найти в стране людей, на которых он мог бы опереться. И они должны были хорошо заплатить тем, кто присягнул бы ему на верность.

Карл попал в руки короля Свейна, и король намеревался пытать его, чтобы выведать, кто польстился на деньги Магнуса сына Олава. Но тот напоил допьяна своих сторожей и сбежал.

Когда они остались одни, Сигрид спросила у Кальва, не получил ли он сам деньги от Карла; она полагала, что именно по этой причине он и взял его под свою защиту.

Но Кальв сказал, что не получал.

— Я был бы глупцом, если бы сделал это, — сказал он, — я выиграл бы мало, а потерял много. Если я стану служить какому-то королю, то не за кошелек с серебром, а за власть. Я заявил Магнусу о своей верности иным способом: взяв под свою защиту Карла; теперь Магнус у меня в долгу, а не я у него.

— И многие получили от него деньги?

— Кое-кто.

— Среди них был Эйнар Тамбарскьелве?

— Наверняка нет, он относится к этому так же, как и я. На это польстились только малые хёвдинги. И они не знали, что делать, когда Карл был схвачен. Многие из них приходили ко мне за помощью.

— Почему они думают, что ты можешь им чем-то помочь?

Кальв пожал плечами.

— Думаю, ты понимаешь, Сигрид, что я не рассказал тебе обо всем, что происходило этим летом в Трондхейме; и у людей были причины обращаться за помощью ко мне. Поскольку Эйнар и я достаточно сильны, чтобы противиться воле короля, а Эйнара в городе не было, они, конечно же, стали обращаться ко мне.

Для Сигрид кое-что прояснилось.

— Это ты напоил допьяна сторожей Карла?

— Раз уж ты спросила... — усмехнулся Кальв. — В пиво, которое они выпили, было подмешано столько снотворного, что им можно было свалить с ног лошадей.

— Тем самым ты смог обрести множество друзей.

— Да, — серьезно произнес Кальв. — И врага в лице короля. Но это должно было случиться рано или поздно.

Помолчав немного, он сухо добавил:

— Можешь быть уверена, от короля Кнута вовремя пришло известие! Только я собрался уехать из Каупанга вместе с Карлом, как получил распоряжение послать ему три дюжины самых лучших топоров.

Я сказал, что топоров у меня нет, но если потребуется, я скажу об этом его сыну Свейну, чтобы он чего доброго не подумал, что топоров у нас не хватает.

Вскоре после этого король Свейн объявил военный поход. Человек по имени Трюггве, называвший себя сыном Олава Трюгвассона, собрал за границей войско и теперь двигался в Норвегию.

Сигрид только удивлялась, видя, в какой спешке Кальв снаряжает корабль; она не ожидала, что он проявит такое рвение, собираясь воевать против короля Свейна. И она стала лучше понимать все, когда он сказал, что намеревается сначала отправиться в Гиске, чтобы посоветоваться со своими братьями.

И снова Сигрид осталась в Эгга, чтобы напряженно ждать известий о походе и о сражении.

Теплое лето продолжалось; теплые дожди сменялись погожими днями, дружно поднимались хлеба. Но люди не осмеливались еще говорить об урожае.

Хлеба поднялись уже в полный рост, когда Кальв вернулся из Гиске.

Братья решили не участвовать в предстоящем сражении, сказал он. Он сказал также, что на обратном пути встретил флот короля Свейна; Свейн направлялся на юг, чтобы сразиться с Трюггве. Вместе с королем отправились многие из трондхеймских хёвдингов, в том числе и те, что присягнули на верность Магнусу. Они наверняка считали, что не нарушают данную клятву, сражаясь против Трюггве. Но Эйнара Тамбарскьелве среди них не было; он, так же, как и сыновья Арни, считал, что лучше держаться в стороне.

Кальв встретил королевские корабли в проливе. И с кораблей ему кричали, что он должен присоединиться к ним, чтобы защитить страну. На это Кальв ответил, что сражался более чем достаточно за то, чтобы обеспечить датчанам власть. И тут король заметил на борту его корабля Карла. Он потребовал его выдачи, но Кальв отказался это сделать, поставил парус и продолжал свое плаванье на север. И поскольку король не стал преследовать его, он спокойно поплыл дальше.

Тем не менее, Кальв собрал людей из окрестных деревень и разослал местным хёвдингам весть о том, чтобы они поддержали его в случае стычки с королем. Он послал также известие Эйнару Тамбарскьелве, и тот ответил ему.

Сигрид не очень-то радовала мысль о том, что придется кормить столько ртов. Но она, как и все остальные, возлагала большие на-

дежды на осень. К тому же она считала, что нет смысла беречь еду, если не убережешь свою жизнь.

Такой щедрой осени в Трондхейме не знали уже много лет. Но только тогда, когда весь урожай был снят, люди вздохнули с облегчением. И после этого они уже не переставали говорить о том, какое хорошее выдалось лето.

Женщины торопились намолоть ячмень, чтобы приготовить пиво ко дню начала зимы.

Но праздника по случаю первого дня зимы в Эгга не получилось. Король Свейн вернулся обратно после битвы с Трюггве; победил король, а Трюггве погиб. И теперь король собирал тинг.

Кальв отправился на тинг в сопровождении хорошо вооруженной дружины. Но вернулся домой раньше назначенного срока.

Тинг распустили досрочно, сказал он.

Альфива и Свейн отказались отвечать на жалобы крестьян, и собравшиеся зароптали.

И тогда Эйнар Тамбарскьелве в присутствии всех высмеял королеву вместе с королем, назвав их кобылой и жеребчиком. Его слова передавались из уст в уста, люди смеялись, и когда королева попыталась что-то сказать, ей не дали. После этого Эйнар посоветовал крестьянам расходиться по домам.

— Никто в Трондхейме больше не поддерживает Свейна и Альфиву, — сказал он. — Даже среди лендманов, сражавшихся вместе со Свейном против Трюггве, ни один не решился заступиться за него. Из Англии ему тоже не от кого ждать помощи. Король Кнут поссорился с Руде ярлом и вряд ли намерен посылать войска в Норвегию. Не думаю, что Свейн проживет еще зиму в Каупанге.

Сразу после возвращения Кальва домой в Эгга отпраздновали первый день зимы.

На протяжении многих лет Кальв имел обыкновение приглашать множество гостей на праздник первого дня зимы, середины зимы и начала лета. В год неурожая ему пришлось отказаться от этого, и теперь он изо всех сил старался восполнить упущение; в эту осень еды было вдоволь.

Вечером в зале было веселье. Сначала у Сигрид не было времени даже присесть, но когда еда была уже на столе, а чаша с пивом

пошла по кругу, она предоставила все остальное служанкам, которые могли теперь справиться сами.

Она села рядом с Ингерид из Гьеврана, удивляясь тому, что они уже так долго не общались. Последнее время она была так занята собой, что у нее не было времени для других, но теперь она надеялась, что все станет по-прежнему.

Она слышала, как Кальв и Финн Харальдссон смеются за мужским столом...

Внезапно разговоры в зале заглушили раздраженные голоса за столом, где сидели дружинники. Сверкнуло лезвие ножа, один из мужчин в последний момент увернулся, а тот, кто бросил нож, с размаху ударился рукой о край стола и, содрав кожу, выругался. В следующий момент оба вскочили из-за стола и выхватили мечи.

Но Кальв распорядился, чтобы нарушителей спокойствия схватили и привели к нему.

Все произошло настолько быстро, что Сигрид увидела, кто были эти люди, когда оба стояли уже перед Кальвом. И она не поверила своим глазам: один из них был Харальд Гуттормссон, другого же звали Орм, и он тоже вырос в Эгга.

Оба молчали, когда Кальв спросил, что заставило их нарушить мир в зале.

Кальв снова спросил:

— Ну так в чем же дело, Харальд?

— В бабьих сплетнях, — озабоченно произнес Харальд.

— Вам придется выложить все по порядку, — сказал Кальв, пристально глядя на обоих.

— Это Харальд достал нож, — сказал Орм. Было ясно, что и себя он особенно не оправдывает.

— Это мне известно, — сказал Кальв, кивая на расцарапанную в кровь ладонь Харальда. — Ты не станешь отрицать это, Харальд?

Харальд ничего не ответил.

— Не хочешь ли ты сказать, что нарушил мир за столом без всякой причины?

Но Харальд по-прежнему молчал, а Орм принялся рассказывать.

— Кетиль и я говорили о Хелене дочери Торберга, — сказал он. — А Харальду это не понравилось.

Харальд хотел было остановить его, но Кальв предостерегающе поднял руку, и Орм продолжал:

— Кетиль сказал, что последнее время она стала такой высокомерной и не подпускает к себе ни одного мужчину. На это я ответил ему, что вовсе так не считаю. И тут Харальд сказал, что можно подумать, будто кто-то из нас собирается жениться на ней. Я спросил у него, кто, по его мнению, захочет жениться на шлюхе, которая не гнушается даже рабами. Я сказал, что, может быть, он захочет это сделать. Возможно, ответил он. Я сказал, что хотя он и был другом Грьетгарда, ему вовсе не обязательно подбирать после него мусор. Он же сказал, что речь идет не о том, чтобы подбирать мусор. Он сказал, что девушка, сумевшая стать на ноги после такого страшного падения, достойна уважения. Я же сказал, что сомневаюсь, что она прочно стоит на ногах и в течение двух недель уложу ее под себя. Я предложил Кетиллю заключить пари, кто первый из нас двоих ляжет с ней в постель. И тогда Харольд вытащил нож.

— Это правда? — спросил Кальв у Харальда. И Харальд молча кивнул.

— К счастью для тебя, Орм не был ранен, — сухо заметил Кальв, — сядь на свое место, Харальд. А ты, Орм, сядь возле Тронда.

В зале стало тихо.

Сигрид бросила взгляд на Хелену, которая в это время ставила на женский стол чашку с пивом. Покраснев до кончиков ушей, Хелена старалась ни на кого не смотреть. Внезапно она повернулась и выбежала из зала.

Сигрид хотела тоже встать и пойти за ней, но увидела, что Харальд уже направился к двери. И она осталась сидеть на своем месте.

На следующий день Харальд пришел к Кальву и сказал, что хочет жениться на Хелене.

Кальв ответил, что не имеет ничего против и что пусть девушка решает сама. При этом он заметил, что Харальду не мешало бы все хорошенько обдумать, чтобы потом не раскаиваться. Но Харальд ответил, что между ним и Хеленой дело уже решено.

На том они и порешили.

Кальв, тем не менее, не был очень рад этому.

— Хелена слишком много знает, — сказал он Сигрид, — а женщина легко может проболтаться своему мужу обо всем. Лучше бы ей оставаться незамужней.

На это Сигрид ответила, что ему не следует опасаться Хелены.

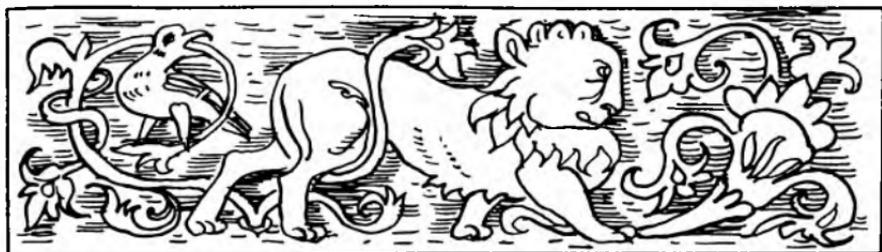
Но когда Сигрид заговорил со священником Энундом о Харальде и Хелене, ей показалось, что его вовсе не обрадовал предстоящий брак.

— Я-то надеялся... — сказал он, но так и не закончил свою мысль, и Сигрид так и не узнала, на что он надеялся.

Но куда более явно, чем Кальв и священник Энунд, выражала свое недовольство Рагнхильд, мать Харальда.

Она сказала, что вовсе не заслуживает того, чтобы сын приносил ей подобные огорчения.

И она изливала свои жалобы всем, кто хотел ее слушать.

В начале зимы королева Альфива снова созвала тинг в Эйрене. Но на этот раз Кальв остался в Эгга, и никто из Внутреннего Трондхейма на тинг не поехал.

И не прошло и двух недель, как от Эйнара Тамбарскьелве пришло известие о том, что король, королева и остальные датчане подались на юг. Он просил Кальва приехать в Каупанг, чтобы решить, что делать дальше.

Сигрид и дети поехали вместе с ним. Она обрадовалась, узнав, что Бергльот дочь Хакона тоже в городе; встреча их была сердечной.

Эйнар и Кальв долго беседовали наедине, а Сигрид и Бергльот были предоставлены все это время самим себе.

Бергльот не скрывала своей радости.

— Наконец-то мы расквитались с Альфивой, — сказала она. — Теперь, надеюсь, она поняла, как мало пользы принесла королю Кнуту своими лживыми советами...

— Да и сама она мало что выиграла от них, — добавила Сигрид.

— Оба они принесли мало радости королю Кнуту, — с удовольствием заметила Бергльот. — Ему ничего не осталось, как отправиться в Англию. Я слышала, что он собирается поделить страну с сыновьями короля Этельреда; он стал более покладистым после того, как ярл Руда обещал помочь им снова завладеть страной. И Кнуту придется рассчитывать на самого себя, если удача от него отвернется.

Сигрид не могла удержаться от замечания по этому поводу.

— Да, — сказала она, — он старается отделаться от всего, что мешает ему. И он наверняка причастен к смерти Эрика ярла...

Бергльот вскочила, словно ее укусила змея.

— Что ты сказала?

— Это всего лишь слухи... — попыталась успокоить ее Сигрид. Но когда Бергльот стала у нее выпытывать, что и как, ей пришлось рассказать ей, что слышал Кальв в Англии.

Бергльот долго сидела молча. А потом заговорила совсем о другом.

— Во всяком случае, за спиной Эйнара стоят крестьяне, — сказала она. — Летом он встречался с людьми со всего Трондхейма, чтобы заручиться их поддержкой.

— Это хорошо, — сказала Сигрид; теперь она лучше понимала, почему на тинге Эйнар был таким смелым. И они завели разговор о торговле в Трондхейме.

Вечером, лежа в кровати, Сигрид рассказала Кальву о своей беседе с Бергльот.

— Было с твоей стороны неразумно говорить с ней о смерти Эрика Ярла, — выпалил он. — Если бы Эйнар хотел, чтобы она узнала об этом, он бы сам рассказал ей все.

— Но ведь ты не боишься Эйнара?

— Нет. Но ты должна помнить, что, прежде, чем метать собственные стрелы, мне нужно отстоять свои права перед человеком, сражавшимся при Сволдре.

Сигрид стало не по себе.

— Надеюсь, я не причинила тебе большого вреда, — сказала она.

— Я тоже надеюсь; но Эйнар коварен.

— Ты в чем-то не поладил с ним?

— Ему не нравится, что в вопросе о власти я отвечаю силой на силу; он сам претендует на первенство. Я уважаю его опыт, но придерживаюсь мнения о том, что мы с ним равня.

— Что между вами может быть общего? — поинтересовалась Сигрид. Но она так ничего и не узнала об этом, проклиная свою болтливость в беседе с Бергльот. Она подумала, как трудно придерживаться язык, когда с тобой разговаривают так откровенно. И она решила, что впредь ей надлежит вести себя острее.

И только вернувшись в Эгга, Сигрид узнала, о чем говорили Кальв и Эйнар. Кальв сказал, что речь шла о возвращении из Гардарики Магнуса Олавссона и о том, чтобы сделать его королем Норвегии.

— За сыном святого Олава пойдет вся страна, — сказал он. — И король Кнут уже не сможет подчинить себе Норвегию.

— Призывая Магнуса вернуться домой, вы, конечно же, ожидаете для себя хорошей награды, — глубокомысленно заметила она. — Думаю, он простит тебя за то, что ты сражался против его отца.

— Мы тоже на это надеемся, — улынулся Кальв.

— Но разве Свейн уже покинул страну?

— Еще нет, но осталось ждать совсем недолго, когда он отправится в Данию или в Англию. В одном можно быть уверенным наверняка: больше он не осмелится показаться в Трондхейме.

— Я слышала, что король Кнут поссорился с ярлом Руда.

— Это в самом деле так. Король Кнут лежит теперь больной в Англии и со дня на день ожидает высадки на берег Роберта Руда и сыновей Этельреда. Так что со стороны отца Свейну не приходится ждать поддержки.

В течение зимы Кальв часто ездил в Каупанг, чтобы посоветоваться с Эйнарсом Тамбарскельве и другими хёвдингами.

И наконец на исходе зимы они сумели договориться. Кальв добился того, чего хотел: они стали выступать с Эйнарсом на равных. Они оба и еще несколько человек решили отправиться весной в Гардарики, чтобы вернуть Магнуса домой.

Кальв начал спешно готовиться к отъезду, и Сигрид уже много лет не видела его в таком приподнятом настроении. Он смеялся и шутил с Трондом, он даже находил время, чтобы поболтать с Суннивой.

Сигрид была радостно удивлена, когда однажды перед завтраком она обнаружила Кальва с дочерью в чулане: он держал девочку на коленях, старательно развязывая ей, как нужно завязывать башмаки.

При виде Сигрид он смутился; никто из них не сказал ни слова.

И только вечером перед отъездом на Восток он вернулся к этому случаю.

— С тех пор, как я понял, что у меня не будет ни сыновей, ни дочерей, я стал радоваться твоим детям, — сказал он. И тут же добавил с коротким смешком: — С меня достаточно этих двух!

— Я надеюсь, ты доверишь мне, — серьезно ответила она.

— Что еще мне остается делать... — ответил он. — Мы вернемся домой не раньше, чем через год. Впрочем, теперь я доверяю тебе больше, чем прежде.

— Думаю, никому от этого хуже не станет, — сказала Сигрид. И тут ей пришла в голову мысль: — А что, если ты встретишь в Свейе Сигвата?

— Я сделаю вид, что ничего не знаю, — спокойно ответил он. — И мне с трудом верится, что Сигват захочет говорить о своей последней поездке сюда больше, чем того требует необходимость.

Немного помолчав, он спросил:

— Он знает что-нибудь о Сунниве?

— Сомневаюсь, — ответила она, — во всяком случае, я ему об этом не сообщала.

Кальв с облегчением вздохнул.

— Чем меньше будут говорить об этом, тем лучше, — сказал он. — Я признал ребенка своим, так что ни Сигват, ни кто-то еще не имеют права вмешиваться в это дело.

Удовлетворенно вздохнув, Сигрид положила голову на стиб его локтя, и он прижался щекой к ее волосам.

— Мне будет так не хватать тебя, что я не могу выразить это словами, — сказал он, — но эта поездка необходима. Думаю, она послужит окончанием старого и мрачного периода и началом нового и светлого. Теперь я полностью помирюсь со святым Олавом. И он убедится в том, что я буду верен его сыну так, как не был верен ему самому.

Он улыбнулся.

— Помнишь, ты как-то сказала, что король снова вернет мне удачу? — спросил он.

Она кивнула.

— Ты была права, Сигрид. Удача вернулась ко мне в ту ночь, когда ты видела Турира.

— Ко мне тоже в ту ночь вернулась удача, — ответила Сигрид. — Из всех тех услуг, которые Турир оказал мне, эта была самой большой.

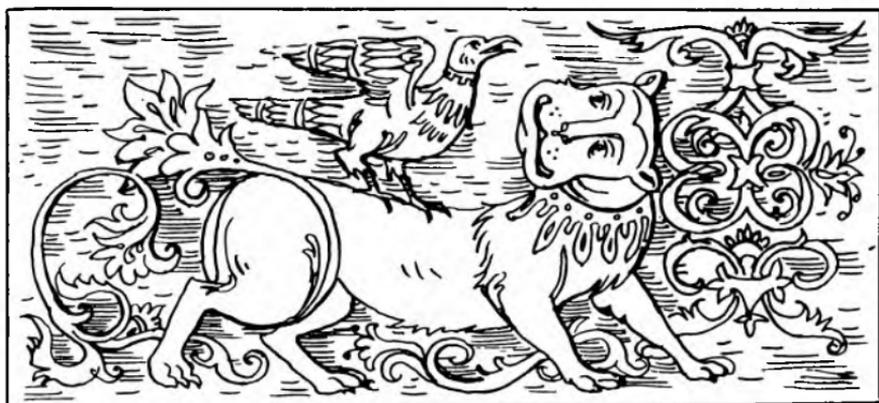
На следующий день Кальв с большой дружиной выехал со двора; среди тех, кто отправился с ним, был Карл, а также Финн Харальдссон.

Сигрид стояла и смотрела, как по склону холма растянулась змеей шеренга всадников, направлявшихся в Вердален на встречу с Эйнараром и другими хёвдингами.

Яркие краски одежд сияли, а шлемы и оружие блестели на солнце.

Но в конце концов она могла различать лишь отдельные яркие точки, когда солнечные лучи падали на макушку шлема или острия копий.

ЭЙНАР ТАМБАРСКЪЕЛВЕ

В одном из домов в Эгга кто-то кричал.

Проходя по двору мимо этого дома, люди переглядывались, крестились и шли дальше. И Сигрид стояла некоторое время перед дверью, прежде чем войти в тесное посещение.

Священник Йон полулежал на кровати, закрыв глаза; его пальцы вцепились в край постели, словно когти. Пот катился по его лицу крупными каплями. Сев рядом с ним, она положила руку на его ладонь. И внезапно он припал, всхлипывая, к ее руке.

— Я больше не могу, Сигрид, — простонал он.

— Ты должен немного поесть... — сказала Сигрид, протягивая ему миску с молочной кашей.

— Поесть! — снова простонал он. — Ты же знаешь, от этого мне еще хуже.

— Ты же сам говорил, что никто не имеет права лишать себя жизни, — неуверенно произнесла Сигрид. — А если ты перестанешь есть, ты сам себя убьешь.

Священник снова принялся всхлипывать, но потом сел на постели и сказал:

— Дай мне миску!

Трясущейся рукой он поднес ко рту деревянную ложку, проливая кашу на себя и на постель. И, ложку за ложкой, он съел всю кашу.

Взяв у него пустую миску, Сигрид хотела уже встать, чтобы уйти, но он удержал ее.

— Нет! — почти крикнул он. — Не уходи!

Отставив миску в сторону, она осталась сидеть рядом с ним.

Он немного успокоился, но по-прежнему продолжал держать ее за руку; его пальцы крепко вцепились в ее руку, словно он думал, что он нее к нему перейдет силы.

— Бог посмеялся надо мной, — прошептал он. — Я всегда избегал боли, я даже пошел на то, что отрекся от Бога, чтобы избежать страданий — и вот к чему я пришел! Это куда более мучительно: страдать целыми днями и неделями. Оглядываясь назад, я думаю, что смерть в пламени гьевранского пожара была бы благодатью Божией. Ведь я всегда был таким прожорливым в еде, а теперь я совсем не могу есть...

Сигрид медлила с ответом, и священник тоже замолчал.

— Возможно, Господу угодно, чтобы ты искупил грехи... — наконец произнесла она. Но она понимала, что слова ее прозвучали бесполезно.

— Искупить грехи... — голосом умирающего проговорил священник и снова припал к ее руке, вцепился в нее. И принялся стонать все громче и громче, переходя на крик. Свободной рукой Сигрид прикрыла глаза; она не осмеливалась смотреть на него.

— Отец небесный, будь милосерден! — прошептала она.

Но священнику не скоро стало лучше.

Боль то усиливалась, то отступала, и он лежал с закрытыми глазами и стонал, а по щекам его катились слезы. В перерывах между приступами он всхлипывал.

Наконец самое худшее осталось позади.

— Мне бы хотя бы умереть в Кантарарборге или в Гьевране! — прошептал священник, придя, наконец в себя.

Теперь он тихо лежал на боку. Лицо его, которое перед болезнью было круглым, исхудало и сморщилось. Шея стала тощей, как у молодого петушка. «От него осталась одна тень», — подумала Сигрид. Он, готовый до этого в своей униженности просить прощения даже за свои добрые поступки, теперь потерял последние остатки собственного достоинства.

Дышал он теперь ровнее; Сигрид показалось, что он заснул. И, когда дверь отворилась и вошел священник Энунд, она предостерегающе приложила палец к губам.

Но священник Йон не спал; услышав шаги Энунда, он открыл глаза, и, к удивлению Сигрид, улыбнулся.

— Как дела? — спросил Энунд.

— Я не думаю, что Бог желает моего выздоровления, — тихо ответил священник Йон, — но я не слишком терпелив, чтобы сносить наказание Господне, — добавил он.

— Не все обладают мужеством, — серьезно произнес Энунд, — и мы вынуждены жить с нашими слабостями, душевными или телесными.

Священник Йон вздохнул.

— Если я сейчас с таким трудом переношу все это, что будет со мной в очищающем огне? — сказал он.

— Может быть, Господь не будет тебя особенно мучить, — сказала Сигрид, пытаясь утешить его. — Может быть, Он решит, что ты уже достаточно страдался.

Но священник Йон только покачал головой.

— Я так много грешил, — сказал он. — И...

Он замолчал. Сигрид хотела что-то сказать ему, но тоже замолчала; священник наверняка не стал бы ее слушать. Он весь напрягся и вскоре начался новый приступ.

Сигрид и Энунд старались не смотреть на него и друг на друга, пока он снова не успокоился. И тогда Энунд тихо спросил у Сигрид:

— Я пришел сюда для того, чтобы спросить, что ты знаешь о захоронении в кургане, которое было прошлой осенью.

Сигрид вздрогнула.

— О каком захоронении? — испуганно спросила она.

— Я слышал, что Бьёрн Колбейссон похоронил своего отца по старинному обычаю.

— Кто тебе об этом сказал?

— Один человек, который с большим рвением, чем ты, старается спасти людей от адских мук. Я узнал также, что ты не хуже самого Бьёрна знаешь, в чем дело.

— Почему же ты не спросишь об этом Бьёрна?

— Сначала я хочу все как следует обдумать.

Сигрид промолчала.

— Сигрид... — это был голос священника Йона, и оба повернулись в его сторону. Им пришлось подождать, пока он снова не заговорит; перебирая руками одеяло, он произнес: — Ради меня, Сигрид, расскажи все, что ты знаешь!

— Ты не имеешь к этому никакого отношения...

— Имею...

Он снова замолчал и принялся быстро моргать, как это всегда бывало с ним, когда он был смущен. Потом снова захныкал. Сигрид не могла не бросить на него удрученный взгляд.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она, и голос ее прозвучал более жестко, чем ей хотелось.

— Это произошло из-за моего предательства, — всхлипнул священник.

Сигрид покачала головой; они с Энундом переглянулись.

— Ты наговариваешь на себя, — сказала она.

— Нет, — ответил священник, пытаясь приподняться, — я никогда не мыслил так ясно, как теперь.

Он перестал всхлипывать, и в голосе его появилось новое звучание; казалось, он читает проповедь.

— Я не должен был становиться священником, — сказал он. — Мне следовало оставаться мирянином, выполнять тяжелую работу в каком-нибудь монастыре для тех, кто сильнее меня духом и более сведущ во всем. Но в силу моего высокого происхождения я не имел на это права. И я поддался на уговоры, потому что всегда был слаб. Имея отношение к церкви, я должен был стать священником — и из меня хотели сделать епископа. Я был для своей семьи настоящим позором. Все в Англии знали, что я веду себя в бою как трус, бегу с поля битвы, едва заметив врага. Я всегда был слабым и трусливым. И даже став священником, я страдал от собственной слабости; в Кантарарборге я сбежал от умирающего мученика, которого Бог ниспослал мне, в кузнице в Гьевране я предал Блотульфа. И я благодарю Бога за то, что из меня не успели сделать епископа; будучи епископом, я принес бы церкви куда больше несчастий, чем будучи простым священником.

Он замолчал, в глазах его стояли слезы, но он удержался от плача.

— Я каждый день благодарю Бога за то, что мой отец не знает о моем позоре, — продолжал он. — Он думает, что я погиб славной смертью в Кантараборге.

— Значит, тебя зовут не Йон? — с любопытством спросила Сигрид.

— Нет, — ответил он, — я взял это имя, чтобы не позорить больше свою семью.

— Как же тебя звали? — Сигрид не могла, несмотря на строгий взгляд Энунда, удержаться от любопытства.

— Когда-то меня звали Этельбальд, — ответил священник.

— Из какого же ты рода?

— Сигрид! — вырвалось у Энунда. — Как тебе не стыдно!

Сигрид замолчала, опустив голову; она понимала, что он прав. Но священник Йон снова заговорил.

— И теперь я, наконец, увидел, что моя измена имеет более глубокие корни, чем мне казалось в Кантараборге и в Гьевране, — сказал он. — Измена проходит через все мои поступки, словно коварная болезнь, сеющая несчастья и гибель, где бы я ни находился. Ведь всякий раз, когда от меня требовалось, чтобы я стал на защиту Христа, я поворачивался к Нему спиной и обращался в бегство.

Когда у меня хватало мужества воспрепятствовать выполнению языческих обрядов? Люди здесь приносят жертвы богам и троллям, а я и пальцем не пошевелил, чтобы остановить их. Здесь приносят жертву эльфам и привидениям, даже самому солнцу. А я рта не раскрыл, чтобы сказать что-либо против. Стоит ли удивляться тому, что люди здесь делают, что хотят: приносят жертву богам, хоронят в курганах своих отцов... Это я виноват в том, что Бьёрн из Хеггина похоронил в кургане своего отца. Ради меня, Сигрид, расскажи все, что тебе известно, это поможет ему сознаться во всем и спасти свою душу...

Но Сигрид только покачала головой.

— Я откажу тебе в отпущении грехов на Пасху, если ты не скажешь, — сдвинув брови, сказал Энунд.

— Ты станешь угрожать мне тем, что накажешь другого человека? — спросила Сигрид, не ожидавшая таких слов от Энунда.

— Речь идет не о том, чтобы наказать его, а о том, чтобы спасти его душу.

Сигрид молчала. Но, увидев испуганное лицо священника Йона, она, наконец, решилась.

— Я и одна моя рабыня наткнулись на Бьёрна, когда он укладывал Колбейна в могильный курган, — сказала она. — Это было в лесу, возле самой границы усадьбы Эгга. Дело было вечером; он не заметил нас. Отослав рабыню домой, я спряталась и стала смотреть. Он надел на ноги покойника ритуальную обувь и, укладывая его могилу, взывал к Одину. Судя по крови на тунике Колбейна, он перед смертью был ранен. Бьёрн взял с собой раба, и, когда они оба насыпали курган, он убил этого раба. Думаю, что этого раба похоронили вместо Колбейна на кладбище.

Она замолчала.

— Бьёрн знал, что делает, убивая своего раба, — добавила она, — наверняка это моя рабыня проболталась обо всем.

— Ты не должна наказывать ее за это, — строго сказал Энунд.

Оба замолчали.

— Что оставалось еще делать Бьёрну? — спросила Сигрид. — Все знали, что Колбейн приносил жертвы богам; однажды он был застигнут врасплох за этим занятием, и ему пришлось платить выкуп. В святой земле ему делать нечего. И если его перенести на кладбище, он наверняка испортит всем нам жизнь. Бьёрн исполнил свой долг перед отцом и перед жителями деревни, похоронив его в кургане и позаботившись о том, чтобы его оставили в покое.

Энунд ничего на это не ответил. Он бросил взгляд на священника Йона. Тот снова лег; и на этот раз не было никаких сомнений в том, что он заснул. Сигрид и Энунд встали и потихоньку вышли.

Оказавшись во дворе, Сигрид глубоко вздохнула. В воздухе уже ощущалось приближение весны. Снега зимой почти не было; прошлогодняя солома на крышах была покрыта каплями недавно прошедшего дождя. И когда из-за туч выглядывало солнце, капли сверкали, как льдинки.

И Сигрид удивлялась тому, что повседневное, мертвое, отвратительное может таить в себе столько красоты. И она невольно вспомнила неожиданную улыбку на лице священника Йона, когда Энунд вошел в дом. Но она прогнала прочь эту мысль. Она не осмеливалась больше думать о священнике Йоне и темной, тесной, пропитанной запахом больного человека комнатухе. Ей захотелось уйти

куда-нибудь подальше, и она решила поехать верхом в Гьевран; там у нее были дела.

Вскоре она уже ехала верхом по дороге; она взяла с собой немного крашенной пряжи для Ингерид.

Ингерид была на кухне, и обе женщины унесли пряжу в ткацкую, чтобы посмотреть, подходит ли этот цвет.

— Лучшего и ожидать было нельзя, — сказала Ингерид; они стояли и сравнивали пряжу на ковре с той, которую принесла Сигрид.

— На этот раз мне повезло, — сказала Сигрид.

Ингерид засмеялась.

— Не скромничай, — сказала она. — Никто лучше тебя в округе не умеет это делать, ты и сама это хорошо знаешь.

Сигрид тоже засмеялась.

— Что нового в Эгга? — спросила Ингерид.

— Хелена дочь Торберга родила мальчика четыре дня назад. Но ты, наверное, уже слышала об этом.

Ингерид кивнула.

— Меня вот что интересует: у нее с Харальдом дела обстоят все так же плохо?

— Смотря что ты понимаешь под словом «плохо».

— Разве не плохо, что он бьет ее? И, судя потому, что я слышала, на это у него нет причин; с тех пор, как она вышла замуж, она не смеет даже перекинуться словом с кем-то из мужчин...

— Я и сама этого не понимаю, — покачав головой, сказала Сигрид. — Я пыталась поговорить с Хеленой, но так ничего от нее и не добилась.

— Что же она сама говорит по этому поводу? — спросила Ингерид.

— Она говорит, что расплачивается за свои грехи. При этом она показывает свои ссадины и царапины, словно боевые раны. Даже Кальву это показалось непристойным, и он вызвал к себе Харальда. Но Харальд сказал, что ей нравится такое обращение, когда она ложится с ним в постель. На это Кальв ответил, что если она лишилась рассудка, что пусть хоть Харальд покажет, что он в своем уме. Но Харальд только усмехнулся. Он сказал, что ему самому начинает это нравиться. Мне хотелось, чтобы Кальв все-таки сделал что-нибудь, но он сказал, что лучше всего оставить их в покое.

Ингерид покачала головой.

— Помню, мне как-то понравилось, когда Финн ударил меня, — сказала она. — Это было в то время, когда мы поссорились и несколько лет жили врозь — и тогда я поняла, что заслужила это. Но всему есть предел.

— Хелена никогда ни в чем не знала меры, — задумчиво произнесла Сигрид. — Она и в христианстве перегибала палку: она просто не могла говорить ни о чем другом. Но, возможно, каждый из нас по-своему понимает христианство, — торопливо, с оттенком сожаления, добавила она.

— Все мы христиане, так зачем же говорить об этом? — беспечно произнесла Ингерид. — Мне тоже кажется, что ты слишком трудным путем идешь к христианству. Хотя все дело сводится к тому, чтобы выполнять требования священника как можно лучше, исповедоваться и каяться.

Видя, что Сигрид не отвечает ей, она продолжала:

— Я надеюсь, что священник Йон выживет, я молилась об этом святому Олаву. Ведь если мне придется исповедоваться перед твоим строгим Энундом, он наложит на меня такое покаяние, что у меня не будет времени заниматься своими делами.

— Я и не знала, что на твоей совести так много грехов, — со смехом произнесла Сигрид.

— Откуда мне знать, какие грехи более тяжкие? Чтобы не попасть впросак, я говорю на исповеди обо всем сразу.

Сигрид снова засмеялась.

— Во всяком случае, тебе это не повредит, — сказала она.

И когда она возвращалась обратно в Эгга, настроение у нее поднялось; болтовня с Ингерид всегда благотворно действовала на нее. Ингерид была такой беспечной; она доверяла свои мысли Финну и священнику Йону, одобряя все, что они говорили ей, не задаваясь никакими вопросами.

В деревне считали, что она слишком доверчива, во всяком случае, когда дело касалось Финна. Он не всегда бывал верен Ингерид. Сигрид знала, что до Ингерид доходили слухи об этом, но она только смеялась над ними.

По мере приближения к Эгга Сигрид снова стали одолевать тревожные мысли; они касались Кальва. Вопреки его большим надеж-

дам, с которыми он отправился в Гардарики, чтобы вернуть домой Магнуса, эта поездка принесла не только радости.

Пять лет прошло с тех пор, как он вместе с другими хёвдингами отправился в Гардарики, и четыре года с тех пор, как они вернулись домой вместе с королем. Все это время Кальв и Эйнар Тамбарскьелве были для мальчика приемными родителями; когда мальчик прибыл в Норвегию, ему было одиннадцать лет.

И все эти годы надежды сменялись разочарованиями и трудностями.

Вскоре оказалось, что удача сопутствует новому королю; это был очень хороший год: в ту осень, когда Магнус вернулся в Норвегию, в Англии умер король Кнут; и вскоре после приезда в страну Магнуса король Свейн, бежавший в Данию, тоже умер.

Но Сигрид быстро обнаружила, что Магнус унаследовал от своего отца его характер, и это ей не понравилось. Олав Харальдссон никогда не был добр, и его вспыльчивость и мстительность принесла мало пользы стране и народу.

Вскоре после своего приезда в Норвегию король Магнус стал гостем Эгга; он был не по годам развитым и сильным.

В народе много говорили о его способностях. Но Сигрид заметила, что ему не понравилось, когда Тронд оказался более умелым, чем он, по части обращения с оружием, хотя это объяснялось тем, что Тронд был на два года старше него. Магнус отбросил в сторону лук, из которого стрелял, сказав, что он никуда не годится. И когда Тронд предложил ему свой, он ничего не ответил, повернулся и пошел в зал.

Кальву пришлось позвать Тронда к себе и сказать ему, чтобы в следующий раз он уступил конунгу.

И король позволил ввести себя в заблуждение во время состязаний по плаванию; при этом он сказал, что Тронд хорошо плавает.

Тронд же после этого был разъярен, как дикий кот. Он спросил у Кальва, не хочет ли тот, чтобы Магнус утопил его. И Кальв был вынужден согласиться с тем, что король продержал под водой Тронда больше, чем требовалось, чтобы доказать свое превосходство.

Тронд тяжело переживал то, что ему приходится во всем уступать конунгу, до этого он не привык уступать никому. Сигрид не была уверена в том, что это не вызовет у него злобу.

Но не только одному Тронду пришлось уступать Магнусу после того, как он прибыл в страну, и не только ему одному это не нравилось.

Отношения между Кальвом и Эйнараром Тамбарскельве становились все хуже и хуже, и с каждым годом становилось все яснее и яснее, что Эйнар намерен использовать все средства, чтобы стать в глазах короля выше, чем Кальв.

Мысль об этом не давала покоя Сигриду; Кальв был таким радостным, когда вернулся из Гардарики, он был так уверен в том, что теперь все пойдет наилучшим образом, и изо всех сил старался показать королю свою преданность.

И именно благодаря своему рвению и добрым намерениям он забыл об осторожности и дал обвести себя вокруг пальца.

Когда Хардакнут, новый датский король, брат Свейна, стал претендовать на власть в Норвегии, дело дошло до войны между норвежцами и датчанами. Конунг Магнус вынужден был отправиться на юг. И когда Эйнар заявил, что Кальву следует остаться в Трондхейме и взять на себя все заботы, тогда как ему следует отправиться на юг вместе с королем, Кальв не заподозрил его в двуличии. Он считал разумным то, что один из них остается на месте.

Но впоследствии он понял, что Эйнар использовал это время, чтобы поссорить короля с Кальвом, напомнив ему, на чьей стороне Кальв был в Стиклестаде. При этом он пользовался большой поддержкой тех, кто водил в свое время дружбу с королем Олавом; этим людям не нравилось, что трондхеймцы обладают такой властью.

Впервые Кальв понял, что к чему, когда отправился на юг, чтобы побыть с королем. И он обнаружил, что уже больше не пользуется безоговорочным доверием конунга; его законное место было занято людьми с юга, тогда как Эйнар сохранил свое прежнее положение. И когда он однажды вечером подошел к королю, чтобы поговорить с ним, Эйнар грубо заявил ему, чтобы он убирался прочь. И конунг промолчал; Кальву ничего не оставалось, как отступить.

Домой Кальв вернулся в ярости.

Но он утешал себя тем, что война с датчанами закончилась. Он сам присутствовал при заключении мира между Магнусом и Хардакнудом при посредничестве хёвдингов. Оба пообещали не вмешиваться в дела друг друга, а в том случае, если кто-то из них умрет, не оставив после себя сына, другой вступал во владение его страной.

Вскоре ожидался приезд Магнуса в Каупанг. Кальв надеялся, что когда король увидит, как хорошо он управлял в его отсутствие всеми делами, он оценит сполна его преданность.

Кальв был во дворе, когда Сигрид вернулась в Эгга, и он помог ей слезть с коня.

И ей снова стало не по себе, когда она услышала крики священника Йона. Однако взгляд, брошенный Кальвом в сторону жилища священника, был полон презрения.

— С годами он не стал мужественнее, — сказал он. — Если он захочет уехать отсюда, пусть уезжает.

Сигрид покачала головой.

— Он извел всех своими криками, — сказала Сигрид, — но он не использует имеющийся у него выход: отказаться от пищи, чтобы тем самым уменьшить свои муки.

— Ему хорошо известно, что это все равно, что из огня да в полымя, — сухо заметил Кальв, — и больше всего на свете он боится адских мук. Думаю, он чувствует себя сейчас как вошь под ногтем.

Священник Йон умер в жаркий солнечный день; солнечный свет проникал повсюду, нагревал дерновые крыши, озарял каморку, в которой мучился перед смертью священник.

И когда он умер, Сигрид подумала, что никогда не забудет солнечные полосы, пробивающиеся через маленькое отверстие в стене и падающие на лицо покойного.

Его смерть не была ни героической, ни прекрасной. Сигрид и священник Энунд, бывшие все время возле него, вздохнули с облегчением, когда он, наконец, потерял сознание и больше не пришел в себя.

Даже в смерти он имел жалкий, почти смехотворный вид, с торчащими из-под одеяла тощими ногами, после последнего причастия, совершенного Энундом. Выражение его лица было вопрошающим и как бы извиняющимся.

Сигрид старалась не смотреть на покойника, пока не закрыла ему глаза: встретить взгляд покойника было опасно. И, закрыв ему глаза, она прижала крепче ноздри и закрыла его рот.

Прочитав молитву, священник Энунд встал. Некоторое время он стоял и смотрел на покойного.

— Блаженны чистые сердцем, — медленно произнес он. — Ибо им предстоит узреть Бога.

Но голос его был хриплым, ему пришлось прокашляться. Повернувшись к нему и встретив его взгляд, она поняла, что не только она одна борется со слезами.

На миг священником овладела слабость. Он опустился на скамью и закрыл лицо руками. Но он тут же встал, подошел к двери и подал Сигрид знак, чтобы она шла за ним.

Глаза Сигрид слипались от усталости, когда она возвращалась домой; она провела возле постели священника Йона не одну бессон-

ную ночь. Она пошла на кухню и дала служанкам распоряжения по хозяйству, после чего отправилась спать.

Но, несмотря на усталость, заснуть она не смогла; она все еще слышала крики священника Йона. И ей казалось, что эти крики смешиваются с другими криками — криками людей, напуганных чем-то или изнемогающих от скорби и боли. Перед ее мысленным взором прошла целая вереница страждущих, кричащих людей. И, уже засыпая, она вспомнила, что Кальв сказал ей однажды, что Бог столь же мстителен, как и святой Олав...

Ложась в постель, Кальв разбудил ее.

— Ты и дальше собираешься спать в одежде?

Вскочив, она некоторое время стояла, оправляя юбку, а потом принялась раздеваться.

— Ты голодна? — спросил он. — Ты не ела целый день.

И только когда он сказал это, она поняла, как проголодалась.

— Да, — ответила она. Она снова стала надевать юбку, решив сходить в кладовую и найти там что-нибудь съестное. Внезапно она замерла и сказала: — Я боюсь идти ночью одна по двору, зная, что в каморке лежит мертвый священник Йон.

— Я схожу с тобой.

Но даже идя рядом с Кальвом, Сигрид не осмеливалась взглянуть в сторону дома, в котором лежал священник.

Когда они подошли к кладовой, Кальв тоже решил, что проголодался. И они взяли с собой хлеб, сыр и бочонок пива.

Во время еды они сидели и разговаривали.

В последние годы их отношения переросли в настоящую дружбу. Они говорили друг с другом о своих радостях и невзгодах; и они редко принимали теперь решение, не посоветовавшись друг с другом.

На этот раз Сигрид рассказывала о смерти священника Йона. Запивая хлеб с сыром пивом, она то и дело бросала взгляд на Кальва, слушавшего ее рассказ. В бороде у него застряли крошки, время от времени он чесал себе затылок.

— Поискать у тебя вшей? — спросила она.

— Это было бы хорошо, — ответил он.

— Ты еще более голоден, чем я, — сказала она. Кальв, проглотивший большую часть еды и питья, улыбнулся.

— У меня был длинный день, — ответил он, тяжело вздохнув, и, пододвинувшись к ней поближе, наклонил голову.

Некоторое время они молчали. Потом он снова заговорил.

— Я собираюсь съездить на неделю в Каупанг, — сказал он. — Король ждет и тебя тоже. И мне бы хотелось, чтобы в этот раз ты и дети отправились вместе со мной.

Сигрид была явно не в восторге от этого предложения.

— Мне нечего делать в Каупанге, — сказала она. — Если король там, Сигват Скальд наверняка тоже поблизости; ты хочешь, чтобы он познакомился с Суннивой?

— Я не собираюсь приглашать его в гости, — сухо заметил Кальв.

— Почему ты хочешь, чтобы мы поехали с тобой?

— Никогда не знаешь, что случится завтра, — задумчиво произнес он. — Может случиться такое, что я вынужден буду бежать из страны, и тогда мне хотелось бы взять вас с собой. Я думал также взять с собой на юг часть денег, на тот случай, если мы не сможем вернуться сюда.

Сигрид уронила руки.

— Не хочешь ли ты сказать, что король намерен лишить тебя жизни?

— Не король, — ответил он серьезно. — Он всего лишь пятнадцатилетний юнец и дает управлять собою другим. Власть принадлежит тем, кто теперь окружает его, и им этого мало. И чем меньше власти у меня, тем больше ее у них. Кстати, вряд ли они сейчас намерены убить меня. Но они могут потребовать выкуп, превышающий тот, который я в состоянии заплатить.

Сигрид похолодела; она сразу ничего не могла ему ответить.

— Ты думаешь, что нам придется уехать отсюда? — тихо спросила она.

— Нет, — ответил он. — Я так не думаю. Но, может быть, оставаться здесь еще хуже. Ведь тот, кто стоит за всем этим, не захочет лишиться этой усадьбы и всех наших домов. Эйнар Тамбарскьелве не забывает о том, что Тронд происходит из рода Ладе и, возможно, когда-нибудь он или его сын станут наследниками этого рода.

Они прибыли в Каупанг незадолго до дня летнего солнцеворота. Сигрид не была там почти год и теперь удивлялась, как разросся за это время город.

Но ее не покидало беспокойство с тех пор, как Кальв сказал, почему он хочет взять ее с собой. Ее уже не радовала, как прежде, прогулка в гавань, когда там появлялся чужеземный корабль с товарами на борту; или прогулка по мастерским и торговым лавкам в поисках новых украшений.

В городе было оживленно, и в ожидании приезда короля прибывало все больше и больше народу.

Через несколько дней в гавань вошел королевский флот. Кальв пошел встречать короля, а Сигрид осталась дома; и только поздно вечером, когда он вернулся, она узнала, как обстоят дела.

Она сидела и ждала его, и когда он вошел, она поняла по выражению его лица, что встреча эта его не обрадовала.

— Король? — сказал он, когда она спросила его о нем. — Я почти не говорил с ним.

Взяв пивной бочонок, который она поставила специально для него, он основательно приложился к нему, прежде чем лечь в постель.

Сигрид была удивлена, когда через несколько дней получила от Бергльот дочери Хакона приглашение навестить ее. Она решила посоветоваться с Кальвом. Он сказал, что ей нужно пойти, но только наострив уши и закрыв, по возможности, рот.

Но Сигрид была удивлена еще больше, когда Бергльот захотела поговорить с ней наедине.

Как обычно, Бергльот сразу приступила к делу.

— Вряд ли для тебя является тайной то, что Эйнар делает все, чтобы уничтожить Кальва, — сказала она.

— Вряд ли... — ответила Сигрид. У нее перехватило дух от прямоты Бергльот.

— Он никогда не принимал всерьез договор, заключенный с Кальвом в Каупанге перед их совместным отплытием на Восток, — продолжала Бергльот. — Он пошел на то, чтобы разделить на равных власть с Кальвом, только потому, что вынужден был сделать это. Я вызвала тебя сюда, чтобы обсудить это. Большинство женщин имеют власть над своими мужьями; и меня очень удивило бы, если бы ты не имела такой власти над Кальвом... Даже несмотря на то, что однажды он уехал из страны, не сказав, куда собирается, — добавила она с улыбкой.

Взгляд, который она при этом послала Сигрид, был красноречив; Сигрид почувствовала себя польщенной, но не настолько, чтобы забыть про осторожность.

— Ты и сама имеешь достаточную власть над Эйнармом, — сказала она.

Бергльот кивнула.

— Я привыкла к такому положению вещей, — сказала она. — В тот раз я пыталась поговорить с ним; я сказала ему, что слово нужно сдерживать, даже если ему это и не нравится. Но в него будто черт вселился. Он готов стать на голову, чтобы быть в стране первым после короля, и перечить ему в этом бесполезно. Не помогло и то, что я сказала ему, что в конце концов он навлечет несчастье на самого себя, если пойдет на измену.

Сигрид не отвечала; она неотрывно смотрела в пол.

— Сигрид, — продолжала Бергльот, — не могла бы ты уговорить Кальва немного уступить, уважать достоинство Эйнарма и его седины?

— Между Кальвом и Эйнармом разница всего в одиннадцать лет, — напомнила Сигрид.

— Я знаю, — ответила Бергльот, — но Эйнарм свыше двадцати лет был среди первых людей страны, тогда как Кальв был только лендманом в Эгга. Разве ты не понимаешь, что он чувствует себя униженным, когда ему приходится выступать с Кальвом на равных?

— Он дал это понять на юге, когда в присутствии всей дружины заявил, что бычку следует уступить место старому быку, — с горечью произнесла Сигрид. Но Бергльот не желала сдаваться.

— Такие вещи не забываются, — сказала она, — но все-таки поговори с Кальвом. Сделай это не только ради Кальва или ради Эйнарма. Сделай это ради короля, чтобы тот не нарушил клятву, данную им Кальву в Гардарики, а также ради страны, потому что никто из нас не выиграет оттого, что король станет клятвopреступником.

— Мне было бы легче говорить с ним, если бы Эйнарм не унижал его, — ответила Сигрид.

— Я понимаю, но все же попробуй! А я попытаюсь еще раз поговорить с Эйнармом; попробую уломать его.

Сигрид сидела и размышляла; ей приходилось вести борьбу с самой собой. Эйнарм дал слово. И если он дал его против своей воли, это, по ее мнению, Кальва не касалось. Она не понимала, почему

Кальв должен был уступать ему. Вместе с тем, он повернул дело в свою пользу. И она была в отчаянии при мысли о том, что ей, возможно, придется покинуть Эгга.

И то, что говорила Бергльот, было правдой; всем пришлось бы очень туго, если бы король нарушил торжественно данную клятву. Ей пришла в голову мысль о том, что, возможно, Кальв доказывает свою верность Олаву тем, что пытается спасти его сына от клятвопреступления.

— Я поговорю с ним, — наконец сказала она, — но я не знаю, принесет ли это какую-нибудь пользу.

Бергльот протянула ей руку, она пожала ее, после чего обе встали и направились обратно в зал.

Сигрид ничего не добилась от Кальва.

— Может быть, Бергльот и права, — сказал он, — хотя, с таким же успехом, это может быть ложь. И какая польза оттого, что она так считает, если Эйнар жаждет власти, как грудной ребенок — молока? Если я сейчас уступлю ему, мне придется и впредь идти на уступки. И я стану только слабее оттого, что он присвоит себе то, что было моим. Нет, Сигрид. Это мужское дело. И ты недостаточно сведуща в правилах этой игры. И Эйнар играет сейчас не одной фигурой: он играет всеми сразу.

Подумав, он продолжал с горькой усмешкой:

— Возможно, он станет ярлом. Он хочет для себя не меньше почестей, чем те, что имел отец Бергльот!

Сигрид захотелось сказать ему, что даже если Кальв не строит планы стать ярлом именно сейчас, то властолюбия в нем не меньше, чем в Эйнаре. Но она промолчала.

Будучи в Каупанге, Сигрид не появлялась на королевском дворе, ссылаясь на то, что ей н здоровится. И никто не принуждал ее идти туда.

К тому же она и в самом деле чувствовала себя неважно; каждое утро она просыпалась с головной болью.

И у нее не было желания снова встречаться с Сигватом, а тем более — наблюдать, как Кальв старается завоевать расположение короля.

Ей становилось дурно при одной мысли об этом; в этом было что-то отвратительное: двое взрослых мужчин соперничают из-за расположения молокососа. Если это и была мужская игра, как выразился Кальв, она была только рада тому, что не имеет к ней никакого отношения. Ей казалось, что стране мало поможет то, что король был сыном святого.

Во время своего пребывания в Каупанге она видела короля только один раз, да и то случайно.

Суннива упраскивала ее сходить на пристань и посмотреть вблизи стоящие там корабли. В конце концов Сигрид согласилась. На обратном пути они встретили конунга и его дружину, и Сигрид не могла удержаться оттого, чтобы взглянуть на него.

С тех пор как она в последний раз видела его, он вырос, стал красив и выглядел поразительно взрослым для своих лет. Но на лице его было написано недовольство.

Сигрид стало не по себе, когда он увидел ее и остановился. Ей хотелось пройти мимо незамеченной; она не думала, что он помнит ее после короткого пребывания в Эгга несколько лет назад. Она подумала, что он унаследовал от отца эту память: Олав имел обыкновение говорить, что запоминает каждого человека, с которым он встречался хотя бы однажды.

Но слова, которыми обменялся с ней конунг Магнус, были всего лишь данью вежливости.

Тем не менее, Сигрид показалось, когда она смотрела на него с близкого расстояния, что, несмотря на свою взрослую внешность, он все еще был мальчиком; в его деланном высокомерии чувствовалась неуверенность. И она почувствовала себя виноватой перед молодым королем; у нее появилось желание поговорить с ним, словно он был одним из ее сыновей.

И когда конунг повернулся и пошел дальше, она заметила среди его свиты Кальва; и ее обрадовало то, что Кальв шел рядом с королем.

Но один человек в королевской свите остановился и оглянулся. Его глаза искали глаза Сигрид, и когда их взгляды встретились, он долго смотрел на нее, а потом перевел взгляд на Сунниву.

И тут он шагнул к ним...

Сигрид тут же отвернулась, взяла дочь за руку и побежала с ней домой.

Оставив Суннivu дома, она отправилась в церковь и стала молиться на коленях.

Потому что, несмотря на то, что прошло столько лет, несмотря на то, что она сама убеждала себя в том, что уже стара, в свои сорок шесть лет она не могла отрицать того, что чувствовала в себе жар под взглядом Сигвата Скальда.

Через несколько дней в Каупанге произошло нечто такое, что заставило всех говорить об этом несколько недель.

Хорек из Тьотты, женатый на Рагнхильд, сестре Кальва, прибыл в город, чтобы переговорить с конунгом.

Хорек был одним из тех, кто был решительно против святого Олава; он был недоволен королевским приговором в деле, касающемся одного из его соседей. Олав вынес приговор в пользу соседа — этого соседа звали Гранкеллем — и многие, кроме Хорека, считали, что король неправ. И Хорек отомстил за это, устроив в усадьбе Гранкелля пожар.

Впоследствии он вместе с Кальвом и Туриром Собакой стал во главе крестьянского войска в Стиклестаде.

Сын Гранкелля, Осмунд, был теперь у короля Магнуса. И когда Осмунд Гранкельссон увидел, что с пристани поднимается Хорек, он не стал медлить; схватив топор, он выбежал наружу.

— Теперь я отомщу за убийство моего отца, — сказал он.

Но король, игравший в тавлен с одним из своих приближенных, сказал, будто бы обращаясь к своему сопернику по игре:

— Не хочешь ли взять мой?

Осмунд понял смысл этих слов и взял королевский топор, который был тяжелее и острее его собственного. И он убил королевским топором Хорека.

Всем было ясно, что сыновья Хорека не замедлят потребовать выкуп за своего отца...

Но находились и такие, кому это не понравилось. Перед тем, как отправиться домой из Гардарики, король поклялся в том, что никто из тех, кто выступал в свое время против Олава, не пострадает, пока будет верен ему, конунгу Магнусу. И как быть с правами и законами, если сам король с такой легкостью нарушает клятву?

Те, кто сражался на стороне бондов при Стиклестаде, видели будущее в мрачных тонах.

Придя домой после убийства Хорека, Кальв напился до бесчувствия; такое с ним в последние годы бывало редко. И в сказанных им словах было мало здравого смысла.

Он бормотал что-то о Магнусе и о нарушенной им клятве. И уже будучи в постели, он так громко бранил Эйнара Тамбарсьелве, что Сигрид пришлось положить ему на лицо подушку, чтобы никто не слышал его слов. Но последние слова, сказанные им перед сном, засели у Сигрид в памяти.

— Вряд ли он высоко ставит меня, если позволил убить моего шурина, — донеслось из-под подушки.

Сигрид не могла заснуть; она встала с постели и села на скамью рядом с почетным сидением.

Зал был освещен только светом летней ночи; она ясно видела спящих на скамьях людей. Но ей показалось, что драконы, вырезанные на столбах, угрожающе смотрят в полумраке на спящих.

Она сидела и смотрела на остывший очаг и закопченные камни, вспоминая, как в нем горел огонь и как они разговаривали тут... И мысли ее бежали дальше, к другому огню и другим беседам; слова Кальва разбудили в ней воспоминания о том времени, которое, как она полагала, было уже позади. Ей показалось, что она слышит свой собственный голос, жестокий от горечи:

— Ты сам убедился в том, насколько высоко ставит тебя король, когда он отказался выслушать твою просьбу о Турире!

Она вспомнила о сожалениях Кальва по поводу его измены королю Олаву. И в том, что происходило на ее глазах, она увидела возможность примирения, более прочного, чем это бывало обычно. Казалось, сам король Олав указывает ему дорогу в жизни:

— Смотри! Ты можешь вычеркнуть из своей жизни эту измену, вырубить ее, словно руны со скалы! Докажи теперь свою верность; отдай свою голову в руки тому, кто является моим сыном и твоим приемным сыном, подобно тому, как Торкелль доверился своему приемному сыну, Торфинну ярлу с Оркнейских островов. И скажи, подобно Торкеллю, что позволишь ему сделать с тобой все, что он захочет.

Но не успела она додумать эту мысль до конца, как ей пришлось отбросить ее. Это означало бы для Кальва не только унижение; он выставил бы себя на смех не только перед королем, но и перед Эйнаром и всем войском, признавая тем самым, что Эйнар победил.

И когда Кальв достаточно протрезвел для того, чтобы она могла изложить ему свои мысли, он с презрением отверг их.

— С таким же успехом я мог бы обратиться прямо к Эйнару Тамбарскьелве и отдаться в его руки, — сказал он.

Но Сигрид все же не отбрасывала эту мысль. Эта мысль преследовала ее, словно образ святого конунга...

Через две недели после середины лета Сигрид вернулась в Эгга. Ей теперь казалось, что дни тянутся невыносимо медленно; она с тревогой ждала известий от Кальва.

Король решил посетить Внутренний Трондхейм, и Кальв был среди его свиты.

Кальв был рад этому; он считал, что ему будет выгодно принять в Эгга короля. Но Эйнар Тамбарскьелве мимоходом заметил, что сначала король посетит Хауг в Вердалене, и это совсем не понравилось Кальву. Он считал, что всякое воспоминание о Стиклестаде приносит конунгу только вред. И перед тем, как Сигрид отплыла из Каупанга, он предупредил ее, чтобы она была готова к отъезду при ближайшей угрозе.

Теперь король был в Хауге; Сигрид отправила туда людей и лошадей для Кальва. В случае благоприятного стечения обстоятельств конунг должен был вскоре прибыть в Эгга, и Сигрид была занята приготовлениями к приему гостей.

Но она чувствовала неуверенность в завтрашнем дне, и тревожные мысли преследовали ее повсюду.

Больше всего ее тревожила мысль о Кальве; она представляла его себе таким, каким он был в Каупанге, с лицом, искаженным горечью и разочарованием. И ей казалось, как и в первое время после гибели святого Олава, что все ее попытки помочь ему напрасны; он был боязлив, как раненое животное.

Она чувствовала себя уязвленной тем, что после стольких лет их близости он не желает принимать от нее помощь, хотя сейчас он действительно нуждается в ней. Но по своему опыту она знала, что если она не пытается его утешить, он сам приходит к ней; сам ищет с ней близости. Чаще всего он искал в ней женщину, но бывало и так, что она была необходима ему, как ребенку мать.

И теперь Сигрид смотрела на все окружающее так, словно ей предстояло навсегда расстаться с этим. Даже мелочи имели теперь для нее смысл: трясогузка, бегающая по двору, запах смолы от нагретых солнцем стен, даже голос Рагнхильд, рассказывающий слуганкам последние новости.

И она часто посещала церковь. При этом ей было стыдно: в последние годы она ходила в церковь в основном тогда, когда испытывала какие-то трудности. Она пришла к мысли о том, что, возможно, теперь самое время отчитаться перед Богом, и отправилась к священнику Энунду.

После смерти священника Йона Энунд перебрался в Эгга; епископу некого было больше послать к ним. И он занял теперь маленькую комнатку, принадлежавшую раньше священнику Йону. И теперь они с Сигрид сидели там и разговаривали.

• Она рассказала ему о Кальве, Эйнаре и короле, и Энунд молчал, пока она не закончила свой рассказ.

— Бог дает и Бог имеет право забрать у нас обратно то, что Он нам дал, — сказал он. — Все, что мы имеем, принадлежит не нам, а ему, мы берем это только взаймы. И если тебе придется покинуть Эгга, Сигрид, ты не должна сетовать на Бога за то, что Он что-то отбирает у тебя. Ты должна быть благодарна ему за то, что дал тебе все это, позволил тебе столько лет радоваться здесь жизни.

Сигрид молчала. Она сидела и смотрела на руки Энунда, которые он положил на левое колено. Его пальцы казались слабыми и беспомощными на фоне грубой рясы. Эти руки не держали оружия с самой ранней юности, да и инструмент тоже. Он отказался от всего ради служения своему Богу, он свел на нет даже способность защищать и жалеть самого себя. Кроме одежды, которую он постоянно носил, у него не было никакой собственности, и он жил тем, что подавали ему люди.

— Ты никогда не сомневался в том, чему учишь людей? — вдруг спросила она. Он изумленно уставился на нее.

— Ты же знаешь, я стал сомневаться в милосердии Бога после смерти Эльвира, — сказал он.

Она кивнула и медленно произнесла:

— Я тоже сомневаюсь в доброте Господа.

— Почему же?

— Когда я увидела страдания священника Йона, я не могла согласиться с тем, что они были необходимы, — ответила она.

— Страдания и скорбь мира не должны вызывать у тебя сомнения в милосердии и милости Бога, Сигрид, — еще более серьезно, чем она ожидала, сказал священник. — Это самый опасный из всех грехов, сомневаться в милости Господа. Ведь как может человек получить прощение за свои грехи, если он сомневается в самом прощении, в Божественном искуплении грехов человечества, воплощенном в жизни Христа? Страдания и беды могут быть благодеянием. Нередко они становятся частью Божественного воспитания: в них Бог показывает нам наши слабости и приближает нас к себе, и они учат нас смирению, в котором мы все так нуждаемся. Я уверен, что священник Йон благодарит теперь Бога за то, что Тот дал ему испытать ту боль, от которой он всю жизнь убегал. Взгляни на свою собственную жизнь! Каждый раз, когда ты испытываешь трудности, ты становишься ближе к Богу, а когда у тебя все хорошо, ты забываешь о Нем.

— Кальв сказал, что священник Йон утверждал, что Бог дает благосостояние тому, кто Ему служит; это совсем не похоже на то, чему учишь людей ты.

— Благосостояние, это не обязательно удача, богатство, золото и серебро, Сигрид. Я думаю, что царь Давид имел в виду как раз это, говоря, что все, даже страдания и беды, идут на пользу тому, кто служит Богу.

Но Сигрид не собиралась так легко сдаваться.

— И ты ни разу больше не испытывал сомнений? — спросила она.

— Бывало, я сомневался в своих способностях выполнять завет Божий, — ответил он, — но я никогда не сомневался в Боге и Его милосердии; я постоянно встречаю Его милосердие и в жизни других, и в своей собственной.

— Что означает, по-твоему, встретить Бога?

— Ты понимаешь, о чем я говорю. Или я ошибся, подумав, что ты сама встретила Его однажды вечером в церкви Стейнкьера?

— Я точно не знаю... — ответила Сигрид. Чувства, испытанные ею в стейнкьерской церкви, были теперь такими далекими, похожими на сон.

— Нет, ты знаешь! — воскликнул он с такой уверенностью, что она даже удивилась. — Ты знаешь, но не хочешь признаваться себе в этом. Ты испытала краткий миг счастья, ощутив Его присутствие, ты почувствовала близость неба. Но когда ты вернулась к повседневности, твои маленькие радости стали иметь для тебя куда большее значение, чем та радость. И ты поняла, что если захочешь снова приблизиться к Богу, тебе придется добровольно отказаться от всего этого.

— Значит, мы не должны испытывать любовь к другим людям? Ты же сам сказал, что мы должны радоваться дарам Божиим...

— Ты должна радоваться дарам Божиим, но ты не должна давать им поработать себя. И ты должна любить других людей во Христе, а не такими, какими они являются на самом деле.

Люди думают, что они любят, считая свою скорбь об умершем признаком любви. Но если бы они действительно любили умершего, они радовались бы тому, что он раньше них обрел весной блаженство. Это самих себя они любят в нем; и они оплакивают свою собственную гибель.

— Значит, ты считаешь, что я не должна скорбеть о том, что мне придется покинуть Эгга, — медленно произнесла Сигрид. Ей казалось, как это уже не раз бывало прежде, что Энунд требует слишком многого. И она сказала ему об этом.

— Бог требует все, — ответил священник, — и Он получает все.

И когда Сигрид выходила из его дома, ей казалось, что разговор этот был напрасен.

В эти дни Сигрид посетила и других; среди них была Ингерид из Гьеврана. И когда Сигрид прибыла в Гьевран, она застала Ингерид в подавленном настроении.

Финн стал изменять ей уже у себя дома; одна из служанок вот-вот должна была родить, и она утверждала, что он — отец ребенка. И Финн этого не отрицал.

Тем не менее, Ингерид не была зла на него, просто ей было это неприятно.

— В свое время я умоляла его вернуться ко мне на любых условиях, — сказала она. — И у меня нет причин жаловаться на то, что он поймал меня на слове.

И даже в своей печали Ингерид не могла не рассмеяться.

— Можно подумать, что ему мало наших восьмерых детей! — сказала она.

На обратном пути Сигрид думала о Финне и Ингерид. Ингерид была такой покладистой, мягкой, уступчивой; у нее в голове не укладывалось, что Финн может причинить ей зло.

Но чем больше она размышляла об этом, тем больше она сомневалась в том, что это Финн управляет Гьевраном. Она вспомнила, как Эльвир однажды сказал, что Ингерид с виду мягкая, как гусенок, но воля у нее железная.

Может быть, Ингерид не так легко было изменить свой характер; возможно, она и не была такой кроткой, какой казалась; ведь рысь при всем желании не может стать домашней кошкой.

И если Финн чувствует, что его пытаются привязать к себе насильно, то он просто отвечает ударом на удар.

Сигрид навестила также Хелену, но это принесло ей одни лишь неприятности.

Хелена была тонкой, как жердь; Сигрид знала, что она чересчур рьяно выполняет церковные требования. Казалось, ей доставляет удовольствие говорить о грехе и покаянии; и когда она говорила об этом, в глазах ее загорался огонь.

Сигрид казалось, что Хелену кто-то заколдовал; и она не узнавала в ней ту девушку, с которой когда-то была близка.

Однажды в полдень пришло известие от Кальва. Он просил о том, чтобы снарядили его корабль и приготовили вечером к отплытию.

Сигрид ожидала этого и, тем не менее, была сражена; давая распоряжения работникам, она сама едва понимала, что делает. У нее было странное ощущение тишины и пустоты — никакой боли она не чувствовала.

Однако бесчувственность Тронда привела ее в ярость.

— Мы еще вернемся сюда, — сказал он, — в это захолустье. К тому же мы сможем посмотреть мир...

— Вернуться сюда будет не так легко, как ты думаешь, — ответила мать.

— Почему же? У Кальва влиятельные родственники, а Эйнар Тамбарскьелве не будет жить вечно...

Несмотря на свое раздражение, Сигрид вынуждена была признать, что во многом он прав. Она внимательно посмотрела на сына: коричневая туника, которую он носил всего несколько месяцев, была уже тесна ему в плечах.

И когда она увидела, как он улыбается при мысли об отъезде, она поняла, что этот орленок засиделся в гнезде; он уже перерос эту усадьбу, так же, как он перерос свою одежду.

Но она утешала себя тем, что это не она принуждала его оставаться дома; всякий раз когда этот ее последний сын заводил разговор об отъезде, возникали какие-то препятствия...

К вечеру Кальв со своими людьми прибыл в Эгга. Работники еще не перенесли все вещи на пристань и не погрузили их на корабль, и он попросил их поторопиться.

→ Что случилось? — спросила Сигрид, поздоровавшись с ним. Но он не пожелал ей ничего объяснять. Лицо его было серым от усталости, что совершенно не соответствовало его бесцеремонному тону.

Сигрид чувствовала, что ей нужно до отплытия поговорить с ним наедине, и она повела его в спальню.

— Есть ли необходимость в том, чтобы я и Суннива уезжали с тобой? — спросила она. Собирая вещи, она все больше и больше склонялась к этой мысли. — Разве у меня не будет больше возможности сохранить, по крайней мере, усадьбу в Бейтстаде, если мы останемся здесь?

Кальв покачал головой.

— Нет, — сказал он, — будет еще хуже. Думаю, всем тем, кто сражался против короля Олава, лучше всего сейчас покинуть страну. А ведь ты была по отношению к нему более непримиримой, чем большинство.

Немного помолчав, он продолжал:

— И даже если Эйнар ставит ловушку именно мне, я совершенно уверен в том, что многих других тоже сразит этот удар. Эйнару удалось разжечь в конунге жажду мести; и это пламя не так-то легко теперь потушить, и много времени еще пройдет, прежде чем он раскается в этом.

— Что произошло в Хауге?

— Слишком много всего, — с горечью ответил он. — Даже здесь, во Внутреннем Трондхейме, люди толпами валят к нему — все те, кто сражался на стороне Олава. И они прямо говорят ему о том, что ему не следует держать при себе людей, сражавшихся против его отца; и ты, конечно, понимаешь, что Эйнар только подливает масла в огонь. В конце концов я понял, что положение мое весьма шаткое. Сегодня король решил отправиться в Стиклестад, чтобы осмотреть поле битвы, и он попросил Эйнара поехать с ним. Но Эйнар ухмыльнулся и спросил, не лучше ли будет, если я поеду с ним; он сказал, что я, как участник сражения, больше смогу рассказать ему об этом. Я подумал, к чему это может привести, и послал домой известие.

Когда мы прибыли на поле битвы, конунг спросил меня, где погиб его отец, и я показал ему это место. И когда он спросил, где я стоял, когда это произошло, я тоже сказал ему об этом. Он побагровел и сказал, что мой топор вполне мог попасть в короля Олава. Я ответил, что этого не произошло, но я понял, что он мне не поверил. И мне ничего не осталось, как бежать.

— Почему ты не попробовал поговорить с ним там, в Стиклестеде, когда вы были с ним наедине? Ты мог бы рассказать ему всю правду о своем посещении короля перед сражением, о том, почему ты не убил его, о твоём последующем раскаянии по поводу того, что ты был в крестьянском войске.

— Какая польза была бы от этого? Я сказал ему правду, но он мне не поверил. Даже такой юнец, как он, хорошо понимает, что мне легко, если я захочу, обмануть его. Кто, кроме меня, запомнил в суматохе битвы, где я стоял в момент гибели короля? Если бы я хотел обмануть его, я сказал бы, что стоял в другом месте.

— Если бы ты попробовал поговорить с ним и все объяснить...

— Ты считаешь меня свободным человеком или рабом? Либо он верит мне, и тогда я могу говорить с ним. Либо он мне не верит, и тогда разговор неуместен. Ты хочешь, чтобы я ползал перед тем, кто считает меня лгуном?

Он замолчал и отвернулся; взгляд его рассеянно скользил по стенам.

— Ты взяла все, что нужно? — спросил он.

Она кивнула, и он направился к двери. Но тут он остановился, повернулся к ней и прижал ее к себе. Он спрятал лицо на ее шее, и она почувствовала, как задрожали его плечи.

Это произошло так неожиданно, что она в первый момент не знала, что ей сказать и как поступить. И, прежде чем она собралась с мыслями, он отпустил ее и бросился на постель.

И все, что он носил в себе последнее время, все его разочарование и его беду нашли выражение в рыданиях, таких ужасных, каких Сигрид никогда до этого не слышала.

Она села возле него, притянула его к себе, и положила его голову к себе на колени. Она пробовала успокоить его, держа за плечи, ходившие ходуном.

— Господи! — прошептал он, немного приходя в себя. — Господи!

Вслед за этим он произнес:

— Сигрид, я не знаю, посмею ли я смотреть тебе в глаза после того, что ты сейчас увидела!

Повернув к себе его лицо, она улыбнулась, встретив его взгляд.

— Почему ты не сможешь смотреть мне в глаза? — спросила она. — Ты ведь всего только человек.

Наклонившись, она коснулась своей щекой его щеки.

Напряжение его спало; вздохнув, он расслабился у нее на коленях, рыдания затихли. И он спокойно лежал, словно ребенок, глядя на нее; и он улыбался, когда она гладила его по волосам.

И только когда в дверь постучали и один из работников крикнул, что все готово к отплытию, он встал, и они вместе вышли из спальни.

Когда они вышли во двор, она с удивлением заметила, что Кальв, как обычно, принялся командовать всеми. Они попрощались с Харальдом и Хеленой, со священником Энундом, с Рагнхильд и всеми, кто оставался дома.

После этого она направлялись на пристань. Все происходящее казалось Сигрид нереальным.

Она шла между Кальвом и Суннивой, вниз по тропинке, через рощу, мимо полей, которые они засевали и урожай с которых предстояло снять другим.

И когда они поднялись на борт корабля, она спросила Кальва:

— Куда мы отправимся?

— Я думаю взять курс на Оркнеи, ответил он. — Дочь моего брата Финна только что вышла замуж за Торфинна ярла.

— Я помню ее, — ответил Сигрид.

Он кивнул.

Оба корабля вышли на веслах из залива; на одном из них хёвдингом был Тронд. Обогнув косу, они поставили паруса; ветер дул с востока.

Но как только они вышли из пролива Скарн и в сумерках в последний раз увидели Эгга, Сигрид начала плакать.

Кальв старался утешить ее, положив руку ей на плечи.

— Это я виновата во всем, — прошептала она. — Если бы не я и не мои сыновья, ты продолжал бы быть лендманом в Эгга.

— Если бы не ты, — напомнил он ей, — я никогда бы не попал в Эгга.

Море было освещено солнцем.

Пенистые волны ослепительно сверкали. И от горизонта до горизонта была лишь вода: волны и пена, пена и волны... Подобно какому-то живому существу, море плескалось, бурлило и смеялось за бортом корабля.

И все же здесь чувствовалась пустота, первозданная пустота; а морской ветер приносил лишь тоску и томление.

Корабли продвигались вперед, подгоняемые ветром и волнами, словно остатки погибшего в Рагнароке мира.

Впервые Сигрид заплывала так далеко в море, что не видела земли.

И когда очертания берега исчезли, она со страхом спросила Кальва, найдут ли они верный путь. Но он только посмеялся над ней. Указав на солнце, он объяснил ей все.

И когда наступила ночь и море стало казаться еще более пустынным под звездным небом, он показал ей путеводную звезду. И его уверенность стала передаваться и ей. И она засмеялась: она ведь с детства знала, что люди плавают по морям, глядя на солнце и звезды, просто она слишком долго засиделась на суше.

И позже, когда над морем поднялась луна и осветила белые ба-
рашки волн, а море засветилось вокруг корабля, словно раскаленное добела железо, она стояла на палубе, как зачарованная.

Взгляд ее скользил по лунной дорожке, отливающей серебром, до самого горизонта, и ей вдруг показалось, что это путь в земле обетованной; эту странную землю плывущую по морю люди иногда различают вдали, но никогда не могут достичь ее. И она поняла, почему тот, кто хоть раз увидел ее, поддается ее очарованию и всю жизнь потом стремится вернуться к морю, никогда не расставаясь с надеждой снова увидеть ее.

И, стоя так и глядя на море, она совершенно неожиданно обрела ощущение покоя.

И это казалось ей странным.

Она, покинувшая свой дом и отправившаяся куда глаза глядят, каким-то удивительным образом почувствовала, что именно здесь она дома.

Но ей не хотелось думать об этом: она просто смотрела, как лунный свет чертит руны на пенящихся волнах.

Но позднее, когда она устроилась на ночлег, мысли вернулись к ней.

Она прислушивалась к звукам вокруг себя: скрипу корабельных снастей, плеску волн, разбивающихся о борт драккара, журчанию воды, тихим голосам стоявших на вахте мужчин. Все это сливалось для нее в какую-то волшебную песнь, напоминало ей детство и когда-то знавших ее людей. Перед нею вереницей проходили их лица — лица, которые она так часто изображала на своих гобеленах.

И среди них был Турир; в первую очередь Турир. Турир на борту своего корабля; Турир, учивший ее когда-то ходить под парусом; Турир, оставшийся верным ей даже в смерти.

Турир любил в море ту свободу, которую оно давало ему. И в конце концов море поглотило его, она была уверена в этом; он так и не вернулся домой.

Ей показалось, что он снова рядом с ней; и ощущение мира, приносимое ей звуками моря, чем-то напоминало то утешение, которое она испытывала рядом с ним в море, будучи девчонкой.

Она видела перед собой и другие лица; перед ее мысленным взором вереницей проходили те, кого она знала в детстве на Бьяркее; эти лица казались ей застывшими, словно вытканными на ее гобеленах. Ей показалось даже, что перед ней мелькнуло на миг лицо ее отца, хотя он и был сожжен, когда ей исполнилось всего три года.

И снова и снова в мыслях ее было море. Море в шторм и в тихую погоду; море в темные зимние ночи и в ясные летние дни; волны, набегающие на берег, шуршание камней, плеск воды, крики птиц... Море всегда жило в глубинах ее души, всегда присутствовало в ее мыслях и снах.

И в ее воспоминаниях жили любимые ею люди, их мысли и все то, чему они ее когда-то научили.

И сознание того, что она носит их всех в себе, хотя все они уже умерли, еще больше наполняло ее покоем, разлитым над морем.

Задремав, Сигрид вскоре проснулась — она не привыкла спать на голых досках. У нее затекли руки и спина, и она повернулась, чтобы лечь поудобнее. И тут она обрадовалась, что проснулась: луна светила ей прямо в лицо, и было опасно спать в лунном свете, не закрыв при этом лица.

Она приподнялась на локте, чтобы взглянуть на Сунниву, спящую рядом. Ее лицо тоже было освещено лунным светом. Но Сигрид некоторое время лежала и смотрела на дочь.

В бледном свете луны ее красивое лицо казалось белым, как полотно. Рот ее был приоткрыт, а густые и темные ресницы бросали на щеки тень, от чего казались еще длиннее.

И брови ее были черными, словно нарисованными углем.

«Смутлянка, — подумала Сигрид, лежа и глядя на дочь. — Да будет судьба ее удачнее, чем была у Торбьёрг Смуглянки, любившей Тормода и потерявшей его — скальда, получившего прозвище в честь нее — Тормод Скальд Черных Бровей!»

Сигрид беспокоилась за судьбу дочери.

В свои десять лет Суннива была такой красивой, что все только и говорили об этом. Она была высокой для своего возраста и хорошо сложенной, с большими темными глазами, от взгляда которых таяло сердце того человека, от которого девочка хотела что-то получить, и глаза ее могли сверкать безудержным весельем. Темные, густые и блестящие волосы доходили ей почти до пояса.

И девочка прекрасно знала, какую власть дает ей красота.

И Сигрид — которая в свое время изо всех сил старалась наладить отношения между Кальвом и дочерью — нередко сетовала теперь на то, с какой легкостью он пал к маленьким ножкам Суннивы. Сигрид даже испугалась своего гнева, когда поняла это.

Но Сигрид напугала не только собственная вспыльчивость по отношению к дочери; ее испугало и то, что ее любовь к Сунниве готова была вспыхнуть опасным, жарким пламенем.

И, видя ее лежащей с закрытыми глазами, притененными ресницами, с белым в лунном свете лицом, она вдруг подумала, что девочка похожа на мертвую; на миг ей показалось, что ее необузданные, переменчивые чувства по отношению к этому ребенку могут убить ее.

Она вздрогнула и чуть не закричала. Но тут же попыталась мыслить ясно.

Перед тем, как накрыть лицо Суннивы, она наклонилась и поцеловала ее в лоб. При этом она упрекала себя за свои мысли. Вздыхнув, она снова легла.

И снова в ее мысли ворвались звуки моря и ветра; эти звуки убаюкивали ее, а корабль, скрипя снастями, шел вперед и вперед.

И, уже засыпая, она почувствовала, что звуки становятся громче, а качка на корабле — сильнее.

Она проснулась оттого, что ее отбросило к одному из шпангоутов. И почти в тот же момент она услышала хныканье Суннивы.

И в самый последний момент успела подхватить дочь, которая чуть было не упала за борт. Это было нелегко, потому что правой рукой она держала девочку, а левой держалась сама.

Уже светало. Плеск и журчание воды перешли теперь в грохот волн. Волны угрожающе вздымались, сталкиваясь пенными гребнями, словно разъяренные драконы. И все предметы, не закрепленные прочно, соскальзывали на подветренную сторону, где они перекатывались и гремели.

Большинство мужчин были уже на ногах; Сигрид увидела, что Кальв стоит у руля. И она тревожно огляделась по сторонам, ища глазами корабль Тронда. И как только их драккар приподняло на гребне волны, она увидела неподалеку и другой корабль. Он шел на полупущенных парусах, и она успокаивала себя тем, что на корабле были опытные люди. Взглянув на свой парус, она заметила, что он тоже приспущен.

Суннива была бледной и едва сдерживала слезы, стиснув зубы. Сигрид тоже чувствовала себя неважно.

Она попыталась разбудить Гюду дочь Халльдора, служанку, которая в свое время уехала с ней с Бьяркея в Трондхейм. Но Гюда спала на корабле так же крепко, как и в своей постели в Эгга. Лежа на подветренной стороне, она перекатывалась из стороны в сторону из-за корабельной качки. Рот ее был открыт, и челюсть двигалась туда-сюда; вопреки всему, Сигрид рассмеялась. Но тут Сунниву вырвало, и ей пришлось переключить свое внимание на девочку.

В конце концов ей все же удалось разбудить Гюду. Оставив Сунниву на ее попечение, Сигрид пошла на корму к Кальву.

И, став рядом с ним спиной к мачте, она почувствовала, насколько море опасно и грозно.

Но Кальв был спокоен, как скала.

— Опасно? — сказал он, когда она спросила его об этом, и рассмехался: — Оно становится опасным тогда, когда убираются паруса и корабль отдается во власть волнам. Но, я думаю, на этот раз нам этого делать не придется.

Внимательно посмотрев на его лицо, она вдруг поняла, что ему доставляет удовольствие помериться силами с морем и ветром.

— Ты наверняка хочешь, что ветер был покрепче, — сказала она.

Он повернулся к ней на миг.

— Возможно, — сказал он, — пока мы не убрали парус. Но откуда ты это знаешь?

Его взгляд тут же перескочил на вспенившуюся волну, которую он хотел обойти. И Сигрид, наблюдая за этим, поняла, что он заранее знает, где вздыбится следующая волна. Наблюдая за движением корабля, она почувствовала себя лучше.

Но на его вопрос она так и не ответила; она просто повернулась к нему и стала смотреть, как он стоит за рулем, подставив лицо ветру.

Вот всем его облике чувствовалась властность; теперь он был хёвдингом.

Хёвдингом, которому больше нечем было управлять, мысленно добавила она. И этот Кальв, так гордо и свободно состязавшийся с морем, еще вчера рыдал у нее на коленях, словно ребенок.

Начался дождь, быстро перешедший в ливень. Сигрид стала искать убежище, но места на корабле было мало: все было забито домашней утварью и прочими вещами из Эгга. Кальв взял несколько лошадей, стоявших теперь связанными в носовой части корабля.

В конце концов она устроилась на носу под поперечными досками настила; Суннива сидела на корточках рядом с ней, бледная и дрожащая от холода. Вскоре и Сигрид тоже начала стучать зубами, промокнув насквозь. Она с удивлением смотрела на мужчин, не обращающих внимания ни на сырость, ни на холод. И вспомнила, как еще девчонкой завидовала мужчинам в их свободе покидать дом.

«Свобода, — подумала она, — свобода мерзнуть, голодать, бороться...» И Суннива удивленно посмотрела на нее, когда Сигрид горячо прижала ее к себе.

— Слава Богу, что ты женщина! — прошептала она.

Ветер утих, когда корабли подошли к Хьялтланду. Это было в полдень третьего дня после того, как они оставили норвежский берег.

Показались скалистые острова, и по мере приближения кораблей к берегу, Сигрид стал различать фьорды и долины.

Теперь она чувствовала себя лучше; ее радовал вид островов и моря.

После того как прекратился дождь и улегся ветер, она переоделась в сухую одежду, хотя ей это и пришлось делать на виду у мужчин, в отсутствии укромного уголка.

Но Кальв только рассмеялся, когда она пожаловалась ему на это.

— Ты просто избалована, — сказал он. — Ты думаешь, как живет большинство людей?

Сигрид содрогнулась при мысли о том, что большинство людей привыкло спать в больших залах; и только у некоторых были свои закрытые спальни.

Внезапно Кальв взял ее за плечи, глаза его сверкали.

— Что ты скажешь, если я повалю тебя на дно и возьму на глазах у всех? — спросил он.

Она невольно отшатнулась от него.

— Я скажу, что ты просто рехнулся! Ты просто выставишь нас обоих на смех, ведь я уже старая...

Он захохотал.

— Не такая уж ты и старая, — сказал он. — Если бы я сделал это, тебе следовало бы гордиться мной, а не злиться.

Она покачала головой.

— Не понимаю, что на тебя нашло, Кальв, — сказала она. При этом она не осмеливалась смотреть ему в глаза.

Он отпустил ее, и она, идя по кораблю, все еще качала головой. Она была смущена; смущена поведением Кальва и своими собственными мыслями.

На следующий день они увидели Оркнейские острова. И Сигрид была разочарована.

Если Хьяльтланд привлекал взор своими фьордами и горами, то на этих островах были только низкие, иссушенные ветром холмы.

Они плыли на юг вдоль берега; Кальв указывал пальцем на острова и называл их по порядку: остров Ринанс, остров Санд, остров Стрьон и, наконец, самый большой, остров Росс.

Повернув к западу и идя против ветра, они свернули на мачте парус; мужчины взялись за весла. Проходя через пролив, южнее Росса, они проплыли между двух маленьких островков; Кальв сказал, что пролив этот называется Холмесундом; пролив заканчивался широкой бухтой. Они продолжали плыть по северной стороне бухты, направляясь к маленькой бухточке, лежащей вблизи мыса, где берег снова поворачивал к северу. Кальв сказал, что мыс этот называется Эрфьера.

— Посмотрим, дома ли ярл, — сказал он, — или же он в Катанесе.

— Где находится Катанес? — спросила Сигрид.

Кальв указал на юг в сторону островов.

— Это самая северная точка Шотландии, — сказал он. — Торфинн ярл унаследовал эту землю от деда по матери; у него есть земли и на западном берегу Шотландии, и еще он владеет Судерскими островами.

— А это острова Рёгнвалд и Хо, — сказал он, указывая на самые крупные острова, лежащие между их кораблем и шотландским берегом.

Взгляд Сигрид переходил с одного острова на другой. И все они казались ей низкими, иссушенными ветром и пустынными; человек, стоящий на таком острове в полный рост, должен был казаться не ниже надгробного камня. Один только остров Хо возвышался над бухтой, напоминая огромного морского тролля, высунувшего голову и плечи из воды.

Когда они подошли к берегу, на пристань вышли вооруженные люди, чтобы узнать, с мирными ли намерениями они прибыли. Кальв послал на берег лодку с известием о том, кто он и зачем прибыл. Вскоре со двора вышел сам ярл и спустился вниз, чтобы встретить их.

Был прилив, и Кальв подогнал корабль к самому берегу. После этого он сошел на берег сам и перенес Сигрид.

На борту корабля послышались шутки и смех по поводу того, кому из мужчин какую женщину нести. Наконец, с визгами девушек и грубыми шутками парней, дело было сделано; все были на берегу, и корабль втащили на сушу.

Корабль Тронда тоже подошел к пристани и был вытасчен на берег во время отлива.

Кальв и Сигрид поздоровались с ярлом; она с облегчением вздохнула, видя, что он радушно принимает их.

Но Сигрид редко видела в своей жизни таких безобразных мужчин, как Торфинн ярл. Его нос напоминал клюв, к тому же он был еще кривым, и даже когда он улыбался, то так кривил рот, что получалась просто ухмылка. Он был высок, с огромными руками и ногами; его руки казались в полтора раза длиннее, чем у других людей; и Сигрид подумала, что такие руки хорошо служат ему, когда держат меч.

Оставив на корабле стражу, Кальв вместе с Сигрид последовали за Торфинном во двор; Тронд и Суннива тоже были с ними.

Пока они поднимались наверх, Сигрид смотрела по сторонам. Вокруг была пышная зелень, но сколько она не присматривалась, она не могла заметить ни одного дерева.

Усадьба находилась над обрывом, откуда открывался вид на пролив и острова. На обеих сторонах холма зеленели поля. Большинство домов были низкими; благодаря торфяным стенам и крышам, дома вливались в единое целое с окружающим пейзажем. В усадьбе был внешний и внутренний двор; внутренний двор был окружен маленькими домами, в которых, как решила Сигрид, жили рабы.

Они вошли в большой зал: сначала ярл, за ним Кальв и Тронд, а потом уже Сигрид и Суннива.

Навстречу им вышла фру Ингебьёрг; с сияющей улыбкой она протянула руку Сигрид. «Она совсем ребенок», — подумала Сигрид. Ингебьёрг было восемнадцать, но Сигрид она показалась моложе, и рядом с Торфинном ярлом, которому было уже под сорок, она выглядела совсем юной.

И тут Сигрид вспомнила, что ей самой было всего лишь пятнадцать лет, когда она в качестве хозяйки прибыла в Эгга. И тем не менее она была уязвлена тем, что Тора не сразу отдала ей все ключи.

Рядом с безобразным, угловатым Торфинном Ингебьёрг, с ее мягкой застенчивостью, казалась Сигрид зачарованной троллем девой.

И когда Сигрид услышала, как Ингебьёрг путается в словах и заикается, приветствуя их, ей показалось, что что-то здесь не так. Сильнее всего она заикалась, когда очередь дошла до Тронда.

В Аустроте она казалась Сигрид уверенной и радостной, теперь же все это с нее как водой смыло.

И когда поздно вечером Сигрид улеглась в постель, ей все еще казалось, что пол под ней качается. Заперев дверь на засов, Кальв лег рядом с ней; тяжело вздохнув, он сказал:

— Пора привыкать чувствовать себя здесь, как дома, Сигрид. Мы построим себе здесь дом.

— Как дома? — вырвалось у Сигрид. Закрыв глаза, она мысленно представила себе иссушенные ветром склоны, на которых не было ни одного деревца.

— Если ты отправилась со мной в изгнание, ты должна чувствовать себя дома там, где и я. Я заключил договор с ярлом. Я буду работать на его поле, а он даст мне за это скотину; корм на зиму я куплю у него. Завтра его и мои люди начинают строить дом.

Некоторое время они лежали молча, потом она взяла его за руку.

— Кальв, — прошептала она, — а ты можешь чувствовать себя здесь как дома?

Но он отдернул руку.

— Я не собираюсь обременять себя такими мыслями, — сказал он. — Я думаю о том, как лучше провести здесь время; я намерен ходить под парусом, участвовать в состязаниях, ходить с викингами в набеги, а может быть, служить Торфинну или какому-нибудь другому хёвдингу, и не думать о бесполезных вещах.

Он пожелал ей спокойной ночи, и оба замолчали.

Но Кальв, обычно так легко засыпавший, лежал без сна в эту ночь.

Он сердился на Сигрид; спрашивать его, может ли он чувствовать себя здесь дома, словно он был каким-то нахлебником, не умеющим устраиваться за пределами Эгга!

И он злился на самого себя; главным образом из-за того, что не сдержался перед отъездом из Норвегии. При одной только мысли о том, что может подумать о нем Сигрид, его бросало то в жар, то в холод. К тому же его смущало еще и то, что он так хвастливо и глупо вел себя с ней борту корабля. Как мальчишка!

Да и теперь он хорохорился перед ней.

Но что сделано, то сделано, прошлое не воротишь. А морское путешествие хорошо подействовало на него; для него было облегчением попробовать свои силы в том, что он знал и умел, вместо того,

чтобы соперничать с таким скользким и непорядочным противником, как Эйнар Тамбарскьелве. Если бы только он мог вступить с ним в открытый поединок, он показал бы ему, как поступают люди, когда их оскорбляют!

Хотя он и не признавался в этом Сигрид, его преследовала мысль о том, что он проиграл; сделал ставку и потерял все. Он испытывал дикую, отчаянную жажду мести как по отношению к Эйнару, так и по отношению к судьбе, и эту жажду мести он ничем не мог утолить. И он чувствовал себя безнадежно одиноким, будучи не в состоянии с кем-то говорить об этом; мужчина должен принимать поражение без жалоб, сохранять спокойствие как в случае удачи, так и в случае поражения.

Но, прислушиваясь к дыханию спящей рядом с ним Сигрид, он все же думал, что ему следует рассказать ей, как обстоят дела в действительности. И вполне возможно, что она поймет его; ведь поняла же она, что он чувствовал во время непогоды на борту корабля, хотя он и не говорил ей об этом.

И чем больше он думал об этом, тем больше он был уверен в том, что она поймет его. И даже когда он сорвался, чего не было с ним с самого детства, она не посмеялась над ним, Она принялась утешать его, стараясь сделать все, чтобы помочь ему.

Вот такой была и его мать... Он вспомнил, как еще мальчишкой, он старался стать таким, чтобы его отец гордился им. Случалось, он плакал горькими слезами из-за того, что рожден был, чтобы стать хёвдингом, что отец хочет, чтобы он было более способным и толковым, чем другие мальчишки.

Он лежал, повернувшись спиной к Сигрид; но теперь он развернулся к ней лицом. Она тоже задвигалась, из чего явствовало, что она не спала. И он вытянул вперед руку и коснулся ее в темноте.

И когда он овладел ею, все было не так, как он себе это представлял. Он искал пристанища в ее объятиях, искал убежища и мира, как ищут себе укрытия морские птицы перед штормом.

Вскоре после этого, когда был построен уже большой зал, Кальв упал с конька крыши и чуть не разбился до смерти.

Сигрид г. : знала, зачем он туда полез и почему был так неосторожен; ей казалось, что за всем этим стоит какое-то колдовство.

Без сознания он был перенесен во двор ярла. И ему не помогали ни заклинания, ни руны, ни молитвы.

И, сидя на скамье и глядя на его белое лицо с текущей по вискам кровью, она чувствовала страх и беспомощность.

Что, если Кальв сейчас умрет, осужденный на вечное проклятие?

К нему уже приходил священник и причащал его. Но что знал о Кальве этот чужой, ирландский священник в белой рясе? А Кальв лежал бледный и недвижимый, не в состоянии исповедоваться в своих грехах.

Энунд сказал, что самым тяжким грехом является неверие в милость Бога; и разве Кальв когда-нибудь верил в милость и милосердие Господа? И что он вообще знал о грехе и покаянии?.. Он говорил, что Бог мстителен. Исповедуясь, он считал своими грехами только нарушение церковных правил относительно поста и посещения службы. И даже признав себя виновным в грабеже церкви, он сделал это в силу необходимости, а потом сожалел о том, что не оставил при себе награбленные вещи.

У Сигрид было теперь такое чувство вины, какого она не знала с рождения Суннивы. Это она привела Кальв к несчастью, посеяла вражду между ним и королем Олавом, и на не сделала ни единой чистосердечной попытки помочь ему разобраться в христианстве!

О своей вине она думала часто, о его вине — только в случае раздражения. И, поняв теперь это, она решила, что он сам должен разобраться во всем и раскаяться. Ей показалось, что основой его вины является то, что он не верил в милосердие Божье; он считал, что, стоит ему пройти через небесные врата, как ему предъявят счет за все. Вот почему он не испытал на себе милости Божьей, встречая лишь неудачи и несчастья, которые считал Божьей мстью, вместо того, чтобы рассматривать их в качестве отеческого Божественного воспитания, не понимая необходимости покаяния. И даже возможность полного искупления вины, появившаяся у него с приезда конунга Магнуса, он отвергал в своей гордыне.

Упав на колени, Сигрид стала молить Бога о том, чтобы Он дал Кальву выжить и спасти свою душу. Она дала все мыслимые обещания, чтобы только Бог выслушал ее мольбу. Но Бог, казалось, не слышал ее; она чувствовала, что Он отвергает все ее жертвы; и Кальв продолжал лежать неподвижно. Она уже не знала, что ей делать.

И тут она вспомнила слова Энунда о том, что ей не следует печалиться из-за того, что ее прогоняют из Эгга. Вот в чем ее вина, мелькнула у нее мысль; вот почему Бог не хотел слушать ее. Помедлив, она закрыла глаза и шепотом произнесла свое обещание:

— Я забуду про Эгга, Господи, если Ты только даруешь Кальву жизнь; я научусь любить остров Росс!

И после этого она почувствовала мир в душе. И даже если Кальв продолжал быть бледным и неподвижным, она знала теперь, что он придет в себя.

Кальв выздоравливал, хотя и очень медленно. Почти двое суток он был без сознания, и, когда, наконец, пришел в себя, оказалось, что его ранение требует длительного лечения.

Сигрид часто сидела и разговаривала с ним; она рассказала ему, о чем думала, считая, что он умирает. Сначала он почти не отвечал ей. Она же думала, что его молчание доказывает ее правоту; и она очень удивилась, когда он однажды попросил ее прекратить это брюзжание по поводу вины и покаяния.

— Тебе кажется, я мало страдал? — спросил он.

— Я хочу только помочь тебе, — ответила она.

— Хороша помощь, морочишь голову больному человеку! И я не понимаю, что заставляет тебя думать, что ты лучше священника; если со мной все так плохо, как ты говоришь, то в изгнании наверняка будет лучше. Я был христианином в своем собственном понимании более двадцати лет и не вижу причин, чтобы теперь менять свои взгляды.

Но Сигрид не сдавалась; она твердо решила еще вернуться к этому.

В ИЗГНАНИИ

Густой туман лежал над Оркнейскими островами, вплотную подбираясь к домам. И когда дверь открывалась и кто-то входил, в дом проникала холодная сырость.

Сигрид сидела в зале перед очагом и прядла. Торф горел ровно, давая ей тепло и свет, необходимые в такой холодный летний день.

Она прожила на Россе уже шесть лет.

Она привыкла к постоянным туманам; привыкла к тому, что почти каждый день шел дождь, нередко со снегом.

Привыкла к зимним штормам, когда над островом повисали ключья морской пены; когда вой ветра напоминал бесконечный, безумный крик.

Но она знала также, какими бывают острова в солнечный день, с кружащимися в воздухе чайками и крачками, отливающими на солнце белизной, со сверкающей под солнцем бухтой и теплым ветром, шелестящим густой травой.

Она объехала верхом и исходила пешком весь остров Росс; посетила Киркьювог и Сандвик. И она видела огромные надгробные камни, которые в давние времена, еще до прихода норвежцев, поставили великаны или люди на Мысе камней.

На западном побережье островов Росс и Хо она видела, как море бьется о крутые утесы; видела, как отвесные

скалы на острове Хо угрожающе нависают над водой, а стоящий чуть поодаль одинокий утес, похожий на палец великана, угрожающе указывает на небо.

День за днем она наблюдала приливы и отливы; видела, как покрывается пенными волнами Петтландский фьорд, когда внезапно налетает шторм.

Она наблюдала за птицами, многих из которых знала с детства, и среди них был смешной норвежский кречет, ходивший вперевалку и не умеющий летать, с белыми пятнами над большими, удивленными глазами.

Она бывала и на других островах, кроме Росса, забиралась на вершины острова Хо в ясный солнечный день и оттуда смотрела на острова, большие и маленькие, которым не было числа, простиравшимся на север до самого горизонта. А на юге она видела Шотландию, с ее горами и долинами. Она была на острове Хо у волшебного камня — огромный валун с выдолбленным в нем отверстием, куда можно было заходить.

Вместе с Кальвом она была на острове Лилле Пап, чтобы купить у монахов еду.

В конце концов Сигрид стала чувствовать себя как дома на острове Росс. Но далось ей это нелегко; день за днем, месяц за месяцем принуждала она себя любить этот остров, гнала прочь воспоминания и тоску.

Но по ночам, бывало, просыпалась со вздохом тоски и слезами на глазах, которые ничем не могла унять, пока сновиденье не улетало прочь, словно солнечный мираж усадьбы Эгга со стройными стволами сосен...

И когда это случалось, она всегда начинала думать о море. Ведь это море связывало ее детство с настоящим, делало ее жизнь на острове Росс сносной.

В эти годы Сигрид увидела не только Оркнейские острова. Кальв брал ее во многие свои поездки.

Он брал ее с собой на Судерские острова, вздымавшиеся зеленым массивом над серо-зеленым морем, под серыми небесами. И она плавала на юг, от Судерских островов к морю, а потом вдоль шотландского побережья, до самого Икольмкилля; так они высалились в ясный солнечный день.

Там она познакомилась с Сигтрюггом Шелковой Бородой, который раньше был королем Дублина, а потом стал монахом. Сидя у его ног, она слушала рассказ о его жизни; о том, как в конце концов судьба привела его в этот почетный монастырь, который так часто грабили викинги. Сигтрюгг восседал на камне под большим каменным крестом, стоящим перед монастырской церковью. Украшенный вырубленным цветочным орнаментом, крест возвышался над ним, а Сигрид сидела на лужайке, среди одуванчиков.

Но Сигтрюгг сказал ей, что она видит крест с обратной стороны; на другой его стороне были вырублены в камне картины. Там были изображения девы Марии, Даниила со львами, царя Саула и царя Давида.

Сигрид кивнула: она знала, кто такие Даниил, Саул и Давид; в зимние вечера, сидя в зале, священники рассказывали о них легенды. И люди слушали, широко раскрыв глаза и прося рассказать еще. Это были новые саги с новыми героями, более захватывающие, чем старые саги, которые уже всем надоели.

Но, с другой стороны, она была рада тому, что перед ней была «цветочная» сторона креста.

И Сигрид рассказала этому монаху с добрыми глазами о своей жизни и печалях. Он слушал, время от времени кивал и улыбался.

— Ты печалишься больше, чем нужно, — сказал он, когда она, наконец, замолчала. — Тебе не следует так жестоко подавлять свою тоску и скорбь, ты должна дать им волю. Печаль, словно стрела: ты только поранишься, пытаясь остановить ее в воздухе на лету. Но если ты дашь ей следовать своим путем, она в конце концов упадет на землю, не причинив тебе вреда. Когда-нибудь ты увидишь во всем этом смысл — возможно, в этой жизни, а возможно, в следующей. И когда ты поймешь это, ты будешь благодарить Бога. Ты не должна думать, что что-то в жизни происходит без всякой причины; Господь сказал, что ни одна пташка не падет на землю без Его воли.

Сигрид сидела молча; она не понимала его. Священник Энунд говорил, что печаль — это грех; без всякой скорби должен человек отдаваться в руки Господа, благодарить его за поражение так же, как и за победу. Разве она не должна поэтому подавлять в себе тоску и горечь?

— Мне кажется, в твоих словах мало смысла, — продолжал он. — Жизнь святого бросает свой отсвет на все окружающее; при этом ошибки людей становятся видимыми для всех. Те же, кто отворачивается от святого, совершает еще более грубые ошибки и выставляет себя на всеобщее посмешище. Но святым человек становится лишь тогда, когда рука Господа обтесывает его жизнь неудачами и печалью, подобно тому, как из дикого камня вырубается крест. Препятствия в жизни святого — это резец в руках Господа. Ты не должна бояться того, что люди отвернутся от тебя. Господь оберегает тебя; да, я думаю, что Бог прежде всего простирает свою руку над теми, кого Он берет к себе в услужение.

Сигрид показалось, что часть своей горечи она оставила на Икольмкилле. Но она чувствовала, что в ней еще достаточно горечи, тоски и надменности, готовых взять над ней власть.

Сигрид побывала с Кальвом также и в Англии, в Уинтоне и в Лондоне; одно время Кальв был хёвдингом дружины английского короля Эдуарда.

Сигрид казалось странным, почти невыносимым оказаться в большом городе, о котором она столько слышала, но попасть в который даже не мечтала. И у нее просто захватило дух от толкотни и суеты. Она немела при виде роскоши королевского двора, больших каменных зданий, замков и церквей. И она обрадовалась, когда они вернулись обратно на остров Росс.

Кальв не терял времени все эти годы; викингом он тоже был.

Сигрид пыталась объяснить ему, какой это великий грех, быть викингом, говорила ему о его вине. Но он не желал слушать ее, когда она заводила речь о христианстве; он говорил лишь, что если он оставляет ее в покое, то и она должна оставить в покое его. Тем не менее, ее решимость сделать из Кальва более ревностного христианина постоянно укреплялась, в особенности во время их пребывания в Англии.

При дворе короля Эдуарда было много священников; да и сам король был смиренным, почти святым человеком, и Сигрид была сражена его благоговением перед Христом.

Но ее новые усилия по перевоспитанию Кальва принесли ей лишь разочарования; чем активнее становилась она, тем упрямее

был он. И когда она сказала, что не следует обижаться на короля Магнуса, он пришел в ярость — в такую ярость, что она впредь не осмелилась больше заикаться об этом.

Неприязнь Кальва к королю Магнусу и его сторонникам не знала границ, в особенности после того, как из Норвегии пришло известие о том, что конунг присвоил себе Эгга и прочие владения Кальва.

Сигрид сказала, что этого и следовало ожидать. Но Кальв ответил, что совсем другое дело — знать наверняка, что чужие люди распоряжаются всем твоим добром.

И Кальв был не единственным, кто заметил мстительность короля. Финн Арнисон, гостивший у них год спустя после их переселения на остров, рассказывал, что король круто обошелся со всеми, кто выступал в свое время против короля Олава. У многих он отнял собственность или зарубил скот; малейший проступок сопровождался тяжелыми штрафами или телесными наказаниями, многие покинули страну. Даже вдовы и дети тех, кто пал в битве на стороне бондов, изгонялись из своих домов. В конце концов положение в стране стало таким тяжелым, что возникла опасность бунта.

Некоторые из ближайших друзей конунга Олава решили обратиться к Магнусу и сказать, что, если молодой король хочет сохранить страну, он должен прекратить расправы. Они тянули жребий, кому рисковать жизнью и идти говорить с королем, и жребий пал на Сигвата Скальда.

И Сигват сочинил песнь для конунга Магнуса; он сказал ему напрямик о том, куда может привести жажда мести. И Магнус выслушал скальда, который был самым близким другом его отца. Он понял, что тот хочет ему добра, и последовал его совету.

Финн рассказывал также о своей дочери, появившейся на свет вскоре после посещения Кальвом и Сигрид их дома в Аустроте, еще во время правления короля Свейна. Он назвал ее в честь Сигрид. И он сказал, что она вполне оправдывает свое имя: такая же вспыльчивая и своевольная. Но, говоря об этом, он смеялся.

И перед тем, как отправиться домой, он сказал Кальву, что сделает все, что будет в его силах, чтобы обеспечить им безбедное существование; дружба между братьями перевесила прежнюю вражду.

Одно время Кальв надеялся, что его позовут обратно в Норвегию. И его горечь стала еще больше, когда этого не произошло.

Сигрид по-прежнему сидела у очага в зале. Она сидела, сложив на коленях руки, забыв про свою пряжу.

Мысли ее занимали события последнего времени.

Весной Кальв вернулся из Англии; теперь ему предстояло управлять Судерскими островами по поручению Торфинна ярла, как он это делал в первое время после приезда из Норвегии.

Но этой весной между ним и ярлом возникли разногласия.

Кальв привел с собой несколько кораблей и множество вооруженных людей и не желал отсылать их обратно. Это были храбрые и воинственные парни; и он сказал, что собрал их для того, чтобы вместе с Торфинном отправиться летом к ирландскому побережью и в Шотландию.

Они только и говорили, что об этом; Торфинн считал, что людей слишком много, чтобы кормить их круглый год. Ему не хотелось бы нарушать законы гостеприимства, но если поход окажется неудачным, ему придется позаботиться о пропитании всей дружины. А это, по его мнению, слишком дорого.

Кальв согласился, что это будет недешево.

— Но может быть, для сны твоего брата, Рёгнвальда Брусасона, которому принадлежит две трети Оркнейских островов и Хьялтланд, будет не трудно содержать эту дружину, — сказал он.

Торфинн поддержал его. Нередко, будучи подвыпившим, он жаловался, что сыну его брата принадлежит больше, чем положено ему в качестве отцовского наследства; по мнению Торфинна, тот имел право только на третью часть островов или, в крайнем случае, на половину.

Он завладел лишней землей потому, что Олав Харальдссон в свое время с помощью измены и хитрости отобрал третью часть собственности ярла, принадлежавшей тогда Эйнару Ворчуну, брату Торфинна, одновременно являвшемуся дядей Рёгнвальда. И со временем, вернувшись в Норвегию, Магнус потребовал третью часть островов в качестве отцовского наследства; и теперь он передал острова в собственность Рёгнвальда, своего сводного брата и верного друга.

Об этом говорили Кальв и Торфинн всю весну и в начале лета. И Торфинну было явно по душе, когда Кальв говорили что-нибудь плохое о сыне его брата.

И у Кальва никогда не пропадало желание настраивать ярла против одного из друзей конунга Магнуса.

Сигрид сняла намотанную пряжу, закрепила новую порцию шерсти и стала пряхть дальше, время от времени тяжело вздыхая. На этот раз она тоже пыталась поговорить с Кальвом напрямую; она сказала ему, как дурно сеять вражду между родичами. К тому же она видела, что он отослал куда-то свою дружину; ей совсем не нравилось, что он снова собирается стать викингом.

То, что он задумал, никому не приносило пользы, это настраивало ярлов друг против друга.

Торфинн послал известие Рёгнвальду и потребовал две трети островов; при этом он заявил, что Рёгнвальд слишком долго владеет тем, на что не имеет никаких прав. И Рёгнвальд, которые не мог в одиночку противостоять Торфинну, отправился в Норвегию, за помощью к королю Магнусу.

Обратно он вернулся с большим флотом; он тоже объявил военный поход на принадлежавшей ему части островов. А Торфинн ярл собрал флот в своих владениях.

Насколько было известно Сигрид, оба флота находились теперь в Петтландском фьорде, наблюдая друг за другом и ожидая, когда спадет туман.

Руки у Сигрид снова опустились, и она сидела, уставившись на ровное торфяное пламя.

Ей казалось, что прошлое поднимается над ней, словно мертвец из могилы, охваченный огнем и дымом пожарищ. Ведь еще до начала сражения произошло нечто, что имело для нее значение куда большее, чем победы и поражения.

За день до этого во двор пришел один из людей Рёгнвальда. Он принес письмо Кальву от конунга Магнуса. Она видела, как дрожали руки Кальва, когда он ломал печать.

— Он предлагает мне свою дружбу, — сказал он, прочитав письмо. — Он вернет мне Эгга, все мое добро и все мои права, если я поддержу Рёгнвальда и выступлю против Торфинна.

Сигрид не знала, что ответить, и больше они об этом не говорили.

На следующий день, рано утром, Кальв был уже на ногах и вместе с Трондом вывел в туман свою дружину: шесть больших драккаров,

готовых к бою. Сигрид знала, что Торфинн ярл ожидал его в Петландском фьорде, но ей было неизвестно, к кому примкнет Кальв.

Мысль об Эгга, о событиях и людях, принадлежащих какой-то иной жизни, всплывала в ее памяти, принося ощущение почти безысходной боли, несмотря на все ее попытки приглушить ее. Это напоминало скрытый под кожей нарыв, который вдруг прорвался на месте прежней раны. Если бы они только могли вернуться в Эгга...

А что, если Кальв поддержит Торфинна и они будут разбиты? Тогда им придется уезжать отсюда, плыть дальше, она сама не знала куда. Возможно, в Катанес, а, может быть, в Англию...

Перед отплытием Кальв попросил ее держать один корабль готовым к плаванию, если вдруг понадобится бежать.

Долго ли она сидела так, глядя в огонь, она не знала.

— Мама, разве ты не слышишь, что Кетиль зовет тебя? — услышала она нетерпеливый и слегка сердитый голос Суннивы.

Она медленно повернулась.

Кетиль Тордссон был самым преданным Кальву человеком во дворе; он был одним из тех, кто прибыл с ним из Эгга.

— В чем дело, Кетиль? — спросила она.

— Туман рассеивается, ты просила сообщить тебе об этом.

— Спасибо, Кетиль, — ответила она. Она встала с табуретки. Чувствуя, что устала, она вздохнула, подвигала плечами, чтобы снять напряжение, отложила в сторону пряжу. Накинув на плечи шаль, направилась к двери.

Выйдя наружу, она оглянулась; Суннива вышла вслед за ней.

— Накинь шаль, — сказала она, видя, что дочь вышла раздетая.

— Но, мама!.. — ответила Суннива, укоризненно глядя на нее. — Теперь ведь середина лета...

Сигрид снова вздохнула. Ей не хотелось в такой день заводить с дочерью споры по пустякам; она промолчала, и они вместе стали подниматься на холм, расположенный за усадьбой.

Суннива стала от нее отдаляться.

Она помнила, с чего все это началось; это было в лунную ночь на борту корабля, когда они плыли из Норвегии и она подумала, что ее дочь умерла.

В тот раз она так напугалась — напугалась за себя. И после этого она выстроила стену между собой и Суннивой, приглушая в себе как

любовь, так и ненависть по отношению к ней. И в то же самое время она тосковала о ее любви, надеясь, что эта девочка, настолько похожая на Сигвата, будет любить свою мать.

Но надежда эта была напрасной; что бы она не говорила и что бы не делала, дочь воспринимала это плохо.

То, что сказал Кетиль, оказалось правдой: туман начал рассеиваться. Подул ветер, в облаке тумана появился просвет, через который уже пробивалось солнце.

Один из другим из тумана выныривали острова; остров Флат, остров Рёгнвальд и, наконец, остров Хо со своей круглой вершиной. И ей казалось, что она различает вдаль корабль, в проливе между островами Флат и Рёгнвальд. Но расстояние было слишком велико, и она не была уверена в этом.

Вздыхнув, она села на влажную траву. Но Суннива укоризненно посмотрела на нее.

— Ты боялась, что я замерзну, — сказала она, — а сама не боишься, что промокнешь!

Сигрид взглянула на дочь; даже в ее осанке было что-то упрямое. И она снова встала.

— Послушай, Суннива, — сказала она, — тебе не следует вмешиваться в мои дела.

— Ты сама вмешиваешься в мои дела, а стоит мне сказать слово, как ты сердишься...

Девочка с оскорбленным видом поджала губы.

Внезапно Сигрид решила, что с нее хватит: мысль о муже и сыне, находящихся в Петтландском фьорде, воспоминания о времени, проведенном в Эгга, тревога за будущее, а тут еще эта дерзкая девчонка!

И она влепила дочери пощечину.

Суннива даже не вскрикнула, но рука ее тут же прикрыла покрасневшее от удара место.

Она молчала, но в глазах у нее горел огонь.

И тут Сигрид решила, наконец, выложить ей то, что давно накопело у нее на душе. Однако Сунниву не так-то легко было ввести из себя.

— Если я хоть еще раз застаю тебя наедине с этим нищим исландцем, ты получишь больше; мне придется поговорить об этом с твоим отцом!

— Ты не осмелишься сказать об этом отцу! — сказала Суннива, и ее черные глаза насмешливо сверкнули. — Если бы осмелилась, ты бы сделал это гораздо раньше.

— Почему я не могу осмелиться? — спросила Сигрид, кусая губу. В самом деле, она не решалась рассказать Кальву о Сунниве, тем более, что речь шла об исландце.

— Откуда мне знать, какие у тебя на это причины? — сказала Суннива, пожимая плечами. — Я знаю только, что ты не говорила ему об этом. И я не думаю, что ты молчишь ради меня.

— Ради чего же? — спросила Сигрид, ухватившись за спасительную мысль.

— Ты занята лишь своим ткачеством и тем, что вмешиваешься в чужие дела, — язвительно произнесла Суннива, — и еще ходишь в церковь и стараешься убедить священников в том, что ты святая!

— Суннива!

— Ударь еще, если хочешь! — сказала Суннива, подставляя ей щеку. Но Сигрид не ударила ее. Она просто стояла и смотрела на девочку; она была ослепительно красива.

Глядя на нее, Сигрид немного успокоилась.

— Если ты сама не понимаешь, что для тебя лучше, я попытаюсь помочь тебе, — сказала она.

— Помочь... — Суннива мотнула головой.

— Что, ты думаешь, я должна делать? — спросила Сигрид. — Позволять тебе позорить себя с человеком, о котором и я, и ты знаем лишь то, что твоей отец взял его сюда из королевской дружины, что он весельчак и умеет играть на гитге?*

— У его отца есть усадьба в Исландии, — дерзко ответила Суннива. — Он сам говорил мне об этом... — последние слова она произнесла уже не так дерзко.

— Откуда ты знаешь, что он говорил правду? Что ты знаешь о нем?

Суннива вдруг расплакалась, губы ее искривились, голос задрожал.

— Его зовут Хоскульд Флосисон, — сказала она. — В Исландии он жил в Свинафелле. Он сказал, что его отец — большой человек в стране, а он — единственный сын.

* Струнный инструмент, предшествующий скрипке-феле.

Она пыталась унять слезы, то и дело моргая, но все-таки плакала. И когда Сигрид обняла ее, она вдруг бросилась матери на шею.

— А если он погибнет в бою? — всхлипнула она, но тут же вырвалась из материнских объятий. — Конечно, тебе очень хотелось бы, чтобы он погиб! — воскликнула она.

Сигрид было трудно это отрицать.

— Все в руках Божьих, — ответила она.

— Опять ты за свои проповеди! — бросила ей в лицо дочь. С этими словами она повернулась и бросилась со всех ног бежать вниз, к усадьбе.

Сигрид медленно пошла следом. Она тяжело дышала; просто невозможно было разговаривать с Суннивой. Ей следовало поговорить об этом деле с Кальвом.

Она снова остановилась и посмотрела в сторону Петтландского фьорда. И ей показалось, что она видит корабль возле острова Рёгнвальд.

К вечеру корабли вернулись домой. Кальв и Торфинн привели с собой большой флот. Не было сомнений в том, что они одержали победу; люди на борту жгли факелы, размахивали руками и кричали.

Сигрид с облегчением вздохнула, увидев, что Кальв не ранен, если не считать царапины на щеке. Тронд тоже сошел на берег без посторонней помощи; туника его была в крови, но он сказал, что это не его кровь.

По виду Кальва нельзя было сказать, что он только что одержал победу. Он был молчалив, на лбу у него пролегли складки. И, войдя в зал, он первым делом вынул из-за пазухи письмо конунга Магнуса и бросил его в огонь.

Кожа постепенно загорелась, сморщилась, все почувствовали запах паленого. Но Кальв стоял неподвижно до тех пор, пока кожа не обуглилась и не превратилась в пепел. После этого он повернулся и направился к почетному сиденью.

Взгляд Сигрид медленно скользил по залу; ее радовало то, что она остается здесь жить, хотя в глубине души она чувствовала разочарование.

На берег было перенесено множество раненых, и Сигрид стала заниматься ими.

Она переходила от одного к другому, осматривала раны, чтобы выяснить, кто в первую очередь нуждается в помощи, заговаривала кровотечение. Она ощупывала раны, проверяя, глубокие ли они, пробовала на вкус кровь, чтобы узнать, не внутреннее ли это кровотечение.

Послали за священником, но он пришел не сразу.

Она старалась делать все как можно быстрее, находя при этом время, чтобы подбодрить раненых. Но, остановившись возле одного тяжело раненого, она замолчала. Потом присела возле него.

Он был в сознании, время от времени стонал и тихо жаловался, когда она осматривала его. Рана была в животе, и она дала ему съесть луковой кашицы, чтобы узнать, нет ли отверстия в кишках.

— Священник пришел? — тихо спросил он.

— Ты хочешь исповедоваться?

Он кивнул.

— Я не знаю, — ответила Сигрид. И она уже подходила к другому, когда он позвал ее.

— Фру Сигрид...

Она повернулась.

— Кроме тебя, мне нужно осматривать еще и других, — сухо ответила она.

— Если мне предстоит умереть, я должен сказать кое-что и... и... — Он застонал, лицо его исказилось от боли.

Сигрид вдруг представила себе другое лицо, искаженное болью, услышала другой голос, с трудом произносящий слова, увидела, как умирающему отказывают в причастии. И, как ей этого не хотелось, она все же повернулась и снова подошла к нему.

— В чем дело? — спросила она.

— Вы видели меня с Вашей дочерью, — прошептал он. — Я завлек ее лживыми обещаниями, сказав, что у моего отца в Исландии есть усадьба, которую я должен унаследовать. И она обещала при первой же возможности бежать со мной. Мне не полагается по наследству никакой усадьбы; она достанется Колбейну, моему брату. А я всего лишь сын любовницы, которому ничего не полагается, и лучшее, что мог сделать для меня мой отец, так это выгодно женить меня.

— Ты женат?

— Нет, но я обручился с ней перед тем, как уехать из Исландии. И мы должны пожениться, как только я вернусь.

— Значит, ты хотел увезти с собой Сунниву в качестве наложницы?

Она искала глазами его взгляд и была удивлена, когда он посмотрел ей прямо в глаза.

— Я не знаю... — сказал он. Это прозвучало скорее как вопрос ей и самому себе.

— Тогда тебе следует понять, что тебе пришлось бы туго, если бы ты увез Сунниву с собой в Исландию в качестве служанки! Кальв обвинил бы тебя в похищении женщины, что не очень-то понравилось бы твоей нареченной и ее родне.

— Вы так думаете? — спросил он. — Вы не должны думать, будто я собирался взять ее себе в служанки, — добавил он.

— О чем же ты думал, Хоскульд? — спросила она.

Немного помолчав, он сказал:

— Я думал, что смогу найти выход.

Сигрид покачала головой.

— Может быть, ты получил от нее больше, чем просто обещание? — спросила она. Он плутовато улыбнулся, хотя его лоб был покрыт крупными каплями пота.

— Один-два поцелуя, — сказал он. — Скажи Сунниве, чтобы она не горевала обо мне. Я этого не заслуживаю.

Лицо его снова исказилось болью.

— Вы можете простить меня, фру Сигрид? — еле слышно произнес он.

— Да, — сказала Сигрид, кивнув. Ей не хотелось отказывать умирающему в прощении.

И снова улыбка появилась на его лице.

— Если Вы смогли простить меня, то Господь тоже сделает это.

Он закрыл глаза, на лице его появилось выражение мира.

Она молча продолжала обход раненых.

Хоскульд был еще жив, когда она вернулась, чтобы взглянуть на него и понюхать раны. Лукового запаха не было, кровотечение остановилось, но он был без сознания. Она поняла, что он просто ослабел от потери крови; и, перевязывая его, она размышляла над тем, что будет делать, если он выживет.

Только к ночи она вернулась в зал. Большинство уже легли спать, повсюду слышался храп. Только несколько парней сидели в углу и разговаривали, а одна из служанок клевала носом на скамейке возле двери. Кальв по-прежнему восседал на своем месте.

Она села рядом с ним.

— Рёгнвальду ярлу удалось бежать? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Мы почти уже взяли его в плен, но он обрубил веревки, которыми был привязан его корабль, и ушел. Думаю, он подался в Норвегию.

— Расскажи, как прошло сражение!

— Я участвовал в нем не с самого начала, — ответил он.

— Мне показалось, что я видела твои корабли возле острова Рёгнвальд.

— Может быть. Когда ты это видела?

— Сразу после того, как туман рассеялся.

— Это были мои корабли.

Он взял рог и основательно глотнул.

— Я находился там некоторое время, чтобы посмотреть, как пойдет дело, — сказал он, откладывая рог в сторону.

— Где ты поцарапал щеку? — спросила она; взгляд ее упал на небольшую рану, которую она заметила еще при его выходе на берег.

— Стрела задела меня.

— Еще бы чуть-чуть — и попала, — сказала она.

Он кивнул.

— Не думал ли ты присоединиться к Рёгнвальду?

— Точно не могу сказать, — ответил он, отвернувшись.

— Это было бы изменой Торфинну.

Она сказала это не для того, чтобы упрекнуть его, просто она подтвердила то, что оба они знали.

Но он внезапно повернулся к ней и в гневе произнес:

— Измена! Может быть, мне самое время теперь изменить, когда я так мало надеюсь на других! Почему бы мне хоть раз не получить пользу от измены, в которой я, кстати, не виновен?

— Ты пришел на помощь Торфинну, когда увидел, что он побеждает?

— Нет.

Он снова взял рог и на этот раз опорожнил его. Он крикнул служанке, сидящей у двери; вздрогнув, она встала, подошла с кувшином, налила ему еще.

— Ты сейчас узнаешь, какой у тебя глупый муж, — продолжал он. — Проигрывая сражение, Торфинн попросил о помощи. И я помог ему. Если бы я стал на сторону Рёгнвальда, то победу одержал бы он. И мы смогли бы вернуться в Эгга.

Он выпил еще.

— Когда корабли сошлись в бою, у Торфинна оказалось их больше, чем у Рёгнвальда, но драккары Рёгнвальда были выше и больше по размерам, а люди его были лучше вооружены. Он захватил множество малых кораблей Торфинна. В конце концов нехватка людей даже на корабле самого Торфинна стала такой, что ему пришлось высадиться на берег, чтобы взять на борт людей; вот тогда он и пришел ко мне. А потом...

Язык у него начал заплетаться, но он все же взял рог и выпил еще.

— Ты хочешь напиться до бесчувствия? — сердито спросила Сигрид.

— У меня никак это не получается, — ответил он, — но желание есть... Мои драккары были больше по размерам, чем большинство кораблей Рёгнвальда, — продолжал он. — Большую их часть мы захватили, но некоторым удалось улизнуть. После этого я напал на корабли, связанные во время боя, на борту одного из которых был ярл, и когда я на своем корабле вплотную подошел к дракону на корабле Рёгнвальда, тот обрубил веревки и ушел. На этом все и закончилось.

Зевнув, он еще раз опорожнил рог, встал и направился нетвердой походкой в спальню.

Сигрид не пошла за ним, она отправилась к Сунниве. И ее не удивило, что дочери на месте не оказалось; ей наверняка хотелось знать, насколько серьезно ранен Хоскульд. И Сигрид вышла из зала.

Луна уже поднялась, роса на траве сверкала, влажные камни поблескивали в лунном свете.

Остановившись, Сигрид попыталась представить себе, что бы она делала на месте Суннивы, когда ей было пятнадцать лет. Потом взяла факел и направилась в конюшню. Кальв подарил дочери лошадь, ко-

торая ей очень понравилась. И она увидела ее там, спящей под боком у животного. Укрепив факел в стене, она присела рядом с ней.

На щеках Суннивы все еще были слезы, и даже во сне она то и дело всхлипывала. Она была такой ребячливой в своей печали, что у Сигрид невольно подступил к горлу комок и на глаза набежали слезы. Она не решалась разбудить дочь, чтобы рассказать ей обо всем. Но ей казалось, что чем скорее она расскажет ей, тем будет лучше.

В конце концов она сняла с себя плащ, укрыла им дочь, убрала со стены факел.

После этого она потихоньку вышла из конюшни.

Если Хоскульд Флосасон умер, то от ее правды Сунниве станет еще хуже.

Вернувшись в зал, Сигрид поняла по запаху, что Кальва вырвало.

Разбудив двух служанок, она приказала им все убрать. Но когда, наконец, сама легла в постель, ей чуть не стало дурно от вони, хотя служанки все уже убрали. И Кальв, огромный и тяжелый, весь в блевотине, храпел так, что невозможно было заснуть.

Она легла на самый край постели, как можно дальше от него, и приоткрыла дверь, чтобы иметь доступ к свежему воздуху. Ночь тянулась бесконечно долго; мысли и картины беспорядочно сменяли друг друга, временами она засыпала...

Ей снились Суннива и Хоскульд, а также — ни с того, ни с сего — Эрик Торgrimссон; он тащился, прихрамывая, весь в крови, к пристани на Бьяркее, как это было много лет назад, и Сигрид показалось, что к ее теперяшней тошноте прибавилась еще и та тошнота, которую она чувствовала когда-то, давным-давно. Но ведь она простила Хоскульда, говорила она кому-то, сама не зная, кому.

И это был уже не Эрик, а Сигват Скальд, и Кальв бил его в лицо кулаком. И тут она поняла, что Сигвату, по крайней мере, не изменила, как Эрику, и не заставила его страдать.

Она снова задремала; ей приснилось, что она стоит на берегу и смотрит, как набегают на песок волны, одна за другой, без начала и без конца. И она побежала навстречу морю, сама не зная, хочет ли она отдаться волнам или остановить их.

И перед ней возник какой-то человек; он был частью моря, волной, бежавшей к ней из далекого прошлого. Это был Эльвир, но она

с удивлением посмотрела на него, потому что он был одновременно и Трондом. Она хотела прикоснуться к нему и проснулась, ударившись рукой о край постели...

Да, Тронд... Тронд, который уже несколько лет был викингом и совершал дальние походы и, наконец, вернулся домой; она удивлялась тому, что он все еще безнадежно влюблен в Ингебьёрг дочь Финна, жену Торфинна ярла. Он стал таким взрослым и чужим, он рассказывал о Риме, Константинополе, Готланде, и в словах его звучало самодовольство.

И только под утро она заснула беспокойным сном.

Время шло к осени; в этот год рано начались шторма, и люди сидели, в основном, дома. Даже овцы, пасущиеся круглый год, сбивались в кучи и искали себе убежище.

В ту осень Торфинн ярл остался у себя дома на острове Росс; после бегства Рёгнвальда в Норвегию он подчинил себе все Оркней и Хьятланд. Говорили, что Рёгнвальд находится теперь у конунга Магнуса. И Торфинн чувствовал себя в безопасности, считая, что до весны ему опасаться нечего.

Кальв отправился на Судерские острова, и большинство людей уехали с ним. Они должны были вернуться домой к Рождеству. Но Тронд решил остаться дома.

Он не знал, чем заняться; выходил из дома и смотрел, не переменялась ли погода, возвращался обратно, потом шел в конюшню, брал лошадь и уезжал куда-то.

Он стал навещать ярла чаще, чем это казалось уместным Сигрид, и она старалась всячески удержать его дома.

Она просила его рассказать о поездках в чужие страны и по вечерам, сидя перед печкой, сама рассказывала ему об Эльвире и его странствиях.

— Это просто удивительно, — сказал он однажды вечером, — слышать, как ты рассказываешь о моем отце. Почему ты никогда не делала это раньше?

— Мне было трудно, — ответила она.

— Ты любила его? — спросил он. В его голосе уже не было отзвука той жестокости, которая присутствовала в нем ежедневно; да и выражение лица стало иным. В нем появилась мягкость, делавшая его моложе его двадцати четырех лет. Сигрид невольно вздохнула и уставилась в огонь.

— Да, — ответила она, — любила...

— Я всегда думал о Кальве как о своем отце, — задумчиво произнес Тронд. — Хотя я и знал, что это не так, — добавил он. Потом усмехнулся: — Мальчишкой я нередко завидовал Сунниве в том, что она его родная дочь. И, стараясь быть первым во всех состязаниях, я хотел показать Кальву, на что способен.

Он замолчал. Казалось, что ему нужно что-то сказать, но он не осмеливается это сделать. Наконец он произнес:

— Я зашел так далеко, что стал на сторону Кальва, когда вы с ним поссорились...

Сигрид хорошо помнила это.

— Не стоит говорить об этом, — сказала она. Но, начав говорить об этом, Тронд не мог сразу переменить тему разговора.

— В ту осень Кальв ходил в поход с викингами, — сказал он. — В тот год конунга Олава признали святым, а Кальв взял меня с собой в поездку по Трондхейму, чего он раньше никогда не делал. И когда он говорил про тебя обидные слова, я не защищал тебя, как должен был бы делать.

Сигрид не смотрела на него, ей не хотелось, чтобы он бередил старые раны. Она тяжело переживала все это тогда, но она хорошо понимала, почему мальчик дал себя соблазнить Кальву. Разве то, что она могла предложить ему, могло сравниться с охотой, военными играми и походами.

— Я понимала это, — сказала она.

— Ты все понимала и ни в чем не упрекала меня?

Он замолк; его собственная мысль показалась ему ребяческой, и он рассмеялся, признав свою глупость.

— Разумеется, ты понимала это, — сказал он, — и я не могу понять, почему это так мучило меня все годы.

Оба замолчали. Но Сигрид чувствовала, что они в этот момент были с ним близки, как никогда. И он удивлял ее, она поняла теперь, что он не так груб, каким ей казался, раз у него сохранились воспоминания о детстве и мысли о раскаянии. Сидя и посматривая на него, она думала, что лицом он очень напоминает Эльвира.

— Как обстоят дела у Суннивы? — вдруг спросил он. Это прозвучало так буднично и прямолинейно, что Сигрид тут же потеряла нить своих рассуждений. — Кальв дал какой-нибудь ответ на предложение Гейрродда из Турсо о женитьбе его сына на Сунниве?

— Суннива против этого, — ответила Сигрид, — и Кальв сказал, что не хочет принуждать ее к браку, которого она сама не желает.

Кальв сказал и еще кое-что; он сказал, что хорошо знает, к каким несчастьям это может привести.

— Это был бы неплохой брак, — сказал Тронд. — Гейродд человек состоятельный и уважаемый в Катанесе. И, несмотря на молодость, Ульв Гейроддссон парень толковый, я сам убедился в этом в летнем сражении. Если бы на то была моя воля, я отправил бы Сунниву в Турсо с первым же кораблем. Мне не нравятся взгляды, которые бросают на нее дружинники. Но я замечаю, что она умеет обводить Кальва вокруг пальца. И ты позволяешь ей ходить туда, куда ей вздумается. Если бы она ответила мне так, как в последний раз ответила тебе, я бы задал ей трепку.

— Я сама пробовала это делать. Но она становится еще более упрямой. Она говорит: ударь меня еще раз. Что мне остается делать?

— Поймай ее на слове, — сказал Тронд, — и всыпь ее как следует. Она ведь не дурочка и очень скоро поймет, что так отвечать не следует.

— Но... — Сигрид замаялась. Она хотела сказать: но тогда она разлюбит меня. Со временем она сама поймет, что так поступать глупо. — Это лето такое неудачное, — сказала она. Оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто их не подслушивает, она рассказала Тронду о Хоскульде Флосасоне. В заключении она сказала, что разговаривала с Хоскульдом снова, как только он выздоровел, и приказала ему убираться с острова Росс.

— Так вот почему он так спешно смотался отсюда, — сказал он. — Ты говорила об этом Кальву?

Она покачала головой.

— Значит, это благодаря тебе девчонка так расстроена!

Он стукнул кулаком по столу. Она ничего не ответила.

— Хорошо еще, что он убрался с Росса, — продолжал он. — Ты не знаешь, куда он подался?

— В Дублин. Но я думаю, что оттуда он направится в Исландию, чтобы жениться.

— Вряд ли он снова покажется здесь, — сказал Тронд. — Он должен благодарить небо за то, что убрался отсюда, пока еще ни Кальв, ни я не узнали о случившемся.

Немного помолчав, он спросил:

— Ты сказала Сунниве правду?

Сигрид снова покачала головой. Она уже пожалела, что рассказала об этом Тронду.

— Неужели она надеется, что он снова вернется? — спросил он.

— Меня не удивит, если это так.

— Теперь мне ясно, почему она отказалась выйти замуж за Ульва Гейроддссона. Я не понимаю, почему ты раньше не сказала об этом, ведь ты же не связана обетом молчания. Но теперь самое время сказать правду Кальву и Сунниве, и если ты не хочешь ничего предпринимать, я сам займусь этим делом.

— Тронд... — пыталась остановить его Сигрид.

— Именно так, — ответил он, — и я надеюсь, что Ульв Гейроддссон еще получит ее.

— Он не желает слышать ни о какой другой девушке, с тех пор, как увидел ее во дворе ярла этим летом. И Гейродд тоже сказал, что у нее есть время подумать. Дело еще не решено.

— Я бы тут же решил это дело, — сказал Тронд. С этими словами он встал и пожелал ей спокойной ночи.

Образ Эльвира, который она видела в чертах сына, исчез, у нее появилось ощущение потери.

Это был не единственный раз, когда Сигрид замечала сходство между Трондом и его отцом; много раз они сидели с сыном по вечерам и говорили об Эльвире. Ему хотелось узнать об отце как можно больше, и она с радостью рассказывала о нем.

В такие вечера она ощущала близость с сыном, переживая с ним вместе время, прожитое с Эльвиром. И она радовалась тому, что с ним так легко разговаривать, что он так быстро понимает вещи, далекие от его образа мыслей. Она видела в нем плодородную почву для мыслей Эльвира...

Но бывали такие вечера, когда Тронд исчезал, не сказав, куда уходит. И Сигрид с тревогой думала о том, что с его стороны было бы просто безумием тайно встречаться с Ингебьёрг.

В один из таких вечеров, когда он исчез сразу после ужина, она не на шутку забеспокоилась. И, взяв с собой пару женщин, отправилась к ярлу.

И она с облегчением вздохнула, увидев Ингебьёрг в зале.

Но когда она вошла, ей пришлось сесть и поговорить с хозяевами; ярл усадил ее возле себя и предложил меда из своего рога.

Они говорили о разных вещах; ярл рассказывал о своей поездке в Шотландию, спрашивал ее о ярлах Ладе, о первых годах пребывания короля Олава в Норвегии.

Время летело быстро, но всякий раз, когда она давала знать, что ей пора домой, он просил ее побыть еще немного; он сказал, что даст ей сопровождающих.

Ингебьёрг тоже сидела с ними, но большинство уже легло спать. И она первая заметила, что что-то не так.

— Вы не чувствуете запаха? — спросила она.

Ярл и Сигрид принюхались и тоже почувствовали запах. И ярл послал человека открыть дверь.

Открыв дверь, он тут же закрыл ее и стремглав вернулся назад. Лицо его было бледным.

— Мы окружены. Дом объят пожаром.

Ярл вскочил.

— Пусть сгорит в аду тот, кто это наделал! — воскликнул он. — Нетрудно догадаться, кто там, снаружи.

Люди, спавшие до этого на скамьях, вскочили. Теперь все почувствовали запах пожара, было слышно, как трещит крыша.

Бросившись к двери, ярл открыл ее. И когда он крикнул, кто там, снаружи, в ответ засмеялись и сказали:

— Это Рёгнвальд Брусисон!

Торфинн ответил ему проклятием. Потом спросил, кого он желает выпустить.

— Женщин и рабов, — ответил тот.

Закрыв дверь, Торфинн снова сел на место.

— Женщины и рабы могут выйти, если хотят, — сказал он.

Но он предостерегающе поднял руку, когда некоторые бросились к двери.

— Тот, кто полезет вперед, будет зарублен на месте, — сказал он. — Времени достаточно, чтобы вышли все, нечего устраивать толчею.

Он повернулся к своим людям и дал им распоряжения.

Те, кто собирались выйти, подошли к двери, и двое работников Торфинна с мечом в руках следили за тем, чтобы никто не лез впе-

ред. Другой человек открывал и закрывал дверь, впуская всех по одному.

Сигрид и ее женщины были в этой толпе не первыми; она пропускала вперед других, не желая, чтобы к ней было особое отношение. Сняв косынку замужней женщины, она спрятала ее под шаль, а золотую цепочку, которую носила на шее, убрала под одежду, чтобы никто ее не увидел.

Ей казалось, что парень возле двери слишком медленно пропускает людей; от дыма уже слезились глаза, но она все еще ждала своей очереди, озираясь по сторонам.

Стало уже жарко, она увидела, как горит крыша. Большинство мужчин были на ногах, лишь некоторые сидели на скамьях. Почти все молчали, лишь кое-кто выдавливал из себя слова. И ирландский священник в белой рясе ходил от одного к другому и спрашивал, не желают ли они исповедоваться. И тут она увидела, что ярла среди них нет. Возможно, он лег в свою постель, как это сделал Ньяль Торгейрссон в Исландии, когда его сожгли в доме...

И вот дверь перед ней открылась, и она вышла в ночную прохладу; стоящие у двери дружинники грубо оттолкнули ее.

Она отошла немного в сторону и медленно побрела по двору, когда какой-то человек схватил ее за руку.

— Куда ты направляешься, бабуся? — спросил он.

— На небо, — сердито ответила она, — но не сейчас...

И тут же она пожалела, что сказала ему это. Крепко держа ее за руку, он потащил ее обратно.

— Ты отвечаешь не так, как отвечают служанки, — сказал он. — Ты скажешь ярлу, кто ты такая.

Сигрид готова была откусить себе язык. Они с ярлом знали друг друга еще с той поры, когда ярл и Торфинн были друзьями. Если он узнает, что она здесь, он сочтет это даром Божиим и потребует за нее денежный выкуп.

Ярл стоял во дворе, красивый и сильный, на лице его была написана безграничная жестокость.

Люди всё выходили из зала, но крыша еще не провалилась; густой дым стелился по земле до самого берега. А ночь была темной и безлунной. Языки пламени танцевали во тьме, бросая отсветы на стоящих на страже людей. Лица воинов были бесстрастными; Сигрид узнала и знамена: это были люди конунга Магнуса.

Сквозь шум пожара слышались жалобные голоса женщин, мужа или сыновья которых остались в зале; некоторые упрашивали ярла отпустить их. Но он жестоко отпихивал их.

И когда Сигрид подвели к нему, он даже не взглянул на нее.

— Мне сейчас не до баб, — сказал он. И Сигрид горячо поблагодарила Бога.

Ее отпихнули в толпу женщин. И она обнаружила, что, несмотря на то, что ярлу было теперь не до женщин, его люди вовсе не выбрасывали это из головы: кое-кто уже показывал рукой, какую из женщин он возьмет, когда все закончится.

— Думаю, я возьму себе бабуся, — сказал тот, кто остановил Сигрид, и все рассмеялись.

— Если, конечно, ярл позволит мне, — добавил он.

— Не думаешь ли ты, что сам ярл польстится на эту старую каргу? — сказал другой, и все снова засмеялись.

— Что ты на это скажешь, бабуся? — спросил первый. — Язычок-то у тебя острый, это я могу подтвердить.

Снова раздался смех.

И тут послышался треск, во все стороны посыпались искры, все оглянулись; это провалилась круша. Изнутри послышался крик.

— Это Торфинн ярл просит пощады, — крикнул кто-то. Но голоса затихли, и слышался шум пожара.

И тут Сигрид решила, что с нее хватит. Воспользовавшись замешательством, она бросилась наутек; и она бежала так быстро, насколько ей позволял двигаться густой, едкий дым пожара.

Из глаз ее лились слезы, ей было дурно, но она продолжала бежать, почти вслепую, спотыкаясь и поднимаясь снова, чувствуя на губах вкус крови, выбиваясь из сил, но все же продолжая бежать; вниз, к берегу, и дальше, вдоль кромки воды, не останавливаясь, не веря в свою удачу — до самого дома.

— Кто там? — раздался сердитый голос, когда она вошла во двор. Это был Тронд.

— Господи, мама, где ты была? — воскликнул он, когда она сказала, откуда явилась. — А я только что вышел во двор и увидел пожар.

Они разбудили людей, даже не подозревавших, что происходит. Тронд и его люди стали спешно сносить вещи на корабль, стоящий в бухте. Но много они с собой не взяли.

И уже огибая мыс, они увидели людей с факелами, выходящих со двора Торфинна, — и у них не было ни малейших сомнений в том, куда они направляются.

— Ингебьёрг, — сказал Тронд, — Что станет с Ингебьёрг?

И только теперь Сигрид вспомнила, что не видела Ингебьёрг во дворе среди женщин.

— Я не знаю, — ответила она, — я видела ее в зале...

Он не ответил, но она услышала его стон.

Когда они проплыли на веслах мимо Стремнеса и вышли из бухты, на востоке уже начало светлеть. Над Россом занимался новый день, день прихода чужих людей во двор Кальва, день ее бегства из того места, которое она называла своим домом.

Они не застали Кальва на Судерских островах. Он отправился на юг, в Горуэйт. И там они без труда нашли его.

Узнав о том, что случилось, он собрал людей и поплыл на север вдоль шотландского берега.

Они высадились на острове Колн, и Кальв постоянно держал вокруг себя вооруженных людей, на случай, если Рёгнвальд ярл надумает подчинить себе остальные владенья Торфинна.

Вскоре из Шотландии пришло известие о том, что, объехав Оркней, где его признали хозяином, Рёгнвальд сообщил в Катанес, что намерен унаследовать после Торфинна все его владения. При этом он требовал, чтобы люди подчинились его власти без боя.

— Чтобы подчинить себе Судерские острова и Голуэйт, ему мало будет просто послать известие, — утрюмо заметил Кальв.

Незадолго до Рождества пришло известие с Оркнейских островов. И Кальв не поверил своим глазам, увидев, что послание написано рукой самого Торфинна ярла.

Ярл не сгорел; он вышел наружу через потайное отверстие в стене и бежал вместе с Ингебьёрг. Скрытые дымом и темнотой, они спустились на берег и сели в лодку, после чего ушли на веслах в Катанес.

— Мы долго будем помнить этот подвиг, — сказал Кальв. И Сигрид согласилась с ним: расстояние от усадьбы ярла до Катанеса было так велико, что просто немислимо, чтобы кто-то в одиночку смог одолеть его на веслах.

Он скрывался на Катанесе до тех пор, пока Рёгнвальд не успокоился в Киркьювоге, будучи уверенным в его смерти. Торфинн сам поддерживал жителей Катанеса, когда они с такой легкостью сдались в руки Рёгнвальда; ему было нужно выиграть время и использовать хитрость вместо того, чтобы открыто выступить против сына брата, когда тот был намного сильнее него. У него были люди, уведомлявшие его о действиях Рёгнвальда.

И когда он узнал, что сын брата собирается на Лилле Пап, чтобы купить к Рождеству еды, он решил, что настало его время. Взяв с собой людей из Катанеса, он высадился ночью на острове Лилле Пап. И там он сполна рассчитался с Рёгнвальдом за то, что тот спалил его усадьбу; он поджег дом, где находился Рёгнвальд и его люди.

Но Рёгнвальду, одетому в рясу священника, удалось бежать; Торфинн узнал его и отправился за ним в погоню. Рёгнвальд укрылся на берегу, но собака нашла его по следу. Там он и был убит.

После этого Торфинн отплыл на корабле Рёгнвальда в Киркьювог. И когда ничего не подозревающие люди Рёгнвальда вышли на берег, чтобы встретить его, они все были захвачены в плен и убиты; только одного из них Торфинн оставил в живых и отправил в Норвегию с известием Магнусу.

Перед тем как отплыть на север, на остров Росс, Тронд подозвал к себе Сигрид.

— Я не поплыву на Оркнейские острова, — сказал он. — Я думаю отправиться на юг.

— В Голуйэт?

— Еще дальше. В паломничество по святым местам, возможно, в Иерусалим...

Сигрид закрыла глаза. Она подумала о Турире, который отправился в Иерусалим и не вернулся назад. Взглянув на Тронда, она тяжело вздохнула. В эту осень, благодаря разговорам об Эльвире, между ними установилась такая прочная связь, что она не смогла бы пережить потерю своего последнего сына.

— Я не знаю, что вы с Ингьебьёрг натворили, — сказала она, — но вряд ли это такой большой грех, чтобы из-за этого отправляться в Иерусалим.

— Могу сказать тебе лишь то, что дело гораздо хуже, чем ты думаешь.

— Что ты наделал, Тронд? — испуганно спросила она.

— Спроси лучше, чего я не сделал, хотя должен был сделать.

— Я не понимаю тебя.

— Может быть, мне и не нужно понимание.

Он замолчал; Сигрид ждала; если он не собирался рассказывать о том, что мучило его, значит, он не нуждался в ее участии.

— Говоря об отце, ты много говорила о грехе, покаянии и Божественном прощении, — сказал он наконец. Она кивнула.

— Поэтому я подумал, что ты, возможно, можешь дать мне совет, — продолжал он.

— Я попытаюсь.

Некоторое время он стоял и смотрел на море, словно за чем-то наблюдая.

— Я видел, как люди Рётгвальда высаживались на берег, — вдруг произнес он, — в ту ночь, когда они собирались сжечь Торфинна. Мы с Ингебьёрг договорились встретиться в сарае, если ей удастся улизнуть из дома. До этого мы встречались всего один-два раза. И в тот вечер она не пришла. И я сидел и размышлял о ней, о себе самом и о том, что она говорила про Торфинна. Она совершенно его не интересовала, сказала она; и если бы у него была возможность выбирать между нею и его конем, он без колебаний спас бы своего коня, а не ее. Его интересовала только власть, богатство и пиры. А любовницы у него были повсюду. И понял, что желаю Торфинну смерти. Люди Рётгвальда не обнаружили меня, хотя я был от них так близко, что мог слышать, о чем они говорили. Я понял, что они намерены сделать, и первой моей мыслью было бежать домой за помощью, а потом неожиданно наброситься на них. Но зло шептало мне на ухо свое: а если не делать этого? Торфинн сгорит, а женщин выпустят наружу... Я понимал, какой грех беру на себя. И как только мне удалось незаметно уйти, я направился домой. Но зло так легко не сдавалось. У тебя слишком мало людей, шептало оно мне. И я остановился и понял, что так оно и есть. Люди Рётгвальда уже окружили дом, зажгли факелы. Их было гораздо больше, чем моих людей, и вооружены они были лучше.

Я продолжал идти домой, но уже медленнее. Если бы я неожиданно напал на него, у меня была бы все-таки возможность победить.

«Ты хочешь отдать свою жизнь, чтобы спасти Торфинна ярла? — шептало мне зло. — Ты ведь знаешь, что в случае твоего нападения возможность поражения больше, чем возможность победы. Ты не обязан делать это, и никто не знает, что ты видел все».

И я должен признаться, что поддался этому; я мысленно представил себе Ингебьёрг, ее улыбку, ее светлые волосы...

Остановившись, я оглянулся. Они подожгли дом, горела крыша.

«Даже если ты разбудишь людей и нападешь на них, будет уже поздно», — шептало мне зло. И тогда я окончательно сдался. Это так, сказал я самому себе. Разбудив людей и отправившись с ними сюда, я только напрасно загублю их жизни и свою жизнь. .

Когда я вернулся домой, было темно и тихо, все уже легли спать. Но я не ложился. Я сидел у стены дома и смотрел на пожар; я понимал, что вскоре и нам предстоит убраться со двора.

И я сидел и думал, как мне вызволить Ингебьёрг из когтей Рёгнвальда, когда все будет кончено.

Не знаю, сколько я присидел так. И тут я услышал, как прибежала ты...

Он замолчал.

— Теперь ты знаешь, в чем состоит моя вина, — сказал он в заключение.

Мать тяжело вздохнула.

— Ты исповедовался в этом? — спросила она.

— Я не знаю ни одного священника, перед которым мне хотелось бы исповедоваться.

— Ты исповедуешься не ради священника.

— Я знаю.

Она молча стояла перед ним. Ее взгляд скользил по линии горизонта с юга на север и остановился на Икольмкилле, который она едва различала на фоне неба.

— Почему бы тебе не оправиться на остров святого Колумба, в Икольмкилле? — вдруг спросила она. — Там перед церковью есть каменный крест с красивой резьбой, а перед ним — зеленая лужайка с одуванчиками. Там царит мир. Церковные часы меряют время, а люди душой и телом отданы Богу.

— Благодарю, — сухо ответил он. — С этим можно подождать. Лучше я встречу с последователями Муххамеда в Иерусалиме.

Но она не сдавалась.

— Ради меня, Тронд, — сказала она, — поезжай в Икольмкиль! Тот монах, которого я знала, уже умер. Но там должны быть и другие. Я уверена в том, что ты найдешь того, перед кем сможешь исповедоваться, кто поможет тебе.

Сын покачал головой.

— Я склонен к этому не больше, чем дикий кот к тавлеям, — возразил он.

Глубоко вздохнув, Сигрид сказала:

— Думаю, твой отец посоветовал бы тебе то же самое...

Он пристально посмотрел ей в глаза, и ее ответный взгляд был твердым. Потом он снова стал смотреть на море, ища глазами Икольмкиль. И прошло немало времени, прежде чем он произнес:

— Пусть будет так, как ты хочешь.

Сигрид с облегчением вздохнула: по крайней мере, она выиграла хоть какую-то отсрочку.

— И если ты потом захочешь отправиться в паломничество по святым местам, тебе нужно будет сначала заехать домой, — сказала она.

Он засмеялся и покачал головой.

— Тебе хотелось бы держать меня дома, как избалованную собачку.

— Но разве ты не приедешь на Росс, перед тем, как отправиться в длительное странствие?

— Я приеду, — сказал он. При этом он покачал головой и засмеялся.

Это и следующее Рождество Кальв провел дома, на острове Росс. Лето же он провел на Судерских островах, когда вернулся из похода викингов.

Из Норвегии приходило много новостей; у Торфинна ярла были люди, тайно оповещавшие его о планах конунга Магнуса, так что король не мог напасть на него внезапно. Но Магнусу было не до мести за Рёгнвальда ярла.

В то самое лето, когда в Петтландском фьорде произошло сражение, в Норвегию вернулся брат его отца, Харальд Сигурдссон. Покинув страну после стиклестадской битвы, в которой он сражался на стороне конунга, он жил на Востоке. Говорили, что он был влиятельным человеком при дворе в Миклагарде и к тому же очень богатым.

И теперь он требовал, чтобы Магнус разделил с ним власть в стране. Но Магнус отказывался делить отцовское наследство с кем бы то ни было.

Узнав об этом, Харальд отправился в Свейю и вступил в союз со Свейном Ульвссоном; Магнус оспаривал у Свейна право на королевский престол в Дании. Ведь когда род короля Кнута прекратился по мужской линии, Магнус вступил во владение страной, согласно договору между ним и Хардакнутом. Но Свейн, как сын сестры короля Кнута, считал, что имеет не меньшее право на наследство.

Свейн и Харальд жестоко разоряли Данию, и на следующее лето после сражения в Петтландском фьорде Магнус отправился на юг, чтобы защитить от них страну.

Но когда Магнус прибыл в Данию, Харальд воспользовался случаем и с помощью хитрости провозгласил себя королем Норвегии. Предъявив фальшивые обвинения Свейну Ульвссоному в измене, он нарушил договор и вторгся в страну, после чего провозгласил себя королем Оппланда.

Узнав об этом в Дании, Магнус немедленно отправился домой. Но обстановка в стране оказалась такой, что ему пришлось разделить власть с Харальдом.

Так что теперь в стране было два конунга, и об их дружбе говорить не приходилось.

В тот год, когда Харальд Сигурдссон стал королем Норвегии, зима выдалась крайне суровой. Море замерзло и было покрыто льдом от Норвегии до самой Дании. А над Оркнеями непрерывно бушевали шторма.

Но ни Кальв, ни Торфинн ярл не жаловались на погоду. Ведь теперь, когда Магнус заключил мир с Харальдом, они ожидали, что он вспомнит о Рёгнвальде Брусасоне. Но пока стояла непогода, нападения ждать не приходилось.

В зимние вечера оба они часто сидели в пили; говорили о том, что происходит в Норвегии и чего можно ожидать от королей. Оба считали, что Магнус и Харальд могут этим летом отправиться в Данию и выгнать Свейна Ульвссона из страны; он управлял страной с тех пор, как Магнус вынужден был поспешно вернуться в Норвегию. И оба чувствовали себя далеко не в безопасности.

В начале лета из Норвегии пришел корабль. Это прибыл Арнор Скальд Ярлов, гостивший всю зиму у конунгов в Нидаросе. В тот же вечер ярл пришел в гости к Кальву; с ним пришло много его людей, среди которых был Арнор.

Ингебьёрг тоже пришла в этот вечер с ярлом. Но они с Трондом обменялись лишь взглядами вежливости; Тронд только что вернулся домой из Икольмкилла, где он провел всю зиму.

— Похоже, по крайней мере, что лето обещает быть мирным, — сказал в заключение ярл, рассказав Кальву новости, которые привез Арнор: конунги собираются в поход против Дании.

— Это всего лишь отсрочка, — мрачно заметил Кальв. Он сидел, подперев рукой подбородок.

Видя, как он подносит ко рту рог, Сигрид поняла, что он уже выпил более чем достаточно. Рука его дрожала, описывая широкую дугу. Она вздохнула. Последние две зимы Кальв слишком часто напивался.

— Не могу поверить, что положение такое безвыходное, — сказал Торфинн, не желая поддаваться мрачному настроению Кальва. —

Удача сопутствовала мне с рождения, и я не вижу причин для того, чтобы она изменяла мне.

— Причина может быть в том, что ты связался с таким приносящим несчастья человеком, как я.

— До сегодняшнего дня тебе не удавалось спугнуть мою удачу, шурин!

— Это я втянул тебя в ссору с Магнусом, — ответил Кальв. — Если бы я не подстрекал тебя, ты до сих пор жил бы в мире с ним и Рёгнвальдом, сыном твоего брата.

Сигрид разозлилась; хотя это и было правдой, но лучше было бы помолчать об этом.

Торфинн ответил не сразу.

— У тебя есть все основания, чтобы питать неприязнь к Магнусу и всем его друзьям, — сказал он. — Я же достаточно зрел, чтобы отвечать за свои поступки.

— Да, — ответил Кальв, вдруг выпрямившись. При этом он стукнул кулаком по столу. — Я имею право на месть.

Он повернулся и неспеша оглядел собравшихся; казалось, он бросает вызов всем присутствующим. Но никто ничего не сказал.

— Черт бы побрал этого Эйнара Тамбарскьелве! — сказал Кальв, снова ударяя кулаком по столу.

Сигрид не могла больше усидеть на месте. Она встала, подошла к нему и положила руки ему на плечи.

— Сегодня вечером у нас в зале присутствует скальд, Кальв, — сказала она. — Не попросишь ли ты его произнести для нас драпу?

— Тебе не нравится то, что говорит твой муж? Ты с большей охотой послушала бы исландских скальдов?

Сигрид замолчала, опасаясь, что он наговорит лишнего. Но Кальв не унимался.

— Ты сейчас опять примешься говорить о вине и покаянии? Скажешь, что мстить — это грех? Знаю я твое нытье. Тебе наверняка хотелось бы, чтобы я отправился в Норвегию и пал в ноги Магнусу...

Сигрид не отвечала.

— Ты не желаешь мне ответить? — угрожающим тоном произнес он.

— Что я могу сказать?

— Вы только послушайте ее! — воскликнул он, обводя глазами собравшихся. — Я был прав. Она хочет, чтобы ее муж ползал на

брюхе, как собака, перед человеком, предавшим его! Возможно, тебе хочется увидеть меня убитым, — сказал он, снова поворачиваясь к ней, — раз ты считаешь, что я должен сдаться Магнусу?

— Я не думаю, что ты будешь убит, если сделаешь это, — сказал Тронд, становясь на защиту матери. — Мало чести для конунга убивать человека, добровольно отдавшегося ему в руки.

Кальв повернулся к нему.

— И ты тоже с ней заодно? Заступаешься за свою мать? Из тебя сделали бабу эти монахи из Иком... — он остановился и снова попробовал сказать: — Иклом...

— Икольмкилля, — ледяным тоном поправил его Тронд, — и если бы ты не был моим приемным отцом, я бы поднял на тебя меч за такое оскорбление, — добавил он. Он хотел уйти, но Сигрид остановила его.

— Не слушай Кальв, он пьян, — сказала она.

— Есть пределы пьяной болтовне, — ответил Тронд. Но когда ярл тоже стал уговаривать его, он сдался и сел на свое место.

— Арнор... — сказал Торфинн, обращаясь к скальду. — Может быть, ты произнесешь те песни, которые ты сложил в честь норвежских королей?

Арнор Скальд Ярлов тут же встал и начал говорить висы. Но не успел он закончить, как Кальв заснул прямо за столом, положив голову на руки. И он не слышал, как скальд рассказывал о препирательстве королей; Харальд считал, что скальд посвятил Магнусу слишком хорошую песнь.

— В этом нет ничего удивительного, — сказал Тронд. — Если ты сравниваешь военные походы Магнуса с походами англичан и говоришь, что он более величественен, чем все остальные короли, что люди любят его почти как Бога, ты не можешь сказать подобное про конунга Харальда.

Но ярл засмеялся.

— Спасибо тебе, Арнор, — сказал он. — Все, что служит раздору между королями, идет мне на пользу.

Присутствующие заговорили о норвежских конунгах и о песне. Все были согласны в том, что обе драпы хороши, но песнь, посвященная королю Магнусу, все же лучше.

И скальд показал подарки, полученные им от королей; золотую печпку от Магнуса и украшенное золотом копье от Харальда. К

тому же, сказал он, конунг Магнус дал ему корабль, на котором он отплыл на Оркней.

Торфинн ярл ничего на это не сказал. Вскоре после этого он поднялся и отправился к себе домой.

Но уже на следующий день, рано утром, он снова пришел, чтобы переговорить наедине с Кальвом.

— Я думал о том, что ты сказал вчера по поводу примирения с Магнусом, — сказал он.

— О примирении с Магнусом? — с непонимающим видом произнес Кальв. — Когда я говорил об этом?

— Вчера вечером, — ответил Торфинн. Он сидел, подперев голову руками и глядя себе под ноги. При этом он то и дело бросал быстрые взгляды на Кальва. И он видел, с каким трудом Кальв пытается вспомнить, что говорил накануне вечером.

— Думаю, ты вчера немного перебрал, шурин, — сказал Торфинн. — Тебе следует умерить свою жажду, тогда, возможно, тебе будет легче вспомнить, что ты сам говорил.

Кальв отвернулся.

— У меня есть причины, чтобы иногда напиваться до бесчувствия, — сказал он.

— Тебе плохо живется у меня?

— Меня мучают воспоминания.

— Понимаю, — ответил Торфинн. — И я не забываю о том, что ради меня ты отказался от возможности вернуть себе все то, что потерял. И я пообещал тебе в тот раз, что ты всегда будешь жить у меня в достатке.

Кальв кивнул, ничего не сказав; ему было стыдно.

— Ты сказал, что Сигрид посоветовала тебе искать мира с Магнусом и отдаться на его суд, — пояснил Торфинн.

— Не стоит прислушиваться к тому, что говорит Сигрид, — сказал Кальв. — Она навешивает на человека сознание вины и греховности быстрее, чем рабыни короля Фрода навлекают на людей несчастья. Посмотри на Тронда! Он послушался ее советов. И в прошлом году, когда я брал его с собой в поход викингов, он смотрел на свой меч так, словно в руке у него была ядовитая змея. И лето еще не закончилось, как он заявил, что хватит с него грабежей и

убийств, и отправился обратно к монахам в Икольмкиль. Какой позор! И это при его редких способностях! И с тех пор он даже не прикоснулся к мечу.

— Вчера ты чуть не заставил его выхватить меч, — сухо заметил Торфинн.

Кальв озабоченно взглянул на него.

— Я что-то сказал ему... — произнес он. — Напомни мне, что я сказал.

И он молча выслушал рассказа Торфинна о том, какой разговор произошел между ним, Сигрид и Трондом.

— Думаю, тебе нужно объясниться с Трондом, — сказал Торфинн, и Кальв тяжело вздохнул.

— Я так и сделаю, — ответил он.

— Я думал также о словах Тронда о том, что для короля мало чести мстить тому, кто добровольно сдался ему, — продолжал Торфинн. — Об этом я как раз и пришел поговорить с тобой. Ночью у меня созрел план. Если я приду переодетым к королю Магнусу и попрошу у него гостеприимства, он не должен отказать мне; и когда я открою ему, кто я, он не сможет убить меня.

И если я затем изложу ему мое дело и пообещаю поддержать его в походе на Данию, будет очень странно, если он не заключит со мной мира. Может быть, мне удастся договориться о мире между ним и тобой...

Кальв сидел, уставившись прямо перед собой.

— Может быть, — наконец произнес он, — но ни в коем случае не полагайся на Эйнара Тамбарсьелве!

В этот вечер Кальв выпил не так много, и когда подошло время спать, он был достаточно трезв. Но Сигрид чувствовала себя неуверенной, когда он направился в спальню и сделал ей знак, чтобы она следовала за ним.

После того, что произошло накануне, она не знала, как себя вести.

Раздумывая об этом в течение дня, она пришла к выводу, что этого и следовало ожидать. После сражения в Петтландском фьорде она не давала Кальву покоя своими разговорами о его отношении к церкви. Она видела угрозу в том, как Кальв обошелся с мирным предложением конунга Магнуса: это был указующий перст Божий

Кальву в его жажде мести. И если раньше она сомневалась в том, что должна направить Кальва на путь истинный, то теперь она считала это своим священным долгом.

Но Кальв меньше, чем когда-либо был благодарен ей за помощь; он постоянно отдалялся от нее и давно уже не делил с ней постель.

Сигрид не хватало его, но она старалась держаться сурово. Она думала о том, что это дьявол отвращает его от попыток спасти свою душу.

В это время она стала еще более усердно посещать церковь, прилагая еще больше усилий для того, чтобы подчинить свою волю воле Бога; временами она брала на себя покаяние сверх того, что требовалось от нее. В конце концов она стала обретать мир в том, что заставляла себя страдать, теперь она не боялась даже боли. Но и в этом она видела пустоту...

Помедлив, она направилась за Кальвом в спальню.

Закрыв дверь, он обнял ее. Это произошло так неожиданно, что она вздрогнула. И вдруг заплакала.

— Сигрид, что с тобой? — попытался он утешить ее. Но она успокоилась не сразу.

— Просто... — всхлипнула она, — ты так давно не обнимал меня.

— Я не знал, что тебе этого не хватает, — сказал он. — Я думал, что тебе достаточно церкви и священников, — язвительно усмехнулся он.

— Человеку достаточно Бога, — торопливо произнесла она. — И человек не может желать в жизни большего, но...

— Но? — повторил он, когда она замолчала. И ответ ее прозвучал подавленно:

— В таком случае он остается одиноким.

Она снова заплакала. Он сидел и молча гладил ее по волосам, и вскоре она успокоилась.

— Ты всегда будешь приставать ко мне со своим христианством? — спросил он.

— Я делаю это потому, что люблю тебя, Кальв. И я считаю своим долгом делать это, даже если тебе это и не нравится.

Оба замолчали. Он по-прежнему обнимал ее, и она теснее прижалась к нему.

— Может быть, тебе и самой это не нравится? — спросил он.

— Я... я... — пыталась ответить она и замолчала.

Его губы коснулись ее щеки.

— Ты хочешь сказать, что портишь нам обоим жизнь только потому, что считаешь своим долгом делать это? — сказал он. — Почему бы тебе не прекратить размышлять обо всем этом, предоставив это священникам? — продолжал он, видя, что она не отвечает.

— Священники здесь такие чужие, Кальв, и в разговорах с ними нет никакой пользы. И если у меня есть собственное мнение, они сердятся. К тому же мне трудно бывает понять их ирландское произношение. И если я чего-то не понимаю, они дают мне понять, что иного и ожидать не следует от невежды и к тому же женщины.

— А нужно ли тебе спрашивать у них обо всем? К серебру они не относились с таким пренебрежением, когда я заплатил им выкуп, нарушив их законы, и тут же дали мне отпущение грехов. Тебе это о чем-то говорит?

Она вздохнула. Несмотря на все ее попытки приобщить его к христианству, он в своем понимании не продвинулся дальше, чем в день крещения.

— Ты должна понять, что сводишь меня с ума своей болтовней! — раздраженно произнес он.

Она ничего не отвечала, просто лежала и наслаждалась тем, что чувствует его близость. И она поняла, насколько была одинока — и что снова может стать столь же одинокой, если оттолкнет его от себя.

Ей вдруг показалось, что она выстроила крепость из своей христианской веры, крепость, защищавшую ее, но в конце концов ставшую стеной, отделяющей ее от других людей. Ведь не только Кальва отталкивали ее разговоры о христианстве, но и многих других; они уважали ее, но держались на расстоянии.

Она почувствовала неуверенность.

Что, если Кальв прав? Что, если в ее борьбе не было необходимости? Что, если нужно было поступать так, как делал он: исповедоваться в случае совершения греха, принимать как должное слова священника и не забивать себе голову размышлениями? Она чувствовала себя уставшей от этой борьбы, уставшей от раздражения Кальва по поводу ее стараний, уставшей от неприятия Суннивой ее доброжелательных, богобоязненных советов.

Она ощутила внутреннюю потребность в мире, в мире с Кальвом, самой собой и Богом; и, словно пузырьки, поднимающиеся на поверхность со дна водоема, эта потребность в мире выходила на поверхность ее мыслей. Однажды в стейнкьерской церкви она тоже почувствовала тягу к этому.

Но это стремление могло оказаться новой уловкой зла; возможно, дьявол пытался завладеть ими обоими...

И снова, как это часто бывало с ней после отъезда из Эгга, ей захотелось поговорить со священником Энундом.

— Так о чем же ты думаешь, Сигрид?

— Я лежу и думаю о том, что, возможно, ты был прав, говоря о христианстве.

— Тебе следовало давно понять это.

— Мне хотелось бы, чтобы здесь был священник, с которым можно об этом поговорить...

— А что, если поговорить с Трондом? — спросил он.

Она удивилась, почему ей самой не пришла в голову мысль об этом. Конечно, он не был священником, но уже два года он проходил учение в Икольмкилле, так что с ним вполне можно было посоветоваться.

Она прислонилась щекой к его щеке.

— Во всяком случае, сегодня мне хотелось бы поверить, что ты прав, — сказала она.

Она почувствовала, как тело его расслабляется; вздохнув, он положил голову ей на плечо.

— У меня нет слов, как мне не хватало тебя, Сигрид, — прошептал он.

— У тебя было, с кем утешиться, — вырвалось у нее.

— А на что ты рассчитывала, прогоняя меня из постели?

Она ничего не ответила. И он стал рассказывать о том, что ярл собирается к Магнусу.

— Об этом мне хотелось поговорить с тобой, — сказал он. — Я подумал, что тебе это понравится.

Она понимала, что, говоря это, он как бы просит прощения за свое поведение накануне вечером. Но она все же не ответила ему.

— Ты не отвечаешь? — разочарованно спросил он.

Она боролась с собой, но в конце концов не вытерпела.

— Мне кажется, что ты предоставил другим возможность каяться за себя, Кальв. Ты не захотел отправиться в Рим, потому что Сигват уже побывал там. И вот теперь Торфинн решил отдать себя в руки Магнуса, что должен был сделать ты. Ты никогда не полагался на Бога...

Он прикрыл ладонью ее рот — и это было похоже на шлепок.

— Довольно! — сказал он. — Ты уже вдоволь наговорила обо мне и конунге Магнусе.

— Ты еще не решил, как намерен поступить с Суннивой? — немного погодя спросила она. Суннива все еще продолжала ждать Хоскульда Флосисона; она назвала слова Сигрид клеветой, когда та сказала ей, что он намеревался бросить ее. После этого Сигрид рассказала обо всем Кальву.

— Девчонка стала просто невозможной, — сказал он. — В последний раз, когда я разговаривал с ней, она сказала, что убьет Ульва, если он ляжет к ней в постель. Я сказал об этом Гейродду. Но тот ответил, что Ульв так горячо желает обладать ею, что наверняка решится на это. Я попросил его дать мне еще немного времени, чтобы вразумить ее. И он сказал, что подождет до Рождества, после чего следует принять окончательное решение.

— Нет ничего хуже, чем ждать. Не лучше ли выдать ее замуж, хочет она того или нет?

В последнее время у Сигрид совершенно иссякло терпение по отношению к дочери.

— Мне бы не хотелось так поступать с ней, — серьезно ответил Кальв.

Сигрид порывисто обняла его за шею; он прижал ее к себе. И, прижимаясь к нему, она почувствовала, что он единственный, на кого она может опереться в этом ненадежном, неустойчивом мире.

И, ощущая тепло друг друга, они забыли на миг обо всем, что окружало их.

На следующий день Сигрид поговорила с Трондом. Но ей трудно было рассказывать сыну о своих неурядицах; это казалось ей унижительным.

— Я знаю не так уж много, — под конец сказал он, — но это правда, что я разбираюсь в этом лучше, чем ты. Если бы ты захотела

следовать моему совету, я бы сказал, что тебе следует оставить Кальва в покое.

— Но, Тронд...

— Ни ты, ни я не можем осуждать священников за то, что они дали Кальву отпущение грехов, — перебил он ее. — Ведь в этом случае мы осуждаем не их самих, мы осуждаем церковь. Что будет, если каждый станет сам решать, как следует поступать священникам? И даже если Кальв неправ, верно одно: пока он связан с церковью и следует ее правилам, он в безопасности. Никто не попадает в ад из-за своей непонятливости или из-за отказа признать грехом то, что, по его мнению, грехом не является. Ты не должна быть такой самоуверенной, мама; тебе следует немного поступиться своей гордостью и предоставить все решать священникам.

Эти слова стрелой вонзились в сердце Сигрид. На протяжении стольких лет она старалась побороть в себе высокомерие, чтобы в один прекрасный день увидеть его в ином свете.

Опустив голову, она закрыла глаза и сложила руки в молитве. И он молча стоял рядом с ней.

— Спасибо, Тронд! — наконец тихо произнесла она. — Думаю, ты сказал мне то, что мне следовало узнать.

Чувствуя унижение и разочарование, она в то же время почувствовала облегчение.

Он положил руку на ее плечо.

— Ты уже решил, что тебе делать дальше? — через некоторое время спросила она. — Ты хочешь стать священником?

— Я не знаю, — ответил он. — Во всяком случае, я собираюсь провести в Икольмкилле еще одну зиму.

— Чем ты там занимаешься? — поинтересовалась Сигрид.

— Читаю, — ответил он. — Священник, перед которым я исповедовался, наложил на меня странное наказание: я должен выучить церковный язык, а потом читать старинные книги.

— Это самое странное наказание, о котором я когда-либо слышала.

— Я рассказал ему об отце, как ты рассказывала о нем; может быть, поэтому он и наложил на меня такое наказание. Я понял также, что хождение по святым местам мало чему меня научит.

Тронд усмехнулся.

— И ты уже выучил церковный язык?

— Вполне.

— И что же он хотел дать тебе прочитать?

— Книгу, которую написал много лет назад один святой. Его звали Августином, а книга называется «Исповедь».

— Ты получил от этого какую-нибудь пользу?

Тронд вдруг загорелся.

— Это все равно, что открыть новую землю! — сказал он. — Почти каждый день я узнавал то, о чем прежде не знал. И у меня появилось чувство обладания этим новым, подлинного понимания. Может быть, отец тоже чувствовал это, посещая святых отцов в Миклагарде.

— Он никогда ничего не говорил об этом. Но я знаю, что впоследствии он жалел, что не стал священником.

Тронд стал серьезным.

— Некоторые священники в Икольмкилле говорят, что я обязан стать священником ради моего отца, — сказал он. Сигрид ничего не ответила; она была не уверена в том, что хочет видеть своего сына в рясе. Некоторое время она молчала. Что-то тревожило ее, она хотела спросить у него об этом, но не решалась. И слова, брошенные Кальвом Тронду, когда Арнор Скальд Ярлов навестил их, заставляли ее думать об это снова и снова.

— Тронд... — начала она. — Ты уверен в том, что у тебя... что ты не...

Она замолчала. Он вопросительно уставился на нее.

— Многие гмужчины, которые становятся монахами, любят... — сказала она. Он уставился на нее, словно не веря своим ушам.

— Не хочешь ли ты сказать, что я люблю мужчин? — спросил он. Она смущенно глонула слюну; ей не хотелось говорить об этом так прямолинейно.

— Нет, но... — замялась она. — Но их так много... — добавила она.

— В чем только не обвиняют монахов, — сказал он, — но я должен сказать, что такого я от тебя не ожидал. Трудно поверить, что ты воспринимаешь всерьез обличительную вису о Торвальде Страннике и его епископе:

*Девять детей
епископ родил;
всем им отцом
Торвальд был.*

Но раз уж ты спросила об этом, я дам тебе правдивый ответ. Возможностей для этого сколько угодно; не все в монастырях служат Богу. Но я могу успокоить тебя: не только эти возможности имеются в монастырях. И тебе нечего опасаться, я могу быть осмотрительным.

Он вдруг расхохотался.

— Вряд ли найдется другая мать, которая станет спрашивать об этом у своего сына!

С этими словами он обнял ее, и они вместе направились к дому.

Торфинн ярл отправился в Норвегию на двух больших кораблях, полных людей и оружия. И во время его отсутствия с Кальвом почти невозможно было разговаривать. Даже Сигрид, более привычная к ожиданию, чувствовала беспокойство.

Но когда в конце лета Торфинн вернулся домой, дело оказалось нерешенным.

— Никогда не думал, что попаду в переделку из-за того, что убил кое-кого из королевских дружинников! — сказал он. — И кто бы вы думали, помешал мне заключить мир с королем? Тот самый человек, которого я оставил в живых в Киркьювоге после смерти Рёгнвальда! Все шло хорошо, мы почти договорились с королем о мире, но тут этот человек потребовал от меня выкуп за своего брата, убитого там. И стоило ему заикнуться об этом, как Магнус пришел в ярость; и я решил, что мудрее всего отправиться восвояси.

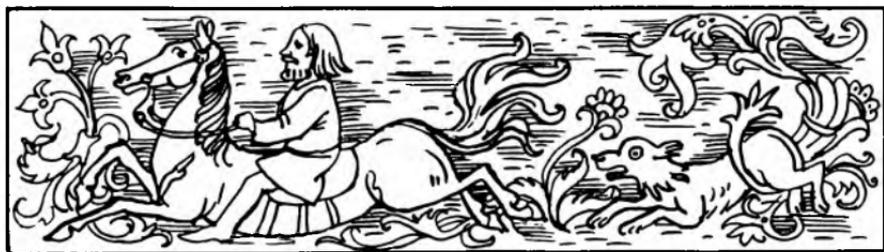
По лицу Кальва Сигрид видела, как тяжело он переживал неудачу Торфинна.

Далее ярл сказал, что конунги отправились в Данию.

— А я думал, что ты тоже отправился в плаванье, — сказал ярл, обращаясь к Кальву. — Ты ведь знаешь короля Эдуарда и служил у него; и ты мог бы отправиться в Уинтон и узнать, что думают люди по поводу вторжения Магнуса и Харальда, если тем удастся одержать победу над Свейном Ульвссоном. Возможно, было бы разумно заключить союз с англичанами.

Кальв был согласен в этом с Торфинном и согласился отправиться туда.

Но позже, оставшись с Сигрид наедине, он отказался говорить с ней о поездке Торфинна.

Незадолго до первого зимнего дня на остров Росс прибыл чужой корабль.

Сигрид особенно не задумывалась, кто бы это мог быть, и даже не поинтересовалась, кто приехал. К ярлу постоянно приезжали люди, приходили корабли из Норвегии, из Исландии и с Фарерских островов, иногда приплывал даже какой-нибудь кнарр из Гренландии. И только на следующее утро, когда Суннива вбежала у ней с сияющим лицом, она начала интересоваться, кто бы это мог приехать.

Ей не очень-то хотелось идти во двор ярла и узнавать, в чем дело. Но Кальв был в Англии, а Тронд вернулся в Икольмкиль, так что идти больше было некому.

И не успела она выйти из дома, как получила известие от ярла, который приглашал ее в тот же вечер придти к нему; какой-то человек хочет поговорить с ней.

Остаток дня Сигрид не отходила от Суннивы и вечером взяла дочь с собой; она считала, что лучше не спускать глаз с девушки, чем оставлять ее одну дома.

Но во дворе ярла ее встречал не Хоскульд Флосисон, как она того ожидала.

Это был Сигват Скальд.

Ей пришлось ухватиться за край стола, когда он встал и направился к ней.

Он поседел и ссутулился, стал даже ниже ростом. Но глаза его были такими же живыми, как и прежде.

— Я был в Дублине в торговом плаваньи, — сказал он, когда она спросила, откуда он прибыл. — И я направляюсь обратно в Норвегию.

Она больше ни о чем его не спрашивала, и разговор в зале шел, в основном, между ярлом и Сигватом.

Сигрид не сводила глаз с дочери. Она все-таки не ошиблась: среди людей Сигвата был Хоскульд. Увидев их, он сначала попытался спрятаться в углу зала, а потом вышел.

И, прежде чем Сигрид ушла домой, Сигват спросил у нее в присутствии всех, не позволит ли она ему навестить ее на следующий день. И ей невозможно было оказать ему, чтобы не вызвать подозрений.

Когда Сигрид сказала Сунниве, чтобы та легла в эту ночь спать в ее постель, дочь только фыркнула.

— Если ты помешаешь мне встретиться с Хоскульдом, ты будешь горько сожалеть об этом всю жизнь! — пригрозила она.

— Если я позволю тебе сделать это, я буду сожалеть еще больше, — сухо заметила Сигрид.

Но заснуть в эту ночь ей так и не удалось.

На следующий день после полудня явился Сигват и попросил Сигрид переговорить с ним наедине.

День был необычным для этого времени года, безоблачным и теплым, и она предложила ему прогуляться на холм, чтобы полюбоваться видом на бухту.

Он согласился, и они направились вверх по тропинке. Когда они отошли на достаточное расстояние, так что их не видно было со двора, она остановилась, и они сели. Она заметила, что он садится с трудом.

— Что тебе нужно от меня? — спросила она, тяготясь его молчанием.

Он сорвал былинку и принялся тереть ее, и Сигрид пришлось подождать, пока он, наконец, заговорил.

— Я чувствую, что долго не проживу, — сказал он. — И прежде, чем умереть, я должен узнать кое-что.

Она подумала, что бы это могло быть, и стала ждать.

— Твоя дочь... — произнес он, — которую я видел в Каупанге и теперь, в доме ярла, она...

Сигрид кинула.

— Кальв знает об этом? — спросил он.

Она снова кивнула. Он непроизвольно положил свою руку на ее.

— Бедная Сигрид, как туго тебе пришлось! — сказал он. В его интонации было что-то такое, от чего у нее на глазах навернулись слезы.

— Ее зовут Суннива? — спросил он.

— Да, — ответила она, — я назвала ее в честь святой, считая, что она нуждается в таком покровительстве. Впрочем, это покровительство не оказалось столь уж значительным, — добавила она.

Он вопросительно посмотрел на нее, и она рассказала о Хоскульде и о своем беспокойстве.

— В одном я могу утешить тебя: Хоскульд явился сюда не для того, чтобы похищать твою дочь, — сказал он. — Нашу дочь... — поправился он, посмотрев ей прямо в лицо. — Я взял его на борт в Ирландии; он хотел отправиться в Норвегию, чтобы поступить на службу к конунгу Магнусу. И я обещал замолвить за него слово, потому что знаю его отца. Но когда он узнал, что мы собираемся зайти сюда, он чуть не выпрыгнул за борт. Он спросил, нельзя ли поставить корабль на якорь в бухте; он сказал, что с радостью останется на борту.

— Она ждет его уже два года! — в отчаянии воскликнула Сигрид. Она думала, что это облегчит ей душу, но вместо этого она снова почувствовала злобу на дочь.

— Должны быть ведь и другие, кто хотел бы жениться на ней? — сказал Сигват. — Она хороша собой. Вся в мать... — с улыбкой добавил он. — Ты теперь красивее, чем когда-либо, Сигрид; возраст только усилил твою красоту, как снег, покрывающий горные вершины.

К своему неудовольствию, Сигрид почувствовала, что краснеет. Несмотря на то, что слова его были пустой любезностью, в них прозвучала какая-то мальчишеская открытость, заставляющая верить в их искренность. Ее давно уже никто не называл красивой.

— Ульв Гейроддссон из Катанеса ждет ее уже третий год, — поспешно ответила она на его вопрос, — Кальв хочет, чтобы она вышла за него замуж, но девчонка отказывается.

— Кальв добр с ней? — тихо спросил Сигват.

— Да, — ответила она, — он относится к ней, как к собственной дочери. И она сама ни о чем не подозревает.

— Я ему благодарен, — медленно произнес он, но она ничего не ответила.

— Ульв Гейроддссон вовсе не плохой жених, — сказал он. Немного подумав, он продолжал: — Я вызову к себе Хоскульда и прикажу ему, чтобы он сам рассказал ей всю правду. Она не верит тебе, но ей придется поверить ему, когда он сам обо всем ей расскажет. После этого она опомнится и выйдет замуж за Ульва.

Сигрид вздохнула.

— Да, — через силу ответила она, — это необходимо. Хоскульд так и не женился в Исландии? — спросила она, немного помолчав.

— У него ничего не получилось. Он слишком медлил со своим возвращением, и его нареченная вышла замуж за другого. И так было лучше для нее, с Хоскульдом у нее ничего путного не вышло бы. Я просто удивляюсь, что у такого добропорядочного человека, как Флоси Тордссон, может быть такой никудышный сын. Я никогда бы не взял его с собой, если бы ни его отец.

— Что было с тобой после нашей последней встречи? — после некоторого раздумья спросила она.

— В Каупанге? — в свою очередь спросил он. — Или в Эгга?..

— В Эгга, — ответила она.

— Ты знаешь, что я отправился в Рим, — сказал он. — И я получил отпущение грехов, поклявшись блаженством своей души.

— Так вот почему ты отправился туда, — сказала она, — а я-то думала, что ты решил покаяться, нарушив клятву, данную женщине.

— Я не имею обыкновения давать клятвы, — сказал он, улыбаясь. Белые зубы на загорелом, обветренном лице, блеск черных глаз...

Просто невозможно было сердиться на Сигвата Скальда!

— Я поняла, что не одна расплачивалась за эту ночь в Эгга, — сказала она. — Тебе хотелось участвовать в битве при Стиклестаде?

— Да, — сухо ответил Сигват. Оба замолчали.

— Но судьба меня не обошла стороной, — сказал он, — у меня был откровенный разговор с его сыном, когда тот начал разорять страну.

— Да, — ответила Сигрид. — Удивительно, что жребий пал именно на тебя.

— Ничего в этом нет удивительного; я сам все подстроил.

— Зачем же вы тогда бросали жребий? — удивленно спросила Сигрид.

— Я полагал, что в этом случае король наверняка согласится выслушать меня, — ответил Сигват. Он глубоко вздохнул.

— Ты как-то сказала, что я друг всех, — продолжал он, — и что в результате я могу оказаться вообще без друзей. Так оно и получилось. Но я надеюсь, что теперь ты так не думаешь.

— Нет, не думаю, — ответила она.

— Хочешь, я замолвлю за Кальва слово, если встречу с Магнусом? — тут же спросил он.

— Не думаю, что Кальв этого захочет. И это не принесет никакой пользы, пока жив Эйнар Тамбарськелве.

— В этом ты права. Братья Кальва не особенно дружат с Магнусом, — продолжал он, — хотя они и были в числе самых преданных людей конунга Олава. Очень немногие стоят теперь близко к королю: всем преграждает путь Эйнар Тамбарськелве. Финн Арнисон стал на сторону короля Харальда и хорошо ладит с ним.

Немного передохнув, он продолжал:

— Меня интересует, как тебе удалось поверить в святость короля Олава, — сказал он, — ты ведь не особенно любила его.

— Я приучила себя к мысли об этом, — ответила Сигрид, — и я действительно стала считать его святым.

— Если бы я до этого не был убежден в его святости, я поверил бы в это сейчас, — сказал он. — Если уж ты поверила в него, значит, в этом нет никаких сомнений!

Он замолчал и стал смотреть вниз, на усадьбу.

— Это не Суннива? — спросил он.

— Она, — ответила Сигрид. — Ей удалось улизнуть, хотя я приказала Гюде — она у нас распоряжается продуктами — последить за ней.

— Она направляется сюда, — сказал Сигват.

— Наверняка они назначили встречу где-то здесь.

Увидев их, Суннива тут же остановилась и повернула обратно. Она побежала обратно во двор, подбежала к двери, вошла. Но вскоре опять вышла и скрылась за углом.

— Наверняка она надеется получить известие от него, — сказала Сигрид.

— Ее ожидания напрасны, — сухо заметил Сигват.

Сигрид вспыхнула от его слов.

— Что заставило тебя поверить в то, что конунг Олав святой? — снова вернулся он к прерванному разговору.

И он слушал, не перебивая, когда она рассказывала ему о своей поездке в Каупанг вскоре после битвы при Стиклестаде, и под конец — о своем разговоре с Финном Арнисоном.

— Так что ты теперь понимаешь, что я пыталась узнать о нем все, что было возможно, — сказала она под конец. — Может быть, ты расскажешь мне что-нибудь еще...

Он сидел и смотрел во двор.

— А это, наверное, Гюда, — сказал он, усмехнувшись. Сигрид тоже засмеялась.

Выскочив из дома, Гюда некоторое время стояла и озиралась по сторонам, а потом принялась бегать среди домов, словно растревоженный муравей. Потом она снова вбежала в дом и выскочила во двор вместе с двумя служанками. И все трое пустились на поиски. Вскоре они обнаружили Сунниву, спрятавшуюся между домами, и привели ее обратно в дом.

— На Оркнеях не так-то легко спрятаться, — сказал Сигват.

— Да, — ответила, — здесь нет ни кустов, ни деревьев.

— Ты тоскуешь об Эгга? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она, — мне не хочется думать об этом.

— Самая сильная тоска — когда человек даже не осмеливается думать об этом... — сказал он. Но ей не хотелось, чтобы он заводил разговор об этом, и оба некоторое время молчали.

— Ты спрашиваешь меня о короле Олаве, — неспеша произнес он. — Последнее время я сам много думал о нем, больше, чем обычно; я собираюсь сочинить в его честь драпу. Но я думал, в основном, о его победах и великих деяниях, а не о том, о чем говорила ты.

Он погрузился в свои мысли.

— Во многом ты права, — сказал он. — Приняв крещение в Руде*, он сделал это ради своей выгоды; он считал, что Христос сильнее Одина и в большей степени способен дать ему победу. И он с таким рвением следовал церковным обрядам — во всяком случае, в первое время — только потому, что видел в этом для себя пользу.

Его мучило сознание того, что его право на королевскую власть было языческим правом. Я знал, что делал, называя его сына Магнусом и сумев при этом избежать королевского гнева. Он часто гово-

* Руан.

рил о короле Карле Магнусе, окрестившем множество язычников и в конце концов коронованным на папский престол в соборе Святого Петра в Риме. Ему очень хотелось быть похожим на него, возможно, он надеялся, что когда-нибудь сам папа будет короновать его, смывая тем самым грязь язычества с его королевского имени.

Может быть, поэтому он и решил вернуться в Норвегию из Гардарики; он чувствовал, что никогда не был законным королем Норвегии. Но он хотел сохранить за собой королевскую власть, взять ее силой, пойти на сделку с Богом, как ты выражаешься.

И он не понял, что только отшвырнув в сторону свой меч Победитель, отказавшись от своего язычества и отдав себя в руки Господа, он стал навечно королем Норвегии. И он одержал победу именно потому, что не понимал этого.

Немного помолчав, он воскликнул:

— Дай Бог, чтобы я вскоре встретился с ним!

С этими словами он повернулся к ней, и она вздрогнула. И снова с его черных глазах зажегся огонь, тот самый огонь, который Сигрид заметила в первый день их знакомства и которые она никогда не могла забыть.

И в этот миг она поняла, чем была для Сигвата; ни она, ни другая женщина не значили для него столько, сколько значил Олав.

— Тебе хочется умереть, Сигват? — спросила она.

— Семнадцать лет прошло со дня его гибели, — ответил он. — И не было ни одного дня, когда я желал бы снова увидеть его. Ведь только узнав, что он мертв, я понял, как много он значил для меня.

Он снова замолчал; сидел и смотрел на запад, уже начинавший пламенеть.

И он произнес нараспев, как всегда, когда говорил свои висы:

*День к закату клонился.
Конь голодный пустился
К дальним домам и склонам,
Камень копыта дробили.
Прочь от датской земли
Уносит меня он все дальше.
Вот споткнулся о камень он.
С ночью встретился день.*

Произнося последние слова, он повысил голос; Сигрид посмотрела на него, и ей показалось, что в глазах его отразился солнечный свет.

Вскоре после этого Сигват встал; казалось, им больше не о чем говорить.

Он поздоровался с Суннивой, когда они вернулись обратно в зал, перекинулся с ней парой слов. И когда Сигрид спросила, не хочет ли он чего-нибудь поесть, прежде, чем отправиться обратно к ярлу, ведь уже совсем поздно, он отказался, поблагодарив.

Пожимая друг другу руки, они понимали, что видятся в последний раз.

— Я пойду в церковь восьмого июля, в день святой Суннивы. И буду молиться — за Сунниву.

Сигрид не стала принуждать Сунниву спать с ней в одной постели этой ночью, и дочь была явно разочарована.

А на следующее утро, сразу после завтрака, во двор явился Хоскульд и спросил, нельзя ли ему поговорить с Суннивой.

Сигрид отвернулась, увидев преисполненную надежд улыбку дочери. Но ей самой показалось странным, что она так тяжело, так близко к сердцу воспринимает все это, от всей души желая, чтобы тоске ее дочери по Хоскульду пришел конец.

Она пошла в дом, оставив их вдвоем во дворе. И, прождав Сунниву дольше положенного времени, она вышла посмотреть, где она.

Она обнаружила ее на пригорке; спрятавшись за большие камни, она лежала, зарывшись лицом в траву, и плакала навзрыд.

Сигрид села рядом с ней, не говоря ни слова.

Прошло немало времени, прежде чем дочь подняла голову. И она посмотрела на мать заплаканными, мечущими искры гнева глазами.

— Поди прочь! — в ярости воскликнула она.

Но Сигрид продолжала сидеть. Она просто сидела и смотрела на берег и на бухту, сидела совершенно неподвижно.

Она видела, как люди Сигвата спускают на воду его корабль и бредут по воде; видела, как Сигват подплыл на веслах к кораблю и перелез через борт, и даже издалека она заметила, с каким трудом он это делает. И она видела, как они ставят парус и берут курс на восток — на восток, в Норвегию.

«Самая сильная тоска — когда человек даже не осмеливается думать об этом», — сказал он. И в глубине души она понимала, что он прав. И она не осмеливалась об этом думать.

Плач Суннивы постепенно затих. Она снова повернулась к Сигриду.

И она вдруг бросилась на шею матери. И снова потоком хлынули слезы. Но Сигрид поняла — с чувством облегчения, — что самое худшее позади.

Кальв вернулся домой в конце месяца забоя скота. И он ничего не сказал, когда Сигрид рассказала ему о Сигвате.

Он привез много новостей из Англии и из Дании.

Его переговоры с королем Эдуардом прошли успешно. Но если они и будут заключать союз, то против Харальда, а не против Магнуса. Король Магнус заболел и умер в Дании. И конунгу Харальду пришлось расстаться с планами завоевания страны и вернуться обратно в Норвегию.

Ярл был рад этим новостям и похвалил Кальва за то, что он так умело повел переговоры с королем Эдуардом.

— Но теперь отпала необходимость заключать с кем-то союз, — сказал он. — Думаю, что я могу смело положиться на свою удачу.

Кальв молчал.

А вечером он напился до безобразия.

Он нес чепуху о смерти короля Магнуса. Он бормотал нечто такое, что встревожило Сигрид, — что-то о вине, которую уже нельзя ничем искупить, потому что уже поздно...

Она пыталась говорить с ним, пыталась объяснить ему, что ошиблась, говоря о наказании. Но это не помогло.

На следующий день, когда она попыталась снова заговорить с ним, он сказал просто, что ей не следует слушать подобный вздор.

Н а одиннадцатый год после того, как Кальв Арнисон переселился на Оркнеи, на остров Росс пришло известие от его брата Финна. Кальв долго разговаривал с человеком, потом подозвал к себе Сигрид.

— Мы возвращаемся в Эгга, Сигрид, — сказал он.

Она хотела ему ответить, но не нашла слов.

— Мы возвращаемся в Эгга, — повторил он. Но она все еще не отвечала. Она прислушивалась к самой себе, пытаясь понять, какие чувства вызвали в ней слова Кальва. Но никаких чувств она не обнаружила; в ней было лишь понимание того, что еще раз придется сниматься с места, что им предстоит вернуться в Эгга.

Она села на скамью. Он тоже сел рядом с ней и начал рассказывать что передал ему Финн.

Эйнар Тамбарскьелве — Эйнар Брюхотряс умер. Благодаря предательству короля Харальда он был убит в Каупанге, в королевской трапезной. И сын его, Эйндриде, находившийся снаружи со своими людьми, тоже был убит.

Но Харальду удалось скрыться до того, как пораженные страхом, лишившиеся своего хёвдинга бонды объединились для мести. Он бежал в Эрланн, к Финну, который дважды был его шурином; Харальд был женат на Торе дочери Торберга Арнесона, а Финн женился вторично, после того, как его первая жена умерла, на Торбьёрг, дочери брата короля.

Харальд сказал, что Финн сам должен решить, что он желает взамен за свою помощь. Крестьяне любили Эйнара; в Трондхейме назревал бунт после того, как Харальд предал Эйнара такой позорной смерти. А Бергльот послала известие в Оппланн Хакону Иварссону, который был ее родичем и влиятельным человеком, призывая его отомстить за ее мужа и сына.

Финн обещал королю свою помощь, но потребовал, чтобы тот пообещал ему вернуть Кальву всю его собственность и все права, какими он обладал, когда Магнус прибыл в Норвегию. Харальд пообещал это сделать в присутствии свидетелей и скрепил свое обещание клятвой.

После этого Финн отправился в Каупанг, где ему удалось настолько усмирить бондов, что они не стали поднимать бунт, а решили подождать, что скажет Хакон Иварссон. Потом он отправился в Оппланн, где его дочь Сигрид была замужем за ярлом; там он изложил дело конунга Хакону Иварссону. Он так искусно повел переговоры, что под конец Хакон заключил с ним мир; помогло здесь и то, что Финн и Хакон были в юности друзьями и вместе ходили викингами.

Сигрид сидела и размышляла.

— Ты думаешь, на Харальда можно положиться? — спросила она. — Его обращение с Эйнаром Тамбарскьелве вряд ли свидетельствует об этом.

— На него можно положиться в той мере, в какой можно вообще полагаться на конунгов, — ответил Кальв. — И дело заключается в том, что друзьями его являются те, кто был недругом Магнуса. И не забывай о том, что Харальд приходится шурином не только Финну, но и мне, поскольку он женат на дочери Торберга. И пока ему нужна наша поддержка, я и мои братья могут полагаться на него, а это, я надеюсь, будет продолжаться долго.

— А как насчет паломничества в Рим? — спросила Сигрид. Было решено, что Кальв вместе с Торфинном ярлом и родственником ярла, королем Шотландии Магбодом, отправятся в паломничество следующим летом.

— В этом больше нет нужды, — сказал Кальв. — Судя по всему, Бог решил, что я уже понес достаточное наказание, и простил меня.

Сигрид ничего не ответила.

— Нечего морщить лоб, — сердито произнес Кальв и добавил: — Я не понимаю тебя! Я прихожу и говорю, что мы возвращаемся домой, в Эгга, а ты после этого вешаешь нос!

— Дай мне время обдумать все, — ответила она.

В этот день она поднялась вверх по тропинке, на гребень холма, и села там на камень.

Острова сияли перед ней в солнечном свете, только на западе над морем нависал туман. На Стейннесе видны были надгробные камни.

Чайки кружили над ней. Надвигался шторм, и ей уже казалось, что она слышит, как волны разбиваются о скалы в западной части острова.

Она увидела, как низко над холмом пролетел крапивник и сел неподалеку от нее на камень. Повернувшись хвостом против ветра, он весело вертел головой из стороны в сторону, кося на нее черным, блестящим глазом. Потом он снова взлетел, пролетел немного и опять сел на камень.

Взгляд Сигрид переместился на юг, к Катанесу. Она часто бывала там, в Торсе, после того, как Суннива вышла замуж. Между ней и дочерью установилась дружба, особенно после того, как появился на свет маленький Одд. Сигрид помогала при родах, которые были тяжелыми, и в самые трудные моменты Суннива проклинала Ульва, мать и ребенка. Но стоило ей только взять на руки малыша, как ее переполнила любовь. И теперь она снова ждала ребенка.

Но Сигрид предстояло вернуться в Эгга, на этот раз она не могла быть в Торсе, чтобы помочь дочери при родах. На миг у нее мелькнула мысль о том, что Кальв может один отправиться в Норвегию, но в тот же миг она поняла, что это невозможно.

Она должна радоваться, убеждала она себя. Она тосковала так, что не осмеливалась себе в этом признаться, пыталась выбросить из головы мысль об Эгга и обо всем, что там было.

Но теперь, когда ей не было нужды подавлять в себе тоску, когда она могла дать ей волю, она обнаружила, к своему удивлению, что тоски никакой и нет.

Она оглянулась: крапивник, все еще сидящий на камне, начал петь, осыпая звонкими трелями траву и вереск. Но его трели вскоре заглушили крики чаек. И она подумала, что тоска в ней все-таки

есть, просто она была заглушена, как пенье крапивника, чем-то другим.

Она должна радоваться, хотя бы ради Кальва. Но вместо радости она ощущала тревогу. Ей не хотелось, чтобы он с такой легкостью отказывался от своего решения отправиться в паломничество по святым местам; сначала он должен сделать это, и только потом они отправятся в Эгга.

Ведь стоило только Сигрид прекратить разговоры о его грехах, как он сам принялся говорить об этом; в особенности, когда бывал пьян, что случалось нередко в последние годы. Чем больше она пилила его и чем больше он убеждал ее в том, что ему не нужды размышлять над этим, тем больше его тянуло к этим разговорам. Он постоянно возвращался к тому, что произошло в Стиклестаде, к смерти Колбьёрна, в которой, как он полагал, была и его вина. Мысль об убийстве брата и всех тех несчастьях, которые преследуют того, кто порвал родственные узы, перемешивалась в его сознании с чувством вины, не покидавшим его со дня смерти святого Олава. Бывало, он говорил о своем брате Финне; он считал, что смерть Колбьёрна — это, возможно, наказание судьбы за то, что сам он желал смерти Финну.

Болтовня Сигрид во времена, предшествующие смерти короля Магнуса, стала основой собственных мыслей Кальв о событиях в Стиклестаде; пустила в нем корни, словно сорняк, который невозможно уничтожить.

Но хуже всего было то, что своим противником он считал теперь не только короля Олава; сам Бог стал его врагом, поскольку Кальв не покаялся при жизни Магнуса, когда еще была такая возможность. Он не удосужился даже поговорить со священником, заявив, что не верит больше им. И когда Сигрид говорила, что раньше он получал прощение Бога из уст священников, он отвечал, что одно дело — простить друга, а другое дело — простить врага.

И наконец Тронду удалось уговорить его отправиться в паломничество по святым местам. Он сказал, что если Кальв получит отпущение грехов у самого папы, он может быть спокоен. Кальв ответил, что, возможно, это дело стоящее, тем более, что в свое время король Олав наложил на него такое покаяние. Но при этом он добавил, что вовсе не уверен в том, что захочет исповедоваться, даже если и по-

падет в Рим. И еще он сказал, что не верит, что получит прощение, даже если сам папа отпустит ему грехи; и он был непоколебим в своем убеждении.

Казалось, удача снова вернулась к Кальву. Тем не менее, Сигрид не покидала тревога: что, если с ним опять случится что-то дурное, что тогда?

Перед тем как покинуть остров Росс, им предстояло сделать много дел.

Они навестили Торфинна ярла на острове Биригис, куда он переселился, став хозяином Оркнеев.

И Сигрид удивила та сердечность, с которой Ингебьёрг дочь Финна прощалась с ней. Отойдя с Сигрид в сторону, она попросила ее передать горячий привет ее отцу в Аустроте.

— Скажи ему, что мне теперь хорошо здесь, — сказала она. — И что я довольна своим замужеством.

Сигрид не стала ничего выспрашивать у нее, но догадалась, что именно после пожара жизнь Ингебьёрг повернулась к лучшему; и она подумала, что Ингебьёрг так же обманывала Тронда, как она обманывает теперь Торфинна. Ей показалось странным, что подлость, совершенная Трондом по отношению к ярлу, могла сослужить хорошую службу Ингебьёрг.

Они послали известие Тронду в Икольмкилл; Кальв хотел взять его с собой в Эгга, поскольку Тронд был его приемным сыном и наследником. Но Тронд передал им на словах, что прибудет в Эгга позже. Он жил в Икольмкилле уже шестой год, хотя — насколько это было известно Сигрид — еще не решил принять сан священника.

И, наконец, они посетили Торсу, чтобы попрощаться с Суннивой и Ульвом.

И вот, вскоре после дня святого Якоба и Филипа, они отправились в путь.

И для Сигрид оказалось куда труднее покинуть Оркнеи, чем она ожидала. И, видя, как острова исчезают в морском тумане, она все еще чувствовала тепло прощальных объятий Суннивы, видела пухлые, маленькие пальчики малютки Одда...

Они шли с попутным ветром и на четвертый день достигли Стада. Кальв показал Сигрид остров Гиске, когда они проплывали

мимо, потому что в прошлый раз, когда они плыли здесь, была ночь, и она его не видела.

Но они не стали там останавливаться. Торберг, брат Кальва, умер, пока они жили в изгнании; а его сын, Эйыстейн Тетерев, был теперь на Гиске лендманом. Они поплыли дальше на север, не выходя на берег до самого Аустрота.

Там их радушно встретил Финн и Торбьёрг дочь Хальвдана. Но они пробыли у них совсем недолго: Кальву не терпелось поскорее вернуться в Эгга.

Через неделю они снова оправались в путь.

Финн ездил в Каупанг к королю Харальду и добился прощения для Кальва. Через некоторое время Кальв отправился к конунгу вместе с братом; он дал клятву верности конунгу и стал служить ему. Харальд сдержал свое слово: Кальв получил обратно всю свою собственность и все свои права, и даже дом в Каупанге. А Сигрид получила обратно свою усадьбу в Бейтстаде; эти усадьбы тоже управлялись королевскими людьми во время ее отсутствия.

Сигрид чувствовала, как в висках у нее стучит кровь, когда они подплыли к месту, где пролив Скарн переходил в Бейтстадский фьорд. И когда они вошли во фьорд, она не могла удержаться от слез, сама не понимая, почему плачет. Все это ей казалось сном; но, снова увидев знакомые места, она, к своему удивлению, не ощутила никакой радости.

И, как она не пыталась, она не могла с теплым чувством думать о времени, проведенном в Эгга. Она различала очертания Каупанга в утренней дымке, видела полуостров Фроста, куда приезжала на тинг с Эльвиrom, сначала, а затем с Кальвом, разглядывала вдали Мэрин и Стиклестаd. Но это были только места; сета, знакомые ей, но ничего для нее уже не значившие.

Теперь в памяти ее всплывали Оркнеи, море, волны, набгающие на берег; и она думала, что теперь там, шторм или хорошая погода.

И еще Суннива с маленьким Оддом. Она обрела теперь спокойствие в Катанесе. Ульв просто носил ее на руках, и то, что ему пришлось ждать целых два года, не имело никакого значения. И ущемленное чувство собственного достоинства Суннивы расцвело пышным

цветом под его восхищенным взглядом. Сигрид оставалось только надеяться, чтобы это не перешло у нее в надменность.

И еще Тронд, каким он был летом: такой тихий, совсем чужой, каждое утро скачущий верхом к мессе в Киркьювог. Она с трудом узнавала в нем прежнего, веселого и проказливого Тронда; что-то мучило его.

Ей хотелось узнать, печалится ли он все еще об Ингебьёрг. Но он только усмехался, когда она пыталась что-то узнать у него. И он спрашивал у нее, не считает ли она его собакой, воющей на луну.

— С ней у меня давно все кончено, — сказал он.

Сигрид говорила с сыном и о своей христианской вере тоже; рассказала ему о том, как сумела обрести мир: забыла свою гордость и предоставила все решать священникам. И она, упрекавшая Кальва в том, что он не верит в Бога, стала понимать, что сама не верит в Него; теперь до нее дошло, что имел в виду Сигт-рюгг Шелковая Борода, разговаривая с ней в Икольмкилле: ей следовало доверить свою печаль Богу, вместо того, чтобы подавлять ее в себе.

Но Тронд не стал обсуждать с ней это...

— Сигрид, ты не хочешь взглянуть? — услышала она голос Кальва. Она повернулась в ту сторону, куда он указывал: перед ним, на высоком холме, лежала усадьба Эгга.

— Вряд ли тебя радует возвращение в свой дом, раз ты не хочешь даже взглянуть на него! — сказал он. — О чем ты думаешь?

— О Сунниве, Ульве и маленьком Одде, — ответила она. — И о Тронде. И еще мне хотелось бы знать, какая сегодня погода на острове Росс.

Кальв рассмеялся мальчишеским смехом.

— Может быть, повернем обратно? — спросил он.

— Ты хочешь, чтобы я попросила тебя об этом?

— Нет.

Глаза его блеснули, когда он одним движением руки отстранил рулевого и сам повел корабль.

Глядя на него, стоящего у руля, Сигрид вдруг заметила, как он постарел за последние годы. Она не замечала этого, видя его из года в год; она мысленно видела его таким, каким он был в день отплытия из Эгга.

Он располнел, борода и волосы его поседел и лишились блеска. И она подумала о том, что, наверное, и сама изменилась: время ведь не было с ней особенно ласковым.

«Ты теперь красивее, чем когда-либо», — сказала ей Сигват всего три года назад. Было время, когда она считала важным для себя быть красивой. Но теперь для нее ничего не значили пустые похвалы человека, всю жизнь льстившего другим.

— Какая же ты дура! — сказала она самой себе. Она не заметила, что произнесла эти слова вслух, и Кальв спросил, о чем она говорит. Она улыбнулась.

— Я разговариваю сама с собой, — сказала она, — и я сказала, что я старая дура.

Она снова улыбнулась, покачав головой.

— Тебе не следует в этом сознаваться, — сказал Кальв, — иначе все согласятся с тобой.

Она снова улыбнулась, оценив его неуклюжую вежливость. И она почувствовала радость оттого, что он именно такой. С его словами и образом мыслей. Во всем этом было что-то очень надежное.

Впрочем, Сигват сдержал свое слово после их последней встречи; Торфинн ярл рассказал о его поездке к конунгу Харальду.

Как он и обещал, он высадился на Сэле. Но дальше он так и не продвинулся; он был слишком болен; говорили, что конунг Олав явился ему во сне и назвал день его смерти. И он принялся спешно составлять завещание королю и распорядился вырезать на деревянной палочке, пока еще было время. И когда назначенный день стал клониться к вечеру, он почувствовал, что пока еще не умирает. И тогда он встал с постели и сочинил песнь о том, как горячо желает встречи со своим господином. И когда песнь подошла к концу, он упал мертвым.

Они обогнули мыс; перед ними лежала усадьба с зеленеющими полями на склонах холма; свежая поросль казалась зеленой дымкой на фоне чернозема. И в воздухе стоял густой, сладкий запах черемухи, росшей вдоль Черемуховой аллеи.

— В этом году весна ранняя, — сказала она Кальву. И он кивнул.

На пристани толпились люди; весть об их приезде шла впереди них. Многие лица были знакомы Сигрид, но некоторые она узнавала с трудом.

Они вышли на берег, люди окружили их.

Первой к Сигрид подошла Рёгнхильд; стоя на самом краю причала, она чуть не свалилась в воду, торопясь передать Сигрид связку ключей. Там были Финн и Ингерид из Гьеврана; Харальд Гуттормссон, священник Энунд, Бьёрн из Хеггина и другие соседи; их лица мелькали перед глазами Сигрид.

И когда с корабля Кальва сошли люди, их, как и одиннадцать лет назад, приветствовали радостными криками.

Но Сигрид чувствовала себя среди них лишней.

И когда они вошли во двор, она подумала, что теперь-то уж должна почувствовать радость возвращения домой.

Но никакой радости не было. Она ждала целый день, до позднего вечера; она размышляла об этом, лежа в своей постели...

Постель пахла чем-то чужим; Сигрид фыркнула, подумав, кто бы это мог спать здесь...

Тоска ее была так велика, что она не осмеливалась думать об этом; тоска все еще продолжала оставаться частью ее и не отступала.

Ведь она оставила позади себя так много.

И тут она подумала, что всегда тосковала о чем-то. Сначала это была тоска по земле обетованной, возникавшей среди ее детских грез в лучах заходящего солнца. Потом это была тоска по Бьяркею; вот и теперь перед ее мысленным взором были Бьяркей и остров Росс, море и пенные волны, туманные дали и крики птиц — все это сливалось воедино...

Ложась спать, Кальв разбудил ее; после того, как она ушла спать, он долго еще сидел в зале с Финном Харальдссоном.

— Ну, как, Сигрид? — спросил он. — Как тебе живется замужем за Кальвом из Эгга?

В глазах его светилась бурная радость. И его радость нашла отклик в ее душе, она улыбнулась ему.

— Хорошо живется, Кальв, — ответила она.

Это свет в его глазах заставил ее сказать правду.

Не прошло и нескольких недель, как жизнь в Эгга вошла в свое обычное русло, словно Кальв и Сигрид никогда и не покидали усадьбу.

В хозяйстве не было никаких нарушений, все трудились на своих местах в отсутствие Кальва. А королевским арендатором был Харальд Гутгормссон; он считал, что так будет лучше всего. Он сказал, что надеялся на возвращение Кальва и не желал, чтобы усадьба перешла в чужие руки.

И Кальв согласился с ним.

Сигрид казалось, что усадьба Эгга опустела без детей; она всегда держала своих детей при себе.

И не то, чтобы во дворе совсем не было детей. Детей во дворе было, напротив, предостаточно; мальчики сражались деревянными мечами и охотились друг за другом, как это делали когда-то ее сыновья, а девочки визжали и играли, изображая из себя хозяек. С некоторыми из них Сигрид познакомилась.

Она обратила внимание, еще в день приезда, на одного мальчика одиннадцати-двенадцати лет. Он всегда был один, держался от остальных в стороне, и она спросила, кто он такой.

Ей сказал, что это Грьетгард Харальдссон, сын Харальда Гутгормссона и Хелены. Ей очень хотелось увидеть Хелену, и она спросила у одной из служанок, где она.

— Несколько лет назад она ушла в леса, — ответила ей та. — Она отправилась на восток, в Рунгстадваннет, где раньше жила колдунья. Люди говорят, что она святая и может лечить болезни. Харальд взял себе другую жену, вдову одного из воинов, погибшего во время похода конунга Магнуса против датчан.

Ее звали Олава, она была маленькой и милой; теперь она ждала ребенка и была круглой, как шар. И Харальд уже не был таким раздражительным, каким она знала его перед отъездом.

Но о детях Харальда и Хелены — Грьетгарде, Колбейне и Тюре — мало кто заботился.

Священник Энунд по-прежнему жил в усадьбе; из Каупанга так и не прислали нового священника. И вид у него был утомленный; ведь он был уже не молод, а приход был большим.

Сигрид очень хотелось поговорить с ним, рассказать ему о Тронде. Но случай представился не сразу. Днем он почти всегда был занят, а к вечеру так уставал, что засыпал в зале сразу после ужина.

Вскоре после дня святой Суннивы он нашел вечером время, чтобы поговорить с ней. Моросил дождь, и они сидели в его полутемной каморке. И он терпеливо слушал, как она рассказывала ему о своей жизни в изгнании; он понимал, что ей нужно высказаться.

«Странный этот Энунд, — подумала Сигрид, закончив свой рассказ. — Он всегда так занят, но когда ему приходится говорить с человеком, он даже не намекает на то, что у него нет времени».

— Ты не очень-то рада тому, что Тронд проходит учение у священников, — сказал он.

— Да, — ответила Сигрид, — поскольку мы вернулись сюда и он является наследником Эгга, было бы совсем некстати, если бы он стал священником.

Она надеялась, что Тронд вернется в Эгга этим летом. Кальв оставил его корабль в усадьбе Торфинна ярла, и они оба были разочарованы, что его все еще нет.

— Все в руках Божьих, — серьезно сказал Энунд.

И она стала говорить с ним о Кальве, рассказала, как в конце концов, с помощью Тронда, поняла, что дурно с ним обращалась.

Энунд задумался.

— Тронд дал тебе хороший совет, — сказал он. — Трудно, когда старая вера и образ мыслей пускают в человеке такие глубокие корни, что уже не находится места для чего-то нового; лучше всего в таких случаях удовлетвориться тем, что человек хоть что-то понимает и следует церковным правилам. Бесполезно наливать в ведро больше, чем оно может вместить.

Бывает, что мы, люди, приносим друг другу больше вреда тем, что стараемся помочь другому, — добавил он. — Упрямство можно вытерпеть с Божьей помощью. Тогда как от доброжелательной глупости нет никакой защиты.

— Но ведь это же не глупость... — сказала Сигрид, чувствуя себя задетой. Она молчала, сердясь на него.

— Высокомерие влечет за собой множество других грехов, Сигрид, — серьезно продолжал он. — Поверь мне, я знаю это по своему горькому опыту, — он замолчал и обвел глазами свою каморку. — Теперь я понимаю, что в этой комнате умер человек, который более, чем кто-либо из тех, кого я знал, был близок Богу, — сказал он, — но я слишком поздно понял это. Он не скрывал ни от кого свои слабости, чувствуя себя самым ничтожным из всех. Но он день за днем делал свое дело, не ожидая понимания со стороны тех, кого он поучал, принимая все как есть, поскольку это решалось не им, а теми, кто был пронизательнее него. Он понимал, что великие мысли и великие дела ему не по плечу, и он брался лишь за малое. И теперь я понимаю, что он был прав, говоря, что мы способны лишь на малое; и я вел тебя по ложному следу, Сигрид.

Она удивленно смотрела на него.

— Я слишком много требовал от самого себя, поэтому я много требовал и от других, — продолжал он, — и я говорил вместе со святым Павлом: я заставляю его делать то, что делает меня сильным.

Но я придавал значение тому, на что я сам был способен; и мне хотелось завоевать небо. Ведь чем больше я задумывался над тем, что говорил Бог и отцы церкви, чем больше я — как я полагал — разбирался в христианстве, тем больше я требовал от самого себя. В конце концов я понял, что Бог требует все; я должен был спорить ради него до тла, в пламени моей любви к нему одному.

Но пришел день — день, который должен был придти — и я не смог продолжать это дальше. И мне показалось, что меня проглатывает бездна между тем, что требовалось от меня, и тем, на что в действительности был способен.

И тогда Бог напомнил мне, как священник Йон довольствовался малым. И я вспомнил, как ты однажды сказала мне, что я требую от тебя слишком многого: ты сказала, что не можешь поверить в то, что Бог, любя людей, может требовать от них большего, чем они способны дать Ему.

И я, наконец, понял, что ошибался; другим я указывал на любовь и милость Бога, а сам пытался жить без этого.

Я понял, что наше высокомерие заставляет нас думать, будто мы в состоянии сделать больше, чем от нас требует церковь. Сами по

себе мы способны лишь на малое; и только Бог делает нас сильнее, делает нас способными на великое.

И только в Боге мы можем стремиться к совершенству, обретая наши надежды, наше небо.

И я наконец понял, что жил не для Бога, а ради своего высокомерия. Я набирался учености, пытался жить жизнью святого, но не ради самого Бога, а ради того, чтобы показать Ему, на что способен священник Энунд.

Мне трудно признаваться в этом, но моя жизнь была ложью: прикрываясь именем Господа, я хотел возвеличить самого себя.

И под конец я обрел мир, поняв смысл слов Иоанна Крестителя: Он наполнит собой мир, а я сойду на нет.

И когда я впервые понял, что вся моя ученость, которой я так гордился, это всего лишь плевел, я впервые узрел свет Божественной мудрости. В своей беспомощности я был ничем по сравнению с Его силой; и в своем ничтожном самомнении я понял совершенство Его любви — любви ко мне.

И снова я отправился в паломничество: снова я вернулся, как блудный сын, в маленький, круглый домик святого Кутберта на острове Фарнес, где вновь обрел мир и Божью благодать.

Сигрид сидела молча, не глядя на него. Ей показалось странным, что именно ей он признавался в этом. Он мог бы просто поговорить с ней о ее высокомерии, не подставляя самого себя под удар.

Она исподлобья взглянула на него. Но лицо его было непроницаемым; в полутьме трудно было различить его черты. И она начала говорить о другом.

— Я слышала, что Хелена отправилась в Рунгстадваннет, — сказала она.

— Да, — ответил он. — И я не знаю, что мне с ней делать, — добавил он, тяжело вздохнув. Сигрид ни о чем его больше не спрашивала.

Но вскоре после этого разговора она отправилась верхом в Рунгстадваннет. Она взяла с собой корзинку с едой; люди знали, что Хелена питается ягодами и растениями, которые собирает в лесу, а также тем, что приносят ей люди.

Дверь была открыта, но Сигрид все же постучала. И когда никто не ответил, она заглянула внутрь.

Там было чисто, на полу лежали ветки можжевельника.

Хелена стояла на коленях перед крестом, висящим на стене, уткнувшись лицом в землю и не шевелясь; Сигрид сначала подумала, что она спит. Хелена не шевелилась, пока Сигрид громко не позвала ее по имени. Сигрид присела возле двери и стала ждать.

Через некоторое время Хелена встала и направилась в ее сторону. Сигрид тоже встала. Она ужаснулась, увидев, какой худой стала Хелена; на лице ее были только глаза, которые устрашающе сверкали.

Сигрид подумала, узнает ли ее Хелена. Но опасения ее были напрасны. Хелена протянула ей руку — настолько исхудавшую, что Сигрид едва осмелилась ее пожать.

— С возвращением тебя, Сигрид, — сказала она, — я ждала тебя.

— Ты знала, что я вернулась? — с удивлением произнесла Сигрид, уже готовая поверить, что эта отшельница предсказывает будущее.

— Я слышала, что ты вернулась в Эгга.

— А-а... — с облегчением произнесла Сигрид. И она показалась самой себе смешной: Хелена была всего-навсего Хеленой, хотя и страшно исхудавшей.

— Я принесла тебе еду, — сказала она, указывая на корзинку, стоящую у порога. — Лучше ее внести сюда, пока в корзинку не залезли муравьи.

— Пусть муравьи тоже поедят, — сказала Хелена. — Оставь корзину там. Мне много не надо.

— Судя по твоему виду, тебе нужно больше, чем им, — сердито произнесла Сигрид. Она принесла еду не для того, чтобы кормить здесь муравьев.

Она стояла и смотрела на руки Хелена; на них были шрамы, как от ударов кнута. На миг к горлу у нее подступил ком, но она тут же взяла себя в руки и отвернулась.

Но Хелену не рассердил ее пристальный взгляд. Она рассмеялась.

— Просто удивительно, как мало надо человеку, когда у него есть Бог, — ответила она на замечание Сигрид по поводу еды.

Сигрид ничего на это не сказала, ей стало стыдно при мысли о том, как много она всегда требовала сама. Тем не менее, она внесла корзинку и решительно поставила на скамью.

Подойдя снова к двери, она некоторое время стояла молча. Шрамы на руках Хелены напомнили ей о том времени, когда она сама

накладывала на себя наказания сверх того, что требовала от нее церковь; но она никогда даже не мечтала зайти так далеко!

И тут она задала вопрос, который вертелся у нее на языке с тех самых пор, как она узнала, что Хелена покинула Эгга:

— Как же ты решилась бросить своих детей?

— Если на то воля Бога, чтобы я была здесь, Он позаботится о них, — убежденно ответила Хелена.

— Откуда ты знаешь, что Бог желает этого?

— Я знаю это, — уверенно ответила она. — Помнишь, как однажды мы были с тобой в Каупанге? — продолжала она. — Ты вышла со мной на берег и показала мне стапели, оставшиеся от «Длинного Змея»?

В тот раз я сказала тебе, что мне хотелось бы жить так, как я сейчас живу. Но священник Энунд сказал, что я бегу от жизни; он сказал, что я должна подождать, пока у меня не появится что-то такое, чем я могу пожертвовать ради Господа.

Потом наступило время, когда я, наконец, начала искупать свои грехи, и я попробовала принести в жертву все, что было для меня дорого. Но в конце концов я поняла, что все, чем я жертвую, не имеет никакой ценности, пока я, ради Господа, не отвернусь от самого дорогого в жизни: я поняла, что я должна покинуть своих детей.

Сигрид не нашла, что ответить. Не мешкая, она поскакала домой. И всю дорогу ей казалось, что она видит перед собой грустные глаза Грьетгарда Харальдссона.

Она вернулась в Эгга в мрачном настроении. Она пошла к священнику Энунду и рассказала ему о своей поездке. При этом она сказала — и это было правдой, — что Хелена кажется более счастливой, чем была после смерти Грьетгарда.

Отвечая ей, Энунд как будто говорил сам с собой, глядя в пространство:

— Это я крестил Хелену. И я назвал ее в честь святой Хелены, нашедшей крест Христа. Наша Хелена тоже нашла свой крест. И мне хотелось бы только, чтобы это был истинный крест.

В эту осень Сигрид ездил вместе с Кальвом на тинг в Мэрин, и эта поездка ее очень обрадовала.

Когда она раньше бывала на тингах с Кальвом, для нее было естественным видеть, его хёвдингом всего Внутреннего Трондхейма; теперь же дело обстояло иначе.

Ее удивило, что он занял свое место с таким видом, будто и не покидал его; что люди, даже не знавшие его до этого, безропотно подчинялись его власти, принимая его решения без всяких возражений.

И сам Кальв воспринимал это как должное.

И только теперь Сигрид поняла, как трудно приходилось Кальву в изгнании, оторванному от этих мест и этих людей, которых он считал своими, от всего того, что составляло смысл его жизни. Она поняла, что он еще сильнее, чем она привязан к Трондхейму, к его обычаям и законам.

Но она начала также понимать, в чем состояла его самая большая ошибка: в том, что он хотел поставить себя выше всего этого. «В ведро нельзя налить больше, чем оно вмещает», — сказал Энунд. И Кальв был того же мнения, вполне довольствуясь положением лендмана из Эгга.

И все-таки Сигрид чувствовала себя чужой во Внутреннем Трондхейме. Даже в Мэрине, к которому она должна была быть привязана всеми нитями своей жизни, она чувствовала себя гостьей, посетившей место, о котором слышала в каком-то предании.

Она сказала об этом Кальву, когда они ехали верхом из Мэрина в Кроксвог после окончания тинга.

Был серый, туманный день, они едва различали дорогу. И они осторожно спускались с холма, говоря о тинге и о вынесенных там решениях, а когда выехали на равнину, холм позади них скрылся в тумане. Лишь голоса и смех впереди, в тумане, напоминали им о том, что они не одни в этом сером мире.

И в памяти Сигрид яснее, чем прежде, всплыли Оркнеи с их плотным туманом и плеском волн.

— В конце концов ты снова почувствуешь себя здесь дома, — сказал Кальв уверенно. — Стоит только Тронду вернуться домой, и ты не будешь думать, что твои дети так далеко...

— Да, но ты-то уж точно здесь на своем месте, — сказала Сигрид и рассказала ему, как радовалась, видя его на тинге.

Но Кальв ничего не ответил, и оба надолго замолчали.

— На тинге я вспомнил, как был последний раз в Мэрине с королем Олавом, — наконец произнес он. — Тогда я в последний раз чувствовал к нему полное доверие.

— Ты все еще думаешь об этом? — спросила Сигрид. Хотя они были в последние годы откровенны с Кальвом, он не называл имя конунга Олава после своего возвращения в Трондхейм. — По крайней мере сейчас ты чувствуешь, что примирился с ним?

— Я не знаю, — ответил он. И когда он посмотрел на нее, на переносице у него пролегла складка. — В тот раз король поступил плохо, и впоследствии он предал меня. Но все-таки сама его смерть и то, что произошло потом, заставили меня считать, что изменником являюсь я сам. Я убеждаю себя сам, что не совершал ничего дурного, что он первый изменил мне. Я сделал только то, что полагалось сделать хёвдингу: верить тем, кто верил мне, отвечать враждебностью на измену.

— И теперь тебе воздалось по заслугам, Кальв. Каждый человек во Внутреннем Трондхейме уважает тебя; я сама слышала, как люди говорили, что Эйнар Тамбарскьелве опозорил себя, посеяв вражду между тобой и конунгом Магнусом.

— Теперь им легко об этом говорить, — сухо заметил он. — Они, наверное, забыли, что у многих из них было совсем другое настроение перед тем, как я вынужден был покинуть страну.

— Они увидели последствия мстительности Магнуса. И все эти годы им не хватало на тинге тебя; я поняла, что с законом и правом здесь было не все в порядке.

— Да, — ответил Кальв и замолчал. — Мне не приходится жаловаться ни на недостаток знания законов, ни на недостаток здравого смысла, — сказал он. — И все же я не могу стряхнуть с себя постыдного чувства вины. Мне кажется, вина моя настолько велика, что я не смогу ничем искупить ее.

В эту осень и зиму в Эгга было весело.

Кальв поселил в доме несколько исландцев; они прибыли в Трондхейм осенью на торговом судне. Среди них было два брата, Бьярни и Торд Халлбьёрнссоны; Бьярни был скальдом по прозвищу Скальд Золотых Ресниц. Он был большим шутником, и на Рождество в доме не смолкали споры и смех.

Но Бьярни был острым на язык, поэтому не было ничего удивительного в том, что он легко наживал себе врагов. И у него произошла большая перебранка с другим исландцем, которого звали Торгрим Халласон. Торгрим сражался в войске короля в битве при Стиклестаде; он был одним из тех, кто отправился со святым Олавом в изгнание, и он очень гордился этим. И он не скрывал, что Кальва считает изменником.

Кальв особенно не спорил с ним, хотя Сигрид понимала, как тяжело ему все это выслушивать. Но Бьярни Скальд Золотых Ресниц дал явно понять Торгриму, что тот ведет себя невежливо. Он сказал, что либо тот должен оставить свое мнение при себе, либо ему следует покинуть дом Кальва.

Перед Пасхой Бьярни пришел к Кальву и спросил его, не позволит ли он ему произнести драпу, сложенную в его честь. Кальв охотно согласился, и все собрались в большом зале, чтобы послушать Бьярни.

Драпа эта рассказывала о жизни Кальв, о всех битвах, в которых он участвовал, о всех совершенных им подвигах.

Песнь получилась хорошей; и, слушая ее, Сигрид подумала, что песнь эту долго будут помнить после того, как Кальв ляжет в сырую землю. Но ей не понравилось то, что скальд придавал такое большое значение роли Кальва в стиклестадском сражении; она боялась, что конунгу Харальду, который тоже сражался в войске короля, не понравится эта драпа, если она дойдет до его ушей. Но всем было ясно, что Бьярни решил заткнуть рот Торгриму.

Кальв не имел никаких возражений против этой песни; и он отблагодарил скальда очень щедро: подарил ему золотую цепочку, привезенную из ирландского похода.

Но Торгрим был не из тех, кто медлит с ответом; едва Бьярни закончил, как он вскочил с места.

— Мало ты считаешь конунга Норвегии и святого Олава, превознося человека, виновного в смерти святого! — воскликнул он. — А ты, Кальв Арнисон, охотно слушаешь песнь о своей собственной подлости!

— Помолчал бы ты лучше, Торгрим, — с издевкой произнес Бьярни. — Над тобой ведь смеются. В праздники тебя кормят в Исландии с ложечки теплым молоком. Так что меня не удивило бы, если в Стиккестаде ты показал бондам только свой зад!

Не говоря ни слова, Торгим встал и вышел из зала. Но вскоре он опять пришел и направился прямо к скамье, на которой, рядом с Кальвом, сидел Бьярни. И прежде чем кто-то догадался о его намерениях, он нанес скальду смертельный удар.

Торд, брат Бьярни, вскочил и выхватил меч, но по приказу Кальва несколько дружинников встали между ними. Торгрим был схвачен, а труп унесли.

После этого в зале стало удивительно тихо. Никто больше не говорил о песни Бьярни Золотогосого, все рано разошлись спать.

На следующий день Кальв созвал домашний суд; он объявил Торгрима вне закона за убийство Бьярни.

Не успел еще Кальв произнести слова приговора, как Торд Халлбьёрнссон подбежал к Торгриму и проткнул его мечом. Но он еще не вытащил свой меч из трупа, как Колгрим, друг Торгрима, выскочил вперед и ударил Торда мечом в спину; и тот повалился лицом прямо на труп.

На том все и закончилось.

Сигрид была напугана происшедшим; ей оставалось только гадать, как конунг Харальд воспримет все это. Кальва все это тоже не радовало; и даже после того, как Торд умер от нанесенной ему раны, Кальв не стал снова назначать домашний тинг, чтобы вынести приговор Колгриму. Приближался весенний тинг, и он подумал, что, возможно, будет лучше передать это дело туда.

Но слухи о смерти исландцев распространялись по Трондхейму, словно круги по воде.

Вскоре после смерти Торгрима Харальд неожиданно явился в Эгга со своей дружиной.

Сигрид подумала, что не зря о конунге говорили, что он любит появляться неожиданно, чтобы посмотреть, какой ему окажут прием. Тем не менее она опасалась, что на этот раз у него другие намерения; наверняка его привели в Эгга события последнего времени.

Она старалась как можно лучше подготовиться к приезду короля, но все это время ее не покидал страх. И, несмотря на занятость, она нашла время, чтобы пойти в церковь и попросить у Бога помощи.

Сигрид впервые встретила с Харальдом. Он был необычайно высоким, широкоплечим и сильным, с самоуверенной, немного язвительной улыбкой. Он часто смеялся, но смех его нередко звучал издевательски.

Ей не понравился ни он сам, ни его приветствие.

— Я слышал о тебе, — сказал он, смерив ее взглядом, и тон, которым он произнес эти слова, ясно свидетельствовал о том, что то, что он слышал о ней, было не в ее пользу.

Король до этого никогда не бывал в Эгга, и вечером он попросил Кальва показать ему усадьбу. Не было ни одного дома, куда бы он не заглянул.

И когда они проходили через галерею в старом зале, Харальд заметил Колгрима, который сидел там, связанный.

— Что это за пленник? — спросил он.

— Это исландец, совершивший убийство, — сказал Кальв, которому стало явно не по себе.

— Значит, ты исландец, — сказал король. — Возможно, ты к тому же еще и скальд?

— Да, господин, — поспешно ответил исландец и добавил: — Однажды я сочинил песнь о Вашем брате, короле Олаве. Теперь же я ожидаю здесь смерти. Но я встречу ее без скорби, если буду удостоин чести произнести эту драпу перед Вами.

— Я не откажу тебе в этом, — ответил король.

И после ужина Колгрима привели в зал.

Кальв сидел молча, когда король попросил скальда произнести свою песнь.

Ее вряд ли можно было назвать удачной; Сигрид заметила, что король, который сам был скальдом и хорошо слагал висы, нетерпеливо ждал, когда тот закончит.

— Хорошо, что ты так думаешь о моем брате, — сказал он, — но нужно ли тратить столько слов, чтобы сказать это?

И он был не единственным в зале, кто вздрогнул, когда в конце своей песни Колгрим изложил напрямую свое дело:

*Мне помощь нужна королевской дружины,
превысил власть свою Кальв.*

Конунг нахмурился.

— Яснее не скажешь, скальд, — сказал король. И он попросил Колгрима изложить все по порядку. Колгрим не заставил себя упрашивать; и в своем рассказе он особенно подчеркнул хвалебные слова Бьярни Скальда Золотых Ресниц по поводу участия Кальва в битве при Стиклестаде.

Король был настроен далеко не благосклонно, когда повернулся к Кальву и спросил, почему тот объявил Торгрима вне закона.

— Это обычное дело об убийстве, — ответил Кальв.

— Не такое уж и обычное, — ответил король. И язвительно добавил: — Насколько я понял, тебе понравилось, когда тебя похвалили за совершенную тобой в Стиклестаде подлость. Возможно, ты кичишься и тем, что обратил меня в бегство?

— То, что произошло в Стиклестаде, относится к прошлому, — ответил Кальв. — Теперь же я присягнул тебе на верность, господин, и клятву эту я сдержу.

Король вдруг холодно усмехнулся.

— Посмотрим, — сказал он. После этого он повернулся к скальду и в награду за его песнь дал ему свободу. И отменил приговор Кальва, объявляющий Торгрима вне закона за убийство Бьярни Скальда Золотых Ресниц; он приказал, чтобы сын Торгрима унаследовал имущество как скальда, так и его брата.

Кальв молчал; он смотрел в пол, когда король произносил свой приговор. Но Сигрид видела, как сжимаются его челюсти.

После того, как Харальд отбыл из Эгга, Кальв напился до такого состояния, в котором Сигрид не видела его со времени их отъезда с Оркнеев. И это продолжалось ни один вечер; целая неделя прошла, прежде чем стало возможно снова разговаривать с ним.

И когда Сигрид как-то утром попробовала утешить его, сказав, что король уже удовлетворился своей мезтью, его уже это не интересовало, и но только язвительно рассмеялся.

— Мне следовало бы предвидеть это, — сказал он, — Господь не простил меня; Он просто играл со мной, как кот с мышью.

— Ты не должен говорить о Боге, словно Он всего лишь какой-то Один, — раздраженно сказала она.

— Наконец-то ты заговорила про Одина; куда охотнее я вернулся бы к вере в богов, которые всегда приносили мне удачу. От христианского же Бога мне не приходится ожидать ничего, кроме преисподней.

Сигрид похолодела.

— Ты с ума сошел, Кальв! — сказала она. — Я не понимаю, почему до тебя никак не доходит, что Бог желает спасти всех. Он никого не осуждает на вечное проклятье; это наши собственные грехи осуждают нас на муки, как сказал однажды священник Йон. И Он может простить нам наши грехи, если мы попросим Его об этом.

Но Кальв повернулся к ней и посмотрел ей прямо в лицо; и она увидела в его глазах нечто такое, чего никогда раньше не видела: предчувствие ужаса. Его взгляд скользнул в сторону; некоторое время он молчал, потом внезапно воскликнул:

— А Иуду Он простил?

— Кальв! — в страхе воскликнула она. Но она ничего больше не сказала, парализованная его словами. И она прижала его к себе.

— Кальв, — прошептала она, — ты должен выслушать меня. Это не правда, что ты продался дьяволу, выступив против короля Олава. Мало кто становится святым, не встречая сопротивления; и тот, кто стоит поперек дороги у святого, не служит дьяволу, а является инструментом в руках Господа.

Но он вырвался из ее рук.

— Кто тебе сказал об этом?

— Сигтрюгг Шелковая Борода сказал мне об этом в Икольмкилле. И он сказал, что Бог простирает свою руку над теми, кто сослужил ему такую службу.

— В самом деле, Он защищает меня, — с горечью произнес Кальв. С этими словами он встал и вышел из спальни.

Вечером он снова напился, и когда Сигрид пыталась вернуться к этому разговору, он пришел в ярость.

От Харальда больше не было никаких известий, и ближе к лету Кальв стал готовиться к викингскому походу; он собирался отправиться в Данию. Но Сигрид все это время не покидала тревога; после приезда короля он почти не бывал трезвым.

Эта весна была трудной для них обоих. Беспокойство Сигрид росло день ото дня: Кальв напивался до бесчувствия, говорил глупости в присутствии своих людей, бессвязно бормотал что-то об измене и вечных муках ада.

Она пыталась образумить его; священник Энунд тоже пытался поговорить с ним, но все было напрасно.

И только перед отъездом он стал приходить в себя; мысль о предстоящем плавании, сражениях и грабежах вытесняла все остальные мысли. И последние дни перед отъездом он был трезв.

— Я не могу сражаться, когда я пьян, — пояснил он Сигрид. И она не знала, радоваться ей или злиться по поводу того, что он мог, когда хотел, воздерживаться от выпивки.

Они говорили о многом в эти последние дни; о времени, проведенном в Эгта до изгнания, об острове Росс, о Сунниве, о Тронде, который все еще не вернулся домой в Трондхейм. Сигрид опасалась говорить с Кальвом о неприятных вещах, боясь, что он снова начнет пить.

Но в самый последний вечер перед отъездом он сам заговорил об этом.

— Священник Энунд был у меня, — сказал он.

— В самом деле?

— И это был последний раз, когда я разговаривал с ним, — мрачно добавил он.

— Он сказал тебе что-то плохое?

— Просто он осмелился сравнить меня с этим ничтожеством, священником Йоном!

— Энунд не имел в виду что-то плохое. Он очень высоко ставит священника Йона.

— Сравнивая нас, он ссылался вовсе не на самые лучшие качества священника Йона. Он сказал, что я так же боюсь услышать правду о самом себе, как священник Йон боялся боли. Он считает, что я перестал исповедоваться по той причине, что боюсь, как бы священник не подтвердил мое самое худшее мнение о себе. Он сказал, что, отказываясь исповедоваться, я утешаю себя мыслью о своей невинности.

Сигрид лежала и размышляла об этом.

— Может быть, Энунд и прав, — сказала она наконец. — Во всяком случае, ты всегда отказываешься исповедоваться о своем от-

ношении к королю Олаву. И когда у тебя была возможность покаяться, ты тоже отказался от этого.

Он вздохнул.

— Разве ты не понимаешь, что, покайся, я тем самым признал бы себя изменником в глазах всех и самого себя.

— Ты и так не раз называл себя изменником.

— Одно дело, когда я, не очень-то веря в это, говорю это тебе назло или швыряю это в лицо самому себе, — сказал он, — и совсем другое дело, жить изо дня в день с сознанием того, что я изменник; думаю, такого унижения мне не перенести.

Она не ответила, и он с оттенком удивления произнес:

— Не понимаю, как это могло случиться; я всегда пытался жить так, как подобает хёвдингу...

— Возможно, этого тебе и не понять, — ответила она. — Всем нам предстоит испытать унижение, когда мы попадем в очистительный огонь; возможно, твое унижение будет состоять в том, что тебе придется, не понимая происходящего, смириться с ним.

Оба замолчали.

— Энунд сказал и еще кое-что, — продолжал Кальв. — Что Бог в своей доброте однажды наложит на меня такое наказание, то которого я всегда пытался уйти, подобно тому, как священник Йон испытал в конце своей жизни боль. Я ответил, что Бог и так наложил на меня достаточно всяких наказаний. Он сказал, что в таком случае сомневается, что я исповедовался искренне.

— Можно подумать, что у него есть причины для сомнений...

Он почти умоляюще смотрел на нее.

— Я не могу разобраться во всем этом, — сказал он. — И нельзя сказать, что я не хочу. Когда речь заходит о Божественном прощении, я могу сказать лишь то, что Бог печется только о своих святых, которые в чем-то уподобляются ему. Ведь даже в своем последнем походе, по пути домой из Гардарики, король Олав был достаточно мстителен: это ясно видно по его обращению с Йокулем Бордссоном. Я же не полагаюсь больше ни на самого себя, ни на Бога, ни на священников, — добавил он.

Сигрид слышала о Йокуле. После бегства Олава он увел королевский корабль к Хакону ярлу. И когда он попал в руки короля на Готланде, тот предал его мучительной смерти. Она подумала, что ей

следует изложить Кальву свои собственные мысли о короле Олаве, но она решила, что это бесполезно.

— Ты говорил об этом со священником Энундом? — спросила она.

Он кивнул.

— Редко я видел его таким раздраженным, — сказал он. — Он сказал, что для того, чтобы получить отпущение грехов, я должен верить в то, что Господь хочет простить меня. Он говорил что-то о жертве Христовой, что-то из Ветхого и Нового заветов, но я этого не понял. Но он заявил, что, по его мнению, Бог может простить грехи даже в смерти, если человек искренне раскаивается, исповедуется и получает отпущение грехов. Бог готов был простить самого Иуду, если бы тот попросил Его об этом, сказал Энунд.

Немного помолчав, Кальв вдруг вспыхнул:

— Проклятый Финн! У него была возможность сделать для меня добро, убив меня в Стиклестаде; почему именно он заступился за меня? И теперь мне приходится нести бремя вины, которой я не понимаю и от которой не могу освободиться.

Сигрид удивленно уставилась на него; она не понимала, причем здесь Финн. И когда она спросила его об этом, он ничего не ответил.

Она сидела и размышляла о том, что сказал Энунд.

— Ты совсем не Иуда, — сказала она наконец. — И я думаю, что ты ошибаешься, считая, что Бог преследует тебя. Возможно, все как раз наоборот, Бог и конунг Олав были расположены к тебе, постоянно давая тебе возможность искупить свои грехи. Эльвир как-то сказал мне, что искупление грехов проистекает от любви Бога; это своего рода дар. Но я поняла, что он имел в виду, не сразу, а только после того, как почувствовала тяжесть вины.

Тебе не следует бояться искупления, Кальв, не следует бежать от него, как от наказания. Тебе нужно считать это благословением.

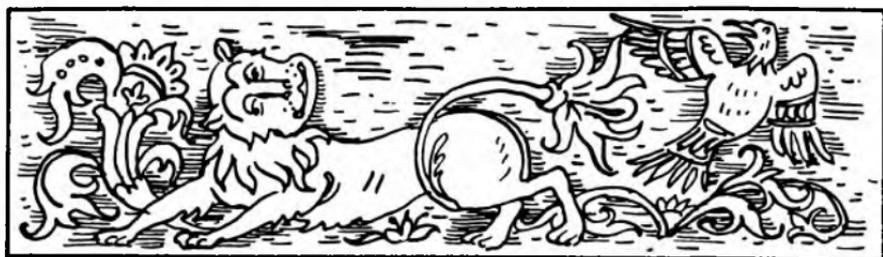
И внезапно она прижалась щекой к его щеке.

— Не так уж трудно поверить в то, что Бог хочет простить тебя, если мы оба можем прощать друг друга, — сказала она.

Он ничего не ответил, только тяжело вздохнул.

И ей показалось в трепещущем свете свечи, что с лица его исчезла горечь. Теперь на лице его была написана лишь глубокая грусть.

На следующий день Кальв отплыл на двух кораблях; хёвдингом на одном из них был Финн Харальдссон из Гёврана.

Лето было хорошим.

Цвели и зеленели леса и рощи; сено, конопля, лен и хлеб были высокими и сочными. Но Сигрид это не радовало.

Тронд вернулся домой. Он вернулся в начале лета, когда солнце уже припекало, пробуждая жизнь на полях и лугах, в лесах и на пустошах. И он сошел на берег со своего корабля, высокий и серьезный, в белой рясе ирландского священника.

— Тебя не радует то, что я стал священником? — спросил он мать, когда они направились во двор и он уже поздоровался со всеми своими знакомыми.

— Тебе это может помешать, — медленно произнесла она, — если ты надумаешь жениться.

Глаза его сверкнули, и он принялся хохотать.

— Ты совсем не изменилась, мама, — сказал он. — Ты ведешь себя так же бесстыдно, добиваясь своего!

— Кто хочет знать, тот спрашивает, — сухо ответила она.

Он снова расхохотался.

— Раз уж ты спрашиваешь, я скажу тебе: жениться я не собираюсь.

Она ничего не ответила; она сидела в зале и озиралась по сторонам: этот новый зал построил еще Эльвир... впрочем, он теперь уже не был таким новым, с тех пор прошло пятьдесят лет...

Она вдруг почувствовала усталость. Ей больше не хотелось говорить с ним об этом; к тому же в зале было полно народу.

Она спрашивала его об Икольмкилле, Россе и Торсе, она узнала, что прошлой осенью у Суннивы родилась дочь и что все у нее хорошо. Они передавали ей привет и звали в гости.

Он говорил также и с Торфинном ярлом, после того, как ярл вернулся из Рима. Торфинн получил отпущение всех своих грехов — а

их было немало, подчеркнул Тронд — и теперь намерен построить церковь Христа на острове Биргис. Он целиком поглощен планами строительства, добавил Тронд.

Вечером следующего дня Сигрид пошла с сыном осматривать усадьбу.

Она показала ему могильные курганы предков, сказала, кто из них лежит и какую жизнь прожил. Они заходили с ним в каждый дом, и она говорила, когда и кем он был построен. Она рассказала ему о Тронде Крючке и его роде, и о роде Эльвира — роде Ладе ярлов. И, рассказывая ему об этом, она удивлялась, насколько живым все это было для нее.

Ей казалось, что она сама себя поймала на слове; нашла, наконец, свои корни в этой усадьбе, обрела свое прошлое.

Тронд говорил мало; ему хотелось сначала выслушать ее.

Наконец они пришли к старому залу; она специально сделала так. И, стоя под закопченным потолком, глядя на почетное сидение, на котором так часто сидел Эльвир, а до него — его предки, она долго собиралась с мыслями.

— Тронд, — сказала она наконец, — наверняка ты дал клятву Богу. И я не хочу принуждать тебя отречься от твоего призвания служить ему. Но ведь есть же и женатые священники! Ты последний в своем роду. Ты не можешь, не должен дать своему роду умереть! Подумай о своих предках, лежащих здесь, отцах и сыновьях, начиная от первого поселенца, жившего так давно, что мы даже не знаем его имени, и кончая твоим отцом. Ведь ты унаследуешь после Кальва усадьбу. Неужели все их усилия и все надежды на продолжение рода останутся бесплодными?

Но ей казалось, что сын ее холоден, как снег, в своей белой одежде и бесконечно далек от нее.

— Я думал об этом, — сказал он. — Почему ты думаешь, я до сих пор этого не сделал?

Она стояла перед ним, чувствуя, как в прежние времена, свою связь с этой усадьбой, с этой землей и ее животворящим теплом; чувствуя, что теперь проживет в мире оставшиеся ей дни в Эгга, видя, как все вокруг растет, как приходят в мир новые поколения... И вслед за тем все превратилось для нее в сплошную боль. Этот

человек, бывший ее сыном, стоял перед ней, в белой одежде, считая себя вправе прекращать существование рода во имя своего призвания.

Все внутри нее кипело. И она вдруг поняла, что ненавидит этого сына, стоящего перед ней во всем своем холодном высокомерии.

Она должна была переубедить его, должна была сделать так, чтобы он все понял.

И она начала говорить с ним — сначала спокойно. Но когда это не помогло, она стала упрашивать его, потом угрожать. В конце концов она совершенно вышла из себя; она кричала ему о продолжении рода Ладе, о том, что он рожден для того, чтобы править Норвегией.

И тогда он повернулся и ушел. И она, рыдая, опустилась на пол возле почетного сидения, прислонившись к одному из столбов.

Сигрид надеялась, что придет день, когда она снова почувствует себя в Эгга как дома. И вот такой день пришел, но он не принес ни радости, ни мира.

После того, что произошло с Трондом, она вела непрерывную борьбу между любовью к своей усадьбе и роду, с одной стороны, и долгом перед Богом, с другой. Она почувствовала лишь мрачную растерянность, впервые увидев, как ее сын служит мессу в церкви Эгга.

И она думала о том, как воспримет все это Кальв, когда вернется домой; это будет для него тяжело, тем более, что у него много своих трудностей.

Кальв постоянно присутствовал в ее мыслях; и она думала о том, что ей следует сказать и что сделать, когда он вернется, чтобы убедить его в Божьей милости.

Но теперь она меньше, чем когда-либо, была расположена убеждать его в этом; ей было стыдно оттого, что она пыталась отвлечь Тронда от его призвания, соблазняя властью и славой. И в то же время она испытывала горечь оттого, что он не желал слушать ее.

Она понимала, что в ее отношении к Богу была фальшь; фальшь была в ее отношении к королю Харальду и Кальву, присягнувшему королю на верность; но больше всего фальши было в ее отношении к Тронду. Ей казалось, что она обнаружила какую-то пропасть в самой себе. И ей было стыдно оттого, что Тронд это тоже видел.

В день летнего солнцеворота корабль Кальва вернулся в Эгга.

Дозорный тихо вошел и сказал, что видит корабль.

— На корабле разбита палатка, — сказал он.

Сигрид не ответила. Она знала, что это означает. И она послала за Трондом, который был в церкви.

И они вместе спустились вниз, чтобы встретить корабль.

Сигрид казалось, что она идет, как во сне. Сотни раз она ходила этим путем. Но теперь все плыло у нее перед глазами, теперь она думала только о том, что спускается на пристань, чтобы увидеть труп.

Когда они подошли, корабль уже причалил, и на пристани стоял гроб. Не отрывая от него глаз, она думала о том, кто в нем лежал.

Она пыталась утешить себя мыслью о том, что он обрел теперь Бога. Но она с безграничным ужасом осознавала, что Кальв наверняка не обрел ни мира, ни спасения души.

При мысли об этом у нее темнело в глазах, и она вдруг почувствовала, что должна увидеть его, должна рассмотреть его застывшие в момент смерти черты: нет ли в них хоть проблеска надежды.

Она не отдавала себе отчета в том, что делает: опустилась перед гробом на колени, хотела сорвать замки...

Но тут она почувствовала, как кто-то с силой взял ее за плечи; это был Тронд.

— Мама, не делай этого! — воскликнул он.

И тут она услышала еще один знакомый голос, но не могла понять, кто это говорит:

— Сигрид, ради Бога, он погиб более двух недель назад!

Она отчаянно сопротивлялась, когда оба они оттащивали ее в сторону, а потом видела, словно в тумане, как мужчины подняли гроб и понесли его на вершину холма.

Она почувствовала крепкие руки Тронда, поднимавшие ее с земли, а потом ведущего ее той же тропинкой к дому.

С другой стороны от нее тоже кто-то шел; медленно повернувшись, она увидела, что это Финн Арнисон.

Она не знала, как добралась до дома. Она видела только гроб, который несли впереди них; один из мужчин споткнулся, и она услышала, как труп Кальва глухо ударился о стенку. Она задрожала.

Они пришли во двор; она видела вокруг себя серьезные, печальные лица людей, обращенные к ней.

Ей казалось, что все эти взгляды проникают в нее, требуя от нее, чтобы она держалась, держалась стойко.

Это была ее дворня, ее люди; они имели право ожидать от нее, чтобы она вела себя достойно: как дочь и вдова хёвдинга. Они ждали от нее распоряжений.

Она глубоко, прерывисто вздохнула, все еще опираясь на руку Тронда. Но, вздохнув еще, она почувствовала себя увереннее; в конце концов она отпустила руку сына, выпрямилась и произнесла ясным голосом:

— Завесьте стены коврами в новом зале! — сказала она служанкам и, повернувшись к Харальду Гуттормссону, сказала: — Внесите гроб и разошлите весть по всей округе, что в течение трех дней в Эгга будет справляться тризна.

В тот же вечер Кальв был похоронен на церковном кладбище в Эгга. Он лежал у восточной стены церкви, как это и подобало лендману.

Но сразу после похорон Финн Арнисон отозвал в сторону Сигрид и Тронда.

— Кальв погиб в результате измены, — сказал он. — Харальд послал его на берег с небольшим количеством людей, обещая вскоре придти на помощь. Но сам оставался на борту корабля до тех пор, пока не уверился в том, что Кальв погиб. И только тогда он высадился на берег и обратил датчан в бегство.

Сигрид окаменела.

— В результате измены... — медленно повторила она, с трудом сдерживая себя. — Ты думаешь, он сам это понял?

— Я не знаю, — ответил Финн. — Почему ты об этом спрашиваешь?

Но вместо ответа она снова спросила:

— Как он выглядел, когда его нашли?

— Ты имеешь в виду раны?

— Нет, — ответила она. — Я имею в виду выражение его лица.

— Этого я не помню, — ответил он. — Ты задаешь такие странные вопросы! Он умер от удара копьем.

— Он умер сразу или спустя некоторое время?

Лицо Финна сморщилось.

— Он умер не сразу, — ответил он.

— Тебе есть за что отомстить, — сказал он, обращаясь к Тронду. И в подтверждение своих слов положил руку на окровавленную туннику Кальва, которую привез с собой; она лежала рядом с ним на скамье.

Тронд сидел и молчал; потом без слов указал на свою белую рясу. Финн нетерпеливо мотнул головой.

— Сбрось с себя эту бабью одежду, ты, мужчина, — сказал он. — Я слышал, ты хорошо владеешь мечом, когда захочешь.

Но Тронд покачал головой.

— Я больше не возьму в руки меч, — сказал он.

— Никогда не думал, что настанет время, Тронд, когда мне придется подстрекать тебя претендовать на наследство рода Ладе! — воскликнул Финн, буравя его глазами. — Но поскольку ты сидишь тут в юбке и отказываешься отомстить за своего приемного отца, то, мне кажется, я должен напомнить тебе, какая кровь течет в твоих жилах. Твои предки покраснели бы от стыда за тебя. Докажи им, что они ошибаются, что ты как-никак мужчина! Поедем со мной в Данию, к Свейну Ульвссону! Мы будем вместе сражаться против Харальда Сигурдссона и его лжи — и победим его! И когда мы одержим победу, править Норвегией снова будет Ладе ярл!

Лицо Тронда стало почти таким же белым, как его ряса.

— За кого ты меня принимаешь, думая, что я нарушу клятву, данную Богу? — воскликнул он.

— Хорошенько заплатив, ты получишь в Риме отпущение грехов, — сухо заметил Финн. — Ты ведь, как священник, знаешь об этом?

Тронд опустил глаза.

— Да, — сказал он, — этого нельзя отрицать.

На лицо его набежала тень; и Сигрид казалось, что она спускается вниз, грозя оставить след на его белой рясе.

— Возможно, тебя будут называть королем, — продолжал Финн, искоса глядя на Тронда. — И если ты, будучи королем, захочешь служить своему Богу, ты сможешь сделать это лучше, чем разгуливая здесь, в Эгга, в этой юбке.

В глазах Тронда Сигрид заметила блеск. Она видела подобный блеск в глазах мужчин, когда разговор заходил о власти и славе; она

знала это на примере Кальва, когда он был могущественным человеком в Норвегии и хотел обладать еще большей властью. Кальв, лежащий теперь на кладбище... Возможно, он так и не обрел покоя в святой земле...

Эта жажда власти привела его к гибели.

— Тронд! — вдруг с тревогой воскликнула она. — Ты не должен, не должен жертвовать блаженством своей души ради власти!

Оба повернулись к ней.

— Ты! — бросил ей в лицо, словно плевок, Финн Арнисон. — Ты толкнула на смерть двух сыновей, чтобы отомстить за Эльвира, настроила Кальва против святого короля, вынудила его покинуть страну и, возможно, явилась причиной его смерти, — и после этого ты осмеливаешься говорить такое? За Эльвира ты готова была отомстить, ты была словно валькирия. Ты считаешь, что Кальв недостойн, чтобы за него мстили?

Сигрид вдруг почувствовала себя усталой, бесконечно усталой, словно она жила уже тысячу лет.

— Я уже насмотрелась на месть, — с тяжелым вздохом произнесла она. — Я уже насмотрелась и на жажду власти, а также на те несчастья, которые она влечет за собой. Поезжай в Данию, Тронд! Мсти, завоевывай себе имя ярла или короля, я не стану удерживать тебя! Но только знай, что путь, который ты выбрал, никогда не приведет тебя ни к миру, ни к счастью. Потому что цель всегда будет отдаляться от тебя; и тебе будет казаться, что ты сможешь достичь ее, завоевав себе чуть больше богатства, чуть больше власти. И удача, за которой ты погонишься, станет для тебя тем карающим мечом, который обрушит на тебя вечное проклятие.

Она встала, чтобы уйти; они сидели в маленькой келье Энунда. Никто не остановил ее, и она направилась на кухню, взглянуть, как там дела.

В этот вечер она больше не говорила с Трондом. И у нее было столько дел, что не было времени ни о чем думать, и она радовалась этому. Тем не менее, ей показалось странным, что его не было за ужином.

Но Финн Арнисон был, хотя и разговаривал с Сигрид только ради приличия. И при первой же возможности он отправился спать.

И по мере того как люди расходились, Сигрид чувствовала, что ее мысли заволакивает, словно густой туман, отчаяние. Она даже не осмеливалась думать о предстоящей ей одинокой ночи, не зная, что ей делать.

Священник Энунд не уходил; и было ясно, что он ждет, что она попросит его поговорить с ней наедине. Но она не стала это делать; она не знала, что она может сказать ему о Кальве или о Тронде. Тем не менее, она пыталась удержать его, бессвязно говоря с ним о ничто не значащих вещах, и ушла только после того, как он заснул на скамье.

Она вышла из зала. Ночь была светлой, и она постояла немного во дворе; она все еще не осмеливалась пойти в спальню. Вместо этого она направилась в церковь.

Она остановилась на пороге; внутри слабо горела свеча, и ей пришлось подождать, пока глаза привыкнут к полутьме. И она отпрянула назад, различив в темноте фигуру, стоящую на коленях перед алтарем, уткнувшись лицом в земляной пол. Но она тут же узнала, кто это, и из груди ее вырвался долгий, прерывистый вздох, и она не был уверена в том, что это вздох облегчения.

Она пробралась в темноте на свое обычное место и перекрестилась, прежде чем стать на колени.

Мысли и чувства ее сливались в единый поток, бурлящий, словно Скарнстрёммен в половодье. Но все-таки взгляд ее с неодолимой силой притягивала к себе фигура перед алтарем. Она подумала, что он стоит так на коленях с тех самых пор, как они говорили с Финном Арнисоном, и что пора бы ему уже подняться.

Она встала, подошла к нему и положила руку на его плечо.

Он повернулся к ней с таким видом, словно хотел стряхнуть с себя ее руку. И она оставила его в покое, вернулась на свое прежнее место. Но вскоре после этого он встал, зажег светильник на хорах и направился к ней; он сел на сидение, на котором раньше сидел Кальв.

Она стояла на коленях, но с его приближением поднялась, и он взял ее за руку.

— Ты снова отправила меня в Икольмкилл, мама, — сказал он.

Она не поняла, что он имеет в виду.

— Ты собираешься уехать туда? — спросила она.

— Нет, нет. Я имею в виду то, что ты направила меня на верный путь, когда я был в опасности. И Господь благословит тебя за это!

Она не ответила. Но она видела, куда направлен его взгляд; он смотрел на изображение Иоанна, по-прежнему, как и во времена Эльвира, висящее на хорах. Он заметил, что и она смотрит туда же, и повернулся к ней.

— Мне кажется, я вижу отца на этой картине, — сказал он. — И я думаю о том, что он говорил тебе о Божественной любви.

Сигрид глотнула слюну; она вспомнила, что сама как-то раз увидела Эльвира в изображении Иоанна. Но то был совсем другой случай.

— Отец, будь он жив сегодня, гордился бы тобой, — продолжал Тронд, — когда ты добровольно отказалась от своих надежд на продолжение рода ради того, чтобы спасти меня от греха.

Она опустила глаза.

— Я не понимаю, как это у меня получилось, — сказала она.

Некоторое время он сидел молча; пальцами правой руки он гладил резьбу на подлокотнике: это был дракон; но взгляд его при этом был устремлен к алтарю.

— Сегодня вечером я повторил мою клятву священника здесь, в церкви, — сказал он. — Теперь я знаю наверняка, что именно этого я и хочу.

Некоторое время она удивленно смотрела на него.

— Как ты мог стать священником, если сам не был уверен в себе? — наконец спросила она.

Он по-прежнему сидел и гладил пальцами резного дракона.

— Ты казался непоколебимым в своей решимости, — продолжала она.

— Возможно, я прикрывал этим свою неуверенность, — сухо заметил он. Но потом добавил: — Прости меня, мама, что я был так жесток с тобой, когда ты говорила о продолжении рода, и что я притворялся. Просто я еще не был настолько уверен в себе, чтобы говорить с тобой об этом.

— По-моему, ты сказал, что уже обдумал все.

— Я достаточно продумал все, чтобы знать, как следует поступать, — сказал он, — но этого было недостаточно для того, чтобы осуществить это на деле.

Она опять с удивлением посмотрела на него, и он нетерпеливо мотнул головой.

— Ты, должно быть, поняла, что я был в Икольмкилле не только для того, чтобы служить Господу, — сказал он.

— Нет, — ответила она, — я так не думала.

Некоторое время он сидел молча, глядя прямо перед собой.

— Выполнив наложенное на меня наказание, я остался там ради знаний, — сказал он. — Я уже рассказывал тебе, что мне казалось, будто я открыл для себя новую жизнь; и мне захотелось исследовать ее. Вскоре я заметил, что учеба дается мне легче, чем остальным; очень быстро я освоил письменность. А потом пришла жажда соперничества, и я стал бороться при помощи слова, как раньше я орудовал мечом — и это оказалось не менее увлекательным занятием. И когда аббат сказал, что мне нужно стать священником, я сначала не принял его слова всерьез. Передо мной была вся жизнь, и мне не хотелось лишаться ее ради того, чтобы читать молитвы.

В первое лето, когда я вернулся домой из монастыря, я даже ходил вместе с Кальвом викингом, хотя и знал с детства, что это дурно. И я не получал особой радости от этих походов, сначала ощущая в себе жажду крови и буйства, а потом раскаиваясь в этом. В конце концов я стал бояться самого себя; жажда крови непрерывно усиливалась во мне, доводила меня до крайних жестокостей, отвращая меня — как это когда-то было с моим отцом, когда он был еще язычником, — от жизни викингов. И все закончилось тем, что я вернулся к монахам.

Я пробыл в Икольмкилле более года, когда вера всерьез стала овладевать мной. Удивительно жить в таком окружении; через некоторое время тебя начинает интересовать то, что интересует остальных. Может быть, это Бог объединяет всех...

Спустя некоторое время я понял, что воля Бога действительно состоит в том, чтобы я стал священником. Монахи были правы: я должен был выполнить желание отца служить Богу; я должен был использовать Богом данные мне способности, чтобы возвеличить Его. Иначе зачем же Он послал меня в Икольмкилл?

Но стоило мне покинуть монастырь, как уверенность моя пропала, и даже в самые просветленные моменты я не испытывал особого желания следовать своему призванию.

Помолчав, он продолжал:

— Богу известно, какую борьбу я вел все эти годы. И когда я принял сан священника, я сделал это главным образом потому, что понимал, что если покину Икольмкилл непосвященным, то священника из меня никогда не будет. И я чувствовал, что для церкви это будет большая потеря, чем для меня самого...

— И что же теперь? — спросила она после некоторого молчания.

— Теперь я понимаю, что играл с огнем, — ответил он.

Он быстро повернулся к ней — и он улыбался.

— Да будет благословенна твоя честность! — сказал он. — Энунд сказал как-то, что самое трудное для священника, это заметить свои собственные ошибки, поскольку никто не осмеливается поучать его. Но у меня есть ты, и я могу быть на этот счет спокоен.

— Ты думаешь остаться в Эгта? — спросила она.

— Все зависит от епископа, — ответил он. — Я не привязан к монастырю в Икольмкилле. Энунду требуется помощь, и я вполне могу служить мессу. К тому же мне может понадобиться совет такого опытного священника, как он, — добавил он и, немного помолчав, продолжал: — Я начинаю наконец понимать, как велика разница между знанием и мудростью, между ученостью и верой... — он снова замолчал, но потом сказал: — Стоя сейчас на коленях перед алтарем, я понял, что сам был одним из тех, о ком писал святой Григориус: эти люди с большим рвением изучают духовное, но тут же, в своей собственной жизни, топчут все, что узнали.

— Все это не так легко, — задумчиво произнесла Сигрид. — Даже когда человек желает жить согласно своим убеждениям, очень часто все получается как раз наоборот.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

— Бывало так, что мне казалось, будто передо мной разверзлась небо, — пояснила она, — и я чувствовала, что мое единственное желание — подчинить свою волю Богу. Но ты сам видишь, какой упрямой я бываю в жизни. И я чувствовала, что во мне есть величайший из всех даров: способность любить самоотверженно; но в жизни оказывается всегда так, что мое собственное высокомерие затмевает все.

Он сидел неподвижно, взгляд его был прикован к алтарю.

— Люди, созданные властвовать, благодаря своей способности к пониманию... — медленно произнес он, — ... люди соблазняются, словно Люцифер, собственным блеском и величием...

Она смотрела на него, не совсем понимая, о чем он говорит.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Он повернулся к ней.

— Я вспомнил одну песнь, прославляющую Господа, — сказал он. — Ту, которую сочинил святой Коломб, основатель монастыря в Икольмкилле.

Понимание приводит к опасным соблазнам. Человек опьяняется своей ученостью, словно вином, и начинает думать, что знает все. Человек забывает о том, что если он хочет найти Божественную истину, он должен искать ее в смирении, готовый учиться чему-то у других, готовый признавать свои ошибки.

Он замолчал, но, видя, что Сигрид тоже молчит, продолжал:

— Богу известно, что я не в состоянии нести то бремя, которое несут монахи святого Коломба: никогда не поступать, не говорить и не думать в соответствии со своими желаниями. Но только сегодня я узнал, как мало я продвинулся по пути смирения и покорности, на который они наставляли меня.

Она ничего не ответила на это, но ей в голову пришла другая мысль:

— Раз уж ты не привязываешь себя к Икольмкиллу и собираешься остаться здесь, то я совершенно не понимаю, почему ты не хочешь жениться.

— Дорогая, милая мама! — с улыбкой произнес он, но тут же стал серьезным. — Не думай, что у меня не было такого желания. Но я считаю, что принял верное решение, а этот соблазн я надеюсь с Божьей помощью преодолеть.

Ничего не ответив, она только тяжело вздохнула.

После этого он начал спрашивать ее о Кальве, о его пребывании в Эгга и его отъезде. Сначала она пыталась говорить спокойно, но потом заплакала. И, не отдавая себе в этом отчета, она стала изливать свою душу перед этим человеком, который был для нее одновременно и сыном и священником, — все свои печали, свою вину и раскаянье.

И когда она замолчала, он, ничего не ответив ей, принялся молиться. И она заметила, как взволнованно дышит, повернувшись к ней.

— Бог есть любовь, — сказал он. — Всегда есть надежда на Его милость.

Он прикрыл на миг ладонью глаза, а потом произнес глухим голосом:

— Никогда я не смогу расплатиться с Кальвом за то, что он сделал для меня, никогда не смогу отблагодарить его...

На следующий день Финн Арнисон отбыл из Эгга.

Он в спешке покинул страну; ему нестерпимо было видеть бабу, восседающую на хозяйском месте его брата. Он сказал, что сожалеет о том, что состоит с Трондом в родстве. После разговора в доме Энунда он почти не разговаривал с Трондом. Но когда Сигрид проводила его до корабля, он заговорил с ней.

— Я понимаю, что ты сейчас не в себе, — сказал он. — И это понятно. И мне остается лишь надеяться, что рано или поздно ты образумишься. И тогда поговори с Трондом и скажи ему, что я жду его в Дании.

— Ты отправляешься туда? — спросила Сигрид. И его слова показали ей ответом призрака.

— Король изменил мне, — сказал он, — и он не может ожидать от меня, что я буду служить ему как раб. Я плохо поступил, спасая королевский титул Харальда после гибели Эйнара Тамбарскьелве. Для всех нас было бы лучше, если бы он был изгнан тогда из страны. К тому же я не могу сидеть, сложа руки, когда долгом моим является месть за Кальва. Иначе люди подумают, что я хитростью заманил его в ловушку; всем известно, что когда-то я желал его смерти.

Немного помолчав, он пристально посмотрел ей в глаза и сказал:

— Если даже Кальв и говорил, что я намеревался предать его, это ложь! Я никогда не выступал против него без причины. И я докажу, что ставлю память о нем гораздо выше, чем... чем это делают другие.

Она молча отвернулась от него. Он тоже отвернулся. Потом с горечью произнес:

— Эйнар был хитрейшим из всех хёвдингов; он понимал, что быть другом короля Харальда так же опасно, как быть его врагом. Он вел большую игру, завоевав расположение бондов и настроив их против конунга, пытаясь с помощью власти достичь того, чего не мог добиться добром. Он погиб, но погиб с честью. А я, считавший себя другом Харальда, остался в дураках.

Сигрид ничего на это не ответила; ей казалось равно неуместным и признавать его правоту, и перечить ему. И тут она вспомнила о том, что раньше хотела узнать у него.

— Есть ли кто-то еще из этой местности, кто погиб вместе с Кальвом? — спросила она.

— Я не знаю, — ответил он. — Я покинул это место, как только получил разрешение от короля отвезти Кальва домой. А впрочем, подожди... Да, я знаю одного: это Финн Харальдссон, друг Кальва.

Сигрид вздохнула. Хотя ее собственная скорбь была велика, она все же подумала об Ингерид.

Он протянул ей руку, перед тем, как подняться на корабль.

— Прощай, Сигрид, — сказал он. — Возможно, мы увидимся, если твой сын отправится ко мне в Данию.

Через три дня после похорон Кальва Тронд Эльвирссон вступил во владение Эгга. И он решил, что его хозяйским местом будет не почетное сидение в новом зале, а место, на котором восседали его предки в старом зале.

Он не давал многочисленных и громких обещаний.

Он говорил о своих предках, которые были жрецами в Мэрине; о том, что желание его отца стать священником выросло из этого темного язычества. И он выразил надежду, что исполнил волю отца на небе, став — будучи священником — хозяином Эгга.

Он сказал, что единственным его обещанием будет выполнить волю отца.

И когда он поднес к губам рог, Сигрид почувствовала, как ее переполняет гордость за сына. Но эта гордость смешивалась с горечью по поводу того, что он, скорее всего, будет последним в своем роду.

Однажды осенью Сигрид поднялась на холм Эгга; она искала одиночества, как это часто бывало с ней после смерти Кальва.

Скорбь подобна стреле, сказал ей когда-то Сигтрюгг Шелковая Борода, и тот, кто пытается остановить стрелу в полете, бывает ранен. Когда же ей предоставляют лететь своим путем, она в конце концов впиивается в землю, никому не причиняя вреда.

В последние месяцы она часто думала об этом.

Когда тризна была закончена и она осталась наедине с собой, она не стала подавлять в себе скорбь. Она жила с этой скорбью и продолжала жить ею.

Когда-то она думала, что сама чем-то напоминает морские водоросли, и прежние мысли часто всплывали в ее памяти в эти месяцы. И она не противилась им, предоставляя приливам и отливам жизни уносить себя, отдаваясь целиком в руки Господа.

«Ты должна научиться ждать», — сказали ей когда-то давным-давно Хильд дочь Инге на Бьяркее.

Картины детства и юности всплывали в ее памяти в эти месяцы. Она видела перед собой людей, которых когда-то знала. И стоило ей подумать о Турире, как он появлялся перед ее мысленным взором: седоволосый человек, отправляющийся в паломничество в Иерусалим; это был тот самый Турир из Бьяркея, молодой и сильный. И ее дети, те, что умерли, и те, что были живы, тоже являлись ей совсем маленькими.

Вместе с ними приходило сожаление; сожаление о том, что она так много не успела сделать для них.

Но мысль о Кальве затмевала все.

Она думала, снова и снова, пока мысли ее не начинали вертеться по кругу, как бы она могла спасти его. Она думала о своей вине и о его собственной вине — и все это переплеталось в ее мыслях в единый, запутанный клубок.

Она говорила об этом с Энундом и с Трондом; и оба сказали, что ей нужно надеяться на любовь и милость Бога. И Тронд без конца молился за Кальва. Но ни то, ни другое не давало ей полной уверенности в том, что душа Кальва обрела мир.

И все же у нее оставалась надежда; надежда на то, что он понял измену короля, понял, что вина его полностью искуплена этим, поскольку он сам, считавший себя изменником, погиб в результате измены, и что в смерти своей он наконец увидел, как Бог снимает с него вину, которой он сам не понимал.

Она пыталась утешить себя этим, вспоминая слова Финна о том, что, получив смертельную рану, Кальв еще некоторое время был жив.

Она думала о словах Энунда, сказанных им когда-то Эльвиру: что Бог никогда не предаст тех, кто действительно ищет Его. И ей хоте-

лось верить, что Кальв по-своему искал Бога. Она утешала себя словами Сигтрюгга Шелковой Бороды о том, что Бог простирает свою руку над теми, кого использует в качестве своего инструмента. Она пыталась предоставить себе измену короля Харальда в виде знаменения Господа; утешала себя тем, что святой Олав, своим знамением спасший душу Турира, наверняка захочет спасти и душу Кальва.

Но в этой жизни она не могла быть полностью уверена в этом.

Ей так не хватало Кальва; вначале ей была невыносима даже мысль о том, что рядом с ней никогда не будет больше близкого человека, некому будет согреть ее.

Теперь, оглядываясь назад, она считала даже, что последнее время, когда он пил, было для нее счастливым; да, она тосковала даже о прежних тревогах.

Но, поднявшись на вершину холма, она поняла, что самая горькая скорбь уже позади. В ее душе загорелась надежда.

Она почувствовала, что никогда не сможет преклонить в церкви колени, если будет жить с сознанием того, что Кальв осужден на вечное проклятие. И пламя надежды разгоралось в ней все сильнее и сильнее, обещая обретение полного мира в душе.

И, опустившись на землю и глядя на Иннерей, она начала, наконец, думать о будущем.

Тронд прочно обосновался в Эгга. День ото дня он все больше и больше отдавал себя прихожанам. Она даже пожаловалась Энунду, что ее сын больше внимания уделяет другим, чем ей. Но Энунд напомнил ей, что Тронд пытается следовать за Господом, который сам покинул свою мать, заявив, что всякий, кто нуждается в Его помощи, будет для него матерью и братом. Сигрид уже начинало казаться, что она потеряла сына, хотя он и жил с ней в одном доме.

Ее не окружали, как Ингерид из Гьеврана, внуки и правнуки; она не видела продолжения своего рода и постоянно горевала об этом.

— Все должно идти своим чередом, — сказала Ингерид. — Одни умирают, другие рождаются, одно поколение сменяет другое. Мы проживаем свою жизнь, делаем свое дело. И если Богу угодно, мы рано уходим из этой жизни. Ты слишком много думаешь, Сигрид.

Сигрид понимала, что та по-своему права; ведь теперь, оглядываясь назад, какую пользу она видела в своих размышлениях? Пару раз

ей казалось, что небо открывается перед ней. Но после того, как увидишь свет, тьма кажется еще более непроглядной, и человеку лучше от этого не становится.

Ей казалось теперь, что вся ее внутренняя борьба, все ее размышления были просто хождением по кругу: были возвращением к тем простым вещам, о которых говорил священник Йон и о которых всегда знала Ингерид. И теперь она была разочарована. Она вспомнила, как впервые поднялась на башню — это было в Англии. Круг за кругом, она поднималась по крутым, узким ступеням, сама не зная, ради какого удивительного зрелища одолевает всю эту крутизну. И когда она поднялась на самый верх, оказалось, что она находится на том же самом месте, только обзор стал шире.

И все-таки в самом чувстве возвращения домой было что-то обнадеживающее — хотя одновременно и разочаровывающее. И она удивлялась, неужели повседневный покой — это и было то, к чему она стремилась в этой жизни? Что если мир и счастье, проблески которых она изредка видела, были недостижимы для нее на земле и только усиливали ее тоску по небу и по Богу?

И она подумала, что Ингерид из Гьеврана куда ближе к Богу, чем она сама; возможно, ближе, чем Хелена в своей келье.

Ведь чем больше Сигрид думала о Хелене, тем больше она осуждала ее за то, что та покинула своих детей. В течение всего года ее пребывание в Эгга она сама пыталась заниматься детьми Хелены. И она радовалась, видя, как грусть постепенно исчезает в их глазах; теперь дети чувствовали, что о них кто-то заботится.

Сидя на холме, она чувствовала, как ее наполняет тепло при мысли о той любви, которую проявляли к ней дети Хелены после смерти Кальва; эта любовь давала ей новую жизнь.

И в то же время она ощущала тревогу: ей казалось, что она не осмелится начать все с начала, занять свое место в новой жизни, с ее печалью и радостями.

Над фьордом нависали облака; пробивавшиеся сквозь них солнечные лучи падали полосами на поверхность воды — и море отливало золотом, слепило глаза. И далеко вдаль, возле пролива Скард, над самой водой лежала голубоватая дымка.

Сигрид мысленно продвигалась через пролив Скард и Трондхеймский фьорд к морю, туда, где в лучах заката сверкала земля обетованная, сверкала и ослепляла своей небесной голубизной. Казалось, вся земная тоска сливается в этой голубизне — тоска по сияющей Вечности.

Ее мысли летели через море, в Торсу, к Сунниве. Там были ее внуки, и она думала, увидит ли она их когда-нибудь.

Возможно, это случится раньше, чем она думает, решила она вдруг; может быть, король отберет у Тронда Эгга. Но она гнала прочь эти мысли. Так открыто король не мог признать свою измену.

Наверняка она больше никогда не увидит Сунниву и ее детей. Не увидит остров Росс, не увидит моря...

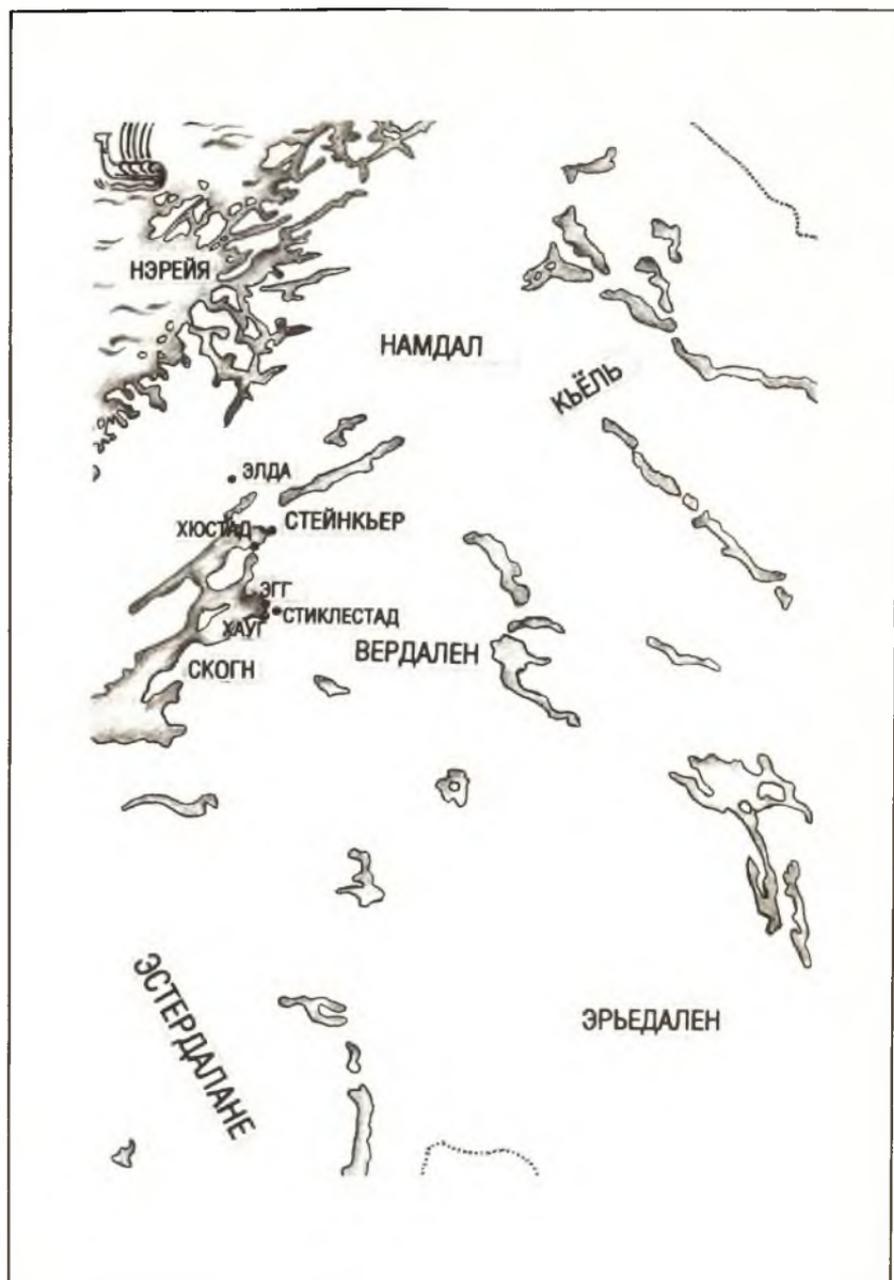
Сидя так, она думала, что ей хотелось бы крепко-накрепко врасти в землю Эгга, словно могучее дерево: менять свой облик от весны к лету, от осени к зиме; тосковать, сомневаться, верить, надеяться, молиться; уходя корнями в землю и протягивая свои ветви к небу, с осыпающейся и распускающейся вновь листвой... И чтобы в ветвях всегда шумел ветер — ветер, приносящий вести с моря.

И мысли ее возвращались к этому снова и снова: земля, тоска, надежда...

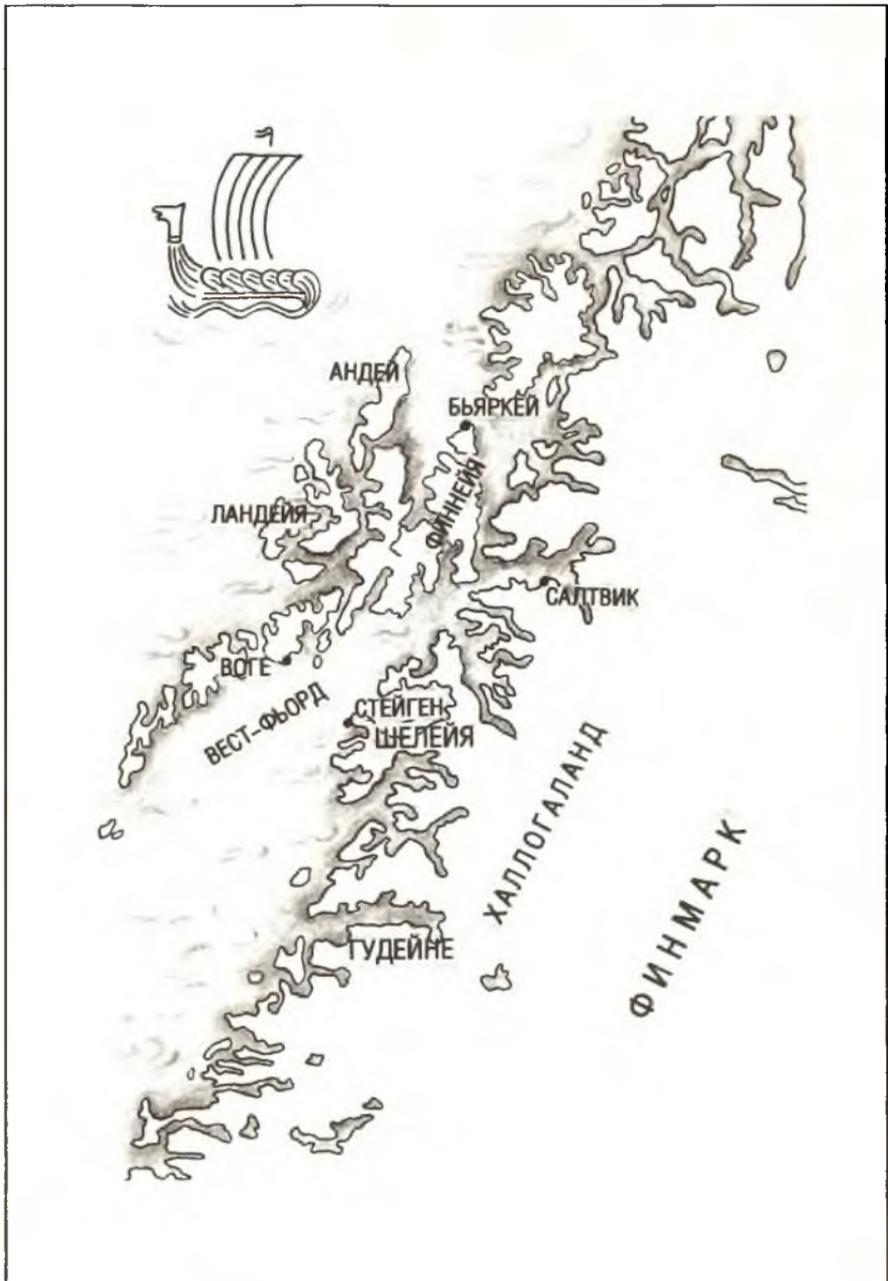
Надежда ни милость Бога.

КАРТЫ НОРВЕГИИ XII – XIII вв.

Карта 1. Трэнделаг.

Карта 2. Север Норвегии.

СВЯТОЙ ОЛАВ
ВЕРА ХЕНРИКСЕН
Знамение
Святой Конунг

Редактор
Н. Будур

Художественный редактор
Т. Хрычева

Технический редактор
Н. Привезенцева

Корректор
Н. Варягина

Компьютерная верстка
Е. Фунтовой

ЛР № 030129 от 23.10. 96 г.
Подписано в печать 04.03.97 г. Уч.-изд. л. 31,81. Цена 25 300 р.
Цена для членов клуба 23 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб.,
18/1, а/я 27.

Святой Олав

С24 Хенриксен В. Знамение; Святой конунг / Пер. с норвежск. О. Дуровой,
Б. Злобина. — М.: ТЕРРА, 1997. — 544 с.: ил. — (Викинги).

ISBN 5-300-01043-X

В сборник вошли две последние части трилогии известной норвежской писательницы Веры Хенриксен о конунге Олаве, жестоком викинге и ревностном христианине, ставшем одним из самых известных святых не только на Севере, но и в Европе.

Первая часть трилогии опубликована в томе «Девы битвы» (серия «Викинги»).

УДК 82/89
ББК 84 (4 Нр)

В серии

vikings

вышли:

Королевское зеркало

Мечи Севера

Девы битв

Хёвдинг Нормандии

Рьжий Орм

Тризна по женщине

Гроза Византии

Гарольд Английский

Русь и норманны

Вильгельм Завоеватель

Винланд

Конунг

Норманны в Византии

Эрик сын человека

Фритьоф Смелый

Фантастическая сага

Корни Иггдрасиля

Наследие конунгов

Вышли из печати:

«КОРНИ ИГГДРАСИЛЯ»

«Боевые раны до костей, праздничные здравицы допьяна, струны, лопающиеся под рукой всплывшего певца, кольчуга, разрывающаяся от порывистого дыхания разгневанного витязя...

Бесстрашное, презирающее смерть мужество, суровая доблесть и бодрая жизнерадостность; миросозерцание в высшей степени положительное и деятельное; и как идеал посмертного блаженства — не туманные чертоги расплывчатого созерцательного рая, а крытая золотыми щитами Валгалла, где властитель богов наделяет своих избранников добрым оружием и ежедневно водит их в битву, чтобы после жаркого боя вернуться в светлый чертог для веселого пира, для жен и мудрых бесед...» («Старшая Эдда»)

Таким был мир викингов, такими были и их предания, песни о богах и героях, хвалебные песни...

В очередной том нашей серии вошли лучшие образцы литературы «эпохи викингов» — избранные песни «Старшей Эдды», отрывок из «Младшей Эдды», некоторые саги и пряди об исландцах и, конечно, скальдическая поэзия.

Издание рассчитано на широкого читателя и снабжено комментариями.

vikings

Викингс

Вышли из печати:

«КОНУНГ»

В последней четверти XII века в Норвегии начинается период «гражданских войн», период глубокой внутренней распри.

В 1163 году в стране был принят закон о престолонаследии, и королем стал Магнус, сын ярла Эрлинга Кривого, которого поддерживали знать и высшее духовенство.

Права Магнуса на престол были весьма сомнительны, ибо его отец породнился с родом королей, женившись на дочери Сигурда Крестonosца.

Основным противником Магнуса стал самозванец Сверрир, который объявил себя сыном конунга Сигурда сына Харальда и внуком Магнуса Голоногого.

В результате длительной и кровопролитной войны Сверриру удалось завоевать престол в стране.

Талантливый военачальник, искусный политик, дальновидный государственный муж, конунг Сверрир сумел продержаться на троне двадцать пять лет.

В 1202 году он неожиданно умер.

В этот том вошли две первых части трилогии «Конунг» известного писателя, классика современной норвежской литературы Коре Холта, который, опираясь на материалы древней «Саги о Сверрире», сумел создать волшебную картину северного средневековья...

vikings

Вышли из печати:

«НАСЛЕДИЕ КОНУНГОВ»

Один из самых драматичных в истории Норвегии периодов — эпохой «гражданских» войн и «самозванничества» (XI—XII вв.).

В стране было два конунга — Сверрир и Магнус, причем первый имел на престол права весьма сомнительные.

Сверрир возглавлял войско биркебейнеров (букв. «березовоногие»), которые получили это прозвище за то, что пообносившись за время скитаний в лесах, завертывали ноги в бересту.

Против сторонников Сверрира выступали кукольщики (или плащевики) и посошники.

Кукольщики приверженцев Магнуса называли из-за плаща без рукавов и с капюшоном, которые носили духовные лица, которые, в основном, и противились власти Сверрира.

Епископ Никлас даже собрал против самозванца войско, получившее прозвание посошники (от епископского посоха).

Об этом периоде и о борьбе за власть после смерти Сверрира пойдет речь в этой книге.

В том вошли заключительная часть трилогии Коре Холта «Конунг» и роман Харальда Тюсберга «Хакон. Наследство».

vikings

«Можно было подумать, что небо упало на землю, что поля и леса куда-то исчезли, что стихии сошлись на борьбу и весь мир должен погибнуть. Воздух потемнел от стрел и дротиков. Пар из ран, как облако, закрыл небо».

Саксон Грамматик

«Началась ужасная резня, точно волки набросились на стадо, к которому они подкрались, назамеченные пастухами. Как нападают эти хищники на овец и баранов и рвут их в клочья, так эти варвары неистово устремились на толпу бедных христиан...»

Роберт Вас

Впервые в мировой книгоиздательской практике «ТЕРРА» издает серию «Викинги», в которой представляет литературные произведения, повествующие о славных подвигах и приключениях морских разбойников Средневековья.

